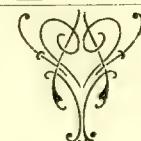

РУССКАЯ СТАРИНА

ФЕОДОРОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1914.

Ф. ВОЛКОВ.
СУМАРОКОВ.
КОКОРИНОВ.
БОРТНИАСК.
ДЕРЖАВИН.
КУЛИБИН.
ГОЛ. КУТУЗОВ.

ТАТИЩЕВ.
ШЛЕЦЕР.
ГЕРАД. МИЛЛЕ.
М. ЩЕРБАТОВ.
БОЛТИН.
ВИЗИН.
РАДИЩЕВ.

СПЕРАНСКИЙ.
КАРАМЗИН.
МОРДВИНОВ.
КРЫЛОВ.
ЕРМОЛОВ.
ГРИБОЕДОВ.
ПУШКИН.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РНЛ. А. БРИЖЪ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1914.

АПРÈЛЬ.—МАЙ.—ЮНЬ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLV-й.

АПРѢЛЬ.

1914 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I.	Статьи, подлежащія на- печатанію въ 1914 году.	
II.	Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европей- скимъ столицамъ пе- редъ войной 1877— 1878 г.г. (Съ примѣч. П. Д. Воѣкова). Гр. Н. П. Игнатьева.	4—19
III.	Страница семейной хроники Вячеслава Шахматова	20—34
IV.	Записки графа Н. П. Игнатьева о его пребы- вани въ Константино- полѣ въ 1864—1874 г. В. Тимошукъ	35—47
V.	Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитину, подъ ред. и съ прим. В. Яковлева	48—59
VI.	Борьба съ антихри- стомъ подъ городомъ Тирасполемъ. В. Слу- чевскаго	60—67
VII.	Лирика Е. А. Боратын- ского. М. Л. Гофмана.	68—77
VIII.	Окдеветанный сатирикъ. А. Е. Кауфмана	78—84
IX.	Изъ семейной хроники. Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877— 1878 г.г. А. П. С.	85—119
X.	Освобожденіе Скальда. Скандинавская по- вѣсть. Н. Лернера	120—127
XI.	Воспоминаніе обухари- ныхъ. В. Лѣсницкой	128—138
XII.	Изъ воспоминаній ста- раго казанскаго сту- дента. И. В. Мѣца- ниова	139—145
XIII.	Петръ Великій лѣкарь. Сообщ. д-ръ Л. Про- зоровъ	146—148
XIV.	Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи на- полеоновскихъ войнъ. М. В. Станислав- скаго	149—158
XV.	Инженер-генералъ бо- рисъ Антоновичъ Шва- небахъ. А. Е. К.	159—169
XVI.	Дневникъ мирового по- средника Александра Андреевича Половцова. Сообщ. А. А. По- ловцова	171—172
XVII.	Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Аль- бовскаго	173—204
XVIII.	Письмо А. І. Іевреиново- ва о сооруженіи памят- ника побѣдамъ Румян- цева при Ларгѣ и Ка- гуль. Александра Іевреинова	205—206
XIX.	Изъ записной книжки «Русской Старинѣ»: а) Изъ далекаго прошлаго. Сообщ. В. П. Федо- ровъ	176
	б) Буйство иноземца въ г. Вологдѣ. Сообщ. Ив. Суворовъ	200
	в) Сто пятьдесятъ четыре человѣка потомства священника. Сообщ. З. И. Тюменъ	207—208
	г) Выписка изъ «Синодика	
	или заповѣди святого	
	и великаго Никейскаго	
	собора». Сообщ. С.	
	Фарфаровскій	209—211
	XX. Книги, вышедши по исторіи и исторіи лите- ратуры съ 12-го февр. по 6-е марта 1914 г.	211—216
	XXI. Библиографический ли- стокъ (на обложкѣ).	

Приложения: Портреты: Михаиль Евграфович Салтыковъ (Щедринъ) и 2 портрета
къ статьѣ „Страница семейной хроники“ Вячеслава Шахматова:
1) Прасковья Ивановна Шахматова и 2) Маргарита (Матрена) Ивановна Безобразова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 87-66.

Библіографіческій листокъ.

Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ Доминиканскаго ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Историч. очеркъ. Оренб., 1913.

Весьма обстоятельный очеркъ жизни хорошаго человѣка и недюжинного общественнаго дѣятеля. Ксендзъ Зеленко (1797 — 1860) оставилъ въ оренбургскомъ краѣ неизгладимую добрую память какъ энергичный благотворитель и разносторонній культурный рабочий. Извѣстный ориентавистъ В. В. Григорьевъ писалъ о немъ: „Зеленко повсюду одинаково дѣлая возможное для него добро, усердивая всѣмъ и каждому, и результатомъ было то, что онъ сдѣлался популярнѣйшимъ человѣкомъ въ краю съ четырьмя миллионами народонаселенія и сохранилъ эту все возраставшую популярность до самой кончины... Зеленко знали повсюду въ краю и повсюду любили: знали и любили не одни сильные міра сего, но и меньшая братія, и меньшая братія еще болѣе, чѣмъ старшая... Его можно было встрѣтить везде, где люди страдали и нуждались въ утѣшениѣ или помощи... Столь памятный Оренбургу 1848 годъ, когда холера свирѣпствовала здѣсь съ ужасающей яростью, когда некому было не только лѣчить заболевавшихъ, но и хоронить умершихъ, показалъ, что Зеленко былъ не только добрый въ высшей степени человѣкъ, но и герой самоотверженія“.

М. О. Ковалевскій. Древній Востокъ и первобытная Греція. 2-ое и исправл. изд. Казань 1914.

Нынѣшняя программа гимназического преподаванія исторія стремится, по выражению объяснительной записки, прежде всего внушить учащимся „ощущеніе жизни“. Только тогда, когда на ученика повѣтъ ея подлиннымъ дыханіемъ, онъ станеть охотно и плодотворно усваивать знанія и ему „остальное приложится“. Это основное требование вызвало къ жизни учебники нового типа, съ значительнымъ уклономъ отъ прежней сухой прямолинейности въ сторону эстетизма и вообще картиности. Однимъ изъ лучшихъ подобныхъ руководствъ по курсу третьяго класса гимназии является книжка г. Ковалевскаго. Она построена схематично, написана живо, иллюстрирована безъ лишней несгроты, но старательно и съ полнымъ соотвѣтствиемъ тексту.

П. Дульскій. Памятники казанской старины. Изд. С. В. Соломина. Казань 1914.

„Постараемся“ — говоритъ авторъ — „воспроизвести былую Казань на основаніи уцѣльвшихъ памятниковъ старины, раскопаемъ въ архивахъ рядъ старинныхъ, полуистѣвшихъ гравюръ, хранящихъ тайны прежнихъ вѣковъ, и прислушаемся къ говору этихъ графическихъ сказаний, ревниво оберегающихъ сказочный міръ отлетѣвшаго времени. Подойдемъ поближе къ забытой и разрушаемой старины, полюбимъ по типу ея кра-

КЪ СВѢДѢНІЮ ГТ. ПОДПИСЧИКОВЪ И КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ, ПРИНИМАЮЩИХЪ ПОДПИСКУ.

Редакція журнала «Русская Старина» доводить до свѣдѣнія, что съ 1-го янва-ря будущаго 1915 года, подписная цѣ-на на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи вмѣсто 9-ти руб-лей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.

Книгопродавцамъ, принимающимъ под-писку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ под-писной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
въ Историческомъ Журналѣ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Ф. Кони.—„Изъ воспоминаний и замѣтокъ судебного дѣятеля“. „Житейскія встречи“. Дневные записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царя Алексія Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. С. Е. О.—„Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ о взятии Парижа“. „Письмо Императрицы Маріи Феодоровны“. П. А. Зотова.—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.“. Записки Н. В. Исаакова.—„Военные дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ“. Г. И. Бобрикова.—„Воспоминанія. Е. С. Шумигорского“. „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I“. „Смольный монастырь“. „О запискахъ Екатерины II“. А. З. Попельницкаго.—„Специальная цензура книгъ“. П. К. Козлова.—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ“. А. М. Колонтай.—„Записки генерала М. А. Домонтовича“ П. Л. Юдина.—„Посольство Марини къ шаху Аббасу“. „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ“. А. С. Панкратова.—„Старообрядцы и Наполеонъ I“. В. А. Андерсона.—„Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг.“ И. К. Полеваго.—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г.“ (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). Сообщ. Е. С. Шумигорскій.—„Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года“. „Изъ записокъ гр. Ф. И. Головкина“. „Разсказы современниковъ обѣ Императорѣ Павлѣ I“. Н. А. Вилламова.—„Дневникъ статѣ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. С. Н. Брайловскаго.—„Александръ Федоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ“. А. С. Лацинского.—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году“. В. А. Арсеньева.—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову“. Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. П. А. Висковатова.—„Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу“. И. В. Мѣщанинова.—„Два письма Аракчеева“. И. П. Мордвинова.—„Гибель крамольного рудомета“. „Демократъ двадцатыхъ годовъ“. „Непризнанный гений“ Ф. П. Уловича.—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожский“. Н. А. Мурзанова.—„Къ биографіи декабристовъ“ (кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Луниной). В. Дометти.—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ“. Н. П. Хитрово.—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году“. М. В. Безобразовой.—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. В. А. Степанова.—„Таинственный преступникъ“. А. М. Самбурекаго.—„Очерки изъ семейной жизни“. Владиславлева.—„Подонки родины“. С. В. Танѣева.—„Курьезы старой Москвы“. З. А. Слезкинскай.—„Неудачная опека“. С. С. Чеха.—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты“. М. В. Станислаевскаго.—„Э. Ф. Направникъ“. С. Н. Введенскаго.—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ“. „Демонскіе лики въ Рязани“. Т. М. Оленикова.—„Черомонахъ Юрьевы монастыря Платонъ и его рукописи“. Е. С. М.—„Депутатъ отъ Россіи“. И. Ф. Мельницикаго.—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну“. Д. М. Лаврова.—„Углицкій ссыльный колоколь“. И. И. Морозова.—„Люди и нравы за полвѣка“. Б. В. Каходекаго.—„Дневникъ М. И. Каходекаго о походѣ 1814 г.“ Е. К. Андріяшевой.—„Воспоминанія старого педагога“. Воспоминанія Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа И. П. Игнатьева о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографический Отчетъ Портъ-
Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствие въ залѣ засѣданій стенографовъ, официаль но допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Издание будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ЦЯТИ выпускахъ по подпись и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпускъ—стоимость ихъ будеть увеличена.

Подпись принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Нового Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

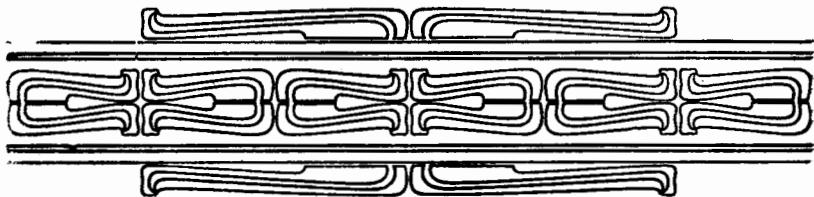
За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будуть напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилий и названий мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по прорѣзѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждого выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографический Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Михаилъ Евграфовичъ
САЛТЫКОВЪ. (ЩЕДРИНЪ).

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹⁾.

(Съ примѣчаніями П. Д. Войкова)²⁾.

Нѣкоторые посланники, аккредитованные при дворахъ, которые мнѣ пришлось посѣтить, отнеслись къ моему прїездѣ съ самаго начала холодно и подозрительно, а графъ Шуваловъ не дождался даже моего отѣзда изъ Петербурга, чтобы самимъ рѣшительнымъ образомъ выразить свое отрицательное отношеніе къ моей поѣздкѣ въ Лондонъ. Въ отвѣтъ на телеграмму канцлера, извѣщавшую его о рѣшеніи русскаго Императора, русскій посланникъ въ Лондонѣ отвѣтилъ нижеслѣдующей телеграммой:

„Лондонъ, 17/28 февраля. Ваше сіятельство также какъ и мой коллега, надѣюсь, считаете меня неспособнымъ руководствоваться личными побужденіями, когда дѣло идетъ о существенныхъ нашихъ интересахъ. Я передалъ содержаніе вашей телеграммы Салисбюри, который умоляетъ, чтобы Игнатьевъ не прїезжалъ въ настоящую минуту. Это вызвало бы внезапный поворотъ общественного мнѣнія въ Англіи, оживило бы тайныя симпатіи къ туркамъ и увеличило бы затруднительное положеніе министерства (?) и Салисбюри; первый министръ отнесся бы къ намъ враждебнѣ (!), его коллеги—недовѣрчивѣ, и послѣдствія этого оказались бы въ декабрѣ. Салисбюри хотѣлъ бы (?), чтобы я встрѣтился съ Игнатьевымъ на континентѣ и по возвращеніи передалъ бы ему объясненія Игнатьева“³⁾.

¹⁾ Въ марковской книжѣ на стр. 491 четырнадцатая строка сверху вкраилась опечатка, напечатано: „Айгунскаго“, а надлежитъ читать „Некинскаго“. *Ред.*

²⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1914 г.

³⁾ Графъ Шуваловъ объявилъ маркизу Салисбюри о моемъ прїездѣ въ такихъ выраженіяхъ, что у него получилось впечатлѣніе, будто графъ

Эта телеграмма была получена въ Петербургѣ въ моментъ моего отѣзда. Императорскій кабинетъ былъ до того озадаченъ ю, что въ Петербургѣ едва не отказались отъ мысли о моей дипломатической поѣздкѣ, о которой уже была оповѣщена вся Европа. Пожалуй, дѣйствительно было бы лучше отказаться отъ нея, нежели ставить русскаго посла въ двусмысленное положеніе, созданное тѣмъ воинственнымъ политическимъ теченіемъ, которое министерство иностранныхъ дѣлъ никогда не умѣло ни обуздать, ни направить какъ слѣдуетъ. Было ясно, что решеніе вопроса зависѣло всецѣло отъ Лондона и что было совершенно бесполезно заинтересовывать прочіе кабинеты въ проектѣ протокола, коль скоро онъ могъ быть отвергнутъ, и повторять такимъ образомъ исторію съ берлинскимъ протоколомъ.

Императоръ вызвалъ меня къ себѣ такъ, какъ я былъ, въ дорожномъ костюмѣ, сообщилъ мнѣ содержаніе телеграммы Шувалова, и въ отвѣтъ на мои слова, что, предоставивъ себя всецѣло въ распоряженіе Его Величества, я отнюдь не имѣю особенного желанія подвергать себя непріятностямъ, которыя сулить мнѣ эта поѣздка, и что можетъ быть было бы лучше возложить это порученіе на кого-нибудь другого, напр. на Валуева или на самого Шувалова, императоръ приказалъ мнѣѣхать, разрѣшивъ однако испросить по телеграфу позволеніе отправиться въ Англію, если бы въ Парижѣ оказалось, что этого требуютъ обстоятельства. Я повиновался, но, ревностно исполняя возложенное на меня порученіе, я съ этой минуты уже не ожидалъ отъ него благопріятнаго результата, если не считать того, что императорскій кабинетъ могъ, такимъ образомъ, скорѣе отдѣлаться отъ циркуляра князя Горчакова.

Съ самаго моего прїезда въ Берлинъ для всѣхъ было ясно, что точка зрѣнія, которую отстаивалъ, въ своихъ личныхъ цѣляхъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ, была ошибочна. При первомъ же свиданіи со мною, Бисмаркъ заявилъ, что ему извѣстно, „что я неѣду въ Лондонъ, вслѣдствіе возраженій, сдѣлан-

во что бы то ни стало хотѣлъ помѣшать прїезду своего коллеги въ Англію; это говорила мнѣ въ Парижѣ маркиза, его супруга. Маркиза Салисбюри провела въ Парижѣ два дня вмѣстѣ со мной и моей женой, приглашала насъ отъ имени своего мужа въ Лондонъ и была съ нами въ высшей степени любезна. Что касается поворота въ общественномъ мнѣніи Англіи, которымъ запугивалъ насъ гр. Шуваловъ, то это было бы для насъ все-же благопріятнѣе, нежели создавшееся тамъ настроеніе.

Прим. авт.

ныхъ Шуваловымъ; становясь на нашу точку зре́ния, онъ очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ вся трудность вопроса заключалась въ положеніи, занятомъ англійскимъ кабинетомъ, а протоколъ не могъ бы быть подписанъ, если бы Биконсфильдъ и Салисбюри не изъявили на это своего согласія“.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ германскимъ канцлеромъ, Салисбюри вернулся изъ Константинополя какъ нельзя лучше настроенный по отношению къ намъ и къ христіанамъ, но онъ скоро подмѣтилъ, что „теченіе, поддерживаемое Биконсфильдомъ“, имѣло несравнено болѣе вліянія на торійскую партію, нежели онъ предполагалъ; это открытие заставило его измѣнить свой взглядъ и согласовать, въ интересахъ партіи, свои поступки и слова съ тѣмъ, что говорилъ первый министръ во избѣжаніе разногласій въ кабинетѣ.

Бисмаркъ понималъ, что мое появленіе поставило бы Салисбюри въ неловкое положеніе, такъ какъ ему пришлось бы вступить въ пререканія со своими коллегами, чтобы оправдать свою подпись подъ актами, выработанными на конференціи, а также нравственныя обязательства, принятые имъ по отношению ко мнѣ. Было ясно, что въ интересахъ нашей политики слѣдовало заставить Салисбюри поступить именно такъ, а не облегчать ему перемѣны, которой добивался Биконсфильдъ¹⁾. Со времени закрытія конференціи наша задача все болѣе и болѣе осложнялась.

¹⁾ Биконсфильдъ (Бенджаминъ Дизраэли, лордъ Beaconsfield, виконтъ Гугенденъ)—знаменитый англійскій государственный дѣятель и писатель, род. въ Лондонѣ въ 1804 г. Въ началѣ русско-турецкой распри Биконсфильдъ—былъ совершенно готовъ выступить въ пользу Турціи съ оружиемъ въ рукахъ. Но въ этомъ ему помѣшала могущественная оппозиція, организованная предводителемъ либераловъ Гладстономъ противъ англо-турецкаго союза. Тѣмъ не менѣе, своимъ угрожающимъ положеніемъ относительно Россіи и поданной Турціи тайной надеждой на поддержку Англіи, онъ много содѣйствовалъ неуспѣху европейской конференціи въ Константинополѣ и началю военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей. По закрытіи сессіи 1876 г., чувствуя себя по преклонности дѣть неспособнымъ къ дальнѣйшему предводительству въ нижней палатѣ, Б. сложилъ съ себя эту обязанность и былъ возведенъ въ званіе виконта Гугенденъ и графа Б. Во все время войны онъ сохранилъ нейтралитетъ, не скрывая однако своихъ симпатій къ туркамъ. Когда же война окончилась въ пользу Россіи и турки обратились къ посредничеству Англіи, онъ принялъ вызывающее положеніе, послалъ въ январѣ 1878 г. военный флотъ въ Дарданеллы и, по заключеніи Санть-Стефанскаго договора, многие существенные пункты котораго ему хотѣлось измѣнить, призвалъ къ оружію резервы и вызвалъ въ Мальту 7.000 индійскихъ войскъ (апр. 1878).

П. В.

Обмѣнявшись со мною визитами и встрѣчаясь затѣмъ со мною въ обществѣ, англійскій посланникъ не разъ упрекалъ меня за то, что я не ѿхалъ въ Англію, и говорилъ съ сожалѣніемъ о впечатлѣніи, которое это „изъятіе“ произведетъ на общественное мнѣніе его страны. Онъ былъ увѣренъ, что мои личныя сношенія съ англійскими министрами не только не помѣщали бы успѣху соглашенія и заключенію мира, къ чему я видимо стремился, а, напротивъ, облегчили бы достиженіе желаемой цѣли и могли бы даже привести къ полному единодушію въ Восточномъ вопросѣ. На его незаслуженные упреки, что я пренебрегаю интересами дѣла, въ которыхъ я совершиенно ясно даю себѣ отчетъ, я отвѣтилъ, какъ я и писалъ о томъ князю Горчакову въ письмѣ отъ 22 февраля (6 марта), что первоначально я намѣревался проѣхать изъ Берлина въ Лондонъ, чтобы посовѣтоваться съ окулистомъ Либреихомъ¹⁾, котораго мнѣ рекомендовалъ Одо Руссель, но такъ какъ, судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи, и принявъ во вниманіе, что мой прїездъ совпадалъ бы съ преніями въ парламентѣ по Восточному вопросу, я полагалъ, что мое присутствіе могло стѣснить министровъ и въ особенности Салисбюри, я счелъ долгомъ отказаться пока отъ этой поѣздки. Одо Руссель оспаривалъ это предположеніе, какъ ни на чёмъ ни основанное, и приводилъ доводы, противъ которыхъ ничего нельзѧ было возразить. Онъ не соглашался съ тѣмъ, что конференція была неудачна. Дипломаты и общественное мнѣніе Европы не знаютъ Турцію такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ говорилъ онъ, и не вѣрятъ правдивости того, что утверждается Россія, считая ея мнѣніе „пристрастнымъ“. Благодаря Константинопольской конференціи и многочисленнымъ документамъ, которые были предъявлены мною и переданы моимъ коллегамъ, истина выяснилась и отнынѣ кабинеты уже не могутъ игнорировать ее. Кромѣ того, благодаря личному знакомству великобританскихъ и русскихъ уполномоченныхъ, неожиданно создалась почва для взаимнаго пониманія. На мое замѣчаніе, что получалось впечатлѣніе, будто Порта „выставила Европу за двери“ и что если это пройдетъ безнаказанно, то

¹⁾ Чтобы не придавать моей поѣздкѣ особенного значенія, императорскимъ кабинетомъ было решено, что я поѣду подъ предлогомъ посовѣтоваться съ известными окулистами, а правительство, воспользовавшись этимъ, поручитъ мнѣ дать руководителямъ кабинетовъ нѣкоторыя объясненія, которыхъ могли облегчить рѣшеніе вопроса въ желательномъ для всѣхъ смыслѣ.

Ает.

турки осмѣлѣютъ и ринутся какъ безумные въ пропасть, счи-
тая себя всемогущими, посланникъ возразилъ, что державы
боятся прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ изъ опасенія,
что это можетъ повлечь за собою разгромъ оттоманской импе-
ріи и никто не будетъ знать, чѣмъ ее замѣнить. Когда я упо-
мянулъ обѣ автономіи христіанскихъ народностей, великобритан-
скій посланникъ выразилъ сомнѣніе, чтобы она могла упроч-
иться и чтобы эти народности могли сохранить независимость
по отношенію къ сосѣдямъ.

„Мы не прочь, чтобы оттоманская имперія продолжала су-
ществовать на Босфорѣ, но подъ условіемъ, чтобы христіан-
ское населеніе не было истреблено, чтобы оно могло жить по-
человѣчески, подъ управлениемъ турокъ“, сказалъ я послан-
нику, присовокупивъ, что, становясь на точку зрењія руссо-
фобскихъ тенденцій, я не понимаю, какъ соперничающіе съ
нами кабинеты не хотятъ содѣйствовать упроченію автономіи
христіанскихъ народностей, которыхъ обладаютъ всѣми данными,
чтобы образовать самобытную національную индивидуальность,
и неизбѣжно займутъ со временемъ мѣсто турокъ на Балкан-
скомъ полуостровѣ. Славянъ разъединяетъ ихъ узкое націо-
нальное соперничество, которое проявляется у нихъ несравненно
сильнѣе, нежели у народовъ латинской и германской расы.
Они не выказываютъ ни малѣйшаго стремленія къ объединенію,
каждый народъ въ отдѣльности оберегаетъ свою независи-
мость. Свойственный имъ, къ сожалѣнію, духъ соперничества и
обособленности, который разъединяетъ зачастую даже членовъ
одной семьи, гарантируетъ безопасность западной Европы; между
тѣмъ она судитъ о стремленіяхъ славянъ по примѣру Италии и
Германіи, не принимая во вниманіе того, что характеръ, исто-
рія и политические идеалы славянъ совершенно не сходны съ
идеями, имѣющими преобладающее значеніе у германскихъ и
латинскихъ народовъ.

Я горячо оспаривалъ въ своихъ бесѣдахъ съ великобритан-
скимъ посланикомъ проектъ, который англійскій кабинетъ ви-
димо намѣревался поддерживать, а именно, чтобы Портъ дали
годъ на проведеніе реформъ въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ:
доказывалъ, напротивъ, что всѣмъ великимъ христіанскимъ держ-
жавамъ необходимо держаться въ Турціи однообразнаго, энергич-
наго образа дѣйствій, угрожая прибѣгнуть къ мѣрамъ понуж-
денія, которыхъ могли снести достоинство Европы, безнаказанно
попираемое турками, и что это избавило бы насъ отъ необхо-
димости самостоятельно вести войну, которой не желалъ ни

императоръ и ни одинъ изъ его представителей, но которая могла вскорѣ быть навязана намъ событиями и нашей обязанностью оказать покровительство христіанамъ-единовѣрцамъ, а также желаніемъ заключить, наконецъ, прочный миръ съ союзной державой.

На другой день послѣ моего первого разговора съ англійскимъ посланникомъ (т. е. 23 февраля), я услыхалъ изъ устья князя Бисмарка подтвержденіе того, какое неблагопріятное впечатленіе произвело на представителей Англіи исключеніе Лондона изъ моего маршрута, вызваннаго завистью графа Шувалова.

Англійскій посланникъ посѣтилъ канцлера съ цѣлью запросить его относительно его переговоровъ со мною и его дальнѣйшихъ намѣреній. Онъ не скрылъ отъ князя Бисмарка своей тревоги по поводу того, что бывшій посланникъ Россіи въ Константинополѣ выражалъ, какъ утверждали, нежеланіе посѣтить Англію; онъ видѣлъ въ этомъ „заднюю мысль и желаніе изолировать Великобританію“, заключивъ между пятью континентальными кабинетами соглашеніе, изъ коего была бы исключена Англія, которой принадлежала інициатива созыва конференціи.

По словамъ Бисмарка, онъ успокоилъ англійскаго посланника, ознакомивъ его съ содержаніемъ протокола (не сообщая ему однако полнаго его текста) и удостовѣривъ, что единственной цѣлью моихъ переговоровъ съ нимъ было поддержать въ Европѣ миръ и согласіе, начало коимъ было положено на Константинопольской конференції. Кн. Бисмаркъ заявилъ англійскому посланнику, что Германія подпишетъ протоколъ безъ всякаго измѣненія и если, въ виду отсутствія единодушія, мы будемъ вынуждены обнажить мечь, то Германія „дастъ намъ на это свое благословеніе“, какъ бы считая насъ, въ дѣлахъ Востока, совершенно свободными отъ узъ, налагаемыхъ соглашеніемъ съ державами. Англійскій посланникъ будто бы поблагодарилъ Бисмарка, сказавъ, что онъ снялъ съ него большую тяжесть, и выразилъ свое искреннее желаніе, чтобы его правительство не выставило серьезныхъ возраженій противъ намѣченного нами образа дѣйствій.

Вотъ что я писалъ по этому поводу канцлеру изъ Парижа 1/13 марта: „Я имѣлъ честь извѣстить ваше сиятельство телеграммой отъ 22 февраля/6 марта о моемъ разговорѣ съ лордомъ Одо Русселеемъ, съ которымъ я встрѣтился въ день моего приѣзда въ Берлинъ и съ которымъ видѣлся съ тѣхъ поръ ежедневно.

Англійскій посланникъ, которому цѣль моего путешествія видимо была отчасти извѣстна, спросилъ меня съ первыхъ же словъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго раздраженія, почему я избѣгаю поездки въ Лондонъ. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе изолировать Англію. Я поспѣшилъ мотивировать свой маршрутъ извѣстной деликатностью по отношенію къ английскому министерству, котораго мое присутствіе въ данный моментъ могло склонить и даже поставить въ неловкое положеніе. Лордъ О. Руссель нѣсколько разъ горячо оспаривалъ эту точку зренія, настаивая на томъ, что мнѣ было бы полезно повидаться съ лордомъ Дерби¹⁾ и съ лордомъ Биконс菲尔домъ и что словесныя объясненія и разъясненія, которыя я могъ бы дать государственнымъ дѣятелямъ Англіи, произвели бы чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе страны. Не довольствуясь разговоромъ со мною, посланникъ запросилъ по этому поводу германскаго канцлера. Князь Бисмаркъ постарался разсѣять его опасенія и познакомилъ его съ содержаниемъ проекта протокола, которымъ онъ, по видимому, былъ удовлетворенъ. Судя по всему, посланникъ видимо желаетъ, чтобы его правительство присоединилось къ протоколу“.

Въ то время какъ эти переговоры происходили сперва въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, гр. Шуваловъ обсуждалъ, по своему собственному почину, съ лордомъ Дерби, въ Лондонѣ, вопросъ о демобилизаціи русской и турецкой армій и о редакціи протокола, опираясь на министерскій проектъ, посланный ему одновременно съ извѣщеніемъ о моемъ отѣздѣ изъ Петербурга. Онъ рѣшилъ помѣшать усиленному ходу моихъ переговоровъ и умалить въ глазахъ императорскаго правительства результаты, которые могли быть мною достигнуты, перенеся

¹⁾ *Derby* (Эдуардъ-Генри-Смитъ-Стэнли Earl of Derby)—англ. государственный дѣятель (1826—1893). Въ февралѣ 1868 г. онъ занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ же постъ онъ получилъ и въ новомъ консервативномъ кабинетѣ Дизраэли (1874 г.). Послѣдующіе годы были главною эпохой политической дѣятельности Д., который проявилъ большое миролюбіе и самостоятельность политическихъ убѣждений. Во время русско-турецкой войны 1877—78 г. онъ усиленно противодѣйствовалъ воинственнымъ замысламъ Биконс菲尔да, настаивая на томъ, что правительство не должно вмѣшиваться въ борьбу Россіи съ Турцией, пока не застронуты англійскіе интересы. Когда въ январѣ 1878 г. английскому флоту предписано было отправиться въ Дарданеллы, Д. подалъ въ отставку, но взять ее обратно въ виду отмены этого распоряженія. Послѣ заключенія Санть-Стефанскаго договора Биконс菲尔дъ принялъ рѣшеніе немедленно созвать резервы; но Д. призналъ эту мѣру преждевременной и 28 марта 1878 г. вышелъ въ отставку.

П. В.

центръ тяжести переговоровъ въ Лондонъ, откуда онъ хотѣлъ руководить нашей политикой по своему усмотрѣнію, путемъ устрашенія. Съ этой цѣлью онъ телеграфировалъ князю Горчакову 28 февраля/12 марта: „По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Берлина, русская армія не будетъ демобилизована¹⁾). Эти намеки вредятъ (его, Игнатьева) переговорамъ. Разрѣшаете ли мнѣ сказать, что армія будетъ демобилизована послѣ подписанія протокола и ежели Турція распуститъ свои войска. Англія было бы немыслимо подписать протоколъ, коимъ Портъ предлагалось бы увести ея армію и разоружить ее, если бы Россія сохранила въ то же время угрожающее положеніе“. Изъ этого видно, что русскій посланникъ въ Лондонѣ сталъ, съ самаго начала, на ложный путь и приносилъ достоинство Россіи въ жертву требованіямъ, которыя обусловливались парламентарнымъ строемъ Англіи.

Онъ долженъ бы былъ понять, что ежели Англія не могла подписать протоколъ, которымъ Порта ставилась въ низшее положеніе по сравненію съ нами, то Россіи морально было невозможно встать въ равныхъ условіяхъ съ Турцией въ вопросѣ, который затрагивалъ ея военную честь, и пожертвовать христіанами, отдавъ ихъ на добрую волю пашей. Такъ какъ по этому поводу нельзя было притти въ соглашенію, то лучше было устранить вопросъ о демобилизаціи, что я и предпочелъ сдѣлать.

Во время моего пятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ я находился постоянно въ сношеніяхъ съ лицами, стоявшими во главѣ посольствъ, аккредитованныхъ при Германскомъ дворѣ. Я говорилъ съ ними одинаково твердымъ миролюбивымъ и лояльнымъ языккомъ, но рѣшилъ обсудить вопросъ по существу съ самими руководителями кабинетовъ, не сообщая представителямъ державъ текста протокола. Болѣе обстоятельно я счелъ долгомъ высказаться только одному итальянскому посланнику въ виду того, что путешествіе въ Римъ, которое было мнѣ не по пути, могло не состояться, а мнѣ хотелось быть увѣреннымъ, что протоколъ будетъ принятъ Италией. Графъ де Лонэ, предупрежденный своимъ петербургскимъ коллегою о томъ, что „генералу Игнатьеву поручено повѣдѣть на кабинеты въ

¹⁾ Находя, что было бы унизительно и несогласно съ достоинствомъ Россіи допустить обсужденіе кабинетами вопроса о демобилизаціи русской арміи, я отказался, разумѣется, дать кому бы то ни было малѣйшее обѣщаніе на этотъ счетъ и даже совершенно уклонился отъ обсужденія этого вопроса.

Прим. авт.

смыслъ принятія ими русской точки зрѣнія на вопросъ“, носпѣшилъ переговорить со мною.

Такъ какъ для настѣ было весьма важно, чтобы итальянскій кабинетъ не былъ возстановленъ англійскими инсінуаціями противъ нашего проекта, и чтобы итальянскій посланникъ во Франціи получилъ своевременно разрѣшеніе обсудить со мною этотъ вопросъ, то я намѣтилъ въ бесѣдѣ съ графомъ де Лонэ, въ общихъ чертахъ, каковъ, по нашему мнѣнію, долженъ бы быть отвѣтъ кабинетовъ на циркуляръ князя Горчакова и какой текстъ протокола могъ бы быть подписанъ державами, чтобы завершить достойнымъ образомъ переговоры, происходившіе между ними по дѣламъ Востока.

Два дня спустя, итальянскій посланникъ увѣрилъ меня, что генералъ Чіальдини придетъ по этому вопросу со мною къ соглашенію и что хотя Римскій кабинетъ предпочелъ бы, чтобы я пріѣхалъ для личныхъ объясненій, но онъ не будетъ мнѣ помѣрою къ достижению общаго соглашенія.

Изъ чувства собственнаго достоинства и изъ осторожности я избѣгалъ, во время моей поѣздки, посѣщать представителей Отоманскаго правительства; но эти господа, по большей части лично мнѣ знакомые, не упустили случая побывать у меня и обмѣняться со мною мыслями. Повѣренный въ дѣлахъ Турціи, Турханъ-бей, первый просилъ позволенія дать Портѣ „дружескій совѣтъ“, какъ сей „выйти изъ настоящаго затрудненія“. Я отвѣтилъ ему то же, что говорилъ прочимъ турецкимъ дипломатамъ, съ коими я видѣлся во время моей поѣздки, а именно, что „если Порта хочетъ избѣжать конфликта, то она должна поспѣшить дать ¹⁾ объясненія по существу, которыя могли бы ослабить натянутое положеніе“.

Во время моего пребыванія въ Берлинѣ случилось два второстепенныхъ обстоятельства, которыя едва не создали мнѣ новыхъ затрудненій: одно изъ нихъ произошло изъ за недоразумѣній съ телеграммами и изъ-за чрезмѣрного желанія князя Горчакова приписать себѣ всю заслугу переговоровъ, дѣлая за счетъ другихъ и даже въ ущербъ дѣламъ Россіи видѣть, что онъ поступаетъ умно и осторожно.

Канцлеръ, считая меня человѣкомъ готовымъ итти всегда напроломъ, ищущимъ всегда ссоры, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, въ чемъ онъ успѣлъ убѣдить и петербургскіе салоны, вообразилъ, что я подалъ Бисмарку мысль, которая

¹⁾ Петербургскому кабинету.

была излюбленной темой самого князя Горчакова лѣтомъ 1876 г. и даже вплоть до самой конференціи, а именно—возвлодить на Россію выполненіе въ Турціи совмѣстнаго рѣшенія европейскихъ державъ и что я обсуждалъ съ германскимъ канцлеромъ вопросъ о послабленіяхъ, которыхъ могли быть сдѣланы Портѣ. Въ то же время князь Горчаковъ вообразилъ, что разрывъ между Франціей и Германіей былъ неизбѣженъ, и поспѣшилъ поэтому отправить въ Берлинъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы отъ 22 числа:

I. „Не слѣдовало бы возвращаться къ мысли дѣйствовать по полномочію; въ особенности не слѣдуетъ настаивать на этомъ; Это имѣло бы для насъ тѣ неудобства, коихъ мы хотимъ избѣжать добиваясь миролюбиваго рѣшенія вопроса.

II. Сожалѣли бы о разрывѣ Германіи съ Франціей, но никогда не подавали этой послѣдней надежды на какую-либо поддержку и не подадимъ ее впредь. Увѣрьте въ этомъ Бисмарка самымъ настоящимъ образомъ и соплитесь на лояльность нашего Августѣйшаго монарха. Желательно было бы знать болѣе опредѣленіо, какія именно военные и финансовые льготы Германія согласилась бы предоставить намъ. При тяготѣющихъ надъ нами громадныхъ издержкахъ, нельзя разсчитывать на то, что мы пойдемъ навстрѣчу Портѣ. Если ей нужны денежныя средства для ускоренія обѣщанныхъ реформъ, она должна искать ихъ въ разоруженії, въ особенности въ роспускѣ редифовъ. Ее разоряетъ и парализуетъ ея силы ея теперешнее военное положеніе“.

Такими общими мѣстами, передаваемыми по телеграфу, князь Горчаковъ воевалъ (какъ это часто съ нимъ случалось) съ вѣтряными мельницами. Желая прекратить эти волnenія канцлера я въ тотъ же день (22 февраля) (6 марта) поспѣшилъ отвѣтить: „Между мною и Бисмаркомъ не было и рѣчи о какихъ-либо льготахъ для Порты¹⁾. Бисмаркъ упомянулъ лишь о льготахъ дипломатического и военного характера, совмѣстимыхъ съ благожелательнымъ нейтралитетомъ, который Германія будетъ соблюдать по отношенію къ намъ, въ случаѣ нашей войны съ Турцией. (Очевидно, вопросъ объ этихъ льго-

¹⁾ Князь Горчаковъ очевидно перепуталъ разговоры, которые Шуваловъ велъ въ то время съ Дерби относительно льготы и отерочекъ, которыхъ могли быть даны Портѣ, съ обмѣномъ мыслей, происходившимъ между Бисмаркомъ и мною, практическое осуществленіе которыхъ зависѣло отъ дальнѣйшихъ требованій Петербурга и размѣры коихъ не могли быть опредѣлены заранѣе въ Берлинѣ.

Прим. авт.

такъ долженъ бы быть поднять *нами* въ случаѣ надобности и въ зависимости отъ обстоятельствъ, единственными судьями которыхъ оставались императоръ и его правительство).

„Бисмарку уже указано на необходимость разоруженія Турціи и роспуска редифовъ. Что касается вмѣшательства въ дѣла Турціи по полномочию державъ, то обѣ этомъ говорилось лишь въ смыслѣ материальнаго воздействиа, которое кабинеты сочли бы можетъ быть нужнымъ произвести на Порту, если бы было доказано, что она не сдержала своихъ обязательствъ въ отношеніи христіанъ“.

Разъяснивъ такимъ образомъ недоразумѣніе, которое, какъ мнѣ казалось, было вызвано умышленно, я объяснилъ кн. Бисмарку, какъ желалъ канцлеръ, смыслъ того мѣста телеграммы, гдѣ говорилось о возможности столкновенія между Франціей и Германіей.

Второе обстоятельство случилось въ день моей аудіенціи у императора Вильгельма. Заѣхавъ къ канцлеру съ цѣлью самымъ честнымъ образомъ передать ему то, что говорилось на этой аудіенціи, я былъ задѣтъ раздраженнымъ тономъ, какимъ германскій канцлеръ говорилъ со мною обѣ Убри и о просьбѣ, съ какой русскій посланикъ, аккредитованный въ Берлинѣ, обратился, вопреки установившемуся обычаю, *непосредственно* къ дежурному адютанту Его Величества, чтобы исходатайствовать мнѣ аудіенцію. Это возбудило, видимо, подозрительность Бисмарка, и онъ, кажется, вообразилъ, что въ Петербургѣ хотѣли вести переговоры непосредственно съ самимъ императоромъ, помимо его канцлера.

По этому поводу онъ высказалъ свою досаду на дворцовый вліянія (вліяніе императрицы, нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ и французскаго посланника Гутто Бирона). Я выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ, давъ улечься вспышкѣ его гнѣва, и когда раздраженный канцлеръ умолкъ, я въ краткихъ словахъ восстановилъ истину, объяснивъ, что я не повиненъ въ этихъ недоразумѣніяхъ. Кончивъ, я всталъ, сказавъ канцлеру, что приѣду лучше другой разъ, чтобы продолжать прерванный разговоръ, такъ какъ я вижу, что первы моего собесѣдника въ данный моментъ слишкомъ разстроены и возбуждены. Князь Бисмаркъ устремилъ на меня испытующій взглядъ, выражавшій величайшее изумленіе: видимо съ нимъ говорили непривычнымъ для него языкомъ; затѣмъ, какъ истый джентльменъ, онъ овладѣлъ собою и съ прежней любезностью сталъ горячо настаивать на томъ, чтобы я пробылъ у него еще добрыхъ съ полчаса.

Достойно вниманія, что во время этой гнѣвной выходки Бисмаркъ ясно далъ понять, что Убri не внушалъ ему довѣрія со времени его образа дѣйствій „въ 1866 и 1870 г.г.“, что онъ не можетъ „быть съ нимъ откровененъ и не можетъ обсуждать важныхъ вопросовъ такъ, какъ онъ бы того хотѣлъ“, что баронъ Жомини, „правая рука Горчакова“, внушаетъ ему сильные подозрѣніе и онъ считаетъ его „человѣкомъ, изъ котораго французы могутъ вить веревки“. Никогда еще канцлеръ не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, какъ послѣ этой вспышки, которой онъ какъ будто стыдился. Бесѣда закончилась для меня самымъ удовлетворительнымъ образомъ: князь Бисмаркъ своей откровенностью какъ будто хотѣлъ загладить странное впечатлѣніе, которое должна была произвести его гнѣвная выходка на собесѣдника, который ему доказалъ, что онъ не изъ тѣхъ, кого можно запугать или кому можно наступить на ногу.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я остановился въ *hôtel du Rhin*. Графъ Шуваловъ пріѣхалъ раньше меня и уже успѣлъ повидаться съ герцогомъ Деказомъ¹⁾.

Я посвятилъ своихъ коллегъ, князя Орлова и графа Шувалова, съ полной откровенностью въ мельчайшія подробности положенія дѣлъ на Востокѣ, настроенія императорскаго кабинета и переговоровъ, только-что происходившихъ въ Берлинѣ. Гр. Шуваловъ на другой же день уѣхалъ обратно.

Въ Парижѣ я имѣлъ частыя свиданія съ герцогомъ Деказомъ и со своими бывшими коллегами по конференціи, графомъ Шодорди и барономъ де Бургоэнъ. Объясняю положеніе дѣлъ французскимъ дипломатамъ, президенту Республики, его министрамъ и Тьеру, я настаивалъ въ особенности на выгодахъ, которыхъ Франція могла извлечь, воспользовавшись случаемъ обеспечить при ея посредствѣ европейскій миръ; между прочимъ я указалъ, что въ интересахъ Республики было настай-

¹⁾ Деказъ (Луи, герцогъ Decaszes 1819—86 г.). При Людовикѣ-Филиппѣ Д. былъ полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Послѣ революціи 1848 г. онъ сталъ вліятельнымъ членомъ орлеанистской партіи. Послѣ переворота 4 сентября 1870 г. Д. началъ снова принимать активное участіе въ политикѣ; въ качествѣ депутата дит. Жиронды онъ боролся въ національному собраніи противъ Тьера, за реставрацію монархіи. Въ министерствѣ герцога де-Брольи Д. сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ теченіе 1874—77 г. держался осторожной политики выжиданія и уступокъ въ отношеніяхъ къ Германіи и въ восточномъ вопросѣ.

П. В.

вать на томъ, чтобы державы подписали какъ можно скорѣе протоколъ, чтобы поддержать общее согласіе и чтобы восточные дѣла сохранили характеръ вопроса, въ которомъ были одинаково заинтересованы всѣ европейскія державы.

Признавая „необходимость дать Россіи удовлетвореніе со стороны Европы“, герцогъ Деказъ сдѣлалъ все-таки свои замѣчанія на редакцію протокола, которую онъ находилъ все-таки слишкомъ категорической; онъ совѣтовалъ мнѣ „быть сговорчивѣе“ относительно подробностей, указаль на затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны Англіи, и хвалилъ „умѣренность Шувалова, который ясно давалъ себѣ въ этомъ отчетъ“. Два дня спустя, Деказъ сообщилъ мнѣ проектъ протокола, измѣненный въ смыслѣ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, утверждая, что онъ ближе къ мыслямъ, высказаннымъ Дерби, хотя въ немъ приняты во вниманіе и наши требованія, и что онъскорѣе обеспечить возможность притти къ соглашенію. Не отвергая, во что бы то ни стало, этихъ поправокъ, я все-таки просилъ передать милистрю иностранныхъ дѣлъ, что въ случаѣ принятія его контрѣ-проекта, дипломатической актъ, о которомъ шла рѣчь, потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ отсутствіе реальныхъ обязательствъ со стороны Порты затуманивалось фразами, которая ничего не значать на Востокѣ; и что, сообщивъ кабинетамъ первоначальный проектъ протокола, я уже не могъ, ни въ какомъ случаѣ, принять иного проекта, такъ сильно отличающагося отъ первоначальнаго. Полагая однако, что французскій текстъ могъ еще стать предметомъ обсужденія, ежели бы представителемъ Франціи были сдѣланы для этого какіе-либо шаги при другихъ дворахъ, и желая со своей стороны способствовать соглашенію между державами, чего въ Парижѣ особенно желали, я изложилъ князю Горчакову содержаніе этого контрѣ-проекта въ моемъ письмѣ отъ 3/15 марта.

Видя, что его редакція не имѣла успѣха, что она не могла быть принята Россіей и не могла удовлетворить нашего общественнаго мнѣнія, герцогъ Деказъ пытался уговорить меня принять вместо протокола тождественные отвѣты державъ на циркулярную ноту князя Горчакова.

Само собою разумѣется, я настаивалъ на необходимости протокола, какъ дипломатического акта, который связалъ бы всѣхъ подпавшихъ его и наложилъ бы на нихъ болѣе серьезныя обязательства, нежели простая депеша или декларація. Мы не были обезпечены на счетъ того, что эти тождественные отвѣты не будутъ сопровождаться какими-нибудь соображеніями

и комментариями, по нашему мнению не подходящими, противъ которыхъ мы не успѣли бы пожалуй принять необходимыхъ мѣръ.

Подъ вліяніемъ полученныхъ въ то время тревожныхъ извѣстій о непосредственныхъ переговорахъ, происходившихъ между Турцией и Черногоріей относительно заключенія мира и слуховъ о неудовольствіи графа Андراши¹⁾ по поводу того, что ему пришлось согласиться на конференціи на черезъ-чурь большое увеличеніе Черногоріи, герцогъ Деказъ убѣждалъ меня, что лучше было бы не давать Черногоріи всѣхъ земель, присужденныхъ ей по настоянію русскаго посла въ Константинополѣ. Я не согласился съ доводами министра и отстаивалъ планъ, намѣченный конференціей, доказывая его преимущество и пользу съ точки зрѣнія обезпеченія мира въ будущемъ.

Я остался вполнѣ доволенъ своими личными и дѣловыми

¹⁾ Андраши (Юлій, графъ) – венгерскій государственный дѣятель, второй изъ трехъ сыновей графа Карла Андраши, род. 8 марта 1823 г. въ Землинѣ, по окончаніи курса въ университѣтѣ и по возвращеніи изъ путешествія за границу былъ избранъ Землинскимъ комитетомъ въ депутаты пресбургскаго сейма 1847—48 г.г.; по выходѣ въ отставку графа Бейста, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора. Съ самаго начала франко-пруссской войны 1870—1871 г.г. А. выступилъ поборникомъ строгаго нейтралитета Австро-Венгрии, и поэтому дѣятельность его какъ министра иностранныхъ дѣлъ ознаменовалась главнымъ образомъ стараниемъ поддержать дружественные отношенія съ Германіей. Въ сентябрѣ 1872 г. А. присутствовалъ съ Бисмаркомъ и Горчаковымъ на свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ; въ 1874 г. сопровождалъ императора Франца-Іосифа въ Петербургъ, въ 1875 г. въ Венедію, где Францъ-Іосифъ имѣлъ свиданіе съ Викторомъ-Эммануиломъ, и въ 1876 г. на свиданіи съ Императоромъ Александромъ въ Рейхштадтѣ. Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ побудило А. обратиться съ нотою къ Портѣ по вопросу о христіанахъ, бѣжавшихъ изъ этихъ странъ, которая и была вручена Портѣ 31 января 1876 г. Во время войнъ Турціи съ Сербіей и Герцеговиной и затѣмъ съ Россіей (1876—78), А. руководилъ иностранной политикой въ смыслѣ соблюденія нейтралитета Австро-Венгрии. Но Санъ-Стефанскій договоръ (1878) очень устрашилъ Австрію, и начались интриги. А. получилъ отъ австро-венгерскихъ delegacij военный кредитъ въ размѣрѣ 60 мил. flor. и по его старанію Санъ-Стефанскій договоръ былъ подвергнутъ обсужденію представителей европейскихъ державъ, на конгрессѣ, созванномъ въ Берлинѣ (1878). А. вмѣстѣ съ Калицемъ (Calice) и Гаймерлемъ, въ качествѣ главного уполномоченного Австріи, добился того, что великія державы предписали ей занять Боснію и Герцеговину, куда австрійскія войска и вступили въ іюль мѣсяцѣ. Съ занятіемъ Ново-базарскаго санджака оккупационный планъ А. былъ еще болѣе расширенъ. 22 сентября 1879 г. А. оставилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, завершивъ свою дѣятельность на этомъ поприщѣ заключеніемъ съ Бисмаркомъ австро-германскаго оборонительнаго союза.

И. В.

сношеними съ герцогомъ Деказомъ и объясняль его попытки внести въ протоколъ извѣстныя поправки, исключительно его страстнымъ желаніемъ достигнуть окончательнаго соглашенія между державами и послужить связующимъ звеномъ между Россіей и Англіей. Всѣ заявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ турецкимъ уполномоченнымъ и дипломатическому корпусу, были безупречны: онъ говорилъ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Турціи и съ Ваханъ-Эффенди¹⁾, бывшимъ въ тотъ моментъ въ Парижѣ, куда онъ былъ посланъ великимъ визиремъ Эдхемъ-пашею съ тайной миссіей, яснымъ и энергичнымъ языккомъ, дѣятельно старался о томъ, чтобы восторжествовала наша точка зрѣнія на протоколъ, даваль въ этомъ смыслѣ инструкціи французскимъ посланникамъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ и въ томъ же духѣ вліяль на крупныхъ представителей финансового міра, съ которыми онъ былъ постоянно въ сношениі. Но я цѣнилъ болѣе всего то, что несмотря на дурной примѣръ, поданный лордомъ Дерби и графомъ Шувалловымъ, которые вели отдельно переговоры относительно щекотливаго вопроса о нашей демобилизациі, что было извѣстно герцогу Деказу, онъ былъ настолько тактиченъ, что даже не коснулся этого вопроса въ разговорѣ со мною.

Прочіе члены французскаго кабинета и нѣкоторые видные представители финансового міра распространяли въ салонахъ слухи объ англо-турецкихъ требованіяхъ. Это дѣлалось ими вполнѣ корректно, тѣмъ не менѣе я прекратилъ всѣ подобнаго рода попытки, отвѣчая на нихъ неизмѣнно, что вопросъ о демобилизациі по моему мнѣнію вопросъ праздный, посягающій на достоинство и прямодушіе Россіи, ибо „очевидно, что если бы Россія хотѣла войны, то императорскій кабинетъ не предлагалъ бы державамъ заключить миролюбивое соглашеніе. Простой здравый смыслъ говоритъ, что, достигнувъ этого соглашенія, мы не разсчитываемъ держать армію на военномъ положеніи и захотимъ избавиться отъ значительныхъ расходовъ, которые станутъ не нужны“.

Бесѣдуя объ этомъ вопросѣ, я самымъ категорическимъ образомъ избѣгалъ проводить какую бы то ни было связь между

¹⁾ Армяно-грегоріанскаго исповѣданія, помощникъ секретаря министерства юстиціи въ Константинополѣ, былъ посланъ въ Европу яко бы для ознакомленія съ организаціей магистратуры, которая была введена въ Турціи по точному образцу французской системы, съ одной лишь разницей - что турками не было понять ея нравственный смыслъ.

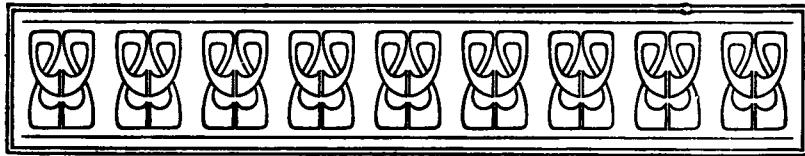
Прим. авт.

протоколомъ и нашимъ разоруженiemъ. Что касалось турокъ, дѣло обстояло иначе и я настаивалъ на томъ, что они отлично могли распустить редифы, созванные изъ разныхъ провинцій, нынѣ почти опустѣвшихъ, такъ какъ все здоровое мужское населеніе ушло, чтобы стать подъ знамена. Распустивъ этихъ милиционеровъ по домамъ, турки имѣли бы еще достаточное количество войскъ для несенія внутренней службы, что и было предусмотрѣно нашимъ проектомъ протокола.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе с.тъдуетъ).

Страница семейной хроники.

Наступалъ августъ 1774-го года. Вѣсти о приближеніи Пугачева къ Саратову приходили непрестанно. Населеніе, какъ городское, такъ и сельское всего прилежащаго края волновалось. Повсюду бродили подозрительныя личности, рассказывавшія всякія небылицы про самозванца, обѣщавшія всевозможныя блага, а особенно крѣпостнымъ помѣщичіимъ людямъ. Нѣкоторые жители вѣрили, что ожидаемый благодѣтель ихъ есть дѣйствительно Императоръ Петръ III-й; другіе,— а ихъ было большинство—относились къ личности его безразлично, осуществлялись бы лишь мечты о свободномъ житьѣ и предстоящемъ „гулянѣ“. Но и благоразумное меньшинство было сбито сть толку и недовѣрчиво относилось и къ распоряженіямъ мѣстныхъ властей и къ увѣреніямъ своихъ помѣщиковъ. Лишь незначительная часть крестьянъ оставалась вѣрной своимъ господамъ и въ точности исполняла ихъ приказанія.

Мѣстнымъ губернаторомъ Кречетниковымъ были приняты мѣры „предосторожности“:—въ селахъ назначены попечители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, приказано было слѣдить за появленіемъ бродящихъ личностей, арестовывать ихъ и представлять по начальству; съ цѣлью недопущенія бродягъ въ населенныя мѣста у вѣззовъ въ села и деревни и выѣзовъ изъ нихъ были выставлены караулы; окроны же окружены загородиями и рогатками. Но могли ли эти мѣры уберечь отъ появленія въ избахъ темныхъ проходимцевъ, передававшихъ самые интересные и соблазнительные раз cnt; Положеніе помѣщиковъ въ усадьбахъ становилось день ото дня рискованнѣй. Многіе изъ нихъ, побросавъ хозяйство и имущество, бѣжали въ столицы и спокойныя отъ мятежа губерніи. Но большинство все же

оставалось въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, въ надеждѣ, что тѣмъ или инымъ путемъ минеть ихъ надвигавшаяся гроза.

Въ описываемое нами время, въ 25-ти верстахъ ниже Саратова по Волгѣ, въ селѣ Хмѣлевкѣ, насчитывавшемъ до 50-ти крестьянскихъ дворовъ, жило въ общей усадьбѣ двѣ семьи дворянъ Шахматовыхъ.

Старшій представитель рода Алексѣй Лукичъ оставилъ послѣ своей смерти вдову, двухъ сыновей и дочь. Покойный коллежскій ассесоръ слылъ не только въ околодкѣ, но и по всему поволжью за очень богатаго человѣка. Постепенной покупкой пожней, садовъ, мельницъ и другихъ угодій, а также арендой рыбныхъ ловель, Алексѣй Лукичъ изъ года въ годъ увеличивалъ свое и безъ того большое наслѣдственное состояніе. Но не богатство создало настоящую славу его, а рѣдкія въ то время душевныя качества:—неизмѣнно строгій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и справедливый въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей, всѣмъ сердцемъ отдававшійся заботамъ о ихъ благосостояніи, вникавшій во всѣ ихъ незатѣйливыя семейныя и домашнія нужды, Алексѣй Лукичъ завоевалъ общую къ себѣ народную любовь. Слава о его добротѣ и справедливости росла изъ года въ годъ и разносилась тысячеустной толпой отъ Астрахани до Казани и Нижняго-Новгорода. Многіе „вольные люди“, услышавъ, о добродорядочности житія у Шахматова, добровольно приписывались къ числу его крѣпостныхъ слугъ. Бѣглые крестьяне другихъ помѣщиковъ обращались къ Алексѣю Лукичу со слезными просьбами купить ихъ у нынѣшихъ господъ. Нашелся какой-то полякъ Шондарь, принялій православіе который „не нашелъ болыше способу, какъ быть въ услуженіи за Шахматовымъ“.

По смерти старого барина, народная любовь перенесла къ старшему сыну его, Николаю Алексѣевичу, во всемъ взявшему примѣръ съ родителя. Образованійшій для своего времени человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, участникъ Крымскихъ походовъ, будучи 25 лѣтъ отъ рода, онъ вышелъ, по кончинѣ отца своего, въ отставку и безвыѣзно поселился въ Хмѣлевкѣ.

Съ нимъ жила и мать его, Марья Степановна, рожденная Вышеславцева, посвятившая себя всецѣло поддержанію образцового женскаго хозяйства въ домѣ. Правда, съ выдачей замужъ 16-ти лѣтней дочери своей, Екатерины Алексѣевны, за главнаго судью опекунства иностранныхъ въ Саратовѣ, Михаила Михайловича Ладыженскаго, она лишилась ближайшей помощницы, но,

будучи еще относительно не старой женщиной, образцово спряталась съ дѣломъ.

Въ Хмѣлевкѣ находился и пріѣхавшій навѣстить вдову матушку свою полевой артиллериі сержантъ Павелъ Алексѣевичъ Шахматовъ.

Другая семья Шахматовыхъ, семья младшаго брата покойнаго Алексея Лукича,—Артамона Лукича, состояла изъ него самого, отставного прапорщика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, жены его Прасковы Ивановны, трехъ сыновей и дочери. Самъ Артамонъ Лукичъ, хотя и не имѣлъ той славы, которой пользовался старшій братъ его, Алексѣй, по слыши во всемъ околоткѣ за человѣка чрезвычайно умнаго и пользовался общимъуваженіемъ. Сыновья его, Иванъ, Петръ и Александръ Артамоновичи, будучи въ возрастѣ 18-ти, 17-ти и 14-ти лѣтъ, служили въ Преображенскомъ полку, а потому въ описываемое время изъ Хмѣлевки отсутствовали. Ихъ мать, Прасковья Ивановна, была изъ рода Нечаевыхъ, вотчина которыхъ находилась въ Симбирской губерніи. Тамъ, въ селѣ Новоспасскомъ жилъ родной братъ ея Иванъ Ивановичъ Нечаевъ. Сестры же ея были замужемъ:—Мареа Ивановна—за пензенскимъ воеводой Всеволожскимъ, а Матрена (иначе Маргарита) Ивановна—за саратовскимъ же помѣщикомъ Безобразовымъ, усадьба котораго, „Буркинъ Буеракъ“ находилась по близости Хмѣлевки; это служило причиной частаго свиданія сестеръ.

Характеристика Прасковы Ивановны сдѣлана въ „Семейныхъ запискахъ Рожкова“¹⁾. По словамъ автора ихъ, она была очень добрая старушка, которая хотя и не получила образования, но своей добротой искупала этотъ недостатокъ. Въ ней не было ни скверности, ни нахальства, которыми отличались всѣ барыни того времени, а напротивъ, во всѣхъ ея поступкахъ была видна приличность, какъ слѣдствіе продолжительной жизни съ мужемъ, который былъ человѣкъ очень умный и живій много въ обществѣ».

Ведя образцово домовое хозяйство, Прасковья Ивановна обращала главныя заботы свои на воспитаніе иѣжно любимой ею дочери Машеньки. Каковы были результаты этого воспитанія, можно судить изъ тѣхъ же записокъ Рожкова, свидѣтельствующаго, что Марья Артамоновна „была во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка замѣчательная: пріятная, привлекательная наружность, высокий ростъ, стройный станъ, лицо иѣсколько рябоватое“.

¹⁾ См. „Библіотека для Чтенія“. 1860-го года.

тое, но настолько, что это едва было замѣтно и нисколько не безобразило его владѣлицу; а свѣжесть и необыкновенная пріятность выраженія и доброты придавали всей ея особѣ особую прелестъ. Прибавьте къ этому пріятныя манеры, любезность и развязность, безъ излишней приторности, а только какъ слѣдствіе продолжительной жизни въ городѣ, въ хорошемъ обществѣ. Кромѣ того, Марья Артамоновна была для того времени хорошо образована: она хорошо знала французскій и пѣменецкій языки и ловко тапцевала".

Однако, характеристика Прасковьи Ивановны и ея дочери, сдѣланная Рожковымъ, относится къ позднѣйшимъ временамъ; въ описываемый же нами годъ Машенькѣ Шахматовой было только семь лѣтъ.

Вѣсти о самозванцахъ достигали, конечно, и Хмѣлевки. Несмотря, какъ мы уже сказали, на принятая мѣры, такъ называемыя „предосторожности“, значительное число оборванцевъ шаталось по сельскимъ задворкамъ, ночуя иногда гдѣ-либо на гумнахъ, въ водорогахъ, въ буеракахъ, въ тѣнистыхъ перелѣскахъ. Теплое время года и сама мѣстность благопріятствовали появлению бродягъ какъ въ окрестностяхъ села, такъ и въ немъ самомъ. Съ обширныхъ займищъ, поросшихъ тальникомъ, вдоль беспорядочныхъ обрывовъ нагорного берега, поросшихъ вѣковыми дубами и вязами, легко было пробраться въ широкій оврагъ русла рѣчки нижней Хмѣлевки. Здѣсь, хотя и вблизи господской усадьбы, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣснаго ряда сельскихъ избъ,—здѣсь у мельничного колеса можно было и отъ дождя укрыться и у пронырливаго мельника Яшки, несмотря на барскій приказъ, разжиться краюхой хлѣба.

Разсказы прохожихъ па мельницѣ не оставались тайно для Хмѣлевскихъ крестьянъ:—ихъ разглашали „по секрету—всему свѣту“ и самъ Яшка, ихъ слушали иногда помольцы лично. Не мало было, впрочемъ, встрѣчъ Хмѣлевскихъ обывателей на берегу Волги съ бурлаками проходившихъ судовъ и Богъ вѣдаетъ откуда и куда слѣдующими прихожими.

Сами же Шахматовы получали подробныя свѣдѣнія о Чугачевѣ и о дѣйствіяхъ его полчищъ какъ въ городѣ Саратовѣ, гдѣ имъ приходилось бывать довольно часто по разнымъ дѣламъ, такъ изъ городовъ, сель и деревень всего охваченного мятежемъ края.

О происходящемъ въ Княгиненскомъ уѣзда Нижегородской губерніи, въ окрестностяхъ беспокойного села Мурашкина сообщали сосѣди, недавно лишь проданной, старой вотчины Шах-

матовыхъ, села Шахматова-Шехонского тожъ. Изъ Симбирского уѣзда приходили донесенія прикащица села Архангельскаго, родового помѣстя Вышеславцевыхъ, доставшагося въ приданое Марьѣ Степановнѣ. Пришли вѣсти изъ Верхняго Ломова объ ужасной смерти нѣсколькихъ ея родственниковъ, въ томъ числѣ секундъ-маіора и двухъ подпоручиковъ Вышеславцевыхъ съ женами. Въ Пензенскомъ уѣздѣ былъ убитъ, приходившійся родственникомъ Шахматовымъ и Нечаевымъ, подпрапорщикъ Пересѣкінъ со всей семьей. Словомъ, извѣстія о нашествіи самозванца приходили одно за другимъ, одно другого тревожнѣе, одно другого страшнѣе. Прискакалъ, наконецъ, въ Хмѣлевку изъ Пензы человѣкъ родной сестры Прасковыи Ивановны, Мареи Ивановны, и рассказалъ объ ужасной кончинѣ воеводы Всеволожскаго, запершаго въ домѣ своемъ и погибшаго въ пламени, вмѣстѣ съ бывшими въ городѣ дворянами, со своей и съ ихъ семьями.

Несчастная Прасковья Ивановна разразилась рыданіями и потерявъ голову не знала, что предпринять: — подумать ли о спасеніи собственномъ и нѣжно любимой дочери, принять ли мѣры къ спасенію цѣннаго имущества и всякаго домашняго скарба? А дома не все было благополучно:—замѣчено, что нѣкоторые дворовые не такъ ревностно исполняютъ ея приказанія, а кое-кто изъ нихъ чрезмѣрно долго засиживается на селѣ у родныхъ. Добрѣйшая женщина частенько прощала провинности людей и въ обычное время, теперь же, глубоко огорченная и совершенно разстроенная,—не взыскивала съ нихъ и подавно. Въ вопросѣ о личномъ спасеніи она положилась во всемъ на своего мужа. Что же касается имущества, то, съ вѣдома Артамона Лукича, приготовила большой, жестью окованный сундукъ, когда-то заполненный ея приданымъ и уложила въ него все наиболѣе цѣнное. Туда вошли и образа въ серебряныхъ окладахъ съ жемчуговыми ризами, и лаловыя и алмазные серьги и яхонтовыя ожерелья и серебряные вызолоченные жбаны и тяжелая мѣдная посуда.

Артамонъ Лукичъ ходилъ раздраженный въ нерѣшительности, оставаться ли ему въ Хмѣлевкѣ илиѣхать въ Саратовъ, гдѣ послѣ іюньскаго пожара—весь городъ выгорѣлъ, уцѣлѣли лишь каменные церкви и немногочисленные дома, да пригородъ Меляковка — имъ возводились новые амбары, лабазы и лавки. Въ нихъ накопилось уже значительное количество зерна, муки и прочихъ сельскихъ продуктовъ. Да и большой домъ у Царицынскихъ воротъ былъ полонъ всякаго добра.

Переговоривъ съ племянникомъ, Николаемъ Алексѣевичемъ, онъ рѣшилъ оставить жену и дочь на его попеченіи, а самому отправиться въ Саратовъ. Въ ночь, передъ отъѣздомъ, былъ вынесенъ изъ дома и поставленъ на подводу, припасенный Прасковьей Ивановной сундукъ, и, въ сопровожденіи двухъ наиболѣе вѣрныхъ дворовыхъ, кучера и самаго Артамона Лукича, отвезенъ въ Малый садъ, на рѣчкѣ верхней Хмѣлевкѣ. Тамъ подъ одной изъ яблонь зарыли его въ землю, обмотыжили лунку и, прямымъ путемъ,—не заѣзжая домой,—отправились въ городъ.

Марья Степановна Шахматова, напуганная извѣстіями о гибели многихъ ея родственниковъ, не могла не тревожиться о судьбѣ своей дочери, остававшейся въ Саратовѣ вмѣстѣ съ мужемъ Лодыженскимъ. На попеченіи молодой женщины находились двѣти Лодыженского отъ первого брака,—мальчикъ и двѣ девочки. Въ домѣ же, вслѣдствіе тревожнаго времени и постояннаго отсутствія Михаила Михайловича, благодаря странному настроенію прислуги, шла полная разруха. Неопытная еще хозяйка, Екатерина Алексѣвна, не могла справиться съ возложенными на нее обязанностями безъ посторонней помощи и слезно умоляла мать перебѣхать къ ней хотябы на короткое время. Оставя вся женское хозяйство въ Хмѣлевкѣ на рукахъ ключницы, Марья Степановна перебралась въ Саратовъ, въ домъ зятя.

Съ нею вмѣстѣ перебѣхалъ въ городъ и младшій ея сынъ Павелъ Александровичъ, счевшій долгомъ своимъ въ тревожное время для государства стать въ ряды Саратовскаго гарнизона.

Между тѣмъ Пугачевъ подходилъ къ Саратову. Въ самомъ городѣ царствовало полное безиначаліе. Губернаторъ Кречетниковъ, сдѣлавъ рядъ циркулярныхъ распоряженій, счелъ за благо удалиться къ себѣ домой въ Астрахань¹⁾. Старый Саратовскій воевода полковникъ Юнгеръ недавно скончался, а должность его временно правилъ честный, храбрый и распорядительный полковникъ Бонякъ, не пользовавшійся, однако, достаточнымъ авторитетомъ среди населенія. Вновь назначенный воевода Лихаревъ находился въ пути къ городу. Но вдругъ пришла вѣсть, что онъ настигнутъ сообщниками Пугачева въ деревнѣ Бѣлгозѣ и вмѣстѣ съ семьей, съ каретой и лошадьми сброшенъ съ крутыго берега въ рѣчку. Такимъ образомъ Бонякъ остался

¹⁾ Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи.

главнымъ соотвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлѣ защиты Саратова. Какъ комендантъ „города“, что по тогдашнимъ понятіямъ служило синонимомъ крѣпости, честный Бошнякъ, по долгу воинской чести, считалъ обязанностью своей защищать центръ его, окруженный валомъ и рвомъ. Но интересы воина шли въ разрѣзъ съ интересами главнаго судьи опекунства иностранныхъ; Лодыженскій полагалъ необходимымъ обезпечить отъ захвата разбойниками складовъ громаднаго количества заготовленного для поселенцевъ продовольствія. Склады эти находились на берегу Волги, нѣсколько ниже центральной части города. Саратовскіе валъ и ровъ находились въ плачевномъ состояніи, почему было, можетъ быть, и выгоднѣе возвести новое укрѣпленіе близъ складовъ; но за городскимъ валомъ находились соборъ, церкви и правительственные учрежденія, которыхъ нельзя было оставить безъ защиты. На общую бѣду коменданта города былъ только въ чинѣ полковника, тогда какъ судья иностранныхъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ. Обстоятельство это дало поводъ Лодыженскому возбудить споръ о старшинствѣ въ чинѣ. Лодыженскій, возомнивъ себя первымъ лицомъ въ городѣ, игнорировалъ отношенія Бошняка къ служебному долгу и требовалъ послушанія своимъ распоряженіямъ.

Статского совѣтника поддерживалъ командированный въ Саратовъ чванливый и блестящій гвардеецъ Гаврила Державинъ. Въ результатѣ,— полуразвалившаяся саратовская крѣпость—валъ и ровъ не были приведены въ сколько-нибудь соответствующее оборонѣ состояніе, а городскіе жители, окончательно сбитые съ толку, не знали, чьихъ распоряженій слушаться и, смущенные подосланными лазутчиками и подброшенными прокламаціями, въ огромномъ большинствѣ ожидали лишь прибытія мнимаго Петра III-го, чтобы передаться на его сторону.

Шугачевъ подошелъ къ Саратову по большой Московской дорогѣ 5-го августа вечеромъ. За ночь полчища его придинулись къ Волгѣ и раскинули станъ свой у подножья премыкающей къ городу съ сѣверной стороны Соколовой горы.

Не добившійся отъ упрямаго Бошняка исполненія своихъ предначертаній, честолюбивый Лодыженскій пришелъ къ заключенію, что захватъ мятежниками Саратова не минуемъ. 6-го августа утромъ, успѣль онъ бѣжать внизъ по Волгѣ, захвативъ семью и кое-что изъ имущества и казенныхъ дѣлъ. Съ начальникомъ своимъ бѣжалъ и весь штатъ опекунства иностранныхъ. Бѣглецамъ, а въ ихъ числѣ и Марьѣ Степановѣ съ дочерью

удалось миновать опасность и благополучно добраться до Царицына.

Наступил наконецъ для Саратова день роковой развязки. Съ высокой Соколовой горы палилъ Пугачевъ по городу изъ пушекъ, заряжая ихъ мѣдною монетою. Развращенная городская чернь жадно подбирала даренные псевдо-царскія деньги. Удручающее впечатлѣніе произвело на защитниковъ города извѣстіе о томъ, что стоящая на валу пушка отказывается стрѣлять по, якобы, законному Государю. Передались на сторону самозванца купецъ Кобяковъ съ товарищами, измѣнили присягѣ казаки и 300 артиллеристовъ во главѣ съ маюромъ Салмановымъ. И вотъ 6-го августа, около шести часовъ вечера, нѣсколько сотъ конныхъ башкиръ, казаковъ и всячаго сброва, съ ужаснымъ крикомъ и гиканьемъ спустились съ горы и mostомъ черезъ Глѣбучевъ оврагъ ворвались въ городъ. Другая, пѣшая толпа подобралась со стороны Волги и выскочивъ изъ лодокъ на берегъ, полѣзла къ центру города, къ соборной площади, къ правительеннымъ учрежденіямъ, къ кабакамъ. Тщетны были старанія Башняка не допустить безумную и опьянѣвшую толпу въ городъ. Скрывъ на груди подъ мундиромъ полотнище гарнизоннаго знамени, съ небольшой лишь горстью удальцовъ, захвативъ сколько было возможно казни и воеводскихъ дѣлъ, храбрый полковникъ рѣшился на отступление внизъ по Волгѣ къ Дмитровску (Камышину), дрался, какъ левъ, и съ наступленіемъ темноты пробился на югъ, въ Дресевянскіе тальники и далѣ.

Мятежники же предались неограниченному грабежу и разгулу въ городѣ. Разбиты были царскіе кабаки, бочки съ виномъ выкачены на улицу, всякое добро растащено изъ домовъ и сгружено на площади и въ переулкахъ.

А мнимый царь сидѣлъ въ шутовскомъ нарядѣ въ палаткѣ, принималъ присягу своихъ новыхъ вѣрноподданныхъ и казнилъ непокорныхъ. Рядъ висѣлицъ стоялъ на гребнѣ Соколовой горы, а въ городѣ и за городомъ, по сторонамъ Московской дороги, да и за Царицынскими воротами валялись трупы разстрѣянныхъ жителей, отказавшихся цѣловать руку самозванца или слишкомъ ревностно защищавшихъ отъ грабителей собственное добро.

Въ числѣ труповъ, оставшихся на городскомъ валу, лежало и тѣло пылкаго сержанта Павла Алексѣевича, павшаго въ одной изъ самыхъ жестокихъ схватокъ.

Разграбленъ былъ домъ Артамона Лукича у Царицынскихъ.

воротъ. Какъ разъ противъ него находился кабакъ, привлекшій значительную толпу безобразниковъ. Бывшіе при дворѣ дворовые люди Шахматова тщетно старались оберечь вѣренное имъ имущество. Иные изъ нихъ за усердіе поплатились жизнью; вѣроятно въ ихъ числѣ и тогда же погибли тѣ дворовые, что зарывали сундуки въ предшествующую ночь въ Хмѣлевскомъ Маломъ саду:—убитые унесли съ собой въ могилу свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія клада, такъ часто впослѣдствіи соблазнявшаго Хмѣлевскихъ обывателей.

Мы отказываемся объяснить, когда и какъ вернулся Артамонъ Лукичъ въ Хмѣлевку, но склонны предположить, что онъ отступилъ изъ Саратова вмѣстѣ съ храбрымъ Бошнякомъ. Исторические документы передаютъ, что саратовскій комендантъ пробился сквозь толпу мятежниковъ шестого августа вечеромъ и ночью же отступилъ далѣе на югъ. Путь его лежалъ густымъ дубовымъ лѣсомъ къ поселку Набережный увекъ, а оттуда береговой дорогой и займищами, мимо Хмѣлевки, до деревни Новосвѣтаевки. Здѣсь остатки саратовскаго гарнизона сѣли на суда и отплыли въ Царицынъ.

Очень можетъ быть, что ночной маршъ Бошняка былъ форсированъ, съ цѣлью выигрыша времени и безпрепятственной посадки отряда на суда.

Пугачевъ почти не преодолѣвалъ саратовскаго коменданта, а сообщники его,upoенные успѣхомъ и выпитымъ виномъ, увлеченные грабежами имущества и занятые расправой съ городскими жителями, не имѣли времени подумать объ уничтоженіи или плѣненіи отступающей горсти всего въ 60 человѣкъ.

Такимъ образомъ,—если вѣрно наше предположеніе, что Артамонъ Лукичъ прибылъ въ Хмѣлевку вмѣстѣ съ отрядомъ Бошняка,—онъ, конечно, имѣлъ достаточно времени для принятія мѣръ къ спасенію жены и дочери.

Преданіе говоритъ, что Прасковья Ивановна Шахматова, вмѣстѣ съ сестрой своей, Матреной Ивановной Безобразовой, были перевезены на, такъ называемый, Большой островъ. Отряды пугачевцевъ, слѣдовавши сухимъ путемъ, не нуждались въ заходѣ на этотъ островъ съ переправой черезъ коренное течение Волги: партии же разбойниковъ, слѣдовавшихъ на судахъ, не замѣтили бы бѣглецовъ, спрятавшихся въ заросляхъ тальника или въ стогахъ сѣна. На островѣ находились съ барыней и кое-кто изъ дворовыхъ, захватившихъ достаточное количество провизій.

Семилѣтнюю Машеньку почему-то съ собой не взяли. Но-

жеть быть опасались держать ее подъ открытымъ небомъ и подвергать непогодѣ. Спасти барышню и спрятать ее отъ глазъ разбойниковъ взялась вѣрная нянька, имя которой преданіе къ сожалѣнію не сохранило. Дѣвочку перенесли въ простую избу на селѣ и переодѣли въ крестьянское платье.

Артамонъ Лукичъ и Николай Алексѣевичъ остались въ Хмѣлевской усадьбѣ одни, рѣшивъ, по возможности, защитить свое имущество отъ разграбленія.

Въ пьяномъ разгулѣ, въ грабежахъ, въ непрерывномъ рядѣ казней и безобразныхъ убийствъ протекали въ Саратовѣ дни 6-го, 7-го и 8-го августа. Пугачевъ успѣлъ захватить на Волгѣ баржу съ частью казенныхъ денегъ, отправленныхъ въ Царицынъ еще Лодыженскимъ. Другая часть казны была найдена мятежниками въ подвалахъ Троицкаго Собора и воеводскаго дома. Громадные обозы были нагружены всякимъ награбленнымъ добромъ. Но пришла вѣсть о приближеніи къ Саратову отрядовъ Муфеля и Михельсона, давно уже гнавшагося за Самозванцемъ. Съ деморализованной толпой пьяныхъ оборванцевъ нечего было думать о сопротивленіи правительеннымъ войскамъ; — пора было бѣжать далѣе на югъ къ Дмитровску (нынѣшнему Камышину) и къ Царицыну.

Съ вечера 8-го августа передовые отряды Пугачева выступили большой Царицынской дорогой, проселками по сторонамъ ея и береговъ Волги. Выступленіе главныхъ силъ и самаго самозванца было назначено на утро 9-го числа.

Въ сумеркахъ 8-го августа одинъ изъ передовыхъ отрядовъ ворвался въ Хмѣлевку и, первымъ дѣломъ, кинулся на барский дворъ. Налетъ его на усадьбу засталъ Артамона Лукича врасплохъ. Вышедшій навстрѣчу разбойникамъ онъ былъ ими тутъ-же убитъ.

Расправившись съ бариномъ, мятежники принялись за поиски и другихъ членовъ семьи. Прасковья Ивановна сразу не была найдена, какъ не нашли и Машеньки. Неизвѣстно, какимъ образомъ избѣгъ участія своего дяди Николай Алексѣевичъ.

Но за розыскомъ господъ, разбойники проникли во всѣ углы дома, во всѣ кладовки, погреба и прочія службы. Ничто не скрывалось отъ ихъ прытливаго глаза, а особенно хранящееся въ винницѣ и погребахъ. Грабежъ усадьбы былъ начатъ тутъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбиты были боченки съ виномъ, откупорены бутылки съ наливками и разными прохладительными.

Большая часть перепуганной дворни разбѣжалась, укрывшись кто въ избахъ своихъ на селѣ, кто на гумнахъ, а кто и

въ многочисленныхъ церквсахъ. Нашлись, конечно, и такие люди изъ крѣпостныхъ Шахматовыхъ, которые приняли участіе въ разгулѣ грабителей. Въ ихъ числѣ былъ и мельникъ Яшка, встрѣтившій среди разбойниковъ кое-кого изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, ночевавшихъ не разъ у него на мельницѣ и дѣлившихъ съ нимъ хлѣбъ-солъ, да шкаликъ сивухи. „Видишь,—по-нашему вышло!..—говорили они ему:—„Плевать тебѣ теперь на господь! Ну-ка, молодецъ, поднеси еще косу-шечку“.

Однако, среди грабежа и пьянства, прибывшіе военачальники не забыли отдать приказаніе Пугачева выгнать на утро все окрестное населеніе на большую дорогу, на поклонъ Царю.

Трактъ на Царицынъ, такъ называемый „станишникъ“ про-легалъ параллельно по берегу Волги, въ 10—12 верстахъ отъ нея и Хмѣлевки. Земли Хмѣлевской и Колотовской дачъ Шахматовыхъ захватывали этотъ трактъ въ мѣстности, прилегающей къ рѣчкѣ Горючкѣ (притока рѣки Иволги). Туда къ Большому Колку (лѣсу) потянулись утромъ 9-го августа всѣ жители села Хмѣлевки, сосѣднихъ Колитова, Буерака, Бѣленъ-каго, Фармосова Буерака и другихъ деревень. Съ крестьянами вмѣстѣ повели (или повезли) и Николая Алексѣевича.

Всей выгнанной на станишникъ толпѣ крестьянъ и другихъ обывателей приказано было, для встрѣчи ихъ мнимаго Государя, стать на колѣни. Отъ такого униженія отказался лишь одинъ Шахматовъ.

По докладу Пугачеву обѣ ослушаніи помѣщика, самозванецъ немедленно приказалъ его повѣсить. Но не только „вся Хмѣлевка“, а всѣ окрестные поселяне снова стали на колѣни и, послѣ усиленныхъ просьбъ и даже слезъ, вымолили любимому своему барину прощеніе.

Съ проѣздомъ Пугачева не минула еще для Николая Алексѣевича угроза быть повѣщеннымъ: — еще не разъ пришлось Хмѣлевскимъ крестьянамъ защищать его отъ покушеній со стороны отставшихъ и догонявшихъ своего повелителя пьяныхъ наездниковъ. Лишь къ солнечному закату возвратились хмѣлевцы домой.

А тѣмъ временемъ дикия сцены разыгрывались на барскомъ дворѣ ихъ села.

Неизвѣстно, кѣмъ было выдано убѣжище на островѣ Прасковы Ивановны и сестры ея. Отправившіеся туда изъ числа заночевавшихъ въ Хмѣлевкѣ, разбойники нашли церенуганыхъ и истомленныхъ барынь у подножья большого стога сѣна.

Немедленно были онѣ связаны и перевезены обратно на берегъ. Говорять, что, перевязывая руки Прасковьѣ Ивановнѣ, ихъ такъ сильно скрутили назадъ, что у ней лопнула кожа на груди. Конечно, разсказъ этотъ неправдоподобенъ, но такъ гласить преданіе.

Хозяйственные постройки Хмѣлевской усадьбы были въ нѣкоторомъ удаленіи отъ господскаго дома, за пролегающей черезъ село дорогой, близъ церкви. Они образовывали особый дворъ, среди котораго росъ вѣтвистый, старый вязъ. Сюда была доставлена Прасковья Ивановна. На вязѣ этомъ рѣшено было ее повѣсить. Разбойники приступили уже къ страшному дѣлу. Спасти барыню было некому. Большинство крестьянъ и дворни либо находилось въ числѣ выгнанныхъ на Царицынскую дорогу, либо было въ бѣгахъ.

На селѣ и въ усадьбѣ оставалось только нѣсколько чоловѣкъ худшаго элемента, не могшихъ спынянъ двинуться съ мѣста, не сознававшихъ окружающаго и не способныхъ оказать какое-либо сопротивленіе злодѣямъ. Въ числѣ хмѣльныхъ былъ и мельникъ Яшка. „Плевать мнѣ на господь“! горланилъ онъ, размахивая руками и пощатываясь. Въ безсознательномъ состояніи подошелъ онъ къ Прасковьѣ Ивановнѣ и дѣйствительно плюнулъ ей въ лицо.

Но еще пьянѣе Яшки были и сами палачи. Три раза принимались они вѣшать несчастную мученицу и три раза терпѣли неудачу:—то барыня срывалась съ петли, то обрывалась ненадежная веревка. Раздался, по счастью, чей-то голосъ, напомнившій, что приговореннымъ къ повѣщенію, въ случаѣ троекратной неудачи палача, полагается помилованіе. Это напоминаніе спасло жизнь Прасковьи Ивановны.

По возвращеніи своемъ изъ Горючки Николай Алексѣевичъ нашелъ тетку лежащей безъ памяти подъ вязомъ, хотя и освобожденной отъ веревокъ. Матрена же Ивановна, не извѣстно почему не подвергшаяся участіи сестры, сидѣла едва живая съ перепуга въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома. А у крыльца лежало, до сихъ поръ не прибранное, тѣло старика Артамона Лукича. Весь усадьба, весь домъ были разграблены дочиста. На полу и по двору валялись битая посуда, поломанная мебель... Стекла въ окнахъ вышиблены, двери сорваны съ петель и расколоты...

Остается сказать о судьбѣ Марьи Артамоновны. Въ минуту отлучки ея няни за водой на рѣку, оставшаяся одна въ избѣ Машенька, какъ была въ рубашenkѣ и босикомъ, выбралась

на завалинку. Испугавшись проѣзжавшаго мимо разбойника, она горько расплакалась, утирая слезы рученками. Нѣжныя и лишенныя загара ноги дѣвочки привлекли вниманіе злодѣя и возбудили справедливое подозрѣніе. Только своевременное возвращеніе и находчивость нянѣкіи спасло Машеньку отъ намѣренія его тотчасъ прикончить съ барышней.

11-го августа утромъ вступили въ Саратовъ неутомимые Муфель и Михельсонъ. Черезъ два дня послѣ него подошелъ и отрядъ Михельсона. Соединившись, они двинулись въ донку за Шугачевымъ. Въ городѣ же были назначены власти, арестованы и преданы суду измѣнники, убраны тѣла убитыхъ. Въ числѣ прочихъ было подобрано и предано землѣ тѣло Павла Алексѣевича Шахматова. Никто изъ родныхъ не могъ присутствовать на похоронахъ, а потому и могила его осталась неизвѣстной.

По проходѣ правительственныхъ войскъ черезъ Хмѣлевку, начался водворяться понемногу порядокъ и въ ней. Проспавшіеся безобразники изъ числа крестьянъ и дворовыхъ явились съ повинной къ Прасковѣ Ивановнѣ и Николаю Алексѣевичу. Доброта господь превысила всякия ожиданія, и никто изъ нихъ не былъ подвергнутъ какому-либо наказанію. Такое отношеніе господь къ виновнымъ особенно поразило мельника Яшку. Онъ, дерзкій оскорбитель, онъ, на котораго всѣ односельчане показывали пальцемъ, какъ на подлаго измѣнника и большинство которыхъ отъ него отворачивалось, — онъ не только не былъ высѣченъ или предназначеннъ въ рекруты, но даже не услыхалъ отъ барыни упрека или попрека. Проходили дни, а Прасковья Ивановна относилась къ нему по-прежнему доброжердечно и мягко. Совѣсть мучила хоть и легкомысленнаго и безпутиаго, но честнаго слугу. Нестерпимы были его душевныя страданія.

Тѣло Артамона Лукича, одѣтое въ прапорщицій мундиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, было положено въ гробъ и поставлено среди Хмѣлевской церкви.

Священникъ, отецъ Емельянъ Акимовъ, уже отслужилъ панихиду. Едва держащаяся на ногахъ Парасковья Ивановна, глубоко потрясенная всѣмъ происшедшемъ, не въ силахъ была плакать, а какъ-то молча, особенно тяжело переносила свое горе.

При пѣніи „со святыми упокой“ горько всхлипывала Машенька, смахивалъ слезу съ глазъ присутствующій Николай Ал-

ксѣевичъ, катились онѣ по щекамъ молящихся за упокой души барина дворовыхъ и крестьянъ.

Хотя панихида служилась передъ тѣломъ одного лишь Артамона Лукича, священникъ молился объ упокоеніи рабовъ Божіихъ, новопреставленныхъ бояръ Артамона и Павла.

Кончалась служба. Господа и слуги разошлись по домамъ и утомленные дневными заботами и пережитымъ уснули крѣпкимъ сномъ.

Темная августовская ночь окутала Хмѣлевку и окрестности. Усадьба, ряды сельскихъ избъ и лѣсистый оврагъ рѣчки Хмѣлевки слились въ общую темную массу. Внизъ подъ обрывомъ разстилалась водяная гладь широкой Волги-матушки, отражая въ себѣ небо съ безчисленными звѣздами и набѣгавшими тучками. Да по другую сторону усадьбы, на полугорѣ бѣлѣла колокольня сельской церкви. Недавно, всего лишь лѣтъ 7 назадъ была она отстроена изждивенiemъ покойнаго Алексея Лукича и освящена во имя Симеона Столпника.

Среди нея высился гробъ съ тѣломъ Артамона Лукича. Три высокихъ подсвѣчника съ зажженными свѣчами стояли близъ него. Престарѣлый хмѣлевскій дьячекъ читалъ у аналоя псалтырь. Тихо было вокругъ. Вмѣстѣ съ Хмѣлевскими обывателями уснула, казалось, и сама природа. Ни съ села, ни съ Волги не доносилось ни одного возгласа, ни одного звука.

Свидѣтель всѣхъ происходившихъ въ Хмѣлевкѣ ужасовъ, робкій дьячекъ еще не пришелъ въ духовное равновѣсіе послѣ минувшихъ событий. Безвозвратно ли пронеслись они? Не нахлынутъ ли неожиданно новыя шайки мятежниковъ? Не придется ли снова перетерпѣвать пережитое и удастся ли въ другой разъ избѣжать мученій и смерти?

Между тѣмъ тѣло отставного прaporника, за истекшіе 10—12 дней со дня убийства, значительно подвергалось разложению.

Вздутый животъ потучнѣвшаго барина былъ тugo стянутъ съ трудомъ застегнутымъ, давно не надѣваннымъ мундиромъ.

Въ желудкѣ покойнаго происходило броженіе и нѣть, нѣть да раздавалось бурчаніе. Звуки эти подхватывали глухіе своды, отчего являлось впечатлѣніе, что перекаты шли будто бы извѣи церкви. Въ воображеніи трусливаго церковнослужителя представлялось новое появленіе Пугачевскихъ шаекъ. Не пушки ли грабителей спускаются къ селу съ сосѣдней горы... Страхъ, смертельный страхъ обуялъ дьячка.

А разложение трупа шло своимъ чередомъ далѣе. Неожи-данно, съ глухимъ трескомъ лопнулъ мундиръ на покойникѣ. Оторвалось иѣсколько пуговицъ!.. одна стукнула, падая на полъ, другая случайно потушила свѣчу передъ псалтиремъ, а третья— попала дѣячку въ лобъ. Съ нечеловѣческимъ крикомъ выскочилъ старикъ изъ церкви и бросился въ прибрежный перелѣсокъ въ такъ называемые, кучугуры. Слуганнныя имъ собаки бросились въ догонку съ барского двора и съ поселка дворовыхъ. Не видя ничего передъ собой, что есть мочи бѣжать, лишившійся разсудка церковнослужитель. Дикий крикъ его оглашалъ окрестность и было разбудило дремавшаго у господскихъ воротъ караульщика. Но вдругъ крикъ этотъ замеръ и смѣнился донесшимся издали трескомъ сучьевъ и падениемъ чегото тяжелаго. Безумный дѣячекъ упалъ съ кучи „Синяго мара“ на груды камней песчаника и расшибся до смерти. На другой день нашли его у самаго берега Волги окровавленного, едва живого.

Недѣлю спустя, въ кучугурахъ же, нашли еще одинъ трупъ. Несчастный Яшка, замученный совѣстью, рѣшился на самоубийство и повѣсился на дубочкѣ въ самой гуще перелѣска.

Все изложенное нами на этихъ страницахъ или основано на безспорныхъ архивныхъ документахъ, или передано со словъ очевидца событий, хмѣлевскаго крестьянина Никифора Шарыпки.

Портретъ его, 122-хъ лѣтняго старца былъ помѣщенъ въ журналѣ „Нива“ за 1883-ій годъ на стр. 700-ой. Разсказы же его приходилось намъ слушать въ той же Хмѣлевкѣ, во дни нашего дѣтства.

Вячеславъ Шахматовъ.

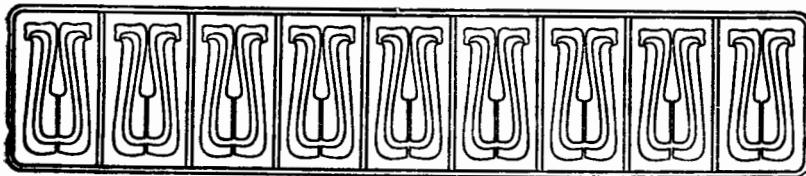

Маргарита (Матрена) Ивановна
БЕЗОБРАЗОВА
(рожденная Нечаева).

Прасковья Ивановна
ШАХМАТОВА
(рожденная Нечаева).

Записки графа Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. ¹⁾).

Въ августѣ 1864 года, графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, а впослѣдствіи посломъ при Оттоманской Портѣ; занимая этотъ постъ, онъ своей осторожной и разумной политикой много споспѣствовалъ возстановленію утраченного Россіей вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ настоящее время, въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ печатаются на французскомъ языке чрезвычайно интересныя записки гр. Игнатьева, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомимъ вслѣдъ за симъ читателей въ возможно полномъ изложеніи.

Въ этихъ запискахъ гр. Игнатьевъ даетъ обзоръ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ представителя императорскаго правительства въ Константинополѣ съ 1864 по 1874 г. Въ запискахъ рельефно очерчена роль, которую играли въ этихъ событіяхъ прочія державы, въ особенности Франція, которая была долгое время нашимъ антагонистомъ на Востокѣ. Направленіе русской политики въ Восточномъ вопросѣ и роль, которую игралъ въ Константинополѣ такой видный представи-

¹⁾ Извѣстія Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874). Съ предисл. П. Д. Воеікова. Снб. 1014 г.

²⁾ Гр. Игнатьевъ оставилъ обширныя записки о своей дѣятельности на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ и въ Средней Азіи. При жизни его были напечатаны, въ 1895 году, въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ „Отчетная Записка“ и „Матеріалъ къ его командировкѣ въ Пекинъ“, а за симъ въ 1897 г. — „О миссіи въ Бухару“. Изданіе на правѣ рукописи, эти труды не получили распространенія.

тель нашей дипломатии, какимъ бытъ Н. П. Игнатьевъ, представляютъ для насъ несомнѣнно высокій интересъ, въ особенности въ настоящее время, когда балканскія государства привлекаютъ къ себѣ вниманіе всей Европы. „Опытъ прошлаго можетъ быть полезенъ для будущаго“, говоритъ авторъ записокъ, и это прошлое заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія.

Описывая первыя десять лѣтъ своего пребыванія въ Константинополѣ, гр. Игнатьевъ подраздѣляетъ это время на четыре отдѣльныхъ періода; *первый* періодъ, съ 1864 до конца 1866 г., характеризуется авторомъ записокъ, какъ „эпоха преобладающаго вліянія западныхъ державъ“. „Мы“, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, „старались ослабить ихъ вліяніе, разрушить ихъ соглашеніе и сблизиться съ нашими единовѣрцами, поддерживая въ то же время добрыя отношенія съ Портой. Главнымъ вопросомъ, озабочивавшимъ въ то время дипломатію, былъ румынскій вопросъ, разрѣшенный на парижской конференціи“. *Второй* періодъ съ 1866—1869 г. Въ это время привлекалъ всеобщее вниманіе критскій вопросъ, который легко могъ вызвать на Востокѣ крупныя перемѣны; „отличительную черту этого періода составляетъ нравственная поддержка, оказанная Россіей христіанскимъ подданнымъ турецкой имперіи, и поощреніе национальныхъ стремленій этихъ народностей; этотъ періодъ закончился декларацией 1868 г.“. *Третій* періодъ съ 1869 по 1871 г. „Въ это время всѣ усилия Россіи клонились къ улучшенію участія нашихъ единовѣрцевъ мирнымъ путемъ и къ отмѣнѣ парижского трактата; этотъ періодъ закончился Лондонской конференціей и договоромъ 1871 года“. *Четвертый* періодъ съ 1871—1874 г. „Поддерживая въ это время прекрасныя отношенія къ Портѣ и поощряя развитіе христіанскихъ народностей и ихъ автономію, мы успѣли приобрести значительное вліяніе на Турцію и готовились къ разрѣшенію задачъ, предстоявшихъ намъ въ будущемъ“.

„Въ моментъ моего прїѣзда въ Константинополь, пишетъ гр. Игнатьевъ, преобладающее вліяніе на Востокѣ имѣли Англія, Франція и Австрія—три державы, подписавшія парижскій договоръ 1856 г.; всѣ наиболѣе важные вопросы решались ими безъ участія Россіи. Щѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о величайшемъ недовѣріи, съ какимъ турецкіе министры относились тогда къ Россіи и къ ея единовѣрцамъ. Достаточно было, чтобы мы высказались въ какомъ-нибудь вопросѣ въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы Порта пошла по діаметрально противуположному пути, даже въ ущербъ своимъ насущнымъ ин-

тересамъ, а представители западныхъ державъ, большею частью враждовавшіе между собою изъ-за личныхъ и принципіальныхъ вопросовъ, дѣйствовали единодушно всякий разъ, когда надобно было помѣшать нашему самостоятельному выступлению. Особеннымъ вліяніемъ въ Константинополѣ пользовался англійскій посланникъ сэръ Бульверъ, большой знатокъ Востока, имѣвшій большія связи въ турецкомъ обществѣ, но несмотря на это, „Франція, какъ держава, первенствовала въ Константинополѣ“, и все рѣшалось такъ, какъ она хотѣла. Австрійскій посланникъ, „вѣрный политическимъ традиціямъ своего правительства“, старался „лавировать и ловить рыбу въ мутной водѣ“. Пруссій посланникъ избѣгалъ самостоятельныхъ выступленій, но въ важныхъ вопросахъ присоединялся къ мнѣнію Англіи; представитель Италіи былъ не болѣе, какъ орудіемъ французской политики. Одна Россія была совершенно изолирована, не встрѣчала ни въ комъ поддержки и не имѣла почти никакого вліянія на турокъ, ея одинокія выступленія въ пользу единовѣрцевъ и дипломатические акты, коими она обращала вниманіе державъ на жестокости турокъ и на необходимость притти на помощь христіанамъ, свидѣтельствовали только о ея безсилії—и не могли произвести желательного впечатлѣнія на народы, которые „уважаютъ только силу, которая можетъ имъ быть полезна, а отнюдь не платоническая симпатія, хотя бы самая искренность“.

„Западныя державы пользовались нашей неумѣлой политикой какъ нельзя лучше, доказывали христіанамъ, что мы были безсильны помочь имъ и въ то же время обращали вниманіе турокъ на наши попытки повредить имъ и на опасныя послѣдствія, которыхъ могъ имѣть нашъ образъ дѣйствій“. „Дѣля изъ настъ пугало, Франція удавалось безъ труда добиться всѣхъ необходимыхъ съ ея точки зрѣнія уступокъ, которыхъ она спѣшила заранѣе обѣщать отъ своего имени христіанамъ, а устроивъ какое-нибудь дѣло, она старалась внушить туркамъ, что она совмѣстно съ Англіей и Австріей вывела ихъ изъ большого затрудненія и извлекла изъ нашихъ когтей“. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, гр. Игнатьевъ поставилъ себѣ нелегкую задачу: „вернуть постепенно утраченное нами исконное наше вліяніе на христіанскихъ подданныхъ султана и на государства, платившія дань Турціи, доказать туркамъ, что Россія была еще въ состояніи создать имъ серьезныя затрудненія, несмотря на покровительство, оказываемое имъ западными державами, и что слѣдовательно прямая выгода

Порты повелѣвали ей считаться съ нами и даже дѣйствовать съ нами заодно, разстроить союзъ трехъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, доказать, что этотъ союзъ былъ искусственный и что онъ возникъ только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ;—наконецъ побороть преобладающее вліяніе, пріобрѣтенное Франціей со времени Крымской кампаниіи, ослабить довѣріе Порты къ Австріи и въ особенности къ Англіи и завоевать снова мирнымъ путемъ подобающе памъ положеніе на Востокѣ“.

Такова была намѣченная русскимъ посломъ задача, къ осуществленію которой онъ шелъ неуклонно.

Изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ умы дипломатовъ въ то время когда гр. Игнатьевъ былъ назначенъ въ Константинополь, самымъ животрепещущимъ былъ румынскій вопросъ. Лѣтомъ 1864 г., еще до прїѣзда гр. Игнатьева, въ Константинополь прибылъ князь Кузя для обсужденія вопросовъ чрезвычайной важности для Соединенныхъ Княжествъ, которые касались измѣненій въ ихъ конституціи, введенныхъ господаремъ послѣ сліянія Молдавіи и Валахіи въ одно княжество подъ его властью и санкціи Порты и державъ на совершенный имъ переворотъ.

Во время своего довольно продолжительного пребыванія въ столицѣ Турціи онъ „держался очень далеко отъ русского посольства и даже не отдалъ простого визита вѣжливости нашему представителю Новикову, который въ силу этого не могъ принимать участія въ переговорахъ, ради которыхъ кн. Кузя прїѣхалъ въ Константинополь“. Представитель Россіи выскажался рѣшительно противъ домогательствъ господаря и совершенныхъ имъ незаконныхъ поступковъ (между прочимъ отобранія монастырскихъ имуществъ, находившихся подъ защитой державъ) и настаивалъ на томъ, чтобы державы выразили князю коллективно свое порицаніе, но благодаря поддержкѣ французского посланника кн. Кузя добился всего, что онъ хотѣлъ. Такой результатъ не могъ, разумѣется, побудить Кузу искать благосклонности Россіи, бывшей нѣкогда вершительницей судьбы Румыніи. „Никогда еще, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, дерзость нашихъ противниковъ не проявлялась въ Константинополѣ такъ явно, и никогда еще они не достигали такого успѣха, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія“. Это должно было, конечно, навести турокъ и нашихъ единовѣрцевъ на невыгодныя для настѣ размышленія.

Гр. Игнатьевъ задался цѣлью въ корне измѣнить наши отношенія къ Румыніи. Убѣдившись въ томъ, что кн. Кузя

былъ „подобострастнымъ орудіемъ“ въ рукахъ Тюильерійскаго кабинета и что „девизомъ его политики было враждебное отношение къ Россіи и къ православію“, русскій посланникъ не сомнѣвался въ томъ, что добрыя отношенія къ Румыніи не могутъ быть возстановлены до тѣхъ поръ, пока князь будетъ у власти.

„Я постарался, говорить Н. П. Игнатьевъ, разоблачить некорректное поведеніе князя Кузы, нарушеніе имъ международныхъ постановленій, его пренебреженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ. Я доказывалъ моимъ коллегамъ и въ особенности турецкимъ министрамъ, какъ опасно было неосторожное, революціонное поведеніе господаря и что необходимо было возстановить достоинство державъ, на которое оно посигало! Особенное значеніе имѣли два вопроса, возбужденные кн. Кузой по совѣту Франціи и вопреки совѣтамъ русскихъ дипломатовъ; а именно объ организаціи Молдаво-Валахской церкви и о монастырскихъ имуществахъ, конфискованныхъ въ пользу государства по приказанію князя.

„Издавъ 28 мая 1864 г. законъ о назначеніи епископовъ господарь хотѣлъ этимъ подчинить церковь свѣтской власти, совершиенно отдѣлить ее отъ Константинопольской патріархіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить главный консервативный элементъ въ странѣ, возстававшій противъ его новшествъ, „полагая, что ослабивъ узы, соединявши Румынію съ другими православными державами, онъ могъ освободиться отъ зависимости отъ восточныхъ патріарховъ и отъ россійского и греческаго синодовъ“.

При решеніи другого не менѣе важнаго вопроса о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, „опять таки хотѣли обойтись безъ участія русскаго правительства; Франція открыто держала сторону кн. Кузы; Англія же и Австрія дѣлали видъ, будто они защищаютъ православное духовенство, расчитывая устранить этимъ наше вмѣшательство“. „Духовенство не понимало, что надъ нимъ издѣвались... даже самъ Кирилль, патріархъ іерусалимскій, всегда преданный Россіи, поспѣлся въ сѣти, разставленныя ему англійскимъ посланникомъ, и тайно посыпалъ его въ уединенномъ замкѣ на о. Плати, гдѣ жилъ сэръ Бульверъ, и обсуждалъ съ нимъ вопросъ о томъ, какъ дѣйствовать дальше въ виду поступковъ кн. Кузы. Русскому посольству даже не сообщали рѣшеній, принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ“.

Хотя гр. Игнатьеву, обратившему съ самого начала серьезное вниманіе на церковный вопросъ въ Румыніи, пришлось

затѣмъ отказаться отъ дѣятельной поддержки православнаго духовенства въ его законныхъ требованіяхъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ отъѣзда сэра Бульвера изъ Константино-поля и новыхъ инструкцій, полученныхъ австрійскимъ посланникомъ, и его попытка вернуть церкви имущество, находившіяся уже нѣсколько лѣтъ въ рукахъ молдавскаго правительства, не увѣничалась успѣхомъ, однако его энергичное выступленіе въ этомъ дѣлѣ не прошло безслѣдно и имѣло большое моральное значеніе: „кн. Кузя, говорить гр. Игнатьевъ, убѣдился въ томъ, что покровительства Франціи было недостаточно для того, чтобы санкционировать всѣ незаконные шаги его правительства; а турки убѣдились въ томъ, что достаточно было нашего противодѣйствія, чтобы разстроить всю затѣянную кампанію; въ то же время греческое духовенство увидѣло, что мы были готовы поддержать его, но что наши старанія парализовались равнодушіемъ или враждебностью тѣхъ самыхъ державъ, на которыхъ оно вначалѣ разсчитывало“.

„Изъ всего этого вытекаетъ одинъ бесспорный фактъ“—а именно, что несмотря на продолжавшееся еще вліяніе Франціи на Турцію, „наше законное вліяніе въ Константинополѣ начало возрастать“.

Вниманіе Порты и представителей державъ было вскорѣ отвлечено вопросомъ несравненно болѣе важнымъ: 23 февраля 1866 г. въ Румыніи произошелъ государственный переворотъ.

Видя неудачу своихъ послѣднихъ мѣропріятій, противъ которыхъ возсталъ представитель Россіи, кн. Кузя чувствовалъ, что паденіе его было близко. „Сдѣлавъ видъ, что онъ понялъ свою ошибку, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, князь попытался сблизиться съ императорскимъ посольствомъ и написалъ мнѣ письмо, говоря, что мы ошибаемся на счетъ его намѣреній, что онъ ничего такъ не желалъ, какъ прийти къ соглашенію съ Россіей, и готовъ былъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ. Зная, насколько можно было довѣрять искренности его словъ, и предвидя, что онъ не долго удержится на престолѣ, я не счелъ нужнымъ отвѣтить ему и просилъ князя Кантакузена, пріѣхавшаго ко мнѣ, чтобы словесно подтвердить все сказанное кн. Кузою въ его письмѣ, выразить князю мое удивленіе по поводу того, что онъ не оѣнилъ раньше пользу сближенія съ Россіей, и дать ему понять, что мы могли измѣнить наше отношеніе къ нему лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ далъ намъ осознательныя доказательства своего искренняго раскаянія; а пока мы будемъ держать себя такъ же осто-

рожно какъ прежде, и не окажемъ ему ни малѣйшей поддержки“.

События шли своимъ чередомъ. 23 февраля 1866 г. кн. Кузя былъ вынужденъ отречься отъ престола и тайно уѣхалъ изъ Бухареста. Въ связи съ этимъ возникъ вопросъ объ избраніи иностранного принца и о томъ, измѣнится ли положеніе Соединенныхъ Княжествъ, единство которыхъ было признано въ 1861 г. сultанскимъ фирмакомъ только на время правленія кн. Кузы и притомъ безъ согласія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

„25 (18) февраля Аали-паша пригласилъ на совѣщаніе представителей державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, и предложилъ имъ отмѣнить вотумъ объ избраніи иностранного принца, избрать отдѣльныхъ господарей въ Бухарестѣ и въ Ясѣ и послать въ княжества турецкаго комиссара, въ сопровождѣніи delegatovъ отъ державъ“.

Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ генералъ Игнатьевъ указалъ на „необходимость строго держаться договоровъ и указать румынамъ, что они должны ити по пути благородства, не вступая на революціонный путь“, — послами было совмѣстно выработано содержаніе торжественныхъ телеграммъ, которыя были посланы на слѣдующій день представителями державъ генеральнымъ консуламъ въ Бухарестѣ, съ настоятельнымъ требованіемъ соблюдать законъ. „Австрійскій интернунцій довольно рѣшительно поддерживалъ на этомъ засѣданіи русскаго посла къ величайшему неудовольствію французскаго посланника, который не могъ скрыть своей досады по поводу активнаго вмѣшательства въ этотъ вопросъ Россіи и спросилъ Н. П. Игнатьева, съ которыхъ поръ императорскій посланникъ въ Константинополѣ „сталъ защитникомъ полумѣсяца“, на что генералъ отвѣтилъ, что „мы стоимъ неизмѣнно на почвѣ трактовъ и удивляемся, не встрѣчая на этомъ пути прочихъ державъ“.

Маркизъ Мустье, „видя себя связаннымъ своимъ согласіемъ дѣйствовать коллективно, подалъ своему правительству мысль перенести засѣданія конференціи въ Парижъ“, на что послѣдовало единодушное согласіе державъ и такимъ образомъ, говорить гр. Игнатьевъ, „переговоры вышли изъ моей компетенціи, и мнѣ пришлось ограничиться одними совѣтами Портѣ въ смыслѣ нашихъ взглядовъ“.

„Конференція открылась въ Парижѣ 10 марта подъ предсѣдательствомъ Друэнъ де Люиса. Переговоры велись съ такой

медлительностью, объяснить которую нельзя было иначе, какъ совокупной игрой Франціи и руководителей молдаво-валаховъ, какъ вдругъ 20 апрѣля на румынскій престолъ былъ избранъ принцъ Карлъ Гогенцоллерскій".

Какъ только стали извѣстны результаты плебисцита, турецкій уполномоченный выступилъ на парижской конференціи съ протестомъ и заявилъ, что „военная оккупация княжества является въ глазахъ его правительства единственной цѣлесообразной мѣрой, для возстановленія въ княжествѣ порядка и спокойствія“.

„Слѣдя указаніямъ императорского кабинета, я старался“, пишетъ гр. Игнатьевъ, поддержать турецкое правительство на пути, который оно избрало по своей собственной инициативѣ, рѣшивъ однако предотвратить кровопролитіе, какъ только сраженіе между турками и молдаво-валахами станетъ неизбѣжнымъ.

„Но рѣшимость Порты ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ положеніе осложнялось. Она не рѣшалась итти противъ Франціи, не имѣя на своей сторонѣ Англіи и не расчитывая на серьезную поддержку со стороны Россіи. Но Англія дѣйствовала въ то время въ Румыніи въ полномъ согласіи съ Франціей, а что касается насъ, то въ рѣшительный моментъ Порта увидѣла, что па нашу поддержку ей расчитывать нельзя. Образъ дѣйствій, которому мнѣ предписано было слѣдовать въ Константинополѣ, оказался въ полномъ противорѣчіи съ заявленіями, сдѣланными нашимъ посланникомъ въ Парижѣ, который въ засѣданіи 25 мая горячо высказался противъ проекта Порты, поддержавъ точку зренія французского правительства“. Турецкій посланникъ, получившій приказаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ нашимъ уполномоченнымъ, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и усомнился въ нашей искренности. Въ нѣдрахъ конференціи произошелъ полный разладъ и ей не удалось притти ни къ какому рѣшенію относительно цѣлесообразности понудительныхъ мѣръ для возстановленія въ Румыніи законнаго порядка. Принцъ Карлъ воспользовался этимъ, отправился немедленно въ Румынію, совершилъ 23 мая торжественный вѣзѣдъ въ Бухарестъ и принялъ бразды правленія. Члены конференціи разѣхались въ первыхъ числахъ іюня по предложенію нашего уполномоченнаго, которому предложено было заявить, что по мнѣнію императорскаго кабинета „европейская конференція, которая принимаетъ извѣстные рѣшенія и затѣмъ сама же допускаетъ ихъ нарушеніе, не при-

носить никакой практической пользы, между тѣмъ какъ безплодность ея совѣщаній наносить серьезный ущербъ коллективному авторитету Европы и достоинству входящихъ въ ея составъ державъ“.

Порта со своей стороны не рѣшилась „бросить вызовъ Европѣ“, введя свои войска въ Румынію, и подчинилась давлению Франціи и Англіи; на рѣшеніе Турціи повлияла также въ значительной степени начавшаяся въ іюнѣ мѣсяцѣ Австро-Прусская война, въ которой приняла участіе Италія; „занявъ выжидательное положеніе“, турки пропустили благопріятный моментъ для оккупации княжества тотчасъ по вступленіи принца Карла въ Румынію. Какъ только въ Константинополѣ сталъ известенъ исходъ Кениггрецкаго сраженія и окончательная победа прусской арміи, Аали-паша рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о княжествахъ. Онъ считалъ опаснымъ задѣть принца изъ дома Гогенцоллерновъ и боялся, какъ бы послѣдствія Австро-Пруссской войны не измѣнили взгляда державъ на Восточный вопросъ, и поэтому хотѣлъ прежде всего отнять у Европы предлогъ требовать у Турціи компенсацій за жертвы, понесенные въ иномъ мѣстѣ. Извѣстіе объ уступкѣ Венеціи Наполеону III произвело удручающее впечатлѣніе на Порту. „Попросите князя Горчакова, сказалъ Аали-паша генералу Игнатьеву, не винить насъ болѣе за то, что мы подчиляемся вліянію Франціи; и болѣе могущественныхъ державъ, нежели мы, преклоняются передъ ея волей“.

„Въ виду новаго оборота, наступившаго въ Румынскомъ вопросѣ, намъ необходимо было нѣсколько измѣнить напѣтъ образъ дѣйствій. Коль скоро Порта готова была признать совершившіяся фактъ, намъ неудобно уже было настаивать на возстановленіи въ княжествахъ порядка всѣхъ, созданнаго парижскимъ договоромъ. „Руководствуясь инструкціями, полученными изъ министерства, Н. П. Игнатьевъ заявилъ Аали-пашу въ исходѣ іюня, что „императорскій кабинетъ предоставляетъ турецкому правительству дѣйствовать по своему усмотрѣнію“.

Разумѣется, говорилось въ инструкціяхъ, полученныхъ нашимъ посломъ, „враждебное поведеніе румынского правительства по отношенію къ намъ и къ православной церкви даетъ намъ право лишить его благожелательного покровительства, которое мы постоянно ему оказывали. Однако, императоръ не возлагаетъ на населеніе Молдавіи и Валахіи отвѣтственности за ошибки свергнутаго ими правительства. Кроме того мы не должны забывать, что тутъ дѣло идетъ о принципѣ, касающемся

щемся всей совокупности христианского населения Востока, къ которому мы, согласно исконнымъ нашимъ традиціямъ, относились всегда сочувственно“.

„Во все время пребыванія прицца Карла въ Константинополѣ я держалъ себя въ отношеніи къ нему весьма осторожнo“, пишетъ П. Н. Игнатьевъ, „не выказывая ему впрочемъ ни малѣйшей враждебности“, а „приццъ Карлъ выказывалъ желаніе сблизиться съ императорскимъ посольствомъ. Онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, который я отдалъ ему на другой же день частнымъ образомъ. Я далъ понять его высочеству“, „что мы признаемъ переворотъ, совершившійся въ Румыніи, лишь послѣ получения имъ фирмана инвеституры, что наше дальнѣйшее поведеніе будетъ зависѣть отъ того, насколько онъ будетъ считаться съ нашими интересами, и что отъ него зависитъ дать намъ въ этомъ доказательство, порвавъ всякую связь съ лицами, принадлежащими къ красной партии, урегулировавъ церковныя дѣла и т. д... Его Высочество признавалъ вину молдаво-валаховъ по отношенію къ Россіи, но винилъ во всемъ правительство кн. Кузы и давленіе со стороны Франціи. Онъ обѣщалъ держаться въ будущемъ консервативной политики и сблизиться съ Россіей“.

По мнѣнию Н. П. Игнатьева преобладающее вліяніе, которое Франція пріобрѣла въ дѣлѣ соединенныхъ княжествъ со времени заключенія парижскаго договора, можетъ быть объяснено главнымъ образомъ тѣмъ, что во время переговоровъ, происходившихъ въ Константинополѣ, только одна эта держава имѣла опредѣленный планъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій программѣ я политики, и преслѣдовала свои цѣли съ удивительной стойкостью и настойчивостью.

Наполеонъ III имѣлъ на Румынію особые виды: „увидавъ, что ему не удается осуществить свой планъ относительно восстановленія Польши, онъ видимо задумалъ осуществить подобный же планъ, продиктованный враждебными чувствами къ намъ, на берегахъ Дунай, создавъ тамъ государство, которое находилось бы всепрѣдъ подъ вліяніемъ Франціи и „на которое она могла бы опираться въ случаѣ осложненій на Востокѣ“.

Его представитель доказывалъ турецкому правительству, что „прочно организованное государство на нижнемъ теченіи Дуная могло бы быть единственной гарантіей для Порты противъ захватовъ Россіи и служило бы ему надежнымъ оплотомъ противъ этой державы“. Туркамъ, конечно, слѣдовало бы понять, что страна съ несколькими миллионами жителей не могла бы быть защи-

той противъ Россіи и что самыи надежныи оплотомъ для Турціи могли быть добрососѣдскія отношенія съ могуществен-ной Россіей”.

„Самой характерной чертой того времени, говорить Н. П. Игнатьевъ, была враждебность, которую проявляла къ намъ Франція въ вопросѣ о Соединенныхъ Княжествахъ“, въ то время какъ „Тюильерійскій кабинет горячо настаивалъ на общности нашихъ интересовъ на Востокѣ, а мы, съ своей стороны, искренно желали дѣйствовать заодно съ нимъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ“.

Антагонизмъ между Франціей и Россіей проявился и въ вопросахъ, касавшихся Сербіи, къ которой „Франція относи-лась враждебно потому, что мы ей сочувствовали; желая видѣть въ Бухарестѣ независимаго владѣтеля, она хотѣла въ то же время сохранить для Турціи въ Бѣлградѣ почтительного вас-сала“; и дѣйствовала согласно съ видами Порты, которая ми-рилась съ мыслю о стремлѣніи румынъ къ независимости, но тревожилась при всякой попыткѣ въ этомъ отношеніи со сто-роны сербовъ, на которыхъ она смотрѣла какъ на вождей слав-янства.

Нѣкоторыя другія державы дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ Франція: Австрія, въ особенности, относилась къ сербамъ крайне враждебно, „о чёмъ можно только пожалѣть, такъ какъ при всякомъ осложненіи въ сербскомъ вопросѣ вѣнскій кабинетъ оказывалъ большое вліяніе на решенія Порты“. „Мы одни искренно и открыто принимали сторону сербовъ, но наше вмѣшательство парализовалось съ одной стороны недовѣріемъ Порты, а съ другой стороны той изолированностью, на какую насъ обрекало недоброжелательство прочихъ державъ“. Поэтому при безконечныхъ спорахъ, возникавшихъ между Пор-той и сербскимъ правительствомъ, русскому посланнику приходи-лось дѣйствовать крайне осторожно.

Таково же приблизительно было положеніе и въ вопросахъ, касавшихся Черногоріи; особенно въ важномъ для нея вопросѣ о разграничениіи съ Турціей. „Я доказывалъ, пишетъ П. Н. Игнатьевъ, что этотъ вопросъ требовалъ скорѣйшаго решенія, и что чѣмъ больше черногорцы получатъ земли, въ которой они чрезвычайно нуждались, тѣмъ лучше будетъ обеспечить миръ. Къ сожалѣнію, дѣйствуя одиноко, мы не могли достигнуть многаго. Англія и Франція мѣшиали осуществленію на-шихъ плановъ“. Пруссія и Италія относились къ нимъ равно-душно. Франція по обыкновенію не поддерживала насъ въ на-

шихъ домогательствахъ, и хотя она втайне убаюкивала черногорцевъ обѣщаніями и даже какъ будто поддерживала иногда ихъ домогательства, но это дѣлалось въ сущности, какъ замѣчаетъ нашъ посланникъ, „не изъ доброжелательства къ Черногоріи, а единственно съ цѣлью парализовать наше вліяніе”.

Что касается насъ, то мы руководствовались въ нашей политикѣ на Востокѣ исконнымъ нашимъ сочувствіемъ къ единовѣрцамъ и нашими обязанностями по отношенію къ нимъ. Къ сожалѣнію, послѣ войны 1854—55 г.г. отъ насъ успѣли отдалить грековъ, а мы не съумѣли внушить довѣрія славянамъ, и первое время по пріѣздѣ моемъ въ Константинополь политическое положеніе не благопріятствовало возстановленію нашихъ прежнихъ съ ними отношеній”.

Императорская Франція являлась вездѣ, где это только соответствовало ея интересамъ, защитницей принципа національности,—такъ было въ Италии, въ Польшѣ, въ Румыніи, но она не хотѣла оказать поддержку славянскимъ народамъ, населявшимъ Турцію.

Націоналистическая теорія”, говорилъ французскій посланникъ Н. П. Игнатьеву, „не должна пониматься безъ ограничений. Есть національность и національность. Не всякая нація можетъ претендовать на самостоятельное существование. Право на него даетъ роль, которую народъ игралъ въ исторіи, его происхожденіе, сила, единеніе. Христіанскія народности Турціи не отвѣчаютъ всѣмъ этимъ условіямъ. Они безсильны, они дошли до упадка, они не имѣютъ блестящихъ традицій въ прошломъ, они не имѣютъ нравственной связи въ настоящемъ”. „Короче сказать, Франція хотѣла видѣть въ славянахъ рабски преданныхъ Турціи подданныхъ, готовыхъ отказаться отъ національной и религіозной самобытности, съ космополитическимъ правительствомъ, которое въ политическомъ, финансомъ и промышленномъ отношеніи зависѣло бы отъ Франціи. Очевидно, Россія не могла итти съ нею по этому пути.

Къ сожалѣнію, связь, существовавшая нѣкогда между православными народностями Турціи, въ то время почти исчезла. Въ моментъ пріѣзда въ Константинополь графа Игнатьева религіозные распри между греками и болгарами достигли высшей степени, и всѣ попытки императорского посольства установить между ними примиреніе были заранѣе обречены на неудачу. Эти распри давали широкій просторъ католической и протестантской пропагандѣ, которая коснулась не только грековъ, но и армянъ.

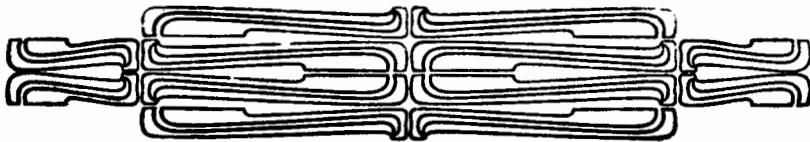
Говоря объ этой пропагандѣ, П. Н. Игнатьевъ упоминаетъ объ одномъ любопытномъ документѣ, который держался долгое время въ величайшей тайнѣ. Это былъ протоколъ, составленный въ 1860 году подъ покровительствомъ французскаго посольства въ Перѣ и подписанный Даудъ-нашой и преосв. Азаріаномъ, двумя въ то время самыми влиятельными лицами среди армянъ-католиковъ.

Онъ заключалъ цѣлую программу дѣйствій, клонившуюся къ сліянію всѣхъ армянъ-католиковъ и грегоріанъ подъ протекторатомъ Франціи, которая, въ случаѣ паденія Оттоманской Имперіи, могла бы *противопоставить ихъ славянамъ и грекамъ*— предполагаемымъ представителямъ русскаго вліянія на Востокѣ. Въ этомъ странномъ актѣ излагалась не только цѣль, которая имъ преслѣдовалась, но и всѣ подробности дальнѣйшихъ дѣйствій, которыхъ могли способствовать достижению этой цѣли. Этотъ протоколъ, какъ говорить гр. Игнатьевъ, даетъ ключъ ко всѣмъ интригамъ, объектомъ которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ были армяне.

(Продолженіе смыкается).

В. Тимошукъ.

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку¹⁾.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 38.

Берлинъ, 27 августа (8 сентября). Среда. [1866 г.].

Поздравляю Васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, съ Царскимъ и Вашимъ собственнымъ праздникомъ, на которомъ, къ сожалѣнію, этотъ годъ я присутствовать, по обыкновенію, не могу. Не знаю и самъ, отъ чего я опоздалъ — просто отъ того, кажется, что захотѣлось благо-дуществовать здѣсь лишнюю недѣлю, вотъ я и благодуществую подъ *Липами*. Здѣсь началось бабье лѣто, послѣдніе красные дни; желалъ бы застать его и въ Петербургѣ, куда мнѣ хочется прибыть ровно черезъ недѣлю, тѣсно будущую среду вечеромъ. И если тамъ будетъ тепло и ясно, то Вы рискуете получить меня самаго съ приобрѣтенною на булонской ярмаркѣ для 30-го августа сигарочищею — въ Павловскѣ.

Изъ прекрасной Франціи я бѣжалъ: Парижъ пусть, унылъ, чего-то ждетъ и боится. Я не хотѣлъ развязываться на обратномъ пути изъ Булони, чтобы не засѣсть тамъ надолго, и не вскрывая чемодана уѣхалъ сюда.

Ждали въ Парижѣ кончины Наполеона²⁾, который сильно прихворнулъ, и этимъ ожиданіемъ смущались, но оно не сбылось — и опять нахлынуло въ Парижъ иностранцы и снова онъ закипѣть.

Даже здѣсь, въ Берлинѣ, пронесшееся фальшивое извѣстіе о смерти Наполеона — произвело панику. Фонды страшно пони-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

²⁾ Это было въ 1866 г.

зились на биржѣ и множество спекулянтовъ разорились въ одинъ день.

А впрочемъ все обстоитъ благополучно. Я прилежно изучаю оттѣнки вкуса сигаръ у разныхъ торговцевъ и обогащаю берлинскую промышленность приобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ нужныхъ, и особенно ненужныхъ вещей.

Отъ чтенія и писанья совсѣмъ отвыкъ и очень жалѣю, что не сдѣлалъ этого раньше, тогда не было бы у меня никакого обрыва ни въ зреѣніи, ни въ расположеніи духа.

Все, что я могъ бы сдѣлать и выпить 30-го августа на Вашемъ празднике — предложите скушать за меня Софію Александровнѣ (особенно мясо, ей нужны силы), а если она того не исполнитъ, то прошу Васъ выдать это мнѣ деньгами.

Короля здѣсь нѣтъ — онъ странствуетъ въ отдаленныхъ краяхъ — а именно въ Штетинѣ, отъ того и поклона Вамъ отъ него не привезу. У Бисмарка разстроенъ желудокъ отъ того, что Наполеонъ выздоровѣлъ. Вообще въ Берлинѣ тихо, покойно и было бы совсѣмъ хорошо, еслибы не воняло на улицахъ скверно.

Прощайте, любезный другъ, обнимаю Васъ заочно, въ ожиданіи обнять собственноручно. Кланяюсь дружески Казимірѣ Казимировнѣ, Екатер. и Соф. Алекс.[андровнамъ], сыну Вашему и всѣмъ домочадцамъ.

И. Гончаровъ.

Вчера мнѣ одинъ молодой человѣкъ сказывалъ, что сегодня долженъ пріѣхать сюда Маркъ Николаевичъ [Любошинскій] съ семействомъ. Утѣшаю себя надеждою, что письмо это придетъ 30 августа.

№ 39.

Маріенбадъ, 15 (27) іюня, 1867.

Любезнѣйший другъ Александръ Васильевичъ,

Собирался, собирался я напомнить Вамъ о себѣ, но, во-первыхъ, рано было, не успѣли Вы меня еще забыть настолько, чтобы появленіе строкъ моихъ могло быть сочтено за воспоминаніе, да еще за пріятное, а во-вторыхъ — въ Маріенбадѣ, какъ принадлежащемъ къ разряду захо[лу]стьевъ и трущобъ, по преимуществу, хотя и зеленыхъ, не рождаются новости, а прішедши сюда и извнѣ, умираютъ. Предметы думъ, помысловъ и стремленій здѣсь суть — печень, потомъ желудокъ, кишки, словомъ — брюхо, которому и посвящаются всѣ заботы, только

не въ смыслѣ пріятнаго переполненія и отягощенія, а непріятнаго промыванія онаго. Оно не круглѣтъ, а оскудѣваетъ здѣсь. И въ этомъ успѣхъ. Я могъ бы радоваться этому успѣху, если бъ оскудѣть только этимъ, но я сталъ скорбенъ и главой, и нищѣ духомъ, но не въ евангельскомъ смыслѣ.

Надѣясь было поздоровѣть, говоря не шутя, освѣжиться, но только поникнуть здоровьемъ и заплеснѣвѣть духомъ; хотѣль приняться за старый, забытый трудъ, взялъ съ собой пожелтѣвшія отъ времени тетради—и не тронулъ ихъ изъ чемодана. Ни здоровье, ни трудъ не удалисъ, и вопросъ о трудѣ рѣшается отрицательно навсегда. Бросаю перо.

На-дняхъ—т: е: дня черезъ три ёду—куда еще самъ не знаю, и потому пока не прошу отвѣта. Можетъ быть, напишу послѣ. Я еще не рѣшилъ:ѣхать ли въ Африку или въ Америку. Въ Африкѣ я отчасти былъ, въ Америкѣ — нѣтъ, и потому вѣроятно махну туда. А пока доѣду до желѣзной дороги ближайшей станціи—и по вдохновенію скажу, куда брать билетъ.

Въ Парижѣ теперь толкотня, туда рано, да я черезъ Парижъ єзжалъ мимоѣздомъ къ морю. А теперь, не шутя, не знаю, гдѣ сяду. Очень жалѣю, что предпринялъ безполезную поѣздку.

Здѣсь я даже газетъ не читаю; даже гуляю мало, а сидя дома, по неволѣ слушаю каждый день органъ сосѣдней лютеранской церкви, да еще надѣ моими комнатами помѣстили скамьи сшедшаго. Днемъ онъ кричитъ благимъ матомъ, а по ночамъ неистово стучитъ ногами въ полъ—или мечется въ кровати и потрясаешь свою, а вмѣстѣ съ ней и мою комнату. Вотъ и всѣ развлечения. По временамъ бываютъ еще грозы, которыя почью мѣшаютъ спать, а затѣмъ все обстоитъ благополучно.

Обнимаю Васъ, кланяюсь Казимирѣ Казимировнѣ и Сашѣ и остаюсь

вѣрно-преданный

И. Гончаровъ.

№ 40.

Baden - Baden, 16 (28) Воскресенье. [1867 г.].

Ваше теплое и доброе письмо, дорогой другъ Александръ Васильевичъ, я получилъ. Къ сожалѣнію, крайнее разстройство нервъ, отчасти тикъ, душевная мерзость, опустѣніе головы, засореніе желудка, и сердца съ обоими его *желудочками*, плѣсень большого мозга (если таковой у меня есть) и мозжечка — все

это дѣлаетъ меня неспособнымъ состязаться съ Вами въ Вашемъ спокойномъ благодушіи, здравости и несокрушимой ясности мысли и слова: поспорю съ Вами только въ отплатѣ дружбой за дружбу и всегда превзойду Васъ—въ ясности почерка. Это—мое преимущество передъ Вами—въ сей, а можетъ быть—и въ будущей жизни. Вы можете возвыситься до первыхъ высотъ—душевной доблести, до первыхъ степеней гражданскихъ и военныхъ почестей, но писать разборчиво никогда не будете. И эти-то орудія казни, т: е: почеркъ, да еще сто-саженная крутая лѣстница—именно предназначены—для друзей, а не для лютыхъ враговъ Вашихъ, ибо сихъ послѣднихъ Вы на лѣстницу къ себѣ не пустите, а если восходите излить на нихъ злобу и хулу письменно — то цѣли не достигнете, ибо они ничего не разберутъ. А друзья рвутся къ Вашимъ дверямъ и къ Вашимъ добрымъ словесамъ: а ихъ стережетъ тамъ—удушье, а тутъ—заманчивая бездна неразборчивости.

Но такъ какъ я пробовалъ когда-то—съ помощью указаній Шамполіона младшаго¹⁾—читать іероглифы, то прочель и Ваше письмо—и усмотрѣлъ, что Вы—по отсутствію только эгоизма—умолчали о своихъ неспокойствахъ и распространялись о моихъ: у Васъ, вмѣсто одной, двѣ больныя теперь. Что это: право, это—должно быть, отъ лѣстницы или отъ почерка. Поклонитесь Казимирѣ Казимировнѣ—и скажите, что хворость ей вовсе не къ лицу, обыкновенно свѣжему и бодрому, и что ей надо дать доктору присягу, что она нездорова — иначе не повѣрить. — А Екатерина Александровна: принесли ли ей купанья въ морѣ хоть немного облегченія? Кланяюсь обѣимъ дружески—и Софье Александровнѣ, хотя ей только что написалъ самъ и благодарю и Васъ, Александръ Васильевичъ, и Софью Александровну, что оба не скучитесь на отвѣты мнѣ. Переписка съ Вами обоими, кромѣ дружескихъ отношеній, со средоточившись въ себѣ для меня почти весь интересъ и интеллектуального, и нравственнаго, и артистическаго... не скажу *развлечениія*: это было бы слишкомъ слабо и поверхностно — нѣтъ, болѣе этого. Придумайте и поставьте сами подходящее слово, которое сю же минуту найдете.

Я дня черезъ три ѿду отсюда—куда еще самъ не знаю, и потому не вызываю Васъ на отвѣтъ. Когда ворочусь—тоже не знаю. Какъ-нибудь подамъ о себѣ вѣсть. Здѣсь есть кое-кто

¹⁾ Знаменитый французскій ученый, изучавшій іероглифы, основатель египтологии.

Русские, но я почти ни съ кѣмъ не вижусь. Тургеневъ буквально невидимъ — онъ проводитъ время на виллѣ Виардо, гдѣ по со-сѣству выстроилъ домъ, но еще не перѣхалъ, по недостатку денегъ. На-дняхъ онъ читалъ мнѣ и Феоктистову [Е. М.]¹⁾ съ женой небольшой разсказъ страницъ въ 20 — но лучше бы его не печатать, потому что дѣйствіе происходитъ въ домѣ публичныхъ женщинъ. У него это не вышло неприлично, но самъ предметъ неприличенъ. Я хочу его остеречь — не знаю, послушаетъ ли.

Я хожу повѣся носъ и ничего не дѣлаю и не буду дѣлать — и выйду ли когда-нибудь изъ своего бездѣйствія и нравственно-умственного разлада — не знаю, сомнѣваюсь. — Иногда заходилъ на рулетку, видѣлъ жадную толпу и тоже, машинально ставилъ луидоръ и то выигрывалъ, то проигрывалъ. Выигралъ франковъ 300, а проигралъ 500, т: е: двѣсти своихъ и бросиль. Но видѣлъ, какъ свѣтлѣйшая Суворова мечетъ груды золота, и другіе Русские и Англичане; видѣлъ, какъ герой земскаго дѣла, удаленный на времія изъ отечества, графъ Шуваловъ²⁾ сорвалъ банкъ два раза и выигралъ болѣе 120 тысячъ франковъ (проигравъ, говорять, въ Парижѣ 500 тыс.); видѣлъ нѣкоторыхъ Русскихъ и не Русскихъ, выходящихъ оттуда, поджавши хвосты. Одинъ попросилъ у меня три луидора, говоря, что все проигралъ и что есть нечего и когда я далъ, онъ проигралъ и ихъ, а потомъ пришелъ опять просить, опять ссылаясь на голодъ. Я расхохотался.

Вашъ отзывъ о нашихъ судахъ радуетъ меня несказанно, — впрочемъ я ожидалъ этого. Вы успѣли попасть въ качествѣ дѣятеля на первыхъ порахъ, чтобы помочь правосудію пустить

¹⁾ Въ тѣ годы состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при м-ре народн. просвѣщ., сотрудничалъ въ „Отеч. Запискахъ“; впослѣдствіи былъ начальникомъ главнаго управлениія по дѣламъ печати.

²⁾ Андрей Петр. Еще въ 1865 г. имъ была произнесена рѣчь въ парк-сосельскомъ земскомъ собраніи, въ которой предлагалось возбудить ходатайство о созывѣ центрального земского собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству. 16 января 1867 г. за рѣзкія рѣчи и постановленіе петербургскаго земскаго собранія принести жалобу на м-ра ви. дѣлъ въ сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 26 — предсѣдатель управы Н. Ф. Крузе былъ высланъ въ Оренбургъ, а гр. Андрей П. Шуваловъ за границу — въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти. Объ этомъ дѣлѣ и участіи Шувалова и др. лицъ см. у Никитенка, Зап. и дневн. изд. 1905 г., Т. II, стр. 262 и 322, въ „Воспоминаніяхъ кн. Мещерскаго“ и у А. Корнилова — „Общественное движение при Александрѣ II“, М. 1909 г., стр. 183.

поглубже корни въ русскую почву, которая засѣвалась кра-
шивымъ сѣменемъ — отъ Шемяки до графа Панина¹⁾ вклю-
чительно.

Прощайте, пока, любезный другъ, жму Вашу руку — и жа-
лѣю, что не могу лично обнять Васъ теперь, когда Вы на дачѣ
и когда я могъ бы сдѣлать это — безъ опасности для своей
жизни — отъ лѣстницы. Не перейдете ли Вы?

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 41.

Киссингенъ 5(17) Іюня. [1869 г.?]

Если Вы, любезный другъ Александръ Васильевичъ, дро-
жите теперь отъ холода и топите печи, а сами думаете злобно,
что вотъ - молъ есть же такие счастливцы, какъ Вашъ пріятель,
пишущій эти строки, который наслаждается тепломъ и свѣ-
томъ, гуляетъ по зеленымъ газонамъ и услаждается запахомъ
розъ... Тутъ и остановитесь: дѣйствительно, розъ нигдѣ я лучше
и больше не видалъ, какъ здѣсь — и даже три дня сряду чья-то
рука присыпаетъ мнѣ по букету онъхъ, „вмѣсто лавровъ“, какъ
сказано въ вложенной въ букетъ записочкѣ — отъ *русской жен-
щины*. Но я и то боюсь, не рука ли это какого-нибудь шут-
ника - мужчины, которая мистификуетъ, какъ въ маскарадѣ
меня — и на променадѣ все пытливо вглядываюсь то въ ту, то
въ другую русскую женщину, но ничего не угадываю. Пусть
же ихъ шутить: если это и смѣхъ, то смѣхъ граціозный, бла-
гоуханный! Пусть же ихъ смѣются!

А въ остальномъ во всемъ Вамъ завидовать нечего. Мы
ходимъ здѣсь въ байковыхъ сюртукахъ и если не топимъ пе-
чей, то потому — что здѣсь больше розъ, нежели дровъ. Дуешь
такой вѣтеръ, что... если это борей, съ бѣлыми *власами*, то онъ
выходить подлецъ, не смотря на свои сѣдины. Природа ублаж-
аетъ насъ дождями обильно, холодными, отчасти съ градомъ:
все, что могло бы уладить нашу горькую долю, запрещено:
даже согрѣваться чаемъ не позволено, этимъ невиннымъ согрѣ-
вателемъ напиткомъ; наложено воздержаніе на сигары, не

¹⁾ Викторъ Никитичъ, министръ юстиції, прославившійся въ продолж-
женіе своего долговременнаго пребыванія на этомъ посту въ качествѣ
ревностнаго охранителя до-реформенныхъ судебныхъ порядковъ.

говоря о винѣ и о прочемъ. Все мучнистое, студенистое, тра-вянистое и мясистое изгнано и дозволено одно водянистое.

И приходится завидовать Вамъ, какъ Вы тамъ, *съдя у копытъ мясныхъ и ядя мяса до сытости*, да еще ботвинье, да пироги съ свѣжими грибами, да ягоды—фу, дайте утереть ротъ платкомъ; *l'eau me vient à la bouche* (т. е.: по-русски *слони текутъ*), и сидите Вы у камина и не злитесь, какъ я, и не пишете злыхъ писемъ, не дѣлаете звѣроподобнаго лица встрѣчнымъ, а курите крѣпкую сигару и любовны ко всѣмъ,—какъ я въ хорошую погоду. А теперь я рву и мечу, проклинаю даже день моего рожденія (который будетъ завтра т. е.: 6(18) Июня—кстати подвернулся) и мечтаю о своей щубкѣ и о доброй, милой Мимишкѣ¹⁾; ее только однѣ не ненавижу въ эту минуту. А прочихъ всѣхъ готовъ, проглотить всѣстѣ съ Ракоци²⁾, чemu, кажется, не мало способствуетъ и солитеръ, таящійся издавна внутри меня. Этотъ мой желудочный боа - конструкторъ показывался когда-то и наружу, его пробовали выгонять, но я подозрѣваю, что онъ перетерпѣлъ всѣ гоненія и остался моимъ со-жителемъ, отъ чего и происходитъ странное явленіе, что въ хорошую погоду—я бываю и человѣкъ хороший, какъ слѣ-дуетъ быть христіанину, мягкий, незлобивый, даже прощающій врагамъ всѣ обиды и способный находить много отраднаго въ жизни. А въ холодъ, въ дождь—я дѣлаюсь не только мизантропомъ, но и мизогиномъ, начинаю ненавидѣть и подобныхъ, и не подобныхъ себѣ, и становлюсь равнодушенъ даже къ Мимишкѣ. Тогда все хорошее исчезаетъ у меня изъ вида, уле-таеть въ небо, и на душу, какъ на него же, находятъ тучи.— Солитеръ ли тому причиной, или вообще раздраженные нервы—но эти мучительныя первыя ощущенія—ужасны: я понимаю, что въ такомъ состояніи разстроеннаго организма, потрясаю-щемъ и душевныя силы, люди предаются неистовству, или выпрыгиваютъ, какъ сдѣлалъ бѣдный Николай Петр. Боткинъ въ Шептѣ, изъ 4 этажа въ окно. Бѣдные, бѣдные люди! Зачѣмъ они испытываютъ это, или зачѣмъ есть обстоятельства, которыя доводятъ ихъ до такихъ ощущеній!

Здѣсь русскихъ не очень много, не то что въ прошломъ году, когда ожидали сюда Императрицу—и когда многіе прїѣхали, чтобы видѣть ее и вообще лица, составлявшія свиту Двора.

¹⁾ Собачка Г., имъ очень любимая и сопровождавшая его повсюду.

²⁾ Лечебная вода.

Я почти ни съ кѣмъ не знакомъ; ходить здѣсь графъ Блудовъ¹⁾, котораго Вы вѣроятно знаете хорошо, а я мало, да какой-то баронъ Фридрихъ, да Толстая (не графиня), еще Верпаховскій²⁾. Я немного знакомъ съ графомъ Блудовымъ, да съ Верпаховскимъ, а остальныхъ не знаю.

Но на дняхъ пріѣхалъ Стасюлевичъ [М. М.]³⁾ съ женой—и мнѣ стало немного повеселѣе. Они люди пріятные и коротко знакомые; съ ними я и бесѣдую, по и бесѣды наши нерадостны, по слушаю дурной погоды, и мы только и дѣлаемъ, что ропщемъ на погоду, а я на всѣхъ и на все.

Не знаю, станеть ли у меня терпѣнія просидѣть здѣсь еще недѣли три или четыре. Я каюсь, что бѣжалъ Мариенбада, боясь его постоянныхъ холодовъ: а вотъ нашелъ ихъ здѣсь. Не знаю, куда я дѣнусь послѣ водъ—мнѣ никуда не хочется. Можетъ быть и вернусь домой, на свое кресло, къ своей милой Мимишкѣ, но не къ перу, не къ книгамъ. Даже хочу не издавать отдельно своего „Обрыв“—и навсегда покончить съ литературой.

Впрочемъ подожду, что скажетъ теплая погода, если такая будетъ. А кстати: на Васъ лежитъ дружеская, хотя и тяжелая обязанность — прочитать „Обрыв“, — и даже, можетъ быть, потомъ защитить его отъ нигилистическихъ и другихъ когтей.

Впрочемъ — я махаю на все рукой и ухожу въ свою апатію. Но буду ждать Вашего отвѣта—сюда: Софья Александровна] скажетъ Вамъ мой адресъ—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, любезный другъ. Прощайте—кланяюсь дружески Вамъ, Казимиръ Казимировнѣ и Екатеринѣ Александровнѣ. А Вашему наслѣднику съ поклономъ передайте мой совѣтъ воспользоваться лѣтомъ, соединяя utile dolci.—Если Александръ Г. Тройницкій⁴⁾ переѣхалъ въ Павловскъ—напомните ему обо мнѣ и о моемъ къ немууваженіи и памяти. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 42.

С.-Петербургъ. 2 Сентября—Суббота. [1872 г.].

Почтеннѣйший бывшій имянинникъ Александръ Васильевичъ, 30-го Августа я хотѣлъ чествовать Васъ своимъ присутствиемъ въ Павловскѣ, какъ настоящаго (а не бывшаго) имѧ-

¹⁾ Андрей Дмитріевичъ, сынъ извѣстнаго государственного дѣятеля; въ тѣ годы былъ посланникомъ при саксонскихъ дворахъ.

²⁾ Возможно, что это былъ Ив. Петр. В—ій, начальникъ отдѣленія комитета министровъ.

³⁾ Извѣстный профессоръ и публицистъ, многолѣтній издатель „Вѣстника Европы“.

⁴⁾ См. письмо № 22.

ниппника, но сила моей воли сломлена силою боли въ вискѣ и щекѣ, т: е: тикомъ, захваченнымъ въ Берлинѣ, въ приснопамятные дни свиданія трехъ Государей¹⁾) — отъ какового тика я и по днесъ сижу по долгу, не шевелясь, въ своемъ углу и смиренно претерпѣваю тѣ самыя страданія, коихъ Вы были нѣкогда свидѣтелемъ въ не-великолѣпной столицѣ Привислянскаго края.

Хотя я сижу уже въ своей хатѣ, но домой все якобы не прѣѣхалъ, ибо не могу свыкнуться ни съ внезапно наступившимъ холодомъ, вѣтромъ и дождями послѣ непомѣрныхъ жаровъ въ Парижѣ и Берлинѣ, не могу признать за благоустроенную мостовую тотъ океанъ острыхъ и угловатыхъ—ямами и горбами разбросанныхъ по улицамъ каменьевъ—не могу еще покойнымъ окомъ и равнодушнымъ ухомъ видѣть и слышать сонмы бродящихъ по улицамъ улившихся неопрятныхъ существъ, съ ихъ дикими криками и бранью.—Ко всему этому потребно вновь привыкнуть—и тогда уже свое хорошее паки восприметъ власть надъ умомъ и сердцемъ. А прежде суется въ глаза дурное.

Климатъ (тоже—*некороче* у насъ) уже насытъ на меня съ обычною своею злобою—и надѣлилъ сугубою хандрою и обычною мою, отъ преклонныхъ лѣтъ и скорбныхъ обстоятельствъ происходящею, а также и осеннею непогодою порождаемою, а затѣмъ еще онъ же, злой климатъ, поддерживаетъ и слабость нервъ и тикъ и т. д. и т. д.!

По всему вышепизложенному—я и не могъ преблагодушествовать 30-е Августа въ Вашей, достолюбезной бесѣдѣ въ Павловскѣ, а просидѣлъ у себя, злобствуя и болѣя духомъ и тѣломъ!

Вѣрную, что и Вы не можете благодушно пребывать въ бурныхъ болотныхъ махахъ при осеннемъ завываніи вѣтра, при колебаніи деревъ, дрожаніи оконъ, окоченѣніи носовъ—и скоро перенесетесь сюда, въ сосѣдство къ звѣздамъ небеснымъ и церковнаго Владимірскаго креста—куда на эту высоту устремлюсь и я, какъ только свѣдаю о Вашемъ сюда пришествіи, а дотолѣ дружно и любовно Вамъ и всему дорогому семейству Вашему кланяюсь.

Вашъ И. Гончаровъ.

¹⁾ Свиданіе это происходило въ послѣднихъ числахъ августа 1872 г.

№ 43.

25 Марта [18] 73 [г.]

Благодарю Васъ, наипочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, за любезный и добрый вопросъ о моемъ здоровье и о томъ, куда я повезу его—приводить въ порядокъ?

Самъ не знаю: даже, можетъ быть, останусь въ Моховой—ибо главная болѣзнь моя—это крайнее раздраженіе и потомъ упадокъ или ослабленіе нервъ. Я то, что французы называютъ *énervé*: если нельзя укрѣплять нервы, то надо хоть избѣгать всего, что можетъ ихъ тревожить. А гдѣ лучше, какъ не дома достигнешь этого—въ тишинѣ, покой и отсутствіи поводовъ къ тревогамъ? Вотъ—между прочимъ причина моего упорного уединенія, на которое Вы такъ любезно и дружески жалуетесь.

Въ моихъ мечтаніяхъ и хотѣніяхъ я иногда, по привычкѣ, порываюсь странствовать—это правда, но это только говорить жадность и привычка, а на дѣлѣ, когда до него дойдетъ очередь, оказывается, что я и слабъ, и тяжелъ на подъемъ и наконецъ боленъ и что мнѣ путешествовать и не надо и охоты нѣтъ.

Такъ я рванулся было опять вокругъ свѣта—но потомъ, строго анализировавъ себя и свое моральное и физическое я, я благословилъ судьбу, что мнѣ вначалѣ отказали на отрѣзъ.

Такъ же точно недавно порывался въ Италію, гдѣ не былъ и гдѣ мнѣ всегда мечталось видѣть Венецію, Флоренцію, Римъ и Неаполь: пожалуй—туда, можетъ быть, на первыхъ, горячихъ порахъ желанія и поѣхалъ бы, такъ какъ это не такъ далеко, какъ вокругъ свѣта, но туда надоѣхать осенью или зимой, а для меня зимнее странствіе немыслимо, по причинѣ того самого *тика*, о которомъ упоминаете Вы, справедливо называя его „проклятымъ“. Дома можно, и то—не всегда удается, уберечься отъ сквозныхъ и отъ несквозныхъ, но холодныхъ вѣтровъ, сырости и вообще всего, что тревожитъ нервы въ вискахъ и зубахъ—а какъ уберечься этого въ вагонахъ или нетопленныхъ домахъ заграницей зимой, когда я и лѣтомъ иногда не спасаюсь въ дорогѣ отъ этого зла? Помните—мои страданія въ Варшавѣ? Почти тоже самое повторилось—къ счастію короче—и въ Берлинѣ въ прошломъ Августѣ!

Словомъ—„какъ ни кинь, все клинъ“! Однако на маслянице былъ здѣсь по дѣламъ службы мой племянникъ¹⁾, кото-

¹⁾ Викторъ Михайловичъ Кирмаловъ, младшій сынъ сестры И. А.—А. А. Кирмаловой. Объ отношеніяхъ И. А. къ родственникамъ см. у Суперансаго—„И. А. Гончаровъ и новые материалы для его біографіи“. „Вѣст. Европы“ 1907 г. № 2 и 1908 г. №№ 11 и 12.

раго Вы знаете—и я чуть было не увлекся желаніемъ уѣхать съ нимъ, такъ какъ для него это было ново и интересно, а для меня полезно и пріятно: полезно потому, что онъ, будучи самымъ близкимъ мнѣ, послѣ покойной Мишишки¹⁾, лицомъ,— служилъ бы мнѣ костылемъ въ моей старости и дряхлости ибо одинъ я теперь ъздить побаиваюсь и скучаю, а пріятно—потому, что у него живой, веселый умъ и добрый характеръ. Съ другими—ни съ кѣмъ я не подадилъ бы такъ какъ съ нимъ,

Но у него есть ближе меня лица—это жена, сынъ и еще ожидаемое чадо, которыхъ онъ оставилъ въ Одессѣ. Потомъ—и это главное—хотя у него тамъ Колхида и подъ бокомъ, но онъ не добылъ тамъ золотого руна, которое вседавно прибрали къ рукамъ новѣйшие аргонавты—жиды. А безъ этого руна—намъ съ нимъ—ни порознь, ни совокупно, странствовать неспособно. И я—помечтавъ съ нимъ—остался дома, а онъ отошелъ въ свою страну.

Вотъ Вамъ—любезный другъ—подробный отчетъ на Ваши вопросы, на которые еще подробнѣе надѣюсь отвѣтить лично на праздникахъ.

А до тѣхъ поръ дружески и Вамъ и Вашимъ кланяюсь.

И. Гончаровъ.

А Вы сами—куда? Отвѣтъ вѣроятно одинъ: въ Павловскъ—такъ ли?

№ 44²⁾.

15 Мая.

Вотъ вамъ мое посильное приношеніе, наисладчайшій изъ друзей, Александръ Васильевичъ, съ краткою, но правдивою надписью! Другой экземпляръ желала имѣть Екатерина Александровна, кажется, для подарка кому-то: прошу Васъ неукоснительно передать ей. Прислалъ бы я и третій экземпляръ, обѣщанный Г. О. Ф. Миллеру³⁾ за его любезный подарокъ

¹⁾ См. выше, письмо № 41.

²⁾ Выяснить даты двухъ, помѣщенныхъ здѣсь послѣдними, писемъ не представилось ни малѣйшей возможности; въ отношеніи же остальныхъ писемъ это удалось или вполнѣ точно или въ значительной степени приближенности (во второмъ случаѣ, какъ читатель могъ замѣтить, ставились знаки вопроса).

³⁾ Извѣстный профессоръ исторіи русской литературы, популярный лекторъ и писатель. Диссертацией его „О нравственной стихии въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“, издана въ 1858 г.

мнѣ диссертaciї, да боюсь, что экз. этотъ ухнетъ въ Вашъ книжный океанъ и погрузится на дно и потому буду искать другого, болѣе надежнаго способа къ передачѣ. Видите, есть пункты, гдѣ и Вы можете быть подозрѣваемы въ ненадѣжности!

Зашелъ бы я сегодня, по дорогѣ изъ Царскаго Села, часовъ въ 8 вечера къ Вамъ, въ домъ Фридрихса, еслибы зналъ, что Вы дома, но боюсь не застать, а хотѣлось бы повидаться и уговориться отобѣдать вмѣстѣ, если не на этой недѣлѣ, то хоть въ началѣ будущей. Кланяйтесь всѣмъ Вашимъ и не забывайте также Вашего

И. Гончарова.

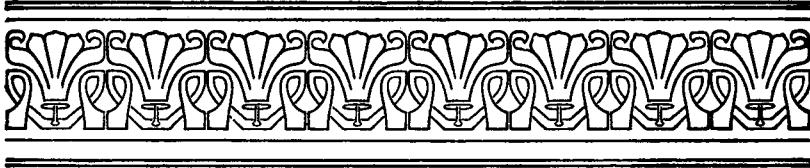
№ 45.

Воскресенье.

Ваше Превосходительство! Слезно умоляю, снимите съ меня тяжесть преступленія: сегодня (въ Воскресенье) Некрасовъ [Н. А.] намѣревался просить Васъ въ 4 $\frac{1}{2}$ часа обѣдать къ нему и я, злонолучный, взялъ на себя лично передать Вамъ это приглашеніе и увы! забылъ. Если Вы и обѣщали куда-нибудь, то обманите и будьте тамъ, или надо мной загремятъ проклятья! Обѣдаю, кажется, только я, да Вы, или виноватъ—Вы да я. Надѣюсь до 4 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Вашъ Гончаровъ.

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ¹⁾.

Въ всѣхъ послѣдователей Виталіи въ Плавняхъ выжилъ одинъ только Ф. Ковалевъ, и обѣ этомъ виновникѣ совершившагося слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ.

Предварительное слѣдствіе лишено было возможности сбрать о личности его желаемый материалъ. Жизнь его до Тираспольского события протекала въ условіяхъ самой обыкновенной обстановки, мѣстнаго мѣщанина - садовладѣльца.

Всѣ близкія, общавшія съ нимъ, лица заживо погребены имъ, а съ живущими сосѣдями онъ не зналъ и избѣгалъ ихъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на участвовавшихъ въ производствѣ предварительного слѣдствія, какъ я сказалъ уже, было впечатлѣніемъ, производимымъ человѣкомъ неразвитымъ, замкнувшимся въ самого себя и не любившимъ общенія. Тако-вымъ обнаружилъ онъ себя и во время заключенія своего въ тюрьмѣ. По словамъ начальника тюрьмы Кривенко, онъ примирялся съ условіями своего тамъ существованія и выражалъ Кривенко намѣреніе взять себѣ по дѣлу хорошаго защитника. Въ этихъ видахъ онъ отдалъ въ аренду пять съ лишнимъ десятинъ своей земли на 12 лѣтъ и сразу получиль 1200 рублей, которые и передалъ въ тюрьму на храненіе. Кромѣ того онъ не забылъ и старика Соловьеву, отца, заживо похороненной имъ жены своей, и подарилъ ему $1\frac{1}{2}$ десятины своего сада, „чтобы этимъ, хотя отчасти, вознаградить Соловьева за смерть дочери“, какъ говорилъ Ковалевъ. На будущее, по удостовѣре-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

нію этого свидѣтеля, Ф. Ковалевъ смотрѣлъ довольно бодро, надѣясь на хорошаго защитника. Практическій человѣкъ, поглощенный будничными интересами жизни, а не человѣкъ, пережившій величайшія нравственные страданія, сказывался въ немъ и въ отношеніяхъ его къ производившему уголовному дѣлу.

Онъ, повидимому, не чувствовалъ мучительныхъ угрозъ совѣсти и былъ далекъ отъ учиненія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ слѣдствія, чистосердечнаго сознанія. Онъ пытался вначалѣ, при учиненныхъ допросахъ его, поддерживать легенду, будто жена съ дѣтьми уѣхала въ какіе-то невѣдомыя ему далекія страны, при чемъ для поддержанія достовѣрности своего утвержденія, изъявлялъ готовность перенести материальныя траты, съ цѣлью обнаруженія ихъ мѣстожительства. Когда старикъ Соловьевъ съ двумя взрослыми сыновьями, узнавъ объ исчезновеніи жены Ф. Ковалева и подъ вліяніемъ распространившихся въ народѣ слуховъ, что она съ дѣтьми и другими исчезнувшими лицами похоронена живою, стали энергично требовать отъ него объясненій, онъ отвѣчалъ лаконично, отзываясь полнымъ невѣдѣніемъ, но при этомъ изъявилъ согласіе на производство пришедшими Соловьевыми, по ихъ желанію, осмотра мѣстности и помѣщеній. Только тогда, когда такимъ образомъ, безъ всяаго съ его стороны содѣйствія, стали обнаруживаться въ Плавняхъ замурованные и засыпанные землей трупы, жертвы его дѣйствій, онъ измѣнилъ свою тактику отрицанія и лжи и постепенно сталъ учинять сознаніе въ совершенніи того дѣла, отрицаніе котораго было уже немыслимо. Такимъ образомъ Ф. Ковалевъ не терялъ реальной почвы подъ ногами, а его религіозный фанатизмъ былъ, нужно полагать, не естественнымъ продуктомъ развитія его внутреннихъ убѣжденій, а извѣтно вѣяніемъ душевнымъ настроениемъ, навѣяніемъ подавившою его своею волевою силою Витали. Прекратилось со смертью ея это вліяніе, и Ф. Ковалевъ сталъ быстро пріобрѣтать обычный обликъ зауряднаго и разсудочнаго человѣка, весьма скромнаго умственнаго развитія. Эти свойства личности явственно выяснились и въ послѣдующемъ періодѣ его жизни.

Результатами произведенныхъ по дѣлу дознаній и предварительного слѣдствія съ полной несомнѣнностью выяснилось, что преступныя дѣянія, совершившіяся въ Плавняхъ, имѣютъ вполнѣ спорадическое значеніе и не вышли изъ предѣловъ данной мѣстности. Въ видахъ выясненія того, не представляются ли эти тираспольскія преступленія лишь частнымъ выражені-

емъ глубокаго религіознаго движенія, народившагося въ расколѣ, полицеїскія разслѣдованія распространілись на широкую терріторіальную область. Дознаніе, въ видахъ этихъ, было произведено въ городѣ Херсонѣ и Николаевѣ, гдѣ проживали родные сестры Виталіи—Татьяна Панкова, а также мужъ и дѣти другой, какъ мы знаемъ зарывшайся сестры ея, Елизаветы Денисовой. Для установленія личности Виталіи и выясненія ея отношеній къ другимъ лицамъ, дознаніе произведено было также въ г. Одессѣ, гдѣ проживалъ родной братъ ея, Лука Мокѣевъ. Ни въ этихъ мѣстахъ, ни въ мѣстности, ближайшей къ г. Тирасполю, не удалось однако обнаружить ничего такого, что могло бы служить признакомъ широкаго распространенія изувѣрствъ религіознаго воззрѣнія Виталіи.

Предварительное слѣдствіе по окончаніи своемъ, несмотря на обнаружившіяся фактическія данныя къ обвиненію Ф. Ковалевы въ совершеніи ряда убийствъ подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, не получило однако дальнѣйшаго движенія въ судебнотъ порядкѣ. Статья 203 Улож. о Нак. (нынѣ закономъ 14 марта 1906 г. отмѣненная, въ качествѣ квалифицирующей убийства статьи), хотя по внѣшнимъ признакамъ и соотвѣтствовала виновности его, но не соотвѣтствовала ей по внутреннему ея содержанію. Какъ ни ужасны были совершенныя Ф. Ковалевымъ убийства, но тѣмъ не менѣе совершены они были изъ желанія счастіи души загубленныхъ имъ близкихъ людей отъ власти антихриста. Онъ былъ, подъ вліяніемъ воздѣйствій Виталіи, убѣжденъ, что, совершая свои дѣянія, онъ спасаетъ ихъ души для вѣчнаго блаженства, а для подобныхъ поступковъ карательная статья закона, угрожавшая каторжными работами отъ 12—15 лѣтъ, едва-ли могла быть признана подходящей. Такой обвинительный приговоръ о Ф. Ковалевѣ не соотвѣтствовалъ бы взволнованной, совершившимися злодѣяніями, общественной совѣсти и не удовлетворилъ бы ее. Но, съ другой стороны, и постановка присяжными засѣдателями оправдательного приговора, въ виду исключительныхъ свойствъ совершенныхъ преступленій вполнѣ возможная, точно также не удовлетворила бы интересы уголовнаго правосудія. Этотъ взглядъ на дѣло, сложившійся и у мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, былъ поддержанъ и мною, по возвращеніи изъ Тирасполя, при личномъ докладѣ тогданиему министру юстиціи Н. В. Муравьеву и встрѣтилъ съ его стороны сочувственное отношеніе. Н. В. Муравьевъ пожелалъ только, чтобы прежде чѣмъ установить окончательное сужденіе по дѣлу, я сѣѣздилъ отъ его имени къ

оберъ - прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву и повторивъ ему мой докладъ, попросилъ его высказать свое мнѣніе о томъ, согласенъ ли онъ будеть на то, чтобы онъ, министръ, Всеподданнѣйшимъ докладомъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на прекращеніе судебнаго дѣла о Ф. Ковалевѣ и о пожизненномъ заключеніи его въ монастырь. Вспоминая это посѣщеніе мною К. П. Побѣдоносцева, какъ далеко отстоящій отъ настоящаго времени историческій моментъ, приходится сказать, что посѣщеніе это произвело на меня впечатлѣніе, неожидавшееся мною. Направляясь къ нему, я зналъ, что онъ находится въ курсѣ этого дѣла, но я вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ, что онъ радъ будеть, помимо имѣвшихся у него въ распоряженіи источниковъ знанія этого дѣла, полученныхъ чрезъ лицъ духовнаго вѣдомства, послушать судебнаго дѣятеля, съ мѣста преступленія пріѣхавшаго и имѣвшаго возможность можетъ быть сообщить ему такія свѣдѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ. Докладъ мой вышелъ очень неудачнымъ. Изложеніе обстоятельствъ дѣла и свѣдѣній, относившихся къ жизни мѣстнаго раскола, его видимо не интересовало. Онъ нѣсколько разъ перебивалъ мой докладъ въ качествѣ человѣка, которому все это хорошо известно и у которого сложился уже вполнѣ опредѣленный взглядъ на это преступленіе.

Въ концѣ концовъ онъ завелъ со мною бесѣду о томъ, что дѣлается у насъ въ Уголов. Кассац. Дец. Сената, при чемъ заявилъ свое неудовольствіе на разъясненія Сената по вопросамъ объ уголовномъ преслѣдованіи штундистовъ. Это были годы энергичнаго воздействиія власти на эту секту путемъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія ея (главнымъ образомъ по ст. 29 Уст. о Нак.). Сенатъ, стремясь ввести эти преслѣдованія въ законные предѣлы, нерѣдко устанавлялъ ограничительные признаки по вопросу о томъ, что такое штунда и при наличности какихъ условій проповѣдываніе ея ученія подходитъ подъ дѣйствіе уголовнаго закона. „Вамъ хорошо, сидя въ зданіи Сената, давать всевозможныя разъясненія въ отношеніи преступной дѣятельности раскола, но каково намъ, дѣйствующимъ на мѣстахъ, бороться съ расколомъ при вашихъ разъясненіяхъ“, говорилъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ. Видя, что цѣль моего пріѣзда, по порученію М. Ю., не достигается, я рѣшился прямо поставить вопросъ о томъ, въ виду затрудненій, встрѣчающихся для преданія суду Ф. Ковалева, какъ полагалъ бы онъ поступить съ дальнѣйшей судьбой Ф. Ковалева? „Повѣсить его надо“, сказалъ мнѣ К. П. Побѣдоносцевъ съ видимымъ раздраженіемъ.

Я вполнѣ убѣжденъ, что въ этой фразѣ не было выражено твердо сложившагося убѣженія ея автора. Это были, по выраженію Горация, „губныя слова“, въ которыхъ не отразились ни мысль, ни чувство говорившаго ихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что впослѣдствіи и вѣроятно при личномъ свиданіи съ Н. В. Муравьевымъ К. П. Побѣдоносцевъ раздѣлилъ его взглядъ и согласился на прекращеніе этого дѣла. Но со мною онъ говорилъ иначе и, полагаю я, раздраженно потому, что видѣлъ въ моемъ посѣщеніи попытку судебнаго дѣятеля вторгнуться въ специальную область его вѣдѣнія въ отношеніи борьбы съ расколомъ. Смущенный я рѣшилъ поставить вопросъ въ нѣсколько иной болѣе опредѣленной формѣ. Я спросилъ К. П. Побѣдоносцева, не признаетъ ли Его Высокопревосходительство цѣлесообразнымъ и справедливымъ замѣну ожидающей ї. Ковалева уголовной кары помѣщеніемъ его пожизненно въ монастырь. „Никогда, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣшительно, — это для чего же? Для того, чтобы Ковалевъ испортилъ мнѣ въ монастырѣ всѣхъ монаховъ!“ На этомъ и окончилась наша бесѣда и притомъ единственная моя бесѣда съ К. П. Побѣдоносцевымъ.

31 декабря 1897 г., по Всеподданійшему докладу Министра Юстиціи, послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе относительно помѣщенія ї. Ковалева въ одинъ изъ православныхъ монастырей. Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія, по опредѣленію Св. Синода отъ 30 января и 8 февраля 1898 г., названный мѣщанинъ ї. Ковалевъ помѣщенъ былъ въ существовавшее тогда при Сузdalскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ арестантское отдѣленіе. Это заключеніе Ковалева длилось однако недолго. Въ 1904 г. настоятелемъ названаго монастыря данъ былъ Св. Синоду отзывъ, что ї. Ковалевъ „набоженъ, скроменъ, изъ раскола присоединился къ Православной Церкви, заслуживаетъ участія и полнаго помилованія“¹⁾.

Затѣмъ, въ 1904 г., согласно опредѣленію Св. Синода, въ октябрѣ Ковалевъ переведенъ былъ въ число братіи этого монастыря и назначенъ послушникомъ, а черезъ два мѣсяца въ январѣ 1905 г. б. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ испрошено было Высочайшее соизволеніе объ освобожденіи Ковалева изъ монастыря. Изъ свѣдѣній, въ томъ же году сообщенныхъ Оберъ-Прокурору Министерствомъ Внутрен-

¹⁾ Означенныя свѣдѣнія получены мною изъ дѣлъ Канцелярии Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ б. Оберъ-Прокурора С. Дукянова, согласно просьбѣ моей, имъ любезно исполненной.

нихъ Дѣлъ, видно, что послѣ освобожденія своего изъ монастыря Ковалевъ выбылъ къ мѣсту своего жительства, то есть въ Плавни. Какъ сложилась затѣмъ его дальнѣйшая судьба, видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Тираспольского уѣзда¹⁾. Оказывается, что вскорѣ по выходѣ изъ монастыря Ф. Ковалевъ женился на православной и, имѣя отъ нея дѣтей, основалъ, такимъ образомъ, новую семью, съ которой вѣроятно проживаетъ и понынѣ въ Плавняхъ. Вспоминается мнѣ, что уже при производствѣ настоящаго дѣла мѣстная власти опасались, что мѣсто совершеннія преступленій привлечетъ къ себѣ въ будущемъ вниманіе фанатиковъ бѣгунскаго толка и сдѣлается предметомъ культа. Можно было также опасаться, что прибытие въ ту мѣстность Ф. Ковалева будетъ точно также содѣйствовать развитію религіознаго фанатизма. Дѣйствительность показала однако, что опасенія эти не нашли почвы для своего осуществленія. Ф. Ковалевъ, несмотря на обнаруженную крайность своего изувѣрства, явился къ себѣ на родину преображеніемъ и притомъ православнымъ, не возбудившимъ къ себѣ вниманія, а тѣмъ болѣе расположенія ни раскольничьяго, ни православнаго населенія.

Повидимому, на этотъ разъ обращеніе Ф. Ковалева въ православіе не менѣе искренно, чѣмъ то изувѣрство, которое возбуждено было въ немъ Виталіей, какъ въ раскольникѣ. Изъ частныхъ свѣдѣній видно, что нынѣ онъ заявляетъ себя ярымъ защитникомъ православной вѣры и стремится къ проповѣднической дѣятельности, съ цѣлью обращенія старовѣровъ въ православіе. Онъ не уклоняется принимать участіе въ религіозныхъ собесѣданіяхъ и дѣлаетъ попытки занять мѣсто псаломщика при мѣстной единовѣрческой церкви. Мѣстные старовѣры говорятъ, что Федоръ Ковалевъ „въ православной вѣрѣ весьма упоренъ и скорѣе его жена приняла бы старую вѣру, нежели онъ“. Онъ не забываетъ также интересы плодоводства и занимается обработкой сада и вообще своимъ домашнимъ хозяйствомъ. Производить онъ на лицъ, нынѣ общающихся съ нимъ, впечатлѣніе совершенно здороваго и спокойнаго человѣка, обнаруживающаго сильную волю и установившійся характеръ.

Старовѣры, сочувственно относившіеся къ Виталіи и ожидавшіе по предсказанію ея конецъ міра, послѣ всего совершившагося разочаровались въ ея ученіи и уѣдѣлись въ томъ, что

¹⁾ Доставленіемъ этихъ свѣдѣній я обязанъ любезности б. уѣзднаго члена Одесского окружнаго суда по Тираспольскому уѣзду В. Деменитру, сообщившему мнѣ ихъ въ 1910 году.

замурованные были заблуждавшимися подвижниками. Соответственно этому Виталия, въ воспоминаніяхъ мѣстнаго населенія, оказывается совершенно непопулярной, и они вспоминаютъ о ней съ тяжелымъ чувствомъ какъ объ участницѣ въ зломъ дѣлѣ. Въ связи съ такимъ настроениемъ тотъ погрѣбъ и тѣ ямы, въ которыхъ покончили свое существование мучительной смертью Виталия и ея сподвижники, остаются понынѣ заброшенными въ прежнемъ видѣ, не представляя для живущаго въ тѣхъ мѣстахъ населенія никакого религіознаго интереса. При попыткахъ узнать отъ нынѣшнихъ плавнинскихъ жителей что-либо о погибшихъ, они стараются разговоръ замять и какъ бы стыдятся за совершившееся.

Таковъ оказался результатъ этого совершенно исключительного по своимъ свойствамъ уголовнаго преступленія. Антихристъ оказался побѣженнымъ, но человѣческія жертвы, созданныя борьбою съ нимъ, какъ съ фикცіей, многочисленны.

Французскій психологъ Рибо высказалъ упрекъ современной психологіи въ томъ, что она слишкомъ мало до сихъ поръ занималась изслѣдованиемъ религіозныхъ идей и чувствъ. Тираспольское дѣло свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь въ этомъ отношеніи создаетъ, дѣйствительно, цѣнныя материалы, на опѣнкѣ которыхъ поучительно остановиться. При неизбѣжно ограниченныхъ предѣлахъ журнальной статьи невозможно исчерпать всего обилія имѣющихся въ слѣдственномъ по дѣлу производствѣ данныхъ¹⁾.

Тираспольское изувѣрство представляется продуктомъ рѣзкаго отреченія отъ міра лицъ, вложившихся въ него. Генезисъ этого отреченія приходится искать не въ одной какой-нибудь причинѣ, повелительно воздѣйствовавшей на участниковъ пре-

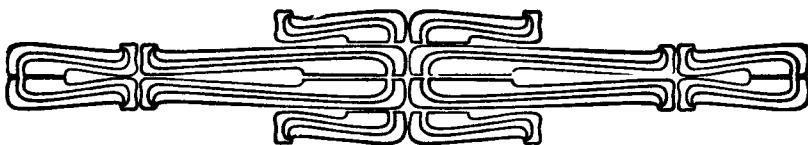
¹⁾ Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго вниманія многочисленные осмотры, произведенныя судебнѣмъ слѣдователемъ, вещественныхъ доказательствъ по дѣлу. Такъ, въ слѣдственномъ производствѣ имѣются: 1) осмотръ иконъ, книгъ и свѣчей, найденныхъ въ минѣ погреба Фомина 2) осмотръ иконъ-крестовъ, четокъ и др. предметовъ, найденныхъ въ кельѣ Федора Ковалева; 3) осмотръ предметовъ, найденныхъ въ одной изъ келій скита; 4) осмотръ книгъ и рукописей, найденныхъ въ сундучкѣ, обнаруженномъ на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Федоръ Ковалевъ; 5) осмотръ камилавки, въ которой Ф. Ковалевъ доставленъ былъ въ тюрьму; 6) осмотръ вещей, принадлежащихъ Ф. Ковалеву, въ которыхъ онъ былъ арестованъ; 7) осмотръ одежды слѣпого старика, жившаго у Александры Ковалевой; 8) осмотръ вещей, найденныхъ въ усадьбѣ Назара Фомина въ ямѣ, вырытой недалеко отъ погреба. Цѣнны также имѣющіеся въ слѣдственномъ дѣлѣ осмотры скита А. Ковалевой и м. д.

ступленія, а въ цѣломъ рядѣ сложныхъ причинъ, обусловившихъ собой существованіе и міровоззрѣніе тираспольскихъ жителей. Не послѣднее мѣсто въ ряду этихъ причинъ сыграла ихъ замкнутость и отчужденность отъ соціального существованія. Они не знали никакихъ общественныхъ интересовъ и вполнѣ безучастно, какъ мы видѣли, относились даже къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Только подъ конецъ своего земного существованія, когда они уже стали лицомъ къ лицу съ роковымъ, возникшимъ въ нихъ вопросомъ о неизбѣжности борьбы съ антихристомъ, они начали заботиться о ближнемъ и, поспѣшно распродавая свое имущество, какъ о томъ удостовѣрили многіе свидѣтели, такимъ образомъ вложились въ дѣло благотворительности. Въ теченіе предшествовавшаго времени, въ періодъ долгаго своего существованія въ Плавняхъ они не находили отклика въ своемъ сердцѣ на нужды ближнихъ. Ихъ гораздо больше интересовало подавленіе въ себѣ всѣхъ мірскихъ желаній и уничтоженіе тѣхъ соціальныхъ чувствъ, которыя привязываютъ обыкновенно людей къ жизни. Добровольно принятая ими на себя великія страданія являются естественнымъ послѣдствіемъ этого воспитаннаго ими въ себѣ душевнаго настроенія.

В. Случевскій.

(Окончаніе).

Лирика Е. А. Боратынского.

Пора Боратынскому занять на русскомъ Парнасъ мѣсто давно ему принадлежащее“---такими словами начиналъ Пушкинъ свою статью о Боратынскомъ и, опредѣливъ дарованіе Боратынского, въ заключительныхъ строкахъ указывалъ „степень, ему принадлежащую“: „подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды“, т. е. Батюшкова.

Дружески относившійся къ Боратынскому, Пушкинъ выступилъ на защиту любимаго поэта, и послѣдующей критикѣ приходилось исходить изъ отзывовъ Пушкина о Боратынскомъ, соглашаясь съ ними или полемизируя,—такъ ярка и значительна характеристика творчества Боратынского, сдѣланная великимъ поэтомъ: „...Никто болѣе Боратынского не имѣть чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ... Боратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналъ—ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналъ и вездѣ, ибо мыслить по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ... Никогда не тащится онъ по пятамъ своей вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ идетъ *своего дорогого одинъ и независимъ...*“

Таковъ высшій и пристрастный къ поэтическимъ достоинствамъ судъ Пушкина, намѣтившаго для будущихъ поколѣній оцѣнку творчества Боратынского и указавшаго на необходимость опредѣленія историко - литературного значенія поэзіи „поэта мысли“.

И до сихъ поръ, какъ и во времена Пушкина, остался Бо-

ратынскій неоцѣнимымъ по достоинству, до сихъ поръ онъ не занялъ никакого мѣста „на русскомъ Парнасѣ“, довольствуясь названіемъ оригинального и независимаго поэта Пушкинскай плеяды, въ которой онъ занялъ одно изъ почетныхъ, но весьма неопределенныхъ мѣстъ.

Панегирики и памфлеты, направляемые по адресу поэта-мыслителя, еще болѣе затрудняютъ историко-литературную оцѣнку его, такъ какъ обособляютъ, отрываютъ отъ современной эпохи поэта, и безъ того достаточно обособленнаго и мало зависимаго отъ господствовавшихъ въ то время направленій и настроеній.

Указать отношенія поэзіи Боратынского къ поэзіи современной ему и къ поэзіи предшествующей эпохи, а также определить степень вліянія поэзіи Боратынского на послѣдующія поколѣнія—задача широкаго изслѣдованія о Боратынскомъ, на которое не претендуетъ настоящій очеркъ, представляющій только опытъ общей схемы и рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ развивалась лирическая дѣятельность Боратынского¹⁾.

Трудность историко-литературнаго изученія Боратынского увеличивается вслѣдствіе того неопределеннаго, колеблющагося отношенія къ поэту, которое мы замѣчаемъ въ различные періоды дѣятельности поэта и послѣ его смерти. Очевиднымъ успѣхомъ пользовался поэтъ „для немногихъ“, какъ потомъ называли Боратынского, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда—и въ современной критикѣ и въ широкихъ кругахъ общества—слава его возростала вмѣстѣ со славой Пушкина, и когда онъ бывалъ неразлучнымъ и равнымъ спутникомъ общепризнаннаго генія Пушкина: въ то время къ имени Пушкина общее мнѣніе неизмѣнно присоединяло имя Боратынского и едва-ли не съ равнымъ интересомъ слѣдило за успѣхомъ обоихъ большихъ лирическихъ поэтовъ, развивавшихся независимо и пошедшихъ по разнымъ путямъ творчества, по которымъ не успѣвала слѣдовать широкая публика.

Въ тридцатыхъ годахъ Пушкинъ своими новыми и независимыми путями творчества и мощными, крылатыми взмахами гениально-поэтической мысли и чувства заставлялъ прислушиваться къ себѣ и поражалъ воображеніе, вызывая въ сердцахъ читателей то горячее отвѣтное сочувствіе, то рѣзкое осужденіе отставшаго въ пониманіи происходящихъ явленій и событий

¹⁾ Этюдъ о поэмахъ и прозѣ Боратынского, какъ занимающихъ особое положеніе въ творчествѣ поэта, выдѣленъ нами изъ этого очерка литературной дѣятельности.

литературной жизни. Боратынскій въ это время былъ совсѣмъ потерянъ изъ виду съ его не широкимъ, особымъ, рѣзко индивидуальнымъ характеромъ поэзіи, за нимъ и по его пути не пошелъ никто, и, по свидѣтельству Пушкина, уединенный поэтъ „встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ“. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ поклонниковъ поэзіи Боратынского въ это время является И. В. Кирѣевскій, тщетно обращавшій вниманіе критики и публики на музыкально-поэтическую и поэтическо-философскую сторону творчества поэта, для пониманія котораго надо имѣть „и тоныше слухъ и больше вниманія, не жели для другихъ поэтовъ“, — критика и публика проходила мимо сумрачнаго поэта-индивидуалиста и „не дослушивала всѣхъ оттѣнковъ его поэтической мысли и чувства“. Мало замѣтной пропла въ русскомъ обществѣ даже смерть поэта, бывшаго когда-то одной изъ самыхъ великихъ надеждъ и предметовъ пристрастія, а выпущенная имъ въ 1842 году (за два года до смерти) книга „Сумерки“, по свидѣтельству М. Н. Логинова, „произвела впечатлѣніе привидѣнія, явившагося среди удивленныхъ, недоумѣвающихъ лицъ, не умѣющихъ дать себѣ отчета въ томъ, какая это тѣнь и чего она просить отъ потомковъ“.

Дѣя противорѣчивыя статьи Бѣлинскаго, возставшаго на поэта во имя идеи прогресса, въ общемъ сознаніи читателей поставили Боратынского на первое мѣсто среди всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, но во второй половинѣ XIX вѣка Боратынскій окончательно затерялся среди очень многочисленныхъ „поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ“, среди поэтовъ Пушкинской плеяды, интересъ къ которой былъ очень незначителенъ вплоть до девяностыхъ годовъ XIX вѣка, до приготовленія къ Пушкинскимъ торжествамъ въ 1899 году. Съ начала 90-хъ годовъ интересъ къ поэтамъ-созвѣздіямъ Пушкина и, въ частности, къ Боратынскому значительно возросъ какъ вслѣдствіе усиленнаго обращенія къ Пушкину и къ Пушкинскѣй эпохѣ, такъ и вслѣдствіе культа Пушкинскѣй формы среди новаго теченія въ русской поэзіи, выразившагося достаточно ярко въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка: новое теченіе производило свою генеалогію отъ Пушкина черезъ Боратынского, и весьма цѣнныя изслѣдованія о Боратынскомъ мы находимъ у одного изъ наиболѣе видныхъ и серьезныхъ представителей новой поэзіи —

у Валерія Брюсова. Столѣтній юбилей со дня рожденія Боратынского—въ 1900 году—вызвалъ также цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, въ которыхъ иногда съ исчерпывающей полнотой рисуется поэтическій обликъ¹⁾ и міровоззрѣніе Боратынского, но въ которыхъ рѣдко затрагиваются вопросы историко-литературного характера, и едва намѣщается положеніе, которое занимаетъ Боратынский среди поэтовъ Пушкинского кружка, какъ выразитель той стороны міросозерцанія и настроенія 20-хъ и 30-хъ годовъ, въянія которыхъ нашли себѣ меньшее отраженіе въ творчествѣ Пушкина.

Тонкій знатокъ и цѣнитель поэзіи и поэтическаго чувства, опредѣлявшій поэтическое произведеніе, какъ „полное ощущеніе данной минуты“, Боратынский такъ охарактеризовалъ свое творчество въ стихотвореніи „Муза“.

Не ослѣпленъ я Музой мою:
 Красавицей ее не назовутъ,
 И юноши, узрѣвъ ее, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Приманивать изысканнымъ уборомъ,
 Икрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица необщимъ выраженьемъ,
 Ея рѣчей спокойной простотой;
 И онъ скорѣй, чѣмъ ёдкимъ осужденьемъ,
 Ее почитить небрежной похвалой.

Прослѣдить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, развитіе необщаго выраженія какъ круга идей, волновавшихъ поэта, такъ и способовъ передачи, „необщее выраженіе“ въ формѣ, въ которую выливаются глубокія мысли поэта-пессимиста, пѣвца „Сумерекъ“—и составляетъ задачу настоящаго очерка, этюда къ изслѣдованію творчества Боратынского.

Творчество Боратынского можно съ достаточнымъ основаніемъ раздѣлить на три периода и разматривать отдельно каждый вполнѣ самостоятельный периодъ, сохраняющій связи съ прошедшимъ и предваряющій своими мотивами и выражениемъ послѣдующій. Такое раздѣленіе на периоды не будетъ, слѣдовательно, разбивать цѣльного представлена объ извѣстной,

¹⁾ Укажемъ на статьи С. А. Андреевскаго, В. Я. Брюсова, С. А. Венгерова, Н. А. Котляревскаго и друг.

ярко окрашенной индивидуальностью поэзии Боратынского. Первый периодъ обнимаетъ собой время отъ 1819 года по 1827 годъ, когда Боратынский подвелъ итоги цѣлой полосѣ своей жизни и творчества, издавъ сборникъ своихъ стихотвореній, на который онъ смотрѣть не просто какъ на собраніе разныхъ стихотвореній, а какъ на извѣстный итогъ, цѣльность которому онъ хотѣть придать переработкой стихотвореній; второй периодъ—съ 1827 по 1835 годъ: въ 1835 году Боратынский подвелъ вторично итогъ всему прошедшему, собравъ не только все (или почти все), написанное имъ послѣ 1827 года, но и включивъ въ изданіе сборникъ 1827 года, подвергшійся вновь переработкѣ; наконецъ, третій периодъ—съ 1835 по 1842 годъ,—охарактеризованный и представленный Боратынскимъ его послѣднею книжечкой стиховъ, вышедшею подъ заглавиемъ „Сумерки“ (первоначально поэтъ предполагалъ назвать этотъ сборникъ „Снами зимней ночи“).

Мы не касаемся другихъ двухъ периодовъ въ творчествѣ Боратынского — подготовительного (до 1819 года) и заключительного (1842—1844 г.г.), такъ какъ для сужденія о первомъ не располагаемъ достаточнымъ материаломъ, и приходится догадываться о сложномъ пути поэта въ выработкѣ фактуры стиха и въ выборѣ образцовъ для подражанія по одному-другому обрывку, свидѣтельствующему о томъ, что музыкальная выразительность и пластическая точность и мѣткость стиха стоили Боратынскому очень большой работы. Что касается до творчества Боратынского послѣ периода, обозначенаго имъ, какъ „Сумерки“, то смерть пресѣкла творчество Боратынского въ самомъ началѣ его нового пути и дала просторное поле для догадокъ и мало данныхъ для заключеній достовѣрнаго характера.

1.

Очевидный, несомнѣнныи успѣхъ, которымъ пользовался Боратынский въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, говорить за то, что первый периодъ литературной дѣятельности поэта былъ внутренне связанъ общностью интересовъ съ современною ему жизнью и литературой и отвѣчалъ требованіямъ, предъявлявшимся къ послѣдней; размѣры же этого успѣха говорять о томъ, что онъ является однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и, можетъ быть, характерныхъ поэтовъ того периода, который далъ русской поэзии Пушкина и цѣлую плеяду его созвѣздій. И дѣйственно, къ первому периоду поэтической дѣятельности Боратынского вполнѣ приложимо это название одного изъ крупнейшихъ

созвѣздій Пушкина—не въ томъ смыслѣ, что онъ подражалъ Пушкину, увлекаемый могучею чародѣйною силою Генія, а въ другомъ отношеніи—въ томъ, что тѣ же причины, которыя вызвали большое оживленіе въ нашей поэзіи въ началѣ вѣка и придали извѣстный отпечатокъ творчеству молодого Пушкину, тѣ же самыя причины вызвали къ жизни и элегическую лиру Боратынского. Сила личнаго вліянія Пушкина на юныхъ поэтовъ, выступившихъ почти одновременно съ нимъ, была очень велика, но не слѣдуетъ преувеличивать ее или считать исключительной въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о такомъ крупномъ и независимомъ лирическомъ дарованіи, которое справедливо признавалъ Пушкинъ въ Боратынскомъ. Большая заслуга Боратынского первого периода заключается въ томъ, что онъ вмѣсть съ Пушкинымъ открывалъ невѣдомыя и необъятныя, безграничныя возможности въ русскомъ поэтическомъ языкѣ и вмѣсть съ Пушкинымъ обогащалъ и оживлялъ литературу новыми, глубокими и задушевными мотивами, способствовалъ тому расширенію круга идей и образовъ, настроеній и формы, которое въ то время хотѣли понимать какъ побѣду романтической школы надъ классической.

Боратынскій получилъ приблизительно такое же поэтическое образованіе, какое получилъ и его геніальный сверстникъ, и въ неменьшей степени сохранялъ связи съ классическими традиціями XVIII вѣка: новые романтики были въ гораздо большей степени классиками, чѣмъ даже сами подозревали, и являлись порой не только завершителями, но и болѣе совершенными выражителями цѣлаго круга идей и настроеній XVIII вѣка, не говоря уже о томъ своего рода культѣ совершенной, классически-точной изящной формы, порой вицѣнѣе изящной, который былъ какъ-бы обязательнымъ для поэтовъ Пушкинского кружка. Въ 1830 году Пушкинъ обращался къ вельможѣ Екатерининскихъ временъ—князю Н. Б. Юсупову—со словами, въ которыхъ выражаетъ своего рода символъ вѣры XVIII вѣка:

Ты понялъ жизни цѣль, счастливый человѣкъ:
Для жизни ты живешь.

но и Пушкинъ, и Боратынскій не уставали въ началѣ своей литературной карьеры повторять этотъ принципъ и, то въ вакхическомъ порывѣ, то съ тоской въ груди и грустной думой, воспѣвали изящный эпикуреизмъ въ той формѣ, какую онъ принялъ въ концѣ XVIII вѣка, съ легкими радостями и легкими печалями. Пушкина въ Лицѣ называли францу-

зомъ вслѣдствіе обширнаго знакомства его съ французской классической поэзіей; о Боратынскомъ не только въ 1823 году его другъ, Дельвигъ, говорилъ, что авторъ посланія „къ Богдановичу“—„правила французской школы всосалъ съ молокомъ матери“, но и позже, въ 1826 году, самъ поэтъ долженъ былъ защищаться передъ Пушкинымъ въ томъ, что онъ „не до такой степени Маркизъ, чтобы не чувствовать красотъ романтической трагедіи“, и не переставалъ своими симпатіями въ большой степени принадлежать XVIII вѣку. И Пушкинъ, и Боратынскій прошли черезъ школу французской поэзіи XVII и XVIII вв. и ея отраженій въ русской литературѣ XVIII вѣка, что не могло, конечно, не отразиться и на всемъ характерѣ ихъ поэтической дѣятельности, какъ въ отношеніи идеяного содержанія, такъ и въ чисто-формальномъ отношеніи, но эстетизмъ XVIII вѣка получилъ въ ихъ произведеніяхъ болѣе широкое развитіе и, пройдя черезъ теоріи романтическія, выразился въ кульѣ искусства и проповѣди полной самостоятельности и независимости искусства отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ и этическихъ нормъ. Отличіе Боратынскаго отъ Пушкина въ ихъ отношеніяхъ къ XVIII вѣку заключается, быть можетъ, только въ томъ, что Пушкинъ гораздо раньше испыталъ на себѣ воздействиѣ мечтательно-романтической музы Жуковскаго и другихъ романтиковъ и рано познакомился съ поэзіей Байрона, между тѣмъ какъ кругъ поэтическихъ симпатій Боратынскаго, долгое время ограниченный поэтами французского классицизма, расширился гораздо позже, когда онъ уже созналъ себя, какъ опредѣленную поэтическую индивидуальность, и былъ менѣе воспріимчивъ къ юношескому увлеченію новыми симпатіями. Слѣдствіемъ такого поздняго знакомства Боратынскаго съ новыми, романтическими поэтами, было то, что онъ болѣе сознавалъ свои связи съ XVIII вѣкомъ, и медленно, шагъ за шагомъ, отступалъ отъ старыхъ позицій, занятыхъ имъ подъ воздействиѣмъ того поэтическаго воспитанія, которое онъ получилъ въ старой школѣ. Основательное знаніе классицизма и романтизма продиктовало Пушкину извѣстный стихъ въ Евгении Онѣгинѣ:

Два вѣка ссорить не хочу;

тѣ же причины способствовали развитію въ Боратынскомъ свободнаго взгляда на смѣшнѣе направленій и вкусы, и въ стихотвореніи, обращенномъ къ неизвѣстному лицу, онъ говорить очень знаменательныя для Пушкинской эпохи слова:

Равны всѣ музы красотой,
Несходства ихъ въ одной одеждѣ:
Старайся нравиться любой,
Но полюби ты Феба прежде.

Боратынскій отлично зналъ французскую литературу XVII и XVIII вв., но наибольшее вліяніе на его поэзію оказали Вольтеръ, Делавинъ, І. Шенье, Лафарь и, въ особенности, элегическая школа конца XVIII вѣка: Парни, Мильвуа и А. Шенье. Изъ русскихъ поэтовъ XVIII вѣка Боратынскій испыталъ на себѣ несомнѣнное вліяніе Державина и Богдановича: у первого Боратынскій учился краскамъ, живописи, той особенности дарованія Державина, которая позволяла ему облекать въ плоть и кровь живыхъ, яркихъ, красочныхъ образовъ порой отвлеченные понятія¹⁾; Богдановича Боратынскій любилъ за граціозность шутки, подъ которой часто крылась болѣе глубокая мысль, и цѣнилъ его за отчетливость формы—отклики вліянія Богдановича мы находимъ еще въ „Послѣдней Смерти“, страннымъ образомъ напоминающей какъ по формѣ, такъ и по мысли, уклонившейся отъ того пути, по которому она развивалась у Богдановича, „Сугубое Блаженство“ послѣдняго.

Но тотъ Боратынскій, какимъ мы его знаемъ со времени его выступленія „въ нежеланную извѣстность“, былъ бы немыслимъ, если бы въ его рѣзко-индивидуальной натурѣ не встрѣтились воздействиѳа французскихъ и русскихъ писателей XVIII вѣка съ воздействиѳами двухъ великихъ русскихъ поэтовъ XIX вѣка—Жуковскаго и Пушкина.

Вліяніе пластической поэзіи Батюшкова было значительнымъ въ творчествѣ Боратынского²⁾, но еще большее вліяніе на поэта оказала идеалистически настроенная меланхолическая муга Жуковскаго. Подъ вліяніемъ Жуковскаго Боратынскій готовъ былъ отождествлять поэзію и добродѣтель и выбралъ элегическій родъ поэзіи, въ которой главнымъ учителемъ его былъ Жуковскій, пѣвецъ прекрасного, надъ которымъ очень задумывалась въ то время рѣзвая младость. Вліяніе Пушкина, почти неувомимое, съ трудомъ опредѣляемое, заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что изящ-

¹⁾ Въ частности, можно указать на вліяніе Державинскихъ картинъ Смерти и Осени.

²⁾ Вопроſъ о вліяніи Батюшкова на Боратынского разсмотрѣнъ нами въ замѣткѣ: „Батюшковъ и Боратынскій“.

ный, отчетливо - ясный стихъ Боратынского образовался въ связи съ совершенствовавшимся стихомъ молодого Пушкина, такъ, что порой трудно отличить фактуру стиха Боратынского (рѣчь идетъ о первомъ періодѣ литературной дѣятельности поэта) отъ фактура стиха Пушкина. Быть можетъ однако, наибольшая образующая сила вліянія Жуковскаго и Пушкина заключалась въ новомъ свободномъ поэтическомъ мірѣ, открывшемся въ ихъ творчествѣ передъ Боратынскимъ, и въ признаніи индивидуального начала въ поэзіи,—то, что помогло Боратынскому найти самого себя и выразить себя въ формахъ, создавшихся подъ вліяніемъ какъ старой, такъ и новой поэзіи. Сила оригинального поэтическаго таланта Боратынского была такъ велика, что даже въ первомъ періодѣ его лирики постороннія вліянія учитываются съ трудомъ, и рѣзко проступаетъ оригинальная и интересная личность поэта, послѣ 2—3 стихотвореній завоевавшаго себѣ независимое положеніе крупной поэтической силы.

Болѣе всего поддается учету зависимость формы Боратынского и нѣкоторой условности отъ его руководителей въ новой для него области творчества, и зависимость поэта отъ французской поэзіи сказывается яснѣ и опредѣленнѣе всего въ классификаціи стихотвореній Боратынского, являющейся вполнѣ умѣстной и естественной въ первомъ періодѣ дѣятельности поэта-лирика. Всѣ стихотворенія Боратынского, написанныя до 1827 года, легко классифицируются подраздѣленіемъ на пять отдѣловъ: посланія, эпиграммы, эrotическая стихотворенія (можетъ быть, точнѣе—*poësie légère*), стихотворенія на случай (то, что относилось самимъ поэтамъ въ отдѣлъ „Смѣси“) и элегіи.

Что касается до первого отдѣла, до посланій, то его можно разбить на два подъотдѣла: лирическія стихотворенія, напоминающія стихотворныя посланія и посвященія Пушкина и Жуковскаго и часто переходящія въ элегіи (таковы, напримѣръ, посланія къ барону Дельвигу и Н. М. Коншину), и дидактическія посланія, построенные по образцамъ французского классицизма, въ которыхъ, по справедливому замѣчанію барона Дельвига, пробивается „холодъ и суевѣrie французской школы“, и которые цѣлыми отдѣлами напоминаютъ *épitres* Вольтера, Делавиня и въ особенности „Sur l'indépendance de l'homme des lettres“ и другія посланія Мильвуа (таковы, напримѣръ, посланія къ Богдановичу и къ Гнѣдичу).

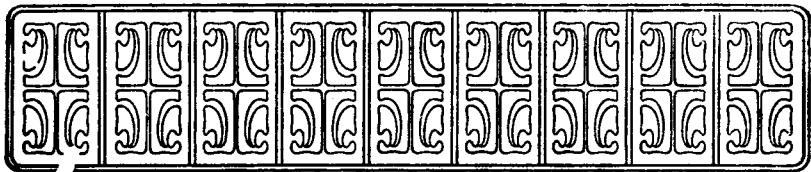
Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о „мастерскихъ, образцовыхъ“ эпиграммахъ Боратынского и называлъ ихъ „малень-

кими сатирами, столь забавными и язвительными", находя, что у Боратынского „сатирическая мысль прiemлетъ оборотъ то сказочный, то драматический, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслаждениемъ перечитываешь ее, какъ произведеніе искусства“. Намъ кажется весьма справедливымъ этотъ отзывъ Пушкина, какъ справедливыми и слова П. А. Плетнева о томъ, что многихъ эпиграммъ Боратынского заставляли смеяться до слезъ, и острое слово поэта, мѣткое и язвительное, попадало въ больныя мѣста; но справедливо, кажется, отмѣтить и то, что первыя (весьма многочисленныя) эпиграммы Боратынского представляютъ сколки съ французской эпиграммой, какъ „un bon mot de deux rimes оgné“, и потому тщетно доискиваться, кого имѣеть въ виду Боратынский подъ стереотипами „Дамоновъ“: первыя эпиграммы Боратынского не имѣютъ личнаго характера, и только съ постепеннымъ развитіемъ таланта пріобрѣтаютъ право на отзывъ Пушкина; справедливымъ кажется намъ отмѣтить также и то, что пристрастіе Боратынского къ эпиграммамъ, маленьkimъ сатирамъ, пристрастіе, идущее какъ бы въ разрѣзъ съ природой поэтическаго таланта, чуждавшагося сатиры и полемики, недолюбливавшаго журналистовъ и журналистики, объясняется въ большой степени его увлечениемъ французской классической эпиграммой.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе следуетъ).

Оклеветанный сатирикъ.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти М. Е. Салтыкова).

Близится 25-я годовщина со дня кончины великаго русскаго сатирика, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. Онъ умеръ 28-го апрѣля 1889 года. Задолго до своей кончины Салтыковъ хворалъ, но болѣзнь не мѣшала ему создавать все новыя и новыя замѣчательныя произведенія. Среди нихъ мы видимъ и высоко эпическая („Господа Головлевы“ и „Пошехонская Старина“), и произведенія глубоко сатирическаго характера („Письма къ тетенѣкѣ“, „За рубежомъ“ и „Пошехонские разсказы“), по которымъ можно послѣдовательно прослѣдить и изучить цѣлое 30-тилѣтіе русской дѣйствительности—до и послѣ эпохи реформъ. Даже послѣднія произведенія русскаго Свифта отнюдь не свидѣтельствуютъ объ упадкѣ таланта полубольного писателя, страдавшаго болѣзнию сердца, почекъ, печени, одышкой и безпрерывнымъ кашлемъ. Велики, значить, были мощь духа и сила генія, которая съ каждымъ годомъ поднимались на большую и большую высоту.

Люди, находившіеся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Салтыковымъ, приходившіе постоянно и повседневно въ соприкосновеніе съ нимъ, диву давались, когда изъ-подъ пера желчнаго, суроваго и жаловавшагося на свои неудачи и недуги писателя выходили дышавшія такимъ неподражаемымъ юморомъ сатиры, вызывавшія улыбки даже на устахъ у тѣхъ, противъ кого, казалось, онѣ были направлены,—у всѣхъ этихъ помпадуровъ, ташкентцевъ, Глуповыхъ, Молчалиныхъ, Угрюмъ-Бурчевыхъ, Гудушекъ-Головлевыхъ и другихъ,увѣковѣченныхъ сатирикомъ, современниковъ и героевъ.

— Подъ какимъ соусомъ вы теперь выведете меня?—спросилъ однажды, улыбаясь, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьевъ Щедрина, послѣ официального пріема редакторовъ и учиненной имъ распеканціи.

— Намъ не до соусовъ, не до соусовъ!..—запальчиво отвѣтилъ Щедринъ и отвернулся въ сторону.

„Не до соусовъ“ было, въ самомъ дѣлѣ, въ то время, писателямъ, которыхъ истребляли подъ самыми разнообразными соусами Угрюмъ-Бурчевы, помпадуры и даже унтера Пришибьевы...

— „Ахъ, это писательское ремесло—восклицаетъ въ одномъ мѣстѣ Щедринъ—это не только мука, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь прежде, чѣмъ попадеть подъ печатный станокъ. Чего со мною не дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всенародно объявляли, что я вредный, вредный!..

Послѣдніе годы жизни Щедрина отравлены были пережитою имъ журнальною катастрофою. Закрытіе редактировавшихся сатирикомъ „Отечественныхъ Записокъ“, послѣдовавшее ровно 30 лѣтъ назадъ въ апрѣлѣ 1884 г., было страшнымъ ударомъ для него. Онъ почувствовалъ себя упраздненнымъ, выбитымъ изъ колеи и сразу осунулся.

Оно и неудивительно.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ съ момента перехода ихъ въ руки Некрасова въ 1868 г. до закрытія ихъ въ 1884 г. Салтыковымъ была напечатана большая часть его сатирическихъ очерковъ¹⁾). Еще при жизни Некрасова Салтыковъ былъ однимъ изъ руководителей „Отечественныхъ Записокъ“, а съ 1878 г. утвержденъ редакторомъ и отдавалъ журналу всего себя, всѣ біенія своего сердца.

Прекращеніе „Отечественныхъ Записокъ“ порвало многолѣтнюю связь сатирика съ „читателемъ-другомъ“. Мысль объ оторванности отъ читалеля не покидала Щедрина ни на минуту. Онъ, правда, находилъ пріютъ къ другихъ изданіяхъ, но чувствовалъ себя въ нихъ, по его характерному выраженію, „иностраницемъ“. „Нѣть ничего ужаснѣе“, — пишетъ Салтыковъ Михайловскому, — „какъ чувствовать себя иностранцемъ въ

¹⁾) „Помпадуры и помпадурши“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Убѣжище Монрепо“, „За рубежомъ“, „Круглый годъ“, „Пошехонские разсказы“, „Письма къ тетенькѣ“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Современная идиллія“, Господа Головлевы“ и мн. др.

журналѣ, въ которомъ работаешь. А я нахожусь въ этомъ положеніи“.

Все, что было пережито сатирикомъ съ закрытиемъ „Отечественныхъ Записокъ“, изображено имъ самимъ въ одной изъ сказокъ—„Приключение съ Крамольниковымъ“, который „однажды утромъ, проснувшись, совершенно явственно ощутилъ, что его нѣть“.

Возвращается Салтыковъ къ своимъ переживаніямъ въ ту эпоху въ первомъ „Пестромъ письмѣ“, начинаящемся словами: „Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совершенно неожиданно лишился употребленія языка“.

Все чаще и чаще Салтыковъ сталъ поговаривать о своихъ жестокихъ недугахъ и близкой кончинѣ. Тому же Михайловскому онъ вскорѣ послѣ закрытія журнала писалъ: „Думаю, что моя пѣсня уже спѣта... Желаю мирной кончины живота моего...

И, дѣйствительно, лишившись столь дорогого ему литературного пристанища, Салтыковъ сталъ быстро клониться къ могилѣ“...

На обстоятельствахъ, сопровождавшихъ закрытіе „Отечественныхъ Записокъ“, имѣвшее такое роковое значеніе для Салтыкова, стоитъ поэту остановиться.

Предо мною лежитъ относящееся къ тому времени письмо сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ и небезызвѣстнаго писателя и военного корреспондента Н. В. Максимова, брата автора „Бродячей Руси“. Письмо это, впервые публикуемое мною здѣсь въ извлечениі, говоритъ, между прочимъ, о переживаніяхъ Салтыкова въ эпоху закрытія его журнала.

Потрясенный извѣстіемъ о кончинѣ любимаго писателя, заставшимъ его прикованнымъ къ постели въ уединенной комнатѣ въ Одессѣ, Максимовъ подѣлился со мною своими воспоминаніями о почившемъ. Письмо Максимова явилось отвѣтомъ на мою просьбу написать очеркъ о Салтыковѣ для редактировавшейся мною въ провинціи газеты.

„Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ—сообщаетъ Максимовъ—незадолго до закрытія журнала „Отечественные Записки“. Помню, какой наступилъ тяжелый періодъ для литературы—періодъ необыкновенной реакціи, когда несчастному нашему кружку пришлось страдать подъ вліяніемъ гоненій цензуры (не только цензуры—сколько III-го отдѣленія)“...

Максимовъ излагаетъ затѣмъ судьбу своего разсказа „Матрещка“, застрявшаго у Салтыкова въ портфель „Отечественныхъ Записокъ“. Рассказъ былъ одобренъ И. С. Тургеневымъ, двукратно цензура вырѣзывала его изъ журналовъ „Слово“ и „Устое“, но, при содѣйствіи „необыкновенно милаго и гуманнаго члена главнаго управлениія по дѣламъ печати Юзефовича“, разсказъ былъ разрѣшенъ къ печатанію и переданъ Салтыкову. Скоро послѣдовало назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, а вслѣдъ за этимъ закрыты „Отечественные Записки“.

— „Тутъ есть другая сторона—говорить далѣе Максимовъ—чрезвычайно интересная для нѣкоторой разработки съ благородной цѣлью—снять *позорное пятно* (?) съ покойнаго нашего сатирика, котораго заклеймили такъ варварски и такъ несправедливо умершій министръ внутреннихъ дѣлъ (Д. А. Толстой). Говорить объ этомъ теперь съ откровенностью порядочнаго человѣка нельзя, пожалуй, выйдетъ нецензурно. Но можно было бы поговорить, ссылаясь и на нѣкоторыя мѣста и сочиненія покойнаго Михаила Евграфовича, и на слова Толстого при закрытии „Отечественныхъ Записокъ“.

Къ сожалѣнію, болѣзнь, а затѣмъ отъѣздъ въ Америку и смерть помѣшили Максимову исполнить свое обѣщаніе, о которомъ я не разъ напоминалъ ему—сообщить объ извѣстныхъ ему лично подробностяхъ, относящихся къ закрытию „Отечественныхъ Записокъ“, и о „позорномъ пятнѣ“, наложенномъ на репутацію сатирика.

На что намекалъ Максимовъ, когда говорилъ о „позорномъ пятнѣ“ на репутаціи М. Е. Салтыкова — на этотъ счетъ возможны одни лишь предположенія и догадки.

Скончавшійся недавно извѣстный писатель—Г. пустилъ въ ходъ сказаніе о присвоеніи Салтыковымъ, послѣ закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, какихъ-то предназначенныхъ для агитационныхъ цѣлей суммъ, перешедшихъ потомъ къ его наследникамъ. Это явная нелѣпость, которую едва-ли надо долго опровергать. Послѣ крушения журнала Салтыковъ въ письмѣ къ своему закадычному другу д-ру Н. А. Бѣлоголовому, отъ котораго у него не было никакихъ тайнъ, жаловался на свои материальные невзгоды. „И материальные нужды вонюютъ — писалъ онъ 23 июня 1884 года—стъ прекращенiemъ „Отечественныхъ Записокъ“ я потерялъ 12—13 тысячъ рублей, а теперь и доходъ съ сочиненій сократится на три четверти, потому что публика наша такова, что раскупаетъ только тѣхъ авторовъ, которые о себѣ напоминаютъ“...

Столь же неосновательна и другая версія, будто Салтыковъ

пытался утилизировать свои старыя лицейскія знакомства и связи для огражденія своей личной безопасности и для избавленія журнала отъ угрожавшихъ ему каръ. Въ такихъ попыткахъ не было бы ничего зазорнаго, и едва-ли ихъ можно было вмѣнять въ вину Салтыкову. Некрасовъ, какъ извѣстно, сочинялъ стихотворные диѳирамбы Муравьеву и Комисарову, чтобы умилостивить своихъ гонителей. Но и противъ приписывавшагося ему обращенія къ покровительству „власть имущихъ“ изъ его лицейскихъ товарищѣй и бывшихъ сослуживцевъ по государственной службѣ Салтыковъ горячо протестовалъ. „Я серьезно знаю людей—писалъ онъ 11-го мая 1884 г. тому же Бѣлоголовому—которые прямо говорятъ, что я-де, только благодаря протекціи, не засланъ къ .... Вотъ что значить говорить о Катковѣ!..

Свои цензурныя заключенія Салтыковъ, повидимому, приписывалъ, главнымъ образомъ, своей борьбѣ съ московскимъ „с—мъ“,—какъ назвалъ однажды А. С. Суворинъ Каткова. Но официально Салтыкову и его журналу вмѣнялась въ вину близость къ революціоннымъ элементамъ. Сочиненное графомъ Д. А. Толстымъ официальное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“, являющееся настоящимъ обвинительнымъ актомъ, прямо говорило о постоянныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ, будто, между журналомъ, въ лицѣ его главныхъ руководителей, и подпольными революціонными организаціями.

Въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“—гласить обвинительный актъ Толстого—„группировались лица, состоявшія въ близкихъ отношеніяхъ съ революціонными организаціями. Завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ журнала былъ участникомъ преступной организаціи. Два сотрудника „Отечественныхъ Записокъ“ были арестованы за доказанное пособничество дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣть ничего страннаго въ томъ—говорить далѣе правительственное сообщеніе — что, при такой обстановкѣ, статьи самого отвѣтственнаго редактора (т. е. Салтыкова), которыя, по цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны въ журналѣ, появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ, принадлежащихъ эмиграціи“.

Что цензурный гнѣтъ заставлялъ не однихъ профессиональныхъ писателей, но иной разъ и либерально настроенныхъ чиновниковъ снабжать своими статьями и свѣдѣніями издававшіеся за границею нелегальные русскіе журналы—это извѣстно еще со временъ герценовскаго „Колокола“.

Возможно, что и вырѣзывавшіяся цензурою сатиры Щедрина направлялись его друзьями въ нелегальныя изданія. Но

отсюда далеко до причастности къ революционной активной дѣятельности и къ террористическимъ актамъ, — на что прямо указываетъ правительственное сообщеніе по поводу закрытія „Отечественныхъ Записокъ“. Во всякомъ случаѣ, для Салтыкова закрытіе журнала было въ чужомъ пиру похмѣлье. Какъ мы увидимъ ниже, сатирикъ былъ далекъ отъ сочувствія революционерамъ и не считалъ таковыми своихъ сотрудниковъ. Кара, обрушившаяся на него и любимый имъ журналъ, была, поэтому, совершенно несправедлива.

„Выходитъ—писаль Салтыковъ черезъ 4 дня послѣ крушеннія „Отечественныхъ Записокъ“ Бѣлоголовому — что журналъ прекращенъ не за содержаніе, а за то, что нѣкоторые изъ его сотрудниковъ арестованы. Но и въ департаментахъ арестовываются чиновниковъ“...

Насколько самъ Салтыковъ былъ далекъ отъ какой-либо революционной дѣятельности и активныхъ выступленій, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго: „Скажу вамъ откровенно—писаль онъ въ мартѣ 1882 года д-ру Бѣлоголовому — всѣ эти убийства, покушенія и проч. дѣлаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошли... Не только никакого дѣла дѣлать нельзя, но и разобраться въ этой галиматѣ трудно. Хоть бы смерть скорѣе“...

Салтыковъ сомнѣвался и въ „революционности“ своихъ сотрудниковъ. Еще за два года до закрытія „Отечественныхъ Записокъ“ онъ сообщаетъ своему другу: „Высылаютъ изъ Петербурга Михайловскаго и Шелгунова (редактора „Дѣло“). Причина выставлена та, что были на балу у студентовъ Технологического Института, а тамъ Михайловскаго качали, а онъ что-то говорилъ. Михайловскій увѣряетъ, что онъ убѣжалъ студентовъ въ *непригодности беспорядковъ*“¹. Между тѣмъ, какъ гласило официальное сообщеніе, Михайловскій произнесъ-де „крайне возмутительную рѣчь, приглашая студентовъ къ противодѣйствію правительству“.

Въ одной старой записной книжкѣ своей я нашелъ такую запись, относящуюся, повидимому, къ балу технологовъ, о ко- торомъ говоритъ Салтыковъ: „Былъ вчера (въ концѣ ноября 1882 г.) въ Дворянскомъ Собрании на балу студентовъ технологовъ. Видѣлъ Гаршина, гулявшаго по заламъ съ Михайловскимъ. Обоимъ устраивали овации, особенно послѣднему. Его качали. „Если бы у васъ всеѣхъ была одна голова — отѣтиль Михайловскій на оваций—то я обнялъ бы ее и расцѣловалъ“... Надо полагать, что возбуждающей революционной рѣчи Михайловскій тогда студентамъ не говорилъ, иначе она нашла бы

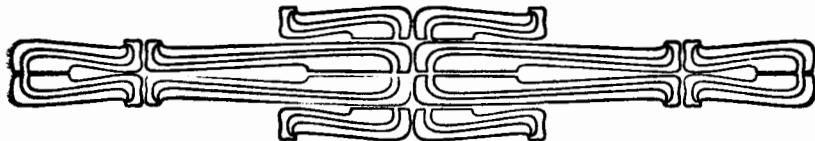
себѣ какое-либо отраженіе въ записной книжкѣ молодого человѣка, благоговѣвшаго передъ радикальнымъ публицистомъ.

Какъ бы то ни было, я не думаю, чтобы радикально настроенный Максимовъ усматривалъ „позорное пятно“ на репутації Салтыкова въ томъ обстоятельствѣ, что правительственное сообщеніе о закрытіи „Отечественныхъ Записокъ“ облыжно приписывало сатирику революціонные замыслы и близость къ подпольной печати и къ революціоннымъ организаціямъ. Остается пожалѣть о томъ, что мой корреспондентъ унесъ въ могилу нѣкую ему извѣстную тайну, относившуюся къ факту закрытія радикального журнала и къ его редактору, не одосужившись изложить ее на бумагѣ—хотя бы для свѣдѣнія потомства...

Одно несомнѣнно: крушеніе любимаго дѣла — „Отечественныхъ Записокъ“ окончательно сломило надорванныя силы Салтыкова. Но и изможденный недугами сатирикъ продолжалъ писать, выпуская одно произведеніе за другимъ, хотя чувствовалъ себя, какъ мы видѣли, стѣсненнымъ, въ качествѣ сотрудника чужихъ изданій. Борясь съ болѣзнями, заглушила душившій его кашель и подкрѣпляя себя цѣлой аптекой лѣкарствъ, писатель не желалъ, однако, чтобы слухи о состояніи его здоровья проникали въ публику. Онъ боялся, что это отразится на немъ и материально. За недѣлю до смерти Салтыковъ отрицалъ печатно извѣстіе о тяжкой его болѣзни и выражалъ увѣренность, что доведеть до конца приготовлявшееся имъ для печати полное собраніе своихъ сочиненій, которое должно было поправить его пошатнувшіеся финансы. Онъ показывалъ навѣщавшимъ его начатую имъ новую работу—„Забытые слова“, о которыхъ собирался напомнить своимъ соотечественникамъ. Отъ болѣе близкихъ друзей Салтыковъ не могъ, однако, скрывать, что рука его отказывается писать. Передъ самой кончина онъ успѣлъ набросать планъ изданія полнаго собранія сочиненій. 28 апрѣля 1889 года М. Е. Салтыковъ отдалъ Богу свою многострадальную душу.

Почти одновременно скончался тотъ, кто нанесъ сатирику тяжелый ударъ, ускорившій его кончину, лишивъ его литературного крова, и сбивъ его съ боевой позиціи. Бюрократія оплакивала одного изъ своихъ столповъ—графа Д. А. Толстого, а вся читающая и мыслящая Россія съ неподдельной искренностью оплакивала кончину любимаго писателя и „друга правды“, умершаго, какъ воинъ на своемъ посту, съ первомъ, не разъ вырывавшимся изъ его коченѣвшихъ рукъ...

А. Е. Кауфманъ.

Изъ семейной хроники.

Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Въ 1877 году я состоялъ причисленнымъ къ Государственной Канцеляріи, куда поступилъ въ 1875 году, по окончаніи кандидатомъ правъ курса С.-Петербургскаго Университета, и куда былъ принятъ вслѣдствіе записки великой княгини Александры Петровны къ Маріи Александровнѣ Сольской, супругѣ тогдашняго Государственного Секретаря Д. М. Сольского. Въ кондѣ 74 года, узнавъ однажды отъ брата Александра, который былъ въ ту пору адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича, что я еще не на службѣ, великая княгиня приказала мнѣ прійти къ себѣ и, принявъ меня въ своей большой гостиной, спросила, отчего я не служу; я отвѣтилъ, что желалъ бы поступить въ Государственную Канцелярію, но что туда безъ особой рекомендаціи поступить трудно.

— А кто тамъ начальникъ?

— Д. М. Сольскій,—отвѣтилъ я.

— Я его мало знаю,—сказала великая княгиня,—но знаю гораздо больше его супругу и, если вы хотите, я ей напишу, надѣюсь, что моя рекомендація поможетъ.

Я поблагодарили, поцѣловавъ ручку и откланялся.

Черезъ нѣсколько дней я былъ вызванъ къ Д. М. и былъ опредѣленъ на службу съ предупрежденіемъ, что штатнаго мѣста мнѣ придется подождать года два. Мнѣ пришлось его совершенно не дождаться,—но такъ поступилъ я на службу.

Великому князю и великой княгинѣ мы были извѣстны съ дѣтства. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ себѣ-

венный домъ родителей моихъ на Англійской набережной былъ извѣстнымъ домомъ въ Петербургѣ; они принимали довольно много и у нихъ бывало высшее общество того времени; я въ дѣтствѣ, помню, видаль въ родительскихъ гостиныхъ старуху графиню Разумовскую, Бутурлиныхъ, Демидовыхъ и многихъ другихъ представителей тогдашней знати. Старшаго брата Александра крестиль лично Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будущій Царь Освободитель, брата Алексея—Великій Князь Михаилъ Павловичъ, самаго младшаго брата Михаила - Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, въ Петергофѣ. Матушка была старшой дочерью генералъ-адъютанта Арбузова, командинра пѣхотнаго гвардейскаго корпуса, фрейлина Императрицы Александры Феодоровны и слыла красавицею. Когда отстроился Николаевский дворецъ (нынѣшній Ксеніинскій институтъ), родители возили хлѣбъ-солъ его хозяевамъ. Вскорѣ послѣ этого великий князь былъ посаженнымъ отцомъ у старшой сестры моей Александры Петровны, выходившей замужъ за Михаила Николаевича Теренина, по поводу чего мы были очень грустны и много плакали. Великій князь пріѣхалъ за невѣстою въ каретѣ четверикомъ на выносъ и везъ ее въ Благовѣщенскую церковь, я несъ образъ и сидѣлъ въ каретѣ.

Въ одну изъ слѣдующихъ зимъ матушка сказала намъ, т. е. брату Эмануилу, съ которымъ мы росли, и мнѣ, что мы будемъ єздить въ Николаевскій дворецъ дѣлать гимнастику и танцовывать съ молодымъ великимъ княземъ, что ее обѣ этомъ просила великая княгиня Александра Петровна. Съ тѣхъ поръ мы цѣлый рядъ лѣтъ до самаго отѣзда въ Екатеринославъ, въ 67 году, бывали во дворцѣ и зимою и лѣтомъ, когда жили въ Петергофѣ по сосѣдству со Знаменкой, въ которую єздили почти ежедневно. Зимою бывали во дворцѣ вмѣстѣ съ нами Николай и Павелъ Родзянки и Вилламовъ, лѣтомъ же въ Знаменкѣ мы одни. Гувернеръ нашъ М. Жакель снималъ для великаго князя фотографіи видовъ Знаменки и лошадей его конюшни (тогда фотографія у насъ только-что распространялась), и мы утромъ гуляли и завтракали близъ приморскаго домика, гдѣ великая княгиня иногда сама съ нянечкою молодого великаго князя—Бушинскою, готовила намъ завтракъ. Это были счастливые годы супружества великаго князя. — Онъ былъ еще молодъ, но уже командовалъ войсками Петербургскаго округа. Красавецъ собою, унаслѣдовавшій благородную осанку Императора Николая Павловича, онъ былъ величественъ и въ то же время простъ и ласковъ въ обхожденіи, онъ при-

вязывалъ къ себѣ людей и былъ беззатѣнно любимъ приближенными. Въ тотъ годъ, когда онъ былъ назначенъ генераль-инспекторомъ кавалеріи, онъ однажды часовъ въ 9 вечера прѣѣхалъ на лошадяхъ изъ Краснаго Села и по дворцу заслышился его звонкій, веселый голосъ. Мы пили вечерній чай у великой княгини, на ея половинѣ, и она угощала насъ разнымъ вареньемъ своего издѣлія, сорта котораго она каждого изъ насъ заставляла требовать по своему выбору. Поздоровавшись со всѣми (мы всегда цѣловали великаго князя въ плечо, а онъ насъ въ лобъ), онъ сказалъ намъ съ торжествомъ:

— Поздравляю васть, Мануша и Ануша — я взялъ вашего брата Сашу къ себѣ въ адъютанты, Государь утвердилъ. Мануша, пиши ему депешу, гдѣ онъ, въ какой деревнѣ? (брать былъ въ ту пору поручикомъ Конной Гвардіи и находился въ отпуску въ Тарасовкѣ).

Подали телеграфные бланки, но великкая княгиня накинулась къ великому князю, что-то сказала ему, и онъ сталъ писать самъ.

— Онъ должно быть сейчасъ прїѣдетъ, какъ думаете? — сказалъ онъ, окончивъ писать.

Мы сказали, что не знаемъ.

Въ слѣдующій прїѣздъ мы узнали, что братъ Александръ, отвѣчая, спросилъ, когда ему прикажеть быть великій князь. Такъ произошло назначеніе брата Александра, которымъ обозначилась его затѣмъ сравнительно блестящая военная карьера.

Поѣздки въ Знаменку скрашивали нашу жизнь въ Петергофѣ, гдѣ мы оставались нѣсколько разъ одни съ гувернеромъ, пока родители єздили въ Малороссію. Часто мы катались съ великимъ княземъ и великой княгиней по петергофскимъ паркамъ и єздили на музыку. Зимами мы два раза въ недѣлю дѣлали гимнастику въ большой нижней залѣ дѣтской половины Николаевскаго дворца съ великимъ княземъ младшимъ и бывали тамъ каждый праздникъ.

На рожденіе младшаго великаго князя однажды былъ большой съѣздъ, была почти вся Царская фамилія, самъ Государь Александръ Николаевичъ танцевалъ кадриль съ принцессою Ольденбургскою (сестрою великой княгини Александры Петровны), и все это общество изъ дѣтей и взрослыхъ танцевало подъ звуки стѣнного органа, который крутилъ, что называется, во всю ивановскую, великій князь Николай Николаевичъ старшій.

Когда въ 67 году родители изъ Ларинской гимназіи взяли

нась въ Екатеринославскую, переѣхавъ на жительство въ Малороссію, отношенія эти пресѣклисъ, но въ 1869 г., когда мы возвратились въ Петербургскій университетъ, мы вновь, хотя и изрѣдка, встрѣчались и видѣлись съ хозяевами Николаевскаго дворца.

Осенью 1876 года армія была мобилизована и приведена на военное положеніе, и великий князь, назначенный Главнокомандующимъ, зимовалъ въ Кишиневѣ со своимъ штабомъ. Онъ перенесъ тамъ тяжелую болѣзнь, вселившую столько опасеній не только любившой его арміи, но и всему русскому обществу.

Я служилъ въ Государственной Канцеляріи и оставался въ Петербургѣ одинъ; матушка съ сестрою переѣхала въ Петербургъ, если не ошибаюсь, лишь въ слѣдующую зиму. Зимою братъ Александръ пріѣзжалъ курьеромъ къ Государю, и я помню, что былъ поставленъ въ большое затрудненіе, когда однажды Государь потребовалъ его въ 6 часовъ вечера, а его не было дома. Я бросился по городу и нашелъ его у Маріи Александровны Топориной, откуда онъ мигомъ схватился и полетѣлъ во дворецъ. Братъ рассказывалъ, что Государь, между прочимъ, велѣлъ передать удовольствіе свое по поводу примѣрного поведенія и образа жизни главной квартиры, гдѣ нѣть ни кутежа, ни картъ. Помню еще, что брата удивило, что во время этой аудіенціи Государь, уронивъ подъ письменный столъ папироску—mariland, не далъ ему поднять ее и самъ полѣзъ подъ столъ, и „мы чуть не стукнулись съ нимъ подъ столомъ“, —говорилъ братъ.

Весною по объявлениіи войны успѣхи брата по занятію съ полкомъ казаковъ Барбашскаго моста на рѣкѣ Сереть, обезпечившему наступленіе арміи къ Дунаю, отразились въ Петербургѣ на мнѣ; знакомые поздравляли, и я былъ предметомъ ихъ вниманія, котораго самъ по себѣ никогда не заслуживалъ. Послѣ майскаго парада, который дѣлаль Государь, я писалъ брату о немъ, и описаніе это, какъ новости изъ Петербурга, братъ прочиталъ великому князю, который, вспомнивъ обо мнѣ, спросилъ его, что я дѣлаю, и тутъ же рѣшилъ вызвать меня въ армію. Рѣшеніе это совпало съ моими желаніями, ибо не-задолго передъ тѣмъ я писалъ брату, отчего бы мнѣ не получить какой-либо должности по полевому штабу.

Въ одно прекрасное утро меня курьеромъ позвали къ Государственному Секретарю, который, когда я явился, съ нѣкоторою ironieю сказалъ:

— Надѣньте большіе сапоги и поѣзжайте въ армію. Великій князь васъ требуетъ.

Статскіе подтрунивали тогда на счетъ сапогъ, ибо всѣ отъѣзжавшіе въ армію прежде всего надѣвали походную форму съ большими сапогами.

— Вотъ депеша, побывайте у Ивана Ивановича Шамшина и отправляйтесь съ Богомъ,—заключилъ Сольскій.

Иванъ Ивановичъ съ отличавшею его вѣжливостью пояснилъ мнѣ, что Государственный Секретарь и онъ затрудняются въ точности исполнить просьбу великаго князя, такъ какъ въ депешѣ сказано: „Прошу выслать ко мнѣ чиновника Струкова и снабдить его слѣдуемымъ“.

— Мы не можемъ расходовать и у насъ нѣтъ никакихъ такихъ суммъ.

Я успокоилъ его тѣмъ, что поѣду на свои, и откланялся.

Въ нѣсколько дней я собрался въ походъ, но снарядился плохо. Вмѣсто того, чтобы ёхать въ чиновничьей формѣ Государственной Канцеляріи, я, по указанію штабного генерала, завѣдывавшаго формами, надѣль гражданскую форму военнаго министерства, какъ извѣстно не пользующагося особымъ поченіемъ. Весь комфортъ моего снаряженія заключался въ походной кровати, гитарою раздвигавшейся, въ папиросахъ и нѣсколькихъ шелковыхъ рубашкахъ, вмѣсто полотняныхъ.

Направляясь въ армію, я заѣхалъ попрощаться съ отцомъ, который лежалъ тогда въ постели; у него открылись па ногахъ раны отъ старыхъ контузій, полученныхъ въ Венгерскую кампанію. Отпуская меня, онъ велѣлъ мнѣ поблагодарить великаго князя за то, что онъ взялъ меня къ себѣ, и выдалъ триста рублей, чтобы доѣхать до главной квартиры, говоря, что походное снаряженіе для обоза и лошадь приготовить мнѣ братъ Александръ, которому онъ это поручилъ и которому онъ выслалъ на-дняхъ деньги. Я направился въ Унгены. Эта пограничная станція была биткомъ набита ёдущимъ въ армію людомъ, порядка было очень мало; я съ трудомъ исхлопоталъ себѣ, какъ мнѣ сказали, необходимое предложеніе и помѣстился въ отдѣленіи съ выходами по бокамъ вагона, наполненномъ военными. По вѣздѣ на Румынскую территорію меня поразилъ видъ румынского часового у желѣзнодорожнаго моста: онъ былъ одѣтъ въ солдатскую шинель, въ родѣ нашей, на ногахъ были какія-то туфли на босу ногу и на шапкѣ голубиное перо.

Главная и Императорская квартиры находились въ Плоешти,

городъ представлявшій цѣль моего пути. Ночью въ нашъ поѣздъ сѣлъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, возвращавшійся изъ плаванія, и Государь съ многочисленной свитою встрѣтилъ его на платформѣ Плоештиńskiej станціи. Я ожидалъ видѣть при этой встрѣчѣ и Великаго Князя, но я напрасно искалъ его глазами въ этой нарядной военной группѣ. По первымъ же разспросамъ я узналъ, что Великаго Князя нѣтъ въ Плоештахъ и что пребываніе его неизвѣстно; оказалось потомъ, что это были тѣ знаменательные дни, когда Великій Князь готовился къ переправѣ черезъ Дунай, для скрытія мѣста которой, онъ ночью ушелъ одинъ изъ расположенія Главной квартиры, оставилъ домъ, гдѣ онъ жилъ, ярко освѣщенныемъ, чтобы скрыть свой отъездъ. Въ Плоештахъ оставался 2-й эшелонъ главной квартиры, долженствовавшій выступить черезъ день по моему прїѣздѣ. Положеніе мое оказалось не изъ пріятныхъ. Комендантъ главной квартиры генералъ Штейнъ, которому я явился по прїѣздѣ, сказалъ мнѣ:

— Увѣдомьте меня, сколько у васъ будетъ прислуги и лошадей въ обозѣ.

А у меня не было ничего ровно и пріобрѣсти не было на что,—деньги были на исходѣ и брата, посланного на загражденія Дуная, я не засталъ въ Плоештахъ. Въ такомъ затрудненіи я пошелъ въ главную квартиру, чтобы какъ-нибудь устроиться для похода. Перваго, кого я встрѣтилъ, былъ почтенный и любезный нашъ домашній врачъ и докторъ Великаго Князя, впослѣдствіи лейбъ-медикъ Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ. Со свойственной ему дружеской безцеремонной манерой онъ сталъ бранить меня:

— Чего ты сюда прїѣхалъ, очень нужно, сдохнешь тутъ тридцать разъ, сидѣть бы въ своей канцеляріи, худо тебѣ что-ли, ослѣпнешь еще отъ здѣшней пыли, мало у тебя глаза болѣли.

— Великій Князь приказалъ,—говорю я.

— Ну да, очень нуженъ ты, пустяки какіе.

Человѣкъ столичный, житель європы, придворный врачъ и человѣкъ семейный и въ годахъ, Александръ Леонтьевичъ плохо мирился съ трудностями похода и зноемъ южнаго лѣта, и поваркивалъ весь походъ.

Петръ Петровичъ Андреевъ оказался добрѣ и, зная привычки Великаго Князя, сказалъ, чтобы я приходилъ завтра къ главной квартире и что онъ скажетъ походному гофмаршалу Александру Александровичу Галлу о моихъ затруд-

неніяхъ. За завтракомъ однако генералъ Галль, начинавшій уже глохнуть и разговаривавшій при помощи трубки, просьбы моей о позволеніи помѣстить мои вещи на велиокняжескія подводы не захотѣлъ слушать и отнялъ трубку. Слыпавшій нашъ разговоръ командръ охранного дивізіона атаманцевъ полковникъ Денисовъ успокоилъ меня, сказавъ:

— Верхомъ ёздите? Я дамъ вамъ лошадь, пріїзжайте только на сборный пунктъ.

Вещи свои я сдалъ таки знавшимъ меня придворнымъ служителямъ и явился на другой день на сборное мѣсто раньше всѣхъ.

Стали постепенно вытягиваться повозки, экипажи, лошади главной квартиры; я видѣлъ впервые, какъ люди идутъ въ походъ, а самъ стоялъ пѣшій среди долины ровныя. Наконецъ показались, подымая столбы пыли, атаманцы съ пѣсельниками и Денисовыми впереди. Это была моя послѣдняя надежда. Я подбѣжалъ къ Денисову, который, оказалось, забылъ про меня.

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ онъ, остановившись.— Ивановъ, подай заводную.

Ивановъ мигомъ привезъ заводную, но безъ сѣдла и въ недоудѣлѣ.

— Дуракъ, разсѣдлай что-нибудь.

Мигомъ разсѣдлали и осѣдлали мою заводную, я былъ очень счастливъ, но, сѣвши на нее, я попросилъ удлинить стремена, и когда оказалось, что на истовомъ казацкомъ сѣдлѣ стремена не опускаются, я испыталъ прелесть этой сѣдовки, проѣхавъ 29 верстъ первого перехода съ согнутыми ногами. Къ ночному привалу я былъ чрезвычайно уставши и, не имѣя при себѣ ничего, задумался о почлегѣ и сталъ искать, гдѣ бы переночевать. Среди поля эшелонъ пашь расположился въ двѣ липіи, и каждый разбивалъ свою палатку; на правомъ флангѣ стояла четверомѣстная карета Великаго Князя.

Вѣроятно усталая моя фигура ясно выражала испытываемое мною затрудненіе, ибо встрѣтившійся мнѣ фельдъегерь, какъ оказалось потомъ Тулузаковъ, сынъ знакомой мнѣ сестры милосердія Тулузаковой, одной изъ первыхъ сестеръ милосердія русскаго Краснаго Креста,—принялъ во мнѣ участіе и, разсиропивъ, подвелъ меня къ каретѣ и стоявшему около меня священнику, прося его принять меня въ нее на ночь.

— Да куда же,—отвѣтилъ батюшка,—отецъ діаконъ спить на передней скамейкѣ, я на задней.

Тогда Тулузаковъ пригласилъ меня въ свою маленькую

палатку, которую онъ раздѣлялъ съ другимъ товарищемъ своимъ, и мы втроемъ улеглись на какой-нибудь квадратной сажени, пространство которой занимала палатка, въ которую все-таки втиснули мою кровать-гармонику.

Ночью — говорили мнѣ потомъ фельдъегеря, — разразился ливень, потокъ воды направился подъ мою кровать, они стали будить меня, но это имъ не удалось, я спалъ какъ убитый и утромъ всталъ, хоть и мокрый, но бодрый.

Хозяева мои были этому обрадованы, ибо, говорили они, — мы думали, что вы заболѣли, всю ночь стонали вы, — видно отъ усталости.

Фельдъегеря располагали фургончикомъ, на козлахъ кото-
раго я пристосился на время всѣхъ остальныхъ переходовъ по Румыніи, съ радостью оставилъ столь мало удобное казац-
кое сѣдло.

Въ Бухарестѣ, около котораго была дневка, и отъ кото-
раго у меня остались въ памяти только темный дворецъ Князя и знаменитая Киселевская аллея, я угостилъ моихъ благодѣтелей фельдъегерей хорошимъ обѣдомъ и продолжалъ съ ними путь до Зимницы на Дунай. Во время этихъ переходовъ намъ стало извѣстно, что армія наша перешла Дунай у Систова и что главная квартира находится напротивъ этого города, въ Зимницѣ. Въ Александріи, румынскомъ городѣ, хуже котораго я никогда не видалъ, пришелъ казакъ и ска-
залъ, что комендантъ требуетъ къ себѣ чиновника Струкова.

Держа руку подъ козырекъ, я явился къ генералу Штейну, которому представлялся уже въ Плоештахъ и который всегда на прекрасной лошади шелъ во главѣ нашего эшелона. Держа руки за рукавами жилета, генералъ повелительно обратился ко мнѣ.

— Депеша Великаго Князя. Главнокомандующій требуетъ васъ, извольте немедленно отправляться въ Зимницу.

— Я затрудняюсь, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, — у меня нѣть средствъ передвиженія, нѣть и карты, и я не знаю, гдѣ эта Зимница.

Генералъ вспыхнулъ.

— Я передаю вамъ повелѣніе Главнокомандующаго и напо-
минаю вамъ, что у насъ военное время — вы можете отвѣтить, — и недовольный генераль отошелъ отъ меня.

За нимъ стоялъ незнакомый мнѣ тогда полковникъ Морав-
скій — его помощникъ, который, видя мое затрудненіе, сказалъ:

— Не беспокойся, голубчикъ, покричть и перестанеть, оставайся и дойдешь съ нами.

Я послѣдовалъ его совѣту, и черезъ два дня мы все были въ Зимницѣ, гдѣ и кончился первый и самый неудачный для меня, этапъ похода.

Въ Зимнице отъ постояннаго движенія войскъ, жары и безвѣтряя пыль была поистинѣ ужасная, она не осѣдала стояла въ воздухѣ, измельченная какъ дымъ, и дѣлала воздухъ непрозрачнымъ и удушливымъ.

Обѣ главныя квартиры Императорская и Главнокомандующаго расположены были на глинистомъ высокомъ берегу Дуная смѣжно, въ плохихъ сливяныхъ садахъ; Государь жилъ въ какомъ-то болгарскомъ домѣ, Великій Князь въ своей палатѣ, вокругъ него стояли свиты и среди нихъ большая столовая палатка, въ которой гостепріимный Главнокомандующій кормилъ весь персоналъ своей главной квартиры.

По приѣздѣ я розыскалъ будущаго своего начальника флигель-адъютанта Дмитрія Петровича Кладищева. Изъ писемъ брата я зналъ, что Великій Князь вызвалъ меня для наградного отдѣленія, и затѣмъ отправился искать брата. Не легко было его найти; разспросы привели меня наконецъ къ берегу одного изъ дунайскихъ рукавовъ, въ которомъ я увидѣлъ его въ фуражкѣ, но безъ всякихъ туалета, обучающаго своего Яхонта, кровнаго англійскаго жеребца завода Петровскаго, переплыть рѣку. Повидавшись съ нимъ, я пошелъ переодѣваться и являться Великому Князю.

Я поцѣловалъ его въ плечо, онъ меня въ лобъ, и, осмотрѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Спасибо, что пріѣхалъ, сними, — указывая на шпагу, — эту селедку и надѣнь шашку. Струкова братъ, — обратился онъ къ генералу Непокойчицкому, сидѣвшему съ нимъ, и затѣмъ своимъ звонкимъ голосомъ закричалъ: — Николаша, старый товарищъ пріѣхалъ.

Великій Князь Младшій однако не появлялся, и, откланявшись, я пошелъ къ нему. Я засталъ его сидящимъ въ обществѣ Великаго Князя Сергія Александровича, которому онъ меня представилъ.

Откланявшись имъ, я вернулся въ помѣщеніе, занимаемое Кладищевымъ и его наградною канцеляріею. Она состояла изъ него, одного чиновника для письма и двухъ писарей, изъ коихъ одинъ постоянно или весьма часто бывалъ пьянъ. Я на другой день приказомъ Главнокомандующаго по арміи на-

значенъ былъ помощникомъ начальника наградного отдѣленія, но мы съ Кладищевымъ начальствовали почти только надъ самими собою. Мы должны были работать сами и весьма напряженно; поступили уже отъ частей представленія къ наградамъ за загражденія Дуная, за взрывъ Лутрофи-Джелиля Дубасовымъ и Шестаковымъ и всей 14-й дивизіи, за переправу черезъ Дунай у Систова. Дмитрій Петровичъ былъ въ работе педантъ, работалъ усердно и поздно, но по привычкѣ къ долгому туалету пропускалъ утро. Онъ испросилъ у Военнаго Министра разрешеніе на упрощеніе формъ награднаго производства, но и за этимъ упрощеніемъ работа была для трехъ человѣкъ непосильная, и мы работали весь день, съ перерывами для Ѣды, до 12 час. ночи.

Первые дни въ Зимницѣ я голодалъ, питаясь у маркизантовъ, у которыхъ было много шампанскаго, но очень мало съѣдобнаго. Кладищевъ ходилъ обѣдать къ Великому Князю, звалъ и меня, но, не получивъ приглашенія отъ Галла, я не рѣшался послѣдовать его зову. Черезъ нѣсколько дней Великій Князь самъ замѣтилъ мое отсутствіе и велѣлъ разъ на всегда звать меня утромъ къ кофею, къ завтраку, къ обѣду и вечеромъ къ чаю.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, которое мнѣ пришлось разобрать и приготовить къ докладу, было представленіе къ Георгіевскому кресту брата, за загражденіе Дуная у Браилова и у Шародима, гдѣ онъ, переплыvъ рукавъ Дуная, спасъ отъ разстрѣла турецкой батареи нашъ минный отрядъ. Съ нимъ по водѣ послѣдалъ къ отряду и капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ¹⁾, но какъ человѣкъ грузинъ и тучный, послѣдній отсталъ.—Братъ имѣлъ уже золотое оружіе, если не ошибаюсь, за занятіе Барбашскаго моста, обезпечившее наступленіе нашей арміи къ Дунаю, и вторичное представленіе къ высокой наградѣ производило нѣкоторый соблазнъ; самъ Дмитрій Петровичъ находилъ, что сраженія большого не было и что какъ будто много, но подвигъ въ точности подходилъ подъ статутъ и отказать нельзя было: „За спасеніе части съ опасностью для жизни“. На другой день послѣ изготавленія мною доклада собралась Георгіевская дума и въ числѣ прочихъ присудила крестъ и брату.

По главной квартирѣ часовъ въ 12 дня послышались крики: „Полковника Струкова къ Государю Императору“, но полков-

¹⁾ Бывшій позднѣе военнымъ министромъ

ника никакъ нельзя было найти; обратились ко мнѣ, и я долженъ былъ пуститься искать его; зной былъ ужасный, пыль адская, и я не мало измучился, пока искалъ его. Я переспросилъ всѣхъ встрѣчныхъ—не видѣли ли его, и наконецъ добрый человѣкъ указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ Зимницы довольно большое поле и за нимъ одинокую избу, сказавъ:—вотъ тамъ они. Я остановился въ нерѣшительности, переходить ли поле въ такой ужасный зной,—вѣдь кондрашка хватитъ,—думалъ я, однако дѣлать было нечего, Государь зоветъ, перешелъ поле и, обливаясь потомъ, уже съ нетерпѣніемъ я отворилъ дверь въ избу и, не обращая вниманія на группу лицъ, которыхъ я увидѣлъ, я крикнулъ:

— Полковнику Струкова къ Государю Императору.

Это произвело впечатлѣніе бомбы. Тутъ, повидимому, жилъ уже известный тогда, но еще молодой генералъ свиты М. Д. Скобелевъ, и у него трапезовало человѣкъ 10,—шло возліянія послѣ завтрака. Публика эта меня еще не знала, я сѣдалъ общій поклонъ и вышелъ, обтирая градомъ лившійся потъ и отныхиваясь отъ усталости,—а брата уже не было; схватившись съ мѣста, вытирая усы и застегивая китель, онъ летѣлъ черезъ то поле, которое такъ приводило меня въ смущеніе, такъ, что только пятки засверкали.—Экъ его подобрало какъ,—подумалъ я и пошелъ восвояси. Потомъ братъ разсказывалъ, что Государь встрѣтилъ его невыразимо ласково, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Такъ какъ ты мой крестникъ, то я хотѣлъ дать тебѣ свой собственный крестъ,—и, обратившись къ камердинеру, велѣлъ подать одинъ изъ своихъ Георгіевскихъ крестовъ,—да смотри не ошибись,—сказалъ Государь,—не подай креста Императора Александра Павловича.

Увидавъ Скобелева, я вспомнилъ разсказъ ординарцевъ. Вслѣдъ за переправой Великій Князь на pontonѣ отправился черезъ Дунай въ Систово благодарить войска и посмотрѣть позицію; найдя тамъ состоявшаго при немъ Михаила Дмитріевича, самовольно принявшаго участіе въ переправѣ съ Драгомировымъ, Великій Князь отправилъ его подъ арестъ, но почетно, въ свою палатку, въ Зимницу. Драгоміровъ просилъ за заслуги и за содѣйствіе, которое онъ оказалъ ему при переправѣ, отмѣнить это почетное наказаніе.

Про самую переправу говорили, что Великій Князь провелъ ее мастерски, что никто не зналъ, гдѣ она будетъ, что демонстрировали все время на Никополь и что отъ самого Госу-

даря, въ виду его многочисленной квартиры, скрыто было мѣсто совершения оной. Въ ночь на 15 июня Государь прибылъ на указанное ему высокое мѣсто съ курганомъ на лѣвомъ берегу Дуная выше Зимницы на нѣсколько verstъ. Государь съ Милютиномъ на разсвѣтѣ навели подзорные трубы на Никополь и недоумѣвали, что не видятъ приготовленій. Черезъ нѣкоторое время показалась четверка уже сильно вылинявшихъ и показывавшихъ ребра вороныхъ рысаковъ, запряженныхъ въ коляску Великаго Князя, и Главнокомандующій взошелъ на курганъ. Государь, будто, встрѣтилъ Великаго Князя выражениемъ недоумѣнія. Великій Князь взялъ Государя за плечи, обернулъ его въ другую сторону и навелъ трубу. Государь увидалъ понтоны съ войсками подъ правымъ берегомъ у Систова и въ то же время грянули первые выстрѣлы. Государь былъ въ восторгѣ, благодарилъ и цѣловалъ Главнокомандующаго.

Армія становилась подъ предводительствомъ Великаго Князя побѣдоносною, но въ главной квартирѣ стало известнымъ, что старый Вильгельмъ спрашивалъ: *wo ist aber der Feind?* Намъ мало известно было, что дѣлается вокругъ. Въ главной квартире слышалось про несовсѣмъ удачныя дѣйствія отряда генерала Тутомлина, послѣ взятія Никополя, высланного на правый флангъ къ Плевнѣ. Послѣ взятія помянутой крѣпости заняты были значительное время пропускомъ войскъ черезъ Зимницкій мостъ, для сформированія отрядовъ, и когда это подвинулось, мы тронулись вслѣдъ за ними. Узкій понтонный мостъ служилъ отнынѣ связью арміи съ ея базой. Главная квартира вышла часа въ три, мы съ братомъ не торопились, предвидя тѣсноту на переправѣ, и вышли верхами значительно позже, съ нами поровнялся генераль свиты Толстой, и мы втроемъ шли шагомъ по песчаной Дунайской косѣ, когда показались шедшіе намъ навстрѣчу рысью два конвойныхъ казака, минуты черезъ двѣ изъ-за лозняка показалась царская коляска, сопровождаемая еще четырьмя казаками, и въ ней сидѣлъ Государь, возвращавшійся съ проводовъ Великаго Князя и двухъ сыновей своихъ—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владимира Александровича, уходившихъ за Дунай съ главной квартирой. Мы стали во фронтъ и взяли руки подъ козырекъ. Государь поднялъ руку, отдавая честь, и поровнявшись съ братомъ, мягкимъ, показалось мнѣ, голосомъ сказалъ ему:

— Въ добрый часъ, и возвращайся здоровымъ.

Братъ наклонился въ сѣдлѣ, и, тронутые прощальнымъ привѣтомъ, мы нѣсколько минутъ провожали взглядомъ величественнаго и доброго Государя, выказавшаго за это время столько участія къ своимъ воинамъ.

Приближаясь къ правому берегу, мы обходили обозъ главной квартиры, и я между прочими фурами увидѣлъ фургонъ брата, запряженной знакомой мнѣ его шорной, страшно горячей лошадью, которая тащила изо всѣхъ силъ на возжахъ правившаго ею камердинера его, Егора Григорьевича, который елеправлялся съ нею и сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, опасаясь ежеминутно слетѣть съ нею въ Дунай. — Лошадь эта такъ и таскала его неугомонно весь походъ и за Малыми Балканами пала на одномъ изъ переходовъ, не выдержавъ похода,—и измученный ею Егоръ Григорьевичъ все-таки пожалѣлъ ее и позвалъ меня посмотретьъ на бѣдное, павшее животное.

Первый переходъ былъ небольшой, всего верстъ 5 или 6 до деревни Царевичи, въ которую мы пришли къ закату. Болгарія показалась мнѣ лучше южной части Румыніи, дорога была живописная, много зелени, и, прида въ деревню, мы увидали уже раскинутыя палатки главной квартиры и Великаго Князя, сидѣвшаго на заваленіѣ болгарской хижины. Поджидал обозъ, я сидѣлъ на козлахъ телеграфной кареты, когда увидѣлъ шедшихъ къ нашей группѣ Цесаревича и Великаго Князя Владимира. Послѣднему негдѣ было сѣсть, и онъ, позавидовавъ видно мнѣ, сталъ лѣзть на мои козлы, я поспѣшилъ ретироваться, но онъ не позволилъ; братъ, увидѣвъ это, поспѣшилъ представить меня. Изъ происходившаго кругомъ разговора я понялъ, что Цесаревичъ ёдетъ командовать Рущукскимъ отрядомъ и что корпусъ Великаго Князя Владимира входитъ въ его составъ.

Подошелъ ординарецъ Всеволожскій съ большимъ тюкомъ бумагъ.

- Что это у васъ?—спросилъ Великій Князь.
- Прокламаціи,—отвѣтилъ тотъ.
- Либераль! съострилъ Великій Князь.

Это было Царское воззваніе къ болгарскому народу, которое въ послѣдующіе дни читала вся Европа.

На югѣ сумерки быстрѣе, чѣмъ у нась, смѣняются ночью.

Становилось совсѣмъ темно; вдругъ послышался голосъ Великаго Князя:

- Сашка!

Какъ листъ передъ травой всталъ передъ нимъ братъ, смотрю, стоитъ стрункой рука подъ козырекъ.

Великій Князь ему что-то приказалъ, куда-то его посыпалъ. Черезъ минуты двѣ онъ уже подтягивалъ подпруги своей Скарлатъ-Летеръ.

— Куда ты,—спросилъ я, но онъ только неопределенно указалъ куда-то головой.—Да кого и где ты найдешь ночью,—подивился я, но онъ исчезъ въ темнотѣ, куда-то проскакалъ и ночью только вернулся въ наше расположение.

Мы въ первый разъ послѣ пыльной Зимницы очевали бивакомъ, спалось не дурно.

Цесаревича мало было видно, онъ вскорѣ, кажется на другой же день, отѣлился отъ насъ, уйдя къ Рущуку. Дня черезъ три изъ Зимницы прѣѣжалъ верхомъ Государь съ своей свитою и вернулся обратно.

Въ Царевичахъ мы съ Кладищевымъ ходили въ расположение 14-й дивизіи для справокъ по награднымъ листамъ, прішедшими къ намъ въ невѣроятно путанномъ видѣ; мы застали Драгомирова и Радецкаго, сидѣвшими передъ избой на высокой скамейкѣ, и послѣдній болталъ ногами. Наружность бываетъ обманчива: генералъ этотъ показался мнѣ совершеннѣмъ простакомъ, и я никакъ не предположилъ бы въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ героевъ минувшей кампаниі. Въ Царевичахъ служили первый разъ при мнѣ благодарственный молебенъ по случаю занятія генераломъ Гурко Тырнова. Придворный священникъ Великаго Князя читалъ молитвы съ проникавшимъ всѣхъ чувствомъ, и это первое богослуженіе, походное, въ военномъ лагерѣ производило глубокое впечатлѣніе.

Генераль Гурко изъ Тырнова двинулся къ Габрову, а Великій Князь направился къ Тырнову. Движеніе главной квартиры въ тылу отрядовъ мало напоминало о войнѣ; въ нѣсколько переходовъ мы подошли къ этой древней столицѣ Болгаріи по странѣ, не носившей на себѣ никакихъ слѣдовъ опустошенія. Поля были покрыты зреющими хлѣбами и луга густыми травами, въ одной только деревнѣ Великому Князю доложили, что турки, отступая, зарѣзали болгаръ; дѣйствительно, пройдя нѣсколько шаговъ, мы увидѣли нѣсколько труповъ, сброшенныхъ въ кучу. Великій Князь перекрестился и велѣлъ предать ихъ землѣ. Переходы до Тырнова Великій Князь дѣлалъ верхомъ на своемъ арабскомъ жеребѣ Аксу, за нимъ непосредственно слѣдовалъ Артуръ Адамовичъ и весь почти военный персоналъ главной квартиры верхомъ. Наши съ братомъ анг-

лійскія лошади всегда и на шагу опережали другихъ, и мы по большей части отъ Великаго Князя не отставали.

— И ты на англичанкѣ,—сказалъ, оглянувшись на меня на одномъ изъ переходовъ, Великій Князь.

На привалахъ раскидывали на земль скатерть и подавали холодную говядину, колбасу, хлѣбъ и болгарское вино, всѣ собирались вокругъ Великаго Князя, всегда спокойнаго и радушно привѣтливаго въ эти минуты хозяина.

Узкая по обрыву надъ рѣкой дорога къ Тырнову не дала мнѣ возможности видѣть восторженной встречи Великаго Князя населенiemъ Тырнова; мы очутились съ Кладищевымъ въ хвостѣ колонны и пропали городъ послѣ всѣхъ, но и мы получили отъ болгарокъ нѣсколько букетиковъ чудныхъ въ этой странѣ цветовъ.

Главная квартира расположилась лагеремъ за городомъ въ саду на склонѣ горы. Когда стали разбивать палатки, мы тутъ впервые вытащили свою круглую съ вертикальными на стойкахъ стѣнками, на которыхъ пристегивался конический куполъ, какъ только заканчивалась ея постановка, она проклятая рушилась, покрывая насъ съ помогавшими намъ людьми; такъ какъ это повторялось нѣсколько разъ, то многихъ это отъ нечего дѣлать забавляло и каждое паденіе сопровождалось взрывомъ хохота главной квартиры, смѣялся и подзадоривалъ насъ и Главнокомандующій, пока не научились ее ставить.

Подъ городомъ стоялъ конвойный баталіонъ и казаки, вечеромъ играли зорю, утромъ вставали съ музыкой, завтракали и обѣдали въ установленные часы. Мы заняли единственный въ саду домъ подъ свою наградную канцелярію, въ которой сидѣли до первого часа ночи. Выходя однажды оттуда, я споткнулся о чьи-то ноги и тогда только разсмотрѣлъ въ темнотѣ, что въокругъ палатки Великаго Князя, мимо которой мнѣ надо было проходить, лежало нѣсколько конвойныхъ атаманцевъ, охранявшихъ сонъ Главнокомандующаго. Казакъ не шелохнулся, не проронилъ звука, только тихо отодвинулъся, чтобы дать мнѣ пройти.

Эта необычайная охрана меня удивила, я узналъ потомъ, что на флангахъ нашихъ неблагополучно, и предусмотрительный Штейнъ, когда Великій Князь засыпалъ, присыпалъ казаковъ.

Изъ Тырнова Великій Князь послалъ сына своего, моего брата, Ласковскаго и ординарца Цурикова на Шипку въ отрядъ Святополкъ-Мирскаго. Послѣ первого отбитаго штурма братъ

пріѣзжалъ съ донесеніемъ и тутъ же опять уѣхалъ. Послѣ взятія Шипки вернулись всѣ, а брата не было. Я обезпокоился, но вскорѣ явился и онъ цѣлый и невредимый, но исхудалый за нѣсколько дней до чрезвычайности отъ перенесенныхъ боевыхъ трудовъ, вся фигура его сдѣлалась меньше, не исключая головы; я поразился этой перемѣнѣ въ немъ, которая, однако, скоро прошла.

Черезъ года два послѣ войны я встрѣтился въ вагонѣ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ этотъ день огонь турокъ былъ такъ силенъ, что онъ—севастопольскій георгіевскій кавалеръ, такого огня не видѣлъ.

— Весь Орловскій полкъ лежалъ,—говорилъ онъ,—и только три человѣка: Ласковскій на правомъ флангѣ, Цуриковъ на лѣвомъ и вашъ братъ въ центрѣ стояли какъ струнки. Вашъ братъ, кромѣ того, три раза спускался съ горы ко мнѣ, гдѣ я находился у перевязочного пункта, не желая подвергать жизнь находившагося при мнѣ Великаго Князя Младшаго явной опасности. Турки, — говорилъ онъ, — стрѣляли по немъ, какъ по зайцу, и какъ его не убили—не понимаю.

Государь, ознакомленный уже съ реляціей, когда прибыли къ нему въ Бѣлу поименованныя лица, пошелъ навстрѣчу къ отставшему отъ другихъ брату съ открытыми для объятій руками и сказалъ:

— Здравствуй, молодецъ мой, произвожу тебя въ генералы, беру въ свиту и оставляю пока при братѣ.

Въ расположеніи нашемъ былъ не то домъ, не то павильонъ, обращенный въ столовую, гдѣ Великій Князь Младшій, любившій иногда ужинать, сталъ иногда созывать нѣкоторыхъ лицъ. Хорошо знакомый мнѣ Душинъ, камердинеръ, пришелъ вскорѣ послѣ взятія Шипки звать къ ужину Кладищева; послѣдній по духу товарищества, хотя и былъ мнѣ начальникомъ, а не товарищемъ, не пошелъ, и велѣлъ сказать, что еще занимается со мною. Душинъ пришелъ вторично просить и меня, и этимъ возобновились на время почти прежнія отношенія съ Великимъ Княземъ Младшимъ. Окружающіе его любили освѣдомляться у насъ о предстоящихъ наградахъ и позднѣе, однажды проболтавшись не во время, я получилъ отъ Главнокомандующаго выговоръ черезъ Кладищева:

— Скажи Анашѣ, чтобъ не болталъ у сына.

Послѣ первой неудачи подъ Плевной Великій Князь уѣхалъ въ Бѣлу къ Государю, потомъ на позиціи, и намъ вскорѣ было приказано перейти въ Горный Студень, гдѣ долго пришлось

стоять обѣимъ главнымъ квартирамъ. Переходъ этотъ велѣно было сдѣлать, не безпокоя города Тырнова, обойти его и сняться до зари,—что и сдѣлали. При сборахъ этихъ генералъ Галль вдругъ потерялъ свою слуховую трубку и былъ въ такомъ отчаяніи, что всѣ приняли въ немъ участіе и стали ее искать. Послѣ долгихъ поисковъ она была найдена, и эшелонъ до восхода солнца тронулся въ путь. Шли цѣлый день, который былъ знойный, и на ночлегъ пришли только къ заходу солнца. Здѣсь я испыталъ на себѣ дѣйствіе чая на организмъ. Отъ усталости я еле могъ сойти съ коня, а выпивъ пять стакановъ чая съ лимономъ, я былъ готовъ продолжать переходъ и утомленія какъ не бывало.

Въ Горномъ Студнѣ занятія наши увеличились и намъ указывали на медленность. Артуръ Адамовичъ намъ выговаривалъ и, чтобы показать нашъ трудъ, мы, съ разрѣшеніемъ Великаго Князя, однажды пришли работать къ нему въ палатку. За алфавиты офицеровъ сѣли самъ Великій Князь, Артуръ Адамовичъ, Кладищевъ и я; поработавши нѣсколько часовъ, они убѣдились, что мы не бражничаемъ, и отпустили насъ съ довѣріемъ. У Кладищева стали болѣть ноги и, когда Великому Князю насъ было нужно, сталъ ходить за приказаніями я. На это, казалось мнѣ, штабное начальство косилось. Великій же Князь принималъ всегда ласково, отдавалъ приказанія ясно, категорично и не сердился, если переспросишь.

Однажды, ожидая входа къ нему, я сидѣлъ въ столовомъ шатрѣ и разговаривалъ съ ординарцами. Вдругъ двѣ руки сзади закрыли мнѣ глаза, я удивился, но по молчанію ординарцевъ догадался, что это самъ и сказалъ:

— Чувствую кто, самъ Главнокомандующій.

— Молодецъ, — пошутилъ Великій Князь и позвалъ къ себѣ.

Писарь Никатовъ все чаще сталъ напиваться и во хмѣлю бранить насъ съ Кладищевымъ, который каждый разъ просилъ меня извинить ему. Мы работали до 12 часовъ ночи ежедневно, ночами же иногда тревожили насъ флигель-адъютанты за крестами, посыпавшимися Государемъ въ части.

Во время стоянія въ Горномъ Студнѣ ходили слухи по главной квартирѣ, что Великій Князь, освѣдомившись послѣ первыхъ двухъ неудачъ подъ Плевной обѣ щаніемъ Горчаковымъ Англіи изъ Бухареста не переходить Балканы,ѣздилъ къ Государю отказываться отъ командованія арміей. Этому обѣ щанію приписывалась возможность для Порты оття-

чуть изъ долины Марицы часть войскъ и бросить ихъ на нашъ правый флангъ, гдѣ Главнокомандующій и встрѣтилъ силы, на которыхъ тамъ не разсчитывалъ. Когда наступили бѣшенныя атаки Сулеймана-паши на Шипку, положеніе въ главной квартирѣ стало унылымъ; говорили, что у насъ не хватить снарядовъ, что наши орудія и ружья не достигаютъ непріятеля, тогда какъ нашихъ—бываютъ. Великій Князь зачастую самъ сиживалъ на телеграфной каретѣ, отдавая приказанія, скакали ординарцы, Государь прѣѣжалъ къ нему нѣсколько разъ изъ своего расположенія. Ему, случалось, спѣшно подавали воду, говорили, что Систовскій мостъ не имѣеть тетъ-де-иона, что мы можемъ быть отрѣзаны. Въ эти дни я разъ или два, приходя къ Великому Князю, заставалъ его окруженнymъ чутъ ли не всей главной квартирой и въ простой бесѣдѣ излагавшимъ наше военное положеніе. Изъ бесѣды вытекало, что все, что можно было въ человѣческихъ силахъ сдѣлать — сдѣлано, что онъ давно предупреждалъ, что ему войскъ даютъ мало и что мы не выйдемъ изъ затрудненій, пока войска не придутъ. Онъ вѣроятно дѣлалъ это для поддержанія духа главной квартиры, и отъ него всѣ уходили успокоенные, съ вѣрою въ своего вождя и съ любовью къ нему.—Съ того дня, какъ телеграфъ далъ знать изъ Габрова, что генералъ Дмитровскій, посадивъ своихъ стрѣлковъ по двое на лошадей, поднимается на Шипку, у насъ стало надежнѣе и спокойнѣе.

Передъ взятиемъ Ловчи и къ штурму Плевны мы переходили два раза на нѣсколько дней въ деревню Радоницу. Кухня уходила на позиціи съ Великимъ Княземъ, и пришлось въ этой деревнѣ пытаться чаемъ и кукурузнымъ хлѣбомъ. Послѣ взятия Ловчи сюда прѣѣжалъ М. Д. Скобелевъ, и я видѣлъ, какъ сильно повліялъ на него этотъ жестокій бой, онъ былъ сильно разстроенъ и слезы невольно капали изъ глазъ его. Минъ онъ сказалъ:

— Не сокращайте наградъ ни офицеру, ни солдату.

Во время штурма Плевны мнѣ ночью пришлось по дѣлу пройти въ расположеніе императорской квартиры, и при этомъ случался я видѣлъ, какъ неустанно, не ложась въ постель, генералъ Рылѣевъ самъ сторожилъ Государя.

При передвиженіяхъ къ Радоницѣ на ночлегахъ въ болгарскихъ избахъ мы наблюдали, какъ ночами несли между собою информаціонную службу болгары; заснуть не было возможности — почти всю ночь кто-нибудь стучался въ избу, входилъ болгаринъ, спѣшно, но тихо говорилъ что-то хозяину и удалялся.

Въ первый день штурма Плевны, мы были съ Кладищевымъ на такъ называемой Царской батареѣ во время стрѣльбы по ней турокъ. Мы застали на ней генерала Непокойчицкаго и Николая Николаевича Вельяминова, изъ коихъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ—не видять ли мои молодые глаза—какія войска двигаются вдали. Ничего разглядѣть нельзя было. Впереди батареи выставлены были для обмана туры, около которыхъ земля была изрыта снарядами; прослѣдивъ нѣсколько выстрѣловъ, мы удалились, чтобы не сдѣлать изъ себя пушечного мяса.

Послѣ штурма Плевны говорили относительно брата, что онъ былъ посланъ Великимъ Княземъ удостовѣриться, взять ли Гривицкій редутъ, по которому мы продолжали стрѣлять, и что онъ для удачнаго исполненія порученія и остановки огня прошелъ туда и назадъ ползкомъ. Зотовъ представилъ его къ наградѣ, а мы съ Кладищевымъ прописали ему за это мечи на имѣвшійся у него шейный Владимірскій крестъ.

Въ августѣ Дмитрій Петровичъ уѣхалъ къ больной женѣ и такъ какъ я былъ статскій малый чинъ (меня такъ и называли—малое наградное), то штабные генералы воспротивились допущенію меня къ офиціальному исправленію должности, и временно назначенъ быть моимъ начальникомъ генералъ Ефимовичъ, бывшій адъютантъ Великаго Князя и помощникъ гофмаршала. Его завѣдываніе канцеляріею ознаменовалось для меня тѣмъ, что намъ стали приносить чай въ канцелярскую избу съ вкуснымъ хлѣбомъ и сдобными булками, которыхъ я давно не видалъ. Къ этому времени я приготовилъ производство юнкеровъ по всей арміи, вышла большая тетрадь въ три пальца толщиной, и я понесъ ее къ Артуру Адамовичу. Почтенный генералъ отнесся съ недовѣріемъ къ моей работѣ.

— Кто дѣлалъ?

— Я.

— А какъ вы ошибокъ надѣлали?

— Не извольте беспокоиться, когда я имѣлъ сомнѣнія въ правахъ, я спрашивалъ Стефана и генерала Кучевскаго.

Хотѣлъ Артуръ Адамовичъ повѣрять, видѣть, масса, ворочалъ тетрадь и такъ и сякъ, почесалъ за ухомъ, покряхтѣлъ и, наконецъ подписьавъ, поблагодарилъ за работу.

Пріѣзжалъ въ Горный Студень Государь Наслѣдникъ съ Банновскимъ, и намъ опять нагорѣло за медленность, но мы категорически заявили, что два человѣка скорѣе работать не

могутъ и что надо прибавить чиновъ. Намъ никого не дали, но велѣли представить Рущукскій отрядъ не въ очередь.

Послѣ штурма стала подходить гвардія; мы посматривали, какъ Государь по той сторонѣ пропускалъ полки, выходя изъ своего домика. Послѣ прохода Волынскаго полка нашъ Великій Князь Младшій вернулся полковникомъ, и я пошелъ его поздравить. Онъ былъ очень доволенъ.

Въ это время Великій Князь услалъ куда-то брата для наблюденія, и уѣзжая онъ просилъ меня съѣздить въ Императорскую главную квартиру и передать генералу Арсеньеву, что его лошади къ услугамъ Великаго Князя Павла Александровича. По этому случаю я единственный разъ былъ въ главной Императорской квартирѣ и замѣтилъ не безъ иѣкоторой зависти несравненно большій во всемъ комфортъ и удобства, чѣмъ у насъ. Старикъ кн. Суворовъ узналъ меня и любезно бесѣдовалъ.

Хотя у насъ ворчали, что главная квартира мѣшаетъ со средоточенію войскъ у Плевны, направляя иѣкоторыя части въ Рущукскій отрядъ, но кольцо стягивалось, и мы перешли въ Боготъ, гдѣ и стояли до паденія Плевны.

Наступала осень, сначала сухая, потомъ мокрая и грязная, а Османъ все держался. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Богота былъ устроенъ Радишевскій редутъ, куда прїѣзжалъ отъ времени до времени Великій Князь, а иногда и Государь. Съ него былъ виденъ уголокъ Плевны, и съ него наблюдали концентрическую по ней стрѣльбу артиллериі нашей, установленную генераломъ Тотлебеномъ. Послѣ взятія Карса служили тутъ молебень. Наканунѣ вечеромъ Великій Князь часовъ уже въ 11 прислалъ за мною. Я поспѣшилъ явиться и засталъ его уже въ постели.

— Поздравляю, Анаша, Государь пожаловалъ тебя камеръюнкеромъ, — услышалъ я.

Я благодарили, цѣловалъ Великаго Князя въ плечо и послѣ нѣсколькихъ словъ былъ отпущенъ.

На другой день послѣ благодарственного молебна на помянутомъ редутѣ и залповъ во время многолѣтія на Плевнѣ, обѣ главныя квартиры расположились завтракать, и братъ Александръ представилъ меня Министру Двора графу Адлербергу, прося его представить меня Государю. Графъ обѣщалъ, но видно забылъ, ибо когда Государь собирался уже уѣзжать, онъ все еще, завтракая, пилъ красное вино, такъ что съ той же просьбой мы съ братомъ пошли къ Великому Князю.

— Хорошо, — сказалъ онъ и, охотно шутившій, онъ взялъ меня за ухо и повелъ къ Государю, который уже шелъ къ экипажу; однако войдя въ поле зреенія царскаго ока, Великій Князь ухо мое выпустилъ и самъ сталъ рядомъ со мною во фронтъ и руку подъ козырекъ.

— Струкова братъ благодарить за камеръ-юнкерство.

Государь шелъ, не уменьшая шага, руки въ карманахъ, устремивъ на меня свои глаза, отъ которыхъ, признаюсь, почувствовалось что-то подъ колѣнами.

— Твой братъ меня уже благодарилъ. Какъ ты похожъ на твоихъ покойныхъ братьевъ, и какъ жаль, что ихъ нѣть уже на свѣтѣ, — сказалъ Государь и продолжалъ идти къ колясѣ.

Оказалось, что братъ, узнавъ о моемъ назначеніи, утромъ проскакалъ въ Порадимъ и за утреннимъ кофеемъ благодарили Государя.

Это было мое первое и послѣднее представление этому Государю, и впечатлѣніе, во мнѣ имъ оставленное, было—сомнѣніе величественности съ ласковостью въ голосѣ и словахъ.

Въ этотъ вечеръ мы въ Боготѣ услышали страшную ружейную трескотню, послали узнать, что такое, и оказалось, что Скобелевъ поднялъ транспарантъ съ турецкой надписью: „Карсь взять“, на каковое извѣстіе турки отвѣтили огнемъ. Послѣ этого, какъ и послѣ перехода черезъ Балканы генераломъ Гурко и взятія Софіи, у насъ было въ главной квартирѣ ликованіе, служили молебны, кричали Великому Князю „ура!“.

Около 10-го ноября братъ былъ посланъ для наблюденія и донесеній въ тылъ Плевны, которая стала проявлять признаки близкой сдачи, какъ извѣстно, послѣдовавшей 24 ноября. Въ этотъ день въ Канцеляріи было много дѣла, и я на позицію не поѣхалъ; вечеромъ привезли и кормили въ шатрѣ много пашей, лица которыхъ были сосредоточены и печальны. На другой день назначено было молебствіе; на мѣстѣ ставки Османа-паши главная квартира ожидала Государя. Генералъ Непокойчицкій хлопоталъ, чтобы сомкнулись ишли навстрѣчу, когда приѣдетъ Государь. По дорогѣ къ этому мѣсту тяжелое впечатлѣніе произвели трупы нашей пѣхоты, легшей въ лощинѣ при наступленіи; всѣ лежали въ одномъ направленіи ничкомъ и въ шинеляхъ. Раздалось предупрежденіе, — смотри въ ноги — патроны. Обнаживъ головы и сотворивъ крестныя знаменія, мы прошли мимо.

Государь, не доѣзжая нашей группы, вышелъ изъ коляски, его окружила свита, и двѣ главныя квартиры пошли стреми-

тельно другъ другу навстрѣчу. Государь, а за нимъ и всѣ другіе, снялъ фуражку и высоко махалъ ею надъ головой, всѣ кричали „ура!“. Сойдясь братья бросились въ объятья; Государь вынулъ изъ кармана Георгіевскую ленту и стала ею просовывать подъ погонъ Великому Князю, руки его дрожали. Предполагалось, что у молебна будутъ побѣдоносныя наши войска, но война не парадъ, никого не было, и только послѣ молебна подошелъ какой-то полкъ и не парадный имѣлъ онъ видъ; офицеры, помню, были одѣты кто въ чмъ, были и статскіе шарфы вокругъ шеи. Послѣ этого выѣхали въ Плевну, по улицамъ которой я слышалъ не одинъ выстрѣлъ надъ нашими головами; у самаго города, почти въ улицахъ, виднѣлись плохо зарытыя шеренги турокъ. Князь Карлъ держался гораздо скромнѣе своего воинства и все время былъ въ хвостѣ колонны. Мы видѣли въ этотъ день раненаго Османа, котораго мимо наса провели къ Государю, возвратившему ему саблю.

Братъ Александръ про себя ничего не рассказалъ; отъ другихъ я узналъ, что, засыпавъ бой, онъ явился въ распоряженіе генерала Ганецкаго и вмѣстѣ съ А. А. Фрезе помогалъ на разныхъ флангахъ руководить боемъ. Когда отбили вторую линію, они обвели третью, и когда турками былъ выкинутъ бѣлый флагъ, Ганецкій послалъ брата къ Осману. Когда я спросилъ объ этомъ брата, онъ подтвердилъ, что, завидѣвъ колонны Скобелева, нарушившаго въ этотъ день диспозицію, онъ побудиль Ганецкаго послать парламентра, и тотъ отвѣтилъ ему: поѣзжайте сами. Между сошедшися, у береговъ, не широкаго Вида двухъ армій, готовыхъ ежеминутно возобновить огонь, съ казакомъ своимъ онъ вѣхалъ на мостъ и прослѣдоваль къ пашѣ. Османъ предложилъ условія, братъ отвѣтилъ, что можетъ имѣть мѣсто только безусловная сдача. Они говорили по-французски. Османъ отвѣтилъ восточной фразой, что дни не одинаковы и что онъ сдается, о чмъ братъ и оповѣстилъ Ганецкаго. Казакъ брата качалъ головой и говорилъ мнѣ: мы вчера съ генераломъ много дѣловъ надѣлали, кабы не мы... и опять качалъ головой.

Много лѣтъ спустя, когда однажды въ Петропавловской крѣпости меня представили Ганецкому, старикъ - генералъ торописто взялъ меня за руку и сказалъ:

— Братъ Александра Петровича? а шустрой онъ, шустрой.

Братъ получилъ за это дѣло Станиславскую звѣзду съ мечами, а А. А. Фрезе — георгіевскій крестъ.

Послѣ взятія Плевны Государь скоро уѣхалъ въ Россію, главная квартира стала въ Боготѣ. Наступило для арміи тя-

желое время. Невылазная грязь препятствовала доставкѣ прованта, погонщики приходили при однихъ кнутахъ, въ самой Болгаріи запасы изсякли, возникъ вопросъ — что дѣлать? Въ этотъ періодъ времени на разстояніи нѣсколькихъ дней Великій Князь принималъ гр. Тотлебена и генерала Обручева; говорили, что первый посовѣтовалъ заняться взятиемъ крѣпостей, второй—отойти въ Румынію и весной вновь наступать вмѣстѣ съ Сербіей. Совѣтовъ этихъ Великій Князь не принялъ. Наступила зима, насыпало снѣгу, и генералъ Галлъ объявилъ, что будеть кормить только разъ въ день. Великій Князь готовилъ свой планъ наступленія. Ему стало извѣстно, что изъ четырехугольника крѣпостей турки везутъ войска въ Константинополь и оттуда подаютъ ихъ противъ Гурки на Софію. Онъ рѣшилъ выждать окончанія этой операциіи и отрѣзать путь отступленія, спустившись съ Шипки.

Въ половинѣ декабря, впослѣдствіи мой начальникъ, полковникъ Фрезе, посланъ былъ побудить Радецкаго приготовиться къ спуску съ горъ, каковой маневръ генералъ этотъ не очень раздѣлялъ.

Въ это время фуражъ сталъ такъ дорогъ, что всего моего жалованья не хватало на содержаніе лошадей, и я попросилъ Стефана—нельзя ли, не беспокоя однако Великаго Князя, назначить мнѣ фуражныя деньги. Статскій генералъ этотъ, несмотря на это условіе, меня подвелъ и доложилъ Великому Князю о моемъ ходатайствѣ и безъ всякой церемоніи передалъ мнѣ, что Великій Князь сказалъ: „Анашѣ не надо“.

Генералы Непокойчицкій и Левицкій не раздѣляли рѣшиности Великаго Князя переходить Балканы зимою; говорили, что послѣдній особенно волновался, хватался за свои довольно длинные волосы и восклицалъ:—„онъ погубить насъ“. Артуръ Адамовичъ, говорили, становился на колѣни, прося отмѣнить распоряженія, но Великій Князь напомнилъ ему условіе—первому повиноваться въ нужную рѣшительную минуту. За нѣсколько дней до Рождества мы тронулись по зимней стужѣ на Сельви, Ловчу и Габрово. Свѣтлица моя не кованная на шипы скользила, и я велъ ее въ поводу всѣ переходы. Въ Ловчѣ пришло поздно вечеромъ извѣстіе о пѣненіи арміи Весселя-паши. Что это былъ за взрывъ восторга въ нашемъ станѣ. Ура, музыка не смолкала долго, Артуръ Адамовичъ сказалъ Кладищеву, къ нему подошедшему: *nous sommes de la grande armée*. Утромъ я видѣлъ Великаго Князя въ коляскѣ, оставляющаго насъ во 2-мъ эшелонѣ, чтобы скорѣе быть впе-

реди. Окрыленный побѣдою, онъ былъ великолѣпенъ стоя, въ коляскѣ, едва пробирающейся среди тѣсноты обозовъ и войскъ, его привѣтствовавшихъ. Мы остались позади.

Переходъ къ Габрову мы совершили по 24⁰ морозу, и 29 верстъ я прошелъ пѣшкомъ, холодно не было. Придя туда, мы въ отведенномъ намъ домѣ застали на лавкѣ лежавшаго ординарца гр. Штакельберга, жаловавшагося на головную боль. Мы съ Кладищевымъ стали помогать ему и растирать, чего бы вѣроятно не сдѣлали, если бы знали, что онъ заболѣвалъ оспою.

Подъемъ на Балканы былъ труденъ для меня. Кладищевъ болѣлъ ревматизмами ногъ, и послѣ первого подъема мы ночевали въ сторожкѣ 9-го корпуса. На другой день насть съ нимъ доставили къ подножію вершины Св. Николая на салазкахъ. Здѣсь путь на вершину оказался занятymъ артиллеріей и обозами такъ, что пройти намъ нельзя было, и насть пріютили въ своей землянкѣ генералъ Пущинъ, у котораго мы и высыдѣли въ горахъ трое сутокъ; что это были за дни—одинъ ужасъ и печаль. Наконецъ намъ сказали, что можно провезти Кладищева; еще спасибо и за то, что „наградное“ вездѣ охотно принимали и ухаживали. Намъ дали проводниковъ солдатъ и по штыку въ руку, и я поблагодарили судьбу, увидавъ, что въ горахъ туманъ и всей 5-ти-тысячной высоты, которой я не выношу, — не видно. Проводникъ часто останавливалъ меня, говоря: — лѣвѣ, баринъ, тамъ обрывъ. Спустились легко, опасаясь, однако, катившихся сзади на насъ орудій.

Мы спустились 5 января 1878 года, и что за радость я ощутилъ, увидавъ у подножія Балканъ первые ручьи и вдохнувъ легкій уже, весенній воздухъ долины розъ. Тутъ же ожидала меня моя Свѣтлица. Кладищева водрузили на своего казака, и мы пошли къ Казанлыку, по дорогѣ къ которому попадались намъ груды убитыхъ, сваленныхъ въ кучу. Но видѣть мирѣ скоро разсѣялъ память объ этомъ зрѣлищѣ, и мы черезъ полчаса присоединились въ Казанлыкѣ къ Великому Князю. Брата уже тамъ не было. Онъ посланъ былъ съ первой армейской кавалерійской дивизіей занять мостъ черезъ Марицу у Тырнова-Сейменли для обезпеченія дальнѣйшаго наступленія арміи. Стали приходить вѣсти объ его успѣхахъ, потомъ пріѣхало встрѣченное имъ посольство, и пришла вѣсть о занятіи братомъ Адріанополя. Великій Князь былъ доволенъ и говорилъ: „Сашка молодецъ“.

Отступленіе арміи Сулеймана нами было отрѣзано, — планъ

Главнокомандующаго осуществленъ. Когда братъ снималъ телеграфный аппаратъ со станціі послѣ занятія моста, передавалась депеша о подачѣ въ Софію всего подвижного состава для отступленія. Братъ велѣлъ итальянцу-телеграфисту отвѣтить, что русская кавалерія снимаетъ рельсы, и послѣ этого снялъ аппаратъ. Послѣ этого произошли отчаянные бои съ Шуваловыми подъ Филиппополемъ, и турецкая армія разсыпалась въ горахъ.

Въ Казанлыкѣ вамъ было уже не дурно, было тепло. Галль кормилъ рисомъ съ сливянымъ вареньемъ или пастилой, которую тутъ напили въ изобилії; казаки мазали волосы и сапоги розовымъ масломъ, главнымъ продуктомъ долины розъ. Главныя трудности были превзойдены. Когда Скобелевъ подкрѣшилъ пѣхотой занятіе Адріанополя, а братъ пошелъ впередъ, Великій Князь опять бросилъ второй эшелонъ и ушелъ въ Адріанополь.

Въ этотъ періодъ похода стройность движенія главной квартиры нарушилась, чинъ шли за свой страхъ и рискъ, обозъ опережали. Я помню, что изъ Казанлыка я вышелъ верхомъ одинъ съ унтеръ-офицеромъ болгарскаго ополченія Папковымъ, который оказался въ обозѣ брата. За городомъ я нагналъ нашъ конвойный пѣхотный баталіонъ, которому бравый командиръ его готовился читать приказъ Главнокомандующаго о переходѣ арміи черезъ Балканы. Полковникъ пригласилъ меня остановиться и принять участіе. Сзади высился Больше Балканы; снѣжные, впереди менѣе грозные Малые Балканы. За публику я и Папковъ кричали „ура!“ трубачи играли гимнъ. Я пошелъ дальше и къ вечеру пришелъ въ Эски-Загру такой голодный, что если бы былъ первородный, отдалъ бы, кажется, первородство за чечевичную похлебку. Въ главной квартирѣ уже отъобѣдали, ничего не было, даже хлѣба я не нашелъ и отъ голода готовъ былъ плакать; кто-то изъ ординарцевъ выручилъ, давъ чаю съ галетами. Въ Тырново-Сейменли мы пришли въ такую темноту, что шли по улицѣ, взявшись за руки, гуськомъ, но имѣли дневку въ хорошемъ домѣ съ хорошимъ столомъ, за который на радостяхъ щедро платили.

Наступила весна, разгрязнило, обозы наши отставали. Переходъ отъ Тырнова-Сейменли до Германлы мы сдѣлали подъ проливнымъ дождемъ и, придя на мѣсто, я промокъ до костей. Городокъ былъ пустой, населеніе ушло, на мосту передъ городомъ валялась еще масса внутренностей отъ нарубленныхъ нашими уланами быковъ, изъ которыхъ турки, отступая, сдѣлали себѣ загражденіе. Было поздно, мнѣ отвели домикъ безъ оконъ

на улицу, но съ маленьkimъ окошкомъ надъ дверью, выходящею во дворъ. Въ единственной комнатѣ былъ большой очагъ и полная пустота. Мы заперли лошадей въ конюшню, развели огонь, раздѣлись, высушили бѣлье и платье и, не имѣя чѣмъ перемѣниться, надѣли то же бѣлье и платье и улеглись спать на полу. Панковъ изъ предосторожности легъ поперекъ двери. Утромъ предстояла посадка эшелона въ вагоны для переѣзда въ Адріанополь, и походнымъ невзгодамъ наступилъ конецъ.

Въ Адріанополѣ было уже совсѣмъ тепло, хотя еще по большей части пасмурно, и мы застали Великаго Князя и главную квартиру въ конакѣ, въ нижномъ этажѣ котораго расположилось и наше наградное отдѣленіе. Къ этому времени дѣль у насъ накопилось множество, и мы заказали большиe деревянные столы, чтобы разложить и систематизировать ихъ; Великий Князь тутъ разрѣшилъ прикомандировать къ намъ офицеровъ, и къ намъ поступилъ поэтому Александръ Ивановичъ Роговской Московскаго полка, позднѣе бывшій адъютантъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго и директоромъ Правовѣдѣнія. Зачастую здѣсь армейскіе офицеры стали приходить къ намъ для выясненія правъ своихъ на награды. Дмитрій Петровичъ всѣхъ любезно выслушивалъ, но поступалъ по правиламъ и представлениямъ.

Число лицъ, приглашаемыхъ къ столу, постепенно увеличивалось, и тутъ обѣдали въ большой залѣ конака, и теперь занятый переговорами съ Намыкъ-пашей, Великий Князь не всегда выходилъ къ столу. За однимъ изъ обѣдовъ по его приказанію полковникъ Газенкампфъ вышелъ къ сидящимъ за столомъ и прочиталъ депешу Скобелева, который доносилъ, что онъ подошелъ къ Чаталджѣ—линіи послѣднихъ предъ Константинополемъ укрѣплений, и засталъ ихъ не соединенными траншеями; пользуясь этимъ, говорила депеша,—генералъ Струковъ съ кавалеріей обойдетъ ихъ ночью и будетъ атаковать ихъ въ тылъ, а самъ Скобелевъ съ фронта, и онъ надѣялся на завтра сдѣлать подступы къ Константинополю открытыми.

Другая депеша генерала Карцова извѣщала, что онъ подходитъ къ Галлиполи и что жители выходятъ къ нему на встречу.

Впечатлѣніе было громадное. Великий Князь держалъ при себѣ Намыка-пашу, а самъ шелъ впередъ и близокъ былъ къ цѣли. Но на другой, кажется, день стало извѣстнымъ, что движение нашихъ войскъ остановлено по депешѣ, повелѣвавшей

сообразовать движение съ движеніями англійскаго флота, съ депешами произошли недоразумѣнія, и армія конечной цѣли не достигла. Въ главной квартирѣ говорили, что Дибичъ велѣлъ будто потопить въ Марицѣ не нужнаго ему курьера Императора Николая Павловича, что напрасно Великій Князь послушался, но близкіе ему люди возражали, что онъ далъ слово и клятву въ повиновеніи. Вскорѣ заключено было перемиріе, и братъ Александръ вернулся изъ авангарда, поселился рядомъ съ нами и передалъ Великому Князю ключи Адріанополя и бамбуковыя пики, взятые въ арсеналѣ. Позднѣе, когда братъ принялъ Уланскій полкъ, Государь велѣлъ пики эти дать полку. Весь январь прошелъ въ Адріанополѣ. Извѣстно стало, что для заключенія мира пріѣдетъ гр. Игнатьевъ, и съ него пріѣздомъ турки стали жаловаться, что съ нимъ хуже договариваться, чѣмъ съ Великимъ Княземъ.

Дни проходили за днями, но южное солнце стало преодолѣвать зиму, стало разгонять облака, людей потянуло на воздухъ. Однажды я часа въ два услышалъ, что Великій Князь со свитой ёдетъ верхомъ на прогулку; бросить скучныя дѣла и освѣдѣть Свѣтлицу было дѣломъ одной минуты, и я присоединился къ кортежу. Поѣхали въ Греческій кварталъ, кавалькада была большая, ее слышно было издали, населеніе, преимущественно женское, выходило изъ домовъ павстрѣчу, и я дивулся, сколько здѣсь было красивыхъ гречанокъ, во сколько разъ щедрѣе надѣлено это племя сравнительно съ нашимъ красотой. Походный художникъ Великаго Князя подарилъ мнѣ потомъ акварельный портретъ одной изъ нихъ, и онъ до сихъ поръ у меня въ альбомѣ.

Въ другой разъ сказали, что Великій Князь уѣхалъ на форты. Я побѣжалъ къ брату, позвалъ его, и мы, онъ на Яхонѣ, я на Свѣтлицѣ, пустились по городу крупной рысью догонять его; за городомъ мы нашли его со свитой вѣзжающимъ въ фортъ, обращенный къ Марицѣ. Обстрѣлъ съ него былъ такой, что и для неопытнаго глаза было понятно, что къ такимъ фортамъ не подходити, а такихъ фортовъ было пять. Великій Князь одинъ вѣзжалъ на свое мѣсто Аксу на брустверъ и остановился въ созерцаніи вида на долину Марицы и подступовъ къ форту. Простоявъ такъ минуты три, Великій Князь обернулся внизъ къ свитѣ и крикнулъ:

— Сашка тутъ?

Братъ на Яхонѣ мигомъ вскочилъ къ нему.

— Что,—говоритъ ему Великій Князь, — не было слышно.

Много лѣтъ спустя я напомнилъ эту сцену брату и спросилъ его, что говорилъ ему при этомъ случаѣ Великій Князь, но, къ сожалѣнію, и самыи эпизодъ этотъ не остался у него въ памяти, онъ ничего не могъ вспомнить и только сказалъ мнѣ: „да какая же у тебя память! Но я твердо помню эту минуту гордости за брата и чувства благодарности къ Великому Князю, умѣвшему цѣнить заслуги своихъ кавалеристовъ.

Въ остальное время мы работали, спѣшио подвигали дѣла, и только вечеромъ меня иногда приходили звать къ Великому Князю Младшему ужинать,—у него въ то время бывали и старшіе начальники изъ разныхъ частей арміи.

Но вотъ въ одинъ непрекрасный день во время обѣда, за которымъ Великій Князь не присутствовалъ, изъ внутреннихъ его комнатъ отворилась дверь, и въ ней показалась фигура Великаго Князя, который былъ только въ рейтузахъ и въ одной рубашкѣ. Онъ видимо былъ гнѣвенъ и, порывисто окинувъ взоромъ присутствовавшихъ, онъ крикнулъ:

— Штейнъ? смѣнить караулъ...

Что приказывалъ онъ дальше, я не слышалъ, ибо всѣ вскочили съ мѣстъ и поднялся шумъ, обѣдъ прервался.

Я бросился внизъ къ брату, но его уже не было, люди сказали: часа два уже, какъ уѣхали въ авангардъ. Это было въ тотъ день, когда турецкіе уполномоченные отказались отъ выговоренныхъ условій мира и вынудили Великаго Князя принять вновь рѣшительныя мѣры.

Немедленно Великій Князь выѣхалъ самъ на передовыя позиціи, мы съ генераломъ Фрезе остались опять во 2-мъ эшелонѣ въ Адріанополѣ. Когда мы вновь соединились, ординарцы рассказывали про это время слѣдующее:

Прибывъ утромъ на передовыя позиціи, Великій Князь велѣлъ вызвать парламентера и, когда пріѣхалъ на паровозѣ турецкій паша, онъ предложилъ ему передать Мухтару-пашѣ предложеніе пропустить армію въ Санъ-Стефано.—Паша вернулся и доложилъ: что Мухтаръ-паша до сихъ поръ исполнялъ только повелѣнія Его Величества Султана.

Великій Князь, вынувъ часы, сказалъ, что если черезъ полчаса не будетъ другого отвѣта, онъ поведетъ атаку. Паша во время вернулся и доложилъ, что путь открытъ. Тогда къ вагону Великаго Князя прицѣпили платформу съ оркестромъ военной музыки, на ней развернули значекъ Главнокомандующаго, заиграли нашъ гимнъ, и по всей линіи отъ моря до моря по сигналу началось наступленіе къ Царьграду.

Турецкіе баталіоны отступали или разступались и брали на караулъ. Въ Санъ-Стефано Мухтаръ шелъ у стремени Великаго Князя, который извинился тѣмъ, что у него нога болитъ.

Оттуда Великимъ Княземъ въ Петербургъ была послана известная депеша: „Я прибылъ въ С.-Стефано по приглашению Его Величества Султана“.

За день или два до заключенія мира, къ намъ пришла депеша: „прислать всѣ солдатскіе кресты въ Санъ-Стефано“. А. А. Фрезе велѣлъ мнѣ отвезти ихъ.

— Съ кѣмъ-нибудь нельзя, это все-таки казенное имущество,—сказалъ онъ.

Крестовъ былъ цѣлый большой ящикъ; я погрузилъ его въ отдѣльное купе и выѣхалъ въ Санъ-Стефано, куда сталъ подвозить меня поѣздъ рано утромъ 19 февраля 1878 года. Пронснувшись, я увидалъ въ окна вагона чудное Мраморное море, цвѣтъ котораго столь разнится отъ другихъ морей. Къ станціи подѣхали часовъ въ семь утра. Выйдя изъ поѣзда, я тотчасъ замѣтилъ необычайное движеніе войскъ, шли лейбъ-казаки съ музыкой, спрашивавшіе, что такое, говорятъ—парадъ—заключеніе мира. Вотъ онъ, желанный день наступилъ. Пройдя съ версту къ мѣстечку, я увидѣлъ, что передъ домомъ, гдѣ жилъ Великій Князь, собралась почти вся главная квартира, на коняхъ стояли въ ожиданіи выхода его адъютанты и ординарцы, и всякие чины. Я пошелъ разыскивать квартиру брата, чтобы помыться и попросить лошадь къ параду, который я непремѣнно хотѣлъ видѣть; но лошадей его почему-то тутъ не было, и казакъ его могъ только предложить мнѣ отбитую имъ у туровъ чрезвычайно маленькую сѣрую лошадь, такую маленькую, что когда я сѣлъ на нее—то ноги мои почти касались земли.

Дѣлать было нечего, однако, и на такой лошадкѣ присоединился я къ главной квартирѣ, ожидавшей выхода на площадь Великаго Князя. За мѣстечкомъ вся армія, подошедшая къ Константинополю, стояла въ строю—всѣ ждали, ждалъ и Главнокомандующій, часто появлявшійся въ окнѣ, но турки все мира не подписывали. Изъ дома выходили нѣсколько разъ адъютанты Орловъ и Андреевъ, шли справляясь, приносили известіе, что вотъ-де сейчасъ будетъ готово, но часы проходили за часами, а мира все не было. Такъ и прождали весь день голодные, но къ счастью хоть не холодные. Солнце уже замѣтно склонялось къ закату, когда наконецъ Орловъ приѣжалъ сказать, что все готово. Великій Князь сѣлъ на коня и въ сопровожденіи всей главной квартиры поѣхалъ ша-

гомъ по улицамъ къ войскамъ; но, доѣхавъ до выѣзда въ поле, пришлось остановиться,—графа Игнатьева съ подписаннымъ протоколомъ все не было, проходили еще съ полчаса. Великій Князь, чтобы какъ-нибудь убить время, подозвалъ адъютанта Муханова и послалъ къ войскамъ. Тотъ проскакалъ, вернулся, а ѿхать все-таки нельзя было. Наконецъ въ концѣ улицы показался скачущій парный извозчикъ, въ которомъ стоялъ графъ Николай Павловичъ и махалъ фуражкой, а въ другой рукѣ онъ держалъ свертокъ бумагъ.

Я не видѣлъ момента, когда онъ подъѣхалъ къ Великому Князю; когда послѣдній началъ объѣздъ—солнце садилось; на морѣ я замѣтилъ много пароходовъ и яхтъ, пришедшихъ съ публикой изъ Босфора смотрѣть нашу армію. На своей крысѣ я ѿхалъ въ хвостѣ свиты и не могъ пропасть ближе, ибо меня затащали, и лошадь Дохтурова меня даже лягнула, попавъ къ счастью въ стремя. Когда Великій Князь кончилъ объѣздъ, наступили даже густыя сумерки, ставъ на мѣсто, онъ скомандовалъ:

— Господа офицеры, ко мнѣ. Мои уланы ко мнѣ, — волновался онъ.

Когда его окружили въ карьеръ мчавшіеся къ нему офицеры и водворилась тишина, я услышалъ звонкимъ, далеко дозвавшимъ голосомъ его произнесенные слова:

— Богъ даровалъ намъ послѣ тяжкихъ усиливъ блестящій миръ...

На послѣднемъ словѣ голость его дрогнула отъ слезъ, и дальнѣйшей рѣчи его я не слышалъ. Начался церемоніальный маршъ въ совершенной темнотѣ, только на фонѣ неба видны были силуэты колоннъ. „Ночной смотрѣ“—подумалъ я. И день мира дался намъ не легко. И армія и Главнокомандующій провели его отъ зари до зари одна—при ружьѣ, другой—при шарфѣ, въ напряженномъ ожиданіи. Ужинали въ этотъ день вмѣсто обѣда часовъ въ 11. Всѣхъ потомъ облетѣла радостная вѣсть о назначеніи Великаго Князя фельдмаршаломъ. Всѣ до послѣдняго человѣка этому были рады и ему дѣлали овациі.

Многіе думали, что послѣ заключенія мира такъ-таки сейчасъ и побѣдутъ домой; не тутъ-то было, началось томительное Санъ-Стефанское сидѣніе, начались и тяжелыя непріятности для побѣдоноснаго Главнокомандующаго. Въ Петербургѣ стали желать, послѣ того, что выяснилась неизбѣжность Европейской конференціи, занятія Константинополя, котораго не желали въ январѣ. Въ мартѣ прїѣзжалъ кн. Имеретинскій, и слышно

было, что по этому поводу Великий Князь не соглашался.— И въ самомъ дѣлѣ, намъ всѣмъ было известно, что армія утомлена и разстроена; на часахъ у Великаго Князя стояли преображенцы въ дырявыхъ, прорванныхъ шинеляхъ, полубосые, часть войскъ уже сажали на суда для отправки въ Россію, говорили, что начинаются болѣзни; изъ окна наградного отдѣленія я созерцалъ, какъ лошади за недостаткомъ фуражъ объѣдали кору деревьевъ, къ которымъ стояли привязанными, а турки, пользуясь дипломатической волокитою, рыли укрѣпленія, посерединѣ Плевенскихъ.

Въ главной квартирѣ пріуныли. Почтенный военно-медицинскій инспекторъ Приселковъ, вѣроятно, больше другихъ побуждаемый къ тому лазаретами, громко ворчалъ, что мы здѣсь всѣ пропадемъ, и что не въ Одессу уѣдемъ, а что наскѣ отвѣтъ англичане въ Ливерпуль.

Мы жили съ братомъ на самомъ берегу моря во второмъ этажѣ дома, стоявшаго у западной оконечности Санть-Стефанской бухты, и послѣ такой бутады почтеннаго Приселкова я обратилъ однажды подозрительное вниманіе на пароходъ, который, идя безъ флага, оставилъ курсъ на Босфоръ и приблизился къ занятymъ нашимъ армію берегамъ, вѣроятно, чтобы дѣлать промѣры. Я хотѣлъ пойти сообщить объ этомъ моряку капитану Рогулѣ, но успокоился, увидавъ, что пароходъ „Константинъ“, стоявшій тогда у насъ на рейдѣ подъ командой уже прославившагося тогда красавца-капитана Макарова, снимается съ якоря и идетъ въ кильватеръ неизвѣстному развѣдчику, который послѣшилъ на всѣхъ парахъ уйти къ Босфору.— Говорили, что Приселкову сказано таки было больше не ворчать.

Въ началѣ марта братъ Александръ Петровичъ заболѣлъ, я не зналъ чѣмъ. Полковникъ Ильяшенко и я ухаживали за нимъ какъ могли. Александръ Леонтьевичъ Обермюллер приходилъ къ нему почти ежедневно и уходилъ сердитый и недовольный; оказалось, когда онъ уже сталъ поправляться, что это былъ тифъ, который началъ тогда перебирать нашу армію. Великий Князь Младшій простудился и такъ же, какъ и братъ, уѣхалъ поправляться въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ или въ концѣ марта пріѣхалъ адмиралъ Поповъ и поселился въ нашемъ домѣ съ ординарцемъ своимъ мичманомъ Саксомъ. Адмиралъ часто и долго диктовалъ своему мичману и только изрѣдка выходилъ къ намъ въ общую комнату. Ближе познакомившись со мною, онъ однажды, принявъ таинственный видъ, сталъ говорить про

посадку войскъ не въ Санъ-Стефанской бухтѣ, а въ Буюкъ-Дере, что-то про кавалерію и наконецъ кончилъ словами:

— Напишите брату, чтобы сейчасъ ъхалъ, онъ мнѣ нуженъ.

Догадавшись, что почтенный адмиралъ проектируетъ планъ захвата Константинополя съ Босфора, и зная всю неосуществимость этой затѣи; я отвѣтилъ, что по моему письму братъ не пріѣдетъ и что если онъ дѣйствительно нуженъ, то есть кому его вызвать.

Адмиралъ былъ въ дѣйствительности вторымъ посланнымъ лицомъ для уговоровъ Великаго Князя братъ Константинополь. Наша дипломатія не умѣла открыть карты Лондонскаго кабинета и дѣйствовала съ опозданіемъ на добрыхъ три мѣсяца.— Россія можетъ быть только благодаря Великому Князю, что онъ на эти уговоры не поддался, ибо успѣхъ кампаниіи былъ бы скомпрометтированъ. Да и къ чести ли русскаго оружія было бы напасть исподтишка, замирившись; для этого нуженъ былъ другой Главнокомандующій, не такой рыцарь, какимъ былъ Великій Князь.

Всѣ эти обстоятельства разстроили его здоровье, уже утомленное напряженіемъ всей войны, проведенной имъ послѣ тяжелой болѣзни. Мы его стали рѣже видѣть, онъ не выходилъ къ столу и уходилъ иѣсколько разъ на „Ливадію“ для стоянки въ Золотомъ Рогѣ, куда раза два мы ъздили съ докладомъ. Наконецъ пріѣхалъ третій посланный гр. Тотлебенъ, и по главной квартирѣ пронесся слухъ, что Великій Князь уѣзжаетъ.—Уныніе, сожалѣніе о немъ были общими.

Я объявилъ А. А. Фрезе и Роговскому, что, будучи командированъ въ личное распоряженіе Великаго Князя, я буду проситься ъхать съ нимъ, и они обѣщали не сердиться, если я добьюсь и ихъ вызова въ Петербургъ для окончанія дѣлъ тамъ, что мнѣ и удалось исполнить.— Но уѣхать мнѣ оказалось не такъ легко; никто, ни генералъ Галль, ни даже ближайшіе адъютанты не брались доложить обо мнѣ Великому Князю, который былъ съ пріѣзда Тотлебена не въ духѣ, огорченъ и никого не принималъ. Исчерпавъ всѣ пути съ неудачей, я рѣшился найти къ нему самъ. Камердинеръ Зернушкинъ докладываться мнѣ не посовѣтовалъ, а вотъ, говоритъ,— скоро пойдетъ завтракать, то подождите на лѣстницѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Стоялъ довольно долго. Наконецъ отворилась дверь, и по лѣстницѣ стала спускаться Великій Князь, онъ былъ необычайно серьезенъ, и обычной привѣтливости

замѣтно не было. Увидавъ меня, онъ не останавливалась и не подавая, какъ обычно, руки, коротко спросилъ:

— Что тебѣ?

— Прошу позволеніяѣхать съ вами,—отвѣтилъ я.

— Да, конечно,—сказалъ онъ,—скажи Ефимкѣ.

Ефимка — это значило генералъ Ефимовичъ, помощникъ гофмаршала, распоряжавшійся посадкой на „Эрикликѣ“ и „Ливадію“. Я побѣжалъ къ Ефимовичу, который сказалъ:

— Хорошо, Анаша, вы поѣдете съ ординарцами, съ Березкинымъ и священникомъ на „Эрикликѣ“, садиться рано утромъ до парада.

На другой день Великій Князь на парадѣ прощался съ войсками. Говорили потомъ, что всѣ, кто только могъ, провожали его на пристань и что многие закаленные бояки офицеры плачали, когда онъ садился въ катерь. Когда „Ливадія“ часа въ четыре выходила съ нимъ въ Золотой Рогъ, мы на „Эрикликѣ“, послѣ отслуженного утромъ на палубѣ молебна, снялись съ якоря и пошли въ Одессу.

Налюбовавшись красотами Босфора, мы въ сумерки вошли въ Черное море и попали въ мертвую зыбь. „Эрикликѣ“ бросало такъ, что по каютъ-компаниіи нельзя было пройти, не попадешь въ дверь. Священникъ нашъ, отче Іосафатій, какъ звали его Великій Князь, очень тревожился и всю ночь ходилъ по палубѣ. Я пошелъ въ каюту и почувствовалъ приступы морской болѣзни, легъ и моментально уснулъ. Проснувшись утромъ, я увидѣлъ, что море стихло и что мы стоимъ на мѣстѣ. Спѣшить было некуда, нагрѣлся подшипникъ, и мы его остуживали. Въ одесскомъ портѣ мы ошвартовались у того мѣста, где должна была стать „Ливадія“, и стали ее ожидать. Какъ только показалась яхта на горизонтѣ, загремѣли салютомъ сначала береговая батареи, потомъ весь портъ; когда яхта проходила мимо насть, мы выстроились во фронтъ по борту и взяли руки подъ козырекъ; вся закрытая дымомъ шла мимо нась тихо яхта, почти невидимая, но вотъ клубы дыма нѣсколько разсѣялись, и на лѣвомъ кожухѣ мы увидали стройную, красивую фигуру нашего витязя, отдававшаго намъ честь. Мы закричали „ура!“

Въ одесскомъ соборѣ архіепископъ встрѣтилъ Великаго Князя прекраснымъ словомъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе. Великій Князь обѣдалъ, кажется, у Воронцова, а мы, мелкота, въ Европейской гостинице, и очень вкусенъ показался обѣдъ, послѣ походной кухни. Вечеромъ сѣли въ поѣздъ; маршрутъ

былъ указанъ западными дорогами. Дорогой мнѣ пришлось говорить съ Великимъ Княземъ, онъ былъ уже спокоенъ и, какъ всегда, ласковъ. Въ своемъ вагонѣ мы пѣли, всѣ были веселы, и помнится, Великій Князь Младшій все заставлялъ пѣть хоромъ: *ralliant guerrier sur la terre etrangère combattre cet un plaisir.*

Въ Петербургѣ была встрѣча. Почетный караулъ былъ отъ уланъ, которыми тогда уже командовалъ братъ, и онъ былъ на флангѣ. Государь пріѣхалъ навстрѣчу въ уланскомъ мундирѣ, и братъ говорилъ, что, проходя мимо и обдергивая фалды своего мундира, Государь сказалъ, что не узнаетъ себя въ этой формѣ. Помѣщаясь въ дальнемъ вагонѣ, я не видѣлъ встрѣчи, которая, говорили, волновала Великаго Князя. Извѣстно стало и всѣ это видѣли, что Государь провезъ Великаго Князя въ Казанскій соборъ и въ Зимній дворецъ; но что сказалъ ему Государь, осталось извѣстнымъ только очень близкимъ ему людямъ и болѣе широкимъ кругамъ стало извѣстнымъ только изъ записокъ генерала Скалона.

Когда поуспокоились, я пошелъ къ генералу Непокойчицкому проситься въ отпускъ, чтобы навѣстить батюшку въ Екатеринславѣ. Артуръ Адамовичъ очень удивился, что я считаю себя еще зависимымъ отъ него и Великаго Князя, но я доложилъ ему, что не считаю свою командировку оконченою, что Великому Князю мы успѣли дождаться награды дѣла только до взятія Софіи и что послѣдующія дѣла подлежать по всей справедливости докладу не новому главнокомандующему, и что для ихъ окончанія надлежало бы вызвать полковника Фрезе и капитана Роговскаго.

— Хорошо,—сказалъ Артуръ Адамовичъ,—я доложу Великому Князю, придите послѣ завтра.

Черезъ день я получилъ отпускъ, а отданіе было скоро вызвано въ Петербургъ и по возвращеніи моемъ я все лѣто еще работалъ съ А. А. Фрезе и Роговскимъ въ старыхъ Московскихъ казармахъ.

Лѣтомъ мы съ Александромъ Александровичемъ повезли большой докладъ къ Великому Князю въ Чесменку, гдѣ онъ тогда жилъ. Великій Князь обрадовался намъ, принялъ ласково, вѣлько росписаться въ книгѣ, утромъ показывалъ лошадей, а послѣ обѣда принялъ докладъ. Но его жаль было видѣть, онъ былъ въ опалѣ, подъ неудовольствіемъ по крайней мѣрѣ, да и самъ онъ этого не скрылъ. Хотя онъ обычно не курилъ, но тутъ онъ развернулъ шелковый красный кисетъ и, закуривъ маленькую трубочку, сказалъ:

— Вотъ опальный фельдмаршаль, это мнѣ подарилъ Іокагама.

Онъ такъ называлъ японскаго военнаго агента, полковника Ямазака, бывшаго въ походѣ при главной квартирѣ. Великій Князь въ эти дни не зналъ даже о возвращеніи гвардіи въ Россію, и мы привезли ему первые обѣ этомъ извѣстіе.

Во время доклада А. А. Фрезе докладывалъ, между прочимъ, что по сравненію съ офицерами, бывшими въ отдѣленіи, и мнѣ слѣдуетъ вторую награду, но что я отъ нея отказываюсь, чтобы не вызывать нареканій. Я сидѣлъ на балконѣ, они въ комнатѣ.

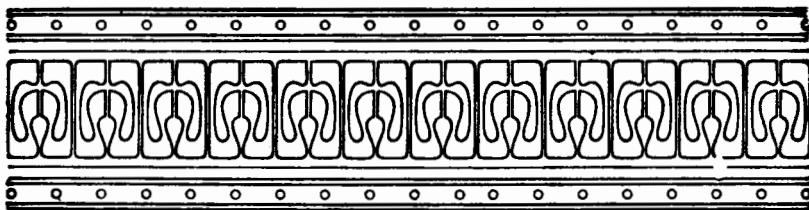
— Анашка дуралка, — закричалъ Великій Князь и подпи-
салъ представление къ Станиславу 2-й степени съ мечами. По
возвращеніи въ Петербургъ, Артуръ Адамовичъ нашелъ, что
это лишнее, что опять скажутъ, что Великій Князь награждаетъ
своихъ любимчиковъ. Своя рука владыка,—я этого представленія
въ ходъ не пустилъ. Во время доклада Великій Князь велѣлъ
мнѣ написать письмо военному министру о сохраненіи за нимъ
права награжденій до извѣстныхъ степеней, какъ во время по-
хода, и когда я его изготовилъ—подписалъ и сказалъ Фрезе,
что я все время хорошо служилъ. По окончаніи доклада Вели-
кій Князь извинился, что ему надо уѣхать въ сосѣднюю усадьбу,
простился съ нами, благодарилъ, поцѣловался и, сѣвъ въ жел-
тый вѣнскій брекъ, запряженный четверикомъ вороныхъ лоша-
дей, уѣхалъ, крикнувъ мнѣ:

— Кланяйся сыновьямъ.

Осеню 78 года, закончивъ дѣла, мы откланивались Вели-
кому Князю, онъ благодарилъ настѣ: „Спасибо за службу“, мы—
его, что позволилъ послужить при себѣ.

Я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что Великому Князю
такъ и не удалось объясниться съ Государемъ до его кончины,
онъ говорилъ обѣ этомъ съ сокрушениемъ. Очень, вѣроятно,
дурные люди съумѣли внушить недовѣріе къ Великому Князю.
Я слышалъ, что надъ нимъ троекратно назначались разслѣдо-
ванія, прекратившія будто тогда только, когда пользовав-
шіяся репутацией неподкупной, высокой честности генералъ-
адъютантъ Глинка-Мавринъ доложилъ, что Великій Князь такой
же рыцарь, и что надъ рыцаремъ онъ слѣдствія вести не мо-
жетъ. Но невольная недоразумѣнія и ошибки современниковъ
исправляются всеисцѣляющимъ временемъ, и отрадно видѣть,
что правда на свѣтѣ свое береть и что Великому Князю сози-
дается заслуженный имъ памятникъ.

A. C.

Освобождение Скальда.

Скандинавская повесть.

Неизданная поэма Д. В. Веневитинова.

Эльмортъ.

Сложи мечъ тяжелый. Безсильной ли длань
Владѣть симъ булатомъ, о мирный пѣвецъ!
Намъ слава въ бояхъ, намъ опасныя браны;
Тебѣ—сладкоозвучного пѣния вѣнецъ.

Эгиль.

Прости, мнѣ, о сынъ скандинавскихъ царей!
Въ десницѣ пѣвца сей булатъ не безчестенъ.
Ты помни, что Рекнеръ былъ арфой извѣстенъ
И храбрымъ примѣръ среди бранныхъ полей.

Эльмортъ.

Прости, юный Скальдъ, ты пѣвецъ вдохновенный,
Но если ты хочешь, Эгиль, намъ вѣщать
О славѣ, лишь въ битвахъ тобой обрѣтенной.
То долго и долго ты будешь молчать.

Эгиль.

Эльмортъ! иль забылъ, что, гордясь багряницей,
Царь Скальда обидѣлъ, и съ ближней денницей
Прискорбная мать его, въ горькихъ слезахъ,
Рыдала надъ хладною сына гробницей...

Такъ, съ твердостью духа, съ угрозой въ устахъ,
 Эгилъ отвѣчаетъ, — и, быстрой стопою,
 Безмолствуя, оба, съ киченьемъ въ сердцахъ,
 Сокрылись въ дубравѣ подъ лиственной тьмою.
 Часъ цѣлый въ безмолвіи ночи густой
 Гремѣлъ мечъ о мечъ среди рощи глухой.
 Обрызганный кровью и весь изнуренный,
 Эгилъ! изъ дубравы ты вышелъ одинъ.
 О храбрый Эльморъ! тебя тщетно Арминъ,
 Въ чертогахъ семьею своей окраженный,
 На пиръ ждетъ вечерній подъ кровлей родной.
 Тебѣ ужъ изъ чаши не пить круговой.
 Безъ жизни, безъ славы, твой трупъ искаженный
 Лежитъ средь дубравы на дернѣ сухомъ.
 Ты въ прахъ преклонился надменнымъ челомъ.
 Окрестъ все молчитъ какъ нѣмая могила,
 И смерть скандинавцу за Скальда отмстила.

Но утромъ, едва лишь межъ сизыхъ паровъ
 Холодная въ небѣ зардѣлась Аврора,
 Въ дремучей дубравѣ, при лаянья псовъ,
 Узнали кровавое тѣло Эльмора.
 Узнавши Эльмора черты искаженны,
 Незапнимъ ударомъ Арминъ пораженный
 Не плачетъ, но грудь раздираетъ рукой.
 Межъ тѣмъ все возстало, во градѣ волненье,
 Всѣ ищутъ убійцы, всѣ требуютъ мщенья.
 — „Я знаю“, — воскликнулъ Арминъ: — „Ингисфаль
 „Всегдашнюю злобу къ Эльмору питалъ.
 „Спѣшите, спѣшите постигнуть злодѣя,
 „Стремитесь, о други, стремитесь быстрѣ,
 „Чѣмъ молнии зубчатыя блескъ въ небесахъ.
 „Готовьте орудья ко смерти убійцы.
 „Межъ тѣмъ пусть врата непреступной темницы
 „По немъ загремятъ на чугунныхъ крюкахъ“.

И всѣ устремились. Эгилъ на брегахъ
 У моря скитался печальной стопою.
 Какъ туча, изъ коей огнистой стрѣлою
 Перунъ быстротечный блеснулъ въ небесахъ,
 На крыліяхъ черныхъ съ останками бури
 Плынетъ чуть подвижна въ небесной лазури,—
 Такъ ираченъ Эгилъ и задумчивъ блуждалъ.

Какъ вдругъ передъ нимъ, окруженный толпою,
 Къ чертогамъ невинный идетъ Ингисфаль.
 — „Эльморъ торжествуетъ, и месть надъ убійцей!“—
 Такъ въ ярости цѣлый народъ повторялъ.
 Но Скальдъ, устремившись въ толпу, восклицалъ:
 — „Народъ! онъ невиненъ; мою десницей
 „Погибъ среди боя царевичъ младой.
 „Но я не убійца, о Царь скандинавянъ!
 „Твой сынъ дерзновенный сразился со мной,
 „Онъ палъ и геройскою смертю славенъ“.

Трепеща отъ гнѣва, Арминъ повелѣлъ
 Въ темницу глубокую ввергнуть Эгила.
 Невинный свободенъ, смерть—скальда удѣль.
 Но скальда ни плѣнь не страшитъ, ни могила,
 И тихо, безмолвствуя, мощній пѣвецъ
 Идетъ среди воплей свирѣпаго мщенья,
 Идетъ,—какъ бы ждалъ его славный вѣнецъ
 Наградой его сладкозвучнаго пѣнья.

— „О горе тебѣ!“—восклицалъ весь народъ:
 „О горе тебѣ! горе, скальдъ величавый.
 „Здѣсь барды не будутъ вѣщать твоей славы.
 „Какъ тѣнь, твоя память безъ шума пройдетъ,
 „И съ жизнью имя исчезнетъ злодѣя“.
 И, тяжко на вереяхъ мѣдныхъ кружась,
 Темницы чугунная дверь заперлась,
 И скрыцъ ея слился со свистомъ Борея.

И такъ онъ одинъ, безъ утѣхи; но нѣтъ, —
 Съ нимъ арфа, въ несчастыи подруга драгая.
 Эгилъ, среди мрака темницы бряцая,
 Послѣднею пѣснию Эльмора поетъ.
 „Счастливецъ! ты палъ среди родины милой,
 „Твой прахъ будетъ тлѣть подъ землею родной,
 „Во гробъ не сошла твоя память съ тобой,
 „И часто надъ хладной твою могилой
 „Придетъ прослезиться отецъ твой унылой,
 „И другъ не забудетъ тебя посѣщать.
 „А я погибаю въ зарѣ моей жизни,
 „Вдали отъ родныхъ и отъ милой отчины.
 „Сестра молодая и нѣжная мать
 „Не придутъ слезами мой гробъ орошать.

„Прощай, моя арфа, прошли наши пѣнья
 „И скальда младого счастливые дни —
 „Какъ быстрыя волны промчались они.
 „И скоро, исполненъ ужаснаго мщенья,
 „Неистовый варваръ мой вѣкъ пресѣчетъ,
 „И злой скандинавецъ свирѣпой рукою
 „Созвучныя струны твои оборвѣтъ.
 „Греми же, греми! разлучаясь съ тобою,
 „Да внемлю послѣдней я пѣсни твоей! —
 „Я жилъ и въ теченіи жизни своей
 „Тобою былъ счастливъ, тобою былъ славенъ“.

Но Барды, свершая обрядъ скандинавянъ,
 Межъ тѣмъ начинали суровый напѣвъ
 И громко гремѣли средь дикаго хора:
 „Да гибнетъ, да гибнетъ убийца Эльмора“.
 Въ ихъ пламенныхъ взорахъ неистовый гнѣвъ,
 И всѣ, въ круговой съединившись руками,
 Эльмора нестройными пѣли хвалами
 И, трупъ обступивши, ходили кругомъ.

Уже средь обширнаго поля близъ лѣса
 Огромный и дикий обломокъ утеса
 Къ убийству пѣвца утвержденъ олтаремъ.
 Булатна сѣкира лежала на немъ,
 И возлѣ, ждавъ жертвы, стояли убийцы.
 И вдругъ, заскрыпѣвши, глубокой темницы
 Отверзлися двери, стремится народъ.
 Увы! все готово ко смерти Эгила,
 Несчастному скальду отверста могила,
 Но скальдъ безъ боязни ко смерти идетъ.
 Ни вопли народа, кипящаго мщеньемъ,
 Ни грозная сталь, ни олтарь, ни костеръ
 Пѣвца не колеблють, лишь онъ съ отвращенiemъ
 Внимаетъ, какъ Бардовъ неистовый хоръ
 Гремитъ, недостойнымъ Эльмора, хваленiemъ.
 — „О царь!“ — восклицалъ вдохновенный Эгиль:
 „Позволь, чтобы, прощааясь съ міромъ и пѣнiemъ,
 „Предъ смертью я пѣсни свои повторилъ
 „И тихо прославилъ на арфѣ согласной
 „Эльмора, котораго въ битвѣ несчастной
 „Сразилъ я, но такъ какъ героя сразилъ“.
 Онъ рекъ; но при имени сына, Эльмора,

Отъ ярости сердце царя потряслось.
 Воззрѣвъ на Эгила съ свирѣпостью взора,
 Уже произнесъ онъ... Какъ вдругъ раздалось
 Унылое, нѣжное арфы звучанье.
 Арминъ при гамоніи струнъ опѣмѣлъ,
 Шумящей толпѣ онъ умолкнуть велѣлъ,
 И цѣлый народъ сталъ въ нѣмомъ ожиданьѣ.

Шѣвецъ наклонился на дикой утесъ,
 Взялъ вѣрную арфу, подругу въ печали,
 И персты его по струнамъ заиграли,
 И вѣтръ его пѣсню въ долинѣ разнесъ.

„Гдѣ храбрый юноша, который
 „Враговъ отчизны отражалъ
 „И край отцовъ, родныя горы
 „Могучей мышцей защищалъ?
 „Эльморъ, никѣмъ непобѣжденный,
 „Ты палъ, тебя ужъ болѣ нѣть.
 „Ты палъ — какъ сильный волкъ падетъ
 „Безсильнымъ настыремъ сраженный.

„Гдѣ дни, когда къ войнѣ кровавой,
 „Герой, дружины ты водилъ,
 „И возвращался къ Эльвѣ съ славой,
 „И съ Эльвой счастіе дѣлилъ?
 „Ахъ, скоро тренетной дѣвицѣ
 „Слезами матерь возвѣстить,
 „Что вѣрный другъ ея лежитъ
 „Въ сырой землѣ, въ нѣмой гробницѣ.

„Но сильныхъ читать благіе боги,
 „И онъ на крыльяхъ облаковъ
 „Пренесся въ горніе чертоги,
 „Геройскихъ жительство духовъ.
 „А я вдоль тайственнаго брега,
 „Ночнымъ туманомъ окружень,
 „Всегда скитаться осужденъ
 „Надъ хладными волнами Лега ¹⁾.

¹⁾ Островъ *Лего* былъ, по мнѣнію Каледонцевъ, мѣстомъ пребыванія всѣхъ умершихъ, не воспѣтыхъ Бардами.

(Примѣчаніе Д. В. Веневитинова).

„О скальдъ, какой враждебный богъ,
 „Среди отчаянного боя,
 „Тебѣ невидимо помогъ
 „Сразить отважного героя?
 „И управлялъ рукой твоей?
 „Ты побѣдилъ судьбой жестокой.
 „Увы! отъ родины далеко
 „Могила будетъ твой трофеи!

„Уже я вижу предъ собою,
 „Я вижу алчуцую смерть,
 „Готову надъ моей главою
 „Ужасную косу простерть.
 „Уже желѣзною рукою
 „Она меня во гробъ влечетъ.
 „Прощай, прощай, красивый свѣтъ,
 „Навѣки разсташь съ тобою.

„А ты, игривый вѣтерокъ,
 „Лети къ возлюбленной отчинѣ,
 „Скажи роднымъ, что лютый рокъ
 „Велѣлъ пѣвцу разстаться съ жизнью
 „Далеко отъ страны родной;
 „Но что предъ смертью, погибая,
 „Онъ пѣлъ о нихъ воспоминай
 „И къ нимъ перелеталъ душой.

„Уже насталъ мой часъ послѣдній.
 „Приди, убійца, я готовъ.
 „Приди, рази, пусть трупъ мой блѣдный
 „Падетъ предъ взорами враговъ.
 „Пусть макъ съ травою ароматной
 „Ростутъ могилы вокругъ моей.
 „А ты, сынъ сѣвера, надъ ней
 „Шуми прохладою пріятной“.

Умолкнулъ, но долго и сами собой
 Прелестной гармоніей струны звучали,
 И медленно въ полѣ исчезъ гласъ печали.
 Арминъ, вѣнчъ себя, съ наклоненной главой,
 Безмолвенье сидѣлъ средь толпы изумленной, —
 Но вдругъ, какъ отъ долгаго сна пробужденный:
 — „О Скальдъ! что за пѣсни? что за сладостный гласть?“
 Вскликнулъ онъ: „какая волшебная сила

„Мнѣ нѣжныя чувства незапно внушила?
 „Онъ пѣлъ — и во мнѣ гнѣвъ ужасный погасъ.
 „Онъ пѣлъ — и жестокое сердце потрясъ.
 „Онъ пѣлъ — и его сладкозвучное пѣнье,
 „Казалось, мою утолило печаль.
 „О Скальдъ!.. о Эльморъ мой... нѣтъ. Мщеніе, мщеніе!
 „Убійца! возьми смертоносную сталь...
 „Низвергни олтарь... пусть родные Эгила
 „Счастливѣ будуть, чѣмъ горькій отецъ.
 „Иди. Ты свободенъ, волшебный пѣвецъ“.
 И съ радостнымъ воплемъ толпа повторила:
 „Свободенъ пѣвецъ“. Благодарный Эгиль
 Десницу Армина слезами омылъ
 И предъ благодѣтелемъ паль умиленный.

Эгиль возвратился на берегъ родной,
 Куда съ нетерпѣніемъ, подъ кровлей смиренной,
 Ждала его мать съ молодою сестрой.
 Унылый, терзаемый памятью зла,
 Онъ проклять свой мечъ и сокрылъ подъ скалою.
 Когда же, задумчивъ, вечерней порой,
 Пѣвецъ любовался волненіемъ моря,
 Унылая тѣнь молодого Эльмора
 Являлась ему на туманныхъ брегахъ.
 Но лишь на востокѣ краснѣла Аврора,
 Сей призракъ, какъ сонъ, исчезалъ въ облакахъ.

Конецъ.

Поэма Веневитинова печатается нами съ его подлинной рукописи, сохранившейся въ бумагахъ его біографа и издателя его сочиненій А. П. Пятковскаго, который пользовался материалами, переданными ему родными поэта. Она занимаетъ особую тетрадку въ семь листковъ, форматомъ въ четвертку. Текстъ, бѣловой, съ немногочисленными карандашными и чернильными поправками, занимаетъ страницы 3—14; на первомъ листкѣ титульная страница, на которой написано: „Освобождение Скальда. Скандинавская повѣсть“; на 3-ей стр.: „Освобождение Эгилла. Скандинавская повѣсть“.

По содержанію, по формѣ стиха, еще неумѣлаго, но уже кое-гдѣ сверкающаго блестками таланта, „Освобождение Скальда“ принадлежитъ къ ранней молодости Д. В. Веневитинова, созрѣвшаго рано и умершаго въ юности (1805—1827 гг.). Отъ поэмы

вѣтъ полудѣтской наивности, и вообще она есть одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ эпохи литературной чувствительности, самымъ сильнымъ проводникомъ которой былъ въ Россіи Оссіанъ съ его меланхолическими богатырями, мечтательными пѣвцами, нѣжными дѣвами, со всѣмъ этимъ своеобразнымъ поэтическимъ міромъ, который,

Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваетъ насъ къ печальнымъ представленьямъ,
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ...

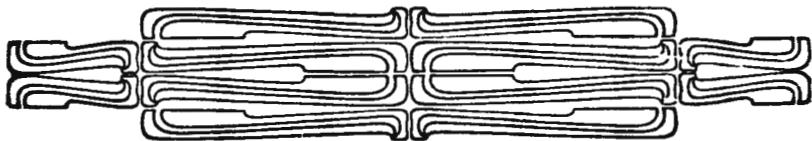
(Н. М. Карамзинъ, „Поэзія“).

Между „Освобожденiemъ Скальда“ и другимъ „оссіановскимъ“ стихотвореніемъ Веневитинова, „Пѣснь Кольмы“, написаннымъ въ 1822 г., разница во всѣхъ отношеніяхъ такъ ощутительна, что мы едва-ли ошибемся, если отнесемъ поэму къ 1819—1820 гг., когда Веневитинову было 14 или 15 лѣтъ. Онъ, какъ и Пушкинъ - лицейстъ, какъ почти всѣ современные поэты, принесъ свою дань тогдашнему властителю поэтическихъ думъ, но что несомнѣнно характерно для Веневитинова — это побѣда пѣвца надъ ожесточенными сердцами. Недаромъ писалъ онъ въ расцвѣтѣ таланта:

О маза! я позналъ твоё очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ,
Я слышалъ трескъ громовъ и бури завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полны!..

Н. Лернеръ.

Воспоминаніе о Бухариныхъ.

Родъ Бухариныхъ древне-дворянского происхожденія. „Мужъ честна Павлинъ“ выѣхалъ изъ Нѣмень къ великому князю Симеону Ioанновичу Гордому (1340—1353). У него былъ внукъ Наумъ, родоначальникъ Наумовыхъ, а изъ его потомковъ, Григорій Наумовичъ Бухаря былъ родоначальникомъ Бухариныхъ, владѣвшихъ въ 1503 году помѣстьями въ Кашишкомъ уѣздѣ и городомъ Кашиномъ. Иванъ Наумовичъ Бухаринъ находился 2-мъ воеводою сторожеваго полка въ Калугѣ въ 1569 году.

Внесенъ былъ родъ Бухариныхъ по опредѣленію Новгородскаго дворянскаго собранія въ 6-ую часть дворянской родословной книги.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ устныхъ или писанныхъ сказаний о родѣ Бухариныхъ не сохранилось до 1772 года. Въ этомъ 1772 году Государыня Императрица Екатерина II заявила адмиралу Пущину свое желаніе произвести смотръ флоту.

Кстати сказать Императрица, видимо, была очень расположена къ своему адмиралу. Онъ построилъ себѣ одноэтажный деревянный особнячекъ въ концѣ Малой Морской и можетъ быть на новоселіе или по какому-нибудь другому случаю Царица предупредила своего вѣрнаго слугу, что пріѣдетъ къ нему завтракать. Старый морякъ смущился, не зная, какъ достойно принять Высокую гостью, но не надолго. Скоро изъ Дворца принесли сервизъ, стекло и все нужное для сервировки завтрака, а на другой день явился и поваръ съ провизіей. Затѣмъ, послѣ завтрака, все привезенное изъ Дворца было оставлено во владѣніе хозяина и долго въ семьѣ сохра-

нялись уцѣлѣвшіе отъ времени бокалы, тарелки и пр. съ императорскимъ гербомъ. Такъ деликатно умѣла Императрица дѣлать маленькие подарки! Наградила она адм. Пущина большими имѣніями въ Минской губ. съ мѣстечкомъ Паричи и обширными лѣсами и фольварками. На долю Бухариныхъ пришлось одно имѣніе по прозванію „Качай Болото“, достойное своего названія въ глубокой лѣсной глупши.

Въ назначенный день и часть Государыня аккуратно прибыла въ Кронштадтъ и не только не была встрѣчена адмираломъ, но въ теченіе четверти часа проводила время среди растерявшихся высшихъ чиновъ флота, не понимавшихъ причины отсутствія Пущина. Наконецъ явился запыхавшейся адмиралъ.

Императрица сдвинула брови и недовольнымъ тономъ произнесла:

— Адмиралъ, я васъ ждала.

— Матушка Царица, прости, едва переводя духъ, произнесъ сконфуженный старикъ,—первый внукъ только-что родился.

Милая улыбка, особенно свойственная Императрицѣ, озарила ея лицо.

— А! Поздравляю его мичманомъ флота! проговорила она, весело, и смотрѣ флота начался по намѣченной программѣ.

Этотъ не во время явившійся на свѣтъ нарушитель этикета былъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, единственный сынъ дочери адмирала Пущина и капитана I ранга Бухарина.

Неизвѣстно почему новорожденный мичманъ 12-ти лѣтъ былъ пожалованъ сержантомъ Преображенского полка, а въ 1791 году, 19-ти лѣтъ, выпущенъ капитаномъ въ армію; морякомъ же стать онъ только въ этомъ году, когда дѣдъ взялъ его къ себѣ въ флигель-адъютанты. Видимо большого пристрастія къ морю у него не было, потому что въ теченіе 10-ти лѣтъ его службы во флотѣ за нимъ числились только двѣ морскія кампаніи, на „Славѣ“ и на кораблѣ „Не тронь меня“. Его тянуло на другое поприще и въ 1801 году, уволившись изъ морской службы въ чинѣ капитана I-го ранга, онъ перешелъ на гражданскую службу въ чинѣ коллежскаго совѣтника и, получившись два года въ канцеляріи министра коммерціи графа Ник. Петр. Румянцева, отправился въ 1804 году въ Астрахань совѣтникомъ казенной палаты.

Въ нынѣшнее время для насъ непостижимы умы и способности нашихъ предковъ, не получавшихъ и десятой доли

тѣхъ знаній, которыми преисполнены головы теперешнихъ гимназистовъ 7-го класса. Сержантъ Преображенского полка въ 12 лѣтъ и капитанъ арміи въ 19 лѣтъ, оказался однимъ изъ самыхъ образованныхъ и дѣльныхъ людей своего времени, при благородствѣ понятій и непоколебимомъ и просвѣщенномъ патріотизмѣ. Его долголѣтняя карьера поражаетъ разнообразіемъ мѣстъ служенія и энергичной борьбою со зломъ, которое въ тѣ времена было можетъ быть сильнѣе и ярче обнаруживалось, чѣмъ нынѣ. То „превышеніе власти“, котораго такъ страшится въ наши дни, когда нужно проявлять энергичную дѣятельность, не останавливало тогдашняго дѣятеля, если онъ дѣйствовалъ по сознанію собственной совѣсти, не останавливали и угрозы суда и утраты положенія.

Безъ всякой протекціи въ 1804 году Иванъ Яковлевичъ былъ уже назначенъ вице-губернаторомъ Кавказской губерніи, черезъ 2 года въ той же должности въ Выборгѣ, а въ 1808 г. финляндскимъ губернаторомъ, откуда въ 1811 г. былъ переведенъ въ Рязань.

Къ этому времени онъ былъ уже женатъ на кроткой и доброй Елизаветѣ Федоровнѣ Полторацкой, дочери извѣстнаго Федора Марковича Полторацкаго, вольтерьянца, атеиста и свирѣпаго человѣка, наводившаго страхъ на многочисленныхъ дѣтей и внуковъ.

Надо полагать, что въ губернскихъ правленіяхъ тѣхъ временъ члены не отличались безсребренными нравами или, во всякомъ случаѣ, не строго смотрѣли на мздоимство. Будучи вице-губернаторомъ, Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ былъ пораженъ недобросовѣстностью, съ которой рѣшались дѣла. Разъ ему былъ поданъ журналъ для подписи, въ которомъ ясно проглядывала печистая подкладка дѣла, и онъ тутъ же приказалъ измѣнить содержаніе резолюціи, указавъ на беззаконіе рѣшенія. Когда въ числѣ другихъ докладовъ и журпаловъ ему поднесли на слѣдующемъ засѣданіи тотъ же самый журналъ съ первоначальнымъ содержаніемъ, онъ свѣта не взвидѣлъ отъ гиѣва и тутъ же, не стѣсняясь ни зерцаломъ, ни присутствиемъ другихъ членовъ губернскаго правленія, разразился страшной бурей негодованія по адресу виновнаго и объявилъ, что „велитъ связать его веревками и выкинуть на улицу“, очевидно не имѣя никакого права на такой героической поступокъ. Смущеніе коллегъ было велико, однако доносъ и жалоба полетѣли немедленно. Нескоро двигались сенатскія дѣла въ то время. Иванъ Яковлевичъ былъ уже губернаторомъ,

когда до Государя въ Эрфуртѣ дошло дѣло о Бухаринѣ, позво-
лившемъ себѣ нанести оскорблѣніе члену губернскаго правле-
нія въ Присутствіи и передъ зерцаломъ. Государь Александръ
Павловичъ, лично знавшій Бухарина, съ любопытствомъ про-
челъ его объясненіе, изъ котораго узналъ, что за такіе-то и
такіе-то злонамѣренныя поступки онъ пригрозилъ члену губерн-
скаго правлѣнія „связать его узами закона и напомниль ему,
что въ такомъ случаѣ онъ останется на улицѣ“...

Не сомнѣваясь въ полуокомической натяжкѣ объясненія, Го-
сударь усмотрѣлъ всю энергію борьбы съ тогдашней язвой
управленія и, отклонивъ преданіе суду бывшаго вице-губерна-
тора, приказалъ кн. Волконскому преподать ему соѣдѣть
впредь менѣе литературно выражаться. На этотъ разъ вспыш-
чивость и самоуправыя дѣйствія И. Я. Бухарина благопо-
лучно миновали и, какъ сказано выше, въ 1811 году онъ
былъ переведенъ губернаторомъ въ Рязань.

Наступилъ 1812 годъ, пашествіе двунадесяти языковъ,
самый тревожный годъ въ Россіи. Непріятель уже прибли-
жался къ Москвѣ и въ сосѣдней Рязанской губ. кипѣла самая
дѣятельная работа. И. Я. Бухаринъ отличался замѣчательной
предусмотрительностью и энергіей. Въ октябрѣ мѣсяцѣ при-
былъ въ Рязань кавалерійскій полкъ, спѣшившій въ армію,
уже преслѣдовавшій отступающіхъ французовъ, и былъ засти-
гнутъ дождемъ, морозомъ и образовавшейся гололедицей. Ло-
шади не въ состояніи были двигаться дальше, и командиръ
полка обратился къ губернатору съ просьбой оказать содѣй-
ствіе къ немедленной оковкѣ лошадей всего полка. По закону
слѣдовало назначить торги и съ торговъ сдать оковку лошадей
которому-нибудь изъ городскихъ предпринимателей. Но Ив.
Яковл. былъ опытенъ и слишкомъ хорошо зналъ и замедленіе
въ работѣ и неудовлетворительное ея исполненіе при спѣши-
ности заказа. Не долго думая, онъ обратился къ брату жены,
Полторацкому, помѣщику, славившемуся своей кузней и куз-
нецами, и предложилъ ему немедленно взяться за работу и
исполнить ее въ двухдневный срокъ самымъ тщательнымъ
образомъ въ виду необходимости кавалеріи спѣшить къ армії.
Дѣйствительно черезъ два дня полкъ выступилъ на остро под-
кованныхъ лошадяхъ и вскорѣ прибылъ къ мѣсту назначенія.
Надо полагать, что цѣна оковки была много значительне той,
что взялъ бы подрядчикъ съ торговъ, но Ив. Яковл. обѣ этомъ
не думалъ, озабоченный только одной мыслью—по мѣрѣ силъ
спасать Отечество отъ иноплеменного врага.

Между тѣмъ личные враги не дремали, и съ оскорбительными для чести навѣтами не замедлили понестись въ Сенатъ о самоуправствѣ губернатора, изъ-за беззаконныхъ дѣйствій котораго казна понесла громадные убытки.

Иванъ Яковлевичъ не счелъ даже достойнымъ оправдываться въ наведенныхъ подозрѣніяхъ о лихоимствѣ, онъ былъ отрѣщенъ отъ должности рязанскаго губернатора въ 1814 году и въ теченіе 4-хъ лѣтъ находился „не у дѣлъ“, скромно проживая въ Петербургѣ, пока его дѣло валялось безъ движенія въ Сенатѣ.

Въ началѣ 1819 г. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (впослѣдствіи графъ), бывшій тогда Начальникомъ Штаба 2-ой арміи, заѣхалъ разъ поутру къ пріятелю своему Бухарину, прося напоить его кофеемъ передъ поѣздкой съ докладомъ къ Государю. Былъ ранній часъ, и Киселевъ приказалъ привезти парадную форму на квартиру Ив. Яковл., чтобы послѣ кофе переодѣться иѣхать во Дворецъ.

Дружески пробесѣдовавъ съ пріятелемъ, Киселевъ спросилъ о ходѣ его дѣла въ Сенатѣ.

— Не знаю,—презрительно отвѣчалъ Ив. Яковл., пожимая плечами.—Не стану же я унизяться и оправдываться въ гнусныхъ обвиненіяхъ.

— Однако, другъ мой, нельзя же такъ оставаться безъ должности и подъ судомъ?

— Пусть судятъ, моя совѣсть чиста, не передъ ними мнѣ оправдываться.

— Надо же все-таки что-нибудь сдѣлать, чтобы выйти изъ этого положенія, тѣмъ болѣе, что и средствъ у тебя мало и служить Россіи ты долженъ.

Но какъ ни убѣждалъ Киселевъ гордаго пріятеля, тотъ не соглашался и пальцемъ двинуть въ свое оправданіе въ глазахъ Сената. Наконецъ, Киселевъ спохватился, что пора переодѣваться.

— Послушай, Иванъ Яковлевичъ, я єду къ Государю съ докладомъ и, улучивъ минуту, скажу ему о твоемъ дѣлѣ. Пока я переодѣнусь, напиши мнѣ замѣтку о дѣлѣ и положи въ портфель, а я ужъ дома просмотрю, какъ лучше составить докладную записку. Оставилъ одинъ, Ив. Яковл. взялъ листъ бумаги и написалъ... должно быть не много, потому что, когда Киселевъ вернулся одѣтымъ въ парадную форму, бумага уже была въ портфелѣ, и онъ, спѣшно простишись, уѣхалъ.

Впослѣдствіи со словъ Павла Дмитр. Киселева получился слѣдующій разсказъ.

Когда онъ окончилъ свой докладъ по текущимъ дѣламъ и портфель былъ опорожненъ, Государь замѣтилъ еще одну бумагу и спросилъ, почему онъ ее не докладываетъ?

Взглянувъ на заключительныя слова и бѣгло просмотрѣвъ написанное, Киселевъ смущенно отвѣтилъ, что эта бумага не предназначалась для доклада Его Величеству, и тутъ же рассказалъ Государю о своемъ утреннемъ посѣщеніи Бухарина. Тѣмъ болѣе заинтересовался Александръ Павловичъ не подготовленнымъ докладомъ и, помня Бухарина, захотѣлъ узнать содержаніе его записки.

Какъ было изложено дѣло, какими словами выражался честный, гордый сознаніемъ своей правоты и оклеветанный человѣкъ—намъ неизвѣстно въ точности; сохранилось въ воспоминаніяхъ только краткое заключеніе: „Если бъ въ настоящее время Россія была въ томъ же положеніи, а я въ тѣхъ же условіяхъ, то не задумался бы поступить опять точно такъ же“.

Эти воспоминанія и разсказы были переданы мнѣ дочерью Ивана Яковлевича Бухарина, покойной Вѣрой Ивановной Анненковой. Подтверждаются они извлеченіемъ изъ некролога Ив. Яковл. Бухарина, въ которомъ приведены слова Государя Александра Павловича:

„Никогда не читалъ я такихъ рѣзкихъ и убѣдительныхъ оправданій. Кто такъ пишетъ, тотъ не можетъ ничего имѣть на совѣсти“.

Дѣло въ Сенатѣ было немедленно прекращено, Бухарину пожалована Анненская лента, и онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань. Это было въ началѣ 1819 г., а черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Кіевъ.

Ив. Як. Бухаринъ, по разсказамъ сверстниковъ его и окружавшей его въ старости молодежи, былъ удивительно обаятельной личностью. Замѣчательно образованный, энергичный, онъ былъ къ тому же истый баринъ, *grand seigneur* екатерининскихъ временъ, какъ по просвѣщенному и благородному образу мысли, такъ и по внѣшности и утонченной воспитанности. Состояніе его было скромное, и онъ всегда нуждался въ деньгахъ при широкости своихъ замашекъ и утонченныхъ вкусахъ.

Рассказываютъ, что съ первыхъ шаговъ его губернаторства въ Кіевѣ, онъ обворожилъ польское общество своимъ изяществомъ и деликатностью. И вотъ, въ одинъ прекрасный день,

зная о его стѣсненныхъ средствахъ и желая ему помочь, а можетъ быть и провѣрить его, ему прислали великолѣпный паптетъ, въ которомъ онъ къ своему изумленію нашелъ тщательно завернутый свертокъ червонцевъ. Такъ какъ паптетъ былъ присланъ отъ дамы, онъ не счелъ нужнымъ подымать исторіи, а ограничился возвращеніемъ свертка черезъ своего камердинера съ устной передачей благодарности за паптетъ и прошбой осталъного никогда не повторять.

Въ Кіевѣ продолжалась та же борьба съ окружающимъ зломъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Объ одномъ изъ такихъ эпизодовъ повѣствуетъ графъ Олизаръ въ своихъ мемуарахъ, переведенныхъ и напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстнику“ 1893 г. въ № 8 и 9.

Графъ Густавъ Олизаръ, 20-ти лѣтній польскіймагнатъ, владѣлецъ знаменитаго имѣнія Коростышева въ Волынской губ. и другихъ имѣній въ Радомысловскомъ уѣздѣ Кіевской губ., по желанію польского дворянства, баллотировался въ волынскіе губернск. предводители дворянства, но по интригамъ волынск. губернатора Гижицкаго (тоже польского аристократа) избраніе не состоялось, послѣ чего польское дворянство выдвинуло его кандидатомъ на выборахъ Кіевской губ.

„Кіевскій губернаторъ Бухаринъ, пишетъ Олизаръ, былъ человѣкъ прямой и уважающій волю дворянъ, а потому, несмотря на выставленныя Гижицкимъ препятствія, выборы были утверждены“...

Изъ послѣдующаго содержанія интересныхъ мемуаровъ гр. Олизара видно, что онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ губернаторомъ и командующимъ войсками Раевскимъ, въ дочь котораго, Марію, впослѣдствіи жену декабриста, княгиню Волконскую, онъ страстно влюбился. Между прочими своими воспоминаніями онъ разсказываетъ о своемъ столкновеніи съ вице-губернаторомъ Катериничемъ, въ которомъ столкновеніи принималъ участіе и губернаторъ Бухаринъ.

Въ то время содержаніе почтовыхъ лошадей отдавалось съ торговъ каждое трехлѣtie. Принимавшій на себя подрядъ получалъ въ подмогу извѣстную сумму изъ земскаго губернскаго сбора. Съ давняго времени содержателемъ почтъ въ губерніи былъ кіевскій „войтъ“, богатѣйшій купецъ Киселевскій и почты у него содержались въ отличномъ порядке, но тѣмъ не менѣе при каждомъ торгахъ приходилось ему солено отъ вымогательствъ вице-губернатора, завѣдывавшаго тоже и казненной палатой. Наконецъ это ему надоѣло, и передъ торговыми

онъ объявилъ Олизару, что согласенъ взять на триста тысячъ менѣе, лишь бы избавиться отъ необходимости откупаться отъ казенной палаты при совершенніи всякаго нового торгового условія.

Удивленный Олизаръ спросилъ, что же можетъ сдѣлать вице-губернаторъ?

— Очень просто, отвѣчалъ Киселевскій. Въ случаѣ бы я отказалъ въ требованіяхъ вице-губернатора, онъ пошлетъ на торги своихъ агентовъ, которые будутъ сбивать цѣны, зная, что въ случаѣ за ними останется убыточный подрядъ, будетъ исхлопотана дополнительная субсидія.

„Выслушавъ подробности разсказа и условившись съ Киселевскимъ, пишетъ Олизаръ, я рѣшился оградить интересы правительства и дворянства, на которые приходилась главная доля земскаго взноса, отъ столь наглой эксплоатациі, а потому и переговорилъ обо всемъ съ Бухаринъ“.

И. Як., никогда не упускавшій случая бороться съ лихомістствомъ, царствовавшимъ безнаказанно въ то время, согласился вполнѣ съ Олизаромъ, и они совмѣстно составили планъ дѣйствія.

Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что Олизаръ возьметъ подрядъ отъ имени всего кіевскаго дворянства. Для этого онъ получилъ отъ уѣздныхъ предводителей уполномочіе взять подрядъ съ тѣмъ, чтобы дворянство въ качествѣ залога отвѣчало всѣмъ своимъ имуществомъ и получило право передать подрядъ подъ своей ответственностью третьему лицу. Зная, въ какомъ размѣрѣ Киселевскій согласенъ уменьшить требование субсидіі, онъ могъ сразу на столько сбavitъ цѣну, что навелъ панику на агентовъ Катеринича: Киселевскій одинъ выступилъ съ понижениемъ, такъ что подрядъ остался за нимъ.

„Дѣло казалось оконченнымъ, но не тутъ - то было, продолжаетъ Олизаръ. Вице-губернаторъ, на обязанности которого слѣдовало составить журналъ торгового присутствія, просилъ, подъ предлогомъ поздняго времени, позволенія исполнить эту обязанность послѣ, обѣщая намъ прислать журналъ для подписи на домъ. Не подозрѣвая злого умысла, Бухаринъ и остальные члены согласились. Слѣдующій день былъ воскресеніе, а въ понедѣльникъ вице-губернаторъ, къ изумленію нашему, устроилъ намъ оригиналный сюрпризъ. Онъ сообщилъ, что послѣ засѣданія поступило новое предложеніе, соглашавшееся взять пятью тысячами менѣе, а потому, въ виду того, что журналъ еще не состоялся, онъ предложилъ открыть торги заново. Посовѣто-

вавшись съ Бухаринамъ, мы условились, что онъ собереть присутствіе, а я на немъ запротестую противъ возобновленія торговъ.

Такъ и было сдѣлано. Олизаръ, сославшись на то, что торги фактически уже окончены, что объявленіе объ этомъ уже сдѣлано лицу, взвѣшему подрядъ, добавилъ, что достоинство правительства и присутствія не можетъ допустить нарушенія условія, уже принятаго и словесно объявленнаго. Губернаторъ и совѣтникъ казенной палаты Каменскій приняли сторону Олизара, а вице-губернаторъ, прокуроръ и другой членъ палаты подали противное мнѣніе. Хотя при равенствѣ голосовъ перевѣсила сторона предсѣдателя и подрядъ былъ оставленъ за получившимъ его на торгахъ, противники подали жалобу министру внутреннихъ дѣлъ.

Курьезно окончаніе этого дѣла. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришелъ отвѣтъ. Министръ внутр. дѣлъ, хотя утверждалъ мнѣніе губернатора, но поставилъ ему на видъ незаконность таковаго. Олизаръ не получилъ ордена, къ которому былъ представленъ. Совѣтникъ палаты Каменскій былъ переведенъ въ Могилевскую губернію. Министръ же финансъ, игнорируя экономію отъ пониженія субсидіи, возбудилъ вопросъ, кто долженъ вознаградить казну за потерю по 5.000 руб. въ годъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, которая была бы избѣгнута, если бъ подрядъ остался за петорговавшимся лицомъ? Сенатъ опредѣлилъ взыскать 15.000 руб. съ губернатора и съ губернского предводителя дворянства.

„Первый, т. е. губернаторъ, былъ человѣкъ небогатый, заканчиваетъ Олизаръ повѣсть о неудачной борьбѣ обоихъ съ недобросовѣстностью, а потому нравственный долгъ заставилъ меня принять всю сумму взысканія на себя. Вскорѣ послѣ этого благородный Бухаринъ былъ переведенъ въ другую губернію.

Однако въ этомъ 1822 году Ив. Яковл. заболѣлъ и временно оставилъ службу, отправившись къ себѣ въ деревню въ Харьковск. губ., гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Такой длинный срокъ добровольного удаленія отъ служебной дѣятельности трудно объяснить болѣзнью. Можно скорѣе подозрѣвать уязвленіе гордости непреклоннаго русскаго барина, подвергшагося не разъ суду сенаторовъ за свою самостоятельную дѣятельность, даже самоуправную, согласовавшуюся только съ велѣніями собственной совѣсти. А можетъ быть иная вѣянія въ управлѣніи свыше съ Аракчеевымъ во главѣ и рядомъ съ ними носившіеся въ воздухѣ признаки подготовлявшагося заговора были не по

сердцу умнаго и честнаго барича? Объ этомъ не сохранилось преданій въ семье, но только въ 1827 году Ив. Як. Бухаринъ вернулся на службу архангельскимъ губернаторомъ, откуда въ 1830 г. въ чинѣ тайного советника назначенъ сенаторомъ въ Москву. Не долго пробылъ онъ въ этой должности и черезъ два года подалъ въ отставку. Несколько лѣтъ передъ этимъ онъ овдовѣлъ, а въ 1830 или въ 31-мъ году дочь его, Вѣра Ивановна, вышла изъ Смольнаго монастыря и приѣхала къ нему въ Москву. Сынъ его былъ еще въ Царскосельскомъ Лицѣ. Не долго выѣзжала красавица и умная В. И. Бухарина. Она скоро вышла замужъ за адъютанта В. Кн. Михаила Павловича, молодого полковника Ник. Ник. Анненкова, впослѣдствіи генер.-адъютанта, ministra контролера и одесскаго генерал-губернатора во время Крымской войны. Можно кстати упомянуть, что въ первый же годъ женитьбы Анненковъ взялъ подъ свою опеку имѣнія Ив. Яковл., назначенные уже къ продажѣ съ публичныхъ торговъ за долги. Сынъ Вѣры Ивановны, Мих. Ник. Анненковъ, болѣе другихъ внуковъ И. Я. Бухарина унаследовалъ его энергию, такъ ярко проявившуюся въ постройкѣ Закаспійской жел. дороги.

Подавъ въ отставку, И. Я. безвыѣздно жилъ въ Москвѣ, и никогда ни одинъ сановникъ, ни богачъ, ни знаменитость не пользовался такою завидною популярностью, какъ этотъ частный человѣкъ, въ которомъ никто не нуждался для какихъ-либо личныхъ видовъ или корыстныхъ цѣлей. Онъ привлекалъ всѣхъ, и старыхъ и молодыхъ, одними высокими качествами ума и сердца, привѣтливостью въ обращеніи и увлекательными рассказами о прожитомъ, о видѣнномъ и слышанномъ въ теченіе своей долгой и разнообразной жизни. Наблюдательность и память его были изумительны: онъ помнилъ годы царствованія Императрицы Екатерины, все царствованіе Императора Александра I-го и одновременно съ живымъ интересомъ слѣдилъ за современнымъ теченіемъ жизни въ области политики, науки, искусства, литературы: все благородное, изящное было ему всегда близко и дорого.

„Характеристическою чертой его личности, читаемы мы въ его некрологѣ, была печать какого-то неизъяснимаго изящества, наложенная на его умъ и чувства какъ бы самой природою... Иванъ-Яковлевичъ былъ художникъ въ душѣ, онъ страстно любилъ музыку, живопись, хорошіе стихи, которые пре- восходно читалъ, благоговѣлъ передъ всѣмъ прекраснымъ... Квартира его была вся увѣшана картинами и цвѣтами...“

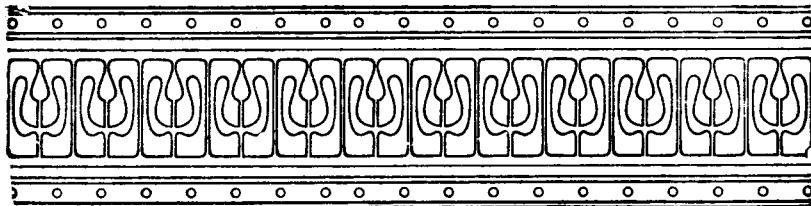
Умеръ онъ въ 1858 году 86-ти лѣтъ отроду, сохранивъ до послѣдняго дня память и полное сознаніе, посѣщаемый молодежью во время мучительной болѣзни и успокаиваясь отъ страданій, когда въ соседней комнатѣ ему наигрывали мелодии изъ „Нормы“ или „Сомнамбулы“. Особенно часто посѣщалъ и любилъ его братъ его невѣстки, Болесл. Мих. Маркевичъ, впослѣдствіи известный писатель-романистъ. По горячо написанному некрологу можно судить, какою любовью пользовался этотъ величавый по виѣшности и снисходительный, умный и благородный старикъ. На памятникѣ его могилы написано:

„На все отзывался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта“.

Выдающаяся личность И. Я. Бухарина можетъ служить, если не образцомъ, то во всякомъ случаѣ образцомъ русскаго барина конца 18-го до половины 19-го столѣтій. Утонченное воспитаніе, не мудреое первоначальное образованіе, доведенное впослѣдствіи имъ самимъ до высокой степени культурности, самостоятельность, доходившая до своеволія, гордость, считавшаяся только съ собственою совѣстью, гражданское мужество, не страшившееся ни суда, ни утраты положенія и карьеры, когда въ дѣло была замѣшана борьба съ преступной недобросовѣстностью—всѣ эти черты характера были болѣе или менѣе присущи людямъ того времени, оставившимъ за собою память въ исторіи.

В. Лѣсницкая.

Изъ воспоминаній старого казанскаго студента.

Среди казанскихъ студентовъ моего времени, а это было вторая половина шестидесятыхъ годовъ, въ большомъ ходу былъ разсказъ объ одномъ необычайно странномъ происшествіи, которому, казалось, бы, всего менѣе было мѣсто среди учащейся молодежи, но, удивительное дѣло, студенты, народъ вообще не религіозный, серьезно относились къ этому разсказу, нисколько не сомнѣваясь въ полной дѣйствительности рассказываемаго.

Когда имѣло мѣсто это происшествіе, точно опредѣлить невозможно, но въ немъ играютъ роль казеннокоштные студенты, а такъ какъ институтъ этотъ упраздненъ Высочайшимъ повелѣніемъ 30 мая 1858 г., то, очевидно, происшествіе это, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, могло быть никакъ не позже 1858 года.

Казанскій университетъ помѣщается на Воскресенской улицѣ. Это Невскій проспектъ Казани, въ двухъэтажномъ не особенно красивомъ каменномъ зданіи, съ колоннадою вдоль улицы. Въ нижнемъ этажѣ этого дома, во всю длину его, идетъ темный корридоръ, освѣщавшійся въ мое время, въ теченіе всего дня, лампами. По обѣ стороны этого корридора—расположены комнаты, выходящія окнами частью на улицу, частью во дворъ. Въ этихъ комнатахъ и помѣщались казеннокоштные студенты по два, по три на комнату, а нѣкоторые, особенно студенты старшихъ курсовъ, были размѣщены и по одному. Окнами на улицу выходили очень не многія изъ занятыхъ студентами комнатъ, и ими особенно дорожили не только живущіе въ нихъ, но и всѣ казеннокоштные, вѣроятно потому, что по правиламъ

университета, всѣ они должны были въ 9—10 ч. вечера быть на-лицо подъ угрозою карцера, опоздавшими оставалось проникать черезъ ворота, уплачивая извѣстную мэду сторожу, но какъ казенномокоптные были сплошная бѣднота, то имъ не по силамъ былъ такой расходъ. Вотъ тутъ-то и приходили на помошь комнаты съ окнами на улицу: стоило оставить окно незапертымъ и пользоваться имъ, какъ входной дверью. Такимъ образомъ комнаты эти обслуживали не только своихъ обитателей, но и всѣхъ товарищай по интернату.

А какая бѣднота была въ Казанскомъ университѣтѣ, даже въ мое время—вотъ тому живые примѣры: группа студентовъ проживала тогда въ двухъ домахъ Фомина и Львова, именовавшихся почему-то Фоминскимъ и Львовскимъ скитами; одинъ изъ этихъ домовъ былъ опечатанъ полиціею, какъ предназначенный за ветхостью къ сломкѣ. Въ этомъ-то домѣ, съ разрѣшеніемъ полицеймейстера, извѣстного тогда всему Поволжью Х. Н. Мосолова, поселилось 5—6 студентовъ. Имъ была предоставлена даровая квартира съ правомъ употреблять на отопленіе ненужныя имъ части строеній: сараи, перегородки въ домѣ и даже, въ случаѣ особой нужды, крыльцо. У этой группы было только два полныхъ комплекта одежды, въ которыхъ можно показаться на улицѣ; въ нихъ они ходили по очереди на лекціи и отправлялись въ разнаго рода экскурсіи; чѣмъ они питались—Господь вѣдаетъ. Помни я, однажды, рассказывали они намъ съ восторгомъ, „что имѣли сегодня превосходный куриный супъ“. Оказалось, что у сосѣдки скончалась естественною смертью курица—они ее заполучили будто бы для какихъ-то опытовъ и сѣѣли. „И какая была жирная покойница, какой чудный супъ выпелъ“, восхищались они. Помнится другой случай; наша группа—а я жилъ съ четырьми товарищами—по случаю полученія однимъ изъ насъ изъ дома денегъ, порѣшили устроить банкетъ. Купили бутылку водки, булокъ, колбасы, сырь, горшокъ молока и шоколадъ, разсчитывая выпить, закусить, сварить шоколадъ, чѣмъ и завершить пиршество. Въ ожиданіи этого пиршства, пошли мы прогуляться, возвращаемся, и что же? Видимъ пустую бутылку изъ подъ водки, пустой горшокъ отъ молока, на полу обрывки бумаги отъ шоколада, а въ нашей комнатѣ благодушно улыбающіхся скитчанъ. Оказалось, что случайно одинъ изъ нихъ во время нашего отсутствія зашелъ къ намъ и, увидя обиліе сѣѣстныхъ припасовъ, моментально далъ знать своимъ, тѣхъ на-грянули и все уничтожили. На наши упреки они отвѣтили

вопросомъ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ на него: „Вы сегодня обѣдали? Такъ вѣдь? А мы нѣтъ“. Что же можно было сказать противъ такого довода?

А какъ находчива чужда. Одному изъ скитчанъ хозяинка нашей квартиры подарила подкладку отъ старого пальто. Онъ ухитрился спить изъ нея пиджакъ, да и какъ ловко устроилъ это. Собственоручно распоролъ онъ свой довольно печального вида пиджакъ, по нему выкроилъ такой же изъ коленкора, а затѣмъ собственоручно же спилилъ ихъ оба. Приходя къ намъ въ этомъ своей работы пиджакѣ, онъ съ радостью говорилъ: „а вѣдь недурно сидѣть? а? право очень недурно“.

Въ числѣ этихъ скитчанъ былъ одинъ въ своемъ родѣ Ломоносовъ, онъ прибылъ въ Казань изъ Сибири съ обозомъ и добродушно, со смѣхомъ разсказывалъ, какъ онъ мерзъ въ своемъ неподходящемъ къ климату костюмѣ дорогою, которую продѣлалъ частью пѣшкомъ, частью на возу, куда его сажали изъ жалости обозчики.

Если кто изъ знакомыхъ скитчанамъ студентовъ добывалъ урокъ, конечно такой, который не особенно соблазнялъ его, онъ предоставлялъ его скитчанамъ; тѣ тщательно обсуждали, который изъ нихъ былъ бы наиболѣе подходящимъ для этого дѣла, совокупно обмундировывали его наличнымъ платьемъ, а гонораръ шелъ, разумѣется, въ общую кассу.

Такъ жила эта бѣднота въ мое время; никакихъ благотворительныхъ обществъ въ Казани тогда не имѣлось, да, думается, скитчане и не взяли бы предложенныхъ имъ пособій; все, чѣмъ пользовались они отъ университета—это освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій, гонорара тогда не было.

А между тѣмъ изъ этихъ скитчанъ выплыли одинъ хорошій профессоръ и одинъ недурной врачъ - практиканть, извѣстный всему Поволжью.

Лѣтъ черезъ десять по окончаніи курса, мнѣ случилось быть въ Казани, и я встрѣтилъ на улицѣ одного изъ скитчанъ, нѣкоего Г., бывшаго тогда уже профессоромъ химіи въ Казанскомъ университѣтѣ. Въ модномъ пальто, въ цилиндрѣ, ярко красныхъ, какъ носили тогда, перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ шелъ онъ по Воскресенской; мы разговорились. „А помнишь ты куриный супъ и коленкоровый пиджакъ?“ спросилъ я. „Ну какъ же не помнить. Какое, другъ мой, чудное время было! Его уже не вернешь“, съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ онъ.

Казеннопоклонные, въ громадномъ большинствѣ, такіе же круглые бѣдняки, находились конечно въ лучшемъ положеніи:

они были более или менѣе сыты, одѣты и имѣли приличное помѣщеніе.

Возвращаюсь къ разсказу.

Однажды въ квартирѣ одного изъ сравнительно-зажиточныхъ студентовъ на Старо-Горшечной улицѣ, собралось нѣсколько товарищѣ; толковали о прочитанномъ, о лекціяхъ, объ экзаменахъ и профессорахъ, а затѣмъ перешли къ разнаго рода анекдотамъ и разсказамъ изъ дѣйствительной жизни; появились импровизаторы, тутъ же сочинявшиѳ разнаго рода повѣстованія; бесѣда особенно оживилась, когда коснулись нравовъ и образа жизни духовенства и, мало-по-малу, разсказы стали принимать явно кощунственный характеръ.

Было уже около 11 ч. вечера; въ числѣ собесѣдниковъ находился казеннокоштный студентъ, и не думавшій собираться домой, такъ какъ жилъ въ комнатѣ, выходящей окномъ на улицу, и помѣщался въ ней одинъ, а стало быть несвоевременнымъ возвращеніемъ не могъ никого обезпокоить. Это былъ добрый товарищъ, обыкновенно веселый и жизнерадостный и къ религіознымъ вопросамъ относившійся такъ же легко, какъ и большинство студентовъ. Онъ до сихъ поръ мало принималъ участія въ разговорѣ, но вдругъ вспомнилъ, а можетъ быть и придумалъ особенно пикантный разсказъ изъ области религії; воспользовавшись минутною паузою, онъ сказалъ: „А хотите, братцы, я вамъ разскажу исторію преинтересную. Послушайте-ка“. Всѣ насторожились, такъ неожиданно было это предложеніе молчавшаго до сихъ поръ студента; общее вниманіе было обращено на него, и всѣ ждали его разсказа, но онъ вдругъ поблѣднѣлъ, замолкъ и, какъ-то тяжело дыша, уставился глазами въ одну точку, а затѣмъ, упавшимъ голосомъ, сказалъ: „я пойду домой, господа“. Да что съ тобою? Что за блажь на тебя нашла? Давай твой разсказъ, раздались голоса.

— Нѣтъ, я пойду домой, упорно отвѣтилъ тотъ.

— Какая муха тебя укусила?—сиди, да рассказывай.

— Я пойду домой, повторилъ онъ, взялъ фуражку и ушелъ.

— Что съ нимъ случилось? Вотъ странный человѣкъ!—потолковали, потолковали остальные и, порѣшивъ вопросъ словами, ну, да чортъ съ нимъ совсѣмъ, продолжали прерванную бесѣду.

Прошло около часу, дверь отворилась, и появился тотъ же казеннокоштный, блѣдный, задыхающійся и взволнованный голосомъ сказалъ: „я у васъ останусь ночевать“.

Всѣ были въ полномъ недоумѣніи, стали было его разспра-

шивать, но онъ не отвѣталъ ни слова, и все время, пока оставались гости, сидѣлъ молча, видимо удрученный, опустивъ голову на руки, а когда компания разошлась, такъ же молча улегся на свободномъ диванѣ въ комнатѣ товарища, когда же послѣдній проснулся утромъ—гостя уже не было.

Онъ вернулся часамъ къ 9 утра и рассказалъ слѣдующее.

— Помнишь, вчера я хотѣлъ разсказать анекдотъ съ крайне язвительными насмѣшками надъ религіей, обрядами, а въ особенности надъ иконами; я уже разинулъ ротъ, набравъ воздуха какъ увидѣлъ передъ собою человѣка, именно человѣка: то было не видѣніе, не тѣнь, а живой человѣкъ изъ плоти и крови. Передо мною стоялъ стариечекъ, съ сѣдою, коротко остриженной бородою и большою, во всю голову, лысиною; на немъ было что-то въ родѣ архіерейскаго облаченія; голова была непокрыта; въ высшей степени добре лицо его было строго, и эта строгость, эти сжатыя губы и нахмуренныя брови какъ-то не шли къ его добродушной физіономіи. Онъ строго, строго посмотрѣлъ на меня и погрозилъ мнѣ пальцемъ; я обомлѣлъ, впившись въ него глазами, но онъ исчезъ и исчезъ такъ же быстро, какъ появился... былъ тутъ и его не стало.

Не скажу, чтобы я особенно испугался, нѣть, но мнѣ страшно захотѣлось идти домой и почему-то непремѣнно сю минуту, то было неотразимое желаніе, и я не могъ преодолѣть его. Помнится, вы меня уговаривали остататься, но я ушелъ. Дорогою со мною ничего особеннаго не случилось, голова моя была совершенно свѣжа, только меня что то угнетало, какая-то тоска напала. О чёмъ я думалъ дорогую —не помню, только никакъ не о бывшемъ мнѣ видѣніи, я, какъ будто, забылъ о немъ. Такъ я дошелъ до университета, подошелъ къ моему окну и увидѣлъ, что оно освѣщено. Меня это особенно не удивило: я подумалъ, что въ моей комнатѣ кто-нибудь изъ товарищѣй, но, взглянувъ въ окно, я остановился въ изумленіи и замеръ: представь себѣ на моей кровати, въ обычной позѣ, лежалъ я, держа въ одной рукѣ книгу, въ другой папиресу, у кровати, какъ это обыкновенно бывало, стоялъ мой деревянный табуретъ, а на немъ горѣвшая свѣча. Словомъ, это былъ я, собственною персоной и въ обычной обстановкѣ; лежалъ я безъ сюртука въ одной рубашкѣ, я даже замѣтилъ оторванную пуговицу на воротѣ рубахи, даже разглядѣлъ дырку близь этой пуговицы... я окаменѣлъ, нѣсколько разъ протиралъ глаза и видѣлъ все такъ же ясно, какъ вижу теперь тебя, Добро бы былъ пьянъ, но вѣдь ты хорошо знаешь, что я весь

вечеръ былъ у тебя на глазахъ и что мы ничего не пили, хоть бы я думалъ о чёмъ-либо подходящемъ—клятвенно удостовѣряю, что, ни во время бесѣды нашей, ни собираясь разсказать свой анекдотъ, ни, наконецъ, даже дорогою, уже послѣ появленія таинственного старца, я ни о чёмъ сверхъестественномъ не думалъ. Какъ это ни странно, но самое появленіе старца, не скажу, чтобы испугало или удивило меня, мнѣ только страшно, томительно страшно захотѣлось домой. Это было единственно, что я чувствовалъ.

Сколько времени я стоялъ у окна, не знаю, вѣроятно нѣсколько секундъ, но мнѣ казалось, что я стою тутъ долго, долго. Вдругъ моментально свѣтъ горѣвшей свѣчи—погасъ, и комната погрузилась въ полную темноту. Вотъ тутъ, сознаюсь, мнѣ стало страшно; по спинѣ забѣгали мурашки; казалось мнѣ, что волосы поднимаются дыбомъ; я почти бѣгомъ вернулся сюда и остался у тебя ночевать; говорить мнѣ не хотѣлось, мнѣ тяжело было видѣть товарицей, я, какъ помнишь, все время молчалъ и ни слова не сказалъ весь вечеръ. Большое спасибо тебѣ и товарищамъ, что не приставали ко мнѣ съ разспросами; вѣроятно вмѣсто отвѣта я обругалъ бы васъ всѣхъ.

Уснулъ я скоро и спалъ спокойно, какъ всегда, безъ сновидѣній, а утромъ, пока ты спалъ, отправился домой. У университета я засталъ толпу народа и полицію; оказалось, что ночью въ моей комнатѣ упала штукатурка: свалилось ея съ потолка нѣсколько пудовъ, и вся эта груда рухнула на головную часть моей кровати, при чемъ тяжестью своею раздавила ее: у кровати сломаны обѣ переднія ножки и совершенно раздроблена спинка; даже моя подушка и та оказалась пробитою вѣроятно острыми углами упавшихъ кусковъ штукатурки. Представь себѣ, что бы было изъ меня, если бы эта масса упала, когда я спалъ на кровати! думаю, что и костей не осталось бы. Вотъ что, другъ мой, случилось со мною вчера.

— „А можетъ быть паденіе штукатурки плодъ такой же галлюцинаціи, какъ и видѣніе старца? спросилъ, прослушавшій всю эту исторію, студентъ.

— Господи, Боже мой, пойдемъ сейчасъ же и посмотримъ; тамъ и теперь вѣроятно стоитъ толпа любопытныхъ, отвѣтилъ рассказчикъ.

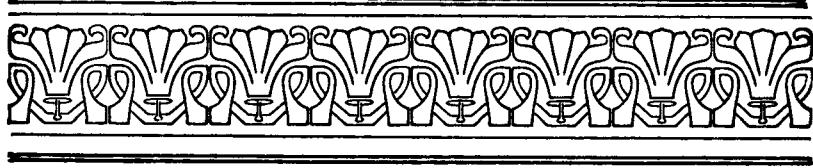
Они пошли и убѣдились въ дѣйствительности происшествія. О паденіи штукатурки зналъ уже весь университетъ и чуть ли не весь городъ, а растерявшіяся власти успокоились тогда

только, когда увидѣли обитателя комнаты живымъ и здоровымъ.

Этотъ разсказъ пришлось ему повторить неоднократно, и очень немногіе отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, и мнѣ, много лѣтъ спустя, слышавшему эту исторію, передавали ее, какъ нѣчто необычайное, сверхъ естественное, трудно объяснимое, но тѣмъ не менѣе вполнѣ истинное, не подлежащее сомнѣнію, происшествіе.

Ив. Мѣщаниновъ.

Петръ Великій лѣкарь.

Въ первой книжкѣ издававшагося въ Москвѣ Обществомъ соревнованія врачебныхъ и физическихъ наукъ журнала, вышедшей въ 1808 году и являющейся большой библіографической рѣдкостью, имѣется интересное сообщеніе о медицинской дѣятельности Петра Великаго. Помѣстивъ этотъ „Аnekdotъ о врачебныхъ познаніяхъ Государя Императора Петра Великаго“ членъ указанного общества, докторъ медицины и кавалеръ Иванъ Григорьевичъ Миндеръ, въ то время главноначальствующій надъ медицинской частью въ Заднѣпровской арміи.

„Извѣстно, пишеть Миндеръ, что блаженной и вѣчной памяти Государь Императоръ Петръ Великій особенную имѣль склонность къ врачеванію, что съ любимцемъ своимъ лѣкаремъ Тирмондомъ хаживалъ по домамъ къ частнымъ людямъ, дабы либо быть зрителемъ предпринимаемыхъ лѣкарскихъ руководствий, либо самъ оную должность отправлялъ. Г. Штегелинъ повѣствуетъ, что Онъ здѣсь у одной Голландской купчихи, одержимой водяною болѣзнью, своеручно исцѣдилъ воду, да и понынѣ еще въ саду при Московскому Военному Госпиталѣ существуетъ та липа, подъ которой Онъ самъ у больныхъ перевязывалъ раны, отворялъ кровь, выдергивалъ зубы, и при всѣхъ предпринимаемыхъ операціяхъ либо помощникомъ былъ, либо самъ онъ исполнялъ. Сколь далеко простирались врачебные познанія Его Величества, явствуетъ изъ слѣдующаго письма, которое нашелъ въ архивѣ Московскаго Военного Госпиталя конторы, почитаю достойнымъ обнародовать для памяти и славы сего человѣколюбиваго Монарха. Sie письмо

писано къ тогдашнему, при оной госпитали находившемуся лѣбѣ-медику Его Императорскаго Величества Бидлоо“.

Слогъ письма, сообщаетъ редакція „Медико-физического журнала“¹⁾, удержанъ во всей точности найденаго оригинала.

Благородный и Превосходительный Господинъ!

Господинъ Докторъ! Милостивый Государь!

Николай Албертовичъ!

Его Императорское Величество изволилъ всемилостивѣйше собственнымъ своимъ трудолюбиемъ присмотрѣть неисцѣлимыя тягостныя раны мои сквозь горло и грудныя части, гдѣ нынѣ пуля стоитъ съ положеніемъ кнота не малого; какъ дивно натура многотрудное лѣченіе къ совершенному возвращенію здравія успѣла; между которыми паки смотрѣль Его Всемилостивѣйшее Величество, и что нога перебита правая выше колѣна, круглая на поль и нѣсколько оной кости вонъ вынуто и приложена той кости край съ краемъ и по нѣсколько вре- мени облилась хрящемъ и тако сжилась, только противъ другой ноги короче стала на три вершка, а прямая такъ какъ и другая, но только оной согнутія нимало не было, что Его Всемилостивѣйшее Императорское Величество изволилъ и свидѣтельство- вать разсудительно, милостиво объявилъ собственное свое лѣкарство, которое при разсужденіи изволилъ милостиво увѣщѣвать, чтобы оное паки къ вѣроятію было, понеже оное есть виѣ аптекъ, но токмо ихъ Высоковеличества собственною практикою, что объявляется: взять ноги скотскіе, а вящще отъ коровъ или отъ лошадей, и оныя, очистя съ нихъ шерсть, варить въ водѣ довольно, дондеже грубія кости отъ кожи от- валаются, и оное разливъ въ горшечки застудить и будетъ ква- шенина, и тѣмъ повелѣно было разогрѣть гораздо, намазывать на ветоши и окладывать колѣно кругомъ и горячимъ поливать, и какъ отъ онаго взогрѣется гораздо, вѣльно сильно въ колѣнѣ оную ногу гнуть, и оное дѣйство имѣть девять дней, и по окончаніи того дѣйства въ третій день означеннаго въ колѣнѣ нога такъ крѣпко хрустнула на такой экземпломъ якобы пере- ломить палку, и съ того времени стала нога гнуться въ колѣнѣ,

¹⁾ „Первая часть сего журнала вышла въ свѣтъ незадолго до нашест- ствія непріятеля. Нѣкоторое количество экземпляровъ было распродано, а большее число погибло“, говорится въ предисловіи ко второй части также погибшей и переизданной въ 1821 году.

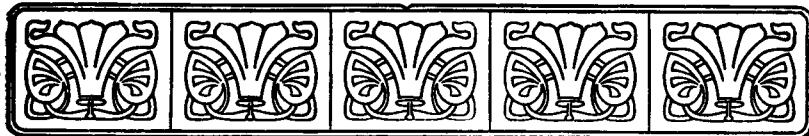
а нынѣ уже гнется свободно съ помянутаго лѣкарства и гораздо свободно, что даетъ и на лошадь сѣсть верхомъ, что никогда послѣ означенныхъ ранъ не бывало, и то нынѣ имѣю себѣ отъ Всемогущаго Бога и милостивымъ трудолюбiemъ Императорскаго Величества въ вѣчномъ моемъ благодареніи и за вѣрно признаю онуу практику, и паки предаю благодареніе какъ гражданскаго такъ и церковному, остаюсь въ упованіи надежномъ Дому Его Императорскаго Величества походной канцелярии Судья Маэоръ Андрей Елагинъ.

Февраля 20 дня,
1723 года.

У больного судьи Елагина, какъ мы видимъ, среди другихъ раненій имѣлся очень беспокойствій его переломъ лѣвой бедренной кости, приковывавшій его къ постели. Благодаря продолжительной неподвижности, необходимой для успѣшнаго лѣченія перелома, образовался анкилозъ въ колѣнномъ суставѣ. Горячія припарки, разрывъ, ежедневная гимнастика принесли уничтоженіе сращеній и возвратили ногѣ потеряныя движения.

Сообщилъ д-ръ Л. Прозоровъ.

Мысли, воспоминания и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813 и 1814 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

IV¹⁾.

Характеръ и личность Императора Александра I выступаютъ рельефнѣе всего и вырисовываются въ наиболѣе яркомъ освѣщеніи въ періодъ Отечественной войны и послѣдовавшихъ за ней походовъ, вплоть до послѣдняго засѣданія Вѣнскаго конгресса. Упомянутые три года представляли кульминаціонный пунктъ его дѣятельности,—какъ правителя государства. Въ борьбѣ съ *Наполеономъ* онъ проявилъ всю свою силу воли, свою ловкость, свое терпѣніе и упорство. Возвышаясь значительно надъ интеллектуальнымъ уровнемъ всѣхъ окружавшихъ его въ ту пору монарховъ—за исключеніемъ одного *Наполеона*—онъ, ни на одинъ часъ, не переставалъ изображать собой загадку, тѣмъ болѣе сложную, что въ повседневномъ обиходѣ казался всегда настолько простымъ, добрымъ, доступнымъ, невзыскательнымъ, благожелательнымъ и не преслѣдующимъ никакихъ затаенныхъ личныхъ цѣлей, что ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣнія относительно двойственности своего характера. Онъ дѣйствовалъ иногда не рѣшительно, но при этомъ его колебанія вызваны были всегда какъ бы сомнѣніями этическаго свойства. Въ безсмертномъ своемъ литературномъ эпосѣ: „Война и Миръ“ *Л. Н. Толстой* задаетъ между прочимъ такой вопросъ касательно Александра I, не находя на него отвѣта и предоставляемъ его рѣшить читателямъ: „Какъ могъ

---

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

такой добрый, гуманный, сердечный человѣкъ, какъ Императоръ *Александръ I*, держать около себя такую личность, какъ Аракчеевъ, и давать ей право къ неограниченному проявленію своего дикаго произвола¹⁾. Намъ сдается, что, не давая отвѣта на собствѣнныи вопросъ, великий писатель въ данномъ случаѣ немножко склонилъ, что впрочемъ встрѣчалось у него впослѣдствіи нерѣдко. *Толстой* долженъ былъ понять, что *Александру I Аракчеевъ былъ необходимъ*. Какъ человѣкъ даровитый, довольно просвѣщенный и развитой, *Александръ I* убѣдился вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, что управлять такимъ громаднымъ государствомъ, населеннымъ вдобавокъ ко всему на двѣ трети полуцивилизованнымъ народомъ, а на оставшуюся треть совершенно еще дикими инородцами, какъ Россія, *нельзя* съ помощью, или на основаніи тѣхъ принциповъ, теоремъ и научныхъ доктринъ, которыя онъ такъ охотно воспринималъ отъ своего воспитателя *Лагарпа* и вычитывалъ изъ сочиненій энциклопедистовъ. Онъ чувствовалъ самъ, да и зналъ изъ исторіи недавняго прошлаго, что для того, чтобы держать страну, походившую скорѣе на отдѣльную часть свѣта въ полномъ повиновеніи, нужна жѣлезная сила воли, чрезвычайная бдительность и необычайно крѣпкія руки, ни на минуту не отпускавшія туго натянутыя бразды правленія. Все это прекрасно понималъ молодой русскій самодержецъ, выступавшій послѣ внезапной катастрофы при крайне своеобразной обстановкѣ на арену широкой политической дѣятельности. Но въ то же время *Александръ I* сознавалъ, какая ответственность ложится на государя за всѣ дѣянія цѣлой арміи чиновниковъ и служащихъ, не отличавшихся особенной безупречностью въ нравственномъ отношеніи и весьма склонныхъ къ произвольнымъ правонарушеніямъ, къ лихоимству, казнокрадству и грубымъ притѣсненіямъ ни въ чемъ неповинныхъ людей только изъ личныхъ побужденій.

Русскій народъ смотрѣлъ на Царя, какъ на заступника, вершителя судебнъ, милостиваго и щедраго покровителя всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Терпѣливо спося всѣ притѣсненія, вымогательства, онъ таилъ надежду, что когда вѣсть обо всемъ этомъ дойдетъ до Царя, то всѣ страданія прекратятся сразу. Нарушать такую укоренившуюся въ народѣ вѣру было опасно, а потому являлась необходимость въ разобщеніи народныхъ массъ съ высшей инстанціей монархическаго управления и къ созданію крѣпкаго

¹⁾ Я цитирую Толстого отнюдь не дословно, а лишь на память и приблизительно по смыслу.

средостѣнія между главою государства и всѣми слоями населенія, стиснутыми вдобавокъ въ твердо установленныя сословныя рамки. Устранить въ короткое время все зло, исходившее непосредственно отъ малокультурной чиновничьей среды, чувствовавшей себя свободной отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ собственной совѣсти, смягчить нравы народа и развить въ немъ элементарныя понятія о правовомъ порядкѣ посредствомъ постепенного поднятія нравственности и просвѣщенія, оказалось задачею, превышающей въ то время духовныя и экономическая силы русского государства. *Намъ нуженъ былъ тогда просвѣщенный абсолютизмъ*, при строжайшемъ бдѣніи истинно религіозныхъ и правовыхъ началъ, воспитывающихъ народъ подаваемыми свыше хорошими примѣрами и посредствомъ строжайшаго требованія отъ каждого, состоявшаго на государственно-общественной службѣ,—исполненія своего долга. Суровый, но справедливый режимъ возымѣлъ бы свое благотворное, воспитательное дѣйствіе. Но *Александру I* роль энергичнаго, безпощадно-строгаго охранителя правового порядка съ законнымъ послушаніемъ царской и правительственної власти не нравилась, онъ предпочиталъ соответственно своему эластичному сангвиническому характеру разыгрывать гораздо болѣе благодарное амплуа добрѣтельнаго „*Deus ex machina*“, являющагося въ самый критический, сирѣчъ, послѣдній моментъ въ качествѣ безпристрастнаго благожелательнаго вершителя судебъ. Безжалостное осужденіе и неутомимое преслѣдованіе всѣхъ неблаговидныхъ поступковъ служащихъ, ихъ безнравственнаго поведенія и нерадѣнія по отношенію къ прямымъ своимъ обязанностямъ, равно какъ неповиновеніе законнымъ требованіямъ правительства съ стороны обывателей, возлагались на вышшихъ и на ближайшихъ сотрудниковъ царя, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ, но дѣйствовавшихъ какъ бы совершенно самостоятельно. При самомъ идеально-честномъ, безпристрастномъ исполненіи своихъ тяжелыхъ обязанностей, такие, уполномоченные царскимъ повелѣніемъ, сановники никогда не пользовались симпатіями общества или мѣра служащихъ. Люди, по свойственному человѣку характеру, трудно мирятся съ самыми справедливыми взысканіемъ и наказаніемъ за совершенныя ими ошибки или упущенія; они всегда склонны видѣть въ наказующемъ начальникѣ личнаго врага. Когда же суровая кара постигаетъ порою невиннаго или слишкомъ незначительно провинившагося служащаго, или гражданина, то чувство обиды и неудовольствія превращается легко въ лютую ненависть и неудержимое желаніе отомстить обидчику. Если къ этому при-

бавить то усугубляющее обстоятельство, что безответственнымъ рѣшителемъ судьбъ сотни тысячъ людей является человѣкъ по натурѣ злобный, грубый, ограниченный, преисполненный самой необузданной жаждой произвола, не считающій ни съ какими законами и находящій особое наслажденіе вмѣстѣ съ нравственнымъ удовлетвореніемъ въ томъ, чтобы по возможности нагонять на всѣхъ побольше страха и трепета, то можно себѣ представить, какая громадная свинцовая туча ненависти могла собраться и стоять надъ такимъ человѣкомъ, а таковымъ былъ несомнѣнно *Аракчеевъ*. Выборъ *Александра I* палъ потому лишь на него, что онъ не боялся брать на себя всю отвѣтственность за всѣ дѣянія, въ томъ числѣ, конечно, и за ошибки и промахи самого государя.

Сосредоточить на себѣ всю ненависть общества и народа *Аракчеевъ* взялся отнюдь не изъ самоотверженной преданности къ царю, какъ онъ старался увѣрить въ этомъ *Александра I*, а изъ врожденной злобности и сладострастнаго чувства всюду изображать собой гибельную грозу, не дѣлая при этомъ различія между виновными и ни въ чёмъ неповинными передъ закономъ людьми. Быть первымъ лицомъ въ странѣ послѣ государя казалось для ограниченного временщика верхомъ блаженства и счастья. Чтобы удержаться на высотѣ своего положенія, онъ зналъ одно только средство—постоянное увеличеніе въ населеніи и обществѣ страха и гнета. Императоръ *Александъ I* не возставалъ противъ такой первобытно-деснотической системы правленія; онъ видѣлъ царившее вокругъ него виѣшнее спокойствіе и безопасность своей особы, не справляясь о томъ, какой цѣнѣ она была куплена. Ненависть и общее презрѣніе, которыя возбуждалъ противъ себя *Аракчеевъ*, были ему очень хорошо известны, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на неизбѣжное явленіе въ дѣлѣ управлениіи такой обширной и своеобразной въ культурномъ отношеніи страной, какъ Россія, будучи въ душѣ радъ, что враждебныя чувства всего мыслящаго и образованнаго населенія не направлены были исключительно противъ него. *Вотъ для чего нуженъ былъ Аракчеевъ Императору Александру I.* Имя этого злополучнаго временщика было нарицательнымъ, ибо онъ изображалъ собой систему, а не случайное явленіе! Въ сущности *Аракчеевъ* былъ немного перелицованнымъ *Мамютой Скуратовымъ* и *Бирономъ* начала XIX-го столѣтія, по темпераменту и духу онъ могъ считаться прямымъ наследникомъ, правнукомъ предыдущихъ двухъ временщиковъ-палачей. Но съ другой стороны было бы крайне ошибочно и прямо

несправедливо полагать, что Императоръ Александръ не руководился въ своихъ поступкахъ, повелѣніяхъ, а также и во всемъ своемъ поведеніи нравственными стимулами. Отрицать этого никто не можетъ, ибо доказательства тому заключаются въ достаточномъ количествѣ. Загадочность и трагизмъ его положенія вытекали преимущественно изъ того нерѣдко явнаго противорѣчія, которое обнаруживалось между лелѣянными имъ благими намѣреніями и тѣмъ, во что они превращались не только по винѣ исполнителей, но и въ силу опрометчиво вложенныхъ въ высочайшія повелѣнія основныхъ взглядовъ на дѣла государственаго управления. Недостатокъ яснаго всесторонняго пониманія задачъ и цѣлей, лежащихъ на самодержавномъ монархѣ, какъ отвѣтственномъ передъ исторіей правителемъ государства, неумѣніе и нерѣшительность пользоваться дарованной ему Провидѣніемъ властью тамъ, где это требовалось неотложно для блага народа, и безпрерывныя попытки примѣнить во внѣшней и внутренней политикѣ утопическія теоремы недостижимаго на практикѣ земного благополучія съ явнымъ непониманіемъ принципіального, основного различія между этикой, требуемой для руководства дѣлами внутренней политики, и этикой, которая нужна при спошеніяхъ съ иностранными государствами, были причиной, что достигнутые Императоромъ Александромъ I блестящіе на видъ успѣхи въ внѣшнихъ военно-политическихъ дѣлахъ оказались при внимательномъ разслѣдованіи лишь *красивой скрупкой, скрывавшей прогорклое для России ядро.*

Хотя въ періодъ послѣдніхъ войнъ, предпринятыхъ съ цѣлью низверженія Наполеона I съ диктаторскаго трона Европы, личность и характеръ *Александра I* всего доступнѣе были для всесторонняго наблюденія, онъ все же остался во многихъ отношеніяхъ тѣмъ неразгаданнымъ сфинксомъ, какимъ бывалъ и прежде.—Одно лишь несомнѣнно, что этотъ весьма недюжинный по дарованію человѣкъ умѣлъ все время такъ удачно гри-мироваться разнообразнѣйшими снаряженіями, выбранными имъ по дешевой цѣнѣ изъ богато-составленнаго каталога нравственной косметики, что даже близко стоявшія къ нему лица не могли распознать за скрывавшей маской подлинныя его черты. Поставленный волею судебъ преждевременно на мѣсто, где ему приходилось сразу „*дѣлать исторію*“, безъ малѣйшей къ тому подготовки, онъ, не изучивъ и не понявъ примѣрные уроки исторіи (одно поверхностное знаніе фактовъ и хронологического порядка событий да еще въ крайне тенденціозномъ, одностороннемъ изложеніи Лагарпомъ всѣхъ скрытыхъ въ нихъ психолог-

тическихъ причинъ и явленій не могло замѣнить строго-научнаго столь важнаго для будущаго правителя предмета), сталь принимать въ ней участіе, т. е. создавать политику, по выработанному имъ самимъ плану.

При оцѣнкѣ политическихъ явленій онъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживалъ поразительную близкорукость.

Не имѣя передъ собой духовной перспективы, его взоръ не способенъ былъ охватить причинную и общую связь между совершившимися событиями и возможными дальнѣйшими ихъ послѣдствіями и разными побочными осложненіями. Опрометчиво предпринятые походы 1805 и 1807 г. года служатъ подтвержденiemъ сказанного. Обѣ кампаніи были заранѣе обречены на неудачу. Чтобы прийти къ такому выводу, у Императора *Александра I* не доставало точнаго пониманія *современного ему положенія*; послѣднее же могло быть пріобрѣтено только добросовѣстнымъ изученіемъ и знаніемъ прошедшаго, но этого-то у него именно и не хватало! Всякое правильное умозаключеніе вытекаетъ лишь изъ цѣльныхъ познаній; нужно умѣть прослѣдить пути, ведущіе отъ былого къ настоящему, современному. Мечтательность *Александра I* въ области всевозможныхъ безпочвенныхъ идей и доктринъ замѣняла ему положительное знаніе. Придерживаясь взгляда, внушеннаго ему, по всей вѣроятности, *Лагарпомъ*, что *политика должна подчиняться этике*, онъ перенесъ этотъ пригодный для внутренняго управления государства принципъ и на вѣшнія отношенія къ другимъ державамъ и народамъ, что было непростительной ошибкой, ибо этика, служащая во внутренней политикѣ оружиемъ борьбы съ эгоизмомъ отдельныхъ личностей или сословій, совершенно непригодна въ вѣшній политикѣ, гдѣ вопросъ касается усиленія государственного престижа и народнаго эгоизма въ смыслѣ повышенія его благосостоянія, доставленія всевозможныхъ выгодъ, необходимыхъ для поднятія могущества страны. *Правитель никогда не долженъ забывать, что охрана и независимость отечества и несущее попеченіе о его благе есть самодовлюющая, наивысшая нравственная ить, указанная ему самимъ Проридѣніемъ.*

Но самой крупной, роковой ошибкой, въ которой скрывалось такъ много непонятнаго, было то непримиримо-враждебное отношеніе *Александра I*, которое онъ проявилъ къ *Наполеону I* послѣ кампаніи 1812 года.

Если въ феодально-ретроградныхъ кружкахъ монархической Европы считали *Наполеона I воплощеніемъ или исчадіемъ революціи*, то *Александру I* было непростительно присоединяться къ

такому ошибочному взгляду; онъ обладалъ несомнѣнно способностью лучшей оцѣнки, такъ какъ ему стоило провѣрить только съ полнымъ безпристрастiemъ собственныя воззрѣнія на многіе предметы въ области отвлеченныхъ понятій. Анализируя душевное настроеніе обоихъ противниковъ, можно легко доказать, что *Александръ I* подходилъ своимъ міросозерцаніемъ гораздо ближе къ политическимъ идеямъ якобинцевъ, нежели *Наполеонъ*. Послѣдній считалъ себя *наследникомъ* революціи—что являлось тоже безусловно ошибочнымъ опредѣленіемъ.. Въ дѣйствительности же геніальный корсиканскій полководецъ былъ самымъ суровымъ, безжалостнымъ противникомъ абсолютного народовластія и наиудачнѣйшимъ гасителемъ революціонныхъ вспышекъ, показывавшихся порою на громадномъ пепелищѣ послѣ грандіознаго государственного пожара въ началѣ девятидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія. Подошвами своихъ ботфорть, къ которымъ пристала земля почти со всѣхъ странъ Европы и видавшихъ столько блестящихъ побѣдъ, онъ затопталъ послѣднія тлѣющія искры въ оставшейся отъ революціонной стихіи золѣ.

Никто такъ твердо не укрѣпилъ вновь монархической принципъ во Франціи, какъ *Наполеонъ*, послѣ провозглашенія и коронованія себя императоромъ. Но и раньше проявлялъ онъ геніальныя способности при водвореніи прочного порядка въ хаотической дѣла государственного правленія и общественной неурядицы. *Восемнадцатое Брюмера* привело этому блестящее доказательство.

Вотъ, что писали про этотъ единственный въ своемъ родѣ во французской исторіи государственный переворотъ наиболѣе наблюдательные современники-исторіографы, между которыми шведъ *Бринкманъ* заслуживаетъ особаго и безусловнаго довѣрія: „Государственный переворотъ 18-го Брюмера не обнаружилъ въ народѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ страха и недовѣрія. Радикальная и политическая сторона революціи перестала существовать.—Французскіе народные идеалы французской свободы воплотились въ Бонапартъ. Проявился подъемъ народнаго духа и пробудились надежды на счастливое будущее. Ни одинъ законный монархъ при вступлениі своемъ на престолъ не встрѣчалъ такой готовности къ повиновенію, какую нашелъ Бонапартъ у своихъ согражданъ. Было бы очень странно, если бы такой искусный полководецъ не воспользовался подобнымъ настроениемъ для того, чтобы создать болѣе удовлетворяющее нуждамъ народа прочное правительство. Франція выполнитъ въ буквальномъ смыслѣ слова невозможное, чтобы помочь Бонапарту въ

этожъ. За исключениемъ презрѣнной шайки анархистовъ, весь французскій народъ до такой степени жаждетъ отдохнуть отъ опротившихъ ему революціонныхъ ужасовъ и безразсудствъ, что считаетъ каждую перемѣну въ своемъ положеніи направленной къ лучшему. Рѣшиительно во всѣхъ слояхъ французского общества осмысливаютъ показное геройство демагоговъ. Всюду раздаются заявленія о желательности изгнать ихъ изъ Франціи. Никто не сталъ бы теперь сочувствовать попыткамъ къ осуществленію ихъ обольстительныхъ грэзъ. Даже роялисты всѣхъ оттѣнковъ пытаются къ Бонапарту искреннюю преданность, такъ какъ приписываютъ ему намѣреніе постепенно восстановить прежній порядокъ вещей. Равнодушные къ политическимъ принципамъ относятся къ Бонапарту, какъ къ человѣку наиболѣе способному доставить Франціи внутренний и внешній миръ. Проспѣщеніе республиканцы хотятъ и трепещутъ за свои учрежденія, но предпочитаютъ, чтобы государственная власть находилась лучше въ рукахъ одного талантливою человѣка, чѣмъ члены клуба интригановъ".—Какая разница между этой спокойной, безпристрастной, объективной характеристикой научно-образовавшагося шведскаго историка и тѣми отзывами, которые видѣли въ геніальномъ поработителѣ половины Европы воплощеніе или исчадіе революціи, способного лишь къ разрушенню давно и прочно установившагося порядка въ мірѣ. Увлекающійся несбыточными надеждами Императоръ Александръ I никакъ не могъ составить себѣ свое опредѣленное, независимое отъ постороннихъ вѣнченій, мнѣніе о характерѣ и личности новаго повелителя Франціи и о громадномъ политическомъ значеніи тѣхъ переворотовъ въ Западной Европѣ, которые нельзя было обратить вспять. Вместо того, чтобы напречь всѣ силы для извлеченія пользы для Россіи изъ измѣнившихся послѣ французской революціи положеній, въ смыслѣ поднятія, по мѣрѣ силъ, промышленности и торговли, а на-ряду съ этимъ и облегчить сношеніе съ болѣе культурной Европой, онъ старался съ помощью оружія отстаивать принципъ легитимизма и незыблѣмость территоріальныхъ и суверенныхъ правъ мелкихъ германскихъ князей. Еще до похода 1805 года русское правительство обязано было приложить всевозможныя старанія, чтобы примирить Францію съ Англіей и предотвратить столкновенія между европейскими державами. Россія нуждалась въ продолжительномъ мірѣ для коренного переустройства ея внутреннаго быта и реформированія всего государственного механизма. Если бы Александръ I имѣлъ вѣрное представление о тѣсной связи, существующей въ каждомъ государствѣ, между состоя-

иємъ внутреннихъ дѣлъ и международнымъ положеніемъ, то онъ вѣроятно не предпринялъ бы безцѣльныхъ походовъ 1805 и 1807 г.г. Но разъ судьбѣ угодно было допустить обѣ роковыя ошибки, то *Александру I* слѣдовало тѣмъ болѣе ухватиться за предложенную ему *Наполеономъ I* въ Тильзитѣ дружбу, а не таить въ душѣ чувство мишенія. Предложенія французскаго императора открывали русской восточной политикѣ самые широкіе горизонты, Императоръ *Александъ I* могъ достигнуть того, чего мы не въ состояніи были добиться затѣмъ въ теченіе цѣлаго столѣтія и посредствомъ трехъ кровопролитныхъ войнъ, стоящихъ намъ полмилліона жизней и трехъ миллиардовъ рублей денежнаго. Безпрерывно мечтавшій о счастіи своего народа, онъ отворачивался отъ улыбавшейся уже ему фортуны только потому, что не довѣрялъ новому другу и не хотѣлъ разстаться, на подобіе гладіатора,— съ мыслью еще разъ испытать свою силу въ схваткѣ съ могучимъ противникомъ. Порою поведеніе *Александра I* воскресало въ памяти черты тщеславія, присущія, судя по исторіи, многимъ древне-римскимъ и византійскимъ императорамъ. Соревнованіе имѣло для него только тогда интересъ и притягательную силу, когда оно происходило съ перворяднымъ противникомъ. Лица, стоявшія въ интеллектуальномъ отношеніи ниже его, не возбуждали въ немъ желаніе соптязаться съ ними; отсюда его удивительное и прямо непонятно-равнодушное, терпѣливо, невзыскательное отношеніе къ порою весьма безактному поведенію короля прусскаго, императора австрійскаго и даже вошедшаго съ нимъ подъ руку на освобожденный русскими штыками отъ узурпатора французскій престолъ короля *Людовика XVIII-го*.

Тягаться съ такими лицами не представляло ничего заманчиваго для него. Но сверженіе гиганта, передъ которымъ трепеталъ весь міръ, въ прахъ, хотя-бы и съ пришедшей ему на помощь стихіей, это возвышало *Александра I* въ его собственныхъ глазахъ, ибо онъ видѣлъ въ этомъ указаніе якобы свыше. Ради достиженія такой цѣли онъ не считался со всѣми прочими нанесенными кѣмъ-либо ему обидами. Въ концѣ концовъ онъ такъ увлекся идеей спасти Европу отъ ига *Наполеона*, что самъ сталъ вѣрить въ Прорѣдѣніе, избравшаго его орудіемъ избавленія человѣчества отъ появившагося на порогѣ девятнадцатаго столѣтія *второго, постъ Аттилы, бича Божія!*

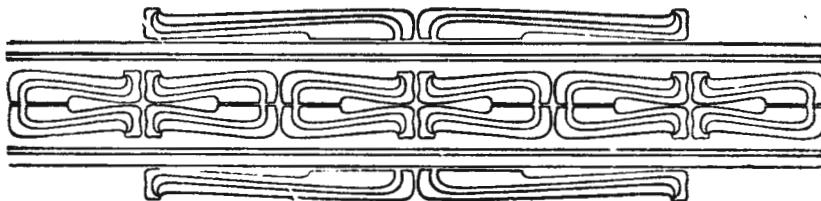
Въ своей экзальтациіи онъ не замѣчалъ тѣхъ противорѣчій, которыя встрѣчались такъ часто между его словами и дѣйствіями. Такъ примѣрно въ Калишѣ *Александъ I* заявляетъ,

какъ уже сказано, чуть не на подобіе торжественной клятвы, что желаетъ видѣть Францію *могущественной и счастливой*. Между тѣмъ онъ дѣлаетъ всевозможныя приготовленія, для успѣшнаго нападенія на эту самую Францію и изгнанія изъ нея единственнаго геніальнааго человѣка, способнаго сдѣлать ее и могущественной и счастливой.—Неужели онъ на самомъ дѣлѣ вѣрилъ въ возможность преуспѣянія и процвѣтанія Франціи при насильно водворенныхъ *Бурбонахъ*?

Развѣ можно было серьезно думать замѣнить освѣщенную легендарной славой титаническую въ, интеллектуальному значеніи этого слова, фигуру *Наполеона* ряженнымъ въ расшитую золотомъ генеральскую форму, полученную только-что отъ портного, живымъ манекеномъ, именуемымъ „королемъ“ *Людовикомъ VIII-мъ*? Нѣтъ, *Александръ I* не могъ такъ заблуждаться, и онъ вѣроятно самъ не вѣрилъ въ прочность режима, охраняемаго иностранными штыками. Впослѣдствіи выяснилась тщетность стараній посадить срубленное дипастическое дерево вновь въ землю. Корней оно не могло пустить, и достаточно было двухъ-трехъ сильныхъ порывовъ вѣтра, чтобы свалить его. *Александръ I* не дожилъ до этого финала, но если бы ему суждено было стать свидѣтелемъ паденія всего того, что онъ всѣми силами старался такъ поддержать, то быть можетъ онъ встрѣтилъ бы, памятую прежнія заблужденія, извѣстіе о водвореніи во Франціи вновь имперіализма гораздо болѣе сочувственно, нежели находившійся въ такомъ же заблужденіи братъ его *Николай I*. Практическій курсъ исторіи не прошелъ бы для него даромъ, а завзятый политическій идеализмъ уступилъ бы мѣсто стремленіямъ къ достижению болѣе конкретныхъ результатовъ.

М. В. Станиславскій.

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ¹⁾.

(Изъ его воспоминаний и изъ воспоминаний о немъ).

Пока мы, набраные въ училище молодые люди или юнцы, сновали по заламъ и коридорамъ, а Б. А. Шванебахъ насъ усердно по нѣсколько разъ въ день навѣщалъ,—появились два офицера, которыхъ онъ намъ отрекомендовалъ, какъ только-что зачисленныхъ собственно въ число дежурныхъ офицеровъ училища, т. е. будущихъ сослуживцевъ.

Ничего особенного, кромѣ того, что это были первыя ласточки, они собой не представляли, однако, именно, какъ появившіеся первыми, они въ память каждого изъ насъ, юнкеровъ, врѣзались навсегда.—То были,—1-й гренадерской арт. бригады поручикъ Владимиръ Александровичъ Юзвицкій и л.-гв. гренадерскаго полка поручикъ Константинъ Николаевичъ Кузьминъ.—Оба они были одинаково—до застѣнчивости скромные и крайне деликатные; въ числѣ офицеровъ, съ которыми мы только-что разстались въ корпусѣ, такихъ почти и не было.

— На первыхъ порахъ я вамъ подобралъ вполнѣ воспитанныхъ офицеровъ, тихихъ, скромныхъ, присмотритесь къ нимъ, сказалъ Б. А. намъ, ближе къ нему находившимся; поговорите съ ними; только не смущайте ихъ и не конфузьте, это „положительно“ такие скромные молодые люди, какими вамъ всѣмъ слѣдуетъ остаться навсегда.—Оба они окончили уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ; —это послѣднее тоже отчасти было причиной того, что я согласился зачислить ихъ въ училище: по крайней мѣрѣ они

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ Январь 1914 г.

хорошо знать нравы своихъ однокашниковъ изъ васъ—бунтарей, добавилъ шутя Б. А., очевидно припоминая Лермонтовско-Ашенбреннерскую исторію.

Нельзя же не цѣнить въ нихъ то, что они остались такими скромниками послѣ того, какъ прослужили въ строю по 6—7 лѣтъ; артиллеристъ поручикъ Юзвицкій,—побывавъ въ артилерійской академіи, поступилъ въ grenадерскую бригаду здѣсь въ Москвѣ, а поручикъ Кузьминъ, окончивъ курсъ академіи генерального штаба и послуживъ въ полку, успѣлъ и въсъ не одинъ годъ кое-чemu обучать.

Дѣйствительно, къ тому времени прошло года два, какъ Кузьминъ прослужилъ въ 1 Московскому корпусу;—тамъ онъ зимой преподавалъ тактику, а лѣтомъ „водилъ“ насъ въ окрестностяхъ села Коломенского на съемку, т. е. руководилъ нашими занятіями по топографіи; оба они окончили курсъ въ корпусѣ около 1856 года.

— Въ числѣ вашихъ офицеровъ воспитателей 1-го корпуса, продолжалъ разсказывать Б. А., я было присмотрѣлся къ двумъ бросавшимся въ глаза по своей, выходящей изъ ряда, воспитанности—къ родному брату Юзвицкаго Алексѣю Александровичу,—Юзвицкіе видимо члены особой, хорошей семьи и къ Гулевичу, Анатолію Венедиковичу; обоимъ имъ я предложилъ поступить въ училище, но первый оказался слишкомъ старслужащимъ—выпуска 1847-го года, всѣ вы, кажется, въ томъ году и позже родились, а второй хотя и товарищъ по выпуску изъ того же корпуса Кузьмина и Юзвицкаго, этихъ двухъ уже взятыхъ мною въ училище офицеровъ, такой же скромный и положительно въ высшей степени приличный, но ни за что не согласился принять мое предложеніе; я очень объ этомъ послѣднемъ жалѣю, это положительно для училища потеря ¹⁾.

* * *

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней Б. А. Шванебахъ намъ объявилъ списки распределенія насъ по четыремъ ротамъ и по 12 классамъ, т. е. по двумъ классамъ—старшему и млад-

¹⁾ Въ томъ же году ротный офицеръ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса поручикъ Анатолій Венедиковичъ Гулевичъ былъ избранъ для перевода въ пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ, въ коемъ и прослужилъ болѣе десяти лѣтъ, пропустивъ透过 their own hands нѣсколько поколѣній воспитанниковъ, также какъ раньше, въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ, довелось ему пропустить透过 their own hands свое въ высокой степени благотворное влияніе въ родномъ ему 1 Московскому корпусѣ.

шему, соответственно тому, что въ корпусѣ мы должны были бы составлять 1-й и 2-й специальный классы; при чёмъ здѣсь явилось необходимымъ каждый классъ раздѣлить на шесть отдѣленій для мелкихъ классныхъ занятій.—Дѣло раздѣленія на роты и на классы, какъ ни казалось простымъ—отняло два дня.—Б. А. Шванебахъ неустанно ходилъ, назначая часъ то въ ту, то въ другую группу, переводилъ, ставилъ опять обратно, что-то соображалъ,—наконецъ сказалъ, обратившись къ Кузьмину и Юзвицкому:—ну вотъ, благодаря вамъ, г.г. офицеры, скоро удалось мнѣ это дѣло уладить, позвольте васъ поблагодарить, вотъ это, положительно, вашъ первый въ училищѣ служебный, нелегкій трудъ, отъ души благодарю.

Всѣ мы видѣли, что если этотъ небольшой трудъ и не былъ вполнѣ легкимъ,—то, во всякомъ случаѣ, успѣшно законченнымъ онъ оказался благодаря лишь исключительно энергіи самого, сильно потрудившагося полковника Б. А. и Кузьмину и Юзвицкому, съ ихъ бросавшемся въ глаза нерѣшительностью и медлительностью, ничего не удалось бы подѣлать въ этой хотя бы и мелочной работѣ.—Всѣ мы это видѣли, сознавали, и каждый изъ насъ пришелъ въ этомъ отношеніи къ своему заключенію, при которомъ и остался, понимая быть можетъ, что Б. А. Шванебахъ усіѣхъ этого пустяка приписалъ своимъ сотрудникамъ по своей неисчерпаемой деликатности, подсказавшей ему желаніе ихъ ободрить.—Но между нами нашелся одинъ съ погонами Воронежскаго корпуса кадетъ, который, какъ говорится, „что подумалъ, то и брякнулъ“.

— Ну, что же, объ чёмъ говорить, господинъ полковникъ. вы это сами сдѣлали, исключительно вы, эти г.г. офицеры, прекрасные люди, но они, народъ тихій и со своей скромностью въ этомъ мало вамъ помогли.

Мы всѣ, окружавшіе этого болтуна товарищи, готовы были сквозь землю провалиться.

— Мало, мало, это правда, произнесъ сконфуженный улыбаясь поручикъ Кузьминъ; Юзвицкій стоялъ блѣдный, молчаль какъ въ ротѣ воды набравши и, лишь услышавъ слова Кузьмина, пролепеталъ несвязно: конечно, конечно, ничего не сдѣлали.—Б. А. Шванебахъ видимо болѣлъ за своихъ офицеровъ; онъ раскраснѣлся и, какъ лѣтухъ, набросился на нескромнаго говоруна.

— Что это такое. откуда? Кто вы? Какъ ваша фамилія? Заговорили онъ смущенно... Почему вы нашли нужнымъ такъ несносно и недѣльно отзываться; это положительно назойливо, и

я этого положительно не ожидалъ; вотъ видите, уже вы и не имѣете той дивной деликатной скромности, хотя еще школьной скамьи не успѣли покинуть...

Этотъ мелочной случай представлялъ собою нѣчто особое и, въ концѣ концовъ, послужилъ много къ характеристики Бориса Антоновича.

По разсказамъ, которые онъ привезъ тотчасъ, какъ только узналъ фамилию смѣльчака и немного успокоился, вотъ рѣчь была суть:—Лѣтомъ въ день отъѣзда Государя изъ Москвы, Б. А. Шванебахъ, подговоривъ генерала И. В. Жданъ-Пушкина—директора 1-го Моск. корпуса, рѣшился, съ разрѣшенія военнаго министра Дм. Алексѣев. Милютина, обратиться къ Его Величеству съ ходатайствомъ о дарованіи прощенія, исключеннымъ въ янваѣ того года изъ 1-го корпуса, кадетамъ—Ашенбреннеру и Мюнхеймеру и о высочайшемъ соизволеніи на опредѣленіе ихъ обоихъ юнкерами въ училище, гдѣ они, какъ уже много испытавшіе въ своей жизни, прослуживъ болѣе полугода въ армейскихъ полкахъ рядовыми, несомнѣнно приложили бы всѣ свои силы и старанія къ тому, чтобы исправиться и загладить свое поведеніе, приведшее ихъ къ разжалованію...

— Ты затронулъ мое больное мѣсто, сказалъ Государь; я самъ обѣ этомъ было-подумалъ и, много передумавъ, рѣшилъ, что нѣтъ, этому не бывать; съ твоей стороны очень похвально, что ты не задумался просить дать ихъ обоихъ тебѣ какъ обузу, во вѣряемое тебѣ заведеніе, только-что начинаящее свою служебную жизнь; глаза Государя, говорилъ Б. А., были въ тѣ минуты полны слезъ.—Нѣтъ, нѣтъ и не проси, какъ бы торопился Его Величество еще разъ отказать, точно боясь не выдержать.—А вотъ что, добавилъ Государь: уже нѣсколько лѣтъ томится, тяготясь солдатской службой въ одномъ армейскомъ полку выключенный изъ фельдфебелей Петровско-Полтавскаго корпуса за бунтъ, пропавший кадетами при директорѣ Тихоцкому; этого бывшаго фельдфебеля разрѣшилъ я теперь принять въ Михайловскій воронежскій корпусъ; фамилія его Купчинскій; возьми его къ себѣ въ училище и займись имъ, сдѣтай изъ него хорошаго офицера; отзывы о немъ изъ арміи, по словамъ Дмитрія Алексѣевича¹⁾, не дурные,—побереги же его, дай ему стать на ноги.—Эти слова Государя Б. А. вспомнилъ, узнавши тутъ на мѣстѣ этого б. фельдфебеля фамилію, которая уже была извѣстна изъ имѣвшейся предварительной

¹⁾ Д. А. Милютин—военнаго министра.

переписки.—Б. А. понялъ, что этотъ, только-что отличившійся воронежскій кадетъ былъ тотъ самый фельдфебель;—попавъ во 2-ой специальный классъ Воронежскаго корпуса, онъ, со всѣми Воронежскими воспитанниками, согласно распределенію, данному главнымъ штабомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, оказался назначеннымъ въ Александровское военное училище и, вътъ случайно очутившись здѣсь, онъ всплылъ на первыхъ же порахъ, проявивъ такую несуразную „развязность“, полученнуя имъ несомнѣнно въ полку.

— Очень симпатично съ вашей стороны, сказалъ ему да-лѣе Б. А., говорить вообще такъ откровенно, но вѣдь вы по-ложительно¹⁾ не подумали прежде, чѣмъ произнести ваше замѣ-чаніе. и не знаю, рѣшая этотъ вопросъ, скажете ли вы сами, что поступокъ вашъ былъ умѣстенъ, не сдѣлали ли вы какой-нибудь человѣкости, какого-либо промаха, вмѣшившись такъ въ дѣло?

Почти всѣ мы ставши юнкерами, кадеты,—свидѣтели этого случая, тутъ же показали большое неодобреніе выходкѣ Купчинскаго; кто выразилъ это косымъ взглядомъ, а кто однако быть можетъ почти столь же неумѣстнымъ подражаніемъ этому выскочившему среди насъ „юнкеру изъ рядовыхъ“, т. е. по-просту рѣзкимъ ворчаніемъ;—его это, какъ и вѣское замѣ-чаніе полковника, видимо сильно задѣло и онъ такъ же, совершило растерявшись, принесъ съ полнымъ раскаяніемъ извиненіе; поступокъ его, конечно, былъ совершенно забыть и всѣми нами и, ужъ безо всяаго сомнѣнія, Борисомъ Антоно-вичемъ, который ви послѣствіи, если кому-либо случалось объ этомъ эпизодѣ вспоминать, говорилъ съ полнымъ участіемъ къ Купчинскому:

— Не надо, не надо трогать этого; когда-то промахнулся молодой человѣкъ, что жъ дѣлать, забудемъ это; „быль молодцу не укоръ“, добавлялъ онъ, развертывая все свое веселое, открытое лицо въ самую привѣтливую улыбку.

* * *

Скоро Купчинскому довелось показать себя въ одномъ дѣлѣ, которымъ онъ какъ бы заслужилъ и закрѣпилъ вполнѣ доброе отношеніе къ себѣ всѣхъ товарищѣй.

¹⁾ У Б. А. Шванебаха всѣ замѣчали привычку часто употреблять слово „положительно“; онъ произносилъ его какъ-то особенно, мягко напирая „на слогъ жи“ и во время вожненія повторялъ это слово поми-нутно.

— Въ первое время, собравшись въ училище, мы переживали такой сумбуръ, говоривъ впослѣдствіи Борисъ Антоно-вичъ, что рѣшительно не находили минуты подумать, какой день, какое число и даже какой мѣсяцъ идетъ. Ничего не было еще установлено и, къ стыду моему, долженъ я сознаться, не было заведено обязательного посѣщенія храма Божія.—Въ первую же субботу я замѣтилъ однако, что мои новые сослуживцы номожительно стали къ вечеру наполнять церковь, въ которую ходъ находится тутъ же изъ коридора, выходящаго на лѣстницу параднаго подъѣзда: больше скажу, поэтому собственно я установилъ, что день тотъ былъ субботній.

Посѣтивъ храмъ среди всенощной, я съ удовольствиемъ увидѣлъ его наполненнымъ, а человѣкъ пять—шесть кадетъ-юнкеровъ взбравшимися на клиросъ, гдѣ они звонкими пріятными голосами подпѣвали гнусившему на другомъ клиросѣ дѣячу;—каково было мое удовольствіе, когда я разглядѣлъ, что большая часть этихъ „подпѣваль“ имѣли на своихъ курткахъ красные погоны 1-го московскаго корпуса и двое изъ нихъ оказались изъ числа замѣченныхъ мною еще на Савкиномъ полѣ бунтарей, весело мѣсяца за полтора передъ тѣмъ распѣвавшихъ при Государѣ „Лермонтовское Бородино“.

Дождавшись конца богослуженія, я подозвалъ къ себѣ въ коридорѣ этихъ голосистыхъ друзей своихъ и спросилъ ихъ—не могутъ ли они, собравшись и сговорившись между собой, составить постоянный хоръ пѣвчихъ?

— Триста здоровыхъ молодыхъ грудей, какое пѣніе должно будетъ раздаться въ нашемъ храмѣ и сколько наслажденія принесетъ оно всѣмъ намъ; вотъ сегодня я испыталъ большое удовольствіе, послушавши спѣтыя вами три-четыре молитвы; много среди васъ хорошихъ голосовъ, немало музыкальныхъ юношей; а вѣдь во всѣхъ пяти корпусахъ, кои доставили мнѣ васъ въ видѣ служебнаго и учащагося матеріала,—въ каждомъ имѣлся хоръ пѣвчихъ, значить, какой просторъ для выбора пѣвчихъ изъ каждого хора.

Кадеты, обрадовавшись этой затѣѣ начальника училища лютеранина, заявили ему, что уже сами объ этомъ подумывали и собирались только дождаться спокойнаго времени для того, чтобы привести въ исполненіе эту благую мысль.—

— Ну такъ съ Богомъ и приступайте, сказаъ Б. А., чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; въ мѣсяцъ другой уже хоръ составится и можетъ онь начать совершенно регулярное пѣніе въ праздники и въ предпраздничные дни.

Сказавши это, Б. А. раскланялся и отправился было домой, но минуты черезъ двѣ спѣшно возвратился и съ большой торопливостью произнесъ: только вотъ что, я думаю, вы сами положительно понимаете, что раньше, чѣмъ начинать заводить такое доброе дѣло, надо непремѣнно переговорить объ этомъ съ батюшкой, который теперь хотя и временно справляется богослуженіемъ въ нашей церкви.—Назначенный намъ священникъ—Иванцовъ - Илларионовъ прибудетъ не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора, а пока надо вамъ соблюсти вѣжливость по отношенію къ временному духовному отцу нашему.

Мы сразу поняли и вполнѣ оцѣнили деликатность показанную начальникомъ училища; онъ и виослѣдствіи такимъ способомъ примѣромъ поучалъ насъ.—

Велика была радость Бориса Антоновича, когда при немъ въ посѣдовавшую затѣмъ субботу у веснощной, а на другой день въ воскресеніе всю обѣднюю потно произѣлъ нашъ собственный училищный хоръ подъ управлениемъ, только-что передъ тѣмъ, столь непрѣятно для себя, поразившаго всѣхъ пасъ, Купчинекаго. Хоръ былъ составленъ изъ тридцати пяти человѣкъ почти въ равномъ числѣ, судя по букету цвѣтовъ нонаго¹⁾, изъ представителей каждого корпуса; надъ этой простой случайностью пришлось очень усердно въ теченіе цѣлой недѣли поработать Купчинскому, приложившему свое стараніе къ приведенію голосовъ, напѣвовъ и манеры пѣнія въ полное соотвѣтствіе.—Большая была его заслуга, но се еще болѣе оцѣнили товарищи, когда все училище увидѣло, что онъ съ полною, самою твердою, настойчивостью передалъ регентство въ хорѣ Варламову, назначенному по распоряженію Б. А. Шванебаха, исправлять должность фельдфебеля въ первой ротѣ, получившей согласно объявленіаго положенія объ училищѣ, наименованіе роты Его Величества.

Взять на себя собственно обязанность учителя пѣнія и помощника регента по дѣламъ управления хоромъ, Купчинскій счелъ долгомъ почетную сторону этого дѣла передать „первому изъ трехсотъ“ и тѣмъ несомнѣнно много возвысить себя въ глазахъ всего наличнаго состава училища.

* * *

Видя меня нѣсколько разъ бесѣдовавшимъ съ Купчинскимъ, Б. А. Шванебахъ однажды спросилъ меня, что между нами

¹⁾ Желтые—воронежцы, черные—орловцы, бѣлые—сиротинцы, синие—2-ой Московской и красные—1-й Московской.

общаго и почему меня можно видѣть чаще, чѣмъ кого-либо другого, въ общеніи съ этимъ юнкеромъ изъ рядовыхъ? Когда я объяснилъ, что, состоя фельдфебелемъ въ первой ротѣ Полтавскаго корпуса, Купчинскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ двухъ моихъ родныхъ братьевъ и что оба они въ годъ исключенія его изъ корпуса были оттуда же произведены въ офицеры—одинъ въ гренадерскій Самогитскій полкъ въ г. Ярославль-губернскій подпоручикомъ, а другой въ 14-й стрѣлковый батальонъ въ Одессу прапорщикомъ,—Б. А. спросилъ меня:

— Гдѣ же они теперь находятся?

— Старшій вышелъ въ отставку, а стрѣлокъ продолжаетъ свою службу въ батальонѣ, отвѣтилъ я.

— Какъ бы то ни было, оба они благополучно окончили свое ученіе въ кадетахъ, сказалъ Б. А., а ихъ начальникъ—фельдфебель эти годы ихъ пребыванія въ офицерскихъ чинахъ протянулъ нелегкую лямку рядовымъ въ строю; и посмотрите, сказалъ Б. А. уже не одному мнѣ, а группѣ собравшихся вокругъ него юнцовъ,—какая разница; Купчинскій не четавшему Ашенбреннеру; я въ этомъ разобрался: тотъ понесъ наказаніе за то, что проявилъ массу несвойственнаго молодому человѣку эгоизма, а Купчинскій пострадалъ именно за недостатокъ въ себѣ этого постыднаго чувства;—онъ твердо выдержалъ и не выдалъ своихъ взбунтовавшихся товарищѣ; пострадалъ сильно, понесъ наказаніе, можетъ быть, жестокое, какъ и должно было понести при такихъ обстоятельствахъ фельдфебелю, ибо, упрямствуя въ томъ, чтобы не выдать своихъ подчиненныхъ, онъ въ корни нарушилъ дисциплину, но на совѣсти у него легко, такъ какъ онъ противъ нея и противъ чувства благородства не поступилъ.—Врядъ-ли вашъ Ашенбреннеръ чувствовалъ себя такъ же, какъ Купчинскій;—если у него является когда-нибудь полное чувство сознанія,—онъ навѣрно можетъ только позавидовать этому, уже потерпѣмому нѣсколько лѣтъ среди солдатъ бывшему фельдфебелю. Оттого Государь и вспомнилъ такъ хорошо объ немъ.

Эти и подобные разговоры на первыхъ же порахъ открывали намъ, какихъ убѣжденій держался Б. А. Шванебахъ и какія понятія онъ хотѣлъ намъ привить съ первыхъ же дней нашего поступленія на дѣйствительную службу и постепенного нашего вступленія въ жизнь.—Скоро мы научились цѣнить и его откровенность, и его обращеніе съ нами.

* * *

Въ началѣ третьей недѣли со дня поступленія въ училище мы получили приказъ размѣститься, согласно объявленаго намъ списка, по класснымъ комнатамъ; тутъ намъ былъ произведенъ родъ испытанія въ пріобрѣтенныхъ нами знаніяхъ.— Числившіеся по гвард. артиллеріи: инспекторъ классовъ полковникъ С. А. Слуцкій, пом. его поручикъ Пав. Ник. Юшновъ, присоединенные къ нимъ гвардейскіе же артиллеристы: поручикъ М. А. Зиновьевъ¹⁾, подпоручикъ В. А. Экстенъ и прапорщикъ Н. И. Нечаевъ,—коимъ предстояло преподавать намъ артиллерійскую науку, а также преподаватели русскаго языка и словесности Живаго, Стороженко и Конопъ;—всѣ они, имѣя во главѣ полковника Б. А. Шванебаха, въ теченіе трехъ или четырехъ дней обходили классныя комнаты и, задавая намъ, правду сказать, очень поверхностные вопросы по разнобразнымъ предметамъ, получали отъ насъ не менѣе поверхностные отвѣты, а въ концѣ концовъ вывели обѣ нашихъ успѣхахъ въ научномъ отношеніи кое-какія врядъ-ли очень обстоятельныя заключенія.

Все, что мы тогда же узнали обѣ этомъ, ограничивалось сообщеніемъ, опредѣлившимъ наибольшую степень развитія, обозначившуюся среди воронежскихъ кадетъ.

При этомъ С. А. Слуцкій, держа въ рукахъ наши корпусные списки съ переводными баллами, сказалъ, что, судя по степени оцѣнки, принятой въ Петербургѣ, гдѣ онъ состоялъ сначала преподавателемъ, а послѣднее время инспекторомъ во 2-мъ кадетскомъ (нынѣ Императора Петра Великаго) корпусѣ, уровень знаній кадетъ всѣхъ собранныхъ въ Москвѣ корпусовъ слабѣ, а оцѣнка нашихъ знаній болѣе снисходительная въ сравненіи съ Петербургскою; соотвѣтственно этому, сказалъ онъ, тѣмъ, кто при оцѣнкѣ, которая будетъ теперь у насъ въ училищѣ установлена, получить въ среднемъ,—общемъ полугодовомъ или годовомъ отчетѣ, ниже $7\frac{1}{2}$ балловъ,—тѣмъ придется считаться выдержавшими экзамены неудовлетворительно и такихъ придется выключать юнкерами въ полки²⁾.

¹⁾ Сочту долгомъ въ свое время передать въ этихъ замѣткахъ то, что покойный Борисъ Антоновичъ, не мало занятый каждымъ изъ этихъ лицъ, высказывалъ о нихъ въ добрыя минуты своихъ бесѣдъ, предаваясь воспоминаніямъ и перебирая въ глаза и за глаза все, что ихъ касалось.

²⁾ У насъ въ корпусахъ получивший въ среднемъ выводѣ шесть балловъ считается имѣвшимъ удовлетворительную для перевода или выпуска отметку.

Б. А. Шванебахъ, видя, что это сообщение до сурвости серьезного по наружному виду, а въ сущности добрѣйшаго полковника Слуцкаго произвело на юнкеровъ громовое впечатлѣніе, смущился и тутъ же взволнованнѣмъ голосомъ сказалъ: да, да это такъ, но къ чему это, Сергѣй Александровичъ, вѣдь этимъ мы ихъ положительно смущаемъ, не будемъ... вѣдь не въ баллахъ дѣло, вся суть въ массѣ знаній, которыя каждый будетъ всѣми силами набирать, каждый будетъ добросовѣстно учиться; да и балловъ можетъ быть никто изъ нихъ не будетъ имѣть въ среднемъ менѣе девяти—восьми при какой угодно системѣ оцѣнки; не будемъ ихъ смущать... Духомъ они, надо надѣяться, падать не будутъ, но не будемъ и мѣръ принимать къ тому, чтобы могли падать; мы лучше будемъ стараться ихъ ободрять во всемъ.

Всѣмъ было ясно, что почтенный С. А. Слуцкій получилъ непріятное, хотя и товарищеское указаніе, самъ онъ спохватился да поздно.

* * *

Около этого времени настъ переодѣли: для домашняго обихода выдали намъ чернаго съ просѣдью сукна тужурки съ бѣлыми погонами, снабженными вензелемъ Государя Александра II, а для выхода со двора мы получили двубортные армейскіе темновеленые мундиры съ галунами на воротникахъ и на погонахъ; тогда же впервые мы получили сѣраго солдатскаго сукна шинели съ такими же украшенными вензелемъ и галуномъ бѣлыми погонами, какъ на мундирахъ.—Форма за истекшія пятьдесятъ лѣтъ въ общемъ не измѣнилась, если не считать того, что въ тѣ времена головы наши украшали пресловутое „кепи“ съ краснымъ окольшемъ.—Не было ли то время порою зачатка франко-руссскаго союза!

Надо было видѣть, какъ Москва взглянула на нашъ училищный батальонъ, когда его въ одинъ свѣтлый осенний день подъ музыку переведенного изъ 1-го московскаго корпуса прекраснаго полнаго хора, повели въ строю близкайшимъ путемъ со Знаменки на Моховую улицу въ манежъ, не называвшійся тогда иначе, какъ экзерцихаузъ.—Народъ, а въ особенности торговки-бабы взыхали: „эдакихъ-то молоденькихъ, гляди-сь, надѣлали солдатами, да гдѣ имъ выдержать; ишь ты и шинели-то сѣрыя, да и ранцы вона какіе понацѣпили на нихъ, ахъ, сердечные, вотъ те и здравствуй!—дѣтей набрали тянуть солдатскую лямку“.

Густыя толпы народа всѣхъ возрастовъ, сословій и положеній, тѣсно окруживъ батальонъ, провожали невиданное дотолѣ зрѣлище; а хоръ музыкантовъ громко, воинственно, ободряюще напрѣгвалъ, вспѣдшій тогда въ моду, маршъ изъ Фауста...

То полковникъ Б. А. Шванебахъ, съ нѣсколькими успѣвшими за тѣ дни съѣхаться въ училище на службу, гвардейскими офицерами, пробирался произвести своему свѣжему юному батальону во фронтовомъ отношеніи такое же испытаніе, какое за нѣсколько дней передъ тѣмъ было ему произведено въ дѣлѣ научной классной подготовки, давшей имъ на школьнай кадетской скамьѣ то или иное умственное развитіе.

Этимъ закончилось собственно наше вступленіе въ училищную жизнь; послѣ этого она вошла въ свою колею и потекла своимъ теченіемъ.

Начались серьезныя классныя занятія, между которыми особенно занимали насъ лекціи, читавшіяся въ двухъ—старшаго и младшаго класса—обширныхъ аудиторіяхъ, большую частью приглашенными къ тому профессорами Московскаго университета.

А. Андреевскій.

(Продолженіе сльдуетъ).

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова¹⁾.

(Петербургской губерніи, Лужского уѣзда).

Отъ 26-го до 30-го іюня я былъ въ Сиб. у М. Н. Муравьевса, Ф. Я. Марковича, где пашель постройки превосходныя, но хозяйство весьма слабое.

По числу и свойству поступавшихъ въ это время жалобъ видно, что сходы и штрафы начинаютъ приносить полезные плоды: народъ успокаивается, становится осторожнѣе, боясь суда, а помѣщики смотрятъ на дѣло синходительнѣе и доступнѣе вліянію посредника.

Можно сказать, съ каждымъ днемъ внутренняя сила мировыхъ учрежденій пріобрѣтаетъ въ мѣнніи народа и поучительную важность и большинство массы, не взирая на свои татарскія способности и стремленія къ беспорядкамъ всѣхъ видовъ, начинаетъ склоняться въ пользу закона, видя его олицетвореніе въ посредникахъ. Безъ сомнѣнія, пройдетъ много времени въ этомъ перевоспитаніи, но, судя по началу, заставшему все въ расколѣ, нельзя не благодарить Бога, столь явно покровительствующаго, такъ очевидно милующаго Россію.

Замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ описались два рода людей: передовые умствователи и цитейные откупщики.

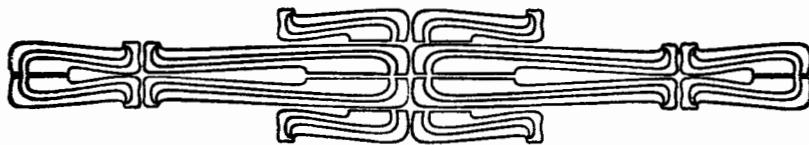
Первые, зараженные духомъ иностранщины, и не зная Россіи, желали провести ее, хоть бы по рѣкамъ крови, къ воображаемому лучшему: къ конституції. Не успѣвъ во внушеніяхъ Царю, они воспользовались актомъ освобожденія и успѣли,

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1914 г.

обезсиливъ поліцію, об'явить Манифестъ въ февралѣ и мартѣ, предположивъ открытие мировыхъ посредниковъ, для постепенности, въ сентябрѣ.—По уму зарядъ этой мины былъ разсчитанъ вѣрио: 6-ти мѣсяцевъ было достаточно на взрывъ колоссальный,—забыто одно: что есть Господь, управляющій міромъ и обращающій въ ирахъ козни врага всѣхъ нась умнѣйшаго.— Казалось, пространство Россіи, канцеляризмъ, взяточничество, упорство помѣщиковъ и грубое невѣжество крестьянъ, все благопріятствовало вполнѣ задуманному плану, но Богъ судилъ иначе. Едва огласился Манифестъ, возникли толки и волненія, явилось общее неповиновеніе; правительство увидѣло трещины на землѣ Русской, призвало министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, и съ первого шагу его вступленія грозные раскаты своеволія, подземный гулъ готовившагося хаоса и анархіи стали затихать. Пространство сокращено телеграфомъ, канцеляризмъ едва не уничтоженъ, все прочее ослаблено вызовомъ мировыхъ учрежденій, на которыхъ и легла вся тяжесть мѣстного устройства, въ каждой деревнѣ явился староста; въ волости — старшина; открылись свои суды, а для посредниковъ—мировые съѣзы. О всѣхъ бывшихъ происшествіяхъ публиковало въ газетахъ, и циркуляры нового министра дали всѣмъ новую жизнь. Такъ рушилась мечта умствователей, соорудившихъ намъ французскій эшафотъ въ полной увѣренности, что только черезъ него народы могутъ перешагнуть къ конституції.

Откупщики, несмѣтно наддавшіе па послѣднихъ торгахъ въ полной увѣренности, что народъ, какъ звѣрь, выпущенный на свободу,бросится прямо на приманку, разставленную въ кабакахъ, ошиблись еще сильнѣе. Народъ выслушалъ Манифестъ молча, перекрестился, задумался и разошелся по домамъ судить о вѣроятныхъ послѣствіяхъ. Услышавъ о денежномъ выкупѣ усадебъ и земель, люди пришли въ недоумѣніе; ихъ дѣды и отцы говорили: мы помѣщичья, а земля наша. Теперь выходить напротивъ: мы вольные, а земля помѣщичья. Какъ же тутъ не задуматься, не потолковать сообща, не приготовиться?— Какое ужъ тутъ житѣе до кабака ли; нѣть, надо подумать, какъ жить; теперь помѣщикъ ни податей не заплатить, ни хлѣба не дастъ, не на кого надѣяться, надо работать, да деньги беречь для семьи. Вотъ и расчеты откупщиковъ, казалось, такъ вѣрио соображеніе—лонцузи, какъ мыльный пузырь.

Сообщила А. А. Полovцова.

Изъ далекаго прошлаго.

(Письмо княгини Голицыной кн. Я. Ф. Долгорукому 1704 г.)

(М. О. О. Арх. Гл. Штаба опись 3, св. 8, 9, 6, л.л. 63 и 64¹).

Мой Государь князь Яковъ Федоровичъ въ милости Божией здравствуй. А о себѣ извѣстную о прибытии своей къ Москвѣ декабря 30 числа пріѣхала въ добромъ здравіи.

і пространїе до васъ не могу писать о княгини твоей и другихъ твоихъ пристойныхъ понеже въ скорости пріѣзда своего не могла видѣть, только слышала, что она и дочь твоя въ добромъ здравіи

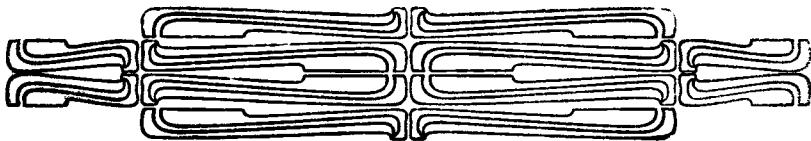
А пріѣздъ мой къ Москвѣ зѣло нечалѣнъ изволять писать юспода Сенату отъ себя указъ ко отцу моему казнь без воли Государя моего и за что то ваша кнему такая обида и напрасная теснота ибо слыша о томъ батюшко мой зѣло въ древности своей отдался въ великую печаль ј о томъ требую дабы я была о томъ свѣдома отъ милости вашей кто такой указъ ко отцу моему пишетъ понеже бо сподобить меня Богъ впередки видѣть сю Царскаю величества очи и Государыни своей царицы слезно буду просить милости о такой вашей тесноте и напрасной батюшкѣ моего обиде, а когда въ Москвѣ отъ батюшка моего спросили денегъ і что о томъ батюшко мой отвѣтствовалъ і оное отвѣтство ј писма извѣстнымъ вамъ, а также писма были и со мною отдать вашей милости не успѣла пыне извольте принять и положить о томъ разсужденіе.

Княгиня Наастасья Голицына.

Изъ Москвы въ день Генваря 1714 г.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

¹) Курсивъ мой. Это угрожающее письмо князю Долгорукову показываетъ силу, которую имѣли при Дворѣ кн. Голицыны.   В. Ф.

Шесть мѣсяцѣвъ въ Курляндіи¹⁾.

Глава X.

Г. Гавеншонъ.—Убийство драгуна.—Слѣдствіе.—Арестъ революционерами помошника начальника уѣзда.—Судъ надъ нимъ и убийство.—Оставленіе казначейства.—Приказъ вернуть его.—Пререканіе районныхъ начальниковъ.—Ночной маршъ.—Захватъ Гольдингена.—Начавшіяся убийства.—Депутаты отъ города.—Пальба жителей.—Охрана города.—Посольѣ въ Либаву.—Своеобразный митингъ.—Уходъ отряда.—Подготавливавшееся нападеніе въ лѣсу.—Обратный маршъ съ миллиономъ казенныхъ денегъ.

Газенпотъ (по-латышски Aispute) возникъ въ 1378 году около замка, построенаго (въ 1249 г.) магистромъ Дирихомъ фонъ-Гренингеномъ²⁾ на рекѣ Тебберъ. Развалины его довольно хорошо сохранились. Газенпотъ всегда былъ небольшимъ городкомъ. Узкоколейная ж. д. соединяетъ его съ Либавою. Жителей около 4 т.; евреи преобладаютъ $1\frac{1}{2}$ т., латышей 1 т., иѣмцевъ 700, русскихъ 300, остальные—польки и пр. Мѣстоположеніе красивое—горы, много зелени, самъ городъ чистый, порядочно вымощенъ.

Въ окрестностяхъ Газенпота много большихъ и богатыхъ имѣній съ прекрасными дворцами—замками. Къ памятникамъ старины относятся: въ им. Дзервенъ достопримѣчательны развалины причудливыхъ каменныхъ построекъ, вполнѣ сохранившійся и обитаемый замокъ Альмангенъ (1373), епископ-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

²⁾ Гренингенъ, кромѣ Газенпотскаго и Гольдингенскаго, построили въ 1249 г. замки: Амботенъ—въ самой живописной мѣстности, именуемой Курляндской Швейцаріею, и Дондангенъ, отично сохранившійся до нашихъ дней.

скій з. Нейгаузенъ (1277), прославившійся упорной обороной 1558 г., когда 80 воиновъ и нѣсколько крестьянъ подъ начальствомъ Икскюля 6 недѣль держались противъ огромнаго русскаго войска—Курбскаго и Шуйскаго.

Въ 9 верстахъ отъ города находится богатое имѣніе Кацдангенъ.

Въ первыхъ числахъ декабря толпа вооруженныхъ позднимъ вечеромъ ворвалась въ замокъ; требуя указать спальни барона, желая, вѣрно, свести съ нимъ счеты; но его не было. Тогда злоумышленники потребовали выдачи оружія. Но встрѣтили отпоръ въ лицѣ лакея; въ завязавшейся перестрѣлкѣ былъ послѣдній убитъ, и прибѣжавшій на помощь драгунъ. Неожиданное для злоумышленниковъ появленіе въ комнатѣ еще одного драгуна обратило ихъ въ бѣгство—(драгунъ только и было двое, пріѣхавшихъ незадолго до того).

Два помощника уѣзд. начальника и судебный слѣдователь пріѣхали на слѣдствіе подъ охраною цѣлаго эскадрона—меньшиими силами было опасно уже ходить по дорогамъ.

Свидѣтелями убийства были—ключница и служанка. Первая говорила, что помнить лишь одного злоумышленника. Такъ какъ думали, что въ числѣ ворвавшихся въ замокъ были и баронеския батраки, то всѣхъ подозрительныхъ собрали и заставили для опознанія по одному продефилировать предъ ключницей. Дѣвушка пристально всматривалась въ лицо каждого. Во все времена слѣдствія въ комнатѣ толпилось много народа, входилъ по частямъ эскадронъ. Вертьвавшаяся въ ней небольшая собачка, бывшая, какъ оказалось, около лакея во время нападенія, вела себя вполнѣ спокойно. Когда проходили батраки, собачка усѣлась около ключницы, какъ-бы тоже для осмотра. Прошло батраковъ уже болѣе половины (всѣхъ было около 30 ч.), какъ вдругъ собачка вскочила и громко залаяла на входившаго очередного батрака. Всѣ на это обратили вниманіе. Батракъ вышелъ—собака успокоилась. Прошли всѣ. Ключница колебалась—“какъ будто тотъ, на котораго лаяла собачка”, сказала она.—“но боюсь утверждать”. Тогда рѣшили снова заставить батраковъ, еще медленнѣе, пройти чрезъ комнату. И едва тотъ же батракъ показался въ дверяхъ, какъ собачка опять бросилась и залаяла. Батрака арестовали; онъ болѣе другихъ былъ смущенъ и путался въ показаніяхъ.

Въ Гольдингенѣ служилъ помощникомъ нач. уѣзда Гуго Робертовичъ Детловскій, человѣкъ въ высшей степени симпатичный, безукоризнено честный. Раньше онъ былъ надзирателемъ

лемъ въ Якобштадтѣ, потомъ помощникомъ пристава въ Либавѣ и приставомъ въ Митавѣ. Онъ былъ очень дѣятельнымъ, знать все, что дѣлалось въ участкѣ.

Когда въ Курляндіи началось движение, ему для производства дознаній поручались особенно важныя дѣла, такъ какъ онъ проявлялъ всегда особенную энергию и способности.

Въ Митавѣ одно время поліція выслѣживала всякаго агитатора, котораго никакъ не удавалось, несмотря на всѣ старанія, поймать. Онъ хорошо былъ извѣстенъ въ лицо, беастрально появлялся на улицахъ, но всякий разъ ловко ускользалъ отъ облавъ и засадъ. Однажды Детловскій замѣтилъ его на улицѣ и, будучи одинъ, бросился его арестовать. Латышъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его уже въ Детловскаго, но послѣдній успѣлъ предупредить и, выстрѣливъ раньше, убить революціонера наповалъ.

Соціалісты приговорили Детловскаго къ смерти и письменно уведомили его о томъ. Цѣня и жалѣя его, начальство предложило ему оставить службу, хотя на времія. Детловскій отказался. Тогда его перевели помощникомъ нач. уѣзда въ Гольдингенъ. Это уже было значительное повышеніе для такого молодого человѣка, какимъ былъ Детловскій.

Въ Гольдингенѣ, гдѣ мы имѣли возможность близко узнать этого достойнаго человѣка, Детловскій съ обычною энергию продолжалъ свою дѣятельность. Честно исполняя свои обязанности, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ чуждъ всякихъ пристрастій и какихъ бы то ни было несправедливостей. И, благодаря этому, благополучно оканчивались многія столкновенія съ толпой,—грозившія при иныхъ обстоятельствахъ завершиться печально. Обыкновенно чины поліціи въ мѣста, гдѣ собирались запрещенные митинги и гдѣ вообще ожидались беспорядки, ъздили съ командой драгунъ. Былъ отданъ строжайший приказъ „разгонять“ скопище силою и даже „уничтожать“. Но Детловскій, не въ ущербъ дѣлу, всего этого избѣгалъ. Революціонеры, проповѣдую справедливость, добиваясь отмѣны смертной казни, тѣмъ не менѣе не оцѣнили по достоинству благороднаго характера Детловскаго и искали случая его погубить. Детловскаго не разъ предупреждали, что въ Гольдингенѣ явились командированные Центральнымъ Комитетомъ палачи для приведенія смертнаго приговора въ исполненіе. Но храбрый Детловскій не обращалъ на это вниманія и въ свою очередь охотился на нихъ же. Когда же драгуны и пѣхота покинули Гольдингенъ, надъ головою осужденнаго повисла грозная опасность.

Ему было сдѣлано нами предложеніе уѣхать вмѣстѣ съ солдатами въ Газенпоттъ. Детловскій отвѣтилъ пишущему эти строки, что онъ, хотя и ясно сознаетъ безцѣльность дальнѣйшаго пребыванія, такъ какъ исполнять обязанностей онъ уже не можетъ, и предвидитъ, что съ нимъ случится, но поста не покинетъ.

Правда, въ городѣ оставался еще потерявший всякое значеніе уѣз. начальникъ, (ему опасность не угрожала) и приставъ, чудомъ спасенный послѣ отъ смерти, но Детловскій былъ въ иныхъ условіяхъ. Съ грустью разстались мы съ нимъ, не убѣдивъ егоѣхать. Онъ скоро собирался жениться. И даже это обстоятельство не склонило его на соблазнъ спасти свою жизнь.

Какъ и слѣдовало ожидать, по уходѣ солдатъ, месть соціалистовъ прежде всего обрушилась на Детловскаго. Его арестовали; нѣсколько латышей стерегли его, убѣжать было невозможно. Приговоръ не приводился въ исполненіе до получения распоряженія Либавскаго Центральнаго Комитета, которому сообщили, что Детловскій находится уже въ ихъ рукахъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣдовало „предписаніе“ доставить осужденнаго въ Либаву. Зачѣмъ собственно продѣлывалось все это, мы не знаемъ. Надо полагать, что члены комитета желали тѣмъ показать свою власть, обставить „казнь“ торжественно, поглумиться надъ жертвою, помучить,—послѣднее вѣрнѣе всего.

Пока такимъ образомъ „правительства“ Либавское и Гольдингенское „сносились“ между собою, прошло много времени, на пути лежала Газенпоттъ, а чрезъ него небезопасно было пробираться, Детловскій томился подъ стражей. Помощи ожидать онъ ни откуда не могъ. Карапульщики знали, конечно, что его ждетъ. Одинъ изъ нихъ, въ сердцѣ котораго соціалисты не успѣли убить проблеска иорядочности, видимо, сожалѣя Детловскаго, подавая ему револьверъ, посовѣтовалъ—„лучше застрѣлиться“. Но Гуго Робертовичъ отвѣтилъ, что онъ „трусомъ никогда не былъ“.

Что творилось въ Гольдингенѣ, по отступленіи изъ него войска, вообще и объ арестѣ Детловскаго сдѣжалось известно въ Газенпоттѣ. Зная о приговорѣ комитета, мы обратились къ начальнику района (потерявшаго уже впрочемъ свой „районъ“) съ просьбою позволить съ 2-мя взводами драгунъѣхать освободить Детловскаго. Мы знали, что Гольдингенъ оберегался, что революціонеры опасались „взятія“ его обратно, учились наскоро барrikадировать улицы и пр., рѣшивъ дать отпоръ: тѣмъ

не менѣе у насъ была увѣрѣнность, что плацъ освобожденія легко быль осуществимъ.

Но слѣпой исполнитель мелкихъ предписаній начальства, боясь „ослабить“ гарнизонъ, не позволилъ, мотивируя отказъ „неимѣніемъ права сдѣлать это безъ предписанія“ и, что „опасно“.

Нашелся смѣлый юноша—корнетъ Трофимовъ, который просялъ позволенія ѻхать для той же цѣли освобожденія всего лишь съ пѣсколькими драгунами, но и этотъ благородный порывъ разбился о сухой формализмъ, если не хуже.

И мученическая смерть Детловскаго пусть тяготѣть на его совѣсти.

Спустя нѣкоторое время Детловскій увезенъ быль въ Либаву, конечно, окольнымъ путемъ, чрезъ лѣса, минуя Газенпотъ. Приговоръ исполненъ. Детловскій быль убитъ; при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно. Его невѣста молила членовъ комитета сказать ей объ участіи жениха, но Гольдингенскіе олигархи отозвались незнаніемъ. Послѣ разнесся слухъ, что трупъ бѣдняги Детловскаго съ явными сѣдьдами издѣвательства [напр., оторваны усы и пр.] нашли брошеннымъ на улицѣ Либавы. Не знаемъ, подтвердился ли онъ. Въ „Dѣna Zeitung“ (№ 11, 1906 г.) помѣщенъ былъ некрологъ Детловскаго, закончивавшійся такъ: „никогда, вѣрию, не узнаютъ, какъ онъ окончилъ свою жизнь“, „юноши должны брать примѣръ съ этого человѣка, который пожертвовалъ собою на пользу службы“.

Приведенный печальный эпизодъ изъ „курляндской революціи“ можетъ служить иллюстраціей правовъ „борцовъ за свободу“, а также и жизни города, попавшаго въ ихъ власть.

Въ приказѣ начальникомъ районовъ предписывалось, чтобы войска при своемъ отступлѣніи увезли изъ городовъ управлѣнія воинскихъ начальниковъ, цѣнности казначейства и пр. Сообразивъ заднимъ числомъ, что сдѣлалъ большую оплошность, не сообщивъ о томъ уходившимъ изъ Гольдингена, начальникъ района забилъ тревогу. Для исправленія ошибки приходилось командировать туда отрядъ. Но это простое рѣшеніе вопроса показалось ему уже трудно исполнимымъ. Опасался онъ по-чemu-то и за отрядъ, который туда бы пошелъ, и за ослабленный выдѣленіемъ газенпотскій гарнизонъ. Дѣйствительно, изъ Гольдингена смутно доходили вѣсти о какихъ-то воинственныхъ приготовленіяхъ революціонеровъ къ встрѣчѣ могущаго прійти отряда, о какихъ-то пушкиахъ. Поэтому экспедиція въ Гольдингенъ была сопряжена съ большимъ рискомъ, чѣмъ оставаться

въ весьма удобномъ для обороны замкѣ. Если бы даже въ Гольдингенѣ казначейство и не было брошено, то все-таки пойти туда отряду слѣдовало бы—появленіе его въ мятежномъ городѣ могло хотя нѣсколько поднять потерянный авторитетъ. Но въ этомъ отношеніи начальство не радѣло, войска бездѣйствовали и ничего не предпринимали противъ шатавшихъ въ уѣздахъ вооруженныхъ бандъ. Наоборотъ, извѣстія объ успѣшныхъ восстаніяхъ въ нѣкоторыхъ городахъ какъ бы заставляли его уклоняться отъ столкновеній. Оно только жадно прислушивалось къ толкамъ о скоромъ приходѣ въ край сильныхъ частей войскъ, о скорой расправѣ съ мятежниками. Прислушивались, но сами ровно ничего не дѣлали. Активнымъ проявленіямъ движенія придавали большое значеніе. Въ Газенпотѣ роты стерегли всѣ входы въ него; даже днемъ стояли еще кругомъ и конные посты. „Главная Квартира“ отряда, помѣщавшаяся въ крѣпчайшемъ замкѣ, охранялась двумя эскадронами и одной ротой. Вокругъ стояли часовые. Словомъ, не будетъ ироніи, если скажемъ, что серьезно побаивались осады. На этотъ случай было отдано приказаніе: ротамъ очистить городъ, отступить въ замокъ. Почти весь отрядъ цѣликомъ шелъ въ нарядѣ, солдаты не раздѣвались много уже дней, кое-какъ урывками спали, не выпуская винтовокъ изъ рукъ. Но никакихъ рекогносцировокъ не дѣгалось, и, что творилось въ уѣздахъ, было неизвѣстно. Вслѣдствіе перерыва сообщеній, отрядъ остался безъ руководства, ближайшій же начальникъ ничего не предпринималъ.

Такъ какъ революціонеры, казалось бы, не были столь наивны, чтобы, оставившись хозяевами, не забрать казенныхъ денегъ, хотя-бы „на дѣло агитациі“, то Гольдингенское казначейство можно было считать потеряннымъ. Виновнику этого грозила серьезная отвѣтственность. — „Еще и пенсіона не дадутъ—выгонятъ“, трепеталъ районный. Онъ расхvorался, улегся въ постель, отдавъ приказаніе двумъ эскадронамъ итти въ Гольдингенъ, а ротамъ усиленно охранять „Главную Квартиру“—„а то еще бомбою взорвутъ, такіе-сякіе!“ Районный большой былъ любитель ругаться. Печальная судьба подп. Миллера не давала ему покойно спать. Но скоро районный снова заколебался и, по какимъ-то тамъ соображеніямъ, отмѣнилъ приказаніе итти въ Гольдингенъ. Онъ все опасался, неизвѣстно только за кого...

Между нашимъ районнымъ и Либавскимъ шла предъ тѣмъ мелочная пикировка изъ-за вопроса, кому охранять Либ.-Гав. ж. д. Командантъ крѣпости (онъ и нач. Либав. района) вѣжливо

предложилъ возложить это на Газенпотский отрядъ, мотивируя тѣмъ, что жел. дорога главнымъ образомъ необходима ему же, что слабый для Либавы гарнизонъ не можетъ выдѣлять нужныхъ для этой цѣли командъ. Но районный, усмотрѣвъ въ этомъ какъ-бы уменьшеніе своей особы, отказалъ. Когда же произошелъ перерывъ въ сообщеніяхъ съ Митавою, то комендантъ Либ. крѣпости объявилъ себя вр. ген.-губернаторомъ, и Газенпотский отрядъ ему подчинился. Послѣ этого онъ уже поставилъ „на видъ“ начальнику Газенпотского отряда его оплошность въ оставлениіи казначейства; напоминалъ, что гибель его грозить серьезною ответственностью виновному и „предлагалъ“, хотя уже могъ приказывать, попытаться исправить ее.

Колебаться дольше уже было нельзя, и эскадроны получили приказаніе итти въ Гольдингенъ.

Выходъ ихъ былъ обставленъ болѣшою тайною (въ первый разъ кто-то проболтался), слухъ обѣ экспедиціи пошелъ по Газенпоту. Въ 12 ч. почти съ двумя помощниками уѣз. начальника, хорошо знавшими окрестности Гольдингена, отрядъ выступилъ. Такъ какъ незамѣтно выйти изъ города было невозможно, то па всякий случай мы пустили слухъ, что эскадроны идутъ въ Виндаву на поддержку тамошняго гарнизона. Для подкрепленія этого слуха дѣйствительно свернули на Виндавскую дорогу, хотя это и удлиняло путь.

Начальникъ отряда, составляя планъ экспедиціи, разсчитывалъ прибыть въ Гольденгенъ до разсвѣта. Но бывшая наканунѣ полная оттепель позднимъ вечеромъ внезапно смѣнилась порядочнымъ морозомъ; грязь замерзла острыми комьями и сдѣлала путь необычайно труднымъ; лошади шли съ трудомъ, часто въ темнотѣ спотыкаясь, а предстояло пройти 40 верстъ. При лучшей дорогѣ это разстояніе можно было бы пройти часовъ въ 5. Все-таки отрядъ, несмотря на колоть, шелъ рысью.

Было 3 часа ночи, половина дороги была пройдена. Лошади видимо утомились, ступали неувѣренно—„подбились“ (казенные лошади на заднія ноги не куются).

Оглянувшись назадъ, мы увидѣли, что въ полуверстѣ около погруженной, повидимому, въ глубокій сонъ корчмы нѣсколько разъ мелькнула свѣтъ сильного ацетиленового фонаря. Скоро подобный же огонекъ засвѣтился и далеко впереди. Несомнѣнно—сигналъ о нашемъ движеніи.

Но—это имѣлось въ виду. Эскадроны продолжали еще итти на Виндаву. Скоро же, спустившись съ горы—мѣстность тамъ гористая,—они круто свернули вправо и скрылись въ громад-

номъ лѣсу, тянущемся уже до самаго Гольдингена. Прямая дорога изъ Газенпота, по свѣдѣніямъ, стереглась патрію мятеожниковъ. Помимо пожеланія вступать съ нею въ столкновеніе ночью, въ лѣсу, когда всеѣ выгоды не на сторонѣ кавалеріи, обходное движеніе имѣло цѣлью войти въ Гольдингенъ неожиданно и не со стороны большой дороги.

Между тѣмъ въ лѣсу пришлось пробираться уже по едва замѣтной въ темнотѣ дорожкѣ. Безчисленные ручейки частью совсѣмъ не замерзли, а частью, какъ и болотистыя мѣста, покрылись ломавшимся льдомъ, немилосердно рѣзавшимъ ноги лошадямъ. Двухъ, не могшихъ уже сѣѣдовать дольше, пришлось даже бросить. Отсутствіе подводъ давало возможность все-таки, хотя и съ трудомъ, пробираться по этимъ дебрямъ. Но гдѣ еще сравнительно легко шла голова отряда, тамъ его „хвостъ“ проходилъ съ трудомъ — лошади грузили, приходилось дѣлать частныя остановки, чтобы „подтянуться“.

А между тѣмъ небо начало замѣтно свѣтлѣть, звѣзды гаснуть. Приближалось утро. Весь планъ могъ разстроиться. Будь при отрядѣ хотя плохонькое орудіе, примитивныя укрѣпленія при входѣ въ городъ, о которыхъ ходили слухи, не могли составить препятствіе, но кавалеріи съ ними пришлось бы считаться.

Уже вполнѣ начинался день, когда измученные эскадроны выбрались, наконецъ, изъ дебрей. Да и лошадямъ немного „передохнуть“ и подтянуть отставшихъ, отрядъ, насколько то позволяло утомленіе, быстро пошелъ впередъ. Оставалось еще версты 3. Въ виду уже самаго города, эскадроны, „выжимая“ послѣдки, понеслись галопомъ по острымъ глыбамъ замерзшей грязи.

Было хорошее морозное утро; лежащій за низкой болотистой долиной городъ окутанъ былъ клубившимся надъ землею туманомъ. Всходившее солнце окрасило его въ розовый цвѣтъ. Надъ нимъ только высился остроконечный кирки. Если бы изъ города и наблюдали за мѣстностью, то, благодаря туману, эскадроновъ видѣть не могли, а они шли по дорогѣ заброшенной, по которой возили только изъ лѣсу дрова.

Отрядъ между тѣмъ шелъ уже по улицамъ предмѣстья. Городъ просыпался. На шумъ кое-гдѣ выбѣгали жители, но, увидя драгунъ, съ испугомъ бросались обратно во дворъ, тщательно заниярая за собою калитки. Когда голова передового эскадрона выходила на площадь, около городской ратуши, раздались ружейные выстрѣлы, гулкимъ раскатомъ пронесшися по совершенно еще пустой площади.

Эскадронъ спѣшился, выставилъ цѣль стрѣлковъ; задній, спѣшившись тоже, выслалъ посты назадъ, вѣжали въ ратушу. Въ ней было найдено довольно много ружей (по большей части хламъ) и 6 пушечекъ, заряженныхъ гвоздями, обрубками свинца. Эти пушки служили раньше городу для такъ называемой „виватной“ стрѣльбы во время разныхъ торжествъ, революціонеры ихъ приспособили, поставили на лафеты. Въ ратуше не нашли никого. Въ залѣ горѣли лампы и свѣчи; оказалось, въ ней только-что засѣдалъ Комитетъ—наступающій день имѣть ознаменоваться чѣмъ-то серьезнымъ и роковымъ для неугодныхъ революціонерамъ жителемъ. Услышавъ шумъ, члены Комитета съ предсѣдателемъ, приходившимъ объявить намъ бойкотъ, повыскакивали изъ окна прямо въ воду рѣченки, текущей подъ самой стѣною ратуши. Съ этой стороны окружить ее поэтому было нельзя, чѣмъ и воспользовались революціонеры. Свое избавленіе отъ изловленія со всѣми его непріятными по-слѣдствіями они купили принятіемъ холодной только ванны.

Предсѣдателя видѣлъ бѣжавшимъ по улицѣ совершиенно мокрымъ.

Въ моментъ выхода эскадроновъ на площадь, въ одномъ мѣстѣ города шла расправа съ бывшимъ городскимъ головою—Адольфи. Ему нанесли иѣсколько ранъ холоднымъ оружиемъ въ домѣ, а послѣ вытащили на улицу и выстрѣлили ему изъ револьвера въ животъ. Вблизи ратуши (чрезъ рѣченку, на сѣдней улицѣ) значительная толпа окружила квартиру пристава Буша, ломала дверь, окна, стрѣляла въ нихъ, требуя его выхода. Но приставъ заперся, рѣшивъ не даваться въ руки живымъ, онъ зналъ, что его ждетъ судьба Детловскаго. И эта рѣшимость спасла ему жизнь.

Интересно, что на улицѣ, около квартиры, мы нашли разбросанными много ружейныхъ патроновъ (отъ охотничихъ ружей) съ разбитыми капсюлями, но изъ которыхъ выстрѣла не послѣдовала. Полюбопытствовали, разорвали иѣсколько картечей, но вмѣсто пороха— песокъ. Послѣ выяснилось: революціонеры обходили всѣ имѣнія „отбирать оружіе и патроны“. И вотъ управляющій одного, ожидая ихъ посѣщенія, снарядилъ на досугѣ много патроновъ съ пескомъ вмѣсто пороха. Явились революціонеры, потребовали выдачи. Хитрость удалась—иначе квартира пристава могла бы быть изрѣщетена картечью, погибнуть бы и онъ самъ. Случай! Много въ жизни дѣлаетъ случай!

Одновременно съ разставленіемъ постовъ и обыскомъ ратуши

ранѣе еще назначенная команда направилась къ казначею съ приказомъ немедленно собрать всѣ цѣнности и доставить ихъ къ отряду.

Такимъ образомъ, заданіе на половину было исполнено. Предстояло только доставить миллионъ (денегъ было столько) въ Газенпоть. Но казначей сообщилъ, что ранѣе 2 часовъ дня онъ приготовить все къ увозу не успѣеть. Многіе изъ Гольдингенцевъ, кому въ городѣ опасно было оставаться дольше, просили взять ихъ съ собою, но дать время собраться, достать лошадей. Отказать, конечно, было нельзя. И выступленіе, какъ то и не было досадно, пришлось отложить на нѣсколько часовъ.

Начальникъ отряда потребовалъ къ себѣ депутацію отъ города. Она скоро собралась.

„Утро сегодняшняго дня, сказалъ онъ ей, началось для города съ убийствъ. Первою жертвою палъ почтенный старикъ, котораго вы, цѣнны, вѣроятно, его заслуги, сами же избрали не особенно давно своимъ представителемъ. Говорятъ, что только приходъ отряда положилъ предѣлъ дальнѣйшимъ убийствамъ, намѣченнымъ водворившимся здѣсь Революціоннымъ Комитетомъ. Не ставя отпора, вы ему подчинились, допустили разыграться преступной драмѣ съ такимъ достойнымъ человѣкомъ, какъ Детловскій. Противъ кого приготовлено (я это знаю) все нужное для баррикадъ, противъ кого заряжены найденные мною въ ратушѣ пушки?

„Печальныя своими послѣдствіями событія, проишедшия въ Туккумѣ, Тальсенѣ и др. городахъ, а также творившееся послѣднее время и въ Гольдингенѣ даютъ мнѣ основаніе считать себя находящимся какъ бы въ непріятельской странѣ и быть готовымъ ко всему.

„Моему отряду придется пробыть здѣсь нѣсколько часовъ. Предупреждаю, если за это время въ кого-нибудь изъ насъ послѣдуетъ хоть одинъ выстрѣлъ, будетъ сдѣлана малѣйшая попытка помѣшать исполнить полученное мною приказаніе. я—сожгу вашъ городъ.

„Мѣры предосторожности мною приняты, но рекомендую и вамъ, господа представители города, сдѣлать то же. Совѣтую имѣть въ виду, что сюда скоро долженъ прибыть сильный отрядъ для сведенія счетовъ и возстановленія законнаго порядка. Поэтому новыми безумными выходками пусть жители Гольдингена не увеличиваютъ тяжести своей вины уже и за то, что случилось!“

Собственно говоря, этой „рѣчи“ можно было бы и не гово-

рить. Депутація состояла изъ лицъ городского правленія, видныхъ домовладѣльцевъ. Все это люди завѣдомо почтенные, далекіе отъ крамолы. Сами они чувствовали себя не особенно хорошо, состояли у соціалистовъ подъ сумлѣніемъ, были сломаны, уступивъ мѣсто Комитету. Но рискованное положеніе коннаго отряда, среди города дѣйствительно ненадежнаго, казенныій миллионъ на рукахъ, безопасность семействъ, просившихся уѣхать подъ его охраною, а ко всему этому и простое желаніе избѣгнуть могущей произойти бойни—все это понудило начальника его пугнуть гольдингенцевъ. Легко сказать—жечь городъ. Кто бы на это рѣшился!

Депутаты отвѣтили увѣреніями, что они осуждаютъ поступокъ своихъ согражданъ, но ничего подѣлать не могутъ; что немедленно пустятъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы устранить могущее быть столкновеніе; что, наконецъ, убѣдительно просятъ остаться съ отрядомъ хотя на иѣсколько дней, такъ какъ уходъ его теперь можетъ ухудшить положеніе. Одинъ стариkъ даже расплакался. Онъ говорилъ:—„лучше бы драгуны и не приходили! Начнуть съ насъ, что пошли въ депутацію”...

Прошло иѣсколько часовъ, было довольно холодно.

Драгуны все стояли на постахъ съ заряженными винтовками въ рукахъ. Несчастныя лошади на голыхъ камняхъ мостовой подъ сѣдломъ, дрожали какъ въ лихорадкѣ, выгнувъ спины и поджавъ исцарапанныя ноги. Коротенький декабрьскій день уже клонился къ вечеру. Надо было скорѣе уходить, чтобы гдѣ-либо кое-какъ накормить отрядъ и переночевать. Вблизи же не было подходящихъ для этого мѣстъ.

Тѣмъ временемъ на площадь собралось довольно много гольдингенцевъ, они принесли солдатамъ булки, папиросы и др. угожденіе, отказываясь брать деньги. Они выражали радость по поводу ихъ прибытія.

Прѣхалъ, наконецъ, съ опозданіемъ казначейскій чиновникъ съ цѣнностями, собрались уѣзжавшіе изъ города чиновники и др. Раздалась команда „садись“. Видя, что драгуны уходятъ, жители тѣсной толпой окружили начальника отряда и буквально начали умолять остаться, не подвергать ихъ мести революціонеровъ.

— „Мы,—выкрикивали они,—мирные жители, непричастны ни къ чему; изъ уѣзда къ намъ понаѣхало много соціалистовъ—это все они! Угрожаютъ убийствомъ, разоряютъ насть совсѣмъ „новыми правилами“. Торговля пала! Опасно ходить по городу,ѣздить по дорогамъ. Говорятъ, скоро къ намъ прій-

деть много войска—останьтесь до его прихода! Говорили всѣ сразу, гладили лошадь, обнимали ноги сидящаго на ней офицера, снимали шапки, кланялись. Одновременно просили по иѣменски, латынски, еврейски, польски, вставляя русскія слова, немилосердно ихъ коверкая.

Сцена была до крайности трогательная, трудно было устоять. Къ тому же подошло иѣсколько человѣкъ изъ числа депутатій и обратилась съ такими словами:

— Городъ поручилъ намъ просить вѣсть остановиться, хотя на сутки, чтобы дать время выхлопотать у начальства разрешеніе оставить отрядъ подольше, до прибытія ожидаемаго войска со стороны Риги. Исполните нашу просьбу, останьтесь! Мы головами своими ручаемся за полный порядокъ въ городѣ, охрану его беремъ на себя.

Какъ было не исполнить такой просьбы! Пусть тамъ „районный“—поволиуется! „Неисполненіе приказанія“, судъ — ну и, чортъ съ нимъ! Пусть судъ, если онъ окунится цѣпью спасенія иѣсколькихъ жизней!

И начальникъ отряда сдался на просьбы. Обращаясь къ толпѣ, онъ сказалъ:—„Я получилъ приказаніе исполнить то, зачѣмъ прислали, немедленно уйти изъ вашего города. Но я исполню ваше желаніе и остаюсь“.

Слова эти встрѣчены были шумнымъ выраженіемъ благодарности. Жители наперерывъ стали обращаться съ просьбами позволить взять солдатъ по своимъ домамъ—„имъ будетъ хорошо — обо всемъ позаботимся“! Въ этомъ имъ пришлось отказать. Примѣръ все того же Туккума заставлялъ быть крайне осторожнымъ, не довѣряться. Драгуны были размѣщены командами не менѣе взвода съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности.

Члены городского управления и многіе жители тотчасъ же собрались на совѣтъ. Составлены были телеграммы въ Газенпотъ и Либаву съ просьбами оставить отрядъ хотя бы на иѣсколько дней. Почта все бастовала, но для этого случая телеграфъ заработалъ. Телеграммы были приняты въ Газенпотѣ.

Гольдингены исполнили свое обѣщаніе: по окраинамъ города стали многочисленные караулы, охранявши отъ могущаго быть нашествія повстанцевъ; по улицамъ ходили безпрерывно патрули—и такъ всю ночь. Хотя во всемъ этомъ рвени и была видна искренность, но для вѣрности къ городскимъ карауламъ приданы были драгуны; охрана повѣрялась дежурнымъ офицеромъ.

Ночь прошла спокойно. Время шло уже къ 3 часамъ дня. Отвѣта отъ начальства не было. Отдано было приказаніе готовиться къ уходу. Снова вывезли казначейство, собралось много экипажей съ убѣгавшими изъ Гольдингена; привезли и несчастнаго Адольфи; несмотря на тяжкія раны, онъ жилъ. Жители опять обратились съ горячей просьбой оставаться еще „хотя на день“. Пришло въ этомъ отказать. И въ городѣ началась снова паника.

Начальникъ отряда получилъ предупрежденіе, что на полови-нѣ прямой дороги въ Газенпотъ его ожидаетъ „нападеніе“ соціалистовъ, рѣшили „отбить казначейство, истребить войска и фхавшихъ съ ними бариновъ и чиновниковъ“. Опасная мѣста въ большихъ лѣсахъ предстояло проходить уже ночью. То обстоятельство, что при отрядѣ будутъ слѣдовать женщины, дѣти, раненый и онъ, отрядъ, растяняется по узкой дорогѣ версты на двѣ, только озабочивало его начальника. Но уходить было нужно. Въ Газенпотъ можноѣхать и по другой дорогѣ, удлинившей путь на пѣсколько верстъ, но она зато не такъ лѣсиста. Засада ожидалась на первой. Рѣшено было слѣдовать по второй. Дороги эти расходятся въ самомъ городѣ, по этому плану раскрывался сразу. Извѣщенная о принятомъ направлѣніи засада могла перейти на вторую дорогу (верстъ 6); все зависѣло отъ быстроты, но на нее разсчитывать было трудно.

Съ усиленными мѣрами охраненія пошелъ одинъ эскадронъ, за нимъ тронулся „обозъ“, настолько значительный, что для соблюденія въ немъ порядка пришлось назначить офицера и команду драгунъ. Шествіе замыкаль другой эскадронъ. Отрядъ спѣшилъ пройти засвѣтло хотя первый особенно густой лѣсъ. Човозки сильно растягивались, особенно при подъемахъ, а по этой причинѣ отставалъ и тылъный эскадронъ, что было до крайности неудобно, если бы дѣйствительно случилось нападеніе.

Отъ города отошли уже около 7 верстъ.

Но вотъ тылъный эскадронъ далъ знать, что по дорогѣ мчится какой-то всадникъ, видимо догоняя строй. Остановились.

Всадникъ доскакалъ и подалъ бумажку; на ней карандашемъ было написано: „въ Гольдингенѣ получена телеграмма, чтобы отряду оставаться въ немъ“. Оказалось, что содержаніе ея было передано по телефону въ им. Курмаленъ, около котого отрядъ недавно прошелъ. Такъ какъ владѣлецъ его находился при отрядѣ въ качествѣ представителя отъ Газенпотской

полиції, а всадникъ—его родственникъ, то вѣрить было можно. Отрядъ пошелъ обратно. „Бѣглецамъ“ это не понравилось—не хотѣлось имъ возвращаться въ Гольдингенъ. Нѣкоторые изъ нихъ рискнули былоѣхать дальше, но скоро встрѣченые выстрѣлами въ лѣсу должны были вернуться, отѣлавшись только страхомъ.

Драгуны, не соблюдая уже мѣръ предосторожности, съ лѣніемъ входили въ городъ. На веселые звуки пѣсни изъ домовъ выбѣгали жители и радостно привѣтствовали возвращеніе ихъ. Но это было только на окраинѣ города. Ближе къ центру картина замѣтно мѣнялась. Прежде всего бросилось въ глаза то обстоятельство, что по улицамъ ходила толпа мужчинъ съ большими палками въ рукахъ. Солдатъ же не привѣтствовала, а смотрѣла на нихъ довольно таки не дружелюбно. При всемъ томъ она быстро разсѣялась по боковымъ улицамъ.

Рассказывали послѣ, какъ только отрядъ скрылся изъ вида, на улицѣ появилась какая-то девушка въ красной шапочкѣ и выстрѣлила изъ револьвера на воздухъ. Какъ бы ожидавшій этого сигнала на площади началъ собираться „народъ“; „мирные же“ въ страхѣ попрятались. На балконѣ дома, около котораго собирались митинги, вышелъ уже ораторъ. Но въ это мгновеніе вѣсть о возвращеніи драгунъ облетѣла городъ. Ораторъ благоразумно ретировался, а толпа начала расходиться. Не трудно догадаться, о чёмъ бы говорилось на собраніи, и опасенія, высказанныя однѣмъ изъ депутатовъ, могли бы оправдаться... Полученная телеграмма гласила: „Разрешаю оставаться въ Гольдингенѣ до среды 14 декабря“.

Жители рѣшили послать въ Либаву просить оставить эскадронъ подольше, до прихода ожидавшагося войска, о чёмъ ходили все болѣе упорные слухи. Къ ходатайству города присоединился и начальникъ отряда; въ рапортѣ своемъ онъ писалъ: „настоящій моментъ благопріятенъ для возстановленія порядка—среди жителей замѣтна реакція, многіе не сочувствуютъ движению, видя для себя отъ него только стѣсненія, но безсильныказать отпоръ. Если городъ увидитъ, что власти бросаютъ его и теперь на произволъ повстанцевъ, то будетъ вынужденъ примкнуть къ революціі“.

Затрудненіе состояло въ томъ, какъ добраться посланному до Газенпота. Везти просьбу былоѣхать одинъ молодой человѣкъ—тотъ самый, который снарядилъ патроны съ пекомъ. Онъ какъ-то умудрился достать на чужое имя пропускъ

отъ революціоннаго комитета, съ нимъ и поѣхалъ, везъ просьбоу законныхъ представителей города и рапортъ военнаго начальника... По дорогѣ его задержали, но предъявленный пропускъ подѣйствовалъ; только одинъ латышъ-повстанецъ усѣлся на козлы, а два—сзади крытаго экипажа, на доску, куда привязываются дорожніе сундуки. Подъ этимъ конвоемъ посолъ гольдингенскій ъехалъ долго; цѣль конвоированія ему была непонятна. Когда экипажъ выбрался изъ лѣсовъ, храбрый юноша выстрѣлилъ изъ „браунинга“ въ сидѣвшихъ сзади латышей—разъ, два! Попалъ ли—неизвѣстно, только латыши и даже сидѣвшій на козлахъ повсюдѣвали. Кучерь погналъ прекрасныхъ лошадей. Посолъ благополучно прибылъ въ Газенпотъ, а оттуда въ Либаву по желѣзной дорогѣ.

Въ Гольдингенѣ между тѣмъ была организована охрана, подѣлена на команды, къ нимъ было придано по нѣсколько драгунъ. Два дня прошли въ ожиданіи отѣста изъ Либавы. Въ городѣ, повидимому, водворялось успокоеніе.

Одинъ латышъ-домовладѣлецъ обратился съ просьбою сбратъ на площади митингъ. Послѣдніе были запрещены, но въ виду содержанія рѣчи, которую онъ предъявилъ на просмотръ, ему это было разрѣшено, хотя и было основаніе опасаться осложненій. Латышъ не скрывалъ, что онъ соціалистъ, но „благонамѣреній“. Митингъ собрался. Благонамѣреній читалъ свою рѣчь съ балкона ратуши. Рядомъ съ нимъ стоялъ городской голова—законный и начальникъ отряда. Ораторъ убѣждалъ своихъ согражданъ не поддаваться злымъ напечтываніямъ; признавая ненормальность положенія венцей, онъ совѣтывалъ только добиваться осуществленія необходимыхъ реформъ путемъ мирнымъ, такъ какъ кровавый, на который вступила страна, только отдалаетъ проведеніе въ жизнь свободъ, цамѣченныхъ Высочайшимъ манифестомъ. Рѣчъ свою латышъ окончилъ приглашеніемъ крикнуть „ура“ въ честь Государя Императора, Россіи—и за ихъ процвѣтаніе. Головы слушателей обнажились, они довольно дружно крикнули „ура“. Впрочемъ... рисковано было и не крикнуть. Это былъ довольно таки своеобразный митингъ. Въ ратушѣ около дверей, ведущихъ на балконъ, стоялъ трубачъ, готовый на звукъ начальника выйти и заиграть—тревогу. Ее бы тотчасъ повторилъ другой, поставленный на противоположномъ углу площади. А на звуки тѣхъ трубъ іерихонскихъ вынеслись бы вполѣ готовые къ тому эскадроны. Латыши это вѣрно подозрѣвали.

День 13 декабря близился къ окончанію. Никакихъ из-

вѣстій не приходило. Только позднимъ вечеромъ возвратился посланный изъ Либавы, не привезя опредѣленного отвѣта. Поэтому отрядъ долженъ былъ уйти на другой день утромъ. Слова начался совѣтъ представителей города. Неопредѣленность отвѣта начальства объяснялась тѣмъ, что посломъ отъ Гольдингена выбрали не одного изъ его представителей, а человѣка случайнаго, котораго разсказамъ въ Либавѣ не особенно давали вѣру. Поэтому рѣшили немедленно послать помощника городского головы и еще кого-то, а начальника отряда опять принялись умолять оставаться и на 14 число. Приказаніе уйти именно 14-го было категорическое, не исполнить его было рисковано. Начальникъ отряда вначалѣ колебался, но сдался на аргументъ: „подъ отвѣтъ попадете, но можно и пострадать для блага многихъ“—и остался.

Слухи о подходѣ какого-то отряда ходили уже болѣе опредѣленные; съ ближайшей станціи (Стенденпѣ—со стороны Митавы) привезено было евреями извѣстіе, что тамъ ожидается прибытіе и высадка пѣхотнаго полка, драгунъ и артиллеріи.

Итакъ въ Гольденгейбѣ мы остались, вопреки приказанію, и по 14 число, по 15-го твердо рѣшили уйти. Такъ какъ первый выходъ показалъ намѣреніе пойти не по главной дорогѣ, то на другой разъ латыши не дали бы себя провести. А стало дословѣрно извѣстно, что уже на двухъ дорогахъ собраны силы повстанцевъ, что они не пропустятъ отряда безъ борьбы. Она съ случайнymъ сбродомъ, кой-чѣмъ вооруженнымъ, не была, конечно, опасна довольно сильному для того отряду. Но все тѣ же обстоятельства, о которыхъ указано выше, осложняли дѣло. Отказать, не взять съ собою, напр., раненаго, который все еще жилъ, было конечно нельзя.

Долго начальникъ отряда ломалъ себѣ голову, какъ избѣжать нежелательнаго столкновенія. Но вотъ, проходя по улицѣ, онъ увидѣлъ, какъ въ одинъ дворъ юркнули два члена комитета. По прежнему своему пребыванію въ городѣ, онъ зналъ многихъ. Фамиліи же крамольныхъ дѣятелей послѣдняго времени ему были сообщены. Его осенила мысль; ибо революціонеры были лично имъ арестованы и посажены въ тюрьму. Кромѣ принадлежности ихъ къ составу комитета, за ними ничего преступнаго не числилось. Начальнику тюрьмы было сказано, чтобы онъ допустилъ свиданіе посаженныхъ съ родственниками.

Вечеромъ къ начальнику отряда явилась цѣлая депутація съ просьбою освободить арестованныхъ, такъ какъ они „ни въ

чемъ не повинны и къ движению не причастны". Но имъ показанъ былъ "пропускъ" съ печатью революціоннаго комитета, подписанный членомъ его, какъ разъ однимъ изъ плѣненныхъ (пропускъ этотъ отобрали былъ у латыша наканунѣ при обыскѣ). Денутація смущилась.

— Не отпушу, это важные преступники, ихъ ждетъ военный судъ. Впрочемъ... Я везу ихъ съ собою въ Газенпотъ. Если по дорогѣ на отрядъ будетъ сдѣлано нападеніе, они тотчасъ же будутъ убиты; если нѣтъ—подъ Газенпотомъ отпущу.

Въ числѣ просителей была и жена одного изъ арестованыхъ.

На другой день, часовъ въ 11 (все поджидали телеграммы) отрядъ выступилъ тѣмъ же порядкомъ и по той же дорогѣ.

Не добѣжая версты до большого лѣса, голова отряда остановилась, чтобы подтянуть новозки и послѣ возможно быстро пройти его. Было доложено, что арестованные хотятъ говорить съ начальникомъ. Онъ подошелъ, отославъ въ сторону конвой.

— Господинъ командиръ, сказали они, дайте, пожалуйста, намъ лошадей и позвольтеѣхать верхомъ впереди.

— Зачѣмъ? Будьте со мною откровенны; ожидаете нападенія?

— Точно не знаемъ, но по всей вѣроятности. Мы, если позволите, иѣдемъ впередъ и, если что замѣтимъ, дадимъ знакъ платкомъ.

— Поехжайте, но помните—это для васъ вопросъ жизни или смерти.

Латышей посадили на лошадей, поставили между солдатъ-часовыхъ и отправили въ передовой дозоръ съ офицеромъ, которому громко было отдано приказаніе при нападеніи прежде всего покончить съ ними. Одинъ изъ нихъ вынуль изъ кармана платокъ и заложилъ за бортъ пальто—приготовился.

Втянулись въ лѣсъ. Но выпавшему за день передъ тѣмъ небольшому сиѣгу видно было много человѣческихъ слѣдовъ. Здѣсь проходила банда.

Отрядъ все шелъ и шелъ; никого не было видно. Благополучно миновали одинъ лѣсъ, послѣ другой, третій. Впереди уже не было опасныхъ мѣстъ. Остановились на привалъ. Дрожавшимъ отъ холода въ легкихъ пальто членамъ Гольдингенскаго комитета дали выпить, закусить.

— Пойдемте, я выведу васъ за цѣнь часовыхъ и, согласно обѣщанію, отпушу, сказалъ имъ начальникъ отряда.

Эскадроны остановились на отдыхъ въ имѣніи, отъ замка

котораго остались только обгорѣлыя стѣны. Проходя около нихъ офицеръ сказалъ:

— Вотъ, господа, плоды вашей работы. Что этимъ достигается? Озлобленіе только! Вы безсмысленно истребляете чуднаго стариннаго постройки, богатыя собранія рѣдкихъ вещей, библіотеки, архивы. Вѣдь, это достояніе не отдельныхъ бароновъ—это украшеніе и богатство страны, пожаръ—это варварство, первобытный способъ борьбы, онъ не дѣлаетъ чести культурному народу, каковымъ вы себя почитаете. Этимъ я не хочу сказать, что вы неправы въ своихъ стремленіяхъ; зачѣмъ только прибѣгать къ такимъ пріемамъ! Вы лично одобряете это?

— Нѣтъ и нѣтъ! искренно сказали латыши, люди симпатичные и видимо добродушные. Но въ этомъ система борьбы, другой народъ не понимаетъ.

— Ну, оставимъ это. Отвѣтьте мнѣ только еще на одинъ вопросъ. Даю слово, до времени отвѣтъ сохраню въ тайнѣ. Что сдѣлали съ Детловскимъ?

— Въ свою очередь даемъ вамъ слово,—не знаемъ. Было приказано доставить въ Либаву, исполнили. Послѣдовія памъ не извѣстны.

— Убитъ?

— По всей вѣроятности.

Въ Гольдингенѣ по уходѣ эскадроновъ разыгралась такая сцена. Къ уѣздному начальнику, оставшемуся въ городѣ уже въ полночіемъ одиночествѣ (старшій помощникъ, приставъ, надзиратель уѣхали съ нами; городовыхъ давно уже не было), явилась толпа и „приказала“ немедленно написать начальнику ушедшаго отряда предписаніе освободить увѣзенныхъ арестованыхъ—„въ противномъ случаѣ войска будуть уничтожены“. Уѣздный начальникъ, какъ говорили, исполнилъ, предписаніе было написано и послано съ бывшимъ урядникомъ, облачившимся на этотъ случай снова въ форму. Урядникъ поскакалъ, но вблизи города же толпа его избила, отняла шашку. Хотѣли писать новую „бумагу“, послать нового посла. Но къ тому же уѣздному начальнику чрезъ нѣкоторое время явилась снова толпа и объявила, что никакого предписанія уже не нужно, что „войска разбиты, уничтожены“.

Поздно вечеромъ прибыли въ Газенпотъ.

Начальника отряда выздоровѣвшій районный встрѣтилъ сильнѣйшимъ „разносомъ“ за „самовольство“, сообщеніемъ, что „объ ослушанії“ уже донесено ген.-губернатору, и грозилъ судомъ.

Но о томъ, что, благодаря удачному выполнению порученія, съ его-то плечъ свалилась серьезная отвѣтственность, онъ умалчивалъ—онасность миновала. Между прочимъ начальство повыше, разсмотрѣвъ рапорты о дѣйствіи отряда, нашло поступки его начальника правильными.

Миліонъ казенный предполагалось на другой день отправить по жел. дорогѣ въ Либаву.

Глава XI.

Нападеніе на эскадронъ. — „Сраженіе“. — Разные эпизоды его. — Потери обѣихъ сторонъ. — Отношеніе жителей города къ раненымъ солдатамъ. — Цѣль нападенія. — Томительное положеніе гарнизона въ ожиданіи нападенія на Газенпотъ. — Рапортъ начальству. — Результатъ столкновенія повстанцевъ съ войсками.

Днемъ 16 декабря полиція доложила районному, что въ 9 верстахъ отъ Газенпота около ж. д. ст. Марленгофъ, именно тамъ, гдѣ къ ней подходитъ грунтовая дорога на Либаву, стоитъ многочисленная вооруженная толпа съ красными флагами. Такъ какъ эта жел. дорога постоянно портилась злумышленниками, то думали, что и на этотъ разъ они собрались для той же цѣли. Въ виду того, что послѣднее время повстанцы вели себя необыкновенно дерзко, чуть не въ тѣсной блокадѣ держали самый городъ, то районный для ея разгона назначилъ 1 эскадронъ и 3 роты, т. е. большую часть свѣжихъ силъ (всего въ Газенпотѣ въ это время было 165 чел. пѣхоты и 200 драгунъ, считая и нестроевыхъ), но самъ командовать не поѣхалъ, поручивъ тому же офицеру, который ѻздилъ въ Гольдингенъ за казначействомъ.

Въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ дня эскадронъ выступилъ изъ города—ранѣе ротъ и пошель рысью—спѣшилъ прибыть къ мѣсту, чтобы помѣшать портить путь жел. дороги; поэтому роты не скоро могли прибыть.

Въ верстѣ отъ города навстрѣчу попался ѻхавшій въ санихъ молодой латышъ. Извѣстенъ онъ былъ памъ по Гольдингену, какъ одинъ изъ коноводовъ. Еще до выхода оттуда солдатъ, онъ какъ-то явился въ полицію съ предсѣдателемъ Комитета и безапелляціонно заявилъ: „въ Гольдингенѣ будетъ издаваться соціаль-демократическая газета; я—редакторъ, а вотъ, указывая на предсѣдателя, издатель. На основаніи свободы слова, мы не нуждаемся въ „разрѣшеніи“, а заявляемъ вамъ, (уѣздному начальнику) „явочнымъ порядкомъ“. На всѣ вопросы

уѣзд. начальника онъ отвѣчалъ—„что вамъ до этого“. Даже на вопросъ, кто вы, какъ ваша фамилія, отвѣтилъ этою же фразою. Мы были при этомъ и ушамъ не вѣрили. Sic transit... Манифестъ прогремѣлъ, но трудно сразу отрѣшиться отъ того, съ чѣмъ человѣкъ свыкался...

Но уѣз. начальникъ ничего, не приказалъ схватить, посадить, а принялъ заявленіе, подписанное „Издателемъ“ объ имѣвшейся издаваться газетѣ.

Появленіе „редактора“ соц. дем. органа въ Газенпотѣ, по дорогѣ, ведущей оттуда, гдѣ стояла вооруженная толпа, наталкивало на мысль, что затѣвается не совсѣмъ обычное, въ родѣ вполнѣ уже обычныхъ тогда порчъ жел. дорогъ, или тамъ разныхъ демонстрацій подъ сѣнью революціонныхъ знаменъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Газенпota лежитъ довольно густой лѣсъ. Онъ узкій—около версты; вправо доходитъ до полотна жел. дороги, а влѣво тянется далеко и соединяется съ другимъ большими лѣсомъ.

На половинномъ разстояніи и па изгибѣ дороги стоитъ большой сарай такъ, что заслоняетъ собою путь до лѣса со стороны города. Мы увидѣли, какъ лошадь, запряженная въ сани, выѣхала изъ-за этого сарая. Сидѣвшіе въ саняхъ два человѣка, замѣтивъ идущій эскадронъ, повернули назадъ и вскачъ понеслись къ лѣсу. Это обстоятельство показалось подозрительнымъ. За уходившими поскакали драгуны и задержали. Ко всему этому скоро замѣтили, какъ въ лѣсу перебѣжало къ опушкѣ нѣсколько человѣкъ и залегло за деревья. Не оставалось сомнѣнія, что и этотъ лѣсъ занятъ. Продолжать движеніе въ конномъ строю прямо по дорогѣ было конечно нельзя. Предварительно нужно было выбить банду. Пѣхоты не было видно. Поэтому эскадронъ былъ спѣшишъ и стрѣлковою цѣнью направленъ въ лѣсъ. Съ опушки грянула въ нихъ залпъ, не причинившій вреда. Драгуны, не обращая на него вниманія, продолжали бѣжать и скоро искочили въ опушку. Началась сильная перестрѣлка. Слышались отчетливо густые выстрѣлы охотничихъ ружей и рѣзкое щелканье винтовокъ. Чрезъ нѣкоторое время, постепенно отдѣляясь, трескотня пошла по всему лѣсу. Являлось впечатлѣніе, что тамъ идетъ „великолѣбшая охота“, какія курляндскіе бароны такъ любятъ устраивать.

Но вотъ нѣсколько драгунъ, медленно, осторожно ступая, вынесли изъ лѣсу убитаго наполовину своего товарища. Чрезъ минуту вынесли и положили на дорогу еще одного убитаго. Послѣ привели трехъ раненыхъ тяжело драгунъ и урядника

Калашникова, волонтеромъ пошедшаго въ лѣсъ. Итого шесть жертвъ. А выстрѣлы все не смолкали, только отдалялись. По ту сторону лѣса, на полѣ въ разныхъ мѣстахъ лежало много убитыхъ и корчившихся въ предсмертной агоніи латышей. Ближе къ опушкѣ въ лѣсу видно было также не мало труповъ, рѣзко выдѣлявшихся на снѣжномъ покровѣ.

А бойня все шла, только уже слышалось одно щелканье винтовокъ; рѣдко когда ружейный выстрѣль. Вправо по выходѣ изъ лѣса лежить небольшой перелѣскъ, за нимъ полотно жел. дороги. Изъ него на буланомъ конѣ выѣхалъ латышъ и, что-то крича, поскакалъ по опушкѣ—видимо отдавалъ приказанія. Одинъ драгунъ перескочилъ ровъ, понесся къ нему—и предводителя не стало, а также и еще нѣсколькоихъ повстанцевъ, убитыхъ все тѣмъ же драгуномъ.

Изъ Газенпота примчался поѣздъ; полурота высадилась, разсыпалась въ цѣпь; но ей въ томъ мѣстѣ уже нечего было дѣлать, и она чрезъ нѣкоторое время снова усѣлась въ вагоны и укатила обратно. Безполезно только потрачено было топливо. Но въ лѣсу влѣво отъ дороги „охота“ продолжалась.

Едва драгуны, въ началѣ столкновенія съ бандой, вскочили въ опушку, какъ по нимъ открылась частая пальба. Первое мгновеніе въ довольно густомъ лѣсу солдаты не замѣтили латышей, лежавшихъ за кустами и деревьями. Но, оглядѣвшись, въ свою очередь начали стрѣлять и работать прикладами. „Забастовщики“ (такъ революціонеровъ называли солдаты) первые открыли огонь, убили ихъ товарищѣй—это обстоятельство привело драгунъ въ озлобленіе. Пощады не давалось. Повстанцы не выдержали натиска, обратились въ бѣгство, разсѣявшись по лѣсу. Съ этого времени началась уже бойня. Многіе влѣзли на деревья, думая найти тамъ спасенье, и пораженные пулями сваливались на землю. Но нѣкоторые изъ латышей, отбѣжавъ нѣсколько, прятались въ кустамъ и стрѣляли въ солдатъ, когда они, не замѣчая ихъ, пробѣгали впередъ; давали промахъ и съ раздробленными головами оставались лежать тамъ ужъ мертвыми.

Латыши-драгуны, находившіеся у начальства подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относительно своей благонадежности, проявляли выдающуюся жестокость. Такъ, одинъ изъ нихъ погнался за повстанцами и, стрѣляя на бѣгу, кричалъ по-латышски „стойте“. Бѣглецы, слыша родной языкъ, останавливались—ружья свои они давно уже побросали,—опустились на колѣни и говорили: „обжалуешь!“ (помилуй!). Солдатъ прочель (по-ла-

тышеки) наставление—что, моль, вы измѣничи, бунтовщики, забыли присягу, товарищай нашихъ убили... и т. д. и спокойно, съ выдержкой убиль всѣхъ 6 человѣкъ, не перестававшихъ молить о пощадѣ... Подобныхъ сценъ было не мало.

Пожилой уже латышъ приведенъ быль молодымъ солдати-комъ въ качествѣ военноплѣнного (единственный случай). Увидя это, подбѣжалъ съ сильно окровавленнымъ отъ легкой раны въ лицо драгунъ и направляя винтовку въ трясущагося, какъ въ лихорадкѣ и упавшаго на колѣни плѣнного, кричалъ: Позвольте, Ваше Высокоблагородіе,—я его убью; такъ что меня ранили, нашихъ побили, то я его убью“. И не мало усилий пришлось употребить, чтобы спасти несчастнаго и успокоить озвѣрѣвшаго солдата.

Банда была выбита изъ лѣса. Но продолжать движение далѣе, къ Мариенгофу, „не обезпечивъ тыла“ — до прихода пѣхоты было нельзя. Къ тому же было неизвѣстно, вполнѣ ли очищенъ лѣсъ. По этому одному драгуну было приказано. быстро его проскакавъ, щѣхать навстрѣчу ротѣ и передать приказание спѣшить. Если въ лѣсу могли еще задержаться повстанцы, то ближайшая полоса къ дорогѣ, казалось бы, могла считаться безопасною. Но приказание „проскакать“ лѣсъ было удачно. Не успѣлъ драгунъ отскакать и сотни саженей, какъ въ него тутъ же, около самой дороги, послѣдовалъ выстрѣлъ. Но драгунъ, не задерживая лошади, въ свою очередь выстрѣлилъ изъ револьвера, не задолго przedъ тѣмъ взятаго у повстанца, въ стоящаго подъ деревомъ съ дымящимся еще ружьемъ въ рукѣ латыша — пуля угодила въ переносъ, и безумный храбрецъ, какъ подкошенный, рухнулъ на землю. Конечно, это былъ только случай, драгунъ, вѣрою, и не цѣлился.

Подать быль сигналъ „сборъ“. Много разъ пришлось его повторить—солдаты увлеклись въ свое мѣсто преслѣдованія и не охотно возвращались къ эскадрону.

Тѣмъ временемъ подошла пѣхота. Ей было поручено еще разъ осмотрѣть лѣсъ и охранять его до возвращенія эскадрона, который и пошелъ впередъ, къ ст. Мариенгофъ. Позади жо въ лѣсу снова скоро защелкали винтовки — пѣхота оканчивала „дѣло“, начатое драгунами.

Около станціи также была банда повстанцевъ. Лѣсистая мѣстность скрывала большую ея часть. Видно было только, какъ они небольшими группами разбѣгались въ разныя стороны. И здѣсьпало не мало латышей. Путь около станціи испорченъ не былъ. На подкѣплѣніе эскадрону изъ города прислано

было еще 50 драгунъ. Такимъ образомъ газепотскій отрядъ почти весь выведенъ былъ противъ повстанцевъ. Въ „Главной Квартирѣ“ остался только его—начальникъ, рота и человѣкъ 40 драгунъ. Но все уже было окончено, подкрепленія были излишни. Собравъ и на этотъ разъ съ усилемъ драгунъ, они пошли обратно. Съ собою въ качествѣ трофеевъ повезли: воен-поплѣнаго, упомянутаго буланаго коня и еще двухъ латышей, попавшихся по дорогѣ въ бричкѣ и показавшихся полиціи подозрительными.

Возвращавшійся отрядъ встрѣтилъ районный. Онъ „изблагодарилъ“ солдатъ „за усердную службу“...

Шедшая въ лѣсу стрѣльба отчетливо была слышна въ Газепотѣ. Среди жителей-латышей, ходившихъ по городу, царило большое волненіе. Когда по улицамъ провозили убитыхъ и окровавленныхъ раненыхъ, латыши изъ этого, вѣроятно, заключили, что „войска“ побѣждены и не стѣсняясь даже кричали: „добрейте ихъ, добрейте!“ И могли бы это сдѣлать, если бы вокругъ саней не нашли съ заряженными ружьями солдаты. Раненыхъ повезли въ больницу. ихъ тамъ не приняли. фельдшеръ-латышъ, страха ради, уклонился даже подать первую помощь. И только послѣ долгихъ усилий удалось вахмистру пристроить окоченѣвшихъ отъ холода раненыхъ. Ихъ впрочемъ, изъ опасенія приведенія въ исполненіе „добрейте“, скоро перевезли въ замокъ.

По собраніямъ послѣ полицію приблизительнымъ свѣдѣніямъ было убито свыше ста человѣкъ. Но это число могло быть и больше — далеко не весь лѣсъ былъ осмотрѣнъ. Полиція труповъ не собрала, не хоронила, предоставивъ это населенію. Что касается числа раненыхъ, то оно совершенно неизвѣстно. Но по многимъ признакамъ и слухамъ должно было быть весьма значительно.

Съ какою цѣлью латыши устроили засаду? Это было послѣ вполнѣ выяснено—чтобы завладѣть казначействомъ. Революціонный Комитетъ письменными распоряженіями, разослаными по волостямъ, приказалъ „отбить у войскъ похищенные ими народныя деньги“. Вначалѣ начасть предполагалось по дорогѣ изъ Гольдингена. Но, по какимъ-то соображеніямъ, 15 дек. нападеніе сдѣлано не было; „пародъ“ Гольдинигскаго у.. подкрепленный собраніями въ Газепотскомъ, переведенъ былъ за Газепотъ, такъ какъ вожаки были увѣрены, что миллионы на другой же день будутъ навезены въ Либаву, что, между про-

чемъ, районный и рѣшилъ было сдѣлать (по желѣзной дорогѣ въ 2 ч. дня).

Въ одной изъ волостей, какъ то известно изъ полицейского протокола, старшина получилъ распоряженіе собрать народъ, но разорвалъ и умолчалъ о немъ—и ни одинъ житель той волости въ столкновеніи подъ Газенпотомъ не участвовалъ.

Нѣкоторые очевидцы рассказывали намъ, какъ по дорогѣ на подводахъ шумноѣхали повстанцы къ Газенпоту, съ пѣниемъ революціонныхъ пѣсенъ и какъ они же съ перевязанными руками, теперь послѣ пробирались окольными путями во-свояси...

Планъ нападенія, вѣроятно, былъ таковъ: революціонерамъ не было известно, повезутъ ли деньги по жел. дорогѣ или отправлять съ отрядомъ по грунтовой. Послѣднее, по многимъ соображеніямъ, они имѣли основаніе считать болѣе вѣроятнымъ. Поэтому одну, болѣе многочисленную банду, они расположили въ ближайшемъ лѣсу, а другую поставили около Маріенгофа, о которой только и сдѣлалось известно полиціи. Грунтовая дорога на Либаву подходитъ къ самой станціи, мѣсто окончанія для засады и нападенія болѣе удобное—къ тому же и дробить имъ было бѣ ненужно. Первая банда, силою, какъ намъ казалось, около тысячи человѣкъ¹⁾ должна была неожиданно напасть на отрядъ, вторая произвести крушеніе поѣзда. Какъ утверждали послѣ свидѣтели, была еще одна довольно многочисленная банда, стоявшая гдѣ-то недалеко въ другомъ стратегическомъ пункѣ подъ предводительствомъ того самаго студента-технologа, который намъ объявлялъ бойкотъ. При первомъ извѣстіи о пораженіи онъ, вмѣсто того, чтобы ити на выручку, бросилъ товарищѣй и бѣжалъ безъ оглядки, по примѣру вожака разбѣжались и послѣдніе. Не исполнилъ онъ своего торжественнаго заявленія о готовности умереть за народъ!

Въ печальной памяти для курляндскихъ латышей день 16 декабря „жертвою пали въ неравной борьбѣ“ (драгунъ было, не считая коноводовъ, человѣкъ 60) лишь рядовые повстанцы; многихъ изъ нихъ погналъ въ банду только терроръ. Люди же „идеи“, ихъ вожаки, щадили свою жизнь, могущую пригодиться для того, чтобы устроить въ будущемъ хотя бы еще... такую же бойню.

Никакого осмотра окрестностей не дѣлали; а это было соб-

¹⁾ Относительно числа повстанцевъ, собранныхъ подъ Газенпотомъ, ходили послѣ разнорѣчивые слухи; многіе, по достовѣрнымъ источникамъ, утверждали, что собрано ихъ было до десяти тысячъ. Судя по всему, это число могло быть не особенно преувеличено.

ствено необходимо уже въ виду того, что въ лѣсу могли остаться раненые. Вообще не было предпринято ничего въ этомъ отнопеніи. Но рекогносцировка была еще необходима въ видахъ полнаго разгона бродившихъ партій для довершения того дѣла, за которое взялись. Шолагались на полицію, которая собирала свѣдѣнія чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ. На другой уже день она сообщила о присутствіи вблизи города небольшой банды. Разгонять ее послали отрядъ. На этотъ разъ во главѣ его сталъ и самъ районный. Такъ какъ мы отъ участія въ немъ уклонились, то приводимъ подлинное донесеніе къ г. губернатору.

„Доношу, что 17 дек. въ небольшой березовой рощѣ, лежащей въ 3 вер. отъ города по дорогѣ на им. Кацдангенъ, появилась банда злоумышленниковъ. Для ея разсѣянія были высланы 2 роты пѣхоты и полъэскадрона драгунъ. При приближеніи войска, былъ открытъ слабый огонь, не причинившій никакого вреда. Наступленіе цѣни пѣхоты вызвало бѣгство злоумышленниковъ, при чемъ изъ нихъ былъ убитъ 1 человѣкъ (пѣхота открыла огонь за версту).

Вполнѣ уже выяснилось, что окрестные лѣса, весьма близко лежащіе около города, наполнены бандами вооруженного народа; даже на ночь онѣ остаются тамъ. Сегодня ночью производилась сигнализациѣ сильнымъ бѣльямъ огнемъ, своего рода прожекторъ. Работа сигнализациї продолжалась съ 9 ч. вечера до 1^{1/2} ч. ночи. Или это сигнализациꙗ, или попытка заманить войска въ засаду. Прежде шли слухи, что народъ собирается, чтобы захватить Газенпотомъ. Они теперь оправдались. Теперь пошли еще упорнѣе слухи, что ожидается подходъ народа изъ дальнихъ волостей и соѣдніихъ уѣздовъ, чтобы задавить отрядъ массою, и что нападеніе генеральное назначено на 20 дек. Подъ вліяніемъ этихъ упорныхъ слуховъ, игнорировать которыми нельзя, приходится все время быть въ напряженномъ состояніи. Всѣ силы ввѣренного мнѣ отряда идутъ на самоохраненіе; все идетъ въ нарядъ, особенно ночью, что при стоящихъ морозахъ весьма тяжело отзывается на нижнихъ чинахъ. И это тяжелое положеніе усиливается неизвѣстностью, какъ долго оно продолжится. Долго держать отрядъ въ такомъ положеніи трудно. При нашествіи народа, если таковое случится, удержать городъ нашему отряду едва-ли удастся. Придется всѣмъ отступить въ им. „Шлоссъ-Газенпотъ“ и уже защищать себя. Опасаться за цѣлостность отряда иѣть особенного основанія“.

По обыкновенію, районному донесеніе состряпало.

Сигнализация „сильнымъ бѣлымъ огнемъ“, о которой упоминается въ немъ, была не болѣе, какъ отблескъ дѣйствительно прожектора, но — работавшаго въ Либавскомъ военномъ портѣ (верстъ 40). Не разъ приходилось видѣть и послѣ эти бѣлые споны свѣта,двигающіяся надъ горизонтомъ.

„Упорные слухи“ о подходѣ народа — не оправдались; „генеральнаго нападенія“ не произошло. Наоборотъ, какъ о томъ скоро удостовѣрила и полиція, всѣ лѣса совершенно очистились отъ бандъ, проѣздъ по дорогамъ сталъ возможенъ. Даже злополучную жел. дорогу перестали портить, и движеніе по ней возстановилось нормальное (подъ охраною пѣхоты).

Вообще 16 декабря можно считать поворотнымъ въ ходѣ развитія активнаго вооруженнаго возстанія. Движеніе конечно не утихло — успокоеніе такими средствами не достигается, но воинственный пылъ латышей все-таки достаточно былъ охлажденъ. Приходилось слышать отъ нихъ же и сѣтованія на вожаковъ за то, что послѣдніе, не взвѣшивъ шансовъ на успѣхъ, погнали довѣрчивый народъ въ лѣсъ, а сами, отдавъ распоряженіе, во время скрылись,бросивъ ихъ на бесполезную жертву разсвирѣвшіхъ солдатъ, а послѣ карательныхъ отрядовъ и правосудія.

Такъ какъ Газенпотскій гарнизонъ, боясь ослабленія, не рѣшился выѣхать изъ своего состава, отрядъ для доставки казначейства въ Либаву, то изъ крѣпости чрезъ нѣсколько дней были присланы за нимъ нѣсколько ротъ пѣхоты, казаки, пулуметы. Само собою, подъ охраною такихъ почтенныхъ силъ, миллионъ благополучно былъ доставленъ въ безопасное мѣсто.

Злополучныя это были деньги. Много изъ-за нихъ пережито было волненій, много крови было пролито!

ГЛАВА XII.

Прибытие карательныхъ отрядовъ. — Дѣятельность ихъ. — Рѣчь къ представителямъ отъ волости. — Результатъ энергичнаго дѣйствія. — Репрессіи. — Смиреніе латышей. — Вымогательства революціонеровъ. — Отношеніе ихъ къ „народнымъ“ деньгамъ.

Конецъ декабря прошелъ безъ особыхъ происшествій. Тѣмъ временемъ въ край прибыло много войска. Они постепенно отвоевывали обратно города и уѣзды. И въ Гольдингенъ скоро послѣ нашего оттуда ухода прибылъ, наконецъ, отрядъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіяся частью населен-

нія. Отрядъ прибыль въ составѣ цѣлаго пѣхотнаго полка, 2-хъ эскадроновъ и батареи артиллериі (изъ Ломжинской губ.)

Не доходя двухъ верстъ до города, этотъ карательный отрядъ остановился за р. Виндвой и выслалъ на рекогносцировку драгунъ. Не получая отъ нихъ долго донесенія и подозрѣвая не доброе, онъ послалъ въ городъ въ качествѣ еще разведчика—гранату; она сорвала крышу одного домика, но человѣческихъ жертвъ себѣ, къ счастью, не нашла. Тогда жители въ паническомъ ужасѣ поспѣшили изъявить покорность и вручили побѣдителю „ключи города“.

Въ м. Фрауэнбургъ (45 вер. отъ Гольдингена) пришли 4 эскадрона (изъ Гродненской губ.) и тотчасъ же озnamеноvalи свое прибытие разстрѣломъ пѣсколькихъ коноводовъ возстанія.

Съ этого времени въ краѣ началась „дѣятельность карательныхъ отрядовъ“, при участіи прикомандировавшихся къ нимъ на роляхъ помощниковъ уѣзднаго начальника—представителей частью именитаго дворянства. Съ удивительной энергіею, подогрѣваемые местью за сожженные замки, принялись они искоренять крамолу — ловили и допрашивали сотни латышей, систематически прибѣгая къ большому „пристрастію“. И съ этого времени въ Митаву посыпались телеграммы съ перечисленіями разстрѣлянныхъ „важныхъ агитаторовъ“. Сжигались рядомъ съ этимъ и крестьянскія усадьбы главныхъ причастныхъ къ движению лицъ, чуя бѣду, скрывшихся при прибытіи карательныхъ отрядовъ.

Расправа чинилась долго, очень долго. Лишь въ началѣ ноября 1906 г. послѣдовало „распоряженіе начальникамъ карательныхъ отрядовъ впередъ не примѣнять тѣлесныхъ наказаній и не сжигать усадебныхъ строеній, а въ случаѣ совершенія преступленій предавать виновныхъ военно-полевому суду“.

Нагнавъ страхъ въ Гольдингенѣ, отрядъ для той же цѣли перешелъ въ Шруденѣ (въ Гольдингѣ для поддержанія водвореннаго порядка были оставлены, сравнительно, небольшія силы). Въ составѣ его изъ Газенпота командированы два эскадрона. Шруденская волость была одна изъ беспокойныхъ.

Прежде всего приказано было собрать всѣхъ усадьбовладѣльцевъ. Они покорно явились къ крыльцу дома, где расположился штабъ отряда. Пришли пѣхотные солдатики съ заряженными ружьями и тѣснѣмъ кольцомъ, плечо къ плечу, окружили перепуганныхъ латышей. Вышелъ начальникъ отряда и

при помощи переводчика обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ упрекалъ въ томъ, что они, почтенные по возрасту люди, слушались безусыхъ мальчишекъ, совершили столько беззаконныхъ поступковъ, пошли съ оружіемъ въ рукахъ въ лѣса и не остановились даже предъ нападеніемъ на войска. Объяснилъ имъ всю несостоятельность тѣхъ средствъ, которыми они пытаются осуществить свои чрезмѣрныя требованія.

Начальникъ отряда въ заключеніе своей рѣчи объявилъ латышамъ требованіе — назвать всѣхъ агитаторовъ и членовъ революціоннаго комитета подъ угрозою: „если черезъ 30 минутъ (данныхъ имъ на размыщеніе) это не будетъ исполнено, то... Сказавъ это, онъ ушелъ.

Признаемся, мы были смущены.— „А что, если не выдадутъ?“ — спросили мы. Угроза эта, конечно, не входила въ планъ, это вырвалось сгоряча, такъ какъ ее сказалъ человѣкъ добрый, превѣщенный и гуманный, но вспыльчивый. Нѣкоторое смущеніе было замѣтно и въ немъ; онъ, вѣрно, думалъ: „вотъ будетъ штука, если не выдадутъ! Не исполнить—подрывъ авторитета и пр.“. Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ этого никогда бы не сдѣлалъ. Знавшій же хотя отчасти латышей, могъ утверждать, что они выдадутъ. Мы это и утверждали.

Не прошло и получаса, какъ требуемый списокъ былъ врученъ. Правда, почти всѣ названныя въ немъ лица при приближеніи войскъ скрылись. Латыши нашли выходъ; поименованные же члены комитета и безъ того хорошо были извѣстны.

Населенію было объявлено еще требованіе: въ теченіе 2 дней сдать все оружіе. И это было исполнено. Оружія спесено было очень много. Между нимъ только не было тѣхъ прекрасныхъ ружей, которыхъ революціонеры забрали въ замкахъ, да прославившихся браунинговъ.

Водворивъ видимый порядокъ въ Шрунденской волости, карательный отрядъ выслалъ въ сосѣднія волости небольшіе карательные же отряды (составъ ихъ 1 рота пѣхоты, $\frac{1}{2}$ эскадрона, 1 орудіе). Такъ какъ намъ лично, благодаря большой любезности начальника отряда, удалось уклониться отъ командованія такимъ отрядомъ и вообще отъ участія въ „караніи“, то подробнѣ говорить о дѣятельности ихъ не можемъ. Творили они расправу, съ „важными агитаторами“ („важность“ оцѣнивалась полицейскими чиновниками - добровольцами), сжигали усадьбы, но особенного усердія, надо отдать справедливость, въ этомъ дѣлѣ не проявляли.

Пробывъ 6 мѣсяцевъ въ Курляндіи, мы приглядѣлись уже къ видамъ труповъ, особенно пожаровъ—весь край пыпалъ все время. А между тѣмъ, когда гдѣ-либо не далеко назначалось подобное аутодафе и отрядъ къ вечеру выходилъ на это дѣло, мы съ какою-то безотчетною тревоговою прислушивались — вотъ грянутъ роковые три выстрѣла и небо озарится зловѣщимъ заревомъ. Не всѣ взирали такъ! Всякій разъ, когда отрядъ уходилъ жечь усадьбы, къ начальнику отряда обращались съ просьбою „позволить“ имъ Ѳхать, чтобы посмотретьъ, полковой докторъ и полковой священникъ, любители сильныхъ ощущеній; между прочимъ, люди очень симпатичные и добрые.

Сосѣдня съ Шруденской волость, стоявшая по части во-дворенія порядка на очереди, поспѣшила обратиться съ такою просьбою:

Его Высокородію Господину Командиру Военнаго Отряда
въ им. Шруденъ.

Депутації Ранкенскаго Волостного Общества
всепокорнѣйшее прошеніе.

„Сего дня 19 янв. 1906 г. по предписанію Г. Комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Гольдингенскаго у. былъ созванъ всенародный волостной сходъ для выбора волостныхъ должностныхъ лицъ: въ присутствіи Г. Комиссара выборы прошли въ полномъ порядке.

По окончаніи выборовъ, по предложенію члена Общества Кристъ Биренмана и съ разрѣшенія Г. Комиссара всѣми членами схода былъ пропѣтъ государственный гимнъ. Собравшіеся члены Общества и присутствующіе дворохозяева высказали свое глубокое сожалѣніе на всѣ незаконныя происшествія и преступныя дѣйствія, которыя здѣсь были произведены нѣкоторыми членами Общества и нѣкоторыми другими прибывшими и мѣстными жителями; обѣщались и обязывались болѣе не поддаваться заблужденіямъ, незаконнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ; обѣщались и обязывались болѣе не допускать, чтобы агитаторы свои хитрыя рѣчи и ученія здѣсь распространяли; обѣщались и обязывались въ концѣ и впередъ до послѣдней капли крови быть вѣрными и послушными подданными своему Государю.

Одновременно волостной сходъ выбралъ изъ среды своей депутатію, состоящую изъ членовъ Общества: крестьянъ Кристъ Биренмана, Аныса Зидера и Яна Гринберга и волостного пис-

саря Тендаре Дельвига и поручили депутатіі отъ волостного Общества выразить Вашему Высокородію выше высказанное сожалѣніе и обѣщаніе дать подробныя объясненія и всепокорнѣйше просить Ваше Высокородіе помиловать Ранкенское волостное Общество и заблудившихъ членовъ его и облегчить дворохозяевъ отъ поставки подводъ и доставки сѣна и овса. Кроме того еще просить разрѣшить собираться дворохозяевамъ для обсужденія своихъ экономическихъ нуждъ, особенно относительно чрезмѣрныхъ требованій и невыносимыхъ цѣнъ жалованія батракамъ“.

Всѣ арестованные, содержавшіеся въ имѣніи, гдѣ стоялъ отрядъ, по большей части изъявили полное раскаяніе и часто плакали при допросахъ. Всѣ они, какъ сами говорили, являлись только жертвами подстрекателей, скрывшихся при однихъ слухахъ о приближеніи войскъ. Агитаторы, показывали арестованные, слонялись по волостямъ, производили поборы съ народа и не дурно себѣ вообще жили, не имѣя никакого имущества и не неся никакого труда. За рѣчи свои на митингахъ они получали плату; а послѣ произнесенія ихъ не гнушались, какъ послѣ представленія комедіантъ, съ шляпой въ рукѣ обходить толпу еще и за добровольными подаяніями. При одномъ обыскѣ въ наши руки переданъ былъ очень обширный „списокъ членовъ с. д. партіи Гольдингенского у.“, съ указаніемъ мѣсть жительства и суммы слѣдуемаго съ каждого взноса на „народное“, надо полагать, дѣло.

Вотъ маленькое доказательство того же: къ одному аптекарю явились „делегаты“ съ приказаниемъ вынуть изъ оконъ двойные рамы, „чтобы народу было удобнѣе стрѣлять въ солдатъ“, прибытие которыхъ ожидалось. Аптекарь приказанія не исполнилъ и черезъ нѣкоторое время получилъ смертный приговоръ отъ „соц. дем. союза“ за подписью и его печатью: „Такъ какъ вы шпионъ, доносите на народъ (о „приказаніи“ аптекарь хранилъ молчаніе), то вы и приговорены къ смерти. Но... это дѣло еще можно уладить—вы должны внести въ народную кассу 80 р. и въ теченіе 20 дней о томъ никому не говорить“. Но упорный аптекарь долго не внесъ въ „народную кассу“. Исполненія приговора не послѣдовало, но крайней мѣрѣ въ теченіе болѣе мѣсяца, послѣ—не знаемъ.

Вообще революціонныя власти не особенно стѣснялись съ „народными“ деньгами. За время владѣнія волостными кассами, они присвоили себѣ общественные деньги. Въ волости Торма, напр., исчезли такимъ образомъ 8.000 р.; тоже и въ Ригѣ въ

рабочихъ кружкахъ говорили о растратѣ „собранныхъ съ рабочихъ для революціонныхъ цѣлей суммъ“ (изъ „Спб. Вѣдомостей“).

Среди арестованныхъ была и одна женщина — Ева Блумъ; ее впрочемъ тотчасъ и отпустили, хотя она и была выбрана членомъ комитета. Ева Блумъ увѣряла, что избраніе произошло помимо ея желанія. Для характеристики интересно и слѣдующее заявленіе властямъ одной крестьянки: „меня избрали членомъ волостного правленія, я отказывалась. Однако это не помогло, я должна была терпѣть избраніе противъ своей воли; такъ какъ я въ дѣлахъ ничего не понимаю и мнѣ всего 19 лѣтъ, то я не знаю, что дѣлать, и сторонилась отъ всего, а потому прошу“...

Къ начальнику отряда въ Шруденѣ поступило также прошеніе и отъ латышей, уклонившихся отъ осеннаго набора. Въ немъ они заявляли, что, „понимая долгъ своей предъ государствомъ“, стремились его исполнить, т. е. своевременно явиться на сборные пункты, но не могли—не позволяли революціонеры и за ослушаніе грозили смертью. Въ заключеніе просили дать имъ возможность добраться до воинскаго начальника. Дѣйствительно осенній наборъ далъ ничтожный процентъ принятыхъ.

Все, что послѣ творилось, намъ не известно. Послѣдовавшій по Военному Вѣдомству приказъ разрѣшилъ увольненіе офицеровъ въ отставку, запрещенное по случаю войны. Имъ мы не преминули воспользоваться и съ великимъ чувствомъ облегченія покинули Курляндію¹⁾.

Е. А. Альбовскій.

---

¹⁾ Статья эта была окончена въ концѣ 1906 года. Послѣ, изъ судебныхъ процессовъ о попавшихъ въ руки властей революціонеровъ, автору сдѣлялись известныя иѣкоторыя подробности, но онъ не вносилъ ни добавленій, ни измѣненій, такъ какъ писалъ только то, чѣму были самъ свидѣтель и какъ ему тогда представлялись события; къ тому же они и не измѣнили бы изложенаго.

Письмо Генерала отъ инфантії А. І. Іевреинова о сооруженіи памятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ.

Помѣщая письмо А. И. Іевреинова, приглашаемъ читателей „Р. С.“ откликнуться на памятникъ побѣдамъ Румянцева.

Редакція.

Среди историческихъ событій, имѣвшихъ выдающееся значеніе въ жизни нашей родины, несомнѣнно однимъ изъ важнейшихъ былъ побѣдоносный походъ великаго нашего полководца П. А. Румянцева къ Дунаю въ 1770 году, походъ, ознаменованный первыми нашими блестящими побѣдами надъ турками при Ларгѣ и Кагулѣ.

Этотъ выдающійся подвигъ Румянцева и доблестныхъ его соратниковъ, которымъ поистинѣ можетъ гордиться Русскій народъ, до сихъ поръ неувѣковѣченъ постановкой памятника на Ларгинскомъ полѣ сраженія. Лишь разрушенныя валы, да заплывшіе рвы молчаливо свидѣтельствуютъ о славной побѣдѣ, одержанной здѣсь нашими предками.

Иолагая, что постановка хотя-бы скромнаго памятника на этомъ полѣ является непремѣннымъ долгомъ нашимъ по отношенію къ великому полководцу и славнымъ войскамъ, пролившимъ здѣсь кровь свою и одержавшимъ побѣду, я, при содѣйствіи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, намѣреваюсь осуществить въ ближайшемъ будущемъ сооруженіе памятника.

Для сбора средствъ, необходимыхъ для постановки монумента, издана брошюра „Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 году“, составленная секретаремъ Одесского отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-историческаго Общества, Полковникомъ Генеральнаго Штаба И. М. Андріановымъ, писателемъ, получившимъ известность своими популярно написанными военно-историческими трудами. Названная брошюра заключаетъ яркое описание замѣчательнаго похода Румянцева въ 1770 году и обрисовываетъ значеніе этого похода.

Чистый доходъ отъ этого изданія поступитъ въ фондъ по сооруженію памятника.

Цѣна иллюстрированной брошюры 30 копѣекъ за экземпляръ.

Съ заказами прошу обращаться въ г. Кишиневъ по моему адресу.

Льщу себя надеждой, что Вы не откажете сдѣлать посильную помощь святому дѣлу увѣковѣченія памяти нашихъ предковъ героевъ, оросившихъ своею кровью поля Бессарабіи, впервые сломившихъ здѣсь грозныя силы турокъ и вписавшихъ своими подвигами столько славныхъ страницъ въ исторію нашего великаго отечества.

Александръ Левренновъ.

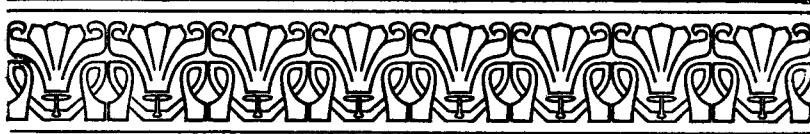
Буйство иноземца въ г. Вологдѣ.

(1704 г.).

1704-го году мая въ 3 де. Преосвященному архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому билъ челомъ въ архіепископскомъ приказе, извѣщаТЬ словесно стольникъ князь Василей князь ёе-доровъ сынъ Елецкой, а въ чelобитьѣ своемъ сказалъ. По имяниному Великого Государя указу и по паказу, каковъ дань изъ Семеновской канцелярии, посланъ онъ, князь Василей, па Вологду і в-венные города и по тому, Великого Государя, указу приѣхалъ на Вологдѣ въ домъ иноземца Ивана Алферьевъ сына Гутмана, и онъ де-Іванъ стоить на дворѣ у воротной избы и велѣль при немъ иноземце Иване Гутмане подъячemu Ивану Широгорову Великого Государя указъ вычесть, и иноземецъ Иванъ Гутманъ Великого Государя указъ выслушавъ скаски, какова надлежитъ противъ указу Великого Государя у него иноземца взять не далъ, а сказалъ. что я-де *Москву и самъ знаю*, и по-чалъ ево князь Василья бранить всякою неподобною бранью. И онъ князь Василей за ево Ивановы противъ Великого Государя указу неистовыя слова велѣль ево Ивана взять на съѣзжей дворѣ, и онъ иноземецъ на съѣзжей дворѣ не пошелъ, учинился силенъ і велѣль ево, князь Василья, дворовымъ своимъ людемъ бить дубаемъ. И ево князь Василья били и увѣчили и неподобною всякою бранью браили. И преосвященному архіепископу велѣти-бъ ево, князь Василья, словесное чelобитье записать. Князь Василей Елецкой руку приложилъ.

При мѣчаніе. Есть въ Вологдѣ приданіе, что Петръ Великій останавливался въ 1724 году въ домѣ вдовы купеческой иноземки Гоутманъ. Можетъ быть и въ 1693 и въ 1694, и въ 1702 году Петръ останавливался въ домѣ Гоутманъ, когда Иванъ Алферьевъ Гоутманъ былъ еще живъ. Нынѣ въ домѣ, приписываемомъ Гоутманъ, помѣщается маленький музей „Петровскій“ и самый домикъ называется „Петровскимъ домикомъ“.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Сто пятьдесят четыре человѣка потомства священника.

Извѣстіе Новгородской Епархіи Новоторжского уѣзда села Затепреньядь попа Аѳонасія Иванова, коликое число имѣется ему, попу, отъ рода дѣтъ и у него дѣтей, виучать и правнучать и сколько изъ нихъ живыхъ, и кто онъ именами и сколько жъ померло, о томъ значить ниже.

А именно: Ему попу Аѳонасію Иванову отъ роду 92 года.

У него дѣтей: сыновья—Никифоръ, Иванъ; дочери — Анна, Агафья, Авдотья, Пелагея, Дарья, Наастасья, Афимья и Матрена померли.

Виучата, а дѣтей его поповья дѣти.

У Никифора—сынъ въ постриженіи іеродіакономъ Павель; дочери—Анна, Параскева, Марья, Ирина, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ —итого 11 человѣкъ.

У Ивана—Иванъ большой, Иванъ меньшой, Михайла; дочери—Евдокея, Прасковья, другая Прасковья, Анна, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 13 человѣкъ.

У Анны—Иванъ, Алексѣй, дочь Евдокея, да мертвыхъ 14 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 17 человѣкъ

У Агафьи—Леонтій, Тихонъ, дочери Анна, Матрена, да мертвыхъ 9 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ — итого 18 чел.

У Авдотьи—сынъ Яковъ, дочери Дарья, Авдотья, Акулина, Василиса, да мертвыхъ 4 человѣка, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 9 человѣкъ.

У Пелагеи—Ефимъ, Александръ, да мертвыхъ 8 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнитъ—итого 10 человѣкъ.

У Дарьи—сынъ Иванъ, дочь Пелагея, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнить—итого 8 человѣкъ.

У Настасьи—сынъ Филиппъ, да мертвыхъ 7 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнить—итого 8 человѣкъ.

Правнучата—а дѣтей его внучата, а именно: Никифоровы внуки—Дмитрій, Петръ, Федоръ, Максимъ, Іоакимъ, Леонтий, Марья, Домна, Акулина, Домна, Дарья, другая Дарья, да мертвыхъ 11 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнить—итого 23 человѣка.

Ивановъ внучекъ—Миронъ.

Аннины внуки—Афонасій, Іоаннъ, Тимофей, Федоръ, Алексѣй, Татьяна, Марфа, Ирина, Марфа же, Ирина же, Марья, да мертвыхъ 6 человѣкъ, а кто, имянъ не упомнить—итого 17 человѣкъ.

Агафьины внуки—Прасковья, Анна, да мертвыхъ 3, а кто, имянъ не упомнить—итого 5 человѣкъ.

Пелагеинны внуки—Алексѣй, Андрей, Василій, Федосія, Ирина.

Дарьинны внуки—Иванъ, да мертвыхъ 3, а кто, имянъ не упомнить—итого 4 человѣка.

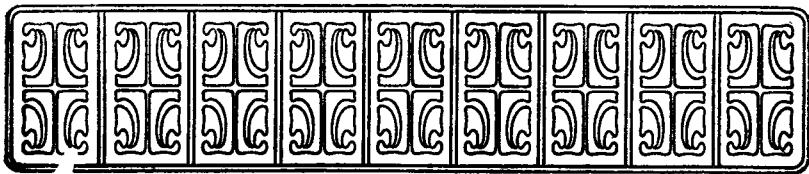
Итого нынѣ на лицо мужеска 31, женска 38 человѣкъ, померло 85 человѣкъ.

Всего сто пятьдесят четыре человѣка.

Подлинное подписано священникомъ Аѳонасіемъ Ивановымъ.

Сообщ. З. И. Тюменъ.

Выписка изъ „Синодика или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора“.

Анаема Григорью Отрепьеву ¹⁾.

Всѧдъ за „пребывающими въ Иконооборческой ереси, паче же въ Христоборномъ отступлениі, всѧдъ за „Геронтиемъ, и же отъ ламии убо сущемъ, въ Критѣ же ядъ непавицныя ереси изблевавшемъ“, слѣдуютъ анаемы Отрепьеву и Разину.

„Новый еретикъ Гришка Отрепьевъ, растрога, бывый въ нашей русской земли чернецъ и діаконъ и обругавъ иноческій образъ способимъ сатанинымъ лжельствено назвался сыномъ великаго государя царя и в. кн. Ивана Васильевича и безстудно, яко несть, на царскій престолъ великія Россіи вскочи и вѣмъ московскимъ государствамъ возмутъ, и многія бѣды и мятежи на христіанъ воздвижи и христіанекія многія крови пролія, и знающихъ его по дальнімъ градамъ разосла, и въ темницахъ заточи, и потомъ женися, и нечеэѣ вскорѣ, анаема.

Страхъ Господа Бога Вседержителя презрѣвшій и часть смертный и день забывшій и воздаяніе будущее злотворцемъ въ ничто же вмѣнившій, церковь святую возмутившій и обругавшій и къ великому государю ц. и в. к. Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержцу, крестное цѣлованіе и клятву преступившій, и со работы отвергній и злокозненнымъ своимъ коварствомъ обругающи имя блаженныя памяти благовѣрнаго царевича и в. к. Алексія Алексіевича народъ Христіане русскіе возмутившій кровопіемъ.

¹⁾ Съ рукописнаго сборника 1648 г. Москва.

воръ, измѣнникъ Донской Казакъ Стенька Разинъ и т. д. да будетъ проклять.

Интересно сопоставить эти два анафематствованія. Въ то время, какъ въ первомъ излагается исторія Гр. Отреяева и не указывается его отступиленіе отъ вѣры, во второмъ проклятиіи упоминается и объ отношеніи Разина къ церкви и перечисляются его сообщники.

Составитель анафематствованія очевидно ближе принималъ къ сердцу то, что происходило не такъ давно отъ его времени. Въ сущности Лжедимитрій болѣе принесъ вреда Московскому государству.

Сообщ. С. Фарфаровскій.

Книги, вышедшия по исторіи и исторіи литературы съ 12-го февраля по 6 марта 1914 г.

Виноградовъ, В. П. Уставныя чтенія. (Проповѣдь книги). Историко-гомелетическое изслѣдованіе. Вып. I. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Троицкой Сергіевой Лавры. 8° (17 × 25). 323 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 24 л. 300 экз.

Военная энциклопедія. Подъ редакціей К. И. Величко, В. О. Новицкаго, А. В. Фонть-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонть-Шульца. Вып. XXVII. (Круковскій, Ф. А.—Ланглуа). Вып. XXVIII (Ланглуа—Линша). М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (19 × 28). 321—640 стр. съ рис. Вѣсь 2 ф. 13 л. 4.000 экз.

Врангель, Ф. Ф., Баронъ. Вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Марковъ. Біографический очеркъ. Части I и II. Спб. 1911 и 1913. Изд. Главнаго Морскаго Штаба. Тип. Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралт. 8° (16 × 24). II + 317 V + 550 стр. съ рис. Вѣсь 3 ф. по 5.000 экз.

Герье, В. И., проф. Тимофей Николаевичъ Грановскій. Въ память столѣтняго юбилея его рождения... (Изъ отчета Имп. Моск. Унив. за 1913 г. Ч. I). М. 1914. Тип. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 74 стр. Вѣсь 8 л. 600 экз.

Дурылинъ, Серге́й. Кандилакский „Вавилонъ“. (Къ изученію съверныхъ Лабиринтовъ). Изъ отчета Императорскаго Моск. Археол. Института. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (17 × 25). 17 стр. Съ рис. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Зеинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологический сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. 2. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, 3). 8° (16 × 24). 7 + 253 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 21 л. 1.200 экз.

Издание Императорской Археологической комиссіи, имѣющіяся въ продажѣ. 1-го января 1914 г. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (19 × 27). XV стр. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Исторический очеркъ Тверского общественного собранія 1879—1914. Тверь 1914. Тип. Н. М. Родионова, преемн. М. В. Блиновъ. 4° (20 × 29). 72 стр. съ портр. и рис. Вѣсь 1 ф. 8 л. 500 экз.

Итого науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Книга X. М. 1914. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19 × 27). 257—380 стр. + 11 рис. Вѣсь 1 ф. 1 л. 5.100 экз.

Каталогъ исторической выставки архитектуры при V Всероссийскомъ съездѣ зодчихъ въ Москвѣ 1913. М. 1914. Тип. П. П. Рябушинскаго. 8° (17 × 20). 60 + 1 нен. стр. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Кирилловъ, И. Третій Римъ. Очеркъ исторического развитія идеи русскаго мессіонизма. М. 1914. Тип. И. Маштова (Б. Садовая, с. д.). 8° (17 × 27). 100 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Корниловичъ, М. 50-лѣтие Крестьянской реформы 19-го февраля 1864 г. Спб. 1914. Изд. Земск. Отд. Мин. Внутр. Дѣлъ. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 4° (18 × 28). 24 стр. съ портретами. Вѣсъ 5 л. 200.000 экз.

Леманъ, Г. Гравюра и литографія. Очерки исторіи и техники. Спб. 1913. Изд. Кружка любителей изящн. изданій. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигород., 11). 4° (23 × 31). 291 стр. съ грав. и рис. Вѣсъ 7 ф. 16 л. 500 экз.

Львовъ, Т. Е., кн. и И. Г. Полнеръ. Наше земство и 50 лѣть его работы. М. 1914. Тип. И. П. Рябушинскаго. (Путниковскій пер., с. д.). 8° (16 × 24). 62 стр. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

альмбергъ, Влад. Иванъ Владимировичъ Цвѣтаевъ. М. 1914. Тип. Снегиревой. (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Новый Энциклопедический словарь. Томъ XVII. Душевныя болѣзни—Луки. Спб. 1914. Изд. и тип. Акц. общ. Брокгаузъ—Ефронъ (Прачесній, 6). 8° (19 × 27). 963 + XII стр. Съ рис., чертеж. и картами. Вѣсъ 2 ф. 31 л. 16.000 экз.

Орѣшниковъ, А. Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморского побережья. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 68 стр. + 2 табл. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 100 экз.

Педагогіческий музей военно-учебныхъ заведеній. 1864—1914. Исторіческій очеркъ подъ ред. Я. Л. Баркова. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (20 × 26). XVII + 243 стр. Съ рис. и портр. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 700 экз.

Перевезевъ, В. Ф. Творчество Гоголя. (Корифенъ русской художественной литературы XIX вѣка, кн. 2-я). М. 1914. Изд. к-ва Современные Проблемы. Тип. Московское изд-во. (Б. Дмитровка, 26). 8° (13 × 20). 360 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 2.100 экз.

Поржеевинскій, В. Преподавательская и ученая дѣятельность Всев. Фед. Миллера въ области языковѣдѣнія. (Изъ отчета Пми. Моск. Университета за 1913 г., ч. I). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15 × 22). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Родъ Подольскихъ. Черниговъ. 1914. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17 × 25). 14 стр. Вѣсъ 5 л. 15 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX в. Ч. 1-я. Съ портретами русскихъ писателей. М. 1914. Изд. 9-е. Тип. Т-ва Печатня С. И. Яковлева. (Салтыковск. п., 9). 8° (16 × 24). 415 + II стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 20.000 экз.

Семеновъ, Леонидъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой. (Къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). М. 1914. Тип. В. М. Сабина (Петровка, 26). 8° (17 × 24). 463 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 500 экз.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV. Вып. 7. Концепція—Корпунья. Спб. 1913. Тип. Им. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (20 × 30). VI + 192 2—2240 столб. Ц. 75 к. Вѣсъ 30 л. 6.060 экз.

Сперанский, М. Всеволодъ Федоровичъ Миллеръ. (Изъ отчета Импер. Моск. университета за 1913 г., ч. I). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (15×22). 31 стр. Весь 4 л. 100 экз.

Хитрово, С. К. и Догель, М. И. Рельефный планъ-панорама Бородинского боя 26 августа 1812 г. Описание и краткій очеркъ организаціи и обмунированія войскъ, участвовавшихъ въ Бородинскомъ бою. Спб. 1914. Тип. Мин. Путей Сообщ. (Фонтанка, 117). 8° (17×24). 66 стр. Съ рис. Весь 7 л. 500 экз.

Хронологический указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. 1900—1905 г. Томъ V. Спб. 1913. Тип. Им. Екатер. Великой (въ зданіи Гл. Штаба). 8° (20×17). 162 стр. Весь 22 л. 1.050 экз.

Будде, Е. Ф. проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1913. Изд. кн. маг. Голубева, 2-е (Воскресенская у., д. Матв'евскаго). Тип. Университета. 8° (17×25). 364 стр. Ц. 3 р. Весь 1 ф. 3 л. 1.200 экз.

Волконская, М. Н., кн. Записки. Переводъ съ французскаго оригинала А. Н. Кудрявцевой. Біографический очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. Спб. 1914. Изд. Прометей (Поварской, 10), 2-е доп. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×24). VIII+215 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Весь 1 ф. 2.100 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Киевъ. 1914. Изд. Н. Я. Огоблина, 2-е, съ исправленіями (Крестатикъ, 33). Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (17×25). VI+428 стр. Ц. 2 р. 20 к. Весь 1 ф. 21 л. 2.600 экз.

Дѣятельность земства въ Херсонскомъ уѣздѣ за 50-лѣтіе 1864—1913 г.г. Юбилейное популярное изданіе уѣзднаго земства. Составлено земскими служащими подъ редакціей управы. Херсонъ. 1914. Тип. О. Д. Ходушеной 8° (18×24). 241 стр. Съ рис. Весь 1 ф. 11 л. 5.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1913 г. Кн. 3-я, тома XVIII-го. А. И. Яцимирскій. Къ исторіи ложныхъ молитвъ въ южно-славянской письменности Д. В. Айналовъ. Очерки и замѣтки по исторіи древне-русскаго искусства. К. К. Истоминъ. „Старая манера“ Тургенева (1834—1855). В. П. Адриановъ. Хожденіе Арсения Селунскаго. В. М. Поповъ. Замѣченіе о сѣверно-смоленскихъ и ржевскихъ говорахъ. Е. В. Анчиковъ. Методологическая замѣчанія о текстѣ „Демона“. Н. М. Петровскій. Письмо патріарха Константинона. Феофилакта царю Болгаріи Петру. Бібліографія: В. М. Поповъ A. Lundell. М. С. Московлевичъ. По поводу статьи В. А. Богородицкаго. А. И. Соболевскій. Прот. И. И. Кузнецова: св. Василий и Ioannъ. Е. Ф. Будде, Сочиненія Мих. Дмитр. Чулкова. Спб. 1914. Тип. Им. Акад. Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (16×25). 404 стр. Ц. 1 р. 50 к. Весь 1 ф. 18 л. 830 экз.

Исторія о Парижѣ и Вѣнѣ. Переводная повѣсть въ стихахъ Петровскаго времени. Приготовилъ къ изданію Н. Н. Виноградовъ. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. № 6. Томъ XC. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (16×25). VII+329 стр. 2 р. 25 к. Весь 1 ф. 8 л. 425 экз.

Конспектъ по исторіи покоренія Кавказа. Къ лекціямъ читаннымъ шт.-капитаномъ Жилинскимъ 1913/14 г. по исторіи русской арміи. Вильна 1914. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, с. д.). 8° (17×25). 34+1 иен. стр.+4 карты. Весь 5 л. 210 экз.

Краснянскій Ва. Гавр. Г. Борисовъ и Борисовскій уѣздъ въ Отечественную войну 1912 года. Гродна. 1914. Тип. Гродненская. 8 (14 × 22). 63 + 1 нен. стр. съ картой. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Московское дворянство. Родословная книга дворянства Московской губерніи. Т. I. Дворянства жалованное и выслуженное. А—И. Подъ ред. Л. М. Савелова. М. 1914. Тип. Т-ва печатни С. П. Яковлева (Салтыковский пер., 9. 8° (18 × 26). IX + 686 стр. Вѣсъ 4 ф. 6 л. 800 экз.

Острогорскій, А. Н. Н. И. Пироговъ и его педагогические заметы. (Очерки по истории русской педагогической мысли). Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 25). VI + 179 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 1.000 экз.

Палеографические снимки съ нѣкоторыхъ греческихъ, латинскихъ и славянскихъ рукописей Императорской Публичной Библиотеки. Спб. 1914. Изд. Имп. Публичной Библиотеки. Тип. В. Ф. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (43 × 56). 10 стр.+XIV таблицъ. Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 200 экз.

Памятная книжка Виленской Губерніи. 1914 г. Подъ ред. П. А., фонъ-Вонгааза. Вильна. 1914. Изд. Виленск. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (15 × 23) XV + 239 + 125 + 8 нен. стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.000 экз.

Памятная книжка Могилевской губерніи на 1914 годъ. Подъ ред. И. И. Марченко. Могилевъ. 1914. Изд. Могилевск. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (17 × 22). XVII + 292 + 256 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.000 экз.

Памятная книжка Эриванской губерніи на 1914 годъ. Подъ ред. К. А. Волчанина. Эривань. 1914. Изд. Эриванск. Губ. Статистич. Комит. Тип. Губернского Правленія. 8° (15 × 21). 13 нен.+V+81+41+190+111+4 нен. стр.+1 планъ. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 700 экз.

Петровъ, Г. Д. Державный домъ Романовыхъ въ русской литературѣ. Рѣчь, произнесенная въ Херсонской 1-й мужской гимназіи, по случаю трехсотлѣтія Дома Романовыхъ (21-го февраля 1913 г.). Феодосія. 1913. Тип. Косенко. 8° (16 × 22). 30 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Плещеевъ, Александръ. Что вспомнилось. Актеры и писатели. Томъ III. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (14 × 21). 270 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 1.700 экз.

Поповъ, Т. Д., свящ. Св. Тихомъ Задонский какъ нравоучитель. Воронежъ. 1914. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (Б. Двор. д. Сомова). 8° (17 × 25). 272 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 500 экз.

Программа курса методологіи исторіи, читанного въ Московскомъ Университетѣ въ весеннемъ полугодіи 1912—1913 г. Прив.-доц. А. И. Яковлевымъ. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 4° (22 × 28). Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Ростовцевъ, М. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Т. I. Описание и изслѣдование памятниковъ. Спб. 1914. Изд. Имп. Археологич. Коммисіи. Тип. Голике и Вильборга (Звенигородская, 11) 1° (29 × 40). XVIII + 537 стр. съ рис. Вѣсъ 9 ф. 25 л. 1.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ Императрицы Екатерины II. 1769—1772. Томъ 143. Спб. 1913. Тип. Тренке и Фюсно (Максимилиан. пер., 13). 4° (20 × 28). XVI + 643 + X стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 4 л. 1.200 экз.

Срезневский, В. И. Описание рукописей и книгъ, собранныхъ для Императорской Академии Наукъ въ Олонецкомъ краѣ. Спб. 1913. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 4° (21 × 29). XXVIII + 688 стр. Ц. 3 р. 60 к. Весь 3 ф. 25 л. 400 экз.

Труды Вятской ученой архивной комиссии, за 1914 г. Выпускъ I. Вятка. 1914. Тип. Губернская. 8° (15 × 24). 287 + III стр. Весь 21 л. 350 экз.

Цвѣцинскій. Описаніе похода и боевыхъ дѣйствий 5-й роты 146 пѣх. Царицынского полка въ Русско-Японскую войну 1904—1906 г. Спб. 1913. Тип. Экономич. (В. О., 14 л., 5). 8° (19 × 25). 40 стр. Съ картами. Весь 8 л. 250 экз.

Шаинкинъ, И., проф. Указедъ книгохранителя Спасо-Прилуцкаго монастыря Арсения Высоцкаго 1584 г. Спб. 1914. Тип. М. Александрова Надеждинская, 43. 8° (18 × 28). 28 стр. Съ рис. Весь 10 л. 485 экз.

Акты и документы, относящіяся къ исторіи Киевской Академіи. Отдѣленіе III. (1796—1869 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. Ф. И. Титова. Т. IV. (1813—1819 г.г.). Киевъ. 1913. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18 × 26). XCIV + 944 стр. Ц. 4 р. 50 к. Весь 3 ф. 11 л. 500 экз.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь. Спб 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 9° (16 × 25). XXXVIII + 386 стр. Ц. 2 р. Весь 1 ф. 11 л. 800 экз.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь. Записки Историко-Филологического Факультета Императорского Спб. Университета. Часть CXVII. Спб. 1914. Тип. М. Стасюлевича (В. О. 5 л., 28). 8° (16 × 25). XXXVIII + 389 стр. Весь 1 ф. 11 л. 400 экз.

Бартеневъ, П. И. Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Изд. Русского Архива. Тип. Синодальная. 16° (14 × 18). VII + 171 стр. Ц. 1 р. 50 к. Весь 15 л. 1.200 экз.

Грушевскій, М., проф. Исторія украинскаго казачества до соединенія съ Московскимъ Государствомъ. Томъ 2-й. Первые десятилѣтія XVII вѣка. (Извлечено изъ VII и VIII томовъ „Исторії України Руси“). Киевъ. 1914. Тип. 1-й Киев. артели печ. дѣла (Трехсвятител., 5). 8° (17 × 25). 476 стр. Ц. 3 р. Весь 1 ф. 28 л. 1.500 экз.

Гудзій, Н. К. Литература „Слова о полку Игоревѣ“ за послѣднее 25-лѣтіе (1894—1913 г.). (Критико-библиографический очеркъ). Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 26). 37 стр. Весь 4 л. 250 экз.

Добролюбовъ, А. Н. Преп. Федоръ, исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (18 × 28). XX + 972 + LC + 1 нен. + 10 стр. Ц. 5 р. Весь 3 ф. 21 л. 300 экз.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблема). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 14-й. Спб. 1914. Изд. бр. А. и И. Гранатъ. Тип. Мин. Путей Сообщ. (Фонтанта, 117). 8° (19 × 27). 369—385 + 64 стр. Съ рис. Весь 25 л. 3.200 экз.

Краткій исторіческий очеркъ о дѣятельности Яранскаго уѣзданого земства за все время его существованія (1867—1914 г.г.). Яранскъ. 1914. Изд. Уѣзданого земства. Тип. А. Н. Глушкова. 8° (16 × 24). 32 стр. Весь 3 л. 600 экз.

Лебедевъ, В., прот. Историческая записка о Тамбовскомъ епархиальномъ женскомъ училищѣ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія.

1863—1913 г. Тамбовъ. 1914. Тип. Н. И. Бердоносовъ и с-нъ. 8° (16×23). 104+XXI стр. Съ рис. Вѣсъ 13 л. 1.025 экз.

Лайстеръ, А. Ф. Археологическія изслѣдованія А. А. Ивановскаго въ Эриванской губерніи Эривань. 1914. Изд. Эриванск. Губ. Статистич. Комитета. Тип. Губ. Правл. 8° (15×21). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 37 экз.

Максимовичъ, Г. А. Деятельность Румянцева-Задунайскаго по управлению Малороссіей. Т. I. (Положенія). Нѣжинъ. 1914. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8° (17×26). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 400 экз.

Московская политическая литература XVI вѣка. Изборникъ подъ ред. и со вступительной статьей Мих. Ковалевскаго. Культурно-историческая библиотека. Спб. 1914. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (17×25). 134 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Никифоровъ, Н. и Шиманскій, М. 1861—1864. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Киевъ. 1914. Изд. Киев. Учебного Округа, 2-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×22). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 50,000 экз.

Родословная родоспись рода князей Жеваховыхъ. (Россійская вѣтвь). Киевъ. 1914. Тип. 1-й Киевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (19×25). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Ростиславовъ. А. Куинджи. Спб. 1914. Изд. Н. И. Бутковской (Офицерская, 60). Тип. Морского Министерства (въ Главномъ Адмиралтействѣ). 8° (17×21). 39 стр. съ рис. Вѣсъ 17 л. 1.055 экз.

Сивковъ, К. В. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Культурно-историческая библиотека. Спб. 1914. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (17×25). 134 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Аксаковъ. Редакція Н. Д. Носкова. Вып. 5. Спб. 1914. Изд. издат. Словарь Лит. Типовъ, 2-ое. Тип. Труль (Кавалергардская, 40). 8° (16×26). 109 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 2.000 экз.

Титовъ, Ф. И., прот. Киево-Подольские монастырскіе и приходскіе храмы сто лѣтъ тому назадъ (Къ исторіи великаго пожара на Киево-Подолѣ 9 июля 1811 г.). Киевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16×24). 27 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Труды пятнадцатаго Археологического Съѣзда въ Новгородѣ 1911 г. Подъ ред. графини Уваровой. Томъ I. М. 1914. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. цер., д. Лисснера). 4° (26×35). XVIII + 664+177 стр. съ 23 рис. Вѣсъ 8 ф. 2 л. 625 экз.

Харламповичъ, К. В. Малороссийское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Томъ I. Казань. 1914. Изд. кн. маг. Голубева (Воскресенская ул., д. Матвеевскаго). Тип. Университета. 8° (20×28). XXIV × 878+LXVI стр. Ц. 7 р. Вѣсъ 3 ф. 26 л. 600 экз.

Шевченко какъ живописецъ и граверъ. Киевъ. 1914. Изд. журн. Искусство. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (26×34). 16 стр. — 24 листа рис. Складѣ: Кн. маг. Л. Ілзиковскаго (Крепатикъ, 29). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 400 экз.

Юбилейная памятная книжка XLIII курса Императорской Спб. Духовной Академии 1886—1911 г.г. Спб. 1914. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининск., 45). 8° (16×23). 82 стр. Съ портретами и рис. Вѣсъ 28 л. 130 экз.

(Продолженіе следуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

зокъ, всмотримся въ контуры ея гармоничныхъ силузотовъ и, заглядѣвшись на святые взоры древнихъ иконописныхъ изображений, поклонимся вдохновенной душѣ русскіхъ художниковъ, завѣщавшихъ потомкамъ богатства своего искусства". Эти слова не лишены преувеличения, такъ какъ сокровищами искусства въ строгомъ смыслѣ слова Казань никогда не могла гордиться, но она до сихъ поръ сохранила много типичаго и цѣннаго, особенно въ области архитектуры. Отъ древняго художества, благодаря пожарамъ, остались едва замѣтныя намеки. Довольно богата Казань церковной стариной и красотой, не разъ обращавшей на себя внимание писателей, но очень бѣдна по части гражданской архитектуры. XVIII вѣкъ ничѣмъ въ этомъ отношеніи не представленъ; отъ XVII остался только Дрябловскій домъ съ его оригинальными оконными наличниками и узорчатыми, зубчатыми кирпичными карнизами. Лишь неоклассицизмъ XIX вѣка нѣсколько оживилъ Казань (преимущественно наброски Коринескаго и Пятницкаго). Авторъ и издатель, повидимому не пожалѣвшій средствъ на эту изящную, съ прекрасными иллюстраціями и очень дешевую (1 р. 50 к.) книжку, заслуживають глубокой признательности. Она можетъ „открывать глаза“ на старую красоту и научаетъ цѣнить и оберегать ее.

Кн. Г. Е. Львовъ и Т. И. Полнеръ. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. Книгоиздательство „Задруга“. М. 1914.

Прекрасная, хорошо рассчитанная на „всероссійскаго массового читателя, городского и деревенскаго, книжка двухъ почтенныхъ земскихъ работниковъ излагаетъ исторію и знакомитъ съ современнымъ положеніемъ земскихъ учрежденій. Въ популярной литературѣ, вызванной недавно отпразднованнымъ земскимъ юбилеемъ, она занимаетъ первое мѣсто.

„Къ 50-лѣтію земскихъ учрежденій“. Къ исторіи организаціи и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губернії. Изданіе Саратовской губернс. учен. архивной комиссіи. Саратовъ. 1914.

Брошюра эта имѣеть чисто-мѣстный характеръ, но и для общей исторіи земства представляетъ богатый материалъ. Авторы ограничились периодомъ первыхъ трехъ сессій: „намъ думается, что въ данное время эти три сессіи и представляютъ на самомъ дѣлѣ исторический интересъ, такъ какъ участники ихъ явились, можно сказать, пionерами, дѣлавшими первые шаги, расчистившими путь къ дальнѣйшему развитію общественной инициативы и самодѣятельности“.

П. Андріановъ. Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 г. Ларго-Кагульская операция.

Авторъ этой книги П. Андріановъ, известный своими прекрасными трудами по военной исторіи, блестяще и разносторонне изобразилъ Ларго-Кагульскую операцию Румянцева. По словамъ автора: „Походъ Румянцева къ Дунаю“ служилъ высокимъ образцомъ военного искусства; имъ можемъ мы гордиться. Блестящія побѣды Румянцева подтверждаютъ глубокую мысль, высказанную Петромъ Великимъ въ день Полтавской битвы: „Больше побѣждаетъ разумъ и искусство, нежели множество“.

Книга снабжена тщательно исполненными планами и картой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Цинверлинга (бывшій Мелье и К°), Невский просп., д. № 20. „Новое Время“, Невский, д. 40. Вольфъ, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдельныхъ событияхъ русской истории преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и материалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быт русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжкѣ присыпать въ редакцію заявление о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніемъ и измѣненіемъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
Его жизнъ и дѣятельность“,**

съ предисловіемъ и подъ редакціи Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЬСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLV-й.

МАЙ.

1914 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году.	VIII. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаний посвящаются памяти Михаила Алексеевича Балакирева. Кн. М. В. Волконской . . . . .
II. Сообщеніе въ память Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апреля 1910 года Императорскаго Русского Исторического Общества. А. Н. Куломзина	312—332
III. Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова). Гр. Н. Н. Игнатьева	333—355
IV. Къ исторіи Императора Павла. Сообщ. Е. С. Шумигорскій	356—371
V. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишскою комиссию по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—1870 г. Николая Полевого	372—382
VI. Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко. Сообщ. Н. Макшеева	383—391
VII. Материалы по изслѣдованию войны 1812 г. Отзывъ генерал-лейтенанта Тормасова князю Багратіону съ приложениемъ письма (неизвестнаго) изъ Брестлавля. Сообщ. Б. Колюбакинъ	392—409
VIII. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаний посвящаются памяти Михаила Алексеевича Балакирева. Кн. М. В. Волконской	410—417
IX. Изъ записокъ Г. А. де-Воллана	418—434
X. Аскания-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ. Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи. П. Козлова	435—440
XI. Лирика Е. А. Боратынского. М. Л. Гофмана	441—450
XII. Монотононія къ штабу отдѣльного корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилю г. Аксакову. Н. Н. Хитрово	451—460
XIII. Поѣздка въ Наблусъ (Силемъ). Дневникъ профессора В. А. Левисона. Василія Левисона	461—470
XIV. Шейхъ-Мансуръ Анапский. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа). М. Я. Королькова	471—480
XV. Виленская воспоминанія. Алексея Гене	481—490
XVI. Книги, вышедшия по исторіи и исторіи литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г.	491—500
XVII. Библиографический листокъ (на обложкѣ).	501—510

Приложения: Портретъ Великаго Князя Владимира Александровича и 3 рисунка къ статьѣ „Аскания-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ“. П. Козлова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

5-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1914 года.

библиотека Руниверса

Библіографіческий листокъ.

Біографіческий очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлайшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго. С.-Петербу́ргъ. 1914.

Въ краткомъ, но прекрасно составленномъ, потомкамиъ почившаго фельдмаршала, его біографіческомъ очеркѣ отчетливо выяснены тѣ заслуги, которыя оказаны Россіи кн. П. М. Волконскимъ. Рельефно изображенъ его выдающійся подвигъ подъ Аустерлицемъ, награжденный Георгіемъ 3-го класса, создание имъ квартирмайстерской части (генерального штаба) у нась, его дѣятельность въ годину отечественной войны, его выдающаяся дѣятельность въ роли начальника главнаго штаба при Его Імператорскомъ Величествѣ во время войны 1813 и 1814 годовъ. Роль эта была очень трудная, требующая особыхъ способностей, большого такта и характера. Она была выполнена княземъ Волконскимъ съ блестящимъ успѣхомъ. Особенно ярко выяснилась эта выдающаяся дѣятельность, когда князь первый призналъ необходимость для движенія союзныхъ войскъ въ Парижъ и настойчиво провелъ эту мысль въ исполненіе.

Съ 1815 по 1823 годъ князь былъ назначенъ постояннымъ начальникомъ Главнаго Штаба Его Імператорскаго Величества, съ подчиненіемъ ему военнаго министра и сопровождалъ Імператора Александра I во всѣхъ его путешествіяхъ. Какими тяжелыми испытаніями сопровождалась эта безсмѣнная служба при Імператорѣ Александрѣ Павловичѣ, какой необычайной выдержки, способностей и самообладанія она требовала, — о томъ единогласно свидѣтельствуютъ современники.

Несмотря на всѣ эти заслуги во время заграничного отпуска князя Волконскаго, по интригамъ Аракчеева, князь былъ замѣненъ Дубичемъ.

Въ 1825 году князь Волконский состоялъ при Імператрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и былъ свидѣтелемъ кончины Імператора Александра I и Імператрицы Елизаветы Алексѣевны. При Імператорѣ Николаѣ Павловичѣ князь былъ министромъ Імператорскаго Двора и скончался въ 1852 году. Изданіе этой біографіи дѣлаетъ честь потомкамъ почившаго князя, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ и обнародовавшимъ интересные для исторіи документы. Многіе потомки замѣчательныхъ нашихъ людей имѣютъ въ своихъ рукахъ много интереснаго о своихъ предкахъ, но этого не дѣлаютъ.

Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Въ двухъ томахъ. Книгоизд — во „Путь“. М. 1913, 1914.

Талантливый біографъ Чаадаева собравъ все вышедшее изъ-подъ его пера и сохранившееся до нашихъ дней. Не все ему удалось разыскать (не достаточно многихъ документовъ, бывшихъ въ рукахъ кн. И. С. Гагарина, первого издателя сочиненій Чаадаева, и М. И. Жихарева, исчезли даже нѣкоторыя „Философическая письма“), но зато добыто много нового. — Нѣсколько писемъ Чаадаева, его мистическій дневникъ („Записки о духовѣдѣніи“), отрывки изъ недопущенныхъ до насть философическихъ писемъ, вариантъ „Апології сумашедшаго“. Въ превосходно составленныхъ примѣчаніяхъ даны необходимыя объясненія и справки; тутъ же приведенъ рядъ писемъ корреспондентовъ Чаадаева. Такъ какъ большая часть текстовъ написана не по-русски, то весь второй томъ отведенъ переводамъ. Старательно редактированное и прекрасно изданное собраніе это, въ связи съ написанной г. Гершензономъ біографіей, — достойный памятникъ Чаадаеву и дорогой подарокъ русскому образованному обществу.

„Вадимъ Новгородскій“. Трагедія Я. Княжнина. Съ предисловіемъ В. Саводника. М. 1914 г.

Текстъ знаменитой трагедіи, перепечатанной въ „Русс. Старинѣ“ 1871 г. съ небольшимъ пропускомъ, въ настоящемъ изданіи данъ цѣликомъ и, кроме того, пересмотрѣнъ. Лишь недавно разысканными г. Семенникова установлено, что „Вадимъ“ былъ изданъ не Академіей, а книго-

**КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ ПОДПИСЧИКОВЪ И КНИЖНЫХЪ МАГА-
ЗИНОВЪ, ПРИНИМАЮЩИХЪ ПОДПИСКУ**

Редакція журнала «Русская Старина» доводитъ до свѣдѣнія, что съ 1-го янвarya будущаго 1915 года, подписная цѣна на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи вмѣсто 9-ти рублей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
въ историческомъ журналѣ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Ф. Кони.—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. „Житейскія встречи“. Дневные записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. С. Е. О.—„Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ о взятии Парижа“. „Письмо Императрицы Маріи Феодоровны“. П. А. Зотова.—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.“. Записки Н. В. Исакова.—„Военные дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ“. Г. И. Бобрикова.—„Воспоминанія. Е. С. Шумигорскаго.“. „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I“. „Смольный монастырь“. „О запискахъ Екатерины II“. А. З. Попельницкаго.—„Специальная цензура книгъ“. П. К. Козлова.—„Асканія-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ“. А. М. Колонтай.—„Записки генерала М. А. Домонтовича“ П. Л. Юдина.—„Посольство Марины къ шаху Аббасу“. „Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ“. А. С. Панкратова.—„Старообрѣдцы и Наполеонъ I“. В. А. Андерсона.—„Дневникъ И. М. Сѣнѣгера 1825—1828 гг.“. Н. К. Полеваго.—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г.“ (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева и др.). Сообщ. Е. С. Шумигорскій.—„Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года“. „Изъ записокъ гр. Ф. И. Головкина“. „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I“. Н. А. Вилламова.—„Дневникъ статьи-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. С. Н. Брайловскаго.—„Александръ Федоровичъ фонъ-деръ-Бринкенъ на родинѣ“. А. С. Лацинского.—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году“. В. А. Арсеньева.—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову“. Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. П. А. Висковатова.—„Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу“. И. В. Мѣшанинова.—„Два письма Аракчеева“. И. П. Мордвинова.—„Гибель крамольного рудомета“. „Демократъ двадцатыхъ годовъ“. „Непризнанный гений“ Ф. П. Уловича.—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій“. Н. А. Мурзанова.—„Къ биографіи декабристовъ: кн. С. Г. Волконского и М. А. Луниной“. В. Дометти.—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театрѣ“. Н. П. Хитрово.—„Послѣдній штурмъ Карса въ 1877 году“. М. В. Безобразовой.—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. В. А. Степанова.—„Таинственный преступникъ“. А. М. Самбурекаго.—„Очерки изъ семейной жизни“. Владиславлева.—„Подонки родины“. С. В. Танѣева.—„Курьезы старой Москвы“. З. А. Слезинской.—„Неудачная опека“. С. С. Чеха.—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты“. М. В. Станиславскаго.—„Э. Ф. Направникъ“ С. Н. Введенскаго.—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ“. „Демонскіе лики въ Рязани“. Т. М. Оленникова.—„Іеромонахъ Юрьевы монастыря Платонъ и его рукописи“. Е. С. М.—„Депутатъ отъ Россіи“. Н. Ф. Мельницкаго.—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну“. Д. М. Лаврова.—„Углицкій ссылочный колоколъ“. Н. И. Морозова.—„Люди и нравы за полѣтка“. Б. В. Каходекаго.—„Дневникъ М. И. Каходекаго о походѣ 1814 г.“ Е. К. Андріяшевой.—„Воспоминанія старого педагога“. Воспоминанія Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа Н. П. Игнатьева о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
 ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 НА
 „Стенографический Отчетъ Портъ-
 Артурского процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствие въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Издание будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпіску и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпускъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписька принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Нового Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

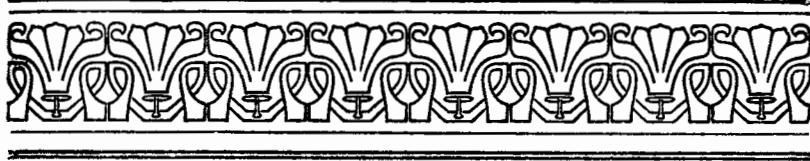
За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будуть напечатаны въ отчетѣ. За исправление техническихъ терминовъ, фамилій и названий мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждого выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографический Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Сообщение въ память Его Императорского Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 года Императорскаго Русскаго Историческаго Общества¹⁾.

Найболѣе тяжкую за истекшій промежутокъ времени потерю Общество понесло въ лицѣ своего старѣйшаго члена. Почетнаго Члена Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, почившаго 4 февраля 1909 года. Великій Князь Владимиръ Александровичъ родился 10 апрѣля 1847 года. Красавецъ въполномъ смыслѣ этого слова, баловень родителей, онъ съ ранихъ лѣтъ, благодаря своему благородному характеру, веселому нраву и впечатлительному сердцу, привлекалъ къ себѣ лицъ, его окружавшихъ, и самъ къnimъ привязывался, а богатыя способности помогали ему въ удовлетвореніи природной его любознательности. Таковъ обликъ его, какъ мальчика, по отзыву одного изъ его воспитателей, Н. Г. Казнакова. Какъ онъ относился къ лицамъ, его окружавшимъ, можно судить по запискѣ, начертанной дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ, въ которой онъ обращается къ Милой Лизѣ (женѣ его воспитателя), прося ее принести ему белой настѣны. Относительно благородства его натуры, мы пришлось слышать следующій достовѣрный разсказъ лица, мнѣ²⁾ лично известного: однажды въ пѣжиномъ дѣтствѣ Великаго Князя онъ встрѣчается съ толпой кадетъ въ Александрии: они становятся ему во фронтъ, онъ приглашаетъ ихъ играть въ войну и съ двумя изъ нихъ, на-

¹⁾ Предлагаемъ вниманию читателей интересную характеристику почившаго Великаго Князя Владимира Александровича.

Ред.

²⁾ А. Н. Куломзину.

значивъ ихъ своими адъютантами, бросается на штурмъ игрушечного крѣпостного вала; при спускѣ въ слѣдующій за нимъ ровикъ, Великий Князь зацѣпляется за кустъ и на щекѣ оказывается царапина; бонна англичанка издали спрашиваетъ, что это такое; Великий Князь срывается съ куста листокъ, налѣпляетъ на щеку и кричитъ, что это первое его боевое отличіе, а кадетамъ шепчетъ: „теперь скорѣй бѣгите въ лагерь, а то на Васъ будетъ жалоба“. Кадеты стремглавъ бросились бѣжать, поспѣли во-время и хотя дѣйствительно начальство спрашивало вечеромъ, не было ли отсталыхъ, но таковыхъ не оказалось.

Развитію любознательности Его Высочества несомнѣнно не мало содѣйствовали частыя совмѣстныя съ родителями поѣздки по Россіи и раннєе участіе въ современныхъ торжествахъ. Конечно, не въ счетъ этихъ поѣздокъ слѣдуетъ отнести первыя изъ нихъ на пароходѣ „Грозящій“ въ 1849 г. въ Ревель и въ 1852 г. въ Гансаль. Но за симъ въ 1854 и 1855 годахъ онъ сопровождается Ихъ Величества въ Москву, въ 1856 году присутствуетъ на торжественномъ вѣзѣ Императора и Императрицы въ Москву и на священномъ коронованіи; онъ вмѣстѣ съ родителями двукратно посѣщаетъ въ 1855 и 56 годахъ Троице-Сергіевскую Лавру. Засимъ образовательные поѣздки слѣдуютъ въ 1858 году въ Нарву, Выборгъ, на Иматру и ихерами къ устью рѣки Кюмени.

* * *

Въ 1861 году были усмотрѣны недостаточные успѣхи въ наукахъ у воспитывавшихся совмѣстно Великихъ Князей Александра Александровича и Владимира Александровича и воспитателемъ къ нимъ назначенному графу Перовскому. Человѣкъ чрезвычайно добрый и мягкий, графъ считалъ, однако, своимъ долгомъ принять на себя личину чрезвычайно суроваго воспитателя. Великие Князья вводятся въ рамки строго размѣреннаго дня. Вставать полагалось лѣтомъ въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра; день былъ расписанъ по часамъ: прогулки чередовались съ занятиями. Въ преподаватели къ Великимъ Князьямъ приглашены были лучшія силы тогдашняго педагогическаго міра. Во главѣ ихъ духовникъ Ихъ Величествъ, протоіерей Рождественскій, не только въ качествѣ преподавателя, но и почти ежедневнаго собесѣдника. Самъ одухотворенный до глубины души живою вѣрою, онъ стѣумѣлъ развить и укрѣпить таковую въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ. За симъ слѣдуютъ: Столюнинъ по русскому языку, Давальдъ по математикѣ, Бестужевъ-Рюминъ по

исторії, Чевилевъ по географії и статистикѣ. Установлены были отмѣтки; учителя обязаны были не стѣсняясь ставить двойки, единицы, нули. За каждою дурною отмѣткою или по поводу невниманія во время урока, за каждою вспышкою юношескаго пылкаго темперамента, слѣдовали замѣчанія, выговоры и даже наказанія, въ родѣ отлученія отъ совмѣстныхъ игръ на болѣе или менѣе продолжительное время. Во время отсутствія Ихъ Величества посыпались ежедневныя, а когда Ихъ Величества были въ дальнемъ отсутствіи (въ Крыму) еженедѣльныя подробныя донесенія о поведеніи и успѣхахъ въ nauкахъ Великихъ Князей. Эти донесенія возвращались съ собственноручными отмѣтками Государя Императора, и въ высокой степени трогательнымъ представляется то близкое участіе, которое Императоръ Александръ II принималъ въ воспитательномъ дѣлѣ. Каждая мелкая подробность въ отмѣчаемыхъ склонностяхъ того или другого изъ сыновей, чертахъ ихъ характеровъ, ихъ успѣхахъ находили себѣ откликъ въ сердцѣ Его Величества, подвергались обсужденію и получали оцѣнку. И вотъ, несмотря на такую исключительную строгость режима, Великий Князь привязывается къ новому своему воспитателю, называя его въ своихъ письмахъ „дорогой“.

Къ этому времени Великий Князь Владимиръ Александровичъ сталъ уже юношой, и о волновавшихъ его чувствахъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ въ одномъ изъ его писемъ къ графу Шеровскому. „Когда народъ“, — пишетъ онъ въ 1856 году изъ Старой Руссы, — „съ радостными криками „ура“ встрѣчаетъ меня, я внутренно говорю себѣ: этотъ народъ „любить Твоего отца, онъ обожаетъ его, старается и Ты быть „достойнымъ его любви. Не думайте, дорогой Борисъ Алексѣевичъ, что это пустыя слова; иѣтъ — они самыя искреннія“.

Вообще Великий Князь Владимиръ Александровичъ, а равно и Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ имѣли счастье попасть въ качествѣ воспитателей въ руки людей съ теплымъ сердцемъ и потому легко къ нимъ привязывались. Владимиръ Александровичъ во все послѣдующее время постоянно выражалъ семействамъ какъ Казнакова и Гогеля, такъ и графа Шеровского свое вниманіе, часто ихъ посещалъ и всячески оказывалъ свою поддержку всѣмъ членамъ этихъ семействъ.

Въ послѣдующихъ годахъ, строгость режима нарушается, однако, лѣтними поѣздками въ Москву, Ригу, Либаву; на освященіе въ Новгородѣ памятника тысячелѣтія Россіи (въ 1862 году); въ лагерь подъ Тавастгусомъ и на открытие Сейма въ Фин-

ляндії (въ 1863 году); на Московскіе маневры и за границу въ Швейцарію и Дармштадтъ (въ 1864 году).

Во время продолжительныхъ отсутствій Ихъ Величествъ въ 1863 году въ Ливадію и въ 1864 году въ Ниццу, Великіе Князья часто посѣщали Петергофъ, мѣсто пребываніе Великой Княгини Маріи Николаевны и Принцессы Евгении Максимилиановны. Къ этой эпохѣ и надлежитъ отнести починъ въ развитіи у Великаго Князя любви къ живописи и ваянію. Наклонность къ историческимъ изслѣдованіямъ могла возникнуть подъ вліяніемъ замѣчательнаго знатока исторіи, первого воспитателя Великаго Князя, Казнакова, а талантливое преподаваніе и неподдѣльный патріотизмъ Бестужева-Рюмина должны были развить въ Великомъ Князѣ ту любовь къ русской исторіи, къ русской старинѣ во всѣхъ сферахъ ея вліянія, а черезъ это и ко всему русскому, т.-е. ту сторону его міровоззрѣнія, которая, благодаря постояннымъ занятіямъ и феномenalной памяти, превратилась у него въ настоящую страсть.

Въ 1865 году Великій Князь переживаетъ, вмѣстѣ со всею Императорскою фамиліею, глубокое постигшее ее горе, и очевидцы свидѣтельствуютъ, какъ сильно печаль эта занала въ душу юноши. Если и ранѣе совмѣстное съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ воспитаніе сближило двухъ братьевъ, то перенесенная въ близкомъ общеніи общая семейная утрата еще болѣе укрѣнила эту дружбу. Глубокую привязанность къ Государю Императору Александру III Великій Князь сохраняетъ вплоть до кончины его старшаго брата и Государя.

Съ образованіемъ 1866 году, Русскаго Историческаго Общества, согласно идеи Государя Наслѣдника и самого Великаго Князя, развитію склонности Великаго Князя къ историческимъ наукамъ былъ данъ новый толчекъ. Секретарь Общества А. А. Половцовъ посвящаетъ Его Высочество въ изученіе издаваемыхъ Обществомъ документовъ, и мы видимъ Великаго Князя дѣятельнымъ участникомъ въ занятіяхъ Общества во все оставшое время. Нерѣдко Его Высочество дѣлаетъ сообщенія въ средѣ Общества и всегда съ живымъ интересомъ слѣдить за его работами.

* * *

Съ назначеніемъ Великаго Князя, 8 іюля 1866 года, ротнымъ командиромъ Преображенскаго полка и принесеніемъ имъ. 17 апрѣля слѣдующаго года, присяги, начинаяется, соб-

ственno говоря, его дѣйствительная служба. По совершениі осеню 1866 года бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича, Великій Князь Владимиrъ Александровичъ продолжаетъ сопровождать Его Величество на маневры, въ Москву, за границу и въ Ливадію; 20 декабря 1867 года онъ назначается командинромъ 1 баталіона того же полка и въ апрѣль 1868 года сдается баталіонъ для отправленія въ 3-хъ-мѣсячное путешествіе въ Западную Сибирь. Проѣздомъ онъ посѣщаетъ Нижній-Новгородъ. Симбирскъ и Самару и засимъ направляется на Уфу. Оренбургъ, Златоустовскій и Бѣлозерскій заводы, Петропавловскъ. Омскъ и Томскъ. Въ Западной Сибири крайнимъ на югъ пунктомъ является Бухтарминская станица и ца Востокъ гор. Канискъ. На обратномъ пути, Великій Князь Владимиrъ Александровичъ посѣтилъ Екатеринбургъ, Уральскіе заводы. Пермь. Весь путь слѣдованія былъ не что иное, какъ рядъ въ высшей степени трогательныхъ проявленій любви народной къ сыну обожаемаго Царя Освободителя. Населеніе стекалось толпами до 15.000 человѣкъ изъ-за 100 верстъ и далѣе, чтобы привѣтствовать Августѣшаго гостя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сказывалось и личное обаяніе Великаго Князя. Такъ, на пути между Омскомъ и Семипалатинскомъ въ станицѣ Желѣзниковской одна старуха вѣзла на помостъ посмотретьъ на дорогого гостя и вдругъ громко вскрикнула: „*La какои онъ хорошенький, мой Батюшка!*“! Въ Семипалатинскѣ до 5.000 человѣкъ народа собралось издалека встрѣтить Великаго Князя; дамы и дѣвицы простирали ему подъ ноги свои бурнусы, шали и платки, чтобы онъ только прошелъ по нимъ. Кромѣ торжественныхъ встречъ, посѣщеній соборовъ, обѣдовъ и вечеровъ, Великій Князь повсюду неукоснительно дѣлаетъ смотры мѣстнымъ войсковымъ частямъ, осматриваетъ музеи, тюрьмы, больницы, иногда, какъ въ Омскѣ, переполненные больными (250 человѣкъ), бесѣдуетъ съ мѣстными дѣятелями о нуждахъ края, разговариваетъ съ обывателями, интересуется всѣми деталями видѣніаго.

При объѣздѣ, 30 лѣтъ спустя, части мѣстностей, посѣщенныхъ Великимъ Княземъ, я неоднократно сталкивался съ воспоминаніями мѣстныхъ жителей о путешествіи Его Высочества.

* * *

Всѣдѣ за возвращеніемъ изъ этого путешествія, Великій Князь, 22 ноября того же года, получаетъ назначеніе Сенаторомъ 1-го Департамента Правительствующаго Сената, того учрежденія, въ коемъ сосредоточиваются всѣ нити нашего

государственного управления. Живо заинтересовавшись этимъ практическимъ, такъ сказать, курсомъ нашего государственного права, Великий Князь, подъ руководствомъ бывшаго тогда оберъ-прокурора этого Департамента А. А. Половцова, въ теченіе иѣсколькихъ лѣтъ принималъ постоянное участіе въ засѣданіяхъ Правительствующаго Сената. По требованію Императора Александра II, Великий Князь прибывалъ въ Сенатъ ежедневно въ 11 часовъ утра, оставался до конца засѣданія, т. е. до 4 часовъ и позже, за тѣмъ ѻхалъ во Дворецъ отдавать Государю отчетъ въ томъ, что происходило въ засѣданіи.

Весною слѣдующаго 1869 года, Великий Князь отправляется, по Высочайшему повелѣнію, въ новую образовательную поѣздку за границу, въ течечіе коей посѣщаетъ Вѣну, Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь и въ томъ же году, 30 ноября, назначается Товарищемъ Президента Императорской Академіи Художествъ. Въ послѣдующихъ годахъ Великий Князь постоянно сопровождаетъ Императора Александра II въ поѣздахъ Его Величества по Россіи, каковы поѣздки въ 1871 году на Кавказъ, въ 1872 году въ Москву на политехническую выставку, въ Крымъ и Донскую Область, а также неоднократно за границу. Во время заграничныхъ поѣздокъ Его Высочество дополняетъ свое художественное образованіе изученіемъ галлерей въ Германіи, Голландіи и Бельгії. За кончиной Великой Княгини Маріи Николаевны, Великий Князь назначается, 14 февраля 1876 года, Президентомъ Академіи. Его Высочество пробылъ въ этомъ званіи 34 года. Засѣданія Академіи онъ посѣщалъ сравнительно рѣдко, предпочитая представлять участвующимъ въ нихъ лицамъ полную свободу въ обсужденіи подлежащихъ вѣдѣнію Академіи дѣлъ, но выставки и классы Его Высочество посѣщалъ въ среднемъ около 6 разъ въ годъ, т. е. въ общей совокупности до 200 разъ. И въ этомъ званіи Великий Князь, по отзывамъ вполнѣ компетентныхъ лицъ, проявилъ свою особливую любовь къ русскому искусству, свою доступность всѣмъ возникающимъ талантамъ. Проевѣщенная же и глубоко вѣрная его оцѣнка произведеній искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ его щедрость выразились въ томъ замѣчательномъ собрaniи произведеній русскихъ художниковъ, которымъ Великий Князь наполнилъ Свой Дворецъ.

* * *

Съ 10 января 1872 года, въ силу Особаго Высочайшаго повелѣнія, Великий Князь присутствовалъ въ засѣданіяхъ

Государственного Совѣта, не принимая участія въ решеніи дѣлъ, а Высочайшимъ приказомъ 16 апрѣля того же года состоялось назначеніе Его Высочества членомъ этого Собрания. Съ этого дня по 26 апрѣля 1906 года, т. е. до преобразованія Государственного Совѣта, состоялось 889 засѣданій Общаго Собранія, изъ коихъ Великій Князь присутствовалъ въ 626 засѣданіяхъ. За все это время Его Высочество проявлялъ живой интересъ къ законодательнымъ вопросамъ.

Въ 1874 году Великій Князь, слѣдя влечению сердца, соединяется узами брака съ дочерью Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Ея Императорскому Высочеству Великою Княгинею Марию Павловною, и съ этого времени началась самостоятельная жизнь Его Высочества. Но едва прошло 3 года, какъ мирная семейная жизнь Его Высочества прерывается наступившими на Ближнемъ Востокѣ событиями.

* * *

Съ открытиемъ военныхъ дѣйствій па Балканскомъ полуостровѣ. Великій Князь получаетъ временное командование двѣнадцатымъ армейскимъ корпусомъ въ Рущукскомъ отрядѣ, состоявшемъ подъ общимъ командованіемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. Въ командованіе корпусомъ Великій Князь вступилъ 26 іюня. Для того, чтобы очертить участіе Великаго Князя въ военныхъ дѣйствіяхъ, мнѣ придется неизбѣжно, хотя бы кратко, коснуться положенія и всей дѣятельности Рущукскаго отряда.

Какъ известно, отрядъ этотъ состоялъ изъ 49 баталіоновъ, 2 ротъ, 41 эскадрона и сотенъ, при 224 орудіяхъ, всего 55.847 человѣкъ въ строю. Общая оборонительная его линія простиралась по длини на 50 безъ малаго верстъ, а линія кавалерійскаго наблюденія до 60—65 верстъ¹⁾.

¹⁾ Въ составъ Рущукскаго отряда входили слѣдующія войска:
12 корпусъ.

12-ая пѣх. дивизія, полки: Азовскій, Днѣпровскій, Українскій и Одесскій.

33-я пѣх. дивизія, полки: Бессарабскій, Херсонскій, Тираспольскій и Бендерскій.

12-ая арт. бригада.

33-я арт. бригада.

12-ая кавалер. дивизія, полки: Стародубскій драгунскій, Бѣлогородскій уланскій, Ахтырскій гусарскій и Донск. казач. № 12.

Донской казачий полкъ № 37.

19-ая конна артиллер. батарея.

Съ турецкой стороны противъ Рущукского отряда стояла Восточно-Дунайская армія, численностью въ 99.000 человѣкъ, состоявшая изъ 147 баталіоновъ, 73 эскадроновъ и 36 батарей, при 216 орудіяхъ и иѣсколькоихъ тысячахъ пррегулярныхъ вспомогательныхъ.

Первоначально назначение Рущукского отряда состояло въ томъ, чтобы освободить все пространство между нашою переправою въ Систовѣ и Главною квартирою съ одной стороны и Рущукомъ и Разградомъ съ другой, отъ непріятельскихъ войскъ, оттеснить ихъ къ Рущуку и обложить эту крѣпость. Но послѣ неудачнаго дѣла 8 іюля подъ Шлевиою, наступательные дѣйствія были воспрещены отряду, котораго задача была ограничена тѣмъ, чтобы служить заслономъ Плевенской арміи противъ флангового наступленія Рущукскихъ войскъ. Въ теченіе послѣдующихъ 7 мѣсяцевъ Рущукский отрядъ, какъ извѣстно, блестательно исполнилъ свою задачу. Три главнокомандующихъ, смѣнившіе другъ друга въ турецкой Рущукской арміи, Абдуль-Керимъ паша, Мехметъ-Али паша и Сулейманъ паша, предпринимали наступленія въ различныхъ направленіяхъ, но не смогли разорвать нашу оборонительную линію, благодаря замѣчательной освѣдомленности нашихъ начальствующихъ лицъ, умѣлымъ стратегическимъ и тактическимъ ихъ приемамъ и беззавѣтной храбости войсковыхъ частей. При чрезвычайной растянутости нашихъ позицій, турки при всѣхъ своихъ наступленіяхъ оказывались въ 4, 5 и болѣе разъ сильнѣе нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ и тѣмъ не менѣе никогда окончательного успѣха не имѣли.

Донск. казач. батарея № 5.

13 корпуſъ.

1-ая пѣх. дивизія, полки: Невскій, Софійскій, Нарвскій и Конопрскій.

35-ая пѣх. дивизія, полки: Нѣжинскій, Болховскій, Моршанскій и Зарайскій.

1-ая артил. бригада.

35-ая артил. бригада.

8-ая кавал. дивизія, полки: Астраханскій драгунскій, Вознесенскій уланскій, Лубенскій гусарскій и Донск. казачій № 8.

Сотня казачьяго № 13 полка.

15-ая конно-артилл. батарея.

Донская каз. № 9 батарея.

Кромѣ того:

7-ой сапер. баталіонъ.

2 роты 2-аго сапернаго баталіона.

Дивизіонъ Л. Г. Атаман. полка.

Скорострѣльная батарея.

Характерную общую черту всѣхъ этихъ стычекъ и сраженій составили слѣдующіе приемы: турки наступали густыми колоннами, осыпая наши войска сперва артиллерійскимъ, а затѣмъ оружейнымъ огнемъ. Войска наши упорно отстрѣливались изъ временныхъ ложементовъ; за симъ отдѣльный наиболѣе храбрый начальникъ чаше всего небольшой части, баталіона, роты и даже полуроты, поднимаеть людей для удара въ штыки; за этою частью бросаются въ атаку другія, и турки даютъ тыль.

Въ этихъ бояхъ падо не мало такихъ храбрецовъ, во главѣ своихъ частей.

Боевое крещеніе Великій Князь получилъ 9 іюля, въ предпринятой имъ развѣдкѣ къ Рущуку. Отрядъ состоялъ изъ 3 сотень казачьяго № 37 полка, 2 казачьихъ конныхъ орудій и двухъ баталіоновъ Бендерскаго и Тираспольскаго пѣхотныхъ полковъ. По достижениіи цѣли развѣдки, заключавшейся главнымъ образомъ въ уничтоженіи телеграфа и порчѣ желѣзной дороги къ Шумлѣ, когда отрядъ возвращался къ рѣкѣ Ломъ, раздались въ тылу орудійные выстрѣлы и гранаты стали разрываться не вдалекѣ отъ Великаго Князя Въ одной изъ ротъ Бендерцевъ, летѣвшія сзади гранаты произвели замѣшательство. Тогда къ ротному командиру подскакиваетъ находившійся въ свитѣ Великаго Князя адъютантъ его Васмундъ и совѣтуетъ ему обратить роту лицомъ къ врагу, что и было исполнено. Люди немедленно успокоились, и непріятное впечатлѣніе какъ рукой сняло. Около появившихся изъ Рущука орудій, обрисовалось значительное число всадниковъ, а орудія продолжали посыпать на нашъ отрядъ свои гранаты; началась перестрѣлка. Чтобы слѣдить за нею, Великій Князь поднялся на одинъ изъ ближайшихъ къ передовой линіи холмовъ и оттуда распоряжался. Довольно значительная группа всадниковъ была хорошо видна туркамъ, которые стали посыпать по ся направлению одну за другою гранаты, разрывавшіяся у подошвы холма. По свидѣтельству очевидцевъ, Великій Князь, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, спокойно отдавалъ приказанія. Когда Великій Князь удостовѣрился въ отступлениіи турокъ, то возвратился на рѣку Ломъ.

Для исполненія возложенной на Рущукскій отрядъ задачи, необходимо было рядомъ рекогносцировокъ, всегда быть въ курсѣ расположенія и передвиженія турецкихъ войскъ. Рекогносцировки эти оканчивались стычками и цѣльными сраженіями. Первая такая стычка разгорѣлась въ авангардѣ генерала Дризена у Пиргоса; засимъ сраженіе у деревни Бисанцы 11 іюля, у

Есерджи 14 іюля. Къ этой послѣдней стычкѣ привела рекогно-
сировка кавалеріи графа Воронцова-Дашкова. Далѣе развѣдки
9-го августа къ Папкію, Хайдеркію и Спахилеру, назначен-
ные по поводу слуховъ о движениі въ сторону Рущукскаго
отряда Сулеймана паші.

Въ свою очередь, турки произвели 9 августа атаку на
12-й корпусъ, въ отраженіи кой участновалъ Великій Князь
Владиміръ Александровичъ. Одновременно было предпринято
9—11 августа наступленіе противъ нашихъ Аяслярскихъ пози-
цій, выдвинутыхъ за рѣку Ломъ. Въ этомъ весьма серьезномъ
бою наши войска уступили было наши позиціи, но, по распо-
ряженію командовавшаго 13-мъ корпусомъ, вновь ихъ отво-
евали ночью и вновь должны были отступить послѣ того, что
Невскій и Софійскій полки, въ теченіе 18 часовъ, отразили
12 атакъ.

На слѣдующее же утро, Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣзжалъ
позиціи, благодариль войска и вселилъ въ сражавшихся новыя
силы.

Въ тѣ самыя дни, когда у Аясляра семь баталіоновъ на-
шихъ войскъ сражались противъ 16 баталіоновъ при 12 орудіяхъ
турокъ—11 нашихъ баталіоновъ отражали на Шипкѣ,
при одинаковыхъ условіяхъ жары и усталости, яростныя атаки
46 баталіоновъ Сулеймана паші.

Въ самый день второй нашей неудачи подъ Плевной 18 ав-
густа, произошелъ упорный бой подъ Каракасанкіемъ, куда
Мехметъ-Али направилъ 29 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и
48 орудій, съ массою черкесовъ и башибузуковъ, противъ на-
шихъ 3 баталіоновъ. 2 эскадроновъ, 1 сотни казаковъ и 10 ору-
дій, во главѣ съ генераль-маіоромъ Леоновылъ 2-мъ¹⁾). Вслѣд-
ствіе численнаго превосходства непріятеля, наши части, отра-
зивъ патіскъ, тѣмъ не менѣе должны были отойти къ Гагову.

Вслѣдъ за этимъ боемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, 21-го ав-
густа, на разстояніи выстрѣла отъ непріятеля, вновь обѣхалъ
всѣ наши позиціи между Гаговымъ и Папкіемъ.

Междуди тѣмъ, 19 августа 17 баталіоновъ турецкихъ войскъ
вышли изъ Рущука и произвели диверсію противъ нашего
лѣваго фланга у Кадыкіоя, но были отброшены, при личномъ
руководствѣ боемъ Великаго Князя Владимира Александровича.

¹⁾ Степанъ Степановичъ Леоновъ 2-ой въ войну 1877—78 года коман-
диръ 1-й бригады 8-ой кавалерійской дивизіи. Вноса вѣдомствѣ командиръ 17-го
армейскаго корпуса и членъ Александровскаго Комитета о раненыхъ; скон-
чался въ 1899 году.

Одновременно Мехметъ-Али надумалъ совершить общее наступление на наиболѣе слабое мѣсто, а именно на позиціи наши у деревень Кацлево и Аблаво—находившихся въ центрѣ нашего расположенія; позиціи эти были заняты 33-ю дивизіею, бывшею подъ начальствомъ Великаго Князя Владимира Александровича. Августѣйший Начальникъ Рущукскаго отряда отлично зналъ, что ему неоткуда было ожидать помощи, и послалъ въ главную квартиру, сдѣлавшееся историческимъ по своей краткости, донесеніе: „Сколько можно судить по полученнымъ свѣдѣніямъ, гласитъ это донесеніе, главный пунктъ атаки турокъ есть Аблаво. Я послалъ, въ подкрѣпленіе 33 пѣхотной дивизіи, два полка 13 корпуса и казачий полкъ № 13“. Противъ этихъ позицій, занятыхъ всею 16.000 нашихъ войскъ, было сосредоточено 80.000 турецкихъ войскъ¹⁾.

Ничтожный Кацлевскій отрядъ, послѣ отчаянаго боя, долженъ былъ, по распоряженію своего начальства, отступить, но Аблавскія войска опрокинули турокъ, которые бѣжали за рѣку Ломъ, преслѣдуемые нашими войсками; послѣднія къ ночи возвратились на свои позиціи и на нихъ ночевали. Въ этомъ геройскомъ бою особенно отличились: генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Дризенъ²⁾, онъ подскакалъ къ баталіону отступавшихъ Копорцевъ, повернуль ихъ кругомъ и лично довелъ ихъ, вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ резервомъ, до позиціи, и—начальникъ 33-ей дивизіи, генералъ-маиръ Тимоѳеевъ, успѣвшій остановить вытянувшіяся въ одну линію отступавшія части. Онъ взялъ въ руки ружье и, выйдя впередъ за цѣнь, одинъ, неторопливымъ шагомъ, направился въ сторону непріятеля; за нимъ пошло остальное начальство, войска ринулись въ новый бой, и турки не выдержали и дали тылъ.

Междудѣмъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ рѣшилъ исполнить давно задуманное имъ сосредоточеніе всего отряда къ рѣкѣ Янтрѣ. Рѣшено было начать это движеніе съ 25-го числа, при

¹⁾ У Кацлева было нашихъ 4 баталіона, 3 эскадрона и 8 орудій, а у Аблава 5½ баталіоновъ, 3 эскадрона и 42 орудія, къ концу утромъ 24 августа прибыли изъ 13-го корпуса 6 баталіоновъ и 16 орудій, а всего 16 тысячъ человѣкъ. На Кацлево наступало 36 баталіоновъ, 24 эскадрона и 45 орудій, а противъ Аблава турецкія войска дошли до 60 таборовъ, при 60 орудіяхъ.

²⁾ Генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Дризенъ въ кампанію 1877 года начальникъ 12 кавалерійской дивизіи. Впослѣдствіи командовалъ корпусомъ въ Виленскомъ воен. окр. Генералъ-маиръ Тимоѳеевъ —въ войну 1877—78 года командовалъ 33-ю дивизіей. Скончался въ 1889 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

чемъ громадное затрудненіе состояло въ томъ, какъ совершить его въ виду непріятеля. Помогъ этому дѣлу самъ Мехметъ-Али. Въ это утро къ нему въ дер. Соленики прибылъ изъ Главной квартиры полковникъ графъ С. Д. Шереметьевъ съ отвѣтнымъ письмомъ отъ главнокомандующаго по поводу извѣщенія турецкаго главнокомандующаго о присоединеніи турокъ къ Женевской конвенції. Это обстоятельство и дало, повидимому, поводъ Мехмету-Али просить перемирія для взаимнаго размѣна оставшихся па полѣ битвы раненыхъ и убитыхъ. Съ нашей стороны дано было согласіе, но, дабы турки не могли заподозрить нашихъ намѣреній, поставлено было условіемъ, чтобы перемиріе длилось не далѣе заката солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вечера 25-го начато было отступленіе и закончено 27-го. Одинъ изъ подчиненныхъ Мехмета-Али, Селихъ паша совѣтовалъ возобновить наступленіе, но штабные чины находили это предпріятіе слишкомъ опаснымъ. Всѣ эти промахи турецкихъ военачальниковъ показали, какъ выражается Леерь въ своемъ обзорѣ нашихъ войнъ (кн. IV ч. I стр. 393), что „турецкая армія, какъ вѣрѣ ранѣе съ нами воевавшія турецкія арміи, лишена была способности наступать противъ насъ какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ“. Рущукскій отрядъ сосредоточился на лѣвомъ берегу Баницкаго Дона на великолѣпныхъ позиціяхъ между деревнями Мечкой и Капривицею и въ ближайшей другъ съ другомъ связи всѣхъ войскъ отряда. Со средоточеніе это составляется, по свидѣтельству нашихъ военныхъ историковъ, неотъемлемую большой важности заслугу командовавшаго отрядомъ Наслѣдника Цесаревича; а именно отрядъ, находившійся передъ тѣмъ въ постоянній возможности быть отброшеннымъ вслѣдствіе растянутости своего положенія, получилъ возможность быть готовымъ ко всѣмъ случайностямъ. Къ тому же онъ, наконецъ, былъ подкрепленъ 26-ю дивизіею и бригадою второй Донской казачьей дивизіи.

Выгода новаго расположенія сразу обнаружилась, когда Мехметъ-Али, по требованію турецкаго правительства оказать содѣйствіе Осману пашѣ, которому вновь удалось отразить 30 августа третью атаку подъ Плевною, рѣшилъ прорваться въ интервалъ между 13—11 корпусами; а именно Наслѣдникъ Цесаревичъ могъ подкрепить генералъ-лейтенанта Татищева¹⁾

¹⁾ Леонидъ Дмитріевичъ Татищевъ состоялъ въ эту войну начальникомъ 11-й кавалерійской дивизіи. Скончался въ 1881 году.

тремя полками 13-го корпуса: Пермскимъ, Невскимъ и Вятскимъ, когда противъ нашего отряда въ 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, при 46 орудіяхъ подъ Чайркіемъ и Церковной, Мехметъ-Али двинулъ, 9 сентября, 56 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, съ 93 орудіями. Несмотря на это превоходство силъ, наши войска отразили турокъ съ значительнымъ урономъ.

Новое наступленіе было задумано Мехметомъ-Али съ 20 на 21 сентября: длинная вереница его войскъ потянулась уже къ наведенному черезъ рѣку Ломъ у деревни Иванъ-Чифтиль мосту, какъ вдругъ получается приказъ о снятіи съ него званія главнокомандующаго. Отмѣнивъ наступленіе, онъ, позавтра кавъ, уѣхалъ въ Константионополь, а войска разошлись по бивуакамъ.

До тѣхъ поръ Мехметъ-Али дѣйствовалъ по преимуществу противъ праваго фланга Рущукскаго отряда. По прибытіи же замѣнившаго его Сулеймана паша, послѣдній сосредоточилъ свои силы противъ 12-го корпуса, т.-е. лѣваго фланга Рущукскаго отряда. Уже 3-го октября Сулейманъ паша предпринялъ рекогносцировку нашихъ позицій. Наши передовые посты медленно отходили къ деревнѣ Ханъ-Гюль-Чесме, и слѣдовавшая за ними турецкая пѣхота была наведена на батареи, которыя открыли по нимъ. на близкомъ разстояніи, мѣткій огонь, и турки въ безпорядкѣ бросились назадъ къ рѣкѣ Ломъ. Въ это самое время Наслѣдникъ Цесаревичъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ обѣѣжалъ передовыя позиціи и вдоль фронта развѣвалось красное знамя Цесаревича. Вечеромъ того же дня, Великий Князь Владиміръ Александровичъ, одинъ со своими адъютантами безъ конвоя, доѣхалъ до нашей цѣпи. Въ слѣдующіе дни турки продолжали свои разведкіи, что привело Великаго Князя къ мысли удостовѣриться въ томъ, что турки отступили къ Рущуку и Разграду. Организованы были, подъ личнымъ руководствомъ Великаго Князя Владимира Александровича, сперва разведкіи 9 октября, а затѣмъ 12 октября большая рекогносцировка 3-мя колоннами. Въ правой колоннѣ, въ которую вскорѣ прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, находился Великий Князь Сергій Александровичъ. Выѣхавъ къ передовой линіи, Сергій Максимилиановичъ остановился на курганѣ, съ цѣлью осмотра мѣстности и былъ сраженъ вражескою пулею. Часъ спустя, Великий Князь Владиміръ Александровичъ, продолжая руководить разгоравшимся боемъ, оказался въ той же мѣстности.

Послѣ цѣлаго мѣсяца взаимныхъ наблюденій обоихъ отрядовъ другъ за другомъ, турки, утромъ 14 ноября, начали наступленіе на деревни Мечка и Трестеникъ¹⁾. Сулейманъ паша, предполагавшій подать помощь Плевнѣ и прервать наши соображенія черезъ Дунай, направилъ на наши войска 51 таборъ при 54 орудіяхъ. Турки были отброшены послѣ упорнаго боя. Не малую въ этомъ дѣлѣ помощь намъ оказали осадныя батареи, расположенные на Дунаѣ, которыя начали обстрѣливать турокъ съ фланга въ самомъ началѣ наступленія на наши позиціи.

Потериѣвъ здѣсь пораженіе, Сулейманъ наша перебросилъ свои силы на позиціи наши у Кесарево вблизи города Елены, гдѣ 22 ноября разгорѣлся неравный бой: 30 тысячъ турокъ противъ 6 баталіоновъ 4 эскадроновъ и 26 орудій Сѣвскаго и Орловскаго полковъ. Хотя наши войска должны были отступить, но къ слѣдующему же утру прибыли командированные Государемъ Наслѣдникомъ въ помощь Елеинскому отряду войска²⁾, которыя, пройдя 50 верстъ въ 2 почты и 1 день, по испорченной дождями дорогѣ, немедленно были двинуты на деревню Златарицу, гдѣ послѣ упорнаго боя турки были наголову разбиты.

Едва успѣла дойти до Рущукскаго отряда радостная вѣсть о побѣдѣ подъ Плевною 28 ноября, какъ получено было извѣстіе о подготовляемой новой атакѣ всѣхъ силъ Сулеймана паши. 30 ноября³⁾ турки, въ составѣ не менѣе 60 баталіоновъ, направили главный ударъ на Мечку и на промежуточъ между Мечкою и Трестеникомъ, задумавъ прорвать нашу линію между двумя укрѣпленными позиціями. Въ критическую минуту Великій Князь Владіміръ Александровичъ прибылъ на поле сраженія и принялъ на себя руководство боемъ. Когда выяснилось главное направленіе повторныхъ атакъ турецкой пѣхоты, Великій Князь, выждавъ время, когда турки оконча-

¹⁾ У деревни Мечка стояли нашихъ 6 баталіоновъ и 16 орудій. Позицію у Трестеника занимали 9 баталіоновъ, при 44 орудіяхъ. Вблизи этой посѣдѣй деревни, находились 14 эскадроновъ и сотенъ съ 10 орудіями и въ общемъ резервѣ 9 баталіоновъ, 6 сотенъ и 36 орудій.

²⁾ Первая бригада 26 дивизіи. 3 батареи 26 артиллерійской бригады и 4 эскадрона Рижскаго драгунскаго полка.

³⁾ Къ этому дню состояло на позиціи у деревни Мечки 17 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и сотенъ, 76 пѣщихъ и 12 конныхъ орудій, при чёмъ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ были сдѣланы распоряженія о направлении туда еще 10 баталіоновъ, 3 сотенъ и 42 орудій, которые по мѣрѣ прибытія должны были подкрѣпить сражающихся.

тельно втянулся въ лощины, откуда они вели свои отчаянныя наступления, приказалъ Трестеникскимъ войскамъ перейти въ наступление по Рущукскому шоссе, которое у Хань-Гюль-Чесме поворачивало круто къ Дунаю. Слѣдя этимъ шоссе, наши войска вошли во флангъ и даже въ тылъ непріятеля, атаковавшаго Мечку¹⁾). Направленное Великимъ Княземъ обходное движение рѣшило бой, и турки отступили въ беспорядкѣ къ сѣверу на деревню Красна, такъ какъ путь ихъ къ югу на Ивань-Чифтиликъ былъ отрѣзанъ. Кромѣ распорядительности своей Великий Князь проявилъ въ этомъ дѣлѣ и присущую ему личную храбрость, выдвинувшись со своею свитою въ сферу огня.—Послѣствиемъ было то, что въ свитѣ Его Высочества двое были ранены и пули падали около него самого.

Этимъ сраженiemъ закончились наступательные дѣйствія Сулеймана паши. Рущукский отрядъ, переименованный въ Восточный, перешелъ въ наступление и, при участіи Великаго Князя Владимира Александровича, послѣдовательно взялъ Разградъ, Османъ-Базаръ и Эски-Джуме.

Императоръ Александръ II настаивалъ, чтобы Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владимиръ Александровичъ на рождественскіе праздники вернулись въ С.-Петербургъ, но они рѣшительно отклонили это предложеніе, желая остаться при своихъ частяхъ. И дѣйствительно тутъ наступило едва-ли не самое тяжелое время борьбы, уже не съ непріятелемъ, а со стихіями. Въ началѣ декабря выпалъ первый снѣгъ, начались сильные морозы, выюты, передвиженіе было почти невозможно, люди и лошади тонули въ снѣгахъ, продовольствіе арміи было крайне затруднено, топлива не было, войска располагались въ землянкахъ и хотя люди были обезпечены теплую одеждой, но у лошадей трескались копыта, число заболѣвающихъ людей увеличивалось съ каждымъ днемъ, и тутъ выступила воочію та заботливость, которую Цесаревичъ и Владимиръ Александровичъ все время съ начала кампаниіи, а теперь еще вящие проявили ко ввѣреннымъ имъ войскамъ. Какъ прежде послѣ каждого боя они оба посѣщали раненыхъ, такъ и теперь они, съ явною для себя опасностью зараженія, посѣщали тифозныхъ, которыми наполнены были госпитали, и другихъ страдальцевъ. Послѣствиемъ этихъ посѣщеній было зараженіе, которое Наслѣдникъ

¹⁾ Для этого удара были сосредоточены 8 баталіоновъ, 14 эскадроновъ и сотенъ и 48 орудий.

Цесаревичъ увезъ съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ разболѣлся тяжкой формою возвратнаго тифа.

Послѣ Адріанопольскаго перемирія, Великіе Князья 1-го февраля 1878 г., сдали свои командованія и вернулись въ С.-Петербургъ, а Восточный отрядъ, согласно условіямъ перемирія, вступилъ, 8 февраля, въ Рущукъ безъ боя.

За время командованія 12-мъ корпусомъ Великій Князь Владимиръ Александровичъ получилъ, 16 сентября, орденъ Св. Владимира 2-ой степени съ мечами, за дѣло подъ Мечкою, 14 ноября орденъ Св. Георгія 3-ей степени и за отличие въ сраженіи 30 ноября золотую саблю, украшенную брилліантами, съ надписью: „за 14 и 30 ноября“.

* * *

По возвращеніи съ войны войскъ гвардіи, Великій Князь принялъ, въ 1878 году, командованіе І-ю гвардейскою дивизіею, и засимъ назначенъ Высочайшими приказами: 17 августа 1880 года командиромъ гвардейскаго корпуса и 2 марта 1881 года командующимъ войсками гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа. Столъ отвѣтственныя назначенія дали Великому Князю возможность, въ полномъ объемѣ, проявить свои попечительныя заботы о вѣренныхъ ему войскахъ. Для ознакомленія съ ихъ боевою готовностью и съ материальными ихъ благосостояніемъ, Великій Князь, начиная съ 1883 года, предпринимаетъ цѣлый рядъ поѣздокъ для инспектированія какъ дѣйствующихъ, такъ и резервныхъ войсковыхъ частей и мѣстныхъ командъ, а также для повѣрки хода занятій запасныхъ нижнихъ чиновъ въ учебныхъ сборахъ. Въ 1883—99 годы Великій Князь предпринялъ 18 такихъ поѣздокъ, при чемъ прошелъ въ дорогѣ 230 дней. Поѣздки 1884—97 годовъ описаны известнымъ нашимъ писателемъ К. К. Случевскимъ и даютъ намъ возможность заглянуть во всѣ подробности живого отношенія Великаго Князя къ порученному Его попеченію дѣлу. Такъ, упомянутыя поѣздки заняли около 4 мѣсяцевъ; за это время Его Высочествомъ было посѣщено 53 города, осмотрѣны въ подробности всѣ на пути лежавшія казармы, уѣздныя воинскія управлія и 66 отдѣльныхъ воинскихъ частей. Въ эти четыре года осмотрѣны были какъ губерніи сѣверныя и приозерныя, составляющія $\frac{1}{4}$ часть Европейской Россіи, часть Финляндіи, такъ равно губерніи прибалтійскія и западныя, входящія въ С.-Петербургскій военный округъ. Изданные посіѧя каждого объѣзда приказы по округу свидѣтельствуютъ,

что Великий Князь подробно вникалъ какъ въ боевую готовность, такъ и въ житейскую обстановку офицерского состава и въ особенности низкихъ чиновъ:—отмѣчены хорошо устроенные казармы и тѣ, которые представлялись неудобными или совсѣмъ негодными; удовлетворительные и неудовлетворительные лазареты; разбиралось состояніе нравственности низкихъ чиновъ отдельныхъ воинскихъ частей, ихъ здоровья, ихъ успѣховъ по обученію грамотѣ. Рядомъ съ инспектированіемъ воинскихъ частей, чередовались осмотры училищъ, школъ, больницъ, богословія, тюремъ и разныхъ правительственныйхъ и земскихъ учрежденій, бесѣды съ мѣстными дѣятелями, представителями торговли и промышленности о нуждахъ даннаго края. Наравиѣ съ обзоромъ современныхъ учрежденій и благотворительныхъ заведеній, вниманіе Великаго Князя было привлекаемо обозрѣніемъ историческихъ памятниковъ и документовъ. Тутъ и проявилась богатая эрудиція Его Высочества. Пишущему эти строки неоднократно приходилось выслушивать заявленія, что лица, близко знакомыя съ тѣми или другими памятниками и документами, встрѣчали въ лицѣ Великаго Князя такого знатока, который обладалъ по соотвѣтствующему предмету знаніями болѣе полными и точными, чѣмъ имѣвшіяся у нихъ.

Часть упомянутыхъ поездокъ были совершены въ сопровождениі Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, и вездѣ ихъ появленіе производило чарующее впечатлѣніе.

Независимо отъ поездокъ, шла постоянная, обыденная работа какъ зимою, такъ и въ Красносельскомъ лагерѣ. Въ этомъ непрерывномъ общеніи съ войсковыми частями съ особеною яркостью и обнаруживались драгоценныя качества Великаго Князя: его участіе въ улучшенію быта низкихъ чиновъ, его забота о нихъ; въ лагерное время рѣдкая недѣля, чтобы онъ не посѣтилъ мѣстный госпиталь, то же и зимою; его доступность для каждого имѣющаго къ нему какое-либо ходатайство или просьбу, его участіе въ каждому несчастью многочисленныхъ его подчиненныхъ, быстрота и щедрость, съ которой онъ приходилъ на помощь нуждающимся, выхлопатывалъ льготы, пособія. Что касается боевой готовности войскъ,¹⁾

¹⁾ Во времена командованія Петербургскимъ военнымъ Округомъ В. К. Владиміромъ Александровичемъ всѣмъ важнѣйшимъ отдѣламъ боевой подготовки войскъ было отведено надлежащее мѣсто, и ни одинъ изъ отдѣловъ не выдавался передъ другимъ.

то она заświadтъствована неоднократными Высочайшими рескриптами.

Подчиненные Великаго Князя и въ особенности нижніе чины отвѣчали на заботы о нихъ Его Высочества, доступность и ласковое его обращеніе беззатѣнною любовью. Русскій солдатъ, въ силу непосредственной своей натуры, привязывается къ добруму, отзывчивому начальству всѣмъ своимъ путромъ, и это внутреннее чувство никогда его не обманываетъ.

* * *

4 января 1892 года Великій Князь былъ назначенъ членомъ комитета министровъ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ комитета 15 разъ, преимущественно при обсужденіи болѣе важныхъ дѣлъ. По иѣкоторымъ дѣламъ сужденія Его Высочества записаны въ журналъ комитета. Между прочимъ, 3 марта 1892 года обсуждался принципіальный вопросъ о до-щущеніи католического духовенства къ преподаванію Закона Божія въ сельскихъ школахъ Царства Польскаго. Въ то время министерство народнаго просвѣщенія стояло за полное воспрещеніе католическимъ священникамъ преподавать Законъ Божій въ сельскихъ школахъ. Дѣло доходило до того, что къ преподаванію католикамъ Закона Божіяго были назначаемы лица

Считаемъ необходимымъ также оттѣнить самую видную яркую сторону его верховодительства воспитаніемъ военачальниковъ. Великій Князь отлично сознавалъ и неуклонно проводилъ въ войсковую жизнь ту несомнѣнную мысль, что военачальникъ только тогда и можетъ самостоятельно и правильно распорядиться на войнѣ, когда и при мирномъ его воспитаніи тщательно охраняется и бережется его личное достоинство. Если на начальника никто не кричитъ, никто его не разноситъ въ присутствіи подчиненныхъ, если начальникъ ни кѣмъ не задерживается, то онъ привыкаетъ вѣрить въ свои собственные силы, и можетъ на войнѣ обнаружить надлежашую находчивость и инициативу дѣйствій. Прекрасно понимая значеніе всего вышесказанного почившій В. К. во время своего командованія окружомъ неуклонно охранялъ личное достоинство начальника, и никогда не позволялъ себѣ унижать его ни въ какихъ случаяхъ, сердечно, а не злостно, огноясь къ его ошибкамъ.

Военный кругозоръ начальниковъ значительно расширялся цѣлымъ рядомъ поучительныхъ военныхъ сообщеній непрерывно продолжавшихся во все время командованія Великимъ Княземъ Петербургскимъ военнымъ Округомъ.

Назначеніемъ такихъ высокоталантливыхъ личностей, каковы были генералы Бобриковъ и Васмундъ, непосредственными руководителями своихъ войсковыхъ предначертаний В. К. Владимиръ Александровичъ наглядно доказалъ, что онъ обладалъ однимъ изъ высшихъ даровъ начальника умѣніемъ выбирать своихъ подчиненныхъ.

Ped.

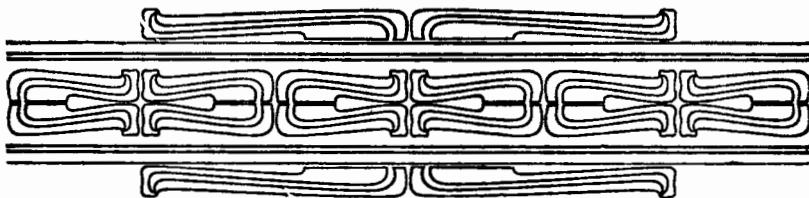
лютеранского исповѣданія. Часть же членовъ раздѣляли мнѣніе генераль-губернатора Гурко, считавшаго такое положеніе дѣла невозможнымъ. Великій Князь высказывался, что такъ какъ главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе края, кото-рого касается настоящее дѣло, является генераль-губернаторъ, успѣвшій въ теченіе долголѣтняго управления краемъ доста-точно близко его изучить—то послѣднее слово при разрѣшении возникшаго разногласія должно бы, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежать ему, варшавскому генераль-губернатору, а не мѣстнымъ органамъ учебнаго вѣдомства.

Государь Императоръ соизволилъ утвердить журналъ коми-тета, согласно съ мнѣніемъ Великаго Князя.

* * *

Изъ всего вышесказанного получается слѣдующій нрав-ственный обликъ Великаго Князя: богато одаренная натура, благородный характеръ, живой умъ, отзывчивое сердце, щед-рость и вѣрность въ отношеніяхъ съ окружающими, личная храбрость, а главное—глубокое искреннее религіозное чувство, горячая сознательная любовь къ Родинѣ и беззавѣтная пре-данность своему Государю.

А. Н. Куломзинъ.

Поездка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹⁾.

(Съ примѣчаніями Н. Д. Войкова)

Я былъ глубоко тронутъ сочувственнымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Парижѣ, гдѣ всѣ видные дѣятели отнеслись ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Я подмѣтилъ однако, что вѣчная борьба партій и личная непріязнь, существовавшая противъ герцога Деказа въ пѣдрахъ самаго министерства, паразитизовали его доброжелательное отношеніе къ намъ. Поэтому я постарался повидать лидеровъ республиканской оппозиціи и расположить ихъ въ нашу пользу, въ особенности Тьера и Жюля Симона. Изъ нихъ первый, несмотря на свой выдающійся, ясный и практическій умъ, былъ проникнутъ старыми предразсудками о необходимости поддержать на Востокѣ *status quo*, о жизнеспособности турецкаго режима на Босфорѣ и былъ противъ освобожденія христіанскихъ народностей, считая это опаснымъ. Поэтому онъ порицалъ во всеуслышаніе выгодное для Россіи положеніе, занятое французскими уполномоченными на конференціи, упрекая въ то же время герцога Деказа въ недостаткѣ инициативы и дѣятельности въ дѣлахъ Европы. Говоря о президентѣ республики, онъ называлъ его иѣсколько разъ: „разбитый, ноувѣнчанный славою солдатъ“ (*le soldat battu et glorieux*). Послѣ того какъ я побывалъ иѣсколько разъ у Тьера, онъ въ свою очередь посѣтилъ меня и долго бесѣдовалъ со мною, какъ старый знакомый, обсуждая по пунктамъ доводы,

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

которые я приводилъ въ защиту русскаго взгляда, онъ отказался мало по малу отъ своей односторонней точки зрѣнія и наконецъ призналъ необходимость обеспечить прочнымъ образомъ судьбу христіанъ, согласно съ ихъ законными стремленіями. Онъ и Жюль Симонъ¹⁾ сдѣлались сторонниками проекта протокола и повліяли на республиканску прессу, которая начала, во время моего пребыванія въ Парижѣ, говорить въ тоиѣ болѣе благопріятномъ русской точкѣ зрѣнія и интересовъ христіанъ. Минъ передавалъ со всѣхъ сторонъ, что я лично произвелъ на Тьера очень благопріятное впечатлѣніе.

Изъ числа лицъ, посѣтившихъ меня, былъ мой старый знакомый по Константинополю, баронъ Джемсъ Гиршъ, концессіонеръ турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, съ проектами которого я постоянно боролся, такъ какъ онъ проектировалъ линіи, выгодныя исключительно для осуществленія заднихъ мыслей Австро-Венгрии по отношенію къ неграничнымъ турецкимъ провинціямъ. Тратя не мало денегъ въ Константинополь и имѣя среди турецкой администраціи множество агентовъ и союзниковъ, баронъ Гиршъ могъ знать истинное положеніе дѣлъ въ Турціи и въ этомъ отношеніи представлялъ извѣстный интересъ въ глазахъ *сопѣтъдника*. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ этого источника, султанъ и его приближенные были готовы принять программу конференціи „чтобы избѣжать, во что бы то ни стало, войны и имѣть возможность продолжать свою роскошную жизнь“. Ваханъ-Эффенди, посланный въ Европу подъ предлогомъ ознакомленія съ организаціей магистратуры, получилъ кромѣ того отъ дворца конфиденціальную миссію выведѣть „взглядеть ли Англія благосклонно на соглашеніе съ Россіей и на мирное разрѣшеніе стоявшихъ на очреди вопросовъ“²⁾.

Чтобы собрать предварительныя справки, въ Англію былъ посланъ наперсникъ Мидхата паши, его руководитель въ иностранной политикѣ и учитель французскаго языка, армянинъ Одіанъ-Эффенди, второй секретарь министерства общественныхъ работъ. Одіанъ-Эффенди передалъ Гиршу результаты своихъ переговоровъ въ Лондонѣ: „Лордъ Биконс菲尔дъ и лордъ

¹⁾ Французскій политическій дѣятель, публицистъ и философъ, членъ французской академіи 1814—1890. Въ концѣ 1876 года Ж. Симонъ образовалъ кабинетъ, где принялъ на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ.

П. В.

²⁾ Эти свѣдѣнія подтверждаютъ мое мнѣніе, что нашему соглашенію съ Портой и ея намѣренію дать намъ полное удовлетвореніе мѣшали исключительно англійскіе агенты. За войну отвѣтственна Англія.

Прим. авт.

Дерби говорили официально довольно корректно, но въ бѣсѣдѣ съ глаза на глазъ, послѣдній, на вопросъ, готовъ ли онъ принять программу конференціи или же онъ отвергаетъ ее, ничего не возразилъ съ точки зрењія Англіи, противъ того, чтобы программа была отвергнута, и порицалъ Салисбюри зато, что желая притти къ соглашенію со мною, онъ зашелъ неожиданно для всѣхъ слишкомъ далеко¹⁾). Лорду Дерби пришла странная фантазія высказать агенту Мидхата предположеніе, что Порта, даже сдѣлавъ непосредственно уступки христіанамъ и Россіи, могла бы добиться болѣе выгодныхъ условій, нежели тѣ, которыхъ конференція хотѣла навязать ей! Можно ли удивляться послѣ этого, что Мидхатъ расхрабрился до того, что разыгралъ комедію, созвавъ яко бы народное собраніе, на обсужденіе которого онъ предложилъ требованія конференціи, чтобы торжественно отвергнуть ихъ, какъ посягающія на достоинство турокъ!

Одіанъ-Эффенди, съ которымъ мнѣ посчастливилось встрѣтиться въ Ниццѣ зимою 1878—1879 г., подтвердилъ, что если бы частные разговоры руководителей торійской партіи были такъ же корректны, какъ то, что они говорили публично, то послѣднія предложенія конференціи, разумѣется, были бы приняты и Мидхатъ первый никогда не посмѣялъ бы ни отвергнуть ихъ, ни „посмѣяться надъ Салисбюри“, какъ онъ это сдѣлалъ, если бы онъ не былъ увѣренъ, что въ глубинѣ души Биконсфильдъ и Дерби одобряли его противодѣйствіе и были бы въ восторгѣ воспользоваться случаемъ, чтобы благополучно выпутаться изъ дѣла, затѣянаго ими противъ воли, единственно подъ вліяніемъ либераловъ.

Изъ послѣднихъ донесеній, показанныхъ мнѣ барономъ Гиршемъ, вытекало, что вооруженные силы турокъ, сосредоточенные въ бассейнѣ Дуная, не превышали 180 тысячъ, что ихъ армія была разстроена и что въ Константинополь ожидали, что турки, испытавъ несолько пораженій въ открытомъ полѣ, отступятъ по всей линіи. Исходъ войны казался столь благопріятнымъ для Россіи, что еврей-банкиръ предложилъ черезъ меня императорскому правительству чрезвычайно выгодную для обѣихъ сторонъ финансовую операцию; къ сожалѣнію, князь

¹⁾ Это произошло на конференціи, где честный и энергичный образъ дѣйствій Салисбюри сбилъ съ толку Мидхата пашу, который возлагалъ надежды въ особенности на увѣренія сэра Эліота. Миссія, возложенная на Одіанъ-Эффенди, имѣла цѣлью освѣдомить блестательную Порту о положеніи дѣлъ въ рѣшающій моментъ.

Прим. авт.

Горчаковъ не воспользовался этимъ, а будь предложение бар. Гирша принято, это значительно облегчило бы намъ веденіе войны.

Прѣхавъ въ Парижъ, я расчитывалъ пробыть тамъ съ недѣлю, чтобы выждать извѣстій отъ Шувалова, который взялся вести съ англійскими министрами переговоры о принятіи, въ принципѣ, протокола и обѣ его окончательной редакціи. Онъ долженъ былъ сообщить мнѣ свои окончательныя заключенія въ среду, а я собирался уѣхать въ Вѣну въ четвергъ, 3 марта, и уже извѣстилъ Вѣнскій кабинетъ о своемъ прїѣздѣ черезъ австро-венгерского посланника въ Парижѣ, который выразилъ мнѣ свое удивленіе по поводу того, что я прїѣхалъ въ Парижъ, не побывавъ въ Вѣнѣ, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ.

Когда я встрѣтился съ итальянскимъ посланникомъ, онъ упрекнулъ меня за то, что Италия „была забыта Россіей“, и жаловался, что съ мнѣніемъ римского кабинета не достаточно считаются. Я отправился къ ген. Чіальдини, постарался загладить это впечатлѣніе и долго бесѣдовалъ съ нимъ, изложивъ ему положеніе дѣлъ и познакомивъ его съ текстомъ протокола; я увѣрилъ его, что Россія относится къ Италии съ величайшимъ уваженіемъ и живѣйшей симпатіей; кромѣ того я высказалъ убѣженіе, что интересы Италии и ея либеральный образъ мыслей въ отношеніи христіанскихъ народовъ Востока тождественны съ нашими, такъ что въ этомъ смыслѣ всѣ специальные переговоры были бы излишни, такъ какъ мы можемъ понять другъ друга съ полуслова. Поэтому, съ точки зрѣнія дѣла, сообщенія, которое будетъ сдѣлано кабинету чрезъ него, посланника, будетъ вполнѣ достаточно и оно могло бы замѣнить мою поѣзду въ Римъ, такъ, какъ путешествуя съ цѣлью посовѣтоваться съ окулистами, я не имѣлъ никакого уважительного предлога дѣлать такой огромный крюкъ. Эта поѣзда могла задѣть Вѣнское правительство—перваго недоброжелателя славянъ на Востокѣ, и еще болѣе затруднить дѣло общаго соглашенія. Во всякомъ случаѣ, кружное путешествіе заняло бы не мало времени, а мнѣ оставалось всего нѣсколько дней, чтобы вернуться въ Петербургъ къ сроку, обѣщанному императору. Прося генерала Чіальдини выяснить Римскому кабинету всѣ эти соображенія, я воспользовался случаемъ, чтобы выразить ему свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что моя поѣзда въ Италию не состоится, присовокупивъ, что обѣ томъ также очень пожалѣть моя жена, которая никогда не видала Рима и,

разумѣется, была бы въ восторгѣ провести тамъ нѣсколько дней въ это время года. Генералъ Чіальдини согласился передать своему кабинету то, о чёмъ я его просилъ, и сообщить ему проектъ протокола. Нѣсколько дней спустя, онъ заявилъ мнѣ, что италіанское правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ сдѣланному мною заявлѣнію.

Дѣла въ Парижѣ шли такъ хорошо, что уже 26 февраля (10 марта) я могъ телеграфировать князю Горчакову: „Деказъ предлагаєтъ сдѣлать въ текстѣ протокола нѣкоторыя смягчающія его смыслъ поправки, а если бы Англія создала затрудненія, — замѣнить протоколъ тождественными отвѣтами державъ на вашъ циркуляръ. Я предостерегаю Деказа и Шувалова отъ излишнихъ измѣненій въ виду трудности согласовать рѣшенія нѣсколькихъ кабинетовъ издалека, если каждый примется редактировать его со своей личной точки зрењія“. Нѣсколько дней спустя (12 марта), я могъ отправить чрезъ посредство князя Орлова слѣдующую телеграмму: „Президентъ, Деказъ, Жюль Симонъ и Тьерь окончательно выскажались за проектъ протокола, который они одобряютъ. Всѣ очень совѣтуютъ мнѣѣхатъ въ Лондонъ, гдѣѣ были бы обижены, если бы я не предпринялъ непосредственныхъ шаговъ въ Англіи. Биконс菲尔дъ будто бы высказалъ Даркуру¹⁾ свое удивленіе по поводу того, что я уклоняюсь отъ этой поѣздки. Также удивлялся и Лайэнсъ²⁾. Тутъ пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы склонить англичанъ къ принятію протокола, такъ какъ въ этомъ видятъ послѣднее средство избѣжать войны“³⁾...

Оставалось еще уладить дѣло съ Англіей. Извѣстія, доходившія отъ Шувалова, отнюдь не давали надежды на то, что наша точка зрењія восторжествуетъ, хотя все-таки можно было надѣяться, что дѣло разрѣшится какимъ-нибудь хотя бы несущественнымъ протоколомъ. Въ то же время русскій

¹⁾ Французскій посланикъ, коего письмо объ этомъ предметѣ было показано мнѣѣ герцогомъ Деказомъ въ подтвержденіе его совѣта съѣздить на нѣсколько дней въ Англію, на чёмъ онъ все время настаивалъ

²⁾ Англійскій посланикъ въ Парижѣ.

³⁾ На президента и въ особенности на герцога Деказа произвело большое впечатлѣніе мое сообщеніе о тревогѣ Бисмарка по поводу минимаго сосредоточенія кавалеріи на германской границѣ. Я совѣтовалъ министрамъ устранить всѣ поводы къ вполнѣ законному его неудовольствію, дабы германскій канцлеръ во время восточного кризиса не имѣть ни малѣйшаго благовиднаго повода искать ссоры съ Франціей, хотя бы онъ того и желалъ.

Прим. авт.

посланникъ въ Лондонѣ продолжалъ расхолаживать императорскій кабинетъ и всѣхъ питавшихъ надежду побѣдить англійскія возраженія при помощи логики, патріотической настойчивости и давленія на Лондонъ со стороны кабинетовъ, желавшихъ избѣжать бѣдствій войны, *не унизяя Россіи*.

Шуваловъ, возвратясь въ Лондонъ, телеграфировалъ князю Горчакову 27 февраля: „По возвращеніи изъ Парижа я имѣлъ продолжительные дебаты съ лордомъ Дерби. Вопреки обѣщаніямъ, даннымъ генералу Игнатьеву княземъ Бисмаркомъ, все было немедленно передано сюда изъ Берлина и произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Множество возраженій опровергнуты мною, кажется, довольно удачно. Въ заключеніе, лордъ Дерби сказалъ слѣдующее: Англійское правительство не любить письменныхъ обязательствъ и протоколовъ; если оно на это рѣшится, мнѣ нужно будетъ оправдать этотъ шагъ передъ народомъ, заявивъ, что этимъ будетъ обеспеченъ миръ. Такъ если мы подпишемъ протоколъ и если Порта распустить войска, можно ли расчитывать, что и Россія демобилизуетъ свою армію?“ Я отвѣчалъ *уклончиво*. Лордъ Дерби возразилъ: „это единственно могло бы побудить насъ подписать протоколъ. Мы хотѣли бы знать положительно, будетъ ли ваша армія демобилизована“. Прошу ваше сіятельство сообщить мнѣ это, если возможно до засѣданія кабинета, которое состоится во вторникъ; ибо этотъ отвѣтъ можетъ имѣть *решающее значение*. Лордъ Дерби проситъ васъ дать Черногоріимиролюбивые совѣты..“

Эта телеграмма была сообщена мнѣ, и я былъ вынужденъ представить объясненія, которыхъ могли не понравиться моему коллегѣ. Я всегда избѣгалъ этого, хотя съ его стороны недружелюбныхъ поступковъ по отношенію ко мнѣ было достаточно.

13 марта я отправилъ канцлеру, въ Петербургъ, чрезъ посредство моего парижскаго коллеги, слѣдующую телеграмму:

„Вопреки инсинуаціямъ, сдѣяннымъ Дерби Шувалову¹⁾, я имѣлъ случай убѣдиться, изъ видѣній мною дипломатическихъ донесеній, въ томъ, что Бисмаркъ сохранилъ въ тайнѣ текстъ протокола (до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ сообщенъ прочимъ кабинетамъ, т. е. приблизительно около недѣли), сооб-

¹⁾ Гр. Шуваловъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ дать понять императору, что онъ одинъ былъ *persona grata* въ Европѣ и одинъ обладалъ талантомъ дѣлать дѣла, ибо только тѣ предложения, которыхъ доходили въ Лондонъ, а равно Берлинъ и въ Вѣну черезъ него, имѣли шансы быть приняты благосклонно, все же шедшее черезъ меня внушило недовѣріе и производило неблагопріятное впечатлѣніе.

щивъ только его сущность и совѣтуя принять его¹⁾). На вопросъ, будетъ ли наша армія демобилизована послѣ подписанія протокола, я отвѣчалъ неизмѣнно, что, желая избавиться отъ огромныхъ и непроизводительныхъ расходовъ, мы ждемъ не дождемся, когда это можно будетъ сдѣлать, не уронивъ достоинства Россіи и не подвергая опасности христіанъ. Но если объ этомъ заявить заблаговременно, то турки не будутъ уже видѣть необходимости подчиниться и приступить серьезно къ реформамъ, между тѣмъ какъ положеніе христіанъ можетъ ухудшиться. Во всякомъ случаѣ, нась нельзя ставить на одну доску съ Турцией. Доказъ въ подобающемъ тонѣ говорилъ съ турецкимъ повѣренымъ въ дѣлахъ о необходимости дать Черного-ріи возможность увеличить свои владѣнія, какъ это было предложено на конференції. Бхать ли мнѣ въ четвергъ въ Вѣну, какъ я намѣревался?

Изъ сообщеній графа Шувалова вытекало, что главныя возраженія англійскихъ министровъ противъ нашего проекта протокола касались не столько его сущности, сколько подробностей. Имъ была особенно непрѣятна необходимость дать свое согласіе на перечисленіе реформъ (а это было необходимо въ виду того, что обѣщаніе Порты принять въ принципѣ основную мысль конференціи, съ условіемъ проводить ее по своему усмотрѣнію, отнюдь не являлось въ глазахъ христіанъ положительнымъ обязательствомъ) и настаивать па томъ, чтобы Турція распустила свои войска, а безъ этого послѣдняго условія, султанъ, по признанію самихъ турокъ, не могъ, изъ опасенія возбудить фанатизмъ, взять на себя инициативу реформъ, не имѣя возможности мотивировать ихъ настоящіемъ Европы. Съ другой стороны, Россія также не могла принять никакихъ мѣръ, чтобы отодвинуть армію съ границы прежде, нежели Турція не сдѣлала бы къ этому безповоротно первый шагъ. Да и христіане могли впасть въ отчаяніе и считать себя брошенными Россіей и Европой, увидавъ, что Турція не разоружается.

28 февраля (12 марта) князь Горчаковъ далъ графу Шувалову по телеграфу слѣдующія инструкціи: „Въ случаѣ, если

¹⁾ Въ то время какъ гр. Шуваловъ, кн. Горчаковъ и др., дѣйствуя изъ личныхъ побужденій, которыхъ легко было понять, посыпали меня въ Берлинъ, какъ врага князя Бисмарка и Германіи, я былъ поставленъ въ необходимость защищать германскаго канцлера противъ страннаго обвиненія, взводимаго на него его другомъ, гр. Шуваловымъ, будто онъ сообщалъ кабинетамъ наши предложения, которыхъ мы дѣлали, впрочемъ открыто, выражая желаніе, чтобы онъ отставалъ ихъ и содѣйствовалъ ихъ принятію.

Прим. авт.

лордъ Дерби приметъ протоколъ въ томъ видѣ, какъ онъ сообщень Игнатьевымъ Бисмарку, съ упоминаніемъ о гарантіяхъ. и если Турція приведеть свою армію на мирное положеніе. Игнатьевъ и вы уже уполномочены сообщить кабинетамъ секретно, что мы со своей стороны готовы демобилизовать армію, но необходимо, чтобы Порта взяла на себя ініціативу и немедленно приступила къ демобилизації, иначе мы будемъ сообразоваться только съ нашими собственными интересами и будетъ упущенъ случай притти къ миролюбивому решенію вопроса, чего мы по-прежнему желаемъ. Черногоріи неоднократно давались нами совѣты быть умбрениѣ“.

Всльдъ за этой первой телеграммой, канцлеру пришлось немедленно послать вторую, по повелѣнію императора, который, прочитавъ мою телеграмму о томъ же предметѣ, пожелалъ дополнить министерскую инструкцію. И такъ, князь Горчаковъ телеграфировалъ 28 февраля графу Шувалову: „Подтверждаю вамъ мою телеграмму, посланную сегодня утромъ, но Его Величество не согласится на то, чтобы обѣщаніе демобилизовать нашу армію было включено въ предложенный нами протоколъ“.

Графъ Шуваловъ старался оправдаться и телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона 1/13 марта: „Никогда не намекалъ на возможность включить въ протоколъ обѣщанія о демобилизації. Но такъ какъ мой отвѣтъ былъ слишкомъ уклончивъ для англійского ministра, то я прошу васъ, если отъ этого будетъ зависѣть успѣхъ, разрѣшить мнѣ отвѣтить Дерби дословно слѣдующее: Если протоколъ будетъ подписанъ и если Порта приведеть свою армію на мирное положеніе, мы также согласимся демобилизовать армію“.

Въ то же время русскій посланникъ въ Лондонѣ писалъ своему коллегѣ въ Парижъ, 1/13 марта: „совѣтъ кабинета согласенъ въ принципѣ подписать протоколъ и поручилъ Дерби обсудить со мною его текстъ“¹⁾.

Прося князя Орлова сообщить это мнѣ, Шуваловъ извѣщалъ, что онъ высылаетъ на слѣдующій день подробныя возраженія кабинета на нашу редакцію и умоляетъ меня не уѣзжать въ Вѣну, не высказавъ ему своего мнѣнія относительно этого до-

¹⁾ Русскій посланникъ въ Лондонѣ добился того, что императорскій кабинетъ присоединился въ концѣ концовъ къ этой мысли, которая принадлежала ему лично, и онъ выразилъ ее въ двухъ противорѣчивыхъ деклараций, приложенныхъ къ Лондонскому протоколу, которые свидѣтельствовали о разномысліи между Англіей и Россіей и уничтожали моральное впечатлѣніе коллективнаго акта Европы, сдѣлавъ войну неизбѣжной.

Прим. авт.

кумента. Къ этому онъ присовокуплялъ: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Игнатьевъ былъ уступчивѣ въ своихъ взглядахъ; протоколь—его идея¹⁾; всѣ мои коллеги сочтутъ его принятіе важнымъ дипломатическимъ успѣхомъ Россіи. Не будемъ же компрометтировать его, держа себя слишкомъ непреклонно“. И такъ, ясно обозначились двѣ различныя точки зрења: я считалъ протоколъ въ худшемъ случаѣ возможнымъ выходомъ изъ положенія, созданаго роковымъ циркуляромъ князя Горчакова, но я подалъ эту мысль подъ условіемъ, что этотъ дипломатическій актъ завершитъ достойнымъ образомъ совместную дипломатическую кампанію, уменьшивъ самолюбіе Порты и младотурокъ и предоставивъ христіанскимъ народностямъ наивозможно болѣе широкія гарантіи, а графъ Шуваловъ добивался только какого бы то ни было протокола, который далъ бы возможность демобилизовать обѣ арміи и былъ бы приемлемъ для Англіи, упрочивъ торійское министерство, не принимая во вниманіе ни интересовъ христіанъ, ни результатовъ, достигнутыхъ конференціей, ни русскаго національнаго достоинства, которое трудно было поддержать у насъ, при тогдашнемъ состояніи общественнаго мнѣнія.

Я давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ томъ, что генеральное сраженіе предстояло въ Лондонѣ, но въ виду зависи моего коллеги, я не могъ дѣйствовать на этой почвѣ лично; я сдѣлалъ однако все отъ меня зависящее, чтобы обеспечить успѣхъ протокола и дать понять англійскому кабинету, что ему не слѣдовало дѣйствовать отдельно отъ другихъ кабинетовъ. Для достиженія этой цѣли, я постарался прежде всего, чтобы со стороны кабинетовъ, присоединившихся къ мысли о протоколѣ, было произведено давленіе въ Лондонѣ. Затѣмъ я воспользовался тѣмъ, что англійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Лайонсъ, мой бывшій коллега въ Константинополѣ, не забылъ того, что онъ находился всегда съ бывшимъ русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ въ наилучшихъ отношеніяхъ,—даже въ самые трудные моменты, какъ, напр., во время возстанія на о. Критѣ—и что онъ отнесся ко мнѣ въ Парижѣ въ высшей степени дружественно.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе следуетъ).

¹⁾ Но она была конечно искалечена въ Лондонѣ. Il modus in rebus! я никогда не согласился бы назвать себя авторомъ протокола, выработанного въ Лондонѣ, съ тѣми двумя декларациими, которыя лишили его всякаго значенія.

Къ исторіи Императора Павла.

(Изъ записокъ современника).

1.

Укурскихъ губернаторовъ преемственно, въ ихъ кабинетахъ, хранится книга Высочайшихъ реескриптовъ и указовъ на имя курскихъ памѣтниковъ и губернаторовъ. Въ ней ветрѣчаются и нѣсколько реескриптовъ Императора Павла. Въ одномъ изъ нихъ, помню, приказывается для кого-то: „спить мундиръ на мой счетъ“. У меня осталась оригинальность содержанія этого приказа, по не помню — о комъ именно шла рѣчь.

2.

Въ томъ же сборникѣ есть какое-то сурвое повелѣніе Императора Александра о Гордаковѣ, участвовавшемъ, кажется, въ катастрофѣ 1801 года. Этому Гордакову предписывалось безвыѣздно жить въ деревнѣ и прочее. Служа въ началѣ 1860-годовъ въ Курскѣ, я слышалъ, что этотъ Гордаковъ еще былъ въ живыхъ 90 лѣтнимъ старикомъ и проживалъ въ Щигровскомъ уѣзда или въ той части Орловской губерніи, которая прилегала къ Щигровскому уѣзду. Я началъ наводить точныя о немъ справки, но вскорѣ перешелъ на службу въ царство польское (въ іюнѣ 1864 г.).

3.

На одномъ изъ праздниковъ коронаціи, Павелъ, глядя на толпы народа, говорилъ самодовольно Архарову:

„Какое огромное стеченіе народа“.

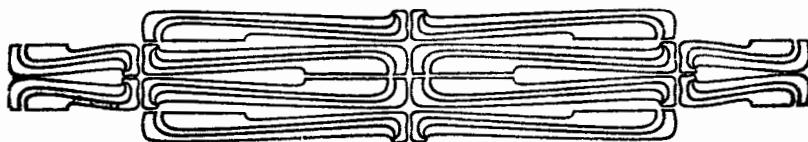
„Оно понятно“, возражалъ Архаровъ, „всѣ желаютъ видѣть своего государя“. „Въ Москвѣ, я думаю, ты никогда еще не видалъ такого соборища“, спрашивалъ государь. „Нѣтъ, Ваше Величество; однажды народа было еще больше“.

„По какому случаю?“ спросилъ съ удивленіемъ Павелъ.

„Слона вели!“ отвѣчалъ Архаровъ.

Павелъ только усмѣхнулся.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

Устро́йство быта крестья́нъ въ Царствѣ Польскомъ

Калишскою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—
1870 годахъ.

Варшава въ 1866 году.

Въ іюнѣ 1866 года, я ъехалъ по С.-Петербурго - Варшавской желѣзной дорогѣ въ г. Варшаву для поступленія на службу въ Учредительный Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ это время польское восстаніе было уже почти погашено. Съ 19 февраля 1864 года приступлено было къ полному переустройству всего быта Царства Польскаго, и я быль зачисленъ въ составъ Учредительного Комитета для службы по крестьянскому дѣлу. Въ крестьянскомъ дѣлѣ я быль не новичекъ. Я прослужилъ три года въ мировыхъ учрежденіяхъ Смоленской губерніи, затѣмъ два года быль предсѣдателемъ Повѣрочной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Минской губерніи. Я ъехалъ въ Варшаву изъ Минской губерніи, гдѣ я оставилъ службу, разочарованный въ возможности вести тамъ дѣло въ русскомъ духѣ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ появился Потаповъ, и русское направлѣніе пре следовалось; чиновники съ такимъ русскимъ духомъ подвергались гоненіямъ. Нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ по Минской губерніи, ранѣе меня перешедшіе на службу въ Учредительный Комитетъ, писали мнѣ, что тамъ дѣло идетъ разумно, честно. Нѣсколько недѣль назадъ, въ Петербургѣ, я представлялся Н. А. Милютину, руководителю всего преобразованія Царства Польскаго, слышалъ отъ него, къ чему стремится Учредительный Комитетъ, и потому, ъдучи въ Варшаву, я быль убѣжденъ, что мнѣ предстоитъ разумный, толковый, русскій

трудъ. Болѣе всего меня плѣнила надежда работать подъ руководствомъ такихъ общеуважаемыхъ, известныхъ дѣятелей, какъ Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Яковъ Александро-вичъ Соловьевъ, Юрий Федоровичъ Самаринъ, сенаторъ Арци-мовичъ, Кошелевъ,—составлявшихъ Учредительный Комите-тъ.

Въ Минской губерніи, откуда яѣхалъ теперь, я пережилъ жаркое время польского восстания. Я близко ознакомился тамъ съ полонизмомъ, привыкъ бороться съ нимъ, но я вовсе не зналъ Варшавы, никогда не бывалъ въ Польшѣ. На дорогѣ, по которой яѣхалъ теперь отъ Вильны, продолжалась та же печальная Бѣлорусская картина и живѣ, къ которымъ я привыкъ, живя два года въ Минской губерніи. Нахмуренные лица поляковъ, вынужденный разговоръ по-русски, осторожное обращеніе со всякимъ лицомъ, говорящимъ по-русски, особенно если онъ военный, или у него на фуражкѣ кокарда. На самой границѣ Царства Польского, у рѣки стоитъ желѣзодорожная станція Ланы. Съ вѣздомъ на эту станцію, картина сразу перемѣнилась; здѣсь полонизмъ былъ у себя дома и не стѣснялся проявлять себя. Это была первоклассная, большая станція; остановка была продолжительная, полчаса, такъ какъ предполагалася обѣдъ пассажировъ. Типъ зданія станціи былъ тотъ же, что у всѣхъ большихъ станцій С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, какъ въ Вильнѣ, Исковѣ; но обстановка была иная. Прислуга вся польская, не во фракахъ, а въ тужуркахъ, съ зелеными фартуками; при буфетѣ прикащица-полька, щеголеватая, кокетливая и неутомимо трещавшая по-польски; прислуга вся говорила по-польски, но съ нами, москалями, снисходительно объяснялась на половину русскими словами, на половину знаками. Куцанья изготавлены все на польской вкусѣ: борщъ, зеленый щи съ уксусомъ, даже пирожки на свиномъ салѣ, хлѣбъ съ толстой, грубой коркой. Пиво подавалось не бутылками, а кружками; разсчетъ не на рубль и конѣйку, а на злоты и гроши. Продѣлавъ все это и очень не вкусно пообѣдавъ, я вышелъ на платформу станціи. Тамъ стояла простая публика, крестьяне, евреи, шляхта. Я первый разъ видѣлъ польского крестьянина, внимательно взглядываясь въ него. Здѣсь, на самой границѣ Россіи, типъ ихъ сильно подходилъ къ Бѣлорусскому, тутъ вѣдь еще нѣть настоящихъ поляковъ, мазуровъ. Тѣ же Бѣлоруссія нахмуренные лица, тотъ же взглядъ исподлобья, неразговорчивость, отвѣтъ однозначнымъ словомъ, или кивкомъ головы. Когда подѣлъ

tronулся, я всматривался въ окружающую мѣстность; она сильно измѣнилась: сплошь ровная, безъ лѣсовъ и холмовъ; однѣ пашни, безконечныя крестьянскія поляны; частыя деревни, фольварки, но все небольшіе; деревни дворовъ въ десять---пятнадцать; постройки немногочисленныя, небогатыя; скотъ на пастбищахъ мелкій, тоцій; овцы не крупныя, неказистыя, пашутъ на волахъ, изрѣдка видны лошади. Видно вообще, что сторона не богатая; но поля обработаны какъ будто потицательнѣе, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссії.

До Лапъ мыѣхали свободно, въ полупустыхъ вагонахъ. Съ приближенiemъ къ Варшавѣ, стали набираться пассажиры. На каждой станціи они подсаживались; и все поляки; тоже на видъ, люди не богатые, но одѣты чисто. Тинъ одежды иной, на заграницы ладъ. Меня поражала ихъ жизнерадостность, болтливость; это представляло рѣзкую противоположность съ сдержанностью простонародья, публики III класса. Что они говорили, я не понималъ, потому что разговоръ шель исключительно по-польски, и говорили такъ быстро, что я не могъ уловить ни одного отдельнаго слова.

На послѣдніхъ станціяхъ мы сидѣли уже очень тѣсно; и появились нарядныя дачницы, варшавянки, передъ которыми разсыпалась въ любезностяхъ паны и усиленно расточали слова „пани“, „панна“, черезъ два слова. Ужасно чуждо, страшно было мнѣ все это. Вотъ наконецъ мы подѣважаемъ къ Варшавѣ. Кондукторъ предупреждаетъ пассажировъ, что предстоитъ осмотръ паспортовъ, и проситъ публику не выходить изъ вагоновъ по остановкѣ поѣзда, пока не будутъ осмотрѣны паспорта ихъ. Мало того, уходя онъ запираетъ вагонъ на ключъ; мы сидимъ подъ арестомъ. Окружающая меня польская публика относится къ этому равнодушно, какъ къ известному ей обычаю, и продолжаетъ беспечно болтать по-польски. Когда поѣздъ остановился наконецъ передъ вокзаломъ, я увидѣлъ на платформѣ множество жандармовъ, полицейскихъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, носильщиковъ, но никакой публики, встрѣчающей. Двери съ платформы въ вокзалъ были заперты, у дверей стоялъ полицейскій караулъ. Въ вагонъ вошли жандармскій офицеръ, съ пѣсколькими жандармами, и желѣздорожный ревизоръ, который отбиралъ у пассажировъ билеты, а жандармскій офицеръ отбиралъ у пасъ паспорта, бѣгло ихъ просматривалъ, ставилъ на нихъ пумеръ, а одинъ изъ шедшихъ за нимъ жандармовъ выдавалъ пассажиру квитанцію за этимъ пумеромъ. Офицеръ объяснилъ, что паспорта будутъ

возвращены намъ немедленно на станціи, по предъявлениі этой квитанціи. Когда все сидѣвшіе въ вагонѣ пассажиры были провѣрены, офицеръ вышелъ на платформу и объявилъ пассажирамъ, что они могутъ перейти въ вокзалъ. Явились носильщики, стали разбирать вещи пассажировъ. На платформѣ мы должны были обождать, пока все пассажиры и носильщики вышли изъ вагона; подъ руководствомъ жандармовъ насъ провели въ вокзалъ. Тамъ, въ залѣ, мы ожидали, пока какіе-то военные писаря прописывали наши паспорта, выдали ихъ намъ, вмѣстѣ съ карточкой на свободный выходъ изъ вокзала въ Варшаву. Вся эта задержка продолжалась довольно долго, около часа.

Когда я вышелъ на крыльце вокзала, стоявшій тамъ полицейскій вручилъ мнѣ какой-то мѣдный билетъ съ номеромъ и объяснилъ, что по этому номеру я долженъ вызвать извозчика, который отвезетъ меня, куда я прикажу; торговаться съ нимъ не надо, существуетъ такса, извозчикъ обязанъ понимать мой русскій языкъ. Я отдалъ билетъ носильщику; тотъ же указалъ мнѣ, что извозчики стоятъ на площади, въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ крыльца, выстроенные въ рядъ; надо подойти къ нимъ, они не смѣютъ подѣлѣвать къ крыльцу. Наконецъ, все было исполнено, и я поѣхалъ по Варшавѣ.

Въ настоящее время, рѣдкій изъ образованныхъ русскихъ не бывалъ въ Варшавѣ, или по крайней мѣрѣ не проѣзжалъ черезъ нес; по вѣ то время, Царство Польское мало посѣщалось, и я вѣ первый разъ вѣ жизни прїѣхалъ туда. Все показалось мнѣ тамъ оригинально, все особеннымъ, все по-инострannому, а не по-русски. По совѣту знакомыхъ, я остановился въ Европейской гостинице. За годъ, примѣрно, передъ тѣмъ, книжальщики народнаго жонда убили кого-то. Гостиница была закрыта и кажется даже конфискована. Недавно ее сдали въ аренду какому-то русскому содержателю, который приспособилъ ее къ русскимъ обычаямъ и держалъ прислугу, которая говорила, или по крайней мѣрѣ понимала, по-русски. Главный входъ въ гостиницу, съ Нового Свѣта, подъ воротами, былъ закрытъ и самыя ворота заперты. Доступъ въ нее былъ устроенъ изъ бокового входа съ площадки, гдѣ теперь входъ въ ресторантъ. Толстый швейцарь, кажется нѣмецъ, встрѣтилъ меня, передалъ меня какому-то другому нѣмцу, который и указалъ мнѣ очень опрятный и приличный нумеръ. Роскошное зданіе гостиницы, широкіе, свѣтлые коридоры и удобно устроенная комната моя произвели на меня пріятное впечатлѣніе.

Хотя было около 9 часовъ вечера, я убѣдился, ъдучи съ вокзала, что въ городѣ, на улицахъ, полное оживленіе. Приведя свой дорожный нарядъ въ порядокъ, я поспѣшилъ выйти, чтобы познакомиться съ городомъ. Еще при проѣздѣ моемъ съ вокзала, меня поразило оживленіе на улицахъ, множество пѣшешодовъ, экипажей. Вся толпа эта весело толковала, действовала, была безпечна. Нельзя было подозрѣвать, что недавно на этихъ улицахъ царствовалъ терроръ, убивали людей, господствовала сильнѣйшая революція. Теперь, идя по Новому Свѣту, Краковскому предмѣстю, я видѣлъ богатые, ярко освѣщенные магазины, щеголеватую толпу на тротуарѣ, беспечны лица, возгласы, цѣлые вереницы нарядныхъ, кокетливыхъ женщинъ. Видно было много кондитерскихъ, передъ которыми были устроены полотняные павѣси для публики, и тамъ за столиками, сидѣли люди, веселые, жизнерадостные. Словомъ, я увидѣлъ уличную жизнь, которая у насъ, въ Россіи, тогда не была известна, да и теперь есть развѣ только въ Петербургѣ. Меня удивляла противоположность между суровою обстановкою вѣзда пассажировъ въ Варшаву и полною свободою, веселымъ настроениемъ, господствовавшимъ въ городѣ. Находившись до утомленія по улицамъ, я поужиналъ въ ресторанѣ Европейской гостиницы; кухня была тамъ французская, къ которой привыкли мы въ Петербургѣ, въ ресторанахъ Дюссо, Бореля; кушанья изготавлялись прекрасно, прислуга вѣжливая, старалась понимать говорившихъ по-русски. Тутъ я въ первый разъ услышалъ въ Варшавѣ громкій русскій разговоръ, увидѣлъ русскихъ людей. Поляки вовсе не плавѣвали ни гостиницу эту, ни ресторанъ. Жители гостиницы были исключительно русскіе; ресторанъ посѣщали только русскіе люди. Видно было, что всѣ эти посѣтители ресторана здѣсь свои, привычные люди; у каждого было облюбованное, обожженное мѣсто. Цѣлый уголъ залы былъ занятъ Гродненскими гусарами. Я увидѣлъ между ними нѣсколько знакомыхъ лицъ, которые привѣтствовали меня, подошли къ моему столику и бѣгло посвящали меня въ обычай и нравы Варшавы. Они рассказали мнѣ, что новостанческія шайки разбиты, главари захвачены, но въ подпольѣ еще гнѣздится революція, правительство строго разыскиваетъ и преслѣдуєтъ ихъ. Въ странѣ кое-гдѣ бродятъ еще мелкія шайки новостанцевъ, но для преслѣдованія ихъ не образуются уже особые отряды. Ихъ преслѣдуютъ войска, расположенные на мѣстахъ, и безъ особыхъ усилий захватываютъ эти шайки. Веселое настроение

улицы, замѣченное мною, они объясняли прирожденною безнечностью и легкомысліемъ и отчасти лицемѣріемъ поляковъ. Они необдуманно, легкомысленно затѣяли повстаніе и такъ же переживаютъ теперь разстройство его, по надѣяться на поляковъ, вѣрить имъ невозможно. При малѣйшемъ послабленіи или недогляда, они готовы тотчасъ опять устроить намъ новую Варѳоломеевскую ночь. Услышавъ о моемъ назначеніи въ составъ Учредительного Комитета, офицеры высказали полное уваженіе къ этому учрежденію и поздравили меня съ честью вступленія туда. Офицеровъ этихъ я зналъ по моей службѣ въ гвардіи; двое изъ нихъ были старослуживые люди, эскадронные командиры, изъ образованнаго Петербургскаго общества; они прошли только-что суровую боевую школу; третій изъ нихъ, молодой поручикъ, ходилъ съ подвязанной рукою, отъ тяжкой раны, нанесенной ему повстанцами въ ручной схваткѣ. Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ ихъ, вѣрилъ имъ; четвертый офицеръ, тоже молодой поручикъ, былъ Скобелевъ.

На другой день, рано напившись чаю съ самоваромъ (и этотъ русскій обычай былъ введенъ въ гостиницѣ), я пошелъ разыскивать своего сослуживца по Минской губерніи Михаила Борисовича Тургенева. Онъ раньше меня перешелъ на службу въ Учредительный Комитетъ, письмами своими ободряя меня къ переходу туда. Это былъ типичный русскій помѣщикъ, изъ образованной, достаточной среды. Бывшій членъ Самарекаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ пролужилъ недолго членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Минскѣ. Почувствовавъ себя тамъ не ко двору, и по большимъ связямъ своимъ, легко былъ принятъ въ Учредительный Комитетъ. И нашелъ его въ Римской гостиницѣ. Безнечный добрякъ - баринъ, онъ былъ еще въ постели, обрадовался мнѣ и тотчасъ сталъ посвящать меня въ порядки, царствующіе въ Учредительному Комитетѣ. Онъ указалъ мнѣ, какъ я долженъ приступить къ дѣлу, кому явиться. По его настоянию я тотчасъ отправился домой, переодѣлся въ вицѣ-мундиръ и пошелъ въ Канцелярію Учредительного Комитета; канцелярія эта помѣщалась въ роскошномъ Брюловскомъ дворцѣ. Тамъ я очутился какъ дома; знакомые нравы, даже знакомыя лица. Въ первой же комнатѣ меня увидѣлъ Давыдовъ, прославльскій помѣщикъ и мировой посредникъ; теперь онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Учредительному Комитетѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, привѣтствовалъ меня, познакомилъ съ лицами вышедшими въ этой залѣ. Онъ тотчасъ направилъ меня къ ди-

ректору канцелярии Бѣлозерскому. Я зналъ Бѣлозерского по Петербургу, встрѣчалъ его въ литературномъ мірѣ. Онъ вспомнилъ наше знакомство. Это былъ образованный человѣкъ, литераторъ, либералъ до мозга костей, хохломанъ, молившійся на Шевченку, признававшій Гоголя величайшимъ на свѣтѣ писателемъ; замѣчательно добрый, даже простодушный и простой въ обращеніи. Онъ сказалъ, что вспомнилъ меня, какъ только получилъ докладную записку мою о переводѣ меня въ Учредительный Комитетъ; увѣрилъ меня, что я почувствуя себя тутъ хорошо, и совѣтовалъ сейчасъ же представиться Якову Александровичу Соловьеву, завѣдующему дѣлами Учредительного Комитета и личнымъ составомъ служащихъ по крестьянскому дѣлу, отъ него единственно зависѣть дальнѣйшее назначеніе мое.

Якова Александровича Соловьева я зналъ, какъ бывшаго управляющаго Земскими Отдѣлами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во время службы моей мировымъ учрежденіямъ Смоленской губерніи, я являлся къ нему разъ по дѣлу. Въ приемной его все было очень просто; не было никакого дежурного чиновника; только курьеръ, который сказалъ мнѣ, что генералъ сейчасъ выйдетъ въ приемную; не нужно никакого доклада, ни записи. Генералъ самъ спросилъ: кто я и что мнѣ нужно. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ. Соловьевъ вошелъ въ приемную, сѣдалъ обицѣ поклонъ и подошелъ къ ближе стоявшему лицу. Это былъ комиссаръ, известный ему, и онъ, не допустивъ его до обыкновенныхъ фразъ представлениія, тотчасъ заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ, выслушавъ его, даъ ему какія-то указанія и отпустилъ его. Другія лица также были известны ему; послѣ краткихъ собесѣданій, онъ распрошался съ ними. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ. Я назвалъ себя. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что помнить меня какъ Смоленского мирового посредника, что Н. А. Милотинъ рекомендовалъ ему меня, и что онъ очень охотно зачислилъ меня въ число лицъ, состоящихъ при Учредительному Комитете. Для первого начала, онъ рекомендовалъ мнѣ взять у Бѣлозерского постановленія Учредительного Комитета, Высочайшіе указы 19 февраля 1864 г. и изучить ихъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ посѣщать засѣданія Центральной по крестьянскимъ дѣламъ Комиссіи, прислушиваться къ разсмотриваемымъ тамъ дѣламъ; а черезъ недѣлю, когда я осмотрюсь, онъ сдѣлаетъ распоряженіе о дальнѣйшихъ занятіяхъ. Все сказанное Соловьевымъ

было такъ ясно, логично, что мнѣ оставалось только буквально исполнить его указанія.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ былъ замѣчательный человѣкъ. Если не ошибаюсь, онъ кончилъ курсъ Московскаго университета и затѣмъ посвятилъ себя чиновничьей службѣ. Это былъ великий труженикъ, неутомимый работникъ, до педантизма точный, неуклонно шедший избраннымъ имъ путемъ, съ котораго не могли сдвинуть его ни дружба, ни выгоды.

Это былъ рѣдкій знатокъ крестьянскаго дѣла. Прослуживъ въ Самарѣ предсѣдателемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, онъ былъ привлеченъ къ занятіямъ ея Редакціонной Комиссіи. Какъ выдающійся знатокъ крестьянскаго дѣла, получилъ назначеніе Управляющаго крестьянскимъ дѣломъ. Его твердая воля, несогласіе уклоняться отъ требованій и указаній Положенія 19 февраля 1861 г. ради просьбъ и выгодъ великихъ мѣра сего, доставили ему много непріятностей, и онъ очень охотно согласился принять предложеніе Н. А. Милютина заняться приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайшихъ указовъ 19 февраля 1863 года.

Я прослужилъ подъ его начальствомъ несколько лѣтъ, близко узналъ его и считаю себя въ правѣ высказать о немъ свое мнѣніе. Назначеніе его завѣдывающимъ крестьянскимъ дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ было однимъ изъ наиболѣе удачныхъ распоряженій Милютина. Благодаря желѣзной стойкости Соловьева, его любви къ дѣлу, трудолюбію, рѣдкому знанію крестьянскаго дѣла, оно прошло въ Царствѣ Польскомъ правильно, быстро, безъ какого-либо уклоненія отъ намѣченной цѣли. За эту его неуклонность, его называли *бюрократомъ*; но это была не сухость, не узость взгляда, а глубокое знаніе польского міровоззрѣнія, просвѣщенная любовь къ обиженному въ Царствѣ Польскомъ крестьянству. Трудовая жизнь, вынесенная имъ борьба сдѣлали его нервнымъ. Въ сношеніяхъ онъ часто бывалъ нервенъ, горячился; но стоило выждать конца его вспышки, спокойно дложить ему еще подробнѣе дѣло, онъ выслушивалъ его и всегда поступалъ правильно, милосердно. Съ польскими просителями онъ облекалъ на себя маску каменного человѣка, ссыпался на законъ, и никакія чары польскаго краснорѣчія, красоты просительницъ не уязвляли его стойкость. Со своими подчиненными онъ былъ снисходителенъ, входилъ въ ихъ нужды, но требовалъ работы, преслѣдовалъ легкомысліе.

Въ тотъ же вечеръ я засѣлъ за изученіе послѣдніхъ распоряженій правительства по переустройству Царства Польскаго. До 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ оставались нѣкоторые слѣды автономіи, дарованной ему Императоромъ Александромъ I. Закрыты были представительныя палаты, уничтожено польское войско, но общее управлениe краемъ было сохранило прежнее, подъ главенствомъ Намѣстника. Общимъ съ Россіей былъ только военный министръ; министерства внутренніхъ дѣлъ, финансъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія у Царства Польскаго были особыя; дѣла велись по особымъ, польскимъ законамъ; закономъ судебнаго былъ кодексъ Наполеона I, а не Русское Собраніе Законовъ. Назывались, для приличія и затѣмненія русскихъ глазъ, эти учрежденія не министерствами, а *Правителstvennymi Komissijami*. Слово *министръ* вычеркнуто и замѣнено словомъ *управляющій*. Начальники правительственныхъ комиссій были кровные поляки, всѣ чиновники также. Дѣлопроизводство велось на польскомъ языке. У Царства Польскаго былъ свой монетный дворъ, своя монета. Высшее правительственное учрежденіе было „Государственный Совѣтъ Царства Польскаго“; затѣмъ „Совѣтъ Управления Царства Польскаго“. Не удивительно, что при такомъ самостоятельномъ управлениіи, не подлежащемъ ближайшему контролю русского правительства, Польша могла безпрепятственно развивать свои сепаративныя и революціонныя стремленія, возможны были периодическія возстанія и войны съ Россіей. Опять послѣдняго возстанія обратилъ, наконецъ, внимание русского правительства на эту отчужденность, и Императоръ Александръ II рѣшился слить окончательно Царство Польское съ Россіей. Первымъ шагомъ для этого былъ Высочайший Именной Указъ 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, и Высочайший Именной Указъ того же числа „О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій“. Въ основаніе предпринятыхъ преобразованій быта Царства Польскаго было положено полное освобожденіе крестьянъ царства отъ вліянія пановъ и образованіе Учредительнаго Комитета, которому поручалось постепенное сокращеніе правительственныхъ комиссій, сліяніе ихъ съ министерствами Русской Имперіи, пересмотръ всего настоящаго законодательства Царства Польскаго. Веденіе всего этого дѣла было возложено на статья-секретаря Мплютина.

Когда я приѣхалъ въ Варшаву, въ іюнѣ 1866 года, Учредительный Комитетъ существовалъ уже два года; новыя о кре-

стянахъ постановлениі 1864 года вводились дѣятельно. Для этого устроены были комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, которые устроили гминное (волостное) крестьянское самоуправление, разбирали жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, возвращали крестьянамъ отобранныя у нихъ земли, провѣряли представленныя помѣщиками ликвидационныя табели (выкупные акты). Открыта была центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, которая провѣряла и утверждала разсмотрѣнныя крестьянскими комиссіями ликвидационныя табели. Государственный Советъ Царства Польского, Советъ Управлениія Царствомъ Польскимъ существовали еще, но, можно сказать, существовали名义上; вся законодательная власть перешла къ Учредительному Комитету. Правительственные Комитеты тоже существовали, но во главѣ ихъ стояли уже русскіе люди. Начальникомъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ—былъ князь Черкасскій; начальникомъ комиссіи финансовой—Кошелевъ; начальникомъ комиссіи юстиціи—Арцимовичъ. Веденіе крестьянскаго дѣла и всего дѣла производства Учредительнаго Комитета было поручено Соловьеву. Членами Учредительнаго Комитета были Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ, Соловьевъ. Начальникомъ ликвидационной комиссіи (выкупное учрежденіе) былъ Брауншвейгъ.

Дня черезъ два, Бѣлозерскій присыпалъ мнѣ письменное увѣдомленіе, что Членъ, завѣдующій дѣлами Учредительнаго Комитета, предлагаетъ мнѣ явиться въ засѣданіе Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; указывалъ, что засѣданія бываютъ три раза въ недѣлю, и въ какіе именно дни. Въ ближайшее засѣданіе я явился въ Брюловской дворецѣ; тамъ проходили эти засѣданія; предсѣдательствовалъ Я. А. Соловьевъ; членами комиссіи были Тихменевъ, Менгденъ, Трубниковъ, Горловъ. Кромѣ того, по должностямъ своимъ, принимали въ ней участіе всѣ управляющіе Правительственными Комиссіями, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ.

Центральная Комиссія разматривала провѣренныя крестьянскими комиссіями ликвидационныя табели (выкупные акты); если находила ихъ правильными, утверждала ихъ и препровождала ихъ въ ликвидационную комиссію (главное выкупное учрежденіе), которая выплачивала помѣщикамъ опредѣленную Центральною Комиссіею выкупную сумму. Всѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ распределены были между четырьмя членами Центральной Комиссіи, которые разматривали ликвидационныя табели, присыпаемыя изъ порученныхъ имъ Комис-

сій, и докладывали Центральной Комиссіи о всѣхъ замѣченыхъ ими неправильностяхъ и особенностяхъ. Для облегченія и ускоренія дѣла, каждому члену Центральной Комиссіи было придано на помощь нѣсколько чиновниковъ, которые собственно и провѣряли ликвидаціонныя табели. Наканунѣ засѣданій, эти чиновники докладывали члену Центральной Комиссіи, при которомъ состояли, о всѣхъ порученныхъ имъ ликвидаціонныхъ табеляхъ; тотъ разрѣшалъ замѣченное или оставлялъ затрудняющее его на разрѣшеніе Центральной Комиссіи.

Когда я вошелъ въ залу засѣданій, Соловьевъ познакомилъ меня со всѣми членами Комиссіи и сказалъ мнѣ, что скоро придется и мнѣ заняться провѣркой ликвидаціонныхъ табелей, подъ руководствомъ одного изъ членовъ Центральной Комиссіи, а потому мнѣ полезно вникнуть во все происходящее въ этихъ засѣданіяхъ. Въ это засѣданіе не было возбуждаемо никакихъ сложныхъ вопросовъ.

Порядокъ докладовъ былъ такой. Подѣлъ каждого члена Центральной Комиссіи было свободное кресло, на которое садились по очереди помощники его и докладывали обстоятельства рассматриваемой ликвидаціонной табели. Членъ Комиссіи высказывалъ затѣмъ свое мнѣніе о томъ, подлежитъ ли ликвидаціонная табель утвержденію. Затѣмъ предсѣдательствующій Я. А. Соловьевъ собиралъ мнѣнія присутствующихъ и объявлялъ рѣшеніе.

Всѣ четыре члена Центральной Комиссіи служили у себя на родинѣ членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій и тамъ выдвинулись своимъ знаніемъ, разумною дѣятельностью, яснымъ взглядомъ на дѣло. Засѣданія Центральной Комиссіи шли спокойно; высказывались сомнѣнія, оспаривались нѣкоторыя положенія; но возраженія дѣлались такъ спокойно, основательно, обдуманно, что были невозможны споры. Въ теченіе пяти лѣтъ моей службы по крестьянскому дѣлу я участвовалъ въ нѣсколькихъ стахъ засѣданіяхъ, но въ первый разъ пришлое мнѣ здѣсь убѣдиться въ возможности такого правильного, дѣлового засѣданія. На слѣдующихъ засѣданіяхъ разрѣшались очень серьезные, сложные вопросы, на одномъ изъ нихъ два или три члена долго высказывали свои разногласия мнѣнія. Я услышалъ цѣлую лекцію по этому спорному вопросу, читанную такими выдающимися знатоками дѣла, какъ Соловьевъ, кн. Черкасскій. Со всякаго засѣданія я уходилъ съ болѣшимъ и болѣшимъ уваженіемъ къ членамъ Комиссіи, съ сознаніемъ, что крестьянское дѣло поставлено здѣсь гу-

манио, но безъ сентиментальности и безъ дешеваго либеральничанья; руководители относятся къ дѣлу серьезно, много думали, работали и идутъ прямымъ путемъ, безъ шатаній и колебаній.

Черезъ недѣлю Соловьевъ подозвалъ меня къ себѣ въ концѣ засѣданія и сказалъ стоявшему подлѣ него Горлову: „Примите Г. Полевого въ число помощниковъ вашихъ и поручите ему разсмотрѣніе ликвидационныхъ табелей. Надѣюсь услышать вашъ докладъ въ слѣдующее засѣданіе!“— добавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Такъ началась моя работа въ Царствѣ Польскомъ.

Михаилъ Павловичъ Горловъ, если память не измѣняетъ мнѣ, казанскій помѣщикъ, членъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, былъ серьезный дѣловoy человѣкъ. Очень добрый, ласковый и всегда задумчивый. За много лѣтъ работы съ пимъ, я, кажется, никогда не видѣлъ его смѣющимся. Всегда одинаково ровный, дѣловой, мягкий, онъ много если улыбается. Лучшаго и болѣе пріятнаго руководителя я не могъ пожелать себѣ. Передавая мнѣ на другой день, у себя на квартирѣ, нѣсколько ликвидационныхъ табелей, онъ одну изъ нихъ тутъ же, со мною, повѣрилъ, чтобы показать мнѣ, на что надо обращать вниманіе, какъ дѣлать замѣтки, какъ и что докладывать въ засѣданія. На другой день я принесъ ему проѣврѣнныя мною табели, доложилъ ему все замѣченное. Онъ самъ еще разъ просмотрѣлъ эти табели, чтобы убѣдиться, что я не пропустилъ что-нибудь, дополнилъ и исправилъ мои замѣтки. На слѣдующій день я благополучно сдѣлалъ первый докладъ свой въ Центральной Комиссіи. Съ тѣхъ поръ я погрузился въ работу; утромъ я былъ занятъ у Горлова или въ Центральной Комиссіи; вечеромъ сидѣлъ дома, просматривая ликвидационныя табели, подготавляемыя къ докладу. Такъ продолжалось два мѣсяца.

Несмотря на то, что я много работалъ, я находилъ время бывать въ обществѣ. Я нашелъ въ Варшавѣ много знакомыхъ и даже близкаго родственника, двоюроднаго брата моего Сергея Николаевича Полевого, полковника 2-го гвардейскаго стрѣлковаго батальона. Нѣсколько лѣтъ назадъ, стрѣлковый батальонъ этотъ, въ составѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, перемѣщенъ былъ изъ Петербурга въ Варшаву. Мы съ малолѣтства были съ нимъ очень близки. Это былъ веселый, жизнерадостный гвардейскій офицеръ, свѣтскій человѣкъ, танцоръ, острякъ, добрякъ. Отъ первого встрѣченаго мною офицера 2-го стрѣлковаго батальона я узналъ адресъ квартиры брата

моего, и въ первый же день, вечеромъ, иошелъ навѣстить его. Онъ жилъ на хорошей улицѣ; я быстро отыскалъ номеръ дома его, взошелъ по парадной лѣстницѣ во второй этажъ, какъ мнѣ указалъ офицеръ, и увидѣлъ на дверяхъ мѣдную дощечку съ фамилией брата. Я позвонилъ; дверь отворилъ денщикъ, служившій у брата еще въ Петербургѣ, узналъ меня, ахнулъ и, не говоря ни слова, убѣжалъ во внутреннія комнаты. Раздались восклицанія, и Сергій Николаевичъ выбѣжалъ въ переднюю съ восклицаніемъ: „Николай! какъ попалъ ты сюда?“ обнялъ меня. „Ты знаешь, я женатъ; пойдемъ къ женѣ!“ Онъ съ годъ назадъ женился въ Варшавѣ, и я не былъ еще знакомъ его женою. Я засталъ ее въ столовой, за самоваромъ; она шла ко мнѣ навстрѣчу, со словами: „Знаю васъ по рассказамъ Сережи! видите, какъ онъ обрадовался вамъ!“ За столомъ сидѣли ея мать Блаватская и сестра Наташа. Молодая жена Сергія Николаевича была красавица въполномъ смыслѣ слова, русская, родившаяся въ Варшавѣ и проведшая тамъ большую часть своей жизни. Отецъ ея служилъ при князѣ Паскевичѣ. Разговоръ тотчасъ иошелъ искренній, полный разсироповъ, разсказовъ. Я просидѣлъ у нихъ до полуночи и ушелъ какъ старый знакомый, унося чисто чистое приглашеніе всякой день приходить обѣдать у нихъ. И действительно почти всякий день бывалъ у нихъ и изрѣдка обѣдалъ. Я чувствовалъ себя тамъ хорошо, въ семье.

Въ Варшавѣ стояла третья легкая батарея гвардейской конной артиллеріи. Это были мои близкайшіе товарищи. Батареей командовалъ недавно Бревернъ, съ которымъ я былъ очень друженъ; въ батареѣ были пріятные мнѣ офицеры князь Вадольскій, Ермоловъ. Я часто прїѣзжалъ къ нимъ въ Лазенки, обѣдалъ съ ними, проводилъ весь вечеръ. У Бреверна я встрѣчалъ Имеретинскаго, тогда еще молодого полковника, впослѣдствіи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, и много образованныхъ людей.

Я встрѣтилъ въ Варшавѣ нѣсколько смоленскихъ помѣщиковъ; въ томъ числѣ особенно милаго мнѣ Карцева, сосѣда моего, предводителя дворянства Юхновскаго уѣзда. Онъ пр旣 служилъ годъ предсѣдателемъ крестьянской комиссіи въ Ломжѣ и занималъ теперь въ Варшавѣ мѣсто члена ликвидационной комиссіи, почетное, хорошо оплачиваемое. Это былъ очень образованный человѣкъ, умный, мягкий. Жена его, красивая, умная женщина, очень бойкая и живая, была очень пріятная и радушная хозяйка дома; я охотно навѣщалъ ихъ. У нихъ

сталивались я съ членами Учредительного Комитета и вообще съ многими высокопоставленными людьми. Общество всегда было оживленное; бесѣда интересная, много говорили, въ карты не играли.

Варшавская жизнь меня очень интересовала. Я изучалъ ее на улицѣ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, театрахъ. Въпольскомъ обществѣ я конечно не бывалъ. Служебное мое положеніе было хорошо; получалъ около 200 рублей жалованья въ мѣсяцъ, занятія мои были неответственные. Мы уговорились съ Михаиломъ Борисовичемъ Тургеневымъ напить общую квартиру, устроились прекрасно. Это былъ очень пріятный сожитель; онъ взялся вести наше хозяйство. У насъ былъ прекрасный домашній столъ, у каждого своя большая комната, общая чистая комната. Мы жили около Саксонского сада, въ хорошей части города. Кроме знакомыхъ, я посѣщалъ Русское Собрание, где принялъ былъ въ число членовъ. Собрание помещалось въ домѣ графа Замойского, недавно конфискованномъ за то, что изъ него стрѣляли въ намѣстника графа Берга. Собранию отведено было тамъ обширное, роскошное помѣщеніе, съ садомъ; оно было обставлено очень хорошо. Ежедневно тамъ можно было обѣдать, не дорого, но хорошо; въ библиотекѣ было много журналовъ, газетъ. Вечеромъ играли въ карты, но тихо, прилично; собрание посѣщалось охотно. Хозяиномъ клуба былъ старичекъ, Левинъ, очень добродушный, но державший свое хозяйство въ большомъ порядке. Въ определенный день, каждую неделю, собирались къ обѣду въ собрание все русское общество, лучшие русскіе люди Варшавы, было весело, оживленно. Тамъ я могъ видѣть и слышать всѣхъ выдающихся людей Варшавы, отъ намѣстника Берга до знаменитаго шахматиста Петрова, владѣльца маіората въ Польшѣ. После обѣда опять всегда усаживался играть въ шахматы, и я съ любопытствомъ слѣдилъ за его игрою. Зимою въ собраниіи бывали концерты, балы, куда русскія дамы являлись очень охотно и очень нарядныя. Поляки никогда не посѣщали это собрание, даже въ видѣ гостей.

Изъ общественныхъ варшавскихъ развлечений русскимъ людямъ были доступны Швейцарская долина, общественный садъ и театры. Швейцарская долина посѣщалась очень охотно русскимъ обществомъ. Тамъ всякий вечеръ игралъ очень хороший оркестръ изъ Берлина; не помню фамиліи дирижера. Это былъ добросовѣтный пѣменецъ, который аккуратно, чистенько исполнялъ нѣмецкую музыку. Въ саду, какъ и теперь, былъ ресторанъ. Русская публика не ъла и не пила тамъ, не знаю

почему. Брали порцію мороженаго, или сельтерскую и содовую воду, чтобы оплатить какъ-нибудь мѣсто, занятое у столика. Входная плата въ садѣ была ничтожная. Сюда являлись и поляки средняго сословія; они приходили семьями, или тутъ всею семьею чай, Ѳли пирожныя. Общенія русской публики съпольскою не было никакого. Мы, холостые люди, обыкновенно подсаживались къ знакомымъ русскимъ дамамъ и проводили вечеръ въ разговорахъ; музыку слушали на половину. Лучшее русское общество почти всякий вечеръ бывало здѣсь. Вечеръ обыкновенно кончался приглашеніемъ закончить его въ семье, подлѣ которой сидѣли въ саду, пить тамъ чай.

Меня лично варшавскіе лѣтніе театры мало привлекали. Драматическій театръ былъ мнѣ недоступенъ, такъ какъ я не понималъ польского языка; а сидѣть дѣлый вечеръ и наслаждаться жестиколяціей, мимикой актеровъ, даже геніальныхъ, я не находилъ удовольствія. Оперный театръ лѣтомъ давалъ только польскія оперы, Монюшки и лѣтнія оперетки, въ родѣ „Десяти невѣстъ и ни одного жениха“. Я прослушалъ знаменитую оперу Монюшки „Гальку“, исполненную подъ дирижерствомъ самого автора, который величественно, самоувѣренно махалъ палочкой въ оркестрѣ, и рѣшилъ, что надо быть полякомъ, чтобы восхищаться ею. Мнѣ она показалась музыкой заурядной. Мелкія оперетки исполнялись недурно, но я не былъ любителемъ ихъ. Оркестръ оперы былъ небольшой, порядочный: не болѣе. Въ оперѣ не было ни одного выдающагося пѣвца и пѣвицы; хоры не важные. Намъ, петербуржцамъ, избалованнымъ великодѣйствіемъ, огромнымъ оркестромъ тогдашней итальянской оперы, такими пѣвцами, какъ Марио, Лаблашъ, пѣвицами, какъ Гризи, Бозео, варшавская опера не могла доставить удовольствія. Говорили, что зимою приглашаются первостепенные пѣвцы и пѣвицы, что тогда опера лучше; но лѣтомъ русское общество мало посѣщало ее.

Варшавскій балетъ славился; но намъ, петербургскимъ жителямъ, онъ казался жалокъ. Составъ его былъ очень не великъ; кордебалетъ также немногочисленъ, до такой степени, что въ балетахъ, где нужна масса, находчивые руководители балета изображали толицу на кулисахъ. Передъ этими, неподвижными, рисованными фигурами танцевало около тридцати танцовщицъ. Въ числѣ ихъ было не сколько красивыхъ особъ, а двѣ, три даже были очень красивы; но первостепенныхъ танцовщицъ не было ни одной. У красавицъ этихъ юбочки были очень коротки, корсажи очень декольтированы, и онѣ были

очень эффектины въ этомъ полуобнаженномъ видѣ. Балетъ посѣщался польскимъ обществомъ и русскою молодежью, у которыхъ были соотношения и знакомства съ танцующими. Я лично не увлекался ими.

Аристократического польского общества, которымъ всегда славилась Варшава, я не видѣлъ нигдѣ, ни въ театрахъ, ни на улицахъ, ни въ Лазенкахъ. Дома аристократовъ были заперты, окна въ нихъ завѣшены; говорили, что аристократы уѣхали за границу, или живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ театрахъ, садахъ, на улицахъ постоянно толпились польское среднее общество, купцы, адвокаты, доктора, чиновники, не общавшіе съ русскими. Они не смѣли теперь явно высказывать намъ свои враждебныя чувства, но, насколько возможно было дѣлать это, не подвергаясь полицейскимъ взысканіямъ, они дѣлали это. Они всячески, во всемъ стѣсняли русскихъ, старались сдѣлать имъ досаду. Во всѣхъ магазинахъ, на русской вопросѣ и просьбу товара отвѣчали: *nie rascitam!* (не понимаю!). За всѣ товары съ русскихъ брали двойную цѣну. Польский докторъ очень неохотноѣхалъ лѣчить русскихъ пациентовъ, и дѣлалъ это только за двойную плату. На улицѣ, на вопросѣ по-русски: какъ пройти куда-либо? поляки не отвѣчали ничего, проходили, будто не слыша вопроса. Вслѣдствіе всего этого, благородные русскіе люди платили дороже за товары и польскія услуги, но отказывались отъ всякаго общенія съ поляками.

Евреевъ я видѣлъ на улицѣ, въ магазинахъ; но въ театрахъ и Швейцарской долинѣ они показывались рѣдко, и то самые богатые, ополяченные, и корчили поляковъ! Ихъ можно было видѣть въ шабашѣ (пятница вечеромъ) въ Саксонскомъ саду и въ излюбленномъ ими Красинскомъ саду. Красинскій садъ лежитъ въ части города, которую русскіе мало посѣщали, а въ шабашѣ мы, конечно, избѣгали входить въ Саксонскій. Впрочемъ Саксонскій садъ былъ мало доступенъ и для евреевъ. У входа въ садъ стояла полиція и не пропускала туда чернорабочихъ, кухарокъ съ провизіей и вообще простонародье. Евреи въ лансердахъ входа туда не имѣли. Русское общество любило Саксонскій садъ. Нельзя было не восхищаться его великолѣпными тѣнистыми аллеями изъ стolѣтнихъ кампановъ; содержался онъ прекрасно.

Кромѣ сослуживцевъ моихъ по Учредительному Комитету, людей съ высшимъ образованіемъ и развитіемъ, въ Варшавѣ было многочисленное русское военное общество, въ которомъ

было много людей съ высшимъ образованіемъ. Вѣдь въ Варшавѣ было главное управление всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, а тамъ была сосредоточена цѣлая армія! Военные и гражданскіе русскіе люди жили дружно, образовали свой общиі образованный кругъ въ Варшавѣ, не нуждаясь въ полякахъ.

Когда М. П. Горловъ убѣдился, что я достаточно ознакомился съ дѣломъ, онъ далъ мнѣ три ликвидаціозныхъ табели Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и сказалъ:

— Обратите особенное вниманіе на эти табели; въ районѣ Калишской комиссіи населеніе очень смѣшанное, она расположена на границѣ Пруссии; тамъ встrebчаются очень сложные вопросы. Притомъ, протоколы этой комиссіи бываютъ очень безтолковы, неясны!

Онъ былъ правъ! Въ тѣхъ табеляхъ, которыя онъ далъ мнѣ, не было сложныхъ вопросовъ; но все онѣ были обжалованы по-мѣщниками. Жалобы были ядовиты, по логичны съ польской точки зрењія; протоколы на комиссіи, разсматривавшія эти жалобы, были многорѣчивы, но написаны такъ неискусено, не логично, что мѣстами трудно было попять излагаемое. Я проработалъ за ними цѣлый вечеръ, но все-таки, для разясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, долженъ былъ обратиться къ М. П. Горлову. Съ этихъ поръ, онъ сталъ давать мнѣ на провѣрку исключительно ликвидаціонныя табели Калишской комиссіи, и я вынужденъ былъ работать надъ ними усиленно. Тамъ было два комиссара, неумѣло и невнимательно разбиравшихъ дѣло и плохо излагавшихъ свои разборы. Отношенія членовъ комиссіи къ по-мѣщникамъ очевидно были обостренны; это высказывалось въ множествѣ обжалованій, въ озлобленіи, съ какимъ жалобы эти были написаны. Протоколы Калишской крестьянской комиссіи были трехъ редакцій: одно лицо писало кратко, толково; другое лицо писало кратко, умно, но злобно и, по моему убѣждѣнію, пристрастно, въ пользу крестьянъ; третье лицо писало многосложно, неясно, не глубоко винило въ дѣло, наполняло протоколы ненужными громкими фразами и безтактичными нападками на поляковъ вообще. Я высказалъ это наблюденіе Горлову; онъ улынулся и призналъ мое наблюденіе вѣрымъ, но не согласился назвать мнѣ авторовъ этихъ протоколовъ. Я такимъ образомъ сдѣлался исключительнымъ докладчикомъ по ликвидаціоннымъ табелямъ Калишской комиссіи, сильно набилъ руку въ разсмотрѣніи ихъ.

Однажды, въ Центральную Комиссію явился незнакомый мнѣ

человѣкъ; онъ вошелъ вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ. очевидно былъ знакомъ со всѣми, пожималъ руку всѣмъ членамъ. Мнѣ некогда было спросить „кто это?“, такъ какъ докладъ тотчасъ по входѣ Соловьева началъ Горловъ, и именно съ моихъ та-белей. Я докладывалъ очень сложное и плохо разобранное дѣло съ неясно изложеннымъ протоколомъ Калишской комиссіи. Когда я изложилъ дѣло, члены стали обсуждать дѣло и обращались къ незнакомому моему за разными разъясненіями; я понялъ, что это Рутценъ, предсѣдатель Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; онъ очень неохотно и сухо давалъ объясненія. Соловьевъ не могъ разъяснить себѣ что-то, заставилъ меня прочитать сказанное въ протоколѣ и, выслушавъ, нетерпѣливо спро-силъ Рутцена;

— Скажите, кто таѣь безтолково пишеть?

— Мой помощникъ, Николай Навловичъ Рагозинъ! отвѣ-чалъ Рутценъ.

Я узналъ такимъ образомъ автора затруднившихъ меня про-токоловъ. Я докладывалъ три табели; всѣ были сильно обжalo-ваны, и одна очень неумѣло провѣрена на мѣстѣ. Соловьевъ опять спросилъ:

— Кто этотъ безтолковый комиссаръ?

— Подполковникъ Грюнеръ! отвѣтилъ вполноголоса Рутценъ.

Всѣ три ликвидационныя табели были возвращены въ Ка-лишскую комиссию для дополнительной провѣрки. Рутценъ вы-слушалъ общее осужденіе представленныхъ имъ работъ. Онъ сѣя явнымъ неудовольствіемъ глядѣлъ на меня и тотчасъ по окончаніи засѣданья ушелъ, такъ что я не успѣлъ познакомиться съ нимъ. А я хотѣлъ сдѣлать это, чтобы разспросить его кое о чёмъ по другимъ табелямъ, мною уже разсмотрѣннымъ, но еще недоделаннымъ даже Горлову.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого засѣданія, 26 августа, Со-ловьевъ, по окончаніи засѣданіи Центральной комиссіи, ска-заль мнѣ:

— Приходите ко мнѣ въ 6 часовъ вечера, обѣдать. Знакомы вы съ Рагозинымъ, товарищемъ предсѣдателя Калишской ком-иссіи?

Я отвѣтилъ, что не знаю его.

— Такъ я познакомлю васъ.

Приглашеніе это озадачило меня. Соловьевъ держалъ себя очень гордо. Я встрѣчался съ нимъ въ Центральной комиссіи, у иѣ-которыхъ моихъ знакомыхъ, но никогда не бывалъ у него. Ровно въ 6 часовъ я входилъ въ его гостиную. Рагозинъ былъ уже тамъ.

и они оживленно tolковали о чёмъ-то. Соловьевъ познакомилъ насъ. Я увидѣлъ знакомый мнѣ типъ калужанина-помѣщика: русскій человѣкъ, русый, средняго роста, плотнаго сложенія, конечно съ бородой, лѣтъ 35, съ добрымъ выраженіемъ лица. Обѣдали мы втрѣмъ; разговоръ шелъ все время о дѣлахъ Калишской комиссіи. Яковъ Александровичъ пенялъ Рагозину за раздоры между членами комиссіи, за небрежныя работы; разъ или два остался недоволенъ возраженіями Рагозина, говорившаго смѣло, и рѣзко. Я конечно молчалъ во время этихъ препій. Подъ конецъ обѣда Яковъ Александровичъ сталъ разспрашивать меня о нашихъ смоленскихъ дѣлахъ; онъ хорошо зналъ Смоленскъ, служилъ тамъ. Отзывы его о людяхъ и отношеніяхъ смоленскихъ очень вѣрны, и я невольно высказалъ ему удивленіе, что онъ такъ близко знаетъ все это. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Не мудрено понять ихъ; люди русскіе, дворяне; тинъ всероссійскій!

Отпуская насъ послѣ обѣда, онъ задержкаль меня, и когда мы остались вдвоемъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Я предполагаю командировать васъ въ Калишъ, завѣдывать Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ. Извѣдывая вашихъ въ Центральной комиссіи я убѣдился, что вы достаточно ознакомились теперь съ дѣломъ вообще и съ положеніемъ дѣла въ Калишской комиссіи. Рутценъ не вернется въ Калишъ; я получилъ его прошеніе объ отставкѣ; Рагозину я не могу довѣрить комиссію. Надѣюсь, вы справитесь съ этимъ дѣломъ?

Я отвѣчалъ, что предложеніе это для меня совершенно неожиданно; я не подготовилъ отвѣта. Но я всю жизнь никуда не напрашивался и ни отъ какого порученія не отказывался. Предложеніе его такъ лестно для меня, что я благодарю его за довѣріе, и приложу всѣ силы повести дѣло правильно.

Я такъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ оставаться наединѣ; Тургенева не было дома. Я переодѣлся и пошелъ въ театръ. Ночь я почти не спалъ; меня радовало это крупное повышеніе. Должность предсѣдателя крестьянской комиссіи состояла въ IV классѣ, давала 4.000 рублей содержанія, при казенной квартирѣ и отопленіи. Мнѣ было 32 года; положеніе блестящее для молодого человѣка. Но меня смущало сознаніе, что Калишская комиссія была ведена неправильно, что тамъ раздоры между членами комиссіи, что они очень самостоятельны, рѣзко и стойко отстаиваютъ свои убѣжденія. Нѣсколько часовъ назадъ я убѣдился въ этомъ изъ разговора

Рагозина съ Соловьевымъ. Молодость, увѣренность въ своихъ силахъ, взяли верхъ, и я сказалъ себѣ: „буду работать, одолѣю“.

На другой день я никому, ни даже моему сожителю Тургеневу не говорилъ о предложениі, сдѣланномъ мнѣ Соловьевымъ, предоставляя ему обнародовать это, когда онъ признаетъ это нужнымъ. Въ канцеляріи Учредительного Комитета, куда я пришелъ по дѣлу, Бѣлозерскій подошелъ ко мнѣ и вполголоса сказалъ мнѣ:

— Поздравляю съ блистательнымъ назначеніемъ! Яковъ Александровичъ приказалъ мнѣ написать представленіе о назначеніи васъ исправляющимъ должностъ предсѣдателя Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Я молча пожалъ ему руку; онъ продолжалъ:

— Вы никому не говорили объ этомъ? Хорошо сдѣлали! Молчите, пока не состоится назначеніе.

Когда я явился съ ликвидационными табелями къ Горлову, онъ спросилъ меня, улыбаясь:

— Какія новости прінесли вы мнѣ?

— Три ликвидационныя табели, мною просмотрѣнныя, отвѣчалъ я серьезно.

— Это послѣднія, которыя вы мнѣ докладываете. Поздравляю съ назначеніемъ и радуюсь ему. Убѣжденъ, что дѣло пойдетъ у васъ хорошо.

Мы проговорили съ нимъ часа полтора о томъ, что меня ожидаетъ въ Калишѣ, и какъ я долженъ дѣйствовать. Видно было, что онъ искренно желаетъ помочь мнѣ, разъяснить мнѣ все необходимое. Я поблагодарилъ его за доброе расположение ко мнѣ и высказалъ убѣжденіе, что, именно благодаря его добромъ отзыву обо мнѣ, Соловьевъ избралъ меня. Горловъ отвѣтилъ:

— Я сознательно готовилъ васъ въ предсѣдатели Калишской комиссіи. Давно было рѣшено, что Рутценъ не можетъ вести ее. Давая вамъ для разбора ликвидационныя табели этой комиссіи, я вводилъ васъ въ кругъ ея дѣйствій. Вы теперь хорошо знаете всѣ ея ошибки, знаете мнѣніе о нихъ членовъ Центральной комиссіи. Дѣло для васъ ясно, открыто. Ваши доклады одобрялись всѣми членами комиссіи; Яковъ Александровичъ могъ смѣло избрать Васъ.

Когда я вернулся домой, къ обѣду, Михаилъ Борисовичъ бросился обнимать, поздравлять меня. Добрый человѣкъ этотъ искренно радовался назначенію моему. Въ канцеляріи Учредительного Комитета писалось представленіе о моемъ назначеніи,

всѣ знали о немъ. Тургеневъ укорялъ меня, что я не разсказа-
зать ему эту вѣсть вчера.

— Когда я воротился домой, отвѣчалъ я, вы спали; не
будить же васъ!

— Именно будить! для такой радостной вѣсти можно и
проспнуться!

— А затѣмъ, продолжалъ я, прилично ли было мнѣ раз-
глашать это? Представьте себѣ, что Яковъ Александровичъ
отдумалъ бы назначить меня; остановился бы на другомъ лицѣ;
или памѣстникъ, графъ Бергъ, не утвердилъ бы его предста-
вленіе. Хорошъ бы я былъ! Мальчикъ, хвастунъ!

— Это невозможно! Не такой человѣкъ Яковъ Александро-
вичъ! Онъ не шатается; у него—сказало, сдѣлано! А памѣст-
никъ? Ему не все ли равно, кто будетъ въ Калишѣ? Онъ ни-
кого изъ настѣ не знаетъ и знать не хочетъ. Я просилъ однако
Тургенева не разглашать это извѣстіе, а самъ продолжалъ
проводить ликвидационныя табели. Ближайшее засѣданіе Цен-
тральной комиссіи было вечеромъ 29 августа, несмотря на
табельный праздникъ. Придя въ комиссию, Яковъ Александро-
вичъ объяснилъ иѣсколькимъ лицамъ, что онъ получилъ Высо-
чайшій приказъ о награжденіи ихъ чинами и орденами, по
случаю 30 августа, дня Именинъ Государя Александра II.
Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Поздравляю и васъ, Николай Ксенофонтовичъ! Вы назна-
чены исправляющимъ должность Предсѣдателя Калишской
комиссіи.

Члены Центральной комиссіи всѣ поздравили меня и выска-
зывали убѣжденіе, что дѣло попало въ хорошія руки. Я сдѣ-
жалъ въ это засѣданіе свой послѣдній докладъ, сдалъ свои ликви-
дационныя табели и успѣлъ изъ засѣданія уже какъ предсѣ-
датель Калишской комиссіи. Члены Центральной комиссіи,
Тургеневъ, еще кое-кто рѣшили, что надо идти ужинать въ
Европейскую гостиницу, поздравить меня. Мы дружески по-
ужинали тамъ, и я сохранию до сихъ поръ радостное воспоми-
наніе о вниманіи и ласкѣ этихъ умныхъ, добрыхъ и ласковыхъ
людей.

Черезъ иѣсколько дней Бѣлозерскій вручилъ мнѣ распоря-
женіе отправиться къ мѣсту служенія моего, въ г. Калишъ, и
принять Калишскую комиссию по крестьянскимъ дѣламъ. Я
явился къ Соловьеву откланяться. Очень кратко, но очень
определенно, онъ указалъ мнѣ, на что надо обратить особенное
вниманіе въ Калишской комиссіи. Съ Горловымъ у насъ была

болѣе продолжительная бесѣда. Онъ еще разъ дружески, отечески повторилъ мнѣ всѣ требования Центральной комиссіи, всѣ слабыя стороны дѣятельности Калишской комиссіи. Я сдѣлалъ нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Жалко мнѣ было разставаться съ сожителемъ моимъ Михаиломъ Борисовичемъ. Добрый, умный человѣкъ этотъ пришелся мнѣ очень по душѣ. Жалко было мнѣ оставить семью брата моего Сергея Николаевича, гдѣ я такъ хорошо отдыхалъ, гдѣ было такъ уютно, семейно. Мнѣ было жаль разставаться со всѣмъ, что меня окружало въ Варшавѣ. Благородные, умные члены Учредительного Комитета, съ которыми я нѣсколько разъ въ недѣлю встречался въ Центральной комиссіи, были мнѣ дороги. Мнѣ до теперешнихъ, позднихъ дней моей жизни, не пришлось встрѣтить вновь такое рѣдкое собраніе умныхъ, благородныхъ людей. Встрѣчались такие люди поодиночкѣ; на группу въ 10 и 12 человѣкъ такихъ людей, работающихъ за однимъ дѣломъ, я не встрѣчалъ болѣе. Николай Алексѣевичъ Милютинъ высказалъ свой рѣдкій административный талантъ, замѣчательное знаніе людей, сумѣвъ выбрать и соединить этихъ людей въ Варшавѣ. Общая работа съ ними, бесѣды ихъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе, придали твердость, сознательность моей дальнѣйшей дѣятельности по крестьянскому дѣлу. До тѣхъ поръ я, какъ и всѣ мировые посредники первого состава, былъ самоучка, дѣйствовалъ по своему разуму. Учиться было не у кого; всѣ были такие же, какъ я, не съ кѣмъ было даже посовѣтоваться. Тутъ, въ Центральной комиссіи, засѣдали бывшіе члены редакціонной комиссіи; они руководствовались убѣженіями и положеніями, выработанными въ редакціонной комиссії. Они передавали эти руководящія мысли, положенія намъ, ученикамъ своимъ, и я попыталъ цѣну этихъ указаний. Къ счастью, мнѣ пришлось пользоваться руководствомъ этихъ людей до конца семилѣтней службы моей въ Учредительному Комитетѣ.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссія въ 1866 году.

Калишская комиссія по крестьянскимъ дѣламъ получила форменное извѣщеніе о моемъ назначеніи исправляющимъ должность предсѣдателя ея. Бѣлозерскій былъ разъ въ командировкѣ въ Калишъ и рассказалъ мнѣ, какъ проѣхать туда. Я написалъ секретарю Калишской комиссіи, указалъ, въ какой

день пріѣду туда, просилъ заготовить мнѣ къ этому дню нумеръ въ гостиницѣ и выслать сторожа комиссіи въ почтовую контору, ко времени пріѣзда почтоваго дилижанса, съ которымъ я предполагалъ пріѣхать въ Калишъ. Въ незнакомомъ мнѣ городѣ, не зная польскаго языка, я вызывалъ сторожа, чтобы онъ довелъ меня до гостиницы и доставилъ туда мой багажъ. Около полудня я сѣлъ въ вагонъ Варшавско-Вѣнскай желѣзной дороги; Михаилъ Борисовичъ провожалъ меня; мы дружески обнялись, онъ благословилъ меня на новый путь. По желѣзной дорогѣ мнѣ надо былоѣхать до станціи Кутно, около десяти перегоновъ отъ Варшавы. Желѣзная дорога эта была уже не русская; она устроена на заграничный образецъ. Колея узкая, вагоны, всѣ порядки нѣмецкіе. Прислуга польская, билеты съ надписями польскими, разговоръ по-польски. Путь идетъ по хорошей, богатой части Польши, густонаселенной, плодородной. Около 7 часовъ вечера я вышелъ въ Кутно, маленькимъ городкѣ. Тутъ у вокзала стоялъ почтовый дилижансъ, который черезъ полчаса отправлялся въ Калишъ, везъ туда почту. Въ каретѣ было 8 мѣстъ; я занялъ одно; плата была ничтожная. Карета была раздѣлена на два отдѣленія, по 4 мѣста въ каждомъ. Въ моемъ отдѣленіи, къ счастью, оказался пассажиръ русскій чиновникъ, служащий въ Калишѣ; онъ уже обжился въ Польшѣ, довольно бойко говорилъ по-польски и много помогъ мнѣ. Дорога шла по прекрасному шоссе; карета шла ровно и довольно скоро, ноѣхать предстояло болѣе 100 верстъ, и мнѣ объяснили, что мы будемъ въ Калишѣ только на другой день, около 8 часовъ утра. Покуда было свѣтло, я осматривалъ мѣстность, по которой мы проѣзжали. Мѣста были хорошия, обработка земли щательная, видна была зажиточность населенія. Когда потемнѣло, стало очень скучно, спать сидя я не могъ, остальные пассажиры были поляки, относившіеся къ намъ, русскимъ, холодно. Оставалось одно—разспрашивать моего русскаго спутника о городѣ Калишѣ и жизни въ немъ, что я и сдѣлалъ. Продремавъ сидя всю ночь, мы къ указанному времени, около 8 часовъ утра, вѣхали въ Калишъ. Сторожъ комиссіи, отставной солдатъ, встрѣтилъ меня, провелъ въ гостиницу Пешке, где мнѣ была заготовлена просторная, чистая комната. Хозяинъ гостиницы, нѣмецъ, встрѣтилъ меня почтительно. Я съ дѣствомъ свободно говорилъ по-нѣмецки; попросилъ его приставить ко мнѣ человѣка, говорящаго по-русски или по-нѣмецки; онъ объяснилъ, что предупредилъ мое желаніе; кельнеръ его, нѣмецъ, будетъ мнѣ прислу-

живать. Самовары въ нѣмецкой гостиницѣ не полагались; но мнѣ подали прекрасное кофе, съ хорошимъ хлѣбомъ и масломъ. Я пилъ кофе, когда мнѣ доложили, что пришелъ секретарь комиссіи. Я конечно тотчасъ принялъ его, поблагодарилъ, что онъ такъ удобно устроилъ меня. Онъ спросилъ: какъ и когда я хочу принять дѣла комиссіи, когда назначу представиться мнѣ комиссарамъ и чиновникамъ комиссіи? Я объяснилъ, что цѣлую ночь не спалъ, усталъ и въ этотъ день буду отдыхать; прошу считать меня официальномъ еще не прибывшимъ въ Кашишъ; а что будетъ завтра—увидимъ. Я попросилъ его зайти къ товарищу предсѣдателя Рагозину и попросить его отъ моего имени быть дома въ 11 ч. утра; я зайду къ нему, какъ человѣку мнѣ уже знакомому.

Въ 11 часовъ я звонилъ у двери Рагозина; онъ самъ отворилъ мнѣ и смущенно привѣтствовалъ меня. Я дружески протянулъ ему руку и прежде всего просилъ видѣть во мнѣ человѣка, а не предсѣдателя комиссіи, что я сегодня не стану говорить о дѣлахъ и прошу распоряжаться въ комиссіи, какъ онъ знаетъ. Онъ повторилъ вопросъ секретаря о пріемѣ комиссіи; я сказалъ, что не вижу надобности и принимать дѣла; они на рукахъ секретаря, а если мои помощники неувѣрены въ цѣлости ихъ, надо назначить ревизію. Рагозинъ конечно запротестовалъ и клялся, что все въ порядке. О пріемѣ комиссаровъ я сказалъ, что не считаю удобнымъ отрывать ихъ отъ дѣла и не вижу пользы отъ официального пріема. Лучше мы познакомимся постепенно, когда будетъ удобно. Съ нимъ лично я знакомъ, а съ другимъ помощникомъ познакомлюсь сегодня, зайду къ нему. Распоряженіе это поразило его и по-видимому понравилось ему.

Я зналъ, что онъ женатъ, и просилъ его познакомить меня съ женою его. Не мало я былъ удивленъ, когда ко мнѣ вышла особа, которую я хорошо зналъ еще дѣвочкой. Я былъ друженъ съ ея дядей Николаемъ Пис.... Это былъ мой другъ дѣтства, съ сестрой его, матерью г-жи Рагозиной, игралъ въ дѣтствѣ, а самое г-жу Рагозину постоянно ветрѣчалъ у Николая II—а. Это обстоятельство много упростило наши отношенія съ ея мужемъ, Николаемъ Павловичемъ, придавъ имъ сразу дружескій оттѣнокъ. С. Н. Рагозина настояла, чтобы я позавтракалъ у нея, послѣ завтрака я попросилъ хозяина проводить меня къ другому моему товарищу Рычкову. Я зналъ отъ Горлова, что это враги, и потому просилъ Рагозина указать мнѣ домъ, гдѣ живеть Рычковъ. Я засталъ дома Николая Дмитріе-

вича Рычкова. Это былъ молодой человѣкъ красивой наружности, свѣтскій, очень образованный, кандидатъ юридическихъ наукъ Казанского университета. Отецъ его, богатый чомѣщикъ на Уралѣ, потомокъ извѣстнаго писателя Рычкова, самъ онъ очень образованный человѣкъ, славянофилъ, былъ пріятель Саваринихъ, князя Черкасскаго и Я. А. Соловьевъ. Благодаря этимъ связямъ Николай Дмитріевичъ при открытии крестьянскихъ комиссій былъ назначенъ, несмотря на свою молодость и неопытность, товарищемъ предсѣдателя комиссіи, не побывавъ предварительно комиссаромъ. Рычковъ поспѣшилъ высказать мнѣ, что, исполняя долгъ службы и вѣжливости, онъ былъ уже у меня въ гостиницѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня. Первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня этими сослуживцемъ моимъ, было очень пріятное: я просидѣлъ у него около часу, сказавъ ему, что знаю его дѣятельность изъ его толковыхъ протоколовъ. Я попросилъ его придти на другой день, въ 10 часовъ утра въ канцелярію комиссіи, куда я пригласилъ уже Рагозина. Тамъ мы переговоримъ о дѣлѣ и условимся о дальнѣйшей нашей дѣятельности.

Вечеръ я провелъ у себя въ гостиницѣ, наединѣ, приводя въ порядокъ свои мысли, впечатлѣнія и готовясь приступить на другой день къ новой моей дѣятельности. Положеніе края и Калишской комиссіи въ этотъ періодъ было еще неопределено.

Въ основаніе новаго устройства Царства Польскаго было положено освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землей и устройство крестьянскаго самоуправленія. Такъ какъ гражданское управление было совершенно разстроено восстаніемъ, оно состояло все изъ поляковъ, которымъ правительство не могло довѣрить, то Высочайшіе Указы 19 февраля 1864 года обѣ устранили крестьянъ обнародованы были чрезъ военныхъ начальниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго; сдѣлано было это очень быстро, отъ 23 февраля до половины марта 1864 года. Затѣмъ 14 марта 1864 года открыть въ Варшавѣ Учредительный Комитетъ, на который между прочимъ возложено высшее завѣданіе крестьянскимъ дѣломъ въ Польшѣ. Комитетъ занялся прежде всего образованіемъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій, которымъ предстояла тяжелая и сложная обязанность устроить на мѣстахъ новый сельскій бытъ, обеспечить и укрѣпить поземельныя права крестьянъ, наконецъ упрочить на дѣлѣ общественное мірское управление, согласно съ новымъ законодательствомъ. Такое многосложное порученіе могло быть удовлетворительно исполнено лишь людьми,

глубоко и искренно сочувствовавшими предпринятой реформѣ. Несчастные опыты прежнихъ лѣтъ, когда самыя благодѣтельныя намѣренія русского правительства по крестьянскому дѣлу искаjались въ Польшѣ исполнителями-поляками, проникнутыми самыми эгоистическими политическими видами, требовали, при настоящемъ ненормальномъ положеніи края, назначенія лицъ исключительно русского происхожденія.

Въ видахъ обезпеченія правильного и быстраго теченія дѣлъ, учреждено въ Варшавѣ 14 комиссий по крестьянскимъ дѣламъ. Каждая изъ этихъ комиссій имѣеть въ своемъ вѣдѣніи отъ 2 до 3 уѣздовъ и состоить изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, комиссаровъ, которые завѣдываютъ особыми участками. Во всѣ эти должности и поступили исключительно лица, прибывшія изъ Имперіи, частью бывшіе мировые посредники или гражданскіе чиновники, частью же офицеры изъ войскъ, расположенныхъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, известные своею способностью и сочувствіемъ предстоящему дѣлу.

При открытии своихъ дѣйствій, комиссія нашла, что, по обнародованіи Высочайшихъ Указовъ 19 февраля, крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали дѣйствительного ихъ исполненія на мѣстахъ. Въ послѣднее время они слышали столько обѣщаній, столько пышныхъ словъ, что недовѣріе къ новымъ обѣщаніямъ было побѣждено лишь тѣмъ, что Указы обнародованы были русскими военными властями. Крестьяне, передъ глазами которыхъ происходили всѣ события повстанія, поняли очень хорошо, что для нихъ наступила пора возрожденія къ новой жизни, что смутная обѣщанія повстанцевъ не имѣли никакой практической силы, и что улучшеніе своего быта они могутъ ожидать только отъ законного правительства. Если въ прежнее время, въ умахъ крестьянъ и были какія-нибудь колебанія или сомнѣнія, вслѣдствіе усиленныхъ происковъ шляхты, то они съ началомъ дѣйствій комиссій прекратились совершенно. Вслѣдъ за обнародованіемъ Высочайшихъ Указовъ 19 февраля военные начальники, а затѣмъ комиссары были заставлены прошеніями. Крестьяне спѣшили заявить свои права, желая воспользоваться благопріятною минутою, такъ какъ горький опытъ убѣдилъ ихъ, что если власть перейдетъ въ руки шляхты, то всѣ надежды на правосудіе опять исчезнутъ. Само собою разумѣется, что точныхъ понятій о Высочайшихъ Указахъ не было еще у крестьянъ. Ихъ не было, къ сожалѣнію, и между высшимъ классомъ общества. При неясномъ же по-

ниманіи указовъ, естественно, многіе изъ крестьянъ ожидали гораздо большаго, чѣмъ имъ предоставлялось новымъ закономъ. Нѣкоторые предполагали даже, что въ наказаніе за мятеожъ всѣ земли будутъ отобраны отъ бушевавшей шляхты и разданы крестьянамъ.

По понятіямъ народа, сложившимся во время послѣднихъ смутъ, вслѣдствіе недобросовѣтной пропаганды самихъ польскихъ революціонеровъ, такія мѣры казались совершенно естественными и справедливыми. Вообще, крестьяне ожидали мѣръ порывистыхъ, имѣющихъ характеръ насилия, но не разсчитывали еще на постоянное, неуклонное, непоколебимое дѣйствіе закона въ защиту ихъ правъ. Многовѣковое безправіе не развило въ крестьянахъ надежды на пріобрѣтеніе правъ постоянныхъ, вѣчныхъ.

Крестьянскимъ комиссіямъ поручено было разъяснить крестьянамъ, что обеспеченіе ихъ правъ основано на правильномъ, постоянномъ дѣйствіи закона; что всѣ неправды, обиды относительно земельного устройства ихъ, нанесенные имъ при прежнихъ шляхетскихъ порядкахъ, будутъ спокойно, правильно разобраны крестьянскими комиссіями. Затѣмъ, прежде всего, крестьянскія комиссіи должны были заняться устройствомъ крестьянского самоуправленія: распределеніемъ уѣздовъ на гмины (волости), выборомъ гминныхъ войтовъ (волостныхъ старшинъ), лавниковъ (судей), солтысовъ (сельскихъ старостъ). До сихъ поръ гмины были распределены согласно удобствамъ и желаниямъ помѣщиковъ, составлялись болѣею частью изъ отдѣльныхъ имѣлій; были гмины въ 50 и 60 дворовъ, рядомъ съ гминами въ 2.000 и 3.000 дворовъ; гминными войтами были сами помѣщики и повѣренные ихъ; въ гминахъ царствовалъ полный произволъ. Комиссарамъ пришлось не мало потрудиться, чтобы разъяснить крестьянамъ значение и громадную силу новыхъ политическихъ правъ, предоставленныхъ имъ передачею имъ права на выборъ гминнаго войта и всѣхъ гминныхъ властей, гминнаго суда. Можно было опасаться, что вся сила гминнаго устройства, которымъ обеспечивалась независимость крестьянъ отъ ненавистнаго имъ шляхетскаго вліянія, останется непонятою ими, и что народъ, для которого насущныя, материальныя выгоды привлекательнѣе политическихъ правъ, отнесется равнодушно къ новымъ выборнымъ правамъ своимъ. Однако опасеніе это не оправдалось. Крестьяне польские, несмотря на продолжительное угнетеніе, или, лучше сказать, благодаря этому угнетенію, доведшему ихъ до крайней

степени раздраженія, ко всему что могло способствовать ихъ скорѣйшему освобожденію отъ шляхетскаго гнета, оказались очень чуткими. Они жадно внимали словамъ комиссіи, которая, разъѣзжая по селеніямъ, разъясняла крестьянамъ значеніе этой великой милости царской, безъ которой всѣ права ихъ бы были бы непрочны. Большинство крестьянъ, при первыхъ же выборахъ, показало, что умѣеть пѣнить дарованное имъ право самоуправліенія. По большей части гминные войты, избранные крестьянами изъ своего сословія, оказались дѣйствительно самые лучшіе по поведенію и самые толковые люди. На выборахъ прочихъ должностныхъ лицъ, крестьяне подавали свои голоса съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ и замѣчательнымъ тактомъ. Очень часто случалось, что лицо, избранное единогласно въ солтысы (сельскіе старосты), не получало ни одного голоса, когда его предлагали въ гминные войты.

По устройствѣ гминъ и производствѣ выбора гминныхъ должностныхъ лицъ, крестьянскія комиссіи занялись разборомъ жалобъ, поданныхъ крестьянами. Та часть польского населенія, которая не была заражена преступными мечтами польского возстанія, спѣшила заявить свои страданія, въ надеждѣ, что настала наконецъ благопріятная минута для отысканія справедливости.

До 20 мая 1846 года, крестьяне въ Царствѣ Польскомъ не имѣли никакихъ земельныхъ правъ. Все, что было сдѣлано до этого времени помѣщиками относительно земель и угодій, находившихся въ пользованіи крестьянъ, не можетъ подлежать обжалованію. Указъ, изданный Императоромъ Николаемъ I въ 1846 году, впервые положилъ предѣлъ произволу помѣщиковъ и опредѣлилъ поземельныя права крестьянъ. Указомъ этимъ воспрещалось произвольно лишать участковъ крестьянъ, имѣющихъ три и больше морга земли, а равно уменьшать эти участки, увеличивать лежащія на нихъ повинности, или отказывать крестьянамъ въ сервитутахъ, коими они пользовались до того времени. Всѣ эти поземельныя права крестьянъ были въ 1846 году внесены въ табели (престаціонныя). Между тѣмъ крестьяне безъ разбора жаловались, какъ на то, что произошло во время ихъ безправія, такъ на незаконныя измѣненія ихъ быта, произшедшія послѣ 1846 года.

При повѣrkѣ крестьянскими комиссіями жалобъ крестьянъ, весьма важнымъ пособіемъ служили престаціонныя жалобы 1846 года и дополнительный къ нимъ жалобы 1861 года. Первые были составлены тотчасъ послѣ изданія указа 1846 года и

должны были заключать въ себѣ полныя и безошибочныя свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣлахъ, угодіяхъ и повинностяхъ, какіе существовали въ 1846 году; дополнительная же табели объясняли, въ какомъ положеніи находились крестьянскіе надѣлы въ 1861 году, при изданіи указа объ окупѣ (переходѣ съ барщины на оброкъ). Одно простое сравненіе двухъ этихъ табелей нерѣдко раскрывало комиссіи многія злоупотребленія и нарушенія указа 1846 года. Были примѣры, что цѣлые деревни, записанныя въ престаціонныя табели въ 1846 году, уже не существовали, крестьяне прогнаны насильно со своихъ усадебъ, или сами покинули ихъ, вслѣдствіе непомѣрного вывышенія повинностей и разныхъ другихъ притѣсненій, строенія ихъ снесены, а мѣсто, гдѣ прежде была деревня, запахано и нерѣдко продано въ третью и четвертую руки. Но такъ какъ табели составлялись одними помѣщиками и утверждались высшими властями на основаніи одного лишь свидѣтельства гмінаго войта, званіе которого носиль самъ составитель табели, или его дворовый служитель, то весьма естественно, что онъ весьма часто оказывались при повѣркѣ ихъ комиссіями неправильными. Въ Калишской комиссіи оказалась цѣлая многолюдная гмина, въ которой только шесть крестьянъ были записаны въ престаціонную табель, а остальные всѣ пропущены. Дополнительные табели 1861 года составлялись съ неменьшими неправильностями. Во многихъ изъ этихъ табелей опустѣвшія крестьянскія усадьбы (пустки) показаны занятymi официалистами, управляющими, наконецъ, самимъ помѣщикомъ и его родственниками. Комиссіи случилось открыть иѣсколько пустокъ, записанныхъ на имя *Бартоломея Шварца* (изобрѣтателя пороха), *Казимира Перре* (французского ministra), или же на имя разныхъ знаменитыхъ полководцевъ древняго и новаго міра.

Подобныя жалобы крестьянъ провѣряются очень внимательно крестьянской комиссіей. При разрѣшеніи жалобъ принимаются въ основаніе не самыя табели, а другія доказательства, какъ, напримѣръ: сознаніе помѣщика, показанія свидѣтелей, окольныхъ жителей. Составленное крестьянской комиссіей рѣшеніе представляется окончательно на усмотрѣніе Учредительного Комитета. Особенное затрудненіе представляетъ разсмотрѣніе жалобъ на обмѣнъ угодій. На основаніи указа 1846 года воспрещено было помѣщикамъ производить обмѣнъ земель безъ согласія крестьянъ; если же таковые производились по добровольному съ крестьянами соглашенію, то прави-

тельство требовало, чтобы соглашение облечено было въ письменную форму и подверглось предварительному разсмотрѣнію и утвержденію высшихъ властей. Безъ соблюденія этого условія, договоръ, хотя бы онъ былъ письменный и заключенъ нотаріальнымъ порядкомъ, считался недѣйствительнымъ. Мѣра эта была весьма предусмотрительной и оправдывалась особымъ положеніемъ крестьянъ. Хотя декретомъ Наполеона I крестьяне Царства еще въ 1807 году были признаны полноправными гражданами, но такъ какъ они подчинены были до сихъ поръ произволу патrimonіальной юрисдикціи, и кромѣ того право поземельной собственности было для нихъ совершенно недоступно, то понятно, что полноправность ихъ была не что иное, какъ законодательная фикція. Помѣщикъ, какъ войтъ гминъ и какъ господинъ земли, на которой сидѣлъ крестьянинъ, могъ во всякое время исторгнуть у крестьянина какое угодно добровольное соглашеніе. Но законодательная фикція шла еще дальше: она открывала помѣщику полную возможность заключать съ крестьяниномъ даже формальные договоры, безъ какого-либо съ его стороны согласія и даже безъ его вѣдома. Гражданскимъ кодексомъ Царства Польского не требуется, чтобы безграмотные, при заключеніи договоровъ, прикладывали къ нимъ свои руки, или поручали за себя расписаться людямъ, которымъ они дѣйствительно довѣряютъ. Кодексъ считаетъ достаточнымъ, чтобы два полноправныхъ свидѣтеля скрѣпили договоръ и нотаріусъ утвердилъ его, засвидѣтельствовавъ, что одна изъ сторонъ не подписала его по безграмотству. На этомъ основаніи каждый польский помѣщикъ, пользуясь своею матримоніальною властью и тѣмъ всеобщимъ заговоромъ противъ крестьянъ, который существовалъ до сихъ поръ между шляхтою, могъ безъ труда добить себѣ актъ добровольного съ крестьянами соглашенія, не обращаясь для того къ самимъ крестьянамъ. Такія добровольныя соглашенія имѣли дѣйствительно огромное примѣненіе на практикѣ, но указъ 19 февраля 1864 года, къ счастью, не призналъ за ними никакого значенія, если они не утверждены законнымъ порядкомъ. Во время управлениія гражданской частью, маркизомъ Веленопольскимъ въ 1862 году изданъ указъ о принудительномъ очиншеваніи; онъ допускалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершение письменныхъ договоровъ домашнимъ порядкомъ, безъ всякаго особаго разсмотрѣнія и утвержденія оныхъ; нѣкоторые помѣщики посіпѣшили употребить во зло оказанное имъ этимъ указомъ довѣріе, а всѣхъ нувшіе вслѣдъ затѣмъ безпорядки въ краѣ помѣщали этимъ

злоупотреблениемъ обнаружиться. Къ счастью, время, благопрятное для распространенія подобныхъ добровольныхъ соглашеній, продолжалось очень недолго. Указъ 19 февраля положилъ имъ конецъ; точно такія же притѣсенія, обманы и подлоги встрѣчала крестьянская комиссія при разборѣ жалобъ крестьянъ на отборъ сервитутовъ и просьбъ огородниковъ и другихъ малоземельныхъ крестьянъ. Учредительный Комитетъ требовалъ, чтобы все эти жалобы разбирались крестьянскою комиссіею юридически, принципіально; чтобы отдельные выдающіеся случаи собирались въ одну общую массу, и на основаніи этихъ разборовъ Учредительный Комитетъ издавалъ руководящія правила для разрѣшенія ихъ.

Не было почти ни одного имѣнія, гдѣ крестьяне не жаловались на тяжесть повинностей, платимыхъ въ пользу помѣщиковъ, ксендзовъ, ихъ крайнюю неуравнительность и запущенность. Повсемѣстны были также жалобы крестьянъ, и особенно дворовыхъ служителей, на побои и тѣлесныя наказанія со стороны помѣщиковъ, управителей и арендаторовъ. До того времени законъ предоставлялъ каждому землевладѣльцу, домохозяину патrimonialную власть наказывать своихъ служителей не свыше 16 ударовъ розогъ. Такъ какъ съ уничтоженіемъ патrimonialной юрисдикціи судебно-полицейское разбирательство проступковъ перешло къ выборнымъ гминымъ властямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено право помѣщиковъ чинить какія бы то ни было наказанія крестьянамъ.

Понятно, что такой открытый переходъ отъ полнаго безправія къ новому спокойному, твердому устройству ихъ не могъ не повлиять благопріятно на польскихъ крестьянъ. Они встрѣчали все дѣйствія и распоряженія крестьянской комиссіи съ необыкновеннымъ радушіемъ и восторгомъ, какъ явное доказательство, что Высочайшіе указы не остаются мертввою буквою, а примѣняются въ дѣйствительности. Повсюду крестьяне выражали благодарность Царю не только за благодѣтельные указы, но и за то, что они приводятся въ исполненіе русскими, а не польскими чиновниками. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ крестьянъ новая реформа получила особенное значеніе именно потому, что вводится не шляхтою. Калишская комиссія была поражена, что народъ названіе *поляковъ* примѣняетъ преимущественно къ повстанцамъ, бунтовщикамъ изъ шляхты, и вообще къ другимъ сословіямъ, но никогда къ крестьянамъ. И не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ всѣми чувствами своими народъ причисляетъ себя къ другой

(русской) нації, а не къ той, которая до сихъ поръ назы-
вала себя Польшею и систематически мучила, истязала ихъ
крестьянъ.

Весьма понятно, что эта нація встрѣтила крестьянскую ко-
миссію не съ тѣмъ чувствомъ радости, съ какимъ привѣтство-
валъ ее народъ. Нельзя было ожидать, чтобы шляхта уступила
свои исчезающее вліяніе безъ борьбы. Первое время крестьян-
ской комиссіи приходилось бороться не только съ злонамѣрен-
ными слухами и клеветою, ставившими ослабить ихъ вліяніе.
комиссіи на народъ и очернить ихъ законныя дѣйствія, но
даже съ открытымъ неисполненiemъ Высочайшихъ Указовъ.
Такъ, права малоземельныхъ крестьянъ почти повсемѣстно най-
дены нарушенными и послѣ обнародованія Указовъ; крестьяне
жили до самаго прибытія Калишской комиссіи на мѣсто, про-
должали отбывать барщину. Въ иѣкоторыхъ имѣніяхъ чинши
были взысканы съ крестьянъ еще въ апрѣлѣ 1864 года, въ
другихъ отобраны сервитуты или строенія, обмѣнены земли,
жилища. На вопросъ Калишской комиссіи: читали ли владѣльцы
имѣній Высочайшіе Указы, и на какомъ основаніи нарушили
ихъ? получились весьма оригинальные отвѣты. Иные отвѣчали,
что не читали, потому что у нихъ глаза слабы; другіе — по-
тому, что Указъ объявленъ народу, а не имъ, помѣщикамъ;
газетъ же, где Указъ напечатанъ, они не выписываютъ. Не-
рѣдко также встрѣчалось противодѣйствіе со стороны судебнай
 власти, мѣстныхъ чиновниковъ, адвокатовъ, трибунала, напри-
мѣръ разрѣшать поземельные иски и отчуждать отъ крестьянъ
земли, не обращая вниманія на Указы 19 февраля, какъ будто
ихъ вовсе и не существовало; адвокаты пытались запугивать
крестьянъ уголовными исками; полицейскіе суды присуждали
крестьянъ къ огромнымъ штрафамъ; лѣсные чиновники перес-
тали продавать имъ топливо. Всѣ такие случаи открытаго со-
противленія устраялись Учредительнымъ Комитетомъ и мѣ-
стною военною властью, до свѣдѣнія которой Калишская комис-
сія тотчасъ доводила ихъ. Гораздо труднѣе представлялась
борьба съ тѣмъ искреннимъ или притворнымъ непониманіемъ
Указовъ, которое встрѣчалось на каждомъ шагу. Они оспаривали
ясно выраженные законы и отнимали у комиссіи множе-
ство времени своими безцѣльными опроверженіями, протестами.
Нѣкоторые, къ сожалѣнію, очень немногіе, помѣщики сразу
стали въ правильное отношеніе къ реформѣ и безпрекословно
подчинились указамъ. Это были самые предусмотрительные
люди, которые давно указывали своимъ соплеменникамъ на не-

обходимость покончить съ крестьянскимъ вопросомъ, но голоса которыхъ заглушались болѣе своеокорыстною шляхтою. Примѣру благоразумныхъ лицъ, мало-по-малу, волей и неволей, стали слѣдоватъ помѣщики съ практическимъ взглядомъ на вещи, разсчитавши, что гораздо выгоднѣе сразу покончить счеты съ крестьянами, пользуясь содѣйствіемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, чѣмъ дожидаться принудительного разсчета. Но большинство все еще слѣдуетъ старымъ привычкамъ, продолжая оспаривать у крестьянъ каждое ихъ право и считая какъ бы священнымъ долгомъ обжаловать каждое рѣшеніе комиссаровъ и комиссіи, какъ бы очевидна ни была его законность. Приходится тратить часы на увѣреніе просителя, что жалоба его не имѣтъ никакого смысла, что самъ же онъ въ этой жалобѣ признаетъ, что комиссаръ поступалъ на точномъ основаніи статьи закона. „Я ничего не имѣю возразить противъ этого, продолжаетъ спорить проситель, дѣйствительно въ Указѣ есть статья, которую комиссаръ привелъ въ исполненіе; но есть другая статья, предоставляющая мнѣ право жаловаться на комиссара. Комиссаръ исполняетъ свою статью, а я держусь моей“. Понятно, что подобные казуисты не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы какъ можно болѣе затруднить дѣйствія комиссіи, и распространять о ней самая неблагопріятные слухи. Этотъ образъ дѣйствій извѣстной части польского населенія становится совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе стремленіе землевладѣльцевъ сохранить за собою неправильно захваченное, да сверхъ того досаду на потерянное безвозвратно материальное преобладаніе надъ другимъ сословіемъ, а равно надежду возвратить его при разсчетѣ на предполагаемое послабленіе правительства, и наконецъ политическое огорченіе по поводу неудавшагося восстанія. Труды Калишской крестьянской комиссіи были очень тяжки, особенно въ первое время.

Прибывъ въ незнакомый и враждебный край, Калишская комиссія открыла въ немъ свои дѣйствія среди не совсѣмъ еще прекращенныхъ беспорядковъ, когда революціонныя страсти, вслѣдствіе рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ мятежникамъ со всѣхъ сторонъ, находились въ крайне раздраженномъ состояніи, но вѣра въ могущество попавшаго въ руки полиціи народного жонда не успѣла погаснуть въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; еще издѣлія подземной печати, объявлявшія скорое изгнаніе москалей, продолжали ходить по рукамъ и раздувать кичливость легковѣрной шляхты, какъ уже комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, избраннія изъ чистыхъ москалей, разѣзжали

по селамъ и торжественно провозглашали народу, что власть надъ нимъ шляхты окончилаась безвозвратно, и что указы 19 февраля будутъ приведены въ исполненіе во что бы то ни стало. Легко представить себѣ силу ненависти, съ какою встрѣтила комиссию одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, и весь объемъ надеждъ, возбужденныхъ ею въ другой. При такихъ условіяхъ пришлось Калишской комиссіи вступить въ новый для нея, невообразимо сложный міръ поземельныхъ отношеній, запутанныхъ многосторонними, застарѣлыми злоупотребленіями.

Разбирая эти жалобы, Калишская комиссія должна была все время собирать по нимъ необходимыя данныя, внимательно изучать мѣстные обычай и порядки, мѣстный говоръ крестьянъ и тяжелый языкъ польскихъ офиціальныхъ документовъ, разъяснять крестьянамъ ихъ дѣйствительныя права, сдерживать ихъ преувеличенныя надежды, предпринимать быстрыя и решительныя мѣры къ точному исполненію указовъ. Крестьянскія громады провожали комиссию отъ одной деревни до другой, не давая ей покоя ни днемъ, ни ночью, умоляя поскорѣе выдать имъ *декизію* (рѣшеніе) на ихъ просьбу. При этомъ члены Комиссіи подвергались всѣмъ неудобствамъ и лишеніямъ кочевой жизни. Останавливаться на фольваркахъ они не могли, какъ потому, что не желали пользоваться гостепріимствомъ сословія, изъ которого столь многія лица, еще такъ недавно, открыто извергали всевозможныя хулы на русскихъ, такъ и потому, что при чрезвычайно натянутыхъ отношеніяхъ, понятныхъ только въ Польшѣ, крестьяне тотчасъ потеряли бы довѣріе къ новымъ правительеннымъ агентамъ, если бы замѣтили ихъ сближеніе съ крамольной шляхтою.

Останавливаясь по большей части въ корчмахъ, гминныхъ калцеяріяхъ и, въ крайнемъ случаѣ, у ксендзівъ, члены Калишской комиссіи всегда разбирали жалобы на открытомъ воздухѣ, въ присутствіи всей крестьянской громады, и когда уходили въ комнату для взаимныхъ совѣщаній и написанія рѣшенія, вынуждены были ставить у дверей часовыхъ, чтобы никого не пускать туда. Безъ этой предосторожности многіе помѣщики, хорошо зная, до какой степени всякое интимное отношеніе къ членамъ комиссіи можетъ возбудить подозрѣніе крестьянъ, нарочно, въ виду ихъ, входили безъ приглашенія въ комнату, гдѣ помѣщались члены комиссіи. Въ другихъ случаяхъ они заговаривали съ ними на французскомъ языке; во время самого разбора жалобы расточали любезности, приглашали къ себѣ, или, наконецъ, въ той самой корчмѣ, подлѣ которой соби-

рались крестьяне въ ожиданіи пріѣзда комиссіи, приготавляли для членовъ комиссіи завтраки, шампанское. Надо было защищаться отъ такихъ назойливыхъ любезностей, не оскорбляя однако общихъ правилъ вѣжливости.

Надо при этомъ вспомнить, что за исключениемъ военной власти, оказывавшей комиссіи полное вниманіе и содѣйствіе, она встрѣчала безпрерывно явное и тайное противодѣйствіе; если ко всему этому присовокупить массу клеветы, неизбѣжно сопутствующей каждому русскому дѣятелю въ Польшѣ, той закоренѣлой, фанатической клеветы, которою повидимому быть наполненъ тамъ самый воздухъ; словомъ, если дѣятелямъ въ этомъ краѣ вспомнить жизнь, полную непрерывнаго труда, замкнутую въ небольшой кружокъ сослуживцевъ, обязанныхъ быть взыскательными къ самимъ себѣ и другъ къ другу-то нельзя не согласиться, что жизнь членовъ Калишской комиссіи была трудовая, требовала много выдержки, характера.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною при Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я узналъ все это изъ устныхъ докладовъ, производимыхъ тамъ въ моемъ присутствіи предсѣдателями крестьянскихъ комиссій, изъ просматриваемыхъ мною документовъ и изъ частныхъ разговоровъ съ членами разныхъ крестьянскихъ комиссій. Теперь пришлое мнѣ испытать всѣ эти трудности на себѣ лично.

На другой день, въ условленное время, мы собрались въ канцеляріи Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, и я официаль но вступилъ въ должность предсѣдателя ея. Присутствовали я, Рагозинъ, Рычковъ. Я объяснилъ двумъ моимъ товарищамъ, что, разсмотривая полтора мѣсяца представленный изъ Калишской комиссіи ликвидационныя табели, я освоился съ ходомъ дѣла въ этой комиссіи; отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ трудолюбію, любви къ дѣлу членовъ комиссіи. Въ Центральной комиссіи было однако не утверждено и возвращено въ Калишскую комиссию значительное число ликвидационныхъ табелей, по разнымъ, въ сущности познанчительнымъ причинамъ: неясности изложенія нѣкоторыхъ протоколовъ, черезчуръ явнаго стремленія комиссіи рѣшать сомнительные споры въ пользу крестьянъ; только нѣсколько табелей возвращены по недостаточному разслѣдованію дѣла комиссарами. Я предложилъ начать нашу работу съ разсмотрѣнія этихъ возвращенныхъ табелей. Какъ на грѣхъ, первая ликвидационная табель, за которую мы взялись, была именно съ краснорѣчивымъ, но очень безтолковымъ протоколомъ Рагозина. Самолюбіе его было

задѣто за живое; онъ кинялся, доказывалъ ясность изложенія. Я высказалъ ему, что съ высшей инстанціей спорить неудобно, и заставить ее признать яснымъ то, что десять членовъ ея признали плохо изложеннымъ, невозможно, а надо изложить дѣло иначе. Рагозинъ разобидѣлся, сказалъ, что не считаетъ себя обязаннѣмъ производить эту работу второй разъ изъ-за каприсовъ членовъ Центральной комиссіи. Видя, что онъ уперся, и его не переубѣдить, я отложилъ табель и сказалъ: изъ настоящей бесѣды нашей и разъясненій Н. П. Рагозина я понялъ теперь суть дѣла и прошу выслушать докладъ мой обѣ этомъ, чтобы убѣдиться, правильно ли понялъ я дѣло. Они признали изложеніе мое вѣрнымъ; тогда я сказалъ, что къ завтрашнему засѣданію нашему я изложу его письменно. Если члены согласятся съ изложеніемъ моимъ, мы подпишемъ протоколъ и пошлемъ его на заключеніе Центральной комиссіи; по моему убѣждѣнію, дѣло не требуетъ никакого дополнительного разслѣдованія. Мы перешли къ разсмотрѣнію прочихъ возвращенныхъ ликвидационныхъ табелей; я конечно выбиралъ такія, гдѣ не было протоколовъ Рагозина, чтобы не раздражать его еще больше.

При разсмотрѣніи ликвидационной табели, въ которой Центральная комиссія признала неправильную натяжку въ пользу крестьянъ, Рагозинъ опять заспорилъ. Рычковъ заявилъ, что хотя онъ подписалъ протоколь разсмотрѣнія этой ликвидационной табели, но какъ скоро Центральная комиссія признала рѣшеніе Калишской комиссіи неправильнымъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ не подчиняться постановленію высшей инстанціи, и подчиняется ея указаніямъ. Я поручилъ ему собрать необходимыя справки и составить къ слѣдующему засѣданію нашему новый докладъ, если въ канцеляріи комиссіи есть достаточно данныхъ для новаго разрѣшенія дѣла; въ противномъ случаѣ, направить дѣло къ комиссару для дополнительного разслѣдованія. Несколько такихъ ликвидационныхъ табелей я передалъ Рагозину, для подобнаго же направления ихъ. Я объяснилъ ему, что свое личное несогласіе съ мнѣніемъ большинства онъ можетъ оговорить въ протоколѣ, но отказаться отъ исполненія поручаемой ему работы онъ не имѣтъ права.

Подчиняясь этому моему требованію, онъ заявилъ, что до сихъ поръ въ Калишской комиссіи дѣла рѣшались въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ комиссіи, то-есть при полномъ собраніи всѣхъ комиссаровъ, а потому удобно ли рѣшать дѣла завтра въ отсутствіи комиссаровъ. Я разъяснилъ ему, что Центральная комиссія обратила вниманіе на это и въ лицѣ М. П. Гор-

лова поручила мнѣ разъяснить членамъ Калишской комиссіи, что это расточительная трата силъ и времени комиссаровъ. Подобные общія засѣданія полезны и даже необходимы для обсужденія какихъ-либо общихъ затруднительныхъ вопросовъ, а не для разсмотрѣнія каждой провѣренной ликвидационной табели. Членъ, завѣдывающій дѣлами Учредительного Комитета, Я. А. Соловьевъ, поручилъ мнѣ вызывать по очереди, для присутствованія въ засѣданіяхъ Калишской комиссіи, по одному комиссару, и избѣгать сбора всѣхъ комиссаровъ; это отвлекаетъ ихъ отъ прямого ихъ дѣла, занятій въ предѣлахъ ихъ участковъ. Мы тутъ же распредѣли засѣданія Калишской комиссіи на двѣ недѣли впередъ, и я назначилъ, кому изъ комиссаровъ засѣдать въ каждомъ изъ этихъ засѣданій, и имъ послали повѣстки о томъ. На первое засѣданіе, на слѣдующій день, былъ вызванъ комиссаръ I участка, жившій въ Калишѣ, князь Николай Николаевичъ Голицынъ.

Прямо изъ засѣданія я пошелъ познакомиться съ княземъ Голицынымъ. Рычковъ объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ одномъ домѣ съ нимъ, и мы пошли туда вдвоемъ. Князь Н. Н. Голицынъ былъ очень умный и оригинальный человѣкъ. Я зналъ его старшаго брата музыканта, который въ то время завелъ хоръ пѣвцовъ по образцу Славянскаго. Я слышалъ этотъ хоръ въ Москвѣ, въ Павловскѣ, и тамъ познакомился съ этимъ талантливымъ музыкантомъ; онъ самъ дирижировалъ хоромъ на концертахъ. Князь Николай Николаевичъ обладалъ не меньшими способностями, по направлѣнію свой умъ и дѣятельность на другой путь. Онъ былъ литераторъ, гдѣ-то что-то писалъ; онъ не посвятилъ себя однако же вполнѣ литературѣ, а какъ курскій помѣщикъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій у курскаго губернатора Дена, былъ кандидатомъ мирового посредника, исполняя должность мирового посредника; ему было лѣтъ тридцать. Наградивъ его умомъ, талантами, природа обидѣла его физически: отъ болѣзни одна нога его была обезображенна, онъ ходилъ на костыляхъ; а костили изуродовали весь станъ его. Лицо у него было некрасивое, но умное, пріятное. Человѣкъ онъ былъ небогатый, но баринъ въ душѣ.

Съ нимъ и съ Рычковымъ у меня оказалось много точекъ соприкосновенія; оба помѣщики, изъ образованнаго круга, оба любители литературы, много читали; нашлись общіе знакомые. Живя въ одномъ домѣ, рядомъ, они вели общее хозяйство; они пригласили меня отобѣдать съ ними. Мы разговорились, дошли конечно до дѣлъ комиссіи, и я узналъ у нихъ о существованіи

въ Калишской комиссіи двухъ партій, консервативной и либеральной. Рычковъ, князь Голицынъ были членами консервативной партіи; Рутценъ, Рагозинъ и за ними большинство комиссаровъ были либералы. Вся сущность либерализма ихъ была очень наивная, односторонняя и состояла: въ рѣшеніи каждого спорного дѣла между помѣщиками и крестьянами, во что бы то ни стало, въ пользу крестьянъ, а въ спорѣ поляка съ русскимъ полякъ долженъ быть всегда виноватъ. Всѣ эти добродушные люди были ярыми монархистами, безусловными вѣриоподданными, добрыми христіанами, всѣ православные, не-навистники католицизма. Въ числѣ ихъ было три иѣмца: Фрейлебенъ, баронъ Розенъ и Грюнеръ, но и эти признавали себя вполнѣ русскими. Либеральное направление шло исключительно отъ Рутцена; своимъ умомъ, образованіемъ, опытностью и сильнымъ характеромъ онъ подчинилъ себѣ всю молодежь и старика Грюнера, и тѣ повторяли елѣно, слово въ слово, его вѣрованіе. Остались самостоятельными Рычковъ, князь Голицынъ, Фрейлебенъ. Рычковъ и князь Голицынъ увѣряли меня, что всегда спорили съ Рутценомъ, указывали въ засѣданіяхъ ошибки Калишской комиссіи, теперь указанныя ей и Центральной комиссией, но не протестовали официально, не подавали отдельныхъ мнѣній, изъ духа товарищества.

Вечеромъ, дома, я занялся передѣлкой Рагозинского протокола; сократилъ его, упростилъ и написалъ на двухъ страницахъ, что онъ растянулся на пять страницъ. На другой день, въ засѣданіи, я прочиталъ написанное мною. Добродушный, честный Рагозинъ призналъ, что такъ дѣйствительно лучше; всѣ четверо присутствовавшихъ подписали его, и дѣло кончилось. Нѣсколько ликвидационныхъ табелей послали комиссарамъ для подготовительного разслѣдованія; большинство же удалось исправить въ комиссіи. Покончивъ съ ними, мы разобрали оставшія возвращенные изъ центральной комиссіи ликвидационныя табели; Рагозинские протоколы передѣливать я взялъ на себя.

На слѣдующія засѣданія постепенно являлись все новые комиссары, и я познакомился такимъ образомъ со всѣми ими. Пожилыхъ было два—Фрейлебенъ и Грюнеръ; остальные всѣ были молодые люди, отъ 25 до 30 лѣтъ. Всѣхъ комиссаровъ въ Калишской комиссіи было десять; пятеро были офицеры, пятеро гражданскіе чиновники. Калишская комиссія была самая большая изъ всѣхъ крестьянскихъ комиссій въ Царствѣ; больше ея была только Августовская комиссія, въ которой было 12

участковъ. Ознакомившись съ комиссарами, я пришелъ къ отрадному убѣжденію, что въ числѣ ихъ есть иѣсколько человѣкъ съ выдающимися способностями, что всѣ они честные, благородные люди, работаютъ усердно, любятъ свое дѣло, преданы ему всею душою. Ошибки ихъ происходили отъ избытка усердія, отъ того, что они не вѣрно понимали, въ чемъ именно должна выражаться ихъ защита интересовъ крестьянъ. Я объясняю имъ, что Учредительный Комитетъ, руководящій всѣмъ дѣломъ переустройства Царства Польскаго, поставилъ основнымъ правиломъ дѣятельности крестьянскихъ комиссій полную, постоянную законность дѣйствій. Наказаніе мятежныхъ повстанцевъ, всей враждебно настроенной къ правительству и русскимъ людямъ шляхты, Учредительный Комитетъ представилъ администраціи, военнымъ властямъ, суду. Крестьянскія учрежденія — центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, мѣстныя крестьянскія комиссіи не касаются политической благонадежности лицъ, дѣла которыхъ онѣ разбираютъ, а только опредѣляютъ гражданскія, имущественные дѣла тѣхъ лицъ. Уголовные, политические поступки ихъ не подлежатъ вѣдѣнію комиссаровъ, помѣщикъ можетъ быть повстанецъ, уголовный преступникъ, но когда разматривается жалоба крестьянъ, что онъ занялъ ихъ пустку, лишилъ ихъ сервитута, и жалоба эта оказывается неосновательной, комиссаръ обязанъ отказать крестьянамъ въ искушении и оставить этому повстанцу, уголовному преступнику оспориваемую у него землю, сервитутъ. На первый взглядъ такой образъ дѣйствій показался членамъ Калишской комиссіи не патріотичнымъ, несправедливымъ; они видѣли въ этомъ поддержку полонизма, безнаказанность революціонныхъ дѣйствій; но, вдумываясь въ сущность дѣла, они мало-по-малу, одинъ за другимъ, сознали правильность этого основного правила и подчинились ему.

Черезъ мѣсяцъ, по распоряженію Я. А. Соловьеву, данному мнѣ при отправкѣ моей въ Калишъ, я донесъ о положеніи дѣла въ Калишской комиссіи. Я написалъ ему, что весь личный составъ комиссіи прекрасный, что споры и рознь между членами комиссіи, замѣченныя Центральною комиссіей, происходили не отъ личныхъ столкновеній, а отъ излишняго увлеченія дѣломъ иѣкоторыхъ членовъ. Я разъяснилъ имъ ошибочность ихъ увлеченій, они сознали ее, и я буду наблюдать, чтобы этой розни не было. Соловьевъ остался очень доволенъ моимъ донесеніемъ и выразилъ полное одобреніе моему образу дѣйствій.

Обращая главное внимание на правильное направление дѣлъ въ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я въ свободные часы, мало - по - малу, устроилъ и свою частную жизнь. Шляхетство признало однімъ изъ средствъ насолить русскимъ людямъ, чиновникамъ, отравить имъ жизнь въ Польшѣ, отъснявъ ихъ во всемъ нужномъ для существованія, для удобства. Народовый жондъ запретилъ отдавать въ наймы квартиры русскимъ чиновникамъ. Въ первые дни существованія Калишской комиссіи это распоряженіе революціоннаго подпольнаго правительства дѣйствительно поставило членовъ комиссіи въ очень затруднительное положеніе. Военные начальники, всегда во всемъ поддерживавши, сдѣлали тотчасъ распоряженіе объ отводѣ членамъ крестьянской комиссіи квартиръ постоеемъ. По требованію моему, магистратъ города Калиша отвелъ мнѣ прекрасную квартиру. Я купилъ у нѣмца столяра необходимую мебель и перебѣхалъ изъ гостиницы Пешкѣ въ свою квартиру. Прислугу, лакея, я привезъ изъ Смоленской губерніи, кухарку мнѣ нашли нѣмку, очень хорошую женщину; близость Прусской границы дѣлала возможнымъ подборъ прислуги изъ нѣмцевъ.

По приѣздѣ моемъ въ Калишъ, я сдѣлалъ визиты лицамъ, занимавшимъ высшіе служебные посты. Начальства въ Калишѣ у меня не было никого, и я навѣстилъ ихъ какъ равный. Такихъ лицъ въ Калишѣ было двое: начальникъ пѣхотной дивизіи, расположенной въ Калишѣ, генералъ-лейтенантъ Бельгардъ (онъ исполнялъ одновременно должность военнаго начальника этой мѣстности), и полковникъ генерального штаба князь Щербатовъ, который былъ гражданскимъ начальникомъ этой мѣстности. Съ генераломъ Бельгардомъ я не былъ знакомъ, но прекрасно зналъ его по гвардіи, гдѣ онъ командовалъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіей, это былъ боевой генералъ, кавказецъ.

Офицеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, онъ въ молодыхъ лѣтахъ, по своей охотѣ, поѣхалъ на службу на Кавказъ и провелъ тамъ полжизни въ боевой Кавказской обстановкѣ. Въ 1855 году, па Дунай, онъ командовалъ кажется бригадой, отличился съ этой бригадой въ отчаянной битвѣ съ турками, задержалъ перевезу ихъ черезъ Дунай при Четати; получилъ гвардейскую дивизію, по командовалъ ею не долго. Кажется, у него вышло столкновеніе съ шефомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и онъ, разобиженный, вышелъ въ отставку. Служа тогда въ гвардіи, я зналъ эту исторію; гвардія оправдывала

Бельгарда. Отставной генералъ, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ у него былъ собственный домъ: какъ богатый человѣкъ, появлялся вездѣ и держалъ себя гордо. Когда въ Польшѣ разгорѣлось повстанье, туда двинули войска, Бельгардъ предложилъ свои услуги. Какъ опытнаго, боевого генерала, его конечно тотчасъ приняли, дали ему дивизію и послали въ Калишъ. Зная все это, я очень охотно пошелъ представиться Карлу Александровичу. Я высказалъ ему, что знаю его прошлое, уважаю его; онъ принялъ меня очень радушно; познакомилъ съ своею семьею, и у насъ завязались дружескія отношенія.

Князя Александра Петровича Щербатова я зналъ съ производства его въ гвардію офицеромъ. Когда, окончивъ курсъ Военной Академіи, онъ поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ, я часто сталкивался съ нимъ и въ обществѣ, и по службѣ. Это былъ свѣтскій человѣкъ, образованный, веселый, душа общества. Когда князь Александръ Петровичъ появлялся въ гостиной, бесѣда ожидалась, онъ овладѣвалъ разговоромъ, дамы любили слушать его острыя, часто колкія шутки. Мы встрѣтились въ Калишѣ какъ старые знакомые. Онъ недавно женился на М. Н. Деревицкой, очень красивой, образованной дѣвицѣ. У нея была оригинальная особенность: замѣчательно высокій для женщины ростъ; кажется, около 2 аршинъ 11 вершковъ. Къ счастью, она была прекрасно сложена, худощавая, съ маленькой очень красивой головкой, маленькими руками и ногами; это скрывало величину ея роста и всѣ любовались ею. Князь познакомилъ меня со своюю женой; тутъ образовался для меня второй дружескій, семейный домъ.

Въ Калишѣ стояли иѣхотный Шлиссельбургскій полкъ и пѣшая артиллерійская батарея. Командиры полка и батареи не подходили къ моимъ понятіямъ и вкусамъ, и у насъ не завязалось ничего, кромѣ полуофиціальныхъ отношеній. Этими людьми и ограничивался въ ту минуту весь составъ русскаго населенія города. К. Л. Бельгардъ, князь А. П. Щербатовъ, Рагозинъ, Рычковъ, князь Голицынъ составляли кружокъ, въ которомъ я прожилъ много лѣтъ, все время моей службы въ Калишѣ.

Калишъ былъ тогда уѣздный городъ Варшавской губерніи. Онъ расположень въ двухъ верстахъ отъ Прусскої границы; это самая западная точка Русской Имперіи, врѣзавшаяся въ Пруссію. Черезъ городъ протекаетъ рѣка Просна; она не широка, но многоводна и быстра. Отъ Варшавы до Калиша идетъ прекрасное, старинное шоссе. Городъ этотъ не большой; въ немъ тогда было около 15.000 жителей, исключительно поляковъ; были

евреи, по не много; поляки держали ихъ въ черномъ тѣлѣ; нѣмцѣвъ, несмотря на близость границы Германіи, было очень мало. Городокъ былъ чистенький, весь застроенъ каменными домами, большую частью двухъ-этажными, торговли, промышленности не было; были только магазины для удовлетворенія неприхотливыхъ потребностей мѣстныхъ жителей. Фабрика была одна, суконная, Репгана. Дѣла этой фабрики были сильно подорваны повстаніемъ, и она почти бездѣйствовала. Въ городѣ было нѣсколько католическихъ монастырей и костеловъ. Большая часть монастырей была закрыта за участіе въ повстаніи, зданія ихъ конфискованы и заняты войсками; остались сохранными, кажется, только два мужскихъ монастыря. Самое большое и красивое зданіе былъ дворецъ. Въ немъ помѣщалась нѣкогда іезуитская коллегія; при изгнаніи іезуитовъ, зданіе это было конфисковано; въ немъ помѣстили школу военныхъ подпрапорщиковъ польскихъ войскъ. Школа эта участвовала въ революціи 1830 года, была закрыта. Часть занятаго школою зданія была обращена въ казармы для русскихъ войскъ, занявшихъ Калишъ; другая часть зданія, болѣе красава и нарядная, отдѣлана для пріѣзда Императора Александра I. Здѣсь онъ принималъ прусского короля во время знаменитыхъ маневровъ въ окрестностяхъ Калиша. Въ воспоминаніе этихъ маневровъ, передъ дворцомъ воздвигнутъ памятникъ, въ видѣ высокой четырехгранной пирамиды. Въ 1866 году два верхніе этажа дворца пустовали; низшій этажъ занять былъ казначействомъ. Въ память императора Наполеона I. очень красава тѣнистая аллея, устроенная въ городѣ, названа Жозефинскою, какъ называлась первая супруга Наполеона. Украшеніемъ Калиша былъ прелестный паркъ, расположенный подлѣ самого дворца, на берегу рѣки.

Онъ заросъ стариинными громадными деревьями; аллеи его состояли изъ столѣтнихъ тополей, и развѣсистыхъ березъ. Въ паркѣ была кондитерская, около которой, по вечерамъ, собирались гуляющіе. Въ городѣ не было театра, клуба, никакого общественнаго собранія. Какъ жили, развлекались при такихъ условіяхъ мѣстные жители—не знаю; но для русскихъ людей жизнь въ этомъ мертвомъ городѣ была тяжела. На улицахъ движеніе было слабое; извозчиковъ вовсе не было; кто и куда могъ тутъѣхать? разстоянія были такъ малы, что всѣ передвиженія дѣлались пѣшкомъ. Городъ былъ, однако, вымощенъ и улицы содержались чисто.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, мы, русскіе, усердно занимались дѣломъ. Наше общество, Калишская ко-

миссія по крестьянскимъ дѣламъ, оживлялось 20-го числа каждого мѣсяца, когда комиссары прѣѣзжали въ Калишъ получить жалованье. Они уговаривались обыкновенно стѣзжаться туда одновременно, чтобы повидаться и немногого оживиться въ товарищескомъ кружкѣ.

Мои отношенія къ нимъ сдѣлались очень быстро дружескими, товарищескими. Они поняли, что я люблю крестьянское дѣло, даже больше ихъ, знаю его основательно, берегу его, не стѣсняю ихъ ни въ чёмъ, требую только то, что требуютъ законъ, Центральная комиссія.

Для разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ, или такихъ, которые комиссаръ затруднялся рѣшить единолично, посыпались на мѣсто отдѣленія крестьянской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комиссіи, или его товарища. Я сдѣлалъ нѣсколько такихъ поѣздокъ, чтобы ознакомиться съ мѣстными понятіями и обычаями; но большею частью, поручалъ эти поѣздки моимъ товарищамъ. Они любили эти поѣздки, какъ развлеченіе въ однообразной жизни ихъ, какъ отвлеченіе отъ занятій въ канцеляріи комиссіи. А я считалъ, что мое присутствіе полезно въ Калишѣ, гдѣ я внимательно провѣрялъ ликвидаціонныя табели, представленныя комиссарами, и разбиралъ всѣ жалобы, представляемыя на ихъ дѣйствія.

Эти жалобы были черною точкою, мученіемъ дѣятельности крестьянской комиссіи. Каждое дѣйствіе, каждое постановленіе комиссара или комиссіи систематически обжаловывалось помѣщиками, шляхтою; $\frac{9}{10}$ этихъ жалобъ было неосновательно. Подавая ихъ, помѣщики очень хорошо сознавали это, но дѣлали, чтобы затруднить дѣйствія комиссіи, отнять у нея время, надѣяться ейъ, сбить ее съ толку. Жалобы подавались письменно и словесно. Каждый день, около 11 часовъ утра, въ приемной канцеляріи было нѣсколько такихъ жалобщиковъ. Большинство изъ нихъ могло прекрасно объясняться по-русски, но упорно говорили по-польски, по-нѣмецки, и спрашивали ихъ: не могутъ ли они объяснить свое дѣло на одномъ изъ этихъ языковъ. Очень рѣдко они соглашались на это, и если дѣлали это, то не изъ любезности, не изъ желанія помочь мнѣ, а изъ тщеславія, чтобы показать, что знаютъ не хуже меня эти языки. Но истинно за язвою были жалобщицы--польскія дамы. Они являлись съ полною увѣренностью ошеломить меня своею красотою, кокетствомъ. Если такая жалобщица была немолода, некрасива, она являлась къ сопровожденіи какой-либо молодой, красивой

особы, которая, оставаясь въ роли статистки, молчала и должна была отвлекать мое внимание свою прелестью. Хотя я былъ молодъ, холостъ, козни этихъ дамъ оставались всегда непроизводительными; меня никогда не плѣнили польки; кокетство ихъ было мнѣ всегда непріятно.

Необходимость разбирать польскіе документы, представляемые при ликвидационныхъ табеляхъ и при разрѣшениі разныхъ имущественныхъ споровъ, заставили меня изучать польскій языкъ. Я скоро настолько освоился съ нимъ, что свободно читалъ всѣ подаваемые мнѣ на польскомъ языкѣ прошенія, документы. Читаль я все это не торопясь, справляясь иногда со словаремъ; но бѣглая разговорная рѣчь затрудняла меня. Я кое-какъ объяснялся съ крестьянами, благодаря тому, что они старались понять меня, помогали мнѣ. Въ сношеніяхъ же съ помѣщиками, особенно съ паннами, я возбудилъ недоумѣніе своимъ собесѣдницѣ моими неудачными выраженіями, а иногда даже улыбки и смѣхъ. Чтобы избавиться отъ этого, я придумалъ слѣдующее: при Калишской комиссіи состоялъ молодой русскій чиновникъ, подготовлявшійся въ комиссары; по нашему русскому обычаю—кандидатъ мирового посредника (комиссара). Такіе чиновники были при всѣхъ крестьянскихъ комиссіяхъ, и ихъ почему-то прозвали *молодыми людьми*. Такого молодого человѣка, состоявшаго при Калишской комиссіи, благо онъ хорошо говорилъ по-польски, я возвелъ въ должность переводчика, при моихъ разговорахъ съ помѣщиками. Я поручалъ ему передавать жалобщикамъ-помѣщикамъ мой отвѣтъ, сказанный по-русски въ польскомъ переводѣ. Можно себѣ представить, какъ медлителъ и затруднителъ былъ такой способъ разговора. Молодой человѣкъ вѣдь тоже не Богъ знаетъ какъ говорилъ по-польски! На его ошибки поляки не улыбались, а сердились; а паны даже бралились, обижались. Я достигъ однако этими того, что польскіе разговоры сократились, чаще слышались русскія объясненія, или французскія и нѣмецкія.

Въ ноябрѣ я поѣхалъ въ Варшаву, для личаго доклада Якову Александровичу Соловьеву о положеніи дѣла въ Калишской крестьянской комиссіи. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Радуюсь, что не ошибся, ввѣривъ вамъ Калишскую комиссию. Особенно пріятно, что вы такъ спокойно, безъ войны и борьбы, сумѣли подчинить своему нравственному авторитету членовъ этой комиссіи, успокоили ихъ и придали правильное направление ихъ дѣятельности.

Ему особенно пріятно было, что я призналъ возможнымъ

оставить всѣхъ комиссаровъ на мѣстахъ, не требовалъ ни удаленія, ни перемѣщенія кого-либо изъ нихъ. Онъ очень интересовался моими отношеніями къ Рагозину и Рычкову. Онъ отозвался очень хорошо о Рычковѣ, но совѣтовалъ не давать ему *возноситься*: „Онъ способный человѣкъ, но слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ!“ Онъ высказалъ мнѣ, что Рагозинъ недолго останется въ Калишской комиссіи, выйдетъ въ отставку. Самолюбіе его, несомнѣнно, очень оскорблено тѣмъ, что Соловьевъ не назначилъ его предсѣдателемъ комиссіи. Рутценъ настойчиво ходатайствовалъ о назначеніи Рагозина предсѣдателемъ Калишской комиссіи; онъ, Соловьевъ, помня безтолковыя работы Рагозина, его промахи, недовѣрчиво отнесся къ похваламъ Рутцена, вызвалъ его въ Варшаву.

— Вы помните нашу бесѣду за столомъ. Я убѣдился, что это человѣкъ безхарактерный, безъ опредѣленныхъ мнѣній, поетъ подъ чужую дудку. Онъ шатается самъ; какъ можетъ онъ направить другихъ! Онъ никогда не будетъ предсѣдателемъ комиссіи! При случаѣ, разъясните ему это, отъ моего имени.

На мои похвалы князю Н. Н. Голицыну онъ отвѣтилъ:

— Да, онъ умный, способный человѣкъ, по лѣнтий. Неужели онъ дѣйствительно работаетъ? и работы его основательны? Не хватаетъ ли онъ вершки? У него пѣть выдержки. Я знаю его по Курской губерніи. Мнѣ пришло вникнуть тамъ въ одно его разслѣдованіе, порученное ему губернаторомъ Деномъ. Дѣло было серьезное; ничего онъ тамъ не понялъ, прозѣвалъ многое.

Разговоръ мой съ Горловымъ не касался личнаго состава, но онъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что всѣ исправлены подъ личнымъ моимъ руководствомъ ликвидационныя табели, возвращенные изъ Центральной комиссіи, теперь безспорно утверждены. Вновь представленыя ликвидационныя табели, просмотрѣнныя Калишской комиссіей подъ моимъ предсѣдательствомъ, проходятъ въ Центральной комиссіи гладко, всѣ утверждены. Центральная комиссія замѣтила, что теперь работы комиссаровъ Калишской комиссіи стали много основательнѣе; нѣть прежнихъ пристрастныхъ увлеченій.

Я провелъ въ Варшавѣ около недѣли; присутствовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Центральной комиссіи, много бесѣдовалъ съ членами, ободрился, укрѣпился духомъ и возвратился въ Калишъ съ хорошими вѣстями. Товарищи мои и всѣ комиссары были очень довольны, узнавъ, что работы ихъ заслужили полное одобреніе; возвращеніе ликвидационныхъ та-

белей въ былос время очень огорчало ихъ. Теперь они знали, какъ надо дѣйствовать съ полною увѣренностью, что работа ихъ не пропадеть, что ихъ не заставятъ передѣлывать ее.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссія въ 1867—1870 годахъ.

1867 годъ былъ роковой для бывшей автономіи Царства Польскаго. Декабря 19-го 1866 года Высочайшимъ Именнымъ Указомъ: „О новомъ устройствѣ губернскаго и уѣзднаго управлений въ Царствѣ Польскомъ“ все прежнее гражданское устройство Царства уничтожено, а 1-го января 1867 года введено новое. Въ замѣну существовавшихъ пяти губерній, учреждено десять новыхъ губерній, въ томъ числѣ Калишская, съ губернскимъ городомъ въ Калишѣ. Произведено было также новое дѣленіе уѣзовъ; Калишская губернія раздѣлена на 8 уѣзовъ. Всѣ чиновники прежняго гражданскаго управления уволены; назначены новые, преимущественно русскіе; дѣлоиздѣлование новыхъ учрежденіяхъ опредѣлено вести на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ теченіе 1867 года, упразднены Государственный Советъ Царства Польскаго, всѣ Правительственные Комиссіи, вѣдомства эти подчинены соотвѣтственнымъ министерствамъ Имперіи. Царство Польское вполнѣ вошло въ составъ русской Имперіи, лишилось послѣднихъ слѣдовъ своей бывшей самостоятельности, обращено въ однородныя со всѣми другими, русскія губерніи, управляемыя по однимъ законамъ съ остальнойю имперіею.

Калишскимъ губернаторомъ былъ назначенъ князь А. И. Щербатовъ, вице-губернаторомъ Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ. Уѣздные начальники (исправники) опредѣлены исключительно русскіе, помощники ихъ, названные земскими начальниками, также русскіе; совѣтники Губернскаго Правленія наполовину русскіе; это допущено было въ виду незнакомства русскихъ чиновниковъ съ мѣстными законами и условіями жизни. Образовано было жандармское управление — конечно все изъ русскихъ людей.

1-го января 1867 года, послѣ обычной літургіи въ православной церкви, всѣ вновь назначенные чиновники, всѣ офицера расположенныхъ въ Калишѣ войскъ, всѣ русскіе гражданскіе чиновники, прежде водворенные на службу въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ числѣ крестьянская комиссія въ полномъ

составѣ, собрались въ большомъ залѣ дворца. Вновь назначенный губернаторъ князь Щербатовъ прочиталъ Высочайшій Указъ 19-го декабря 1866 года, Высочайшія распоряженія о вновь назначенныхъ властяхъ, и объявилъ Калишскую губернію открытою. Отслуженъ былъ въ залѣ благодарственный молебенъ, новый губернаторъ принялъ поздравленіе отъ всѣхъ настѣ съ совершившимся благополучно крупнымъ событиемъ, съ новымъ его личнымъ назначеніемъ, съ новымъ годомъ, съ новою жизнью, наступившею для всего Царства Польскаго.

Образованіе новыхъ губерній отразилось и на устройствѣ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Существовавшіе отдельы крестьянскихъ комиссій были преобразованы въ 10 комиссій, по числу губерній. Границы отдельовъ крестьянскихъ комиссій были опредѣлены по границамъ новообразованныхъ губерній. Постановленіе Учредительного Комитета объ образованіи Калишской комиссіи въ новомъ составѣ состоялось 20 апрѣля 1867 г. Въ каждомъ изъ 8 уѣздовъ былъ назначенъ участковый комиссаръ; сверхъ того, въ виду обширности пространства и густого населенія Калишской губерніи, прибавлено крестьянской комиссіей еще два комиссара безъ участковъ, исключительно для ускоренія повѣрки ликвидационныхъ табелей. Въ личномъ составѣ Калишской комиссіи произошли при этомъ небольшія перемѣны. Отъ Калишской комиссіи отошелъ къ Петроковской комиссіи Ласкій уѣздъ, вошедшій въ составъ Петроковской губерніи. При этомъ переведенъ въ ту комиссию комиссаръ Стаковичъ, завѣдывавшій этимъ участкомъ, прекрасный дѣятель и товарищъ. Отъ Петроковской комиссіи сданъ былъ въ Калишскую Серадзскій уѣздъ, и переведенъ къ намъ комиссаръ, завѣдывавшій этимъ участкомъ. Варшавская комиссія передала намъ Ленчицкій уѣздъ и комиссара Стендерла. Передвиженія эти произошли очень быстро, спокойно, и нисколько не отразились на быстротѣ и правильности повѣрки ликвидационныхъ табелей. Въ теченіе 1867 года все вниманіе Калишской комиссіи было обращено на усиленную повѣрку ликвидационныхъ табелей, и она шла очень успѣшно.

Образованіе Калишской губерніи очень увеличило число русскихъ людей въ Калишѣ. Изъ новоприбывшихъ особенно обратилъ на себя общее вниманіе вице-губернаторъ Рыбниковъ. Это былъ образованный, мыслящий человѣкъ, литераторъ. Онъ происходилъ изъ богатой московской купеческой семьи; отецъ его, миллионеръ, былъ кажется оптовымъ чайнымъ торговцемъ. Навелъ Николаевичъ не пожелалъ идти по слѣдамъ своего

отца. Онъ, кажется, былъ въ Московскомъ университѣтѣ, убѣжденный славянофилъ. Женатъ былъ онъ на баронессѣ Штемпель; у него были двѣ малютки дочери, красавицы. Надо сказать, что самъ Павелъ Николаевичъ былъ очень красивый мужчина, русскаго типа, съ черными глазами. Не помню, какъ и за что онъ былъ удаленъ изъ Московскаго университета, сосланъ въ Олонецкую губернію. Время этой ссылки онъ употребилъ съ большою пользою: онъ сталъ изучать населеніе Олонецкой губерніи, былъ пораженъ чистотою тамошняго русскаго типа населенія. Дальность обороныяла эти мѣста отъ нашествій татаръ, поляковъ. Онъ сталъ записывать народныя преданія, пѣсни и составилъ свой замѣчательный „Сборникъ русскихъ былинъ“. Этотъ Сборникъ обратилъ на Рыбникова вниманіе русскаго образованіаго общества. Вина, за которую онъ былъ высланъ въ Олонецкую губернію, была такъ невелика, что друзьямъ его, славянофиламъ, удалось выхлопотать ему разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Князь Черкасскій опредѣлилъ его къ себѣ на службу, въ Правительственную комиссию внутреннихъ дѣлъ и назначилъ вице-губернаторомъ въ Калишъ. Въ лицѣ Рыбникова нашъ небольшой русскій кружокъ получилъ блестящее приращеніе. Онъ сдѣлался очень быстро искреннимъ товарищемъ и пріятелемъ нашимъ.

Русское общество въ это время лишилось тоже несколькихъ излюбленныхъ своихъ членовъ. Предсказаніе Соловьевъ, что Рагозинъ не долго останется на службѣ — оправдалось. Не прошла еще зима, какъ Николай Павловичъ, передъ началомъ служебныхъ занятій, пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ и подалъ мнѣ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Меня это очень огорчило. Я не исполнилъ порученія Соловьевъ—объяснить Рагозину, что онъ не долженъ надѣяться на повышеніе по службѣ; но онъ очевидно самъ понялъ это, и намекъ этотъ сдѣланъ былъ ему透过 другое лицо. Я понималъ чувства оскорблennаго самолюбія Рагозина и ничѣмъ не могъ утѣшить его. Я полюбилъ этого честнаго, увлекающагося, черезчуръ правдиваго человѣка.

Онъ вель себя, въ отношеніи меня, прекрасно; работалъ усердно! Когда онъ подалъ мнѣ прошеніе свое, я высказалъ ему это и просилъ не уходить. Мы разговорились откровенно. Онъ выразилъ мнѣ свое уваженіе,увѣрялъ, что уходить по домашнимъ соображеніямъ, отнюдь не вслѣдствіе какого-либо неудовольствія на меня. Прошеніе было послано въ Варшаву; очень скоро получена была отставка Рагозина.

На мѣсто Рагозина, товарищемъ моимъ былъ назначенъ Ламанскій, бывшій помощникъ предсѣдателя Бѣльской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. При переустройству губерній, отдѣльно этой комиссіи вошелъ въ составъ Сѣдлецкой губернії. Бѣльская комиссія была присоединена къ Сѣдлецкой комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Предсѣдатель комиссіи, Синявскій, оставилъ службу въ Учредительному Комитету, а товарищъ его Ламанскій, былъ назначенъ въ Калишъ. Я не зналъ Ламанского, но въ частномъ искреннемъ письмѣ, Синявскій далъ мнѣ о немъ самый лучшій отзывъ. А Синявскому я вѣрилъ. Онъ былъ мнѣ землякъ, смоленскій помѣщикъ; мы служили съ нимъ въ Смоленской губерніи, гдѣ онъ былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ онъ былъ членомъ Совѣтательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ при генерал-губернаторѣ. Приходъ опытнаго, серьезнаго Ламанского былъ пріятнымъ усиленіемъ для Калишской комиссіи. Ему было около 50 лѣтъ; онъ былъ старше всѣхъ наасъ; но по пылкости, способности увлекаться, онъ былъ юноша, и его постоянно приходилось сдерживать. Это былъ типичный либералъ 1860 годовъ: благородный, честный. Мы всѣ очень скоро дружески сошлись съ нимъ.

Съ переустройствомъ губерній, со введеніемъ въ ней новаго русскаго управления, русская жизнь нахлынула къ намъ. Все шляхетское сопротивленіе потеряло почву, и проявленія его сдѣлались немыслимы. Жизнь русскихъ чиновниковъ вышла изъ осадного положенія, въ которомъ мы жили до того въ Иольшѣ; стало легче на душѣ, веселѣе, охотнѣе работалось. Постепенныя преобразованія дошли до учебныхъ заведеній. Въ Калишѣ были: мужская и женская гимназіи; въ нихъ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ, директоръ мужской гимназіи и начальница женской были назначены русскіе. Въ теченіе зимы 1867—1868 годовъ состоялось большое русское общество, и мы вышли изъ одиночества, въ которомъ жили до того времени, среди враждебнаго польскаго шляхетства.

22-го августа 1867 года было объявлено Высочайшее Положеніе объ отменѣ комиссіями по крестьянскимъ дѣламъ незаконныхъ решеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ. Распоряженіе это наложило на крестьянскія комиссіи новую, ответственную обязанность; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно еще болѣе сблизило комиссіи съ народомъ, заставило ихъ вникать въ новые стороны жизни его, изучать нравы, обычаи его. Обжат-

лований рѣшеній гминнаго суда поступило очень много и они доставили Калишской комиссіи много труда.

Со всѣми этими преобразованіями Калишская губернія все болѣе и болѣе принимала видъ, обычай и законы обыкновенной русской губерніи; настроеніе умовъ успокаивалось, слѣды бурнаго повстанія сглаживались; спокойствіе это было признано офиціально.

Въ маѣ 1868 года фельдмаршалъ, намѣстникъ, графъ Бергъ объявилъ, что Государь Императоръ Александръ II, на обратномъ пути изъ-за границы, Франціи, предполагаетъ посѣтить Варшаву. Извѣстіе это взволновало всю Польшу. Мы, русскіе, радовались возможности увидѣть искренно любимаго нами Государя, народъ, крестьяне, видѣли въ пріѣздѣ Государя примиреніе съ Польшею: „что онъ признаетъ ее!“ Шляхетство молчало; польская аристократія готовила депутацію.

Въ искреннемъ восторгѣ народа, крестьянъ, я былъувѣренъ. Я былъ достаточно близокъ къ нему, чтобы убѣдиться въ томъ. Вскорѣ послѣ обнародованія извѣстія о пріѣздѣ Государя, я получилъ отъ Соловьева извѣстіе, что Государю угодно принять въ Варшавѣ по два гминныхъ войта отъ каждой губерніи. Онъ поручилъ мнѣ выбрать двухъ, достойныхъ изъ гминныхъ войтовъ Калишской губерніи и представить ему списки ихъ, для утвержденія выбора фельдмаршаломъ. Выборъ былъ затруднителенъ. Всѣ гминные войты умоляли дать имъ возможность видѣть Государя; большинство ихъ было достойно этой чести; всѣ комиссары настаивали на выборѣ войта гмины изъ ихъ участка. Выборъ мой остановился окончательно на войтѣ одной изъ гминъ Калишскаго уѣзда. Мнѣ назначено было прибыть съ выбранными войтами въ назначенный день въ Варшаву.

Варшава приняла праздничный видъ, разукрасилась.

Была середина лѣта, погода прелестная. На второй день по пріѣздѣ Государя въ Варшаву, всѣ предсѣдатели комиссій, съ войтами гминъ ихъ губерній, собраны были во дворѣ Бельведерскаго дворца. Представлять войтовъ гминъ должны были губернаторы и предсѣдатели крестьянскихъ комиссій. Собраніе этихъ гминныхъ войтовъ представляло замѣчательное зрѣлище и выказало, какъ разнообразенъ и разнохарактеренъ составъ населенія Царства Польскаго. Красотою своего типа, блестящимъ своимъ нарядомъ, выдавались мазуры. Бѣлые суконные кунтуши красиваго покрова, красныя конфедератки, гордяя лица ихъ, съ длинными черными усами были замѣчательно

красивы. Несчастнѣе, некрасивѣе всѣхъ, беспородистѣй, были, кажется, мои два войта. Одинъ изъ нихъ, кровный нѣмецъ, былъ въ черномъ фракѣ. Онъ постоянно ходилъ въ черномъ сюртукѣ, а для торжества надѣлъ свой фракъ, въ которомъ нѣкогда вѣничался. Образцовый землевладѣлецъ, самъ съ сыновьями своими, вспахивавшій и обрабатывавшій свой земельный участокъ, онъ выбралъ быть какъ замѣчательно дѣльный гминный войтъ; во время повстанья онъ выказалъ свое безстрашіе и преданість русскому правительству. Съ сыновьями своими, онъ преслѣдовалъ шайку повстанцевъ, явившихся въ его деревню. Другой гминный войтъ былъ полякъ, небольшого роста, въ сѣромъ крестьянскомъ нарядѣ; тоже чрезвычайно дѣльный и преданный правительству войтъ, но нарядности, щегольства, не было ни въ одномъ изъ нихъ; таково населеніе Калишской губерніи; оба войта могли говорить по-русски, слѣдовательно, могли понять слова Государя Императора и отвѣтить ему.

Часу во второмъ дня, Государь возвратился со смотра войскамъ и сталъ обходить гминныхъ войтовъ. Его сопровождали фельдмаршаль графъ Бергъ и Яковъ Александровичъ Соловьевъ. Графъ Бергъ представлялъ Государю губернаторовъ и предсѣдателей комиссій; за разными объясненіями Государь обращался къ Соловьеву. Государь высказывалъ губернаторамъ и предсѣдателямъ по нѣсколько ласковыхъ словъ и предлагалъ одному изъ нихъ представить гминныхъ войтовъ. Когда Государь подошелъ къ Калишской губерніи, графъ Бергъ назвалъ ему князя Щербатова и меня. Князю Щербатову Государь сказалъ: „Старый знакомый!“ и протянулъ ему руку. На меня Государь внимательно взглянуль и ласково произнесъ: „Изъ гвардіи! Я отвѣчалъ: — Точно такъ, Ваше Императорское Величество. Офицеръ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, батареи Имени Вашего Императорского Величества. Государь сказалъ: „Помни! представь мнѣ гминныхъ войтовъ!—Первымъ стоялъ нѣмецъ; я назвалъ его и добавилъ о заслугахъ его. Государь ласково поблагодарилъ его, но съ удивленіемъ спросилъ меня: „Но, отчего же онъ во фракѣ? Онъ землевладѣлецъ, крестьянинъ?“ — Я объяснилъ, что гмина его граничитъ съ Пруссіей, онъ колонистъ, землепашецъ, нравы нѣмецкіе. Другой гминный войтъ прошелъ незамѣтно. Государь еще разъ поблагодарилъ гминныхъ войтовъ, поручилъ имъ передать его поклонъ населенію ихъ гминъ и протянулъ имъ руку, которую они конечно благоговѣйно поцѣловали. Когда Государь обошелъ

всѣ группы гминныхъ войтовъ, онъ поручилъ Соловьеву по-просить предсѣдателей комитетовъ подойти къ нему. Мы конечно поспѣшили приблизиться къ Государю. Онъ сказалъ, примѣрно, слѣдующее:

— Я знаю, господа, какой трудъ вы и комиссары исполнили, цѣню его и радъ возможности лично высказать вамъ это. Въ Парижѣ я видѣлъ ближайшаго вашего руководителя, Николая Алексѣевича Милютиня. Я посыпалъ его, чтобы утѣшить его и лично убѣдиться въ положеніи его здоровья. Еѣ сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что на поправленіе его и возвращеніе къ дѣятельности нѣтъ никакой надежды. Онъ очень слабъ, почти не владѣетъ своими членами, говорить съ трудомъ, параличъ во всей силѣ; но голова свѣжа! Просимъ меня передать вамъ его поклонъ. При этомъ Государь наклонилъ голову свою. „Я очень огорченъ этой потерей. Я лично, вся Россія, много теряемъ въ этомъ человѣкѣ“.

Затѣмъ онъ вполноголоса передалъ Соловьеву какія-то подробности о Милютинѣ, сказалъ намъ прощальное привѣтствіе и удалился во дворецъ. Это представление Русскому Государю произвело на крестьянъ очень благотворное, сильное впечатлѣніе. Государь вызвалъ къ себѣ ихъ несчастныхъ, униженныхъ панами хлоповъ. Государь лично говорилъ съ ними, они цѣловали его руку. Подъемъ духа былъ громадный, обеспечивалъ надолго невозможность какого-либо революціоннаго движенія со стороны шляхты.

Русское общество въ Варшавѣ просило Государя пожаловать къ нему въ Русское Собраніе на балъ. Государь Императоръ принялъ эту просьбу. Закипѣла работа! Громадное помѣщеніе Собранія въ недавно конфискованномъ домѣ графа Замойскаго, подаренное Государемъ Русскому Собранию, было изящно убрано, освѣщено. Русскіе люди сѣхались сюда ко дню бала со всѣхъ концовъ Польши; поляки отсутствовали. Не помню—приглашали ли ихъ; кажется, приглашали кого-то. На балу я видѣлъ только одного поляка маркиза Велепольскаго, который явился однако на балъ въ форменномъ вицѣ-мундирномъ фракѣ, а не въ черномъ бальномъ фракѣ. Всѣ замѣтили это желаніе его показать, что онъ исполняетъ служебный долгъ, а не радостно встрѣчаетъ своего Государя. Говорять, что русскіе люди не постыдились высказать это; говорили, что онъ пассивно выслушалъ это и молча отошелъ на другой конецъ зала. Страсти въ эти минуты были очень взволнованы; за нѣсколько дней передъ тѣмъ, полякъ Березовскій сѣдалъ

въ Парижѣ покушеніе на жизнь русскаго Императора. Пожалуй, что Велепольскому лучше было отмалчиваться, а польскимъ аристократамъ приличище было не явиться въ Русское Собрание. Дамъ въ Собраниі было однако очень много; все жены, сестры, дочери русскихъ служащихъ въ Польшѣ.

Государь пробылъ на балу около часу, все время разговаривалъ съ разными лицами, былъ милостивъ, веселъ.

Все лѣто 1868 года шла дѣятельная работа въ крестьянскихъ комиссіяхъ: спѣшили оканчивать повѣрку ликвидационныхъ табелей. Къ зимѣ осталось дѣйствительно очень немногого непропровѣренныхъ. Можно было съ увѣренностью сказать, что лѣтомъ 1869 года повѣрка ликвидационныхъ табелей будетъ совершенно окончена безъ особыхъ усилий. За то, въ центральной комиссіи и въ мѣстныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ собралась такая масса непросмотрѣнныхъ ликвидационныхъ табелей, что теперь надо было увеличить личный составъ крестьянскихъ комиссій. Въ Калишской комиссіи я усилилъ рабочія силы комиссіи, вызывавъ туда двухъ опытныхъ комиссаровъ, а участки ихъ я поручилъ двумъ добавочнымъ комиссарамъ, комиссары эти просматривали находящіяся въ комиссіи ликвидационныя табели и докладывали замѣченное двумъ моимъ товарищамъ, какъ я иѣкогда докладывалъ Горлову въ центральной комиссіи, у насъ бывали ежедневныя засѣданія и дѣло подвигалось быстро.

Какъ это бываетъ и дѣлается всегда, вездѣ, участковые комиссары выбирали, всѣ прошлые годы, для повѣрки болѣе легкія ликвидационныя табели; тѣ, гдѣ встрѣчались сложные вопросы, требовавшие большей опытности и труда, откладывались. Теперь очередь дошла до этихъ трудныхъ табелей, комиссарамъ и крестьянскимъ комиссіямъ пришлось призадуматься надъ многими вновь выступившими сложными вопросами мѣстной жизни. Такихъ затруднительныхъ вопросовъ накопилось такъ много, что, послѣ Рождества, я поѣхалъ въ Варшаву, просить у центральной комиссіи указаний по этимъ дѣламъ. Цѣлый вечеръ мы толковали о нихъ съ Горловымъ. Онъ рѣшилъ: въ ближайшее засѣданіе дожелить центральной комиссіи о встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ. Горловъ рассказалъ мнѣ, что центральная комиссія также затруднилась надъ разрѣшеніемъ кое-чего въ ликвидационныхъ табеляхъ и уже представлена была ей изъ Калишской комиссіи. Въ засѣданіи центральной комиссіи я доложилъ все затрудняющее меня; разъ-

яснилъ, что въ числѣ ликвидационныхъ табелей, еще лежащихъ неразсмотрѣнными въ Калишской комиссіи, есть нѣсколько новыхъ сложныхъ дѣлъ, что они не были разсмотрѣны комиссию ранѣе, потому что происходятъ отъ сложныхъ юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, живущихъ на границѣ Пруссіи, и крестьяне заявили о нихъ только теперь.

Центральная комиссія рѣшила: въ виду большого числа вопросовъ, которые надо обсудить и обслѣдовать на мѣстѣ, командривалъ М. П. Горлова въ Калишь и просить его: разрѣшить все это на мѣстѣ, совмѣстно съ членами Калишской крестьянской комиссіи.

Не прошло и недѣль послѣ этого, какъ Горловъ прибылъ въ Калишъ. Его сопровождали два чиновника, подготавливавшіе ликвидационныя табели для разсмотрѣнія доклада ихъ Горловымъ въ центральной комиссіи, какъ нѣкогда дѣлали это я. Съ пріѣздомъ Горлова установился такой порядокъ: три раза въ недѣлю бывали, по заведенному мною порядку, засѣданія Калишской крестьянской комиссіи; просмотрѣнныя нами ликвидационныя табели докладывались въ остальные три дня недѣли Горлову; и въ общемъ наше засѣданіе разрѣшались окончательно всѣ затруднительные вопросы. Кромѣ того въ этихъ засѣданіяхъ разрѣшались вопросы по ликвидационнымъ табелямъ, которая Горловъ привезъ изъ Варшавы. Въ засѣданіяхъ нашихъ участвовали я, два мои товарища и мѣстный комиссаръ, табели котораго разматривались. Товарищъ мой и мѣстный комиссаръ, разбирающіе сложныя дѣла на мѣстѣ, докладывали ихъ теперь и давали объясненія. По нѣкоторымъ табелямъ пришлось дѣлать новое, дополнительное разслѣдованіе на мѣстахъ. По окончательномъ разборѣ всего, ликвидационныя табели съ подробными протоколами посыпались въ центральную комиссію, гдѣ обыкновенно безспорно онѣ утверждались. Горловъ пробылъ въ Калишѣ полтора мѣсяца; за это время мы пересмотрѣли не только все, что было затруднительного, а всѣ рѣшительно провѣренныя комиссарами ликвидационныя табели. По Калишской губерніи повѣрка ликвидационныхъ табелей была окончена не только комиссарами на мѣстахъ, но и Калишской крестьянской комиссіей и центральной комиссіей. Осталось табелей пятьдесятъ, которая должны были быть проѣрены въ первую половину лѣта 1869 года.

Еще въ Варшавѣ, ознакомившись въ 1866 году съ Михаиломъ Павловичемъ Горловымъ, я оцѣнилъ его высоко. Теперь, проведя съ нимъ 6 недѣль въ ежедневныхъ сношеніяхъ, за

тяжелою работою, я полюбилъ еще больше этого человѣка. Меня особенно поражали въ немъ ясность ума, необыкновенное терпѣніе, снисходительность къ другимъ, твердая настойчивость въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Не только я, всѣ члены комиссіи уважали его въ высшей степени и дружески разстались съ нимъ.

Лѣтомъ 1869 года задача Калишской крестьянской комиссіи была исполнена; всѣ ликвидационныя табели составлены, проіѣрены; крестьянское самоуправлѣніе введено и поставлено на твердую почву. Осенью, въ одинъ изъ прїѣзовъ моихъ въ Варшаву, Яковъ Александровичъ Соловьевъ сказалъ мнѣ въ разговорѣ, что предполагается 1 января 1870 года передать крестьянскія комиссіи въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Крестьянскія комиссіи будутъ преобразованы въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія: веденіе ихъ будетъ поручено губернаторамъ; въ губернское присутствіе назначенъ будетъ *непременный членъ*, которому поручено будетъ ближайшее наблюденіе за крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи и канцелярская часть. Предсѣдатели комиссій и ихъ товарищи будутъ оставлены за штатомъ съ сохраненіемъ содержанія и правъ службы на два года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ мнѣ слѣдующее: члену учредительнаго комитета Маркусу поручено открыть во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго казенные палаты. Озабоченный пріисканіемъ въ управляющіе казенными палатами русскихъ людей, знакомыхъ съ Царствомъ Польскимъ, Маркусъ просилъ Якова Александровича передать предсѣдателямъ крестьянскихъ комиссій принять мѣста управляющихъ казенными палатами. Соловьевъ совѣтовалъ мнѣ: переговорить съ Маркусомъ и принять эту должностъ, какъ самостоятельную и почетную. Черезъ короткое время я получилъ отъ Маркуса официальное письменное предложеніе принять должностъ управляющаго вновь открываемою въ Калишѣ казенною палатою.

Я нѣсколько дней обсуждалъ въ умѣ своеемъ: принять это предложеніе, или отказаться отъ него? Мнѣ было 35 лѣтъ; занять въ эти годы такое опредѣленное, постоянное служебное положеніе, конечно, было выгодно и лестно. Обыкновенно чиновники добиваются такого поста къ годамъ пятидесяти. Съ другой стороны—это обязывало на много лѣтъ еще остаться въ Польшѣ, гдѣ мнѣ все было чуждо, враждебно. А дома, въ Смоленскѣ, Петербургѣ, у меня были родные, друзья, товарищи; меня манила служба общественная—въ земствѣ, подворянскимъ

выборамъ, съ которой я ознакомился близко въ 1863—1864 г. Я былъ холостъ: чины, ордена не прельщали меня; средствъ на жизнь миѣ давало достаточно имѣніе мое; сверхъ того, оставаясь за штатомъ, я обезпечень быль на два года содержаніемъ по 4.000 рублей въ годъ. Я рѣшилъ: возвратиться въ Россію, въ свое имѣніе, заняться имъ. А если современное направление земства, дворянства будетъ мнѣ по душѣ, принять участіе въ ихъ дѣятельности. Я полагалъ, что, прослуживъ шесть лѣтъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, я исполнилъ долгъ самоотверженія въ отношеніи Россіи.

Когда я объявилъ мое рѣшеніе Якову Александровичу, онъ не одобрилъ его, покачалъ головою и сказалъ:

— Вы увлекаетесь! Пожалѣете современемъ.

Послѣднее полугодіе 1869 года Калишская комиссія занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ обжалованій рѣшений гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ; ихъ оказывалось очень много. Канцелярія комиссіи приводила въ порядокъ дѣла, для передачи въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Соловьевъ просилъ меня помочь ему въ выборѣ непремѣнного члена для Калишского губернского по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Я указалъ ему на князя Голицына и на Федора Павловича Берхольца. Предубѣжденіе Соловьева противъ князя Голицына продолжалось; онъ выбралъ Берхольца.

Федоръ Павловичъ былъ молодой человѣкъ, нѣмецъ только по фамиліи, уроженецъ Москвы, если не ошибаюсь. Не помню, гдѣ онъ учился, но это былъ образованный человѣкъ. Онъ былъ комиссаромъ въ Конинѣ съ первыхъ дней учрежденія крестьянской комиссіи, пользовался уваженіемъ своихъ товарищей.

Въ половинѣ декабря я получилъ форменное извѣщеніе о передачѣ дѣлъ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ вновь учреждаемому Калишскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и о закрытии комиссіи съ 1 января 1870 года. Порученіе это я исполнилъ, и 1 января 1870 года служба моя въ Царствѣ Польскомъ была окончена.

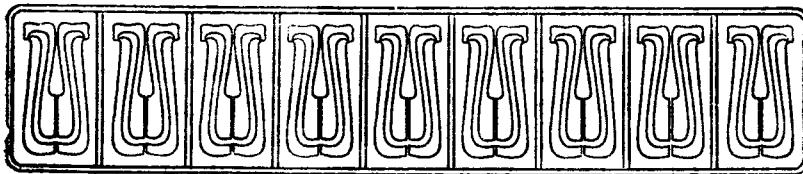
Я уѣзжалъ изъ Царства Польскаго съ добрыми воспоминаніями, съ любовью къ дѣлу, которымъ я занимался 4 года, съ уваженіемъ, признательностью къ людямъ, съ которыми работалъ, жилъ. Я увозилъ сознаніе, что я лично, всѣ мы, добровольно исполнили свой долгъ, довели порученное намъ дѣло

до намѣченного конца. Когда я приѣхалъ въ Польшу, она еще волновалась, кое-гдѣ бродили еще шайки повстанцевъ. Крестьяне недовѣрчиво приглядывались: чѣмъ кончатся обѣщанныя имъ свободы, надѣленіе землею? Теперь многомиліонная толпа крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ получила все обѣщанное; вполнѣ, наѣтки, образовала общество, независимое отъ шляхты, душою и тѣломъ преданное русскому правительству. Шляхетство поняло, что наѣтки лишилось возможности обирать крестьянъ, силою заставлять ихъ возставать противъ Россіи. У русского правительства образовалась громадная, несокрушимая опора въ лицѣ крестьянъ, которые сознаютъ, что получили отъ Россіи свободу, права, землю, все, все! Утѣшительно было сознавать, что это сдѣлано нами, умственнымъ трудомъ, силою воли, образованіемъ, а не куражомъ, не палкою.

Очень многіе первостепенные дѣятели, создатели этой преобразованной Польши уже удалились изъ нея: Милютинъ, Са-маринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ. Въ скоромъ времени предстояло закрытие учредительного комитета въ Царствѣ Польскомъ; тогда и остальные главари, создатели преобразованія уйдутъ отсюда. Польша исчезнетъ, будуть только 10 русскихъ губерній на западной окраинѣ Россіи. Имена тѣхъ, кто измыслилъ это преобразованіе, руководилъ его, будутъ вспоминаться, они принадлежатъ исторіи Россіи. Мы, члены крестьянскихъ комиссій, комиссары, второстепенные дѣятели, не понадемъ въ исторію, именъ нашихъ не будутъ знать, но сдѣлали мы историческое дѣло. Исторія будетъ вспоминать крестьянскія комиссіи, будетъ рассказывать о ихъ трудахъ, борбѣ, и общее ихъ имя *комиссія по крестьянскимъ дѣламъ* всегда будетъ вспоминаться въ исторіи.

Николай Полевой.

Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своихъ „Путешествіяхъ по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю“ (изд. 1896 г.) А. И. Макшеевъ описываетъ между прочимъ экспедицію для изслѣдованія Аральского моря, въ которой принималъ участіе вмѣстѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ въ 1848 году.

Среди рядовыхъ экспедицій находился ссыльный Т. Г. Шевченко, прикомандированный въ качествѣ художника для снятія береговыхъ видовъ. Къ сожалѣнію, зарисованный имъ альбомъ съ видами оказался утеряннымъ.

А. И. Макшеевъ вспоминаетъ какъ въ походѣ онъ раздѣлялъ кипитку, а въ плаваніи—калоту съ Т. Г. Шевченко, который хорошо себя чувствовалъ на степномъ и водномъ просторѣ послѣ стѣсненій солдатской жизни въ Орской крѣпости. Тамъ онъ долженъ былъ переносить подневольное положеніе рядового, здѣсь вращался въ интеллигентномъ обществѣ офицеровъ, цѣнившихъ въ немъ талантливаго поэта.

Въ 4-мъ путешествіи А. И. Макшеева, еще не появлявшемся въ печати, приводится воспоминаніе о товащергіко й жизни автора съ Т. Г. Шевченко, которое и предлагается вниманію читателей. У А. И. остался на память портретъ работы художника-поэта.

Н. М.

Къ началѣ 1848 года въ Оренбургъ прибылъ лейтенантъ Бутаковъ, для производства описи Аральского моря. Желая облегчить и, если удастся, улучшить участіе Шевченко, онъ про-

силъ генерала Обручева отпустить его съ нимъ, для спятія береговыхъ видовъ невѣдомаго доселѣ моря и хотя по Высочайшему повелѣнію Шевченкѣ запрещено было брать карандашъ въ руки, Обручевъ согласился на эту просьбу.

Во время похода на Сыръ-Дарью и описи Аральскаго моря я прожилъ съ Шевченко не разлучаясь $4\frac{1}{2}$ мѣсяца и во все это время видѣлъ его постоянно бодрымъ и веселымъ. Кто всѣмъ неудобствамъ походной обстановки онъ принаравливался легко и вельжизнь совершило трезвую, хотя склонность къ водѣ, сильно развившаяся въ немъ внослѣдствіи въ Новолетровскомъ укрѣплѣніи, проявлялась и въ это время. Передъ отходомъ шкуны изъ Раима я купилъ у единственнаго бывшаго тамъ торговца 6 послѣднихъ бутылокъ скверной наливки, настоеной на сушеныхъ вишняхъ, и разсчитывалъ, что ихъ хватитъ на все время плаванія по морю и даже до возвращенія въ Оренбургъ; но вышло иначе. Въ началѣ нашего плаванія, когда я былъ все время на палубѣ, Т. Г. попросилъ у меня позволенія пріютиться на моей койкѣ, и съ книгою въ рукахъ пролежалъ на ней день или два, а потомъ, когда я сталъ вытаскивать бутылки изъ-за койки, оказалось, что всѣ они были пусты.

Описаная экспедиція была окончена осенью 1849 года. Шевченко прибылъ съ Кось-Арала въ Оренбургъ и по приглашенію генерального штаба штабсъ-капитана Карла Ивановича Герна, имѣвшаго собственный домъ въ Слободѣ, ономѣстился у него на жительство. Бутаковъ представилъ въ числѣ работъ описной экспедиціи альбомъ видовъ Аральскаго моря, Шевченки, и официально ходатайствовалъ о производствѣ его въ унтеръ-офицеры, что составляло въ то время первый и самый важный шагъ для разжалованнаго. Обручевъ, весьма довольный альбомомъ, наглядно дополнившимъ описание Аральскаго моря, сдѣлалъ въ свою очередь представление о Шевченкѣ, и изъ С.-Петербурга ему выразили неудовольствіе, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ допустилъ Шевченко рисовать. Внослѣдствіи я узналъ, что за представленіе Шевченко Бутаковъ подвергался тайному наблюденію З-го отдѣленія, продолжавшемуся еще во время его командировкѣ въ Швецію для заказа пароходовъ. Между тѣмъ альбомъ былъ возвращенъ Шевченко, и онъ подарилъ его К. И. Герну, въ благодарность за гостепріимство. Желая извлечь альбомъ изъ забвенія и издать его, я обращался къ женѣ покойнаго Герна съ просьбою объ отысканіи его и доставленіи ко мнѣ, но, къ сожалѣнію,

она не могла найти среди вещей своего деревенского дома ни одного рисунка изъ разрозненного альбома.

Хотя генераль Обручевъ имѣлъ непріятность изъ за Шевченки, но не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ; тѣмъ не менѣе положеніе послѣдняго вскорѣ измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе сдѣланаго на него доноса. Доносъ заключался въ томъ, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, Шевченко снимаетъ портреты даже съ офиціальныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, съ коменданта и прочее. По общему мнѣнію авторомъ этого доноса было лицо, негодовавшее на Шевченко за то, что тотъ мѣшалъ ему въ одной любовной интригѣ. Послѣ доноса генераль Обручевъ получилъ вторично непріятную бумагу изъ Петербурга и долженъ былъ отправить Шевченко въ отдаленное Новопетровское укрѣпленіе, на восточномъ берегу Каспійскаго моря (нынѣ Александровскій фортъ), съ приказаніемъ коменданту строго наблюдать, чтобы онъ ничего не рисовалъ.

Шевченко безвыѣзно оставался въ Новопетровскомъ укрѣпленіи до прощенія и отъ нечего дѣлать сталъ, говорять, сильно пить. Попытки вырвать его изъ этой трущобы не имѣли успѣха. Такъ вскорѣ послѣ смѣны Обручева генераль-адъютантъ В. А. Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣдняго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ стенныхъ рисунковъ Шевченко, въ надеждѣ, что Перовскій обратить на него вниманіе, спросить, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ, дасть возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ, но Перовскій, лишь только увидалъ рисунокъ, догадался, чѣй онъ, бросилъ на полъ и грозно сказалъ окружающимъ, „чтобы не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ!“

Въ Петербургѣ рассказывали, что какъ только въ Новопетровскомъ укрѣпленіи было получено извѣстіе о прощеніи Шевченка, комендантъ укрѣпленія, не дождавшись приказа изъ корпуса, отпустилъ его съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Шевченко отправился прямо въ Петербургъ, но въ Казани былъ задержанъ по распоряженію оренбургскаго начальства, требовавшаго, чтобы онъ былъ препровожденъ въ Оренбургъ за получениемъ бумагъ объ отставкѣ. Слѣдовало отправить его, какъ нижняго чина, иѣшкомъ по этапу, но казанскій губернаторъ сжалился надъ несчастнымъ, вытребовалъ бумаги изъ Оренбурга и отпустилъ наконецъ его на свободу.

Въ Петербургѣ Шевченко чуть не посили на рукахъ, онъ сдѣлался знаменитостью, но я съ нимъ не видѣлся. Онъ не

ианиемъ нужнымъ павѣстить старого товарища, съ которымъ въ трудную эпоху своей жизни дѣлилъ хлѣбъ и соль и не имѣлъ никогда ни малѣйшей непріятности, а я не счелъ возможнымъ вѣхать на поклонъ къ знаменитости, въ которой желалъ видѣть прежде всего человѣка. Только разъ мы встрѣтились издали на какомъ-то представлениіи въ огромномъ залѣ Руадзе, и Шевченко послалъ мнѣ глазами и рукою дружеское привѣтствіе, на которое я отвѣтилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ онъ скончался.

Сообщ. Н. Макшеева.

Материалы по изслѣдованию войны 1812 г.

Отрывъ генералъ-лейтенанта Тормасова князю Багратіону
съ приложеніемъ письма (неизвѣстнаго) изъ Бреславля.

(Изъ собраній документовъ П. Я. Дашкова)¹).

Милостивый государь, князь Петръ Ивановичъ!

Доставленную ко мнѣ выписку письма изъ Бреславля для
свѣдѣнія вашего, какъ вещь довольно любопытную, при семъ
сообщаю.

Съ отличиѣйшимъ почтеніемъ и таковой же преданностью
имѣю честь быть вашего сиятельства, милостивый государь, по-
корнѣйшій слуга

Александръ Тормасовъ.

Іюня 10-го дня, 1812 г.

№ 70.

По собственной канцеляріи

Приложение.

Главнокомандующаго.

Письмо изъ Бреѣлавля.

(Выписка письма изъ Бреславля).

(Переводъ съ французскаго).

Здѣсь существуетъ „Общество Черныхъ Рыцарей“. Принцъ
Августъ Прускій, который находится здѣсь, такъ какъ не
пожелалъ оставаться въ Берлинѣ съ иностранцами,—одинъ изъ
главныхъ членовъ этого общества, а генералъ Блюхеръ, кото-

¹) Документы по 1812 г. изъ собранія П. Я. Дашкова, любезно предоставленные братьями покойнаго Андреемъ и Дмитріемъ Яковлевичами Ипп. Русс. воен. ист. Обществу, предполагается обществомъ этимъ выпустить отдельнымъ томомъ трудовъ Общества.

Б. К.

рый тоже состоитъ членомъ, подалъ въ отставку, не желая служить при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Слишкомъ долго было бы вамъ разсказать о происхожденіи этого общества, любовь къ родинѣ положена ему въ основаніе, а также безграницная преданность истиннымъ интересамъ страны; теперь всѣ принципы, которые легли въ основаніе общества, должны быть отложены на время; одному только ноклялись—непавиши къ французамъ. Недавно здѣсь былъ одинъ русскій, вѣль себя весьма таинственно; но всему было видно, что онъ обладаетъ хорошими средствами, но никогда не бывалъ, но лишь только принцъ Августъ и Блюхеръ пріѣхали, онъ сейчасъ же къ нимъ отправился; черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ, на свое счастье, такъ какъ изъ Берлина пришло приказаніе его арестовать, но оно его уже не застало. Командантъ и губернаторъ также получили приказаніе строго слѣдить за „Черными Рыцарями“, но когда губернаторъ явился къ принцу Августу, чтобы его предупредить, принцъ съ величайшимъ самообладаніемъ отвѣтилъ, что не понимаетъ, о чёмъ идетъ рѣчь; это извѣстіе вполнѣ достовѣрно.

Бѣдныхъ силезцевъ подвергаютъ такимъ сильнымъ притѣшніямъ, что, несмотря на свои личныя несчастія, находишь еще возможность сочувствовать и ихъ несчастіямъ: монастыри закрыты, духовенство раззорено, капитулы орденовъ захвачены для короля; каноникамъ каѳедральныхъ церквей и капитуламъ орденовъ обѣщаны пенсіи, но до сихъ поръ еще не назначены. Дома разрушаютъ; владѣльцевъ мельницъ и домовъ обложили чудовищными повинностями, какъ домовладѣльцы, такъ и квартиранты, должны платить налоги; городъ заставили дать королю въ долгъ 400.000 талеровъ (écus). Вышелъ указъ, по которому каждый владѣлецъ обязанъ въ теченіе двухъ мѣсячнаго срока выплатить сумму, составляющую 3% съ его капитала; обложенію подлежать, какъ капиталы, такъ и земельная владѣнія каждого и имѣнія, покрытыя долгами, не освобождены отъ обложенія; каждый обязанъ платить согласно оцѣнкѣ земли; говорятъ, что дворянство хочетъ ослушаться этого приказанія, такъ какъ оно не въ состояніи его выполнить.

Несомнѣнно, что если бы па свѣтѣ нашелся монархъ, царствованіе которого предвѣщало бы болѣе гуманный образъ правленія—всѣ бы перешли подъ его владычество.

Вчера здѣсь проѣхалъ французскій прелатъ; сообщая полиціи, согласно требованіямъ, свое имя и званіе, онъ написалъ: „Монсіньоръ графъ Праде, архіепископъ города Малина, пер-

вый духовникъ императора, посланикъ въ Варшавѣ". Никто не можетъ понять, что означаетъ послѣдній титулъ, но предполагаютъ, что въ скоромъ времени будетъ объявленъ новый польскій король.

Раззореніе Варшавскаго герцогства достигло своего апогея; мы не можемъ ничего получить, такъ какъ тѣ, которые ближе къ столицѣ, терпятъ еще болѣе притѣсненія; мы покорились своей участи, но убытки нашихъ крестьянъ непоправимы и разрываютъ сердце.

Изъ Варшавы пишутъ, что солдаты всѣхъ націй ведутъ себя ужасно и только войска итальянскаго вице-короля не дѣлаютъ зла, хвалять также и самого вице-короля.

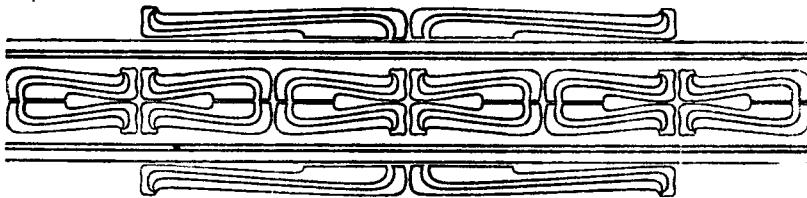
Дрожу за свою несчастную родину, когда въ пее войдутъ неаполитанцы, которые уже находятся въ пути; я знаю этотъ народъ—тогда безпрестанно будутъ происходить убийства; всѣ войска идутъ по принужденію, но каждый солдатъувѣряетъ, что пдеть только на поляковъ, и это убѣжденіе, при всей его несправедливости, можетъ только усугубить наши несчастья.

Говорятъ, что въ Силезіи перемѣнится властелинъ, Вестфалія будетъ принадлежать прусскому королю; несчастную Силезію разрѣшено давить въ тискахъ, а потомъ ее отадутъ,—неизвѣстно кому.

(подписи не имѣются).

Сообщ. Б. Колюбакинъ.

За 38 лѣтъ¹⁾.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева.

Перепечатка воспрещена.
(Законъ 20 марта 1911 г.).

Часть вторая²⁾.

Вышеописанное письмо Балакирева произвело на меня своими словами о Торквемадѣ странное впечатлѣніе.

Когда я была молоденькой дѣвушкой, Милій Алексѣевичъ высоко ставилъ того, кого онъ называлъ теперь Торквемадой. Онъ пропагандировалъ его сочиненія, считалъ его славянофиломъ, складывалъ въ память своей все, что слышалъ объ его политическомъ Credo. и потому, при слухаѣ, рассказывалъ о слышанномъ съ восторгомъ, съ упованіемъ: что вотъ есть у насъ великий государственный мужъ, настоящій политический дѣятель...

¹⁾ См. „Русская Старина“. Январь 1914 г.

²⁾ Я получила письмо, въ которомъ мой корреспондентъ указываетъ на нѣкоторыя неточности въ моемъ описаніи обстановки квартиры М. А. Балакирева. Охотно исправляю эти неточности: лампа въ столовой была не висячая, а стояла на столѣ. Въ гостиной не висѣлъ фонарикъ, а стѣнная лампа съ синимъ колпачкомъ. Балакиревъ, по словамъ моего корреспондента, не выносилъ освѣщенія съ потолка и говорилъ, что ему при этомъ „всегда хочется надѣть шляпу или раскрыть зонтикъ“. Портретъ Н. Рубинштейна былъ не небольшой, какъ сказано у меня, а большій, висѣвшій симметрично съ портретомъ Гензельта.

Кн. М. В. Волконская.

Въ царствованіе Александра II онъ скорбѣлъ, что дѣятель этотъ не у дѣлъ, что силами его иренебрегаютъ, не умѣютъ или не желають воспользоваться на благо родинѣ.

...Одно время лѣтомъ того же года мнѣ было какъ-то особенно тяжело на душѣ. Съ Балакиревымъ я никогда откровенно ни о чёмъ не говорила. Онъ былъ вѣкъ жизни, выше ея и не понималъ того, что мнѣ было больно. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, и я избѣгала говорить съ нимъ о чёмъ бы то ли было личномъ. Разъ, утромъ, яѣхала съ младшей дочерью изъ Гатчины въ Петербургъ и дожидалась поѣзда на дебаркаціи. Вдругъ, сзади, ко мнѣ подошелъ Милій Алексѣевичъ. Онъ тожеѣхалъ въ городъ и, узнавъ, что яѣду туда же, будто чему-то обрадовался.

— Вы въ какомъ классѣ єдете? — спросилъ онъ и, узнавъ, добавилъ: ну-съ все равно-съ. Я къ вамъ сяду. (Онъ вопросительно поглядѣлъ на меня). — Поѣдемте вмѣстѣ, съ улыбкой закончилъ онъ, очевидно читая согласіе на моемъ лицѣ.

Мы сѣли въ отдѣльное купѣ, которое открыло намъ кондукторъ, и на какія-то мои слова, Балакиревъ, понявъ, что мнѣ тяжело, почувствовавъ, что нужно не простое утѣшеніе и перемелется, мука будетъ, — а что нужно что-нибудь болѣшее что-нибудь глубокое, — просто и убѣдительно сталъ говорить о Богѣ. — „И хвала его непрітворна была“!.

Сначала онъ говорилъ только о Немъ, потомъ сталъ говорить о себѣ, какъ ему трудно было въ жизни, какъ онъ молодой, здоровый, полный силъ, — не слабая женщина-съ, а работоспособный мужчина — долженъ быть братъ у знакомыхъ, долженъ быть пользоваться ихъ помощью! — „И браль-съ, и думалъ, и считалъ, что Самъ Спаситель помогаетъ мнѣ ихъ руками“.

Онъ долго говорилъ, а я слушала его съ волненіемъ, изрѣдка поглядывая на мою маленькую дочь, тоже не спускавшую съ него глазъ, и радуясь, что наконецъ-то она видѣть его не такимъ, какъ она видѣла его всегда, согбеннымъ, такъ сказать, жизнью и старостью, а выпрямившимся, помолодѣвшимъ отъ дыханія Духа, такимъ, какъ я его знала въ дни юности моей, и о какомъ я рассказывала имъ, т. е. ей и ея сестрамъ.

Успокоенная, тронутая и умиrottворенная прїѣхала я въ Петербургъ...

Милій Алексѣевичъ вдуналъ въ сердце мое увѣренность, что то, что происходитъ въ рукахъ Божіихъ, что такъ, значитъ, надо...

Моя маленькая дочь, которую я спросила: что скажетъ она теперь о Балакиревѣ? къ моей радости, тоже иначе чѣмъ всегда отнеслась къ нему и тоже о чѣмъ-то какъ будто задумалась и съ чѣмъ-то примирилась...

Въ эту же осень у нея съ Миліемъ Алексѣевичемъ завязались краткія, но все же свои личныя отношенія. Произошло это изъ-за птенчика, выиавшаго изъ гнѣзда, котораго моей дочери принесъ въ подарокъ сынъ кого-то изъ дворцовыхъ служащихъ.

Птенецъ оказался дроздомъ.—Его посадили въ клѣтку, дали ему корма того самаго, котораго даютъ канарейкамъ, дали коноплянаго сѣмени, взятаго взаймы у моего старика-попугая, дали булки сухой, намоченной въ волѣ, въ молокѣ, дали мухъ...

Дроздъ ничего изъ предлагаемаго не желалъ есть, кромѣ мухъ, которыхъ онъ глоталъ усердно, жадно и замѣчательно быстро, требуя еще и еще. Черезъ нѣсколько часовъ онъ памъ, старшимъ, страшно надоѣлъ, а черезъ сутки или двое я положительно не знала, что сдѣлать, чтобы отъ него избавиться. Его вынесли въ проходную комнату, въ родѣ передней, где стояли сундуки, и черезъ которую надо было проходить въ дѣтскую, но онъ и тамъ мѣшалъ, такъ какъ былъ, страшно, противно нечистоплотенъ.

Моя маленькая дочь, между тѣмъ, не хотѣла съ нимъ разстаться. И вдругъ пришелъ Балакиревъ. Я рассказала ему о моемъ замѣшательствѣ, о любви моей дочери ко всѣмъ животнымъ, о невозможности оставить у насть дрозда и о горѣ моей дѣвочки, вызываемомъ моимъ желаніемъ вернуть птицу сыну служителя.

Милій Алексѣевичъ сталъ на сторону моей дочери и выразилъ желаніе помочь ея горю, т. е. узнать, чѣмъ надо кормить дроздовъ.

— Онъ оттого и нечистоплотенъ-съ,—серъезно говорилъ Балакиревъ про птицу,—что вы его не такъ-съ кормите... Да! Да! А это прекрасно-съ, когда дѣти любятъ животныхъ, прекрасно-съ!

Милій Алексѣевичъ ушелъ, а на слѣдующій день, 19-го августа, я получила отъ него письмо, изъ котораго ясно было видно, какъ близко къ сердцу принялъ онъ происшествіе съ дроздомъ.

,Вчера прямо отъ Васъ я отправился къ Фриде и узналъ слѣдующее: дрозда слѣдуетъ пока кормить мякишемъ бѣлаго хлѣба, смоченнымъ молокомъ или водою.—Дня черезъ два M-elle Фриде обѣщалась мнѣ дать болѣе точныя свѣдѣнія касательно кормленія дрозда, которая она добудеть, справившись у своего знакомаго птицевода.

Она вспоминала Васъ и просить меня передать Вамъ поклонъ.

Совершенно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

P. S. Хорошо также кормить дрозда и мухами, но только этотъ способъ я не рекомендую, какъ пріучающій дѣтей къ жестокости”...

На другой день, т. е. 20 августа пришло второе письмо по тому же вопросу.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

M-те Фриде сейчасъ прислала мнѣ длинный списокъ родовъ пищи, употребляемой дроздами различныхъ видовъ. Изъ этого списка видно, что всѣ они питаются насѣкомыми, улитками и тому подобными невкусными яствами, но это не исключаетъ возможности питать Вашего птенца мякишемъ бѣлаго хлѣба, смоченнымъ водою или молокомъ. — M-elle Фриде именно этимъ способомъ вскармливала своихъ птенцовъ.

Душевно желаю, чтобы Вашъ младенецъ укрѣплялся тѣломъ и духомъ и радовалъ бы Васъ своимъ чириканьемъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, дававшіяся письмами, были крайне недостаточны для выращивания дрозда. Онъ, очевидно, любилъ „живность“,—какъ люди любятъ мясо, не могъ обходиться безъ нея и, за неимѣніемъ ея, сталъ самъ чистить за собой клѣтки... Исходя страшно, перья его слиплись, во всей передней явился отвратительный запахъ, и наконецъ сама моя дѣвочка поняла, что дальнѣе держать дрозда невозможно.

Въ сентябрѣ всѣ мы вернулись въ Петербургъ, и снова началась зимняя жизнь... и снова, между другими удовольствіями, домашніе концерты Балакирева.

V.

Въ 1899 году Милію Алексѣевичу снова пришлось испытать маленькую неудачу, или точнѣе маленькую непріятность, которую ему тяжело было снести. Онъ написалъ небольшой хоръ на слова: „Боже, Царя храни“. Этотъ хоръ ему не позволили напечатать съ заглавіемъ русскаго національного гимна.

Рыдзевскій, несмотря на всѣ просьбы и доводы, стоялъ на своемъ, что этого нельзя, и наконецъ Балакиревъ въ декабрѣ написалъ мнѣ записочку, въ которой сквозить усталость его души.

„Дорогая Марія Васильевна.

Сегодня я имѣлъ объясненіе съ Рыдзевскимъ, который упорно стоялъ на своемъ и предложилъ мнѣ назвать мой хорикъ вмѣсто „Боже, Царя храни“,—„Гимнъ русскому Царю“, на что я долженъ былъ согласиться, чтобы избавить себя и моихъ друзей отъ хлопотъ, которыхъ едва-ли привели бы къ успѣху. Худой миръ вѣдь лучше доброй ссоры.

Сообщаю Вамъ обѣ этомъ, такъ какъ этотъ вопросъ Васъ интересовалъ“...

Первый концертъ по переѣздѣ въ городъ Балакиревъ даль намъ 20-го октября снова, по обыкновенію, приславъ мнѣ отъ Циммермана (т. е. изъ его магазина) чудный рояль Блютнера. Предполагалъ и предлагалъ онъ играть раньше (разъ въ „подарокъ“ мнѣ игралъ вечеромъ для меня одной, не считая моихъ дѣвочекъ и ихъ гувернантки послѣ всенощной, наканунѣ 1-го октября, дня моего рожденія, на моемъ старомъ Steinway), но раньше 20-го концертъ не могъ состояться, такъ какъ то ему было неудобно, то никто изъ моихъ друзей не былъ свободенъ. и концертъ все переносился съ 5-го на 11, съ 11-го на 15-е, при чемъ менѣялась и программа. Наконецъ 15-го я получила слѣдующее письмо:

„Изъ сообщеннаго Вами перечня удобныхъ дней я избираю среду 20-го числа.—Въ этотъ печальный день вполнѣ умѣстно будетъ чествовать 50-ти-лѣтіе со дня кончины Шопена и исполнить его похоронную сонату.“

Видѣлся я также съ докторомъ Логиновымъ, изъявившимъ мнѣ полную готовность служить дѣлу Вашего выздоровленія, въ благопріятномъ исходѣ коего я почти увѣренъ.“

Онъ будетъ ожидать Вашего зова.—Сообщаю Вамъ его адресъ: Слоновая улица, 23, Г. М. Логиновъ.

И такъ до пріятнаго свиданія въ среду вечеромъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Черезъ четыре дня пришло еще письмо:

„Сегодня я сдѣлалъ распоряженіе о рояль, который завтра къ Вамъ принесутъ. — Постарайтесь устроить, чтобы Вашъ старый рояль былъ заблаговременно вынесенъ въ другую комнату.

Согласно Вашему желанию я включилъ въ программу (которую при семъ препровождаю), — Polonaise C. moll, по что касается до другого Полонеза Cis moll, то прошу Вашего позволенія сыграть Вамъ его *въ другой разъ*. Въ данномъ случаѣ онъ не будетъ умѣстенъ. За то *при первомъ* случаѣ я Вамъ его обѣщаю сыграть.

Конечно я буду къ 8-ми часамъ. Я самъ не люблю позднихъ вечеровъ, и назначенный Вами часъ совершенно совпадаетъ съ моими привычками. И такъ до свиданія.

Искренно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Я очень хворала въ это время, чѣмъ и объясняется его предложеніе доктора Логинова, по совѣтчиковъ кромѣ Балакирева у меня,—какъ всегда бываетъ у всѣхъ больныхъ.—нашлось много, и я, такъ какъ Логиновъ былъ совершенно неизвѣстенъ никому изъ моихъ близкихъ, выбрала другого врача. Этого долго не могъ простить мнѣ Милій Алексѣевичъ и, между прочимъ, въ отвѣтъ на поздравленіе, которое я послала ему ко дню его именинъ, отвѣтилъ мнѣ слѣдующей язвительной запиской:

„Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна

Премного благодаренъ Вамъ за Вашу память о моихъ именинахъ. Сожалѣю, что Вы поскутились на извѣстія о Вашемъ здоровье. Желательно бы знать, началось ли Ваше лѣченье у доктора, рекомендованного княгиней **, и когда онъ обѣщаетъ Вамъ возможность подниматься по лѣстницамъ, а (следовательно) мнѣ возможность имѣть удовольствіе видѣть Васъ своей дорогой гостьей.

Совершенно Вамъ преданный

М. Балакиревъ“.

Затѣмъ, прия ко мнѣ вечеромъ, Милій Алексѣевичъ не стѣсняясь присутствиемъ брата этой дамы, вдобавокъ человѣка, котораго онъ глубоко цѣнилъ и уважалъ—обратился ко мнѣ со словами:

— Какъ можете-сь вы слушать *.*.—Онъ сверкнулъ глазами и гибко продолжалъ:—Вѣдь у нея-сь куриные мозги-сь...—и картинымъ жестомъ, быстро разжимая, сжимая кулаки и ударяя то тѣмъ, то другимъ, по противоположной ладони, онъ показалъ, какіе у дамы мозги.

— Милій Алексѣевичъ, это сестра вотъ... — прервала я, страшно смущенная, и жестомъ показала на присутствовавшаго господина.

— Ну такъ что же-сь, что сестра-сь?—не унимая Балакиревъ—Я вамъ рекомендую-сь врача, въ которомъ увѣренъ, что онъ вамъ поможетъ,—я убѣдился въ этомъ на опытѣ съ другими больными (я вамъ вѣдь разъзывалъ),—а вы слушаетесь свѣтскую даму-сь...

Я стала что-то отвѣчать, чтобы затушевать рѣзкія выраженія моего старого друга, и разговоръ на скользкую тему прервался. Но надо отдать справедливость добрѣйшему и велико-душному NN. Онъ въ ту же минуту совершило забыть и простилъ Милію Алексѣевичу его выходку и съ годами сталъ все больше цѣнить и любить Балакирева.

...Вѣдь эту осень по поводу сильно распространявшагося въ обществѣ католицизма у насъ съ нимъ снова начали проходить богословскіе разговоры. Въ декабрѣ же онъ прислали мнѣ въ подарокъ книгу Прокоповича: „Письма православнаго отца къ сыну съ милѣйшимъ письмомъ“, которое я вклѣила въ книгу Прокоповича, а въ отвѣтъ на мою благодарность слѣдующія строки: (сначала въ открытомъ письмѣ отъ 21 декабря, а потомъ и въ закрытомъ).

— „На стр. 101 присланной Вамъ книжки, найдете неоспоримое подтвержденіе православности папы Дамаза, предсѣдателя 2-го вселенскаго Собора, на которомъ Символъ вполнѣ законченъ исповѣданіемъ Св. Духа.

М. Б.“

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Весьма радъ, что Вы довольны присланной Вамъ книжкой Прокоповича. Хотя я не могъ отыскать въ моемъ изданіи постановленій Вселенскихъ соборовъ анаѳемы на посѣгающихъ

на символъ вѣры, за то указанная мною на стр. 101 энциклика папы Дамаса равносильна тому, что я Вамъ говорилъ. Знаменательно, что въ подтверждение 2-го вселенского собора Папа собралъ мѣстный соборъ въ Римѣ, которымъ *проводима анафема на тѣхъ, кто не исповѣдовалъ бы, что Св. Духъ импетъ бытие отъ Бога Отца, какъ и Сынъ Божій и есть истинный Богъ*. — Нынѣшніе католики окончательно посрамлены и отлучены отъ церкви этой энцикликой.

Вы интересовались знать о времени введенія опреѣноковъ въ Римской Церкви. Въ концѣ стр. 225 вы найдете достовѣрное свидѣтельство о томъ, что еще въ IX-мъ вѣкѣ опреѣноковъ не было въ употреблении въ Римской Церкви. Это свидѣтельство подтверждается и далѣе, и на стр. 239 вы найдете изложеніе окончательного раздѣленія церквей, совершившагося при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ.

Надѣюсь, что эта книжка Васъ вполнѣ удовлетворитъ.— Недостатокъ ея—это излишнее распространеніе о томъ, что уже сказано и безъ того ясно и убѣдительно.

Пишу къ Вамъ съ тѣмъ, чтобы Вы не отрывались отъ Вашихъ спѣшныхъ работъ и отнюдь не отвѣчали бы мнѣ теперь, когда Вы такъ заняты.

Искренно Вамъ преданный
М. Балакиревъ".

Приблизительно въ это же время, я первый разъ въ жизни дала ему прочесть пѣсколько моихъ маленькихъ рассказовъ.

Беллетристике онъ обыкновенно не читалъ, о чёмъ я отъ него самого слышала еще въ молодости, не читалъ даже Толстого, „не интересуюсь имъ“—какъ онъ выражался. Тѣмъ съ большей опаской дала я ему мои произведенія, выбравъ такія, гдѣ не было ничего романическаго.

Къ удивленію моему, онъ прочелъ ихъ быстро и также, какъ всегда теперь, тотчасъ написалъ мнѣ пѣсколько строкъ.

— „Съ благодарностью возвращаю Вамъ при семъ Вашу книжку, которую прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большимъ интересомъ. По поводу ея поговоримъ при свиданіи“...

Разсказы мои были слѣдующіе: „Отрывки изъ Неизданныхъ Воспоминаній“ (Первая Любовь Тургенева). „Одинъ изъ Малыхъ сихъ“ и еще какой-то.

При первомъ же свиданіи, которое произошло у него на дому, въ вечеръ концерта, онъ очень просто и благосклонно отнесся къ этимъ разсказамъ, назвавъ ихъ „талантливыми по-вѣстушками“, узналъ дѣйствующихъ лицъ въ первомъ разсказѣ, сказавъ, что они вылитые, что на него такъ и нахнуло прошлымъ. Второй разсказъ онъ назвалъ прелестнымъ—и сказать, что ему особенно понравилась реальность, напр. то, что я назвала мальчика Антипой, — т. е. что дала имя, которое дѣйствительно можетъ приходиться въ субботу страстной седьмицы, и что я вѣрно подмѣтила нелюбовь русского духовенства къ слову „попъ“.

—Да-съ, они, дѣйствительно, теперь велять называть себя священниками,—сказалъ онъ. блестя глазами,—забывъ, не зная, что „попъ“ слово древнее, благочестивое, означающее отецъ папа... А что такое „священикъ“? Въ каждой языческой религіи есть священнослужители, т. с. священники. Отцовъ же, или батюшекъ, или поповъ — вы найдете только въ христіанствѣ. Но они этого не понимаютъ-съ, и не вина народа, что слово отецъ, попъ стало браннымъ. Вина всецѣло самихъ ихъ...

Съ этой минуты онъ сталъ интересоваться моими работами. По его желанию я дала ему мою повѣсть: „Пѣсни сиѣты“. Эта книжка уже не была такая маленькая, тоненькая, какъ первая. (Вдобавокъ въ ней есть „любовь“). Онъ взялъ ее съ какой-то неловкостью, напомнившей мнѣ мою юность, когда онъ разъ, въ Петергофѣ, лѣтомъ принесъ мнѣ изъ дома въ садъ мою большую, со лемниной шляпу,—взялъ книжку и... не прочелъ ее, а далъ прочесть какой-то своей знакомой, послѣ чего у него прошла охота читать эту повѣсть.

Когда, послѣ довольно большого перерыва, я наконецъ спросила его: почему онъ ничего не говоритъ мнѣ о „Пѣсняхъ сиѣтыхъ“ онъ рѣзко-стремительно отвѣтилъ:

— Я самъ ихъ не читалъ-съ. — Нѣть! Мнѣ моя знакомая, которой я далъ книги, рассказала, что тамъ у васъ артистка-съ въ первой же сценѣ перебиваетъ игру другого артиста... Развѣ то дѣлается-съ?.. — (онъ суровыми глазами посмотрѣлъ на меня).—Какая же она артистка-съ?!...—(Онъ постучалъ рукой по столу)—Ну, вотъ, узнавъ это-съ, я и не сталъ читать.

Съ улыбкой и, разумѣется, смущеніемъ слушала я его, и мнѣ приходило въ голову:—что хоть это и вѣрно подмѣченная психологически „невѣрность“ въ моей повѣсти (которую я и

сама не очень любила; она написана на англійскій ладъ, для молодыхъ дѣвушекъ), все же не вся же повѣсть заключается именно въ этой неудачной сценѣ, и что надо же было ему дать читать повѣсть такому недоброжелательному критику, какъ его да-а-а-ма!!!

Въ 1900 году кромѣ дѣлъ капеллы и С. М. Ляпунова, Балакиревъ сталъ хлопотать о какомъ-то мальчикѣ Ш—мъ, дворянинѣ по отцу, котораго мать, вдова, по бѣдности, никуда не могла опредѣлить, и котораго задумали отдать въ ученіе къ цирульнику.

Это рѣшеніе глубоко возмутило и опечалило Балакирева. Онъ принялъ мальчика подъ свое особое покровительство, сталъ хлопотать о немъ вездѣ, где только могъ, у всѣхъ, кого только зналъ, между прочимъ, у Григорія Григорьевича Даниловича и Озеровыхъ и неотступно напоминалъ о немъ, молилъ за него.

Не получая однако быстрого, благопріятнаго отвѣта на свои мольбы, онъ не вытерпѣлъ и написалъ мнѣ письмо, которое я привожу въ сокращенномъ видѣ.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Посылаю Вамъ только-что полученное письмо Дворянки (по мужѣ) Анны Павловны III., изъ коего Вы увидите, что нужно послѣпшить устройствомъ куда-либо сына ея Георгія, о чемъ я передъ праздниками просилъ NN. Мнѣ казалось, что для нея не представить затрудненія, благодаря близкому родству съ ***, пристроить мальчика въ какое-либо заведеніе, но самъ я не рѣшалась повторить эту мою просьбу.

Озеровы такъ сердечно отнеслись къ положенію капеллы и такъ много уже сдѣлали изъ того, что могли сдѣлать, что беспокоить ихъ еще какой-либо просьбой я не могу рѣшиться, а потому обращаюсь къ Вамъ съ покорѣйшею просьбой или напомнить NN о мальчикѣ Георгіи Ш—мъ, или, если напоминаніе Вы найдете неумѣстнымъ, возвратите мнѣ письмо Ш—ой, и тогда я буду выискивать другіе пути для устройства симпатичнаго мальчика.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Увы, на этотъ разъ мои друзья не могли быть ему полезны. Всѣмъ всегда кажется, что человѣку легко пристроить помѣ-

стить мальчика или дѣвочку въ какое-нибудь учебное заведеніе или пріютъ и т. д.—разъ человѣкъ этотъ болѣе или менѣе у власти. На самомъ дѣлѣ и людямъ у власти очень трудно бываетъ это сдѣлать, и въ этомъ случаѣ такъ это и оказалось для моихъ друзей, но зато Г. Г. Даниловичъ помогъ Балакиреву, и черезъ нѣкоторое время, я получила отъ моего дорогого старого друга письмо, въ припискѣ къ которому онъ говорилъ: „Г. Г. Даниловичъ выхлопоталъ моему *ot g e*—стипендію“.

Черезъ годъ или полтора, по слухаю того, что мнѣ самой представилась возможность помѣстить какого-нибудь мальчика въ одно изъ лучшихъ учебныхъ правительственныхъ заведеній, въ отвѣтъ на мое предложеніе, Балакиревъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ съ восторгомъ говорилъ, что этого Ш. уже не нужно, что *prot g e* его уже давно хорошо устроенъ въ Москвѣ, въ Ремесленномъ училищѣ.

Въ этомъ же 1900 году Милій Алексѣевичъ сталъ присыпать мнѣ записочки и письма своихъ иностраннѣй корреспондентовъ (особенно англичанъ и американцевъ) для перевода на русскій языкъ, и для разбора нераазборчиво написанныхъ словъ, французовъ.

Такъ разъ онъ присыпалъ мнѣ тщательно скопированную имъ самимъ фразу изъ письма къ нему профессора Парижской консерваторіи Бурго Дюкудрэ и написалъ мнѣ, что выписывается всю фразу для того, чтобы я по смыслу могла догадаться, какія слова написаны въ письмѣ.

Въ это время онъ былъ опять боленъ, или вѣрнѣе, сердечная болѣзнь его въ это время обострилась (почему ему былъ прописанъ его любимымъ докторомъ Бородулинымъ, зятемъ покойнаго профессора С. П. Боткина, продолжительный курсъ молочнаго лѣченія), и самъ лично онъ у меня не могъ часто бывать.

Не помню, отвѣтила ли я, т. е. успѣла ли отвѣтить ему на это письмо или нѣтъ (слова не представляли затрудненія для разбора), но на слѣдующее утро я получила вновь записку:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Мнѣ очень совѣтно, что я Васъ по пустякамъ безнокойль вчерашнимъ письмомъ.—Пришелъ Ляпуновъ и помогъ мнѣ разобрать слова въ письмѣ Бурго Дюкудрэ, которыхъ я не могъ

понять.—Кромѣ того, онъ мнѣ сообщилъ важное извѣстіе: въ газетахъ было, что въ понедѣльникъ Рыдзевскій представлялся Ея Величеству въ Аничковомъ Дворцѣ...

Дальше, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ опубликовать это письмо.

Въ тотъ же день вечеромъ я получила еще письмо съ повторенiemъ извиненій за то, что онъ изъ-за вздора оторвалъ меня отъ серіозной работы. Письмо было съ нужной мнѣ для работы справкой. Справка эта касалась величанья Воскресенью, и онъ писалъ мнѣ слѣдующее:

— „Вамъ нуженъ текстъ величанія Воскресенью, вотъ онъ: „Величаемъ Тя Живодавче Христе насть ради во адъ спешшаго и вся съ Собою воскресившаго“.

Я не имѣю книги, въ которой это величаніе было бы означено, и пишу Вамъ его на память съ увѣренностію, что я не ошибся ни въ чёмъ.

Дорогимъ Вашимъ искренній мой поклонъ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ“.

Въ концѣ первого письма отъ 3-го марта, въ припискѣ онъ сообщалъ мнѣ, я забыла сказать, что въ состояніи его здоровья послѣдовало небольшое улучшеніе.

Затѣмъ 5-го марта, въ отвѣтъ на мой вопросъ: въ какой исторіи можно прочесть подробныя свѣдѣнія о Чехіи? онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

„Интересующія Васъ свѣдѣнія о Чехіи Вы прочтете въ полномъ собраніи сочиненій Гильфердинга, состоящемъ, сколько помню, изъ двухъ только томовъ, которые, въ настоящее время, составляютъ библіографическую рѣдкость. Къ сожалѣнію, я не имѣю ихъ, иначе охотно сеудилъ бы ими Васъ.

Попробуйте справиться о возможности ихъ добыть въ конторѣ Славянского общества, помѣщающагося въ угольномъ домѣ (на площади Александринского театра), примыкающемъ къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ“...

Въ апрѣлѣ же, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ начала молочного лечения, въ здоровье его произошло такое улучшеніе, онъ почувствовалъ себя настолько лучше, настолько молодцомъ, что со своей всегдашней готовностью и желаніемъ сдѣлать пріятное друзьямъ, написалъ мнѣ слѣдующія строки:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Очень желаю знать, въ какомъ положеніи Ваше драгоцѣнное здоровье. Я собираюсь въ началѣ мая пересѣхать въ Гатчину и миѣ хотѣлось бы имѣть удовольствіе передъ отѣзгомъ Вась вѣхъ видѣть у себя.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

24 апр. 1900 г.

Затѣмъ 3-го мая новое письмо, въ которомъ, на третьей страницѣ, онъ присоединилъ программу своего концерта.

Концерты его я съ семьей и мои ближайшіе друзья Д. А. и Е. П. Озеровы очень любили, испытывая то рѣдкое счастье, которое доставляетъ истинно прекрасная музыка. Но въ эти первые годы моего вторичнаго сближенія съ Миліем Алексѣевичемъ, миѣ казалось, что ему не можетъ доставлять удовольствіе играть миѣ одной въ маленькомъ кругу моихъ близкихъ, и я, съ моими друзьями, мысленно отыскивала: кого можно было бы еще пригласить послушать игру Балакирева, кому доставило бы это искреннее наслажденіе?

Увы, какъ ни искали мы мысленно такихъ людей, — ихъ было не много. Помню, какъ разъ я пригласила на такой концертъ дорогую и знакомую миѣ съ моего дѣтства женщину изъ педагогического міра. Насталъ вечеръ, пріѣхали другіе приглашеніе, а она пѣть. Мы ждали ее до 9-ти часовъ (съ 8-ми). Смущенно просила я Милія Алексѣевича, который произносилъ свои гм-гм, повременить еще пять минутъ. еще... Минуты проходили за минутами, ее ждали, а она все не пріѣзжала.

Наконецъ концертъ начался и прошелъ безъ нея. А послѣ концерта Балакиревъ, со свойственнымъ ему серьезнымъ сарказмомъ, обратился ко миѣ, смущенной, недоумѣвашей, почему ея не было? — со словами:

— Вы думаете, что она, дѣйствительно, хотѣла быть? Ошибаетесь! Вмѣсто концерта она предпочла, конечно, извлечь у себя дома ко-орни-сты! Да! Да!. Вѣдь она математичка? Не такъ ли-съ? Ну вотъ-съ, она и извлекала корни...

... Въ другой разъ на концертъ Милія Алексѣевича я пригласила довольно много свѣтскихъ людей. Между ними была и милѣйшая А. Г. В-ва, вдова извѣстнаго меломана генерала В., знакомаго также и Балакирева. Шведка по происхожденію,

дама эта приняла православіе, „обожала“ память своего мужа и сама по себѣ принадлежала къ породѣ людей съ „артистическими наклонностями“. Она и немного пѣла, и немногого рисовала, и играла на фортепіано, и занималась мелодекламаціей, тогда только еще входившей въ моду. Послѣдней она очень интересовала знакомыхъ, такъ какъ мелодекламировала по-шведски, всегда что-нибудь крайне трагичное, переводила лишь вкратцѣ сюжетъ передъ началомъ по-французски, и сама блѣдила до зелени во время исполненія, переживая душой всѣ передаваемые ею ужасы скандинавскихъ мрачныхъ сагъ, легендъ, стихотвореній и пр.

Балакиревъ священнодѣйствовалъ на концертахъ и молчаливо требовалъ, чтобы священнодѣйствовали и всѣ присутствующіе. Никто изъ запоздавшихъ не впускался въ гостиную, никто не смѣлъ выйти изъ нея. Лакеи не смѣли открыть двери. Словомъ это былъ настоящій концертъ, не свѣтское увеселеніе, когда „вѣжалово“ разрѣщаются всѣмъ перешептываться, пересмѣживаться, заниматься *flirt'омъ* и пр. т. е. иными, Пушкинскими словами, переведенными на прозу, разрѣщаются „плевать на тотъ алтарь, гдѣ горитъ огонь и въ дѣтской рѣзвости колебать оракульский треножникъ“...

Этого плеванія и колебанія Балакиревъ не выносилъ, и всѣмъ приглашаемымъ на концерты это становилось на видъ.

Всѣ всегда, разумѣется, и вели себя крайне корректно, молодые, боясь даже двинуться.

Также корректно держала себя и М-те В., восторженная по природѣ, но по окончанію концерта, когда всѣ вставали, чтобы перейти пить чай,—она, раньше никогда не слыхавшая игру Милія Алексѣевича, вдругъ, громко обратилась ко мнѣ словами:

— Princesse, mais où demeure donc cet ange?

Окружавшіе пасть засмѣялись. Балакиревъ, стоявшій еще у рояля и бесѣдовавшій съ кѣмъ-то, поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня, а я, улыбаясь ему, повторила слова М-те В.

— Милій Алексѣевичъ. М-те В. спрашивавъ про васъ: гдѣ живеть этотъ ангель?

Въ первую секунду Балакиревъ, не разслышавъ слова: „про васъ“, не понялъ, о комъ шелъ вопросъ, но когда Е. А.*** и еще другіе сказали ему: — „про васъ, про васъ М-те В. это спрашиваваетъ“, — онъ даже весь вздрогнулъ, потомъ по лицу

его побѣжали какія-то свѣто-тѣни и, поднявъ отъ крышки рояля немнога руки, онъ произнесъ съ укоромъ:

— Ахъ, Бо-о-оже мой! — потомъ смущенно, открывая старческій, беззубый ротъ, засмѣялся.

Тѣмъ дѣло бы и кончилось, если бы М-те В., съ которой благодушно стала бесѣдовать Балакиревъ, узнавъ отъ него его адресъ и то, что онъ почти всегда живеть и жиль въ Петербургѣ и пр.. не обратилась къ нему съ вопросомъ: — знакомъ ли онъ съ „Crescendo Lassong'a“?

Въ одинъ мигъ все благодушное выраженіе исчезло съ лица Милія Алексѣевича, сбѣжало, какъ съ перьевъ вода.

(Вѣрно такъ посмотрѣлъ на говорившихъ соловей въ баснѣ Крылова).

— Нѣтъ-съ, не знакомъ! — отрѣзалъ онъ, и глаза его, встрѣтившіе мой взглядъ, метнули насмѣшилія искры, а М-те В., между тѣмъ, восторженно закатывая глаза, продолжала:

— Ахъ, неужели вы незнакомы? Вамъ слѣдовало бы его играть!.. Именно вамъ. Lassong... онъ умеръ въ чахоткѣ. Онъ только это Crescendo и написаль и... умеръ... Вотъ фрейлина О--ни тоже не знала Crescendo, но когда я сыграла ей его, она пришла въ такой восторгъ... въ такой!..

Балакиревъ давно издавалъ свои гм-гм, давно съ ехидно-язвительнымъ и вмѣстѣ наивнымъ видомъ, прищурившись, повторялъ: Лассонъ, Лассонъ! Никогда имени его не слыхалъ-съ,— и обводилъ присутствовавшихъ глазами, а я стояла и не знала, какъ прекратить совершенно излишнія изліянія нашей бѣдной свѣтской знакомой.

Долго потомъ, и въ этотъ вечеръ, когда всѣ разѣхались, и послѣ, приходя ко мнѣ, вспоминаль Балакиревъ обѣ этомъ разговорѣ и смѣшилъ меня, рассказывая, какъ Lassong написаль сначала Crescendo, а потомъ Diminuendo, послѣ котораго... и-да,— да, и умеръ!..

Послѣ концертовъ за чаемъ и легкимъ ужиномъ Милій Алексѣевичъ, зная, что людей надо занимать, чувствуя, что этого отъ него ждутъ, что иначе временами будетъ наступать молчаніе,— портишее вечеръ, какъ портятъ ткань не затканныя, голыя, съ просвѣчивающей основой мѣста, всегда переходиа на близко знакомую ему жизнь двухъ сановниковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже нашимъ другомъ, прохаживался на ихъ

счетъ, рассказывалъ безобидные анекдоты, острилъ и смѣшилъ всѣхъ.

Серіозно, т. е. на серіозныя, близкія его душѣ темы онъ въ эти вечера никогда не говорилъ. Помню, какъ разъ онъ насмѣшилъ всѣхъ до слезъ, рассказавъ о томъ, какъ какой-то французъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для изученія русской свѣтской жизни, чтобы написать потомъ романъ изъ этой жизни, обратился къ кому-то съ просьбой-вопросомъ:

— Скажите мнѣ, есть у русскихъ особья, національныя имена? — Есть. — Назовите, пожалуйста, какое-нибудь женское имя.

— Ну... Телятина.

— На слѣдующее утро новая глава была написана французомъ, изучающимъ русскую жизнь,—продолжалъ Балакиревъ:— и начиналась такъ; это про молодую дѣвушку, героиню: — „Télatine était seule dans sa chambre...“

Балакиревъ картиналъ, т. е. отъ рожденія производилъ рѣчь французы, и потому короткія французскія фразы (хорошо французскаго языка онъ не зналъ) выходили всегда у него съ чисто парижскимъ акцентомъ.

Забавно рассказывалъ онъ также про покойнаго петербургскаго митрополита Исидора.

Нѣкоторые анекдоты, впрочемъ, не представляется возможнымъ передать. Они касаются дѣятелей, живущихъ понынѣ; другіе же, такъ сказать, уже безобидны, такъ какъ затрагиваютъ лицъ „сраму не имущихъ“.

Изъ послѣдней категоріи уморителенъ былъ его разсказъ про покойную игуменью Новодѣвичьяго монастыря Валентину, пріѣхавшую по дѣлу утромъ къ Владыкѣ.

— Она вышивала-сь,—рассказывалъ серіозно Балакиревъ.— Вы не слыхали? Какъ же-сь. И вотъ пріѣзжаетъ она разъ къ Исидору. А ему уже донесли на нее. Н-да-да!.. Здоровается, дѣлаетъ метаніе, начинаетъ говорить. А Исидоръ ей...—(Балакиревъ мѣняетъ тонъ и голосъ на очень тонкій). — Ближе! Валентина дѣлаетъ шагъ впередъ и опять говоритъ, а онъ ей опять: (Голосъ Балакирева еще тоньше)—ближе! ближе!.. (Интонаціи Балакирева непередаваемы по юмору). Наконецъ Валентина совсѣмъ у кресла Владыки. — Ногнись... ногнись! — говорить старчески тихо Исидоръ на д... Іещ... Іещ... Не слышу... Къ уху ногнись... — Она какъ нагнулась... (Балакиревъ говоритъ своимъ собственнымъ голосомъ). Онъ потянулъ носомъ,

почувствовалъ запахъ водки и закачалъ головой. (Онѣтъ подражаніе жиенькому тенорку Исидора)—И это ты такъ съ утра!!..

Другой анекдотъ, который запомнился мнѣ и относился также къ тому же митрополиту, касался его и пріѣзжихъ откуда-то изъ провинціи монахинь. Онѣ пріѣхали къ митрополиту и вошли въ приемный залъ. Митрополитъ вышелъ къ нимъ, благословилъ ихъ, потомъ ихъ напоили чаемъ, накормили, затѣмъ владыка вторично вышелъ къ нимъ, сталъ разглядывать ихъ, разговаривать съ ними и вдругъ поднялъ руки и говорить: матери мои, гляжу я на васъ, да какая же вы все рожи!!..

Въ этихъ и подобныхъ разсказахъ, весело проходило время послѣ концерта, и все разѣзжались, смеясь и съ удовольствиемъ поминая остроуміе Милія Алексѣевича.

Впрочемъ, некоторые оставались и этимъ недовольны и говорили, что „предпочитаются“ игру Балакирева его всегда вызывавшимъ смѣхъ, но „злымъ“ рассказамъ!!

Письмо отъ 3-го мая было слѣдующее:

Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна.

Распоряженія касательно рояля сдѣланы. Онъ будетъ доставленъ къ Вамъ въ четвергъ. На обратѣ письма Вы увидите программу пѣсъ, которыми я намѣренъ Васъ угостить. Желательно, чтобы она была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ для Вашихъ гостей. Въ этомъ могли бы помочь Ваши милые дѣти, а можетъ быть и добрѣйшая Екатерина Петровна не откажется написать машинкой нѣсколько экземпляровъ.

И такъ до четверга.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

Liszt.	Nocturne № 1.
”	Consolation № 9.
”	Sonnetto di Petrarca № 1.
”	„Il Penseroso“ (написано подъ вдохновенiemъ статуи Микель-Анджело надъ гробницей Medici во Флоренціи).
”	Polonaise (C-moll).
Schumann.	Romance (Fis-dur).
”	Novelette № 3.
”	Vogel als Prophet.
”	Novelette № 2.

Chopin.   Mazurka (A-moll).
               "   Nocturne (Des-dur).

Балакиревъ. Фантазія на темы изъ оперы „Жизнь за Царя“.

...Надо сказать, что другъ мой, Екатерина Петровна Озерова, часто переписывала для редакцій мои литературныя работы и для того взяла взаймы у князя А. В. Б. маленьку печатную машинку Diamond. Про это и вспомнилъ теперь Милій Алексѣевичъ.

Не помню только, была ли переписана программа на машинкѣ или нѣтъ, но помню то неизгладимое впечатлѣніе, которое оставило его исполненіе „Il Penseroso“ („Задумавшійся“ рыцарь, одиноко смотрящій па входящія въ гробницу одно за другимъ поколѣнія людей).

Это было что-то непередаваемое по глубинѣ и философски-религіозному величію. Думы Il Penseroso о каждомъ поколѣніи въ звукахъ рождались, росли, крѣпли... Поколѣніе надѣялось, любило, строилось, укрѣплялось и вдругъ... умирало, уничтожалось, падало въ одинъ мигъ, сокрушеннымъ!.. И снова являлись новыя думы, новое поколѣніе, которое также росло, также переживало всю положенную ему эволюцію и также разрушалось безъ остатка, уступая мѣсто слѣдующимъ и слѣдующимъ думамъ и слѣдующимъ живущимъ., и все исчезало, рушилось.: оставалось одно: вопросъ... и вѣчность.

Это гениальное симфоническое произведение великаго симфониста Листа, я думаю, никогда еще не находило такого подходящаго для себя исполнителя, какъ Балакиревъ. Изъ-подъ пальцевъ его, какъ изваянныя на мраморномъ челѣ думы, выходили звуки, увеличивающіеся до громадъ, и затѣмъ сокращались, какъ гранитныя глыбы... Холодокъ точно морозильщики, и душа слушающихъ вмѣстѣ съ исполнителемъ переживала восторгъ...

Съ этого вечера „Il Penseroso“ стала одной изъ нашихъ самыхъ любимыхъ шесть, и Балакиревъ нѣсколько разъ въ годъ, пока былъ въ силахъ, исполнялъ ее.

Послѣ этого концерта въ началѣ мая онъ скоро перѣхалъ въ Гатчину, и оттуда, 20-го того же мѣсяца, я получила оригинальное и вмѣстѣ трогательное по своей какой-то милой наивности письмо. Привожу его почти цѣликомъ, такъ какъ, по-моему, оно освѣщаетъ ту сторону души Милія Алексѣевича, которая какъ бы говорить: *homo sum et humani nihil a me alienum puto.*

Гатчина. Новая улица 4. 20 мая 1900 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Давно собирался написать вамъ и спросить васъ о вашихъ дѣлахъ и о душевномъ вашемъ настроеніи. Объ этомъ трудно бесѣдоватъ письменно, но до нѣкоторой степени возможно.

Сегодня пишу къ вамъ подъ впечатлѣніемъ сна. — Этой ночью я видѣлъ во снѣ вашего отца, который былъ веселъ, доволенъ, улыбался и радовался тому, что разбогатѣлъ, при чёмъ я подумалъ: *надомо ли?*—Онъ мнѣ подарилъ что-то много денегъ, и я слышалъ внутри себя какой-то нехорошій голосъ, говорящій мнѣ: „не будь щепетиленъ и бери, коли даютъ. Тебѣ же деньги вѣдь очень нужны“.

Я дѣйствительно взялъ отъ него въ подарокъ деньги и такъ радовался обладанію значительной суммой, что едва повѣрилъ проснувшись, что это было *во снѣ*.

Я всегда замѣчалъ, что если во снѣ я получаю деньги, то на яву мнѣ приходилось очень расходоваться не по средствамъ и къ тому же совсѣмъ неожиданно. — Такъ и теперь я жду какой-нибудь непрѣятности денежной и неожиданной.

Во снѣ я такъ былъ тронутъ добрымъ ко мнѣ чувствомъ вашего отца, что не переставалъ его обнимать и *крестить*, при чёмъ я сталъ замѣчать, что лицо его какъ-то незамѣтно измѣнилось.

Сообщите о вашемъ здоровыѣ...

Буду ждать отъ васъ извѣстій.

Душевно вамъ преданный М. Балакиревъ“.

На это письмо я отвѣтила ему откровенно, и у насъ завязалась переписка, которую онъ называлъ полемикой, и которая представляетъ изъ себя не мало интереса, для выясненія его глубокой вѣры, но которая, въ настоящее время, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опубликована.

Виослѣдствіи, по поводу его письма о моемъ отцѣ, я нѣсколько разъ спрашивала его: не оправдалось ли его предчувствіе денежныхъ непрѣятностей? Но, къ счастью, оказалось,—нѣть, не оправдалось!

Въ этомъ же году я съ удивленіемъ узнала еще черту Милія Алексѣевича. Онъ, такъ тонко понимавшій все неосознаваемо высокое, прекрасное, если позволено будетъ такъ выражаться,—музыку, поэзію, религію, вѣру—онъ оставался совершенно чуждымъ тому, что принято называть эстетикой. Онъ не признавалъ красоты внѣшняго устройства жизни, оставался глухъ и слѣпъ къ ней.

Разъ онъ поразилъ меня въ разговорѣ, серіозно заявивъ, что не видить разницы между чудной, старинной работы, стоявшей тутъ же громадной бронзовой, лампой-вазой, и голубымъ рыночнымъ фонарикомъ (точнѣе лампой съ синимъ колпакомъ), висѣвшимъ у него въ гостиной.

На мое возраженіе: что этого не можетъ быть! (онъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной) онъ остановился передо мной и нѣсколько разъ серіозно, глядя мнѣ въ глаза, повторилъ:

— Не вижу-сь! Какая же въ этой лампѣ особая красота? Какая разница? Не вижу-сь... Не вижу разницы-сь... и этимъ навсегда прекратилъ у меня охоту доказывать ему что-нибудь, спорить съ нимъ о чемъ-нибудь, касающемся эстетики. Впрочемъ, совершенно не знаю, былъ ли онъ, до рѣзкости искренний и правдивый вообще,—искрененъ въ этомъ случаѣ или была это просто то, что французы называютъ иле *boutade*, камешекъ въ мой огородъ, такъ какъ я преклоняюсь до сихъ поръ и всю жизнь преклонялась передъ всѣмъ прекраснымъ въ мірѣ, т. е. даже передъ любыми красивыми предметами любого прикладного искусства.

Лѣто 1900 года мы проводили въ Гапсалѣ, но въ концѣ юля, вслѣдствіе кончины дорогого Александра Петровича Озера, отца Давида Александровича и нашего большого друга, спѣшно должны были вернуться въ Петербургъ, къ его похоронамъ. Послѣ похоронъ въ Гапсалѣ мы уже не вернулись, а осень снова провели въ Гатчинѣ, въ помѣщеніи, данномъ Е. П. и Д. А. Озеровымъ въ императорскомъ дворѣ.

Балакиревъ обрадовался нашему переѣзду въ его любимую Гатчину и по-прежнему сталъ бывать у насть.

Разъ какъ-то я, предупредивъ его письмомъ о моемъ посѣщеніи, зашла къ нему, но онъ спалъ и я, не вѣдѣвъ будить его, ушла. На слѣдующее утро я получила письмо:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Въ воскресенье посѣщеніе ваше было совсѣмъ неожиданнымъ для меня, и я очень сожалѣю, что вы не позволили меня разбудить. — Вечеромъ въ тотъ же день я заходилъ къ вамъ, чтобы сказать, что я никакого письма отъ васъ не получалъ. Изъ словъ вашихъ дѣтей я узналъ, что и вы не получали моего письма. Что бы это значило?!

На этой недѣлѣ у меня пятница, суббота и воскресенье не свободны. Остальные же дни я свободенъ, и отъ васъ зависитъ

выбрать удобный для васъ день нашего свиданія, которое можетъ произойти у васъ или у меня.

Я предпочелъ бы сдѣлать наше собраніе у меня, такъ какъ у меня имѣется недурной рояль, и я могъ бы угостить моихъ дорогихъ гостей музыкой.

Пишу вамъ *заказнымъ*, и потому надѣюсь, что это письмо не пропадетъ.

Душевно вамъ преданный

М. Балакиревъ¹.

23-го августа 1900 г.

Новая улица 4.

„Отвѣтъ вали отправьте *заказнымъ*, или пришлите съ нарочнымъ, чтобы онъ не прошелъ, подобно вашему письму“.

Когда мы свидѣлись съ нимъ, у насъ произошелъ слѣдующій комической разговоръ о почтовыхъ порядкахъ.

Милій Алексѣевичъ почему-то былъ увѣремъ, что особенно много теряется писемъ, опущенныхъ въ почтовые ящики, помѣщающіеся въ стѣнахъ дворцовъ.

Какъ ни разубѣждала я его въ противномъ,—онъ стоялъ на своемъ и банилъ наши почтовые порядки вообще.

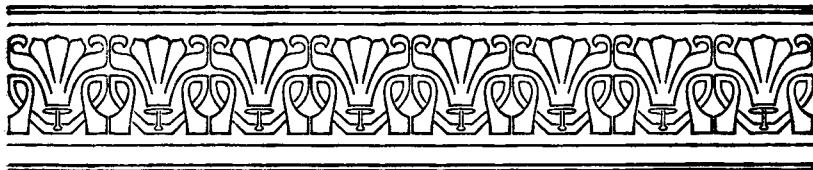
— Вы знаете ли-съ, что у насъ дѣлается?—по привычкѣ откашливаясь, говорилъ онъ.—Нѣть, не знаете-съ! Представьте себѣ, разъ мнѣ спѣшно нужно было послать телеграмму...

(Тутъ, для точности, я должна оговориться, что павѣрное не помню, въ Царское ли, въ Павловскъ, или въ Петергофѣ нужно ему было, по его словамъ, изъ Гатчины послать депешу).

— Пишу, — продолжалъ Балакиревъ, — отношу самъ и думаю,—телеграмма будетъ на мѣстѣ черезъ иѣсколько минутъ, а черезъ часъ или два придетъ ко мнѣ отвѣтъ. Спрашиваю на телеграфѣ: какъ скоро будетъ моя телеграмма доставлена адресату? Это, говорять, неизвѣстно. Мы ее сейчасъ отправимъ а когда она изъ Петербурга пойдетъ, этого мы сказать не можемъ.—Изъ Петербурга? Зачѣмъ же-съ вы ее отправите въ Петербургъ?..—спрашиваю. И что же-съ оказалось?.. Нда, да!.. Всѣ телеграммы изъ Гатчины-съ идутъ не прямымъ путемъ, а кружнымъ, черезъ главный столичный почтамтъ! Видите-съ!.. Гені-а-аальное-съ распоряженіе!.. — проговорилъ громко Милій Алексѣевичъ.—Я и говорю на телеграфѣ чиновникамъ: а что снята форма головы вашего почтъ-директора? Его черепъ измѣрить бы надо для вразумленія потомства. Нда... нда!..

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе следуетъ).

Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана.

Послѣ нѣкотораго размышенія я рѣшилъ поступить въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Тамъ занимались политикою, которая была мою всегдашнею слабостью.— Я буду знать пружины, по которымъ движется все, говорилъ я себѣ.— Первый приступъ былъ неудачный. Товарищъ министра Вестманъ поразилъ меня своимъ самодовольнымъ и своимъ высокомѣрнымъ видомъ. Онъ долго объяснялъ мнѣ, что все занято. Только благодаря Гамбургеру и Стремоухову я попалъ въ Азіатскій Департаментъ.— Незнаніе жизни и нѣкоторая замкнутость въ себѣ не понравилась сначала товарищамъ. Они сказали про меня *il se prend au sérieux*. Но это было только вначалѣ. Потомъ большинство меня полюбило, выгораживало передъ начальствомъ и восхваляло мои способности. Такими друзьями моими сдѣлались бар. Розенъ, бар. Стуартъ, Персіані, Шимановскій и проч. Были и чернорабочіе, которые не были приняты въ наше общество. Такимъ былъ Суровцевъ.— Несчастный умеръ въ чахоткѣ въ Швейцаріи.— Я сначала не ходилъ къ Стремоуховымъ, но потомъ сдѣлалъ ему визитъ.— Серъезнѣе всѣхъ понималъ свои обязанности самъ Стремоуховъ, весьма талантливая личность. Лицо у него было бритое (*à lame de couteau*), острое, какъ лезвіе ножа. Онъ былъ чрезвычайно ловокъ, вкрадчивъ и имѣлъ большое вліяніе на канцлера. Ко мнѣ онъ благоволилъ, и я остался ему за это очень благодаренъ, и не отказался отъ него тогда, когда онъ палъ. Онъ работалъ чрезвычайно легко, зналъ великодѣльно Востокъ. Ему поручалось самое важное въ министерствѣ. Главнымъ достоинствомъ его было то, что онъ былъ русскій въ полномъ смыслѣ

этого слова. Русские интересы стояли у него на первомъ планѣ, не такъ, какъ у нѣмцевъ министерства (Вестмана и друг.). Обращеніе его съ подчиненными было безукоризненное. Никогда не слышался начальническій тонъ; напротивъ, онъ былъ всегда вѣжливъ, любезенъ и если былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то онъ никогда не позволялъ себѣ ни одного обиднаго слова.

Изъ бумагъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ, я узналъ о разговорѣ Стремоухова съ Тьеромъ, а потомъ съ Бисмаркомъ. Послѣднее тѣмъ меня поразило, что Желѣзный Князь предлагалъ по-просту подѣлить Австрію. Отчего не согласились наши великие мужи, или они боялись, что Германія захватитъ себѣ львиную часть? — Кончилось тѣмъ, что Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Австріей противъ насъ. Стремоуховъ умѣлъ отличать способныхъ людей, но онъ не особенно приближалъ ихъ къ себѣ. Іонинъ, Стуартъ послѣ долгихъ жѣтъ получили выдающіеся посты. — Онъ выдвигалъ такихъ, которые придерживались пословицѣ: „кадиомъ рыла не разобьешь“. Такими были: Мельниковъ—бездарная и надутая личность. Правда, онъ работалъ какъ волъ. Находясь даже въ качествѣ вице-директора, онъ былъ на побѣгушкахъ у Стремоухова. А когда Стремоуховъ лишился своей власти вязать и рѣшать, онъ повернулъ ему спину и прильпилъ къ Жомини. — „Не смѣть свое сужденіе имѣть“ было Мельникова лозунгомъ; а когда онъ начиналъ говорить, то *мякалъ* (мя... мя) по выражению Стуарта.

Когда я поступилъ въ Азіатскій Департаментъ, то вице-директоромъ былъ баронъ Остенъ-Сакенъ, начальникомъ отдѣленія баронъ Дмитрій Федоровичъ Стуартъ и дѣлопроизводителемъ VIII к. или столонаачальникомъ былъ баронъ Романъ Романовичъ Розенъ... Экзаменъ дипломатическій не трудно было сдать. На первыхъ порахъ я поспорилъ съ своимъ начальствомъ, которое требовало, чтобы я писалъ Азіятскій съ я, а не съ а, какъ это принято въ литературѣ. Я сошелся и съ моимъ начальствомъ и съ товарищами. Барона Остенъ-Сакена многіе знаютъ по Географическому Обществу. — Онъ былъ тогда недоступенъ для насъ, молодежи. Прежде всего потому, что у вице-директора особый кабинетъ и туда пойдешь только по дѣлу. — Онъ зналъ очень хорошо покойнаго Гильфердинга. Баронъ Остенъ-Сакенъ представлялъ собою типъ основательнаго германца. Немного педантъ, но человѣкъ въ высшей степени порядочный, знающій свое дѣло и любящій Востокъ.

Его Стремоуховъ не долюбливаль и постарался сбыть его куда-нибудь. Онъ былъ переведенъ директоромъ внутреннихъ сношений, — хорошее назначение для специалиста по Востоку. Баронъ Дмитрій Федоровичъ Стуартъ былъ душою общества. Остроумный даже съ излишествомъ, потому что изъ-за красиваго словца не жалѣль ни матери, ни отца, онъ маленькими шажками перебѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, сыпалъ остротами. Онъ подсемѣвался рѣшительно надъ всѣми, но на него никто не обижался. Хотя онъ казался легкомысленнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ добросовѣстный работникъ, любящій свое дѣло. Онъ хвалился тѣмъ, что у него былъ священный огонь. Я близко сошелся съ нимъ и со всею его семьею, съ женой и съ двумя мальчиками, съ которыми я возился, игралъ. Съ Стуартомъ мы спорили напропалую и вели нескончаемые русскіе разговоры. Потомъ мы выпили на брудершафтъ и вообще, я считалъ его однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей. Въ то время, когда я его встрѣтилъ, онъ былъ не очень красивъ, обликъ британскій: бритое лицо съ баками, подслѣповать, въ очкахъ и съ лысиной во всю голову. — Его друзья иногда въ шутку цѣловали его лысину и вообще прохаживались на его счетъ. Больше всего ему доставалось отъ его товарища по Лицѣю Персіани, котораго мы окрестили Протестъ (вмѣсто Виктора) Ивановичъ. — Онъ всегда шумѣлъ, даже кричалъ, былъ вхожъ къ Стремоухову, который мирился съ его крикливой и протестующей манерой. Персіани былъ единственный человѣкъ съ характеромъ. — Онъ былъ крикунъ, это правда, но въ немъ было много благородныхъ чертъ.

Съ барономъ Розеномъ мы скоро сопились на ты, и онъ былъ скорѣе моимъ товарищемъ, чѣмъ моимъ начальникомъ. Онъ не былъ такой ретивый работникъ, какъ Стуартъ, не напрашивался на работу (какъ я дѣлалъ сначала по неопытности), но отъ дѣла не бѣгалъ и исполнялъ его очень хорошо. Онъ былъ свой у Стремоухова, какъ и его другъ Григорій Вилламовъ, недоучившійся гимназистъ, какъ о немъ выразился баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ департаментѣ былъ Bonich ne (Велецкій), mandarin Bros (Броссе). Всѣ эти клички были даны Стуартомъ. Я бывалъ у Стремоуховыхъ только съ визитомъ и довольно рѣдко. У Стремоуховыхъ, какъ мнѣ говорили, шла большая игра и мнѣ тамъ нечего было дѣлать... При немъ Азіатскій департаментъ сдѣлался осью нашей виѣшней политики. Онъ пользовался благосклонностью канцлера, который

прочилъ его въ товарищи министра... Я забыту немнога впередъ, чтобы познакомить съ Стремоуховымъ. Но дѣло не выгорѣло, и Петръ Николаевичъ Стремоуховъ подалъ въ отставку, когда на мѣсто товарища министра назначили Гирса. (Я поступилъ еще при Вестманѣ, который потомъ умеръ). Горчаковъ, хотя и выставлялъ кандидатуру Стремоухова, былъ доволенъ назначеніемъ Гирса, который женатъ былъ на племянницѣ канцлера княжнѣ Кантакузиной. Гирса назначили вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющимъ Азіатскимъ департаментомъ. Канцлеръ, котораго я никогда не видѣлъ (теперь не знаю почему), послѣ назначенія Гирса, какъ-то пригласилъ кого-то къ обѣду и сказалъ при этомъ: „у меня за обѣдомъ будетъ каша...“ Подаютъ супъ, а кashi никакой нѣтъ. Потомъ канцлеръ спрашиваетъ Гирса: ну, что, какъ дѣла... Гирсь, хватаясь за голову, говоритъ: „ахъ, у меня такая каша въ головѣ“. Канцлеръ только взглянулъ на гостя... Это было обычное изреченіе Гирса¹⁾, и онъ мнѣ говорилъ это не разъ... Пока отъ него ожидали богатыя милости, у него на приемахъ была толчая. У него были, конечно, враги, но ихъ не было видно. Но когда стало извѣстно, что онъ уѣзжаетъ въ свою деревню, то кругъ друзей его покрѣпѣлъ. Даже не нашлось людей, чтобы дать ему обѣдъ. И онъ, предвидя все это, скоропалительно собрался, и тѣмъ, которые хотѣли почтить уходившаго начальника, осталось только пригласить его на трапезу передъ самимъ уходомъ поѣзда, къ Палкину. Я не буду говорить, кто не былъ на этомъ обѣдѣ... Быть, конечно, Стuardъ, Персіани, только-что поступившій въ Азіатский департаментъ князь Сергій Шаховской (впослѣдствіи губернаторъ въ Балтійскомъ краѣ) и еще два-три человѣка... Обѣдъ былъ невеселый. Я никогда не забуду, какъ мадамъ Стремоухова, сидя за закусочнымъ столомъ, роняла крупные слезы въ свою тарелку. Петръ Николаевичъ держался бодро, но и онъ, произнося прощальный спичъ, прослезился. Онъ все думалъ, что фортуна улыбнется ему, но онъ такъ и остался въ своемъ чудномъ имѣніи (я его поѣхалъ потомъ) въ Курской губерніи.

¹⁾ Мнѣ пришлое ему не разъ докладывать о дѣлахъ. Такъ какъ Мельниковъ (вице-директоръ) и Базилевскій, начальникъ отдѣленія, они оба Александры Александровичи, то Гирсь спросилъ меня: и вы, можетъ быть, тоже Александръ Александровичъ; ну слава Богу — вы Григорій Александровичъ.

Въ то время я взялъ роскошный номеръ въ гостиницѣ „Демутъ“. Жилое мнѣ въ Петербургѣ очень весело. Я тогда говорилъ про себя В. Е. (jeppe, beau, riche и слѣдовало прибавить „stupide“). Въ тѣ времена Патти, Лукка, Нильсонъ производили по очереди фуроръ. Патти я встрѣчалъ въ обществѣ у Лидіи Михайловны Жербиной, которая давала балы, вечера. Я очень любилъ бывать у брата ея Саввы Михайловича Яковлева и у жены его Зои Юрьевны, которая потомъ написала нѣсколько повѣстей и даже пьесу. Насъ шуткой называли „наши посѣтители“... Она читала свои романы, я свои... Бывалъ также у сенатора Сергея Ивановича Заруднаго, очень интереснаго человѣка, автора книги о Беккарі. У него была многочисленная семья. Жена его Зоя Александровна постоянно скорилась съ мужемъ, и семейные сцены происходили даже при чужихъ. Зарудный, несмотря на это, не любилъ заискивать въ людяхъ. Когда Побѣдоносцевъ, съ которымъ онъ былъ хорошо прежде знакомъ, оказался въ силѣ, онъ не навязывался къ нему и даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, а Зоя Александровна, напротивъ, искала укрѣпить такого рода связи, и отъ этого происходили стычки между мужемъ и женой.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ департаментѣ Стуартъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: я слышу, что ты ужасно интересуешься славянствомъ. Хочешь поѣхать секретаремъ консульства въ Сараево?.. Я сказалъ, что я поѣду съ удовольствиемъ. Многие не понимали, какъ человѣкъ обезпеченный ёдетъ въ такую глушь. „Да тамъ сопьешься“, говорили мнѣ. Я уже ожидалъ своего назначенія, какъ меня позвали въ кабинетъ Стремоухова...—Я слышу, сказалъ онъ, что вы хотитеѣхать за границу, въ славянскія земли. Есть ли у васъ средства? Я сказалъ, что да и очень достаточные.—Въ такомъ случаѣ, вотъ что — Ладыженскій, секретарь генерального консульства въ Будапештѣ, жалуется, что онъ не можетъ жить тамъ за недостаткомъ средствъ. Хотитеѣхать туда?.. И тамъ вы познакомитесь съ славянствомъ, во всякомъ случаѣ, это большой городъ, а не какая-нибудь глушь. Я, конечно, согласился и былъ вскорѣ назначенъ въ Будапештъ, а Ладыженскаго перевели въ Бѣлградъ.

Стуартъ озлился на это назначеніе. Розенъ отговаривалъ меняѣхать, находя, что я сдѣлаю лучшую карьеру въ Петербургѣ.—И что вы тамъ потеряли? Онъ меня, действительно, любилъ и желалъ мнѣ добра.

Въ Будапештъ я попалъ еще неопытнымъ дипломатомъ. Я былъ слишкомъ молодъ; наличность материальныхъ средствъ дала мнѣ слишкомъ большую независимость. У молодыхъ людей, попадающихъ на такие отвѣтственные посты, невольно зажужжится голова.

Подумайте только: въ Петербургѣ я только по наслышкѣ зналъ, что существуютъ государственные люди, и если съ ними встречался, то они меня, какъ молодого человѣка, не удоставили своими разговорами... Въ Пештѣ же, благодаря известнымъ обстоятельствамъ, я сразу очутился лицомъ къ лицу не только съ видными лицами Пештскаго общества, но и съ самимъ Андради и другими министрами.

Первое мое знакомство въ Вѣнѣ—посланникъ нашъ Новиковъ. Я говорилъ ему о сочувствіи къ славянамъ, но это его, какъ мнѣ показалось, очень мало тронуло. Онъ мнѣ сказалъ, что Блюмеру (генеральному консулу въ Пештѣ) жизнь тамъ не нравится. Трудно сойтись тамъ съ мадьярами. Они считаютъ его ни во что.

Вообще, мнѣ показалось, что Новикову все равно, существуетъ ли славяне въ Австріи, а скорѣе онъ думалъ о томъ, какое содержаніе получить онъ изъ министерства. Въ головѣ его сидѣла мысль сдѣлаться посломъ и получить 14 т. добавочнаго содержанія... Славяне къ нему относились враждебно, потому-то онъ не только не принималъ ихъ, но и не хотѣлъ видѣться съ оппозиціонными депутатами, какъ, напримѣръ, съ гр. Гогенвартомъ¹⁾). То же говорили и о Блюмерѣ. — Блюмеръ очень хорошій, кажется, семьянинъ, джентльменъ, но Россіи не видѣлъ уже 15 лѣтъ и потому судить ее такъ, какъ иностранцы... Педантъ, большой руки. Славянинъ онъ просто не знаетъ. Напримѣръ, онъ не зналъ, что сербы и хорваты одинъ народъ, толковалъ о томъ, что хорошо бы было ввести латинскій шрифтъ въ Россіи. Кажется, онъ былъ прежде секретаремъ въ Дрезденѣ, и въ Дрезденѣ осталась жить его семья (впрочемъ изъ видовъ экономіи). Онъ жилъ въ Пештѣ поневолѣ въ гостиницѣ и только и думалъ, какъ бы уѣхать въ Дрезденъ. Когда я приѣхалъ, онъ познакомилъ меня съ руководителемъ венгерской политики, записалъ въ клубы и уѣхалъ въ Дрезденъ. Мнѣ это очень не понравилось. Не боги горшки обжигаютъ, сказалъ я. Я зналъ, что Блюмеръ, когда писалъ

¹⁾ Теперь я нахожу, что Новиковъ былъ совершенно правъ..

донесенія, то материаъ извлекалъ изъ мѣстныхъ газетъ. Я сразу сталъ управляющимъ генерального консульства, сносился съ венгерскими властями, знакомился и съ золотою молодежью, тратилъ свободно деньги и былъ всюду принятъ. Со мною бѣдовали сѣдовласые старцы, такія личности, какъ лордъ Лофтусъ (англійскій посолъ), вскакивалъ съ мѣста и привѣтствовалъ меня. Все это лъстило моему тщеславію и самолюбію, и я вообразилъ себя персоною.

На первыхъ порахъ мнѣ повезло, и я очень хорошо спрavлялся съ своей обязанностью. (Конечно, эти „частные отпуски“ Блюмера были неизвѣстны въ Петербургѣ). Какъ-то я прочиталъ въ газетѣ, что Великая Княгиня Александра Іосифовна приѣзжаетъ въ тотъ же день въ Пештъ и на пароходѣ побѣдетъ по Дунаю. Я бѣгу къ Блюмеру узнать, что нужно дѣлать.—Блюмеру очень не хотѣлось отложить своей поѣздки, и онъ сказалъ мнѣ: „Вамъ нужноѣхать на пароходѣ представиться Великой Княгинѣ. Она, вѣроятно, васъ не приметъ... Ну и все“... Я такъ и сдѣлалъ. Великая Княгиня очень мило приняла меня и, узнавъ въ разговорѣ, что у меня дача въ Крыму, очень заинтересовалась этимъ обстоятельствомъ, спрavлялась, гдѣ дача и т. д. Послѣ довольно продолжительного разговора, она подала свою руку, которую я поцѣловалъ и потомъ я ушелъ... На пароходѣ я сталъ искать, чтобы проститься, церемоніймейстера барона Рамзая, но въ это время кто-то тоже искалъ его. Я слышалъ слова: „Великая Княгиня требуетъ барона Рамзая“. Послѣдній, не обращая на меня никакого вниманія, побѣжалъ къ Великой Княгинѣ. Но онъ сейчасъ же вернулся и передалъ мнѣ приглашеніе Великой Княгини приѣхать вечеромъ пить чай... Вечеръ былъ чудесный, и Великая Княгиня съ другими дамами пила чай на палубѣ. Великая Княгиня была въ духѣ, рассказывала очень много о своей дочери Королевѣ Греческой, иногда разспрашивала меня про Пештъ и т. д. Вообще разговоръ былъ оживленный, говорили о литературѣ, однимъ словомъ, затрагивались разные предметы. Затѣмъ, когда я уже стала прощаться, то Великая Княгиня пожелала мнѣ много успѣха въ моей карьерѣ и т. д.

И съ мадьярами мнѣ сначала повезло, если вспомнить, какъ они обращались съ иностранными консулами и даже съ моимъ начальникомъ Блюмеромъ. Нѣкоторые по цѣлымъ недѣлямъ сидѣли съ нимъ рядомъ и не думали о томъ, что имъ нужно представиться ему.

Я познакомился съ молодежью и былъ представленъ министру графу Андраши, Бала Венкхеймъ. Самъ Блюмеръ, вернувшись изъ Дрездена, изумился моимъ успѣхамъ въ венгерскомъ обществѣ. Разсчитывая каждую копейку и живя на два дома, онъ, конечно, не тратилъ такъ много, какъ его секретарь. Увидѣвъ, что дѣло не страдаетъ, что я пишу донесенія, даже одобряемыя въ Петербургѣ, онъ опять укатилъ въ Дрезденъ.

Изъ мадьяръ мнѣ больше всего пришлось разсуждать съ гр. Чаки (Czaky). Это былъ спокойный мадьяръ, аристократъ, говорящій по - яѣмецки безъ шовинизма и очень начитанный. Старого гр. Пальфа мадьяры не любили за отступничество отъ мадьяризма, считали австрійцемъ. Типъ старого аристократа, утонченность, любезность обращенія, говорилъ замѣчательно хорошо по-французски и скептически относился къ новымъ порядкамъ... Быть также въ это время Батіани, красивый брюнетъ, молодецъ собою, любитель скачекъ, но относительно умственнаго пеинного слабъ. Вообще молодежь отличалась невѣжествомъ (не то, что старики). Они, послѣдніе, представляли собою аристократію въ полномъ смыслѣ слова на представленіяхъ при дворѣ, на охотахъ, въ которыхъ принимали участіе король и королева.

Въ толпѣ этихъ блестящихъ, красивыхъ и здоровенныхъ рыцарей какъ-то смиренно выглядывалъ король въ своеемъ штатскомъ платьѣ, или когда они являлись ко двору въ своихъ атитла (накидка) и небрежно походкою проходили залы дворца, считая себя какъ дома. Въ нихъ заискивали вѣнскій дворъ, и они это очень хорошо понимали. Прежде всего Андраши, который былъ приговоренъ къ смертной казни послѣ венгерской революціи, былъ теперь имперскимъ канцлеромъ и persona gratissima.

То и дѣло Императорская семья была въ Геделле (Венгрія). Я самъ видѣлъ императрицу на охотѣ, венгерскіе молодые люди держались тогда, по моему мнѣнію, слишкомъ свободно съ своей королевой (въ Шештѣ она была венгерская королева), но такъ было принято въ Вѣнѣ. Въ Гофбургѣ царилъ строгий этикетъ, а въ Венгріи—свобода. Хотя въ Пештѣ были только генеральныя консулы, но венгерцы, желавшіе всячески имѣть свой особый дипломатическій корпусъ, старались повысить значеніе консуловъ, за которыми признавали дипломатическій характеръ. Всякий магнатъ могъ явиться ко двору, для этого ему не нужно было камеръ-юнкерскаго или камергерскаго званія. Король былъ

первымъ среди равныхъ. Они титуловали его *королевскимъ величествомъ*. Передо мною была аристократія, но въ этомъ сословіи уже вывѣтились хорошія основы. Всѣ они, даже графъ Эстергази были въ долгу, какъ въ шелку. Занятія—охота или *steeplechase*, или карты. Оттого дѣла страны переходятъ въ руки „новыхъ людей“, которые изъ евреевъ превращаются въ самыхъ ярыхъ мадьяръ и вносятъ въ эту мертвеннную, разлагающуюся среду свою энергию, свою пронырливость, свой талантъ. Я познакомился съ цѣлымъ выводкомъ гр. Зичи; говорятъ, что первоначальное происхожденіе ихъ было еврейское. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ типъ сохранился. Одинъ изъ приближенныхъ министра Зичи, тоже чистокровный еврей, ее ipso ярый мадьяръ и руссофобъ. — Больше всего мнѣ понравился отецъ министра гр. Зичи (теперь посолъ въ Константинополѣ). — Онъ съ удовольствіемъ заговорилъ о Россіи, о Паскевичѣ. Его тоже не любятъ, потому что съ другими мадьярскими magnatами въ 1849 г. бѣзиль предлагать королевство Венгерское великому князю Константину Николаевичу. Его обходятъ, но онъ за то сердится на мадьяроманство, говорить, что въ странѣ не свобода, а распущенность, что ничего изъ этого путнаго не выйдетъ. — Со мною онъ былъ замѣчательно утонченно вѣжливъ.

Видѣль я и принца *Ганноверскаю* (тогда лишенного владѣній), котораго титуловали королевскимъ высочествомъ. — Мадьяры ненавидятъ пруссаковъ и вообще нѣмцевъ, но настѣ они считаютъ опаснѣе, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ. Вездѣ они видятъ интриги русскихъ соглядатаевъ. Каждый вопросъ, сдѣланный изъ любознательности, они считаютъ за подсматриванье съ предосудительною цѣлью.

Одинъ изъ младшихъ Зичи высказалъ мнѣ¹⁾, что теперь Бисмаркъ будетъ Россіи препятствовать и не позволить ей занять Венгрию и возбуждать панславизмъ... — Тоже сказалъ онъ мнѣ: „Мы не боимся словаковъ — но съ сербами нужна кровавая бата (wir müsssen ein Blutbad haben). Другая же сторона, т.-е. старики и даже молодой Чаки говорили, что при австрійцахъ было больше порядка, что теперь подкупы и общественная безнравственность дошли до колоссальныхъ размѣровъ.

Главный интересъ сосредоточивается въ этомъ собранії (т. е. въ Казино) на гр. Апдраши. — Мой учитель фехтованія

¹⁾ Въ то время у настѣ продвѣталъ союзъ трехъ императоровъ.

(онъ училъ его также ральше) говорилъ про него „Er ist ein halber Slovack“. Дѣйствительно, семейство Андраши де Красногорке, вѣроятно славянскаго происхожденія. Андраши, имѣя русское помѣстье Требимевъ (Terebes), самъ говоритъ по-русски.—Онъ также искалъ спасенія въ Россіи отъ захватывающаго влиянія Германіи и ухватился съ жаромъ за побѣзду въ Петербургъ.—Изъ разговора, который онъ имѣлъ со Стремоуховымъ (я самъ читалъ эту записку), онъ не хотѣлъ усиленія славянскихъ элементовъ въ Венгріи и даже захватъ славянской территоріи не прельщалъ этого государственного человѣка. Онъ очень ловко обошелъ Стремоухова и другихъ, которыхъ наговорилъ массу комплиментовъ.—Онъ очень хорошо понялъ, что у Австро-Венгріи руки связаны, когда другіе мадьяры требовали войны за Францію въ 1870 г. Его нѣсколько цыганское лицо кажется полное страсти; но при этомъ спокойный сосредоточенный взглядъ. По всему его наружному виду (черные глаза, курчавые черные волосы, характерные черты лица) можно предположить страсть движений, жеста. Напротивъ, онъ говоритъ медленно, спокойно, не повышая тона, не перемѣняя наклона головы, какъ бы всматривается въ своего собесѣдника. Я часто видѣлъ такія лица у нашихъ хохловъ... Да, этотъ полу-мадьяръ, также какъ и Кошутъ (словакъ) много дали мадьяризму. Много въ Австріи славянъ, перемѣнившихъ свою національность и оказавшихъ неоцѣненную услугу мадьярскому государству. Безъ этихъ славянскихъ людей въ мадьярскомъ платьѣ давно бы погибло все царство. Мы кажется имъ страшне, умнѣе, предусмотрительнѣе, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ существуетъ. Гдѣ наши агенты? Имѣемъ ли мы сношенія съ славянами? Ведемъ ли мы интригу противъ мадьяризма? Скажу, нѣть и нѣть. Ни агентовъ, ни охоты у насъ нѣть. А нѣмцы (т. е. пруссаки) давно вошли въ сношенія со всѣми силами страны. Ихъ не терпятъ; но у нихъ есть друзья. А мы и дружбою не можемъ и не умѣемъ воспользоваться. У каждого славянина болитъ сердце, когда онъ видитъ равнодушіе русскихъ.

Одно мнѣ правится въ мадьярахъ, — это безграничный патріотизмъ, инстинктъ, который чуетъ въ Россіи Немезиду. Извѣстная прямота, искренность въ томъ, что они любятъ и что ненавидятъ. Они любить англичанъ и терпѣть не могутъ настѣ и нѣмцевъ, и они это высказываютъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Это съ извѣстной стороны рыцарская черта.

Какъ я сказалъ раньше, я поставилъ себя хорошо. Но все испортило славянство. Мадьяры, даже жуириующая золотая молодежь очень скоро расчухала (извините за привѣтственное выражение), что я не спроста всѣмъ интересуюсь, даже учусь венгерскому языку. Надо сказать, что въ Пештѣ и Австріи шпіонство доведено до совершенства — за мной слѣдили и потомъ говорили, съ какимъ это славяниномъ вы говорили... куда вы ходили вечеромъ вчера и т. д.

Какъ я ни прятался отъ нихъ, но мои сношения съ славянами стали извѣстны. И это привело къ враждебнымъ отношеніямъ.

Будь я, какъ князь Святополкъ-Четвертинскій, лихой наездникъ, охотникъ, конькобѣжецъ, не прочь выпить, несмѣтно богатый и притомъ щеголяющій своимъ пренебреженіемъ къ Россіи, — я бы могъ еще продержаться. Но для меня и тогда выше всего была книга, а жизнь была на второмъ планѣ, и какъ-то сразу почувствовать перемѣну температуры... Во мнѣ узнали скрытаго панслависта. Можетъ быть и донесенія попали кое-кому въ руки, а въ донесеніи я писалъ о борьбѣ славянъ съ мадьяризмомъ... Вышла глупая исторія. Войдя какъ-то въ клубъ, я спросилъ графа Сапари о чёмъ-то, онъ едва отвѣтилъ мнѣ и я, обидѣвшись, вызвалъ его на дуэль. Моими секундантами должны были быть венгерцы же — графъ Чаки и Сентъ Кирали (если мнѣ не измѣнила память). Поводъ былъ, конечно, пустячный, и венгерцы старались уладить дѣло. Я бралъ урокъ венгерского языка (дуэль была назначена на слѣдующій день), и вдругъ ко мнѣ входятъ мои секунданты и секунданты графа Сапари. Секунданты признавали, что нѣть даже причины для настоящей дуэли, хотѣли помирить насъ. Я былъ не прочь мириться, но требовалъ извиненія со стороны гр. Сапари или, по крайней мѣрѣ, объясненія. Секунданты удалились и достигли цѣли. Мы сошлись въ клубѣ, и графъ Сапари въ присутствіи свидѣтелей высказалъ, что если онъ не обратилъ должнаго вниманія на мои слова, то эта небрежность была безъ всякаго намѣренія меня оскорбить. Наши руки соединили, а потомъ даже мы выпили...

Но эта исторія имѣла громадныя послѣдствія. Я прослылъ бреттеромъ, благо и въ Петербургѣ у меня тоже чуть не разыгралась дуэль, а также и въ Крыму. Стуартъ потомъ говорилъ: я боюсь сказать: Де-Волланъ меня вызоветъ на дуэль... Татищевъ рассказывалъ про меня въ департаментѣ, что я высказалъ претензію, отчего Андраши не говорить по-русски.

Это, конечно, была остроумная выдумка на мой счетъ. Моя коллеги¹⁾ неоднократно обижались, что мадьяры, молодое поколѣніе, при иностранцахъ говорили всегда по-мадьярски, и это, конечно, не совсѣмъ вѣжливо. Старое поколѣніе мадьяръ говорили, по крайней мѣрѣ, по-нѣмецки и, кажется, охотнѣе говорили по-нѣмецки, чѣмъ по-мадьярски. Можетъ быть и меня коробило это невниманіе мадьяръ, но, какъ я говорилъ, въ начальѣ они были очень внимательны и любезны. И я учился по-мадьярски и навѣрное выучился бы этому языку, если бы оставался дольше въ Венгріи. Интересно то, что гр. Андраши де-Красногорка владѣлъ имѣніями въ Угорской Руси и, конечно, зналъ по-русски (Ruthenish). Долженъ прибавить здѣсь, что всѣ эти магнаты знали мѣстный языкъ и меня тогда увѣряли, что я навѣрно не пойму рутеновъ, такъ какъ это не русскій языкъ...

Прошло иѣкоторое время послѣ исторіи съ Сапари, и я пошелъ въ клубъ. Мы тамъ обѣдали, завтракали, проводили почти цѣлый день. И вдругъ я узнаю, что меня забаллотировали. Я былъ очень изумленъ, такъ какъ думалъ, что мое избрание въ клубъ состоялось (я платилъ деньги).—Переполохъ вышелъ ужасный среди консульского корпуса... Пошли переговоры. Думали сначала, что они всѣ выйдутъ изъ клуба, но потомъ всѣ остались—и что страшнѣе всего, остался Блюмеръ. Я не придавалъ этому значенія.—Встрѣчаясь со своими клубными знакомыми, я пристально смотрѣлъ на нихъ и кланялся имъ, и онъ всегда отвѣчалъ на поклонъ.

Скажу теперь о другомъ кружкѣ—это загнанные, забитые славяне... Дѣйствительно, я былъ славянофиломъ уже въ Петербургѣ, но я не зналъ славянъ, а узнавши ихъ, я перестрадалъ съ ними ихъ страданія, возненавидѣлъ ихъ поработителей.

Ихъ держать въ черномъ тѣлѣ. Самый интеллигентный изъ нихъ, если онъ остается славяниномъ, не найдетъ доступа въ кружокъ джентльменовъ. Мадьяры говорятъ: словакъ не человѣкъ, говорять они (Iolh nem embes). Пережилъ съ Рубиемъ, Ханатоли, съ разными студентами, техниками, медиками всѣ тяжелые моменты ихъ политического рабства. Они входили ко мнѣ, точно дѣлали что-то запретное и, прійдя ко мнѣ, говорили отъ полноты наболѣвшей души. Выходя съ русской книгой

¹⁾ Моими неразлучными пріятелями были тогда французъ Грамотъ и итальянецъ Венанси (тоже секретари), и я тогда шутя говорилъ, что важна лишь политическая система—союзъ Россіи, Франціи и Италии.

онъ бережно заворачивалъ ее или пряталъ, боясь непріятностей отъ своихъ же товарищей.

Если между ними являлись энергичные характеры ¹⁾, то ихъ старались сломить или даже просто уничтожить (попытка убить Добрянского). Сербы въ Пештѣ не стѣснялись высказывать громко свои мнѣнія передъ мадьярами, но это совѣтъ особенный народъ. Они присыпали мнѣ билеты на свои музыкальные вечера, на которыхъ я не могъ быть, потому что возбудилъ бы цѣлую бурю въ пештскомъ обществѣ. Интересно, что мадьяры называютъ то наскокомое русскимъ, которое у насъ приносятъ изъ кухни (у насъ называютъ прусаками). Очень часто слышали по улицѣ Russ и они за ними гоняются. Продраться къ нимъ нельзя, потому что скажутъ что-нибудь иошлое въ оправданіе. Также браяются они: ахъ, ты словацъ, ахъ, ты Рацъ (т. е. сербъ).—А умственный горизонтъ этихъ повелителей Венгрии не высокъ. Что же грѣха таить, я старался вести пропаганду на свой собственный страхъ, зная очень хорошо, что если меня обвинять въ министерствѣ, я всегда могу подать въ отставку,—а дѣло все-таки сдѣлано.

Я поддерживалъ на собственныея средства журналъ Карпатъ, выходящій въ Угорской Руси, журналы словацкіе, посыпалъ деньги въ Славянскую матицу, выписывалъ цѣлую массу книгъ и раздаривалъ ихъ славянеckимъ и русскимъ студентамъ. Потомъ снабдилъ Мукочевскую и Ужгородскую библіотеку новыми книгами, которыя читались тайкомъ. Задумалъ я составить сборникъ объ Угорской Руси, собирая угорскія русскія пѣсни, составилъ этнографическую карту Венгрии и т. д. Но собирать эти вещи сущее наказаніе. Всѣ боялись даже работать для васъ и потому для каждого заказа надо искать оказіи вѣрнаго человѣка. Ну и не взлюбили меня господа мадьяры... Славяне сѣтовали на равнодушіе Россіи, на то, что Россія уже въ 1849 г. не овладѣла Венгрией, когда всѣ съ энтузіазмомъ принимали русское воинство. Мечта славянъ была увидѣть государство, где бы свободно раздавалась славянская рѣчъ, где пѣли, играли бы на этомъ языке, где не только мужики, но и образованные говорятъ по-русски.—Вечера проходили въ разговорахъ о Россіи, потомъ они рассказывали мнѣ о своихъ дѣлахъ. Всѣхъ писателей славянофиловъ они знали очень хорошо.—Пріѣхалъ въ

¹⁾ Словакъ патерь въ Вышеградѣ, когда мы посѣтили его съ Бусловичемъ, поднялъ русскій флагъ.

Пештъ проф. Будиловичъ. Онъ посѣтилъ всѣ общественные собранія славянъ, посѣтилъ и Фенелци, Вамбери, Гунфальви. Конечно, они его приняли за соглядатая и даже высказали ему это. Ламанскій былъ заарестованъ и никто не вступился за него. Больше всего я смѣялся, когда узналъ, что бар. Остенъ-Сакенъ тоже арестованъ. Что же, вы думаете, кто-нибудь за нихъ заступился.—Это не въ нашихъ правилахъ.—Я пророчилъ Будиловичу, который приходилъ ко мнѣ заниматься полемикою, ту же участъ. Онъѣхалъ въ Загребъ. Туда я послалъ тоже книги и даже музыкальныя и драматическія произведенія въ Хорватскій театръ. Жизнь русскаго не могла быть особенно пріятна въ Пештѣ. Ему нужно было отказаться отъ самого себя, чтобы потрафить мадьярамъ, и тогда они не довѣрились бы ему вполнѣ.—Потому яѣхалъ прожить въ странѣ настолько, насколько нужно будетъ для изученія края. Для изученія края надо было видѣть, познакомиться съ администрациєю, съ депутатами, съ мадьярскимъ народомъ, а затѣмъ побѣхать въ окраины страны.

Деморализація страны дошла, говорилъ я, до колосальныхъ размѣровъ.—Депутаты, затрачивая на избрание свое до 20.000 гульденовъ, старались наверстать это, прѣхавъ въ столицу и получая директорскія мѣста въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Желѣзныя дороги строились просто въ угоду многимъ высокимъ лицамъ, напр. Требишевъ находится въ треугольникѣ желѣзныхъ дорогъ. Потому онѣ не даютъ почти никакого дивиденда.—Помощникъ министра Зичи удивлялся, что у насъ есть дороги (какъ Моск.-Рязанс.), которые даютъ 25%.—Этого у насъ нѣтъ, замѣтилъ онъ. Если посмотрѣть на карту, то увидите зигзаги (т. е. подчинено разнымъ соображеніямъ), не говоря о безумной расточительности для украшенія Пешта и острова Маргариты. Мадьяры, несмотря на свой патріотизмъ, это признавали и на это жаловались. Потомъ прошелъ законъ, который не позволялъ депутатамъ занимать должности въ акціонерныхъ обществахъ. Лучше всего я сошелся съ русско-мадьярскими кружкомъ.—Нѣсколько ученыхъ въ Венгрии, не увлекаясь шовинизмомъ, посвятили свое время на изученіе русскаго языка. Мотивы къ этому были изученіе средне-азіатскихъ странъ, въ которыхъ мадьяры ищутъ своихъ родичей. Другие же стали разыскивать мадьяризмъ въ vogulaхъ, остякахъ и получили чрезвычайно интересные результаты. На этомъ поприщѣ въ Россіи сдѣлали чрезвычайно много, и это заставило людей подобно Буденцу, Сентъ-Кирали, и. т. д. изучать русскій языкъ.

Когда эти господа со мной познакомились, я сталъ знакомить ихъ съ нашею литературою и нашими научными изслѣдованіями. Сентъ-Кираги такъ восхитился Гоголемъ, что перевелъ его „Ревизора“ на мадьярскій языкъ. Черезъ годъ онъ былъ поставленъ на мадьярской сценѣ. Онъ воехицался „Войною и Миръ“ Толстого. Съ Буденцемъ мы дѣлали экскурсіи въ области археологіи, сравнительного языкоznанія. Онъ знакомилъ меня съ послѣдними результатами своихъ изслѣдованій въ области угро-финскихъ языковъ... Такъ проводили мы цѣлые вечера, вмѣстѣ, находя тожество точекъ соцркоосновенія, и доказывали, что для людей, любящихъ истину выше всего, злобы дня не существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ взаимно понимать другъ друга.—Нельзя привести все то, что мы переговорили въ это время, но эти господа встрѣчались у меня съ славянами, съ русскими и кажется полюбили Россію. Сентъ-Кираги даже хотѣлъ ее посѣтить... ¹⁾

Въ это время сестра, проѣздомъ изъ Италіи, захотѣла проѣхать въ Пештъ. Мы съ ней, съ Вильгельминой Егоровной и Анной Ивановной Кенигъ поѣхали вмѣстѣ внизъ по Дунаю до Бараши. Тамъ пути наши раздѣлились. Я рѣшился посѣтить Новый Садъ, Карловцы, часть Славоніи и Бѣлградъ.—Мы, дѣйствительно, ужасно мало знаемъ нашихъ родичей. Напр., я былъ въ Италіи 3 раза, зналъ Германію великолѣпно, воспитывался въ Германіи и потомъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, въ Лейпцигѣ, былъ во Франціи, Голландіи, Бельгіи, въ Греціи, Константинополь, и вотъ моя первая поїздка въ Славянскія земли.—Конечно, я приготовился слушать, изучать (конечно бѣгло, потому что времени у меня было мало). Какъ только узнали, что я русскій и даже секретарь генерального консула, то все вниманіе было устремлено на меня. Я попалъ въ Новый Садъ въ то время, какъ избирали сербскаго патріарха. Въ Новомъ Саду я познакомился съ Костичемъ (депутатомъ сербскимъ въ Пештѣ), который поразилъ меня хорошимъ знаніемъ русскаго языка. Затѣмъ былъ у Милетича, который негодовалъ на русскихъ за ихъ равнодушіе къ сербскому дѣлу. Миѣ приходилось говорить имъ, что Россія не можетъ зря броситься въ борьбу за славянъ, что, ногибая, она скомпрометируетъ и славянское дѣло.—Былъ въ Матицѣ (литературное общество) и тамъ нашелъ русскія книги, но только 30-хъ и 40-хъ годовъ. Новыхъ сочиненій они не знали. Надо сознаться, что мы весьма мало знакомили на-

¹⁾ У меня много писемъ отъ Буденца, написанныхъ по-русски...

шихъ братьевъ съ тѣмъ, что у насъ дѣлается. Поневолѣ они обращаются за образованіемъ въ Германію. Русскихъ книгъ вы не найдете нигдѣ за границею (кромѣ запрещенныхъ), и вотъ почему славяне, при всемъ желаніи, не могутъ воспользоваться нашими трудами. Говорилъ я съ цѣлою массою людей и вездѣ высказывалось самое искреннее сочувствіе къ Россіи, интересовались ея войскомъ, народомъ, реформами. Да, вы подвижились, заключилъ онъ разговоръ. Милетичъ постоянно взывалъ въ своихъ пѣсняхъ къ русскому царю. Мое прибытіе въ Новый Садъ было событие. Всѣ шли со мной знакомиться, такъ что у меня было много разговоровъ, мнѣній въ головѣ. Отправился я въ Фрушку гору, Кру shedоль и Раваницы (три монастыря около Карловца). Ко мнѣ присоединился сербъ (не иніонъ ли, думаю я, тѣмъ лучше, покамѣстъ это избавить меня отъ всякихъ непріятностей). Пріѣхалъ въ монастырь и сталъ ожидать въ приемной. Вдругъ входить Груичъ (епископъ) и комиссаръ Губерь. Онъ обратился къ сербу. Тотъ сказалъ ему свое имя, — а я сказалъ, — такой-то русскій секретарь Генеральнаго Русскаго Консульства въ Пештѣ. Когда они услышали слово русскій, у нихъ земля точно разверзлась передъ ногами. Они отскочили, потомъ быстрыми шагами приблизились ко мнѣ. Начались разспросы, разговоры по-сербски, по-немецки, воспоминанія о Гильфердингѣ. Но я никогда не забуду этого комического искуства, который выразился на обоихъ лицахъ. Вотъ и тутъ въ самый важный моментъ, русскій комиссаръ, да и кто же — русскій генеральный консулъ. Въ монастырѣ настѣнѣ накормили и за ужиномъ рассказали, какъ они всѣ говорились и въ пику мадьярскому правительству выбрали епископа Стойковича патріархомъ. Тутъ были и депутаты изъ Далмации, изъ Кроаціи. Показывали мнѣ портретъ кн. Михаила Сербскаго и рассказали о его кончинѣ. Кто-то хотѣлъ показать мнѣ портретъ Франца Іосифа; но другое Петериблѣво провели меня впередъ, произнеся: ну, это пивѣбъ. Тутъ былъ портретъ Петра Великаго. Вездѣ этотъ великий Государь предрѣшалъ будущіе пути нашей политики. Пришлось проститься съ Бѣлградомъ и со всѣмъ сербскимъ міромъ и уѣхать въ Пештъ. Блюмеръ былъ въ отчаянії отъ моей побѣзды...

Я васъ отпустилъ погулять, сказалъ Блюмеръ, а вы тутъ поднимаете цѣлую газетную бурю... По этому поводу мнѣ даже пришлось объясняться съ самимъ посломъ Новиковымъ, который сказалъ мнѣ, что хороший дипломатъ тотъ, о которомъ не говорятъ. Про него ходили разные анекдоты о его нерѣши-

тельности. Онь двадцать разъ передѣлывалъ донесенія, и иногда случалось, что надо распаковывать всю экспедицію, потому что онъ вспомнилъ о какомъ-нибудь *lapsus linguae*, — и словкомъ оберотѣ. Обыкновенно посолъ держалъ себя недоступно съ такою мелкою сошкою и принимать меня приходилось Татищеву, про котораго ходили самыя странныя исторіи. Говорили, что онъ заложилъ бриллианты г-жи Новиковой, что онъ осѣдалъ самого Новикова. Хотя онъ былъ только второй секретарь посольства, но онъ значилъ болѣе совѣтника посольства и говорилъ, что Андраши съ нимъ ведеть переговоры.

Самъ Татищевъ давалъ новодѣньемъ этимъ синетиямъ. Съ мелкою сошкою онъ обращался съ синеходителью граніей и изѣкото-рымъ высокомѣріемъ. Такимъ лицамъ, какъ Карцевъ (генеральный консулъ въ Бѣлградѣ) онъ скажетъ по-французски: приходите завтра въ ложу Андраши, и мы тамъ потолкуемъ. — Карцевъ на это отвѣтилъ: я не привыкъ заходить съ задняго крыльца. Попробую, насколько это возможно, припомнить мои разныя встрѣчи съ Сергеемъ Спиридовичемъ Татищевымъ. Я говорилъ, что видѣлъ я его на вершинѣ: если не власти, то вліянія, я тогда его мало зналъ. Въ немъ и тогда мнѣ бросилась въ глаза черта, которая интересуетъ меня во многихъ русскихъ „хлестаковицна съ примѣсью Кречинскаго“...

Эти люди любятъ баухватиться своимъ вліяніемъ.

Что случилось, не знаю, но у Татищева сорвалось — онъ долженъ былъ отказаться отъ грандеровъ, вышелъ въ отставку и какъ разъ въ это время подолола наша война съ Турциею и онъ поступилъ волонтеромъ. Онъ страстно, какъ говорилъ одинъ его пріятель, желалъ быть раненымъ, но въ мягкия части... Получивъ Георгій, онъ думалъ вернуться на службу, но не тутъ-то было... Императоръ Александръ III (или Гиресь) не хотѣлъ принимать его на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ...

Въ эти моменты неудачнаго иска пѣста, я часто ветрѣчался съ Татищевымъ у Стуарта. — Онь тогда даже откровенничалъ. Стуарта онъ осѣдалъ по части разныхъ припасовъ, забирая у него деньги, рубашки, кормился у него, когда не могъ найти обѣда у кого-нибудь другого. Стуартъ говорилъ мнѣ: шельма, но талантливъ... И затѣмъ читалъ ему свои литературныя произведенія и Стуартъ разыгрывалъ роль Мольеровской кухарки. Онь тогда написалъ трагедію о паденіи Царьграда, пьесу Данишевы... Сирашивалъ моего мнѣнія. —

Татищевъ бытъ тогда уже женатъ на актрисѣ вѣнкѣ и мѣсто-пребываніе его постоянное было Тейфессыанъ около Вѣны. Мой Ферней, говорилъ онъ мнѣ о своемъ домѣ¹⁾). Не слишкомъ ли рано... сравниваете его съ Вольтеромъ — спрашивалъ я.

Но его литературные опыты окончились неудачно и какъ Стuardъ говорилъ un petit pom, deux petits pom, (одна неудача, двѣ неудачи).

Потомъ ему удалось осѣдлать Каткова, но Катковъ воспользовался имъ, чтобы насолить Мин. Ии. Дѣлъ.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ начались его статьи о нашей политикѣ при Николаѣ I. Недостатокъ этой и другихъ историческихъ работъ Татищева былъ въ томъ, что онѣ были написаны съ цѣлью посчитаться со своими врагами. Показавъ промахи М. И. Д., что было ветрѣчено съ сочувствіемъ нашей публикою, Татищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: „вотъ какого человѣка вы потеряли“, это было достоинствомъ въ полемическомъ сочиненіи, по историкѣ долженъ быть безпристрастенъ и во всякомъ случаѣ забыть о своей персонѣ. Всякій разъ, когда я встрѣчалъ Татищева послѣ появленія его статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ, онъ непремѣнно спрашивалъ меня: прочли ли статью... прочтите... прочтите... Я удивлялся, чѣмъ живеть Татищевъ. Онъ жилъ, конечно, игрою ума, на его жизнь не хватало, конечно, гонорара, получаемаго отъ Каткова и потомъ Суворина.

Затѣмъ когда послѣ Лорисъ-Меликова у кормы правленія выступилъ гр. Игнатьевъ, то послѣдній воспользовался Татищевымъ, который изучалъ нашу подпольную литературу и т. д. А вашу книгу (Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи, изд. въ Берлинѣ) мы выписали въ десяти экземплярахъ — и безусловно запретили ее — сообщилъ онъ мнѣ конфиденциально. — Потомъ уже его прютилъ, кажется, Витте и далъ ему финансового агента въ Лондонѣ, и Татищевъ онять сталъ жить хорошо. Но ему не это нужно было. — Развѣ Вы не думаете, что я не могъ бы быть хорошимъ генеральнымъ консуломъ? Развѣ я хуже такого-то... Когда я ему откровенно высказалъ, въ чемъ его обвиняли — онъ сказалъ французскую пословицу: чтобы покончить съ собакой, говорятъ, что она бѣщеная.

¹⁾ Кажется, купленъ на деньги жены.

Весь трагизмъ его существованія состоялъ въ томъ, что онъ считалъ себя способнымъ достигнуть самыхъ высшихъ ступеней іерархіи и вдругъ, какія-то сплетни, и онъ долженъ пробиваться мелкою работою, быть какимъ-то второстепеннымъ агентомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или по Министерству Финансовъ... Только въ одномъ онъ достигъ извѣстной высоты—это въ его историческихъ трудахъ. Объ ихъ недостаткахъ я уже сказалъ. И они будутъ интересны публикѣ больше по обнародованнымъ въ нихъ историческимъ документамъ, чѣмъ выводами пристрастнаго не въ мѣру автора... Какъ-то разъ я похвалилъ его за предисловіе и за обработку одного тома Исторического Общества. — Что же вы думаете — я кое-чemu выучился, кое-что знаю, замѣтилъ онъ. Со мной онъ обращался какъ равный съ равнымъ, безъ снисходительного высокомѣрія, иногда даже не допытывался моего мнѣнія. — Съ Стуартомъ, съ Штендманомъ, черезъ которыхъ онъ пролѣзъ въ Историческое Общество, онъ поступалъ по-амикошонски, эксплоатировалъ ихъ напропалую и ни въ грошъ не ставилъ ихъ, остря надъ ними... О руководителѣ нашей политики онъ выражался съ пренебреженіемъ. Какъ-то заговорили о политикѣ Зиновьевѣа. Какая это политика — это политичка Зиновьевѣа, сказалъ онъ по-французски, то есть, личная. Потомъ я потерялъ его изъ виду, когда я уѣхалъ на Дальній Востокъ и послѣ отъ Стуарта слышалъ о его подвигахъ въ той или другой сферѣ.

Послѣ этого отступленія о Татищевѣ, вернемся въ Чешть.

Жизнь моя проходила безъ особыхъ треволненій. Неожиданное знакомство круто измѣнило мою жизнь. Я очень хорошо сошелся съ одною венгерскою барынею изъ очень хорошей фамиліи. Она была очень богата и въ разводѣ съ мужемъ. И мы рѣшились, мой коллега Гранмонъ, она и я посѣтить Балatonское озеро. Тутъ мы были въ настоящемъ мадьярскомъ государствѣ (madyar orizas). Благодаря ея любезному содѣствію я ближе познакомился съ будничною обстановкою этого народа, который недалеко подвинулся впередъ въ томъ, что касается удобствъ. Нѣсколько мѣсяцевъ я зажилъ такою прелестною жизнью, которая не годится въ дневникъ, а скорѣе можетъ попасть въ романъ. Когда мы не видѣлись, она писала миѣ письма. Венгерцы были очень злы за это увлеченіе ихъ соотечественницы. Какъ бываетъ съ женщинами, она забывала всѣ предосторожности и только думала о своей любви. Не проходило и безъ бурныхъ сценъ. Она очень ревновала меня,

Мы предприняли вмѣстѣ поѣзду въ страну словаковъ. Дорога шла по красивымъ склонамъ Карпатъ, и что за прелестные виды. Суровая красота этихъ мѣстъ смѣнялась очаровательнымъ сочетаніемъ земли, воды, горъ. Мы посѣтили Шемницъ (Чавинце), и я счелъ долгомъ спуститься въ подземное царство. Моя спутница не рѣшилась пройти туда, а я видѣлъ шахты, откуда добывалось золото и т. д. Скромный пѣмецкій городокъ, скверная гостиница, славянскіе поселяне, все это разнообразило впечатленіе. Въ тихую лунную ночь мы проѣхали сотню верстъ въ хорошей коляскѣ по самымъ забытымъ мѣстамъ. Были и въ Сліагѣ, гдѣ собирается весь мадьярскій бомондъ на воды. Оттуда черезъ горы въ Шmekсъ на ужасную высоту. Великолѣпныя формы и прозрачная вода (достопримѣчательность Шmekса), при этомъ полное единеніе среди вѣковыхъ сосновыхъ лѣсовъ. Мы поднимались на каждую высоту. Дорогою мы видѣли только славянъ, и я чувствовалъ себя какъ дома въ этой странѣ. Моя спутница могла убѣдиться, что и въ родной странѣ съ мадьярскимъ языккомъ далеко не уѣдешь. Вернувшись поѣхѣ десятидневнаго отсутствія въ Пешть, мы вожили онять старою жизнью. Наше путешествіе вдвоесть такъ понравилось, что мы рѣшились повторить его, и теперь мы отправились въ другой конецъ Венгрии „въ Угорскую Руевъ“. Отправились по Кашау-Одербергской дорогѣ. Были въ русскихъ Кашцахъ (Кашау). Были въ Мухагевѣ, гдѣ я посѣтилъ достопримѣчательности, а главное могъ говорить по-русски съ каждымъ поселяниномъ. Уже городъ поразилъ меня своимъ прекраснымъ видомъ. Въ монастырѣ намъ показывали разныя рѣдкости, но главное, монахъ выказался передъ М-мъ X. за яраго ненавистника мадьяръ. Вели мы оживленную бесѣду на русско-пѣмецкомъ языкахъ. Мадьяры настъ притѣняютъ, сказалъ онъ сїй, и мы ихъ не любимъ. Они не позволяютъ намъ писать на своемъ языкѣ, дѣлаютъ намъ всякия придирики. Отсюда отправились черезъ горы и долы уже на простой повозкѣ (экипажъ не особенно удобный для барыни, привычной къ роскоши и удовольствіямъ). Настъ чуть не опрокинуло. Потомъ прїѣхали въ громадную деревню, и кучерь нашъ русинъ безъ церемоніи вvezъ настъ въ темный сарай съ сѣноваломъ. Мы остолбенѣли отъ удивленія. Я объяснился съ нимъ, и онъ указалъ мнѣ на корчму, гдѣ имѣлась грязная комната въ несколько аршинъ длины. Въ первый разъ своей жизни X. должна была сказать „дайте вода“ и т. д. Потому что кромѣ русского ничего не знали. Желая найти болѣе удоб-

ное помѣщеніе, мнѣ пришла блестящая мысль отыскать мѣстнаго священника. Онъ навѣрио дастъ мнѣ какъ русскому почлегъ. Радостно шелъ я по селенію, гдѣ отовсюду раздавался веселый малороссийскій говоръ. Тамъ проходили косцы, наѣзжавая стройную хоровую пѣсню. Но оказалось, я ошибся дорогою и попасть къ католическому поцу, который принялъ меня не очень радушно. Пришлось возвращаться домой, но уже настала темнота, и я не зналъ, въ какой корчмѣ мы остановились... я спрашивалъ дорогу, мнѣ смыкались въ сѣль: якая корчма,—ихъ много. Темно, грязно, и никого не видно на улицѣ. Идетъ молодица. Укажи дорогу... Она боится, но когда я подалъ ей zwanziges, она успокоилась и довела наконецъ до цѣли. Не менѣе интересна была поѣздка въ Маршаропъ Сигетъ, гдѣ каменная соль. Прибыли мы въ праздникъ. Везде съ пѣснями, цветами попадались намъ на встречу румынки и малороссиянки. Я потерялъ свою палку; вдругъ слышу позади возгласъ „тань, не ваша ли палка“. Кто вы, мы русскіе; изъ какой деревни? Назвали. А вы откуда?—Я изъ Россіи. Удивленію ихъ не было конца. Тамъ царь нашъ. Рассказываютъ про поселянъ престранные аnekdotы. Входитъ хохоль въ присутствіе и кланяется, приговаривая: „Вашему нѣмецкому царю и нашему русскому царю“. Мнѣ не хотѣли показать рудниковъ, но какъ только начальникъ (онъ оказался потомъ славяниномъ) узналъ, что я русскій, то не только все показалъ, но и сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Попали разепросы, разсужденія, пускай только прѣдуть русскіе, мы усыплемъ ихъ путь цветами. И это не онъ одинъ говорилъ, это говорили многие, начиная отъ образованыхъ до самыхъ простыхъ работниковъ. Поразила меня оставленная и затопленная водою шахта. Проводнику стоило только ударить весломъ по водѣ, и раздавался громъ подъ нами. Когда онъ бралъ ноту, то слышалось гармоническое игніе. Долго я вспоминалъ это чудное пѣніе въ затопленной шахтѣ и такъ хотѣлось онять и опять услышать эту музыку природы.

Можетъ быть уже создалась легенда объ чудной пѣснѣ Бога земли, и набожный русинъ освящаетъ себя крестомъ, спускаясь въ это таинственное царство.

Меня потянуло назадъ въ Россію. Да и дѣла по имѣнію требовали моего присутствія. Блюмеръ, по обыкновенію, былъ въ Дреузенѣ. Я черезъ посла выпросилъ себѣ отпускъ. Блюмеръ пріѣзжасть — и рветъ и мечеть. Я вамъ не могу дать отпуска. А я поѣду. Ну я тогда обращаюсь съ вами, какъ съ

дезертирующимъ свой постъ... Кончилось тѣмъ, что мы не видѣлись и я не ходилъ къ нему. Наконецъ дѣло уладилось. Жена съ дочерью пріѣхали къ Блюмеру, и онъ отпустилъ меня. Венгерцы, чтобы показать, что они ничего не имѣютъ противъ Россіи, приняли жену и дочь Блюмера съ распростертыми объятіями. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балы, вечера... Однимъ словомъ, мой промахъ послужилъ въ пользу семейства Блюмера.

Мнѣ хотѣлось еще видѣть Карпаты, еще разъ мелькомъ услышать русскую рѣчъ и затѣмъ проститься съ Венгріей. Въ Межѣ Лаборца останавливается поѣздъ на цѣлую ночь, и тутъ я разговариваю съ гр. А., родственникомъ Аидраши. Какъ мѣстный житель, онъ сообщилъ мнѣ о средствахъ здѣшнихъ помѣщиковъ, о вліяніи поповъ (православныхъ) на крестьянство, о Добрянскомъ, который пользуется громаднымъ авторитетомъ среди мѣстного населенія. Они, т. е. крестьяне, сказали онъ мнѣ, очень хорошо поютъ, и я часто съ ними пою въ хорѣ. Вотъ настоящая ваша роль, господа мадьяры — это пѣть въ унисонъ съ русскими, подумалъ я.

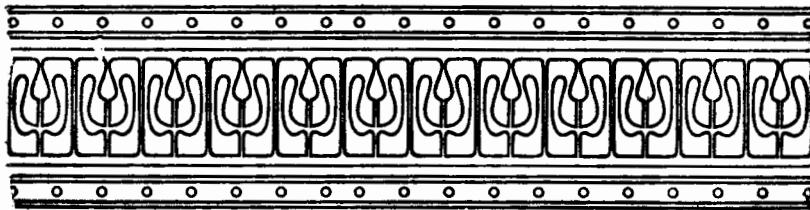
Мысль о надеяніи чужеяднаго мадьярско-пѣмецкаго государства была для меня такъ ясна, что я чрезвычайно удивился по возвращенію въ Россію, что я встрѣтился тамъ такое полное незнаніе славянства. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я думалъ найти сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, но, увы, ошибся. Ихъ не знали совсѣмъ. Нѣкоторыя лица даже совѣтовали мнѣ: „Бросьте вы этихъ славянъ. Се n'est pas comme il faut“. Общий тонъ — полное равнодушіе, незнаніе и даже какая-то брезгливость къ славянамъ, которые являлись за пособіемъ въ министерство. Точь въ точь пріѣзжъ бѣдныхъ родственниковъ къ знатному барину. Славяне, которые утратили обезпечение, общественное положеніе на родинѣ, съ горечью отзывались, что они разочарованы въ русскомъ обществѣ. Имъ казалось, что ихъ примутъ съ открытыми объятіями; на дѣлѣ выходило, что они встрѣчали ласковый пріемъ лишь у нѣкоторыхъ членовъ славянскихъ комитетовъ; они охали съ ними и отпускали ихъ, вътайни думая: когда же отвѣжется отъ меня этотъ бѣдный родственникъ. Люди съ наболѣвшимъ сердцемъ по неволѣ односторонни. Потомъ, нѣкоторые изъ славянскихъ дѣятелей, игравшіе на родинѣ видную политическую роль, оказались въ Россіи ни при чемъ. Славянскій комитетъ не пользовался тогда значеніемъ среди нашихъ литературныхъ кружковъ. Дѣлали онъ чрезвычайно мало. Это былъ какой-то офиціозный

департаментъ виѣшией политики; засѣданія были мертвены. вялы. Комитетъ ограничивался разсыпкою старыхъ ненужныхъ книгъ, иконъ и церковныхъ облаченій въ славянскія земли. Дѣятельность его въ Австроіи была ничтожна. Нужно ли было поддержать какое-нибудь общество, какую-нибудь славянскую газету въ Австроіи, всегда этому былъ одинъ отвѣтъ: „нѣть денегъ“. Мои сообщенія Стремоуховъ нашелъ интересными, но сказалъ: вы преувеличивае... Хвалилъ тактъ и умъ Андраши. Потомъ въ министерствѣ смеялись и говорили, что я открылъ Угорскую Русь.

Несмотря на это, товарищи приняли меня съ расцроптертыми объятіями, и когда Розенъ былъ назначенъ секретаремъ въ Японію, я получилъ мѣсто дѣлопроизводителя Азіатскаго департамента.

(Продолженіе смѣдуетъ).

Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ.

Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи ¹⁾.

Овцеводство на западѣ.—Стремленіе Ангальт-Кетена въ южно-русскій степи.—Переписка съ петербургскімъ правительствомъ.—Пріѣздъ въ Россію ангальтскихъ чиновниковъ — Альберта и фонъ-Бера.—Осмотръ Таврическихъ степей и выборъ участка...—Условія, на которыхъ Ангальт-Кетенъ основывалъ колонію.—Общая характеристика природы Асканія-Нова.—Первые годы хозяйства.—Три транспорта испанскихъ мериносовъ.—Возведеніе жилыхъ построекъ.—Смерть герцога Фердинанда и упадокъ колонії.—Ревизіи...—Новый управляющій добивается уступокъ правительства.—Раскрытие вторичнаго злоупотребленія, запутанность казны и продажа Асканія-Нова землевладѣльцу Фейну.

По окончаніи испанской войны за престолонаслѣдіе и отмѣнѣ запрещенія вывоза испанскихъ мериносовъ, во всей Европѣ, въ особенности въ Германіи, стало сильно развиваться овцеводство. Саксонія первая начала ввозить къ себѣ мериносовъ съ 1765 года; ея примѣру скоро послѣдовали всѣ соѣднія государства, и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія по всему западу успѣшно процвѣтало овцеводство...

Въ Ангальтѣ также съ большимъ усердіемъ стали заниматься улучшеніемъ породъ овецъ. Въ однихъ герцогскихъ имѣніяхъ держали свыше ста тысячъ головъ мериносовъ, какъ

¹⁾ Основаніемъ для этой статьи послужили цѣнныя материалы, любезно предоставленные въ наше распоряженіе современнымъ владѣльцемъ Асканія-Нова, Ф. Ю. Фалыцъ-Фейномъ, устроителемъ въ своемъ имѣніи известнаго зоопарка.

негретской, такъ и эскоріальной породъ, и Англія, самая производительная страна, получала шерсть главнымъ образомъ изъ Ангальта. Чтобы получить еще большую выгоду отъ овцеводства, Ангальту нужно было найти новые рынки сбыта продуктовъ мериносовъ. При этомъ главное вниманіе было обращено на Россію, съ ея огромными степями, въ высшей степени подходящими для разведенія овецъ. Вспоминались родственныя связи между царствующими домами, а слѣдовательно, предстояло нѣкоторое благоволеніе со стороны Россіи.

Русское правительство уже давно обратило вниманіе на разведение овецъ въ большихъ степныхъ пространствахъ страны. Оно стремилось главнымъ образомъ къ разведенію благородныхъ породъ, съ тонкимъ руномъ, дающимъ хороший ходъ. При этомъ, какъ всегда, Россія принуждена была обратиться къ иностранцамъ, въ частности къ германцамъ, къ Дрезденскому правительству, съ просьбой вывезти изъ Саксоніи въ южные степи мериносовъ для улучшения собственного овцеводства.

Какъ только въ Ангальтѣ стало извѣстно объ этомъ памѣріи Россіи, тотчасъ же решено было опередить Саксонію и самимъ вступить въ переговоры съ Россіей, относительно доставки улучшенныхъ породъ овецъ. Съ этимъ былъ связанъ дальнійшій планъ—имѣть Россію выгоднымъ рынкомъ для постоянной поставки овецъ. Съ этой целью Ангальтъ желалъ основать въ Россіи свою собственную колонію, въ которой занимались бы преимущественно овцеводствомъ, въ связи съ развитиемъ и другихъ выгодныхъ промысловъ. Населенная ангальтскими подданными колонія, подъ руководствомъ опытного агронома, могла бы быстро развиться и приносить большие доходы. Къ финансовымъ соображеніямъ присоединялись и политическія: Ангальтъ надѣялся посредствомъ основанія колоніи войти въ болѣе близкія дружественные сношеннія съ русскимъ Царствующимъ Домомъ и въ случаѣ надобности получить поддержку со стороны могущественнаго русского государства.

Въ 1826 году, главный управляющій имѣніями герцога Ангальтъ-Кетенскаго, г-нъ Альбертъ, обратился къ русскому агенту въ Лейпцигѣ, статскому советнику фонъ-Фрейгангу съ письмомъ, въ которомъ подробно изложилъ свою идею относительно основанія ангальтской колоніи въ южной Россіи. Указавъ на то, какъ образцово поставлено овцеводство въ Ангальтъ-Кетенѣ, г-нъ Альбертъ объяснилъ русскому агенту всю пользу, которую Русское государство можетъ получить отъ

разведенія племіннихъ овецъ, и просилъ его внести этотъ проектъ на обсужденіе русскаго правительства. Заручившись черезъ посредство Фрейганга сочувствіемъ министра финансовъ Канкрина, лица очень влиятельного въ Россіи, герцогъ Ангальтъ - Кетенскій рѣшился въ 1827-омъ году послать письмо Императору Николаю I, въ которомъ обращался съ просьбой обратить его планъ... „...de faire à Votre Majesté la proposition formelle, d'établir dans le midi de Votre empire une petite colonie de mes sujets, dont le soin principal serait la dite culture des moutons de race pure et leur propagation dans les vastes états de Votre Majesté...“¹⁾.

Императоръ отвѣтилъ чрезвычайно благосклонно, что планъ возбудилъ въ немъ живой интересъ, и что онъ поручилъ министру финансовъ детально разсмотрѣть его.

Когда наконецъ вопросъ при Русскомъ Дворѣ окончательно вырѣшился въ пользу предложенія герцога, оба правительства стали вести переговоры о необходимости назначить особую комиссию, которая могла бы выбрать подходящую для основанія колоніи мѣстность, и затѣмъ отправиться въ Петербургъ для окончанія дѣла.

Спустя некоторое время, герцогъ Ангальтскій получилъ извѣщеніе, что Императоръ послалъ въ Брестъ-Литовскъ г-на фонъ-Юнга, который, въ качествѣ русскаго эмиссара, долженъ былъ ожидать въ означенномъ городѣ герцогскихъ уполномоченныхъ, чтобы затѣмъ показать имъ казенные земли, пригодныя для разведенія овецъ.

Найти подходящую для будущей колоніи землю и затѣмъ пріобрѣсти таковую на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, было главной задачей предпріятія, и все зависѣло, какъ отъ сельскохозяйственныхъ, такъ и отъ политическихъ способностей и ловкости комиссаровъ. Потому герцогъ и ввѣрилъ эту миссію главному управляющему своихъ имѣній—Альберту, и фонъ-Беру—знатоку финансового дѣла и извѣстному дипломату.

Въ сентябрѣ 1827-го года вышеназванные уполномоченные прибыли въ Россію, и, въ сопровожденіи русскаго эмиссара, прослѣдовали черезъ Брестъ-Литовскъ въ Житоміръ, откуда совершили нѣсколько поездокъ по южнымъ окраинамъ Россіи. Посѣтивъ между прочимъ Одессу, которая тогда была главнымъ рынкомъ для сбыта шерсти и имѣла постоянныя сношеп-

¹⁾ „...Формально предложить Вашему Величеству основать на югѣ Вашего государства маленькую колонію моихъ подданныхъ, главная забота которой будетъ культура чистокровныхъ овецъ и ихъ распространение.“

Домъ Ф. Э. Фальц-Фейна. Аскания-Нова, Центральная часть—построенная
Ангальт-Кетенской администрацией

нія съ Херсонью, Крымомъ и всей Тавридой, комиссары тотчасъ уяснили себѣ значеніе этого города, какъ портоваго центра, и увидѣли необходимость обосноваться гдѣ-нибудь поблизости, въ имѣніи, располагающемъ наиболѣе удобными путями сообщенія съ Одессою. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ ихъ наконецъ палъ на мѣстность, которая значилась на картѣ генерального межеванія подъ именемъ „Степь № 71“; она во всѣхъ межеваніяхъ соотвѣтствовала ихъ требованіямъ и желаніямъ... Вблизи находился Перекопъ, обѣщавшій дешево доставлять камни, немного дальше—Раковка на Днѣпрѣ, также сулившая дешевый лѣсъ.

Комиссары скоро и окончательно высказались за эту мѣстность; смущалъ ихъ лишь размѣръ участка, такъ какъ онъ значительно превосходилъ таковой, имѣвшійся въ виду русскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе они надѣялись прийти къ соглашенію въ Петербургѣ, объявивъ эту мѣстность единственно подходящей для своихъ цѣлей.

Послѣ посѣщеніясосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ на Молочной рѣкѣ комиссары отправились въ дальнѣйшее путешествіе черезъ Харьковскую, Орловскую и Тульскую губернію, и черезъ Москву, и въ концѣ октября приѣхали въ Петербургъ, едва ли свыше четырехъ тысячъ верстъ пути...

Посланниковъ герцога Ангальтскаго вездѣ встречали самыми любезными образомъ. „Весь Петербургъ говоритъ уже о нашей миссіи, которой придаютъ большое значеніе и которую считаютъ болѣе интересной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности“, писалъ въ это время Беръ. Вліятельные люди, какъ графъ Нессельроде и князь Голицынъ, быстро заинтересовались всѣмъ этимъ дѣломъ.

Между тѣмъ время бѣжало; цѣлыи мѣсяцъ прошелъ въ многочисленныхъ конференціяхъ для разработки отдѣльныхъ пунктовъ плана, который долженъ быть доложенъ Императору, но ни къ какому окончательному результату члены конференціи не пришли. Комиссары не знали, какъ быть: герцогъ Ангальтскій присыпалъ повелѣніе за повелѣніемъ—скоро добиться намѣченной цѣли, Петербургъ же тянулся и медлилъ рѣшеніемъ... Казалось, дѣло дошло до мертвой точки. Тогда хитрый Беръ, на свой личный страхъ и рискъ, измѣнилъ первоначальную редакцію инструкціи и составленный имъ, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ, контрактъ, былъ доложенъ Императору. Въ день русскаго нового года, 13-го января, состоялось окончательное рѣшеніе этого дѣла. „Вѣроятно, ми-

нистръ финансовъ вамъ уже сказалъ, что я одобряю ваше дѣло. Я его считаю законченнымъ,—таковы были первыя слова, сказанныя Императоромъ въ аудиенціи ангальтицу.

Формальное окончаніе предпринятыхъ переговоровъ было теперь лишь вопросомъ времени, хотя подписаніе договора еще затянулось изъ-за продолжительной болѣзни министра финансовъ. Третьяго марта былъ изданъ указъ относительно молодой колоніи, а двадцать второго — Беръ уже сообщилъ домой о полномъ окончаніи своей миссіи по пунктамъ:

1) Императоръ Всероссійскій даетъ разрѣшеніе на устройство колоніи въ Таврической губерніи, которую герцогъ Ангальтскій предлагаетъ учредить изъ своихъ подданныхъ.

2) Подъ сіе поселеніе назначаются въ Таврической губерніи избранные герцогскими депутатами свободные участки земли:

а) участокъ № 71, въ 42.345 десятинахъ удобной и неудобной земли...

б) по уваженію сухого качества сего участка отрѣзать до 6.000 десятинахъ изъ участка № 47, на берегу Чернаго моря...

3) Оба сіи участка земли отдаются герцогу Ангальт-Кетенскому въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ правомъ пользованія всѣмъ тѣмъ, что находится на поверхности сей земли и въ нѣдрахъ оной, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

а) на спахъ участкахъ земли не могутъ быть поселены крѣпостные крестьяне, также не могутъ быть куплены, по причинѣ владѣнія симъ поселенiemъ, другія населенные имѣнія; но покупка земли для присоединенія къ колоніи, на общемъ основаніи, дозволяется; для работъ же въ поселеніи могутъ быть употреблены вольнонаемные люди.

б) поселеніе сіе можетъ переходить по наслѣдству, завѣщанію, купчай, или инымъ законнымъ способомъ, безъ раздробленія; но кромѣ фамиліи герцога, оно можетъ переходить только къ такимъ лицамъ, кои имѣютъ право владѣть имѣніями въ Россіи, съ сохраненіемъ права поселенцевъ.

в) поселеніе сіе возвращается въ собственность казны, если въ ономъ, по истеченіи десяти лѣтъ, не будетъ находиться по меньшей мѣрѣ двадцать тысячи овецъ улучшенной породы, съ потребнымъ количествомъ семействъ для содержанія сихъ животныхъ.

4) По истеченій десяти лѣготныхъ лѣтъ, начиная онаго съ первого января 1830 года, платить казнѣ ежегодной повинности за каждую десятицу, съ 42,345, по 8 кош. сереб-

бромъ, а съ 6.000 десятинъ приморской земли по 15 коп. се-ребромъ.

5) Колонисты освобождены отъ рекрутской повинности и т. п.

6) Церкви и школы должны быть устроены на счетъ герцога, который опредѣляетъ и служащихъ при нихъ.

7) Выкурка и варка пива свободно могутъ быть произво-димы.

8) Торговля и фабрики поселенцевъ не подлежатъ гиль-дейскимъ повинностямъ.

9) Внутренняя полиція въ поселеніи представляется чинов-никомъ герцога.

10) Относительно уголовныхъ дѣлъ, общей безопасности и починки дорогъ, поселеніе подчиняется земской полиціи, кото-рая однако дѣйствуетъ черезъ чиновниковъ поселенія.

11) Герцогу предоставляется казенное имѣніе Каменецъ-Подольской губерніи, въ Гайсингскомъ повѣтѣ, называе-мое Староство Гайсингское, на 24 года, съ платежомъ по 2.000 рублей серебромъ въ годъ, начиная срокъ владѣнія съ 1829 года.

12) Подлежащимъ пограничнымъ таможнямъ будетъ пред-писано о безпошлинномъ пропускѣ отправленныхъ изъ Ангальта поселенцевъ, съ ихъ имуществомъ, скотомъ, орудіями, сѣме-нами и проч., за исключеніемъ однако товаровъ.

На пасхальной недѣлѣ, 8-го апрѣля, Беръ пріѣхалъ въ Кетенъ. Единственно, благодаря энергіи и разсудительности обоихъ герцогскихъ комиссаровъ, переговоры закончились для Ангальта весьма удовлетворительнымъ образомъ. Герцогъ Фердинандъ сумѣлъ оцѣнить это, назначивъ Беру и Альберту почетныя награды и денежные подарки, а Императоръ Россіи, съ своей стороны, пожаловалъ герцогскимъ комиссарамъ по перстню съ своей буквой; одновременно съ этимъ онъ утвер-дилъ фонъ-Кюстера ангальтскимъ агентомъ при русскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Пріобрѣтенное герцогомъ Фердинандомъ Ангальтскимъ имѣ-ніе находится на югѣ Россіи, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таври-ческой губерніи. Оно состоитъ изъ двухъ отдельныхъ другъ отъ друга степей, изъ которыхъ большая, называвшаяся рань-ше русскими „Чапли“, съ момента пріобрѣтенія ангальтскимъ домомъ, стала называться „Асканія-Нова“ (въ Россіи она на-зывалась также Ангальтъ-Кетеномъ или Ново-Кетеномъ), мень-

шая же, расположенная у моря, сохранила первоначальное русское или татарское название „Дофино“. Степи расположены на разстоянии 65 верстъ другъ отъ друга и соединены межъ собою почти совершенно прямою дорогою, идущею, между прочимъ, черезъ казенные степи Чаплинка и Каланчакъ.

Земледѣлемъ можно заниматься лишь въ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ все владѣніе—сплошная степь, въ которой почти не встрѣчается ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни прудовъ. На этихъ обширныхъ пастбищахъ имѣются такъ называемыя „балки“, т. е. долины—низины, сохраняющія больше всего сырости и дающія даже въ самые бѣдные сѣномъ годы кормъ скоту. Большею частью онѣ очень мелки, и лишь „большая балка“, имѣющая диаметръ въ три версты, въ самой низкой своей части только на три фута ниже окружающаго ее берега. Въ степяхъ встрѣчаются также маленькия возвышенности или курганы, по всейѣ вѣроятности, прежнія татарскія могилы или мѣста для караульныхъ...

Лѣсовъ не имѣется, лишь изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя деревья. Изъ-за глинистаго грунта, не пропускающаго сырость, нечего и думать объ облѣсеніи края въ большихъ размѣрахъ...

Изъ травъ чаще всего встрѣчается „тирса“—ковыль двухъ родовъ,—майскій и поздній. Вся растительность вообще скучная.

Климатъ степей крайне перемѣнчивый. Послѣ продолжавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль знойной жары, цѣлыми недѣлями дѣлятся суровые холода. Наибольшая жара наблюдалась до 1842 года въ Асканія-Нова $40,25^{\circ}$ R, сильнѣйший морозъ — $24,25^{\circ}$ R. Полгода въ среднемъ 190 дней, въ степяхъ дуютъ восточный и сѣверо-восточный вѣты, дѣлающіе жару болѣе выносимой, но увеличивающіе засуху. Вообще въ этихъ мѣстахъ влаги выпадаетъ въ три раза менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ или въ Петербургѣ; бывали годы, какъ, напримѣръ, въ 1832 и 1833 гг., въ которые не замѣчалось ни снѣга, ни дождя.

Согласно постановленію герцога Фердинанда, отъ 28 апрѣля 1838 года, вновь приобрѣтенное на югѣ Россіи имѣніе должно было управляться совершенно автономно. Для этой цѣли была образована въ Кетенѣ особая „администрація надъ таврическими владѣніями“, въ которой участвовали финансраты фонъ-Беръ и Альбертъ. Оба были совершенно независимы отъ другъ

тихъ присутственныхъ мѣстъ и лишь подвѣдомственны непосредственно самому герцогу. Мѣстное управлениѣ было названо „администрація таврическихъ владѣній“.

Нужно было еще образовать вспомогательный фондъ, для первоначального основанія и обзаведенія колоніи. Для этой цѣли на таврическія владѣнія былъ переведенъ и внесенъ въ ихъ дебетъ тотъ пассивный капиталъ, въ суммѣ 54.500 талеровъ, который послѣ смерти княгини Ангальтъ - Цербстской долженъ быть выплаченъ Россіи, но процентами съ котораго въ то время пользовалась княгиня фонъ-Вальдекъ. Кроме того для пополненія этого фонда, были предназначены доходы съ ангальтъ-кетенскихъ имѣній Гейтцъ и Росслау, которыхъ по расчету должно было хватить для комплектованія и отправленія транспортовъ овецъ. Казалось, финансовая сторона предпріятія была достаточно обеспечена на первое время.

Послѣ окончанія цѣлаго ряда судебныхъ формальностей, 27 іюля 1828 года, въ присутствіи симферопольскаго губернатора, состоялась въ Чаплинскихъ казармахъ торжественная передача степей.

Одной изъ главныхъ заботъ ангальтскаго правительства былъ вывозъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно большого количества овецъ въ новыя владѣнія. Въ Кетенѣ совершенно вѣрно признали, его предпріятіе лишь тогда разовьется какъ слѣдуетъ, и дасть желанный доходъ, когда въ степяхъ имѣнія будетъ находиться въ достаточномъ количествѣ хорошее племя овечьихъ породъ, что можетъ обеспечить скорое размноженіе овечьихъ стадъ.

Тогда же было решено отправлять въ таврическое владѣніе, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, ежегодно, по одному транспорту племенныхъ овецъ, въ сопровожденіи колонистовъ, которые тамъ поселятся.

На приготовленія къ переселенію тратилось много времени. Лишь въ концѣ лѣта первый транспортъ отправился въ путь изъ Кетена. „Ангальтъ-Кетенская“ газета пишеть: „11 августа с. г. мы видѣли рѣдкое для мѣстныхъ жителей зрѣлище; первый главный караванъ, состоящій изъ 3.000 овецъ, отправился въ новыя владѣнія его свѣтлости герцога Ангальтскаго въ южной Россіи. Многочисленная толпа собралась по этому поводу, присутствовали также ихъ свѣтлости герцогъ и герцогиня. Въ виду того, что такие транспорты овецъ будутъ уходить ежегодно, страна наша можетъ разсчитывать на значительную прибыль...“

Вторая экспедиция выступила въ послѣдней половинѣ іюля 1829 года.

Третій и послѣдній основной транспортъ вышелъ изъ Кетена тринацатаго іюля 1830 года, подъ предводительствомъ агрономнаго комиссара Пихта. Между прочимъ ангальтское правительство послало съ этимъ транспортомъ сортировщика шерсти, который долженъ быть тщательно разсортировать стада въ Гайсингѣ и въ степи, и въ каждомъ мѣстѣ составить племенные стада. Транспортъ по прошлогоднему пути прибылъ въ степь тридцатаго сентября безъ значительныхъ потерь.

Такимъ образомъ въ концѣ 1830 года имѣлось въ степи около восьми тысячъ головъ племенныхъ овецъ. Задача администраціи состояла въ разведенії изъ этого основного племени большихъ стадъ, а также въ правильномъ направленіи культуры всей колоніи.

Въ 1828 году въ южно-русской степи, недавно пріобрѣтенной Ангальтъ-Кетенскимъ домомъ, не было еще никакого населенія; единственными обитателями ея являлись нѣсколько стражниковъ, жившихъ въ такъ называемой казенной квартирѣ...

Администраторъ Брауманъ, прибывшій въ нарождавшуюся колонію въ іюль того же года, тотчасъ началъ работы по воздѣлыванію полей и по постройкѣ помѣщеній для людей и скота. Первое время строенія возводились съ глинобитными стѣнами и изъ глины, но потомъ этому материалу стали предпочтить фахверкъ, въ соединеніи съ известью и камнями.

Пастбище въ Асканія-Нова само по себѣ было очень хорошее, но въ виду того, что, согласно условію, нельзя было держать крѣпостныхъ,—приходилось въ большомъ количествѣ нанимать чужихъ рабочихъ, на содержаніе которыхъ тратилось довольно много денегъ, и такимъ образомъ сѣю все-таки обходилось очень дорого.

Большею частью зимы бывали умѣренныя, такъ что стада кормились сѣномъ всего въ теченіе нѣсколькихъ дней, но бывали годы, когда овецъ загоняли въ хлѣва и на болѣе продолжительное время, дней на 27 и даже на 45. Въ общемъ овцеводство постепенно развивалось и крѣпло. Овцы были разсортированы по тонкости шерсти и подѣлены на классы. Для того, чтобы выгоднѣе сбывать шерсть, въ которой, кромѣ тонкости, цѣнилась еще и чистота, приходилось какъ-нибудь мыть овецъ. Въ степной мѣстности воды было мало, и стада гоняли ку-

шаться къ Днѣпру, который протекалъ въ 100 миляхъ оть Асканії-Нова.

Шерсть сбывали, главнымъ образомъ, въ Москву и Одессу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—также на нѣмецкіе и англійскіе рынки.

23 августа 1830 года умеръ герцогъ Фердинандъ—основатель и покровитель молодой колоніи. На престолъ вступилъ его братъ, Генрихъ, принявъ на себя также и заботу о таврическомъ владѣніи. Для завѣдыванія этимъ имѣніемъ, онъ образовалъ особое учрежденіе, въ которомъ между прочими засѣдали, съ правомъ голоса, и тайные финансраты—фонъ-Беръ и фонъ-Альбертъ.

Герцогъ обѣщалъ навѣстить колонію въ будущемъ, 1831 г.

Между тѣмъ дѣла въ Асканії-Нова были далеко не въ блестящемъ состояніи. Съ одной стороны господствовалъ полный беспорядокъ, обусловленный постоянной враждой старшихъ чиновниковъ и неповиновеніемъ младшихъ, съ другой—колонія требовала большихъ затратъ и не давала никакихъ доходовъ. Тогда решено было отправить лѣтомъ 1831 года ревизію для подробнаго разслѣдованія положенія вещей въ Кетенскихъ владѣніяхъ. Ревизія эта однако принуждена была вернуться, не достигнувъ цѣли, такъ какъ въ Россіи въ то время свирѣпствовала холера, и переходъ черезъ границу былъ запрещенъ.

Лѣто 1832 года выдалось очень сухое, вслѣдствіе чего урожай хлѣба былъ неудачный; вообще, нужно сказать, что климатическая и геологическая условія молодой колоніи были настолько неблагопріятны, что не могло быть и рѣчи объ успѣшномъ развитіи земледѣлія.

Весною 1832 года ревизія вторично отправилась въ Таврическую губернію. Первое впечатлѣніе отъ деревни, съ ея правильными строеніями и плодовыми садами было хорошее. Стада размножались въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшему процвѣтанію колоніи мѣшали, повидимому, больше всего раздоры чиновниковъ. Результатомъ разслѣдованія явилась смѣна управляющаго, которымъ теперь былъ назначенъ Тетцманъ.

До сихъ поръ Кетенскія владѣнія въ южной Россіи не имѣли еще офиціального наименованія, и только теперь, согласно данному приказу, ревизоръ Беръ назвалъ главное селеніе—Ascania Nova (Новая Асканія). „Такъ какъ это владѣніе, по волѣ пріобрѣтателя должно вѣчно оставаться за Ангальтскимъ Домомъ,—писалъ домой начальникъ ревизіи,—то мнѣ

кажется умѣстнымъ напомнить о правахъ на потерянный вслѣдствіе насилия чудный участокъ земли, вмѣсто котораго остался лишь пустой титулъ¹⁾, который едва-ли когда-либо приобрѣтѣ реальное значеніе... Остальные участки земли (подъ ними подразумѣвались иѣсколько отдельныхъ хозяйствъ) будутъ достойнымъ образомъ названы, получивъ имена царствующей герцогской четы, которой колонія обязана своимъ процвѣтаніемъ и существованіемъ, а также умершихъ герцога и герцогини, основателей колонії". Онъ ихъ назвалъ: Фердинандовской, Юліановкой, Генриково и Августово.

Въ серединѣ іюня, послѣ приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ, Беръ отправился въ Петербургъ для веденія переговоровъ съ Русскимъ Дворомъ относительно уступки Ангальт-Кетену, для дальнѣйшаго усовершенствованія колоніи, аллодіального капитала въ 360.500 талеровъ, который Россія должна была получить отъ Ангальтскаго герцогства, какъ наслѣдственную часть Екатерины II. Когда переговоры приняли благопріятный для герцога оборотъ, Беръ отправился моремъ домой, и въ серединѣ сентября прибылъ въ Кетенъ.

Новому управляющему умѣніемъ Тетцману было передано при его вступленіи въ должность—15.004 головъ овецъ, 48 головъ рогатаго скота и 82 лошади. Уже вскорѣ послѣ его назначенія, всѣ отрасли хозяйства колоніи стали замѣтно подниматься. Обративъ особенное вниманіе на винодѣліе, приносившее въ Крыму большиіе доходы, Тетцманъ исходилъ болѣе 5.000 виноградныхъ лозъ, обѣщавшихъ дать хорошиіе результаты (какъ выяснилось впослѣдствіи, виноградъ даже не созрѣлъ).

При первомъ же своемъ близкомъ знакомствѣ съ овцеводствомъ, управляющій высказалъ мысль о необходимости сдѣлать животнымъ прививку осѣи; этотъ проектъ однако не встрѣтилъ сочувствія въ Кетенѣ, и только послѣ 1833 г., когда появилась сильная эпидемія осѣи, стали прибѣгать къ прививкѣ, благодаря которой удалось спасти большую часть животныхъ.

Несмотря на сильную засуху и полный неурожай хлѣбовъ, колонія въ концѣ 1833 года производила самое благопріятное впечатлѣніе. Были построены приличныя жилища для тридцати иѣмецкихъ семействъ, залъ для богослуженій, школа, водо-

---

¹⁾ Въ 1830 году ангальтскіе князья приняли титулъ „графы Асканій“.

Аксанія-Нова. Домъ гдѣ жилъ инспекторъ администраціи Акгальть-Кетенской колоніи.

подъемная машина, снабжавшая всю деревню водою изъ колодца, глубиною въ 10 сажень, большой кирпичнообжигательный заводъ и еще много различныхъ болѣе мелкихъ сооружений.

Наконецъ, въ 1834 году, первый разъ за все время существованія колоніи, былъ высланъ въ Кетенъ чистый доходъ, въ размѣрѣ 10.000 талеровъ, полученный почти исключительно съ овцеводства. Теперь овецъ было уже около 24.000 головъ, которыхъ Тетцманъ подраздѣлилъ по качеству шерсти на пять классовъ; это давало поводъ думать, что выгода отъ продажи шерсти съ каждымъ годомъ будетъ повышаться.

Однако надежды на дальнѣйшее блестящее развитіе хозяйства не осуществились. До 1840 года колонія аккуратно высыпала на родину нѣкоторый капиталъ, но онъ далеко не соотвѣтствовалъ тѣмъ затратамъ, которыхъ требовало имѣніе. Тетцманъ въ это время писалъ: „Если такъ будетъ продолжаться, то имѣніе не оправдываетъ затраченныхъ на него денегъ; я скращу расходы, насколько возможно“...

Въ 1835 году русскій Императоръ постановилъ вернуть Ангальтъ-Кетену наследственный капиталъ въ 163.500 талеровъ, съ тѣмъ однако условиемъ, чтобы онъ былъ использованъ на нужды колоніи.

Императоръ писалъ: „Я дѣйствительно желалъ, чтобы аллюдальный капиталъ Ангальтъ-Цербста былъ употребленъ согласно желанію вашей свѣтлости, и я былъ радъ доказать вашей свѣтлости, какъ я цѣню полезную дѣятельность этой колоніи на югѣ Россіи, и поиченіе, которое вы о ней имѣете“.

Это письмо очень обрадовало герцога, и онъ сталъ снова надѣяться на улучшеніе финансового положенія Асканія-Нова.

Между тѣмъ, отчеты Тетцмана становились все запутанѣе и неблагопріятнѣе; наконецъ лѣтомъ 1842 года прибыла въ Асканію-Нова ревизія, которая обнаружила большія злоупотребленія со стороны управляющаго: число овецъ значительно уменьшилось и между ними не было ни одного взрослого барана, такъ какъ Тетцманъ все продавалъ.. Покупатели конечно всегда выбирали лучшихъ первоклассныхъ овецъ, а для разведенія оставались лишь плохія. Земледѣліе было запущено, коннозаводство велось безъ всякаго знанія дѣла. Отчетность кассы находилась въ невѣроютномъ беспорядкѣ.

Всѣ сосѣди единодушно выражали свое порицаніе управлѣнію имѣніемъ, говоря: „Дурная слава всего хозяйства Асканія-Нова составляетъ предметъ всеобщей насмѣшки, такъ какъ

степь всегда управлялась самимъ ужаснымъ образомъ“. Всѣ были того мнѣнія, что герцогъ Ангальтскій долженъ обладать несмѣтными богатствами, если оставляетъ безъ вниманія эту запущенность хозяйства имѣнія. Вскорѣ стали ходить слухи о продажѣ колоній.

Въ 1845 году началось разведеніе чундуцкихъ овецъ, которыя выносливѣе испанскихъ, и даютъ больше чистой прибыли. Но и этотъ опытъ не увѣнчался успѣхомъ. Въ октябрѣ 1846 года главные чиновники Асканії-Нова посѣтили первую выставку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Симферополѣ. Образцы шерсти, выставленные колоніей, вслѣдствіе своей выровненности, тонкости и хорошаго свойства, получили похвалу.

Герцогскому имѣнію была присуждена большая серебряная медаль.

Двадцать третьяго ноября 1847 года умеръ герцогъ Генрихъ; съ его смертью прекратился родъ герцоговъ Ангальдѣ-Кетенскихъ, который такъ интересовался основанной имъ колоніей и всячески поддерживалъ ее. Было ясно, что теперь дальнѣйшее существованіе Асканії-Нова будетъ лишь вопросомъ времени.

Согласно завѣщанію покойнаго герцога Фердинанда, колонія перешла въ собственность герцога Ангальтъ-Дессаускаго. Ангальтъ-Бернбургскому дому должна была быть выплачена наличными деньгами половина стоимости земли колоніи.

Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій съ большой неохотой вступилъ во владѣніе Асканіей-Нова и, ознакомившись ближе съ ея хозяйствомъ, которое въ то время было ниже всякой критики, въ 1849 году началъ вести переговоры о продажѣ, съ помѣщицомъ и обладателемъ стадъ въ Елисаветполѣ—Фейномъ, прадѣдомъ нынѣшняго владѣльца Асканіи, Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Эти переговоры велись съ перерывами (во время турецкой войны 1854 г.), въ теченіе нѣсколькоихъ лѣтъ, но не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Наконецъ, 26 августа 1856 года купчая была подписана обѣими сторонами. Содержаніе ея, въ главныхъ пунктахъ было слѣдующее:

1. Герцогскія таврическія владѣнія продаются цѣликомъ за 525.000 талеровъ серебромъ, въ такомъ видѣ, какъ они перешли въ пользованіе герцога Фридриха Ангальтъ - Кетенскаго, согласно указу Его Величества Императора Николая I, отъ 3 марта 1828 года...

2. Правительство обязуется, тотчасъ же послѣ высочайшаго соизволенія на продажу имѣнія, отдать администраціи Асканія-Нова распоряженіе, чтобы изъ имѣющагося инвентаря и изъ запасовъ ничего больше не продавалось...

3. Дѣйствительные герцогскіе чиновники, пастухи и служащіе не могутъ быть принуждаемы оставаться на службѣ у покупателя...»

4. Изъ проданнаго Фейну табуна въ Асканії-Нова двѣстѣ лошадей исключаются и предоставляются въ распоряженіе герцога Леопольда Фридриха.

О томъ, какъ этотъ табунъ лошадей шелъ изъ далекихъ южно-русскихъ степей въ герцогства Ангальтское, и какъ наконецъ прибылъ въ Дессау, очень интересно разсказываетъ г-нъ Böhm, которому была поручена доставка животныхъ.

Онъ говоритъ слѣдующее: „Въ октябрѣ 1857 года, по всѣмъ городамъ и селамъ — отъ Weichsel до Эльбы господствовало чрезвычайное оживленіе. Растигнувшись длинной нитью, шель по дорогѣ большой табунъ лошадей, охраняемый дикими на видъ всадниками, верхомъ на быстрыхъ коняхъ. Люди отовсюду сбѣгались большими толпами, чтобы посмотреть на это странное зрѣлище; старики набожно крестились, старухи крѣпко прижимали къ себѣ внучатъ, какъ бы желая защитить ихъ отъ опасности. Въ памяти народа еще слишкомъ свѣжи были впечатлѣнія войны, когда во всей странѣ властвовали французы, и гнались за ослабѣвшими войсками, съ оружиемъ въ рукахъ... Но на этотъ разъ мирные поселяне ошиблись: по дорогѣ тихо подвигалось самое безобидное шествіе; незнакомцыѣ хали изъ далекаго Крыма Таврической губ.,ѣ хали для того, чтобы передать герцогу Ангальтскому послѣдній даръ его бывшей колоніи... Табунъ, состоявшій изъ жеребцовъ и кобылицъ, выступилъ изъ селенія Марьиновки, въ августѣ 1857 года, въ сопровожденіи пяти верховыхъ ногайцевъ и подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Всѣ венци были отправлены впередъ, въ шести русскихъ телѣгахъ. Транспортъ, кромѣ двухсотъ лошадей табуна, заключалъ въ себѣ еще пятнадцать жеребятъ, двѣнадцать верховыхъ лошадей и пятнадцать упряженыхъ.

Дорога шла черезъ Бреславль (на Днѣпрѣ), Вознесенскъ и Бердичевъ — на Варшаву. Въ большихъ польскихъ лѣсахъ кони постоянно разбѣгались въ разныя стороны, пугаясь волковъ и непривычнаго, жуткаго лѣсного шума. Иногда на лошадей нападалъ такой паническій страхъ, что ихъничѣмъ нельзя было удержать — они какъ обезумѣвшія мчались впередъ, стараясь

вырваться изъ обступившаго ихъ лѣса, куда-нибудь въ степь, на просторъ... По ночамъ приходилось особенно строго слѣдить за животными, и татары неустанно, по очереди, обѣзжали табунъ, на сколько возможно оберегая чуткій сонъ запуганныхъ степныхъ дикарей. Въ результатѣ всѣ кони сильно исхудали, въ особенности несчастные жеребята, которыхъ мы, спустя нѣкоторое время, порѣшили сѣсть... Не говоря уже про ногайцевъ, даже мнѣ мясо молодыхъ лошадей показалось очень вкуснымъ...

Отъ Варшавы нашъ транспортъ направился прямо на Позент; начиная съ прусской границы, караванъ все время сопровождали два конныхъ жандарма, смѣнившіеся два раза въ день.

Передъ самимъ Дессау, куда мы прибыли только въ концѣ ноября, насъ вышли встрѣтить—прусскій король Вильгельмъ I и герцогъ Дессаусскій, съ наслѣднымъ принцемъ и свитой.

На большой площади, въ зоологическомъ саду, огороженномъ высокимъ заборомъ, я и подчиненные мнѣ ногайцы показывали свое искусство въ ловлѣ коней арканами... Герцогъ тутъ же выбралъ себѣ лично тридцать лошадей, а всѣ остальные — даже верховыя и упряженныя были проданы въ декабрѣ. Торги были окончены въ одинъ день, при чёмъ худшая лошадь, которая съ трудомъ волочила ноги, пошла за 75 талеровъ; среднихъ по качеству продали по 400 талеровъ, а лучшаго коня — за 800 тал. Самый дорогой сѣрий жеребецъ вырвался изъ рукъ, когда его уводили и, перепрыгнувъ высокое желѣзное загражденіе, повисъ на шеѣ, зацепившись за острый зубецъ. Чтобы спасти его, пришлось сдѣлать надрѣзъ кожи который къ счастью не принесъ особыго вреда.

Другая лошадь, вырвавшись, уѣжала и переплыла Эльбу; она долго пропадала, и только на четвертый день была обнаружена въ лѣсу и поймана мною съ помощью ласо.

За нѣсколько дней до нашего поѣзда, герцогъ, желая сдѣлать мнѣ и моимъ спутникамъ удовольствіе, отправилъ насъ въ театръ, гдѣ мои ногайцы очень скоро уснули и проспали все представление.

Богато одаренные герцогомъ за услугу, мы вскорѣ снарядились въ далекій путь и направились въ родныя кочевья.

Вѣзѣдъ табуна въ Дессау былъ въ свое время запечатленъ придворнымъ художникомъ профессоромъ Otto Seelmanомъ, на полотнѣ, которое сейчасъ хранится въ герцогскомъ замкѣ. Великолѣпный фотографический снимокъ съ этой картины (см.

Встрѣча табуна лошадей прибывшаго съ нагайцами въ Дессау въ 1857 году прусскимъ королемъ
Вильгельмомъ I и герцогомъ Дессаускимъ.

иллюстрацію) им'ється въ рукахъ у нынѣшняго владѣльца Асканії-Нова—Ф. Э. Фальпъ-Фейна.

Но вернемся къ исторії:—Ізвѣстіе о продажѣ колонії произвело въ Асканії-Нова потрясающее впечатлѣніе — многіе плакали, и вопли ихъ не прекращались долгое время. Никто не ожидалъ такой быстрой перемѣны.

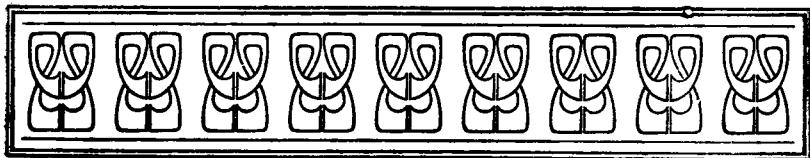
Третьяго октября 1856 года состоялась передача колонії Фейну. Онъ получилъ: 49.123 головъ овецъ, 297 козъ, 640 лошадей и 549 головъ рогатаго скота. Герцогскіе служащи, оставленные Фейномъ при имѣніи, частью пожелали вернуться къ себѣ въ Германію, частью остались въ той странѣ, которая сдѣлалась для нихъ второй родиной.

Итакъ Асканія-Нова перестала быть колоніей Ангальта...

П. Козловъ.

(Окончаніе следуетъ).

Лирика Е. А. Боратынского¹⁾.

Эротические мотивы сравнительно нерѣдки въ первомъ періодѣ поэта, настроенного отнюдь не эротически, и самое присутствіе такихъ мотивовъ въ элегіяхъ Боратынского говоритьъ о томъ, что поэтъ болѣе уступалъ современности и слѣдовалъ принятымъ образцамъ, чѣмъ повиновался собственному непосредственному влечению; чистоэротическихъ стихотвореній, отмѣченныхъ печатью Парни, у Боратынского очень мало, и такія произведенія, какъ „Леда“ и „Къ Амуру“, составляютъ исключеніе въ задумчиво-скорбной музѣ поэта-философа.

Легкій эшикуреизмъ и эротизмъ находилъ себѣ отраженіе въ поэзіи Боратынского, но кто не узнаетъ въ такихъ изящныхъ стихахъ почерпнутаго изъ французской poésie *legère* и хорошо усвоенного воспѣванія радостей жизни:

Любви веселой проповѣдникъ,
Всего любезный говорунъ,
Глубокомысленный шалунъ,
Назона правнукъ и наследникъ!
Дана на время юность намъ;
До рокового новоселья
Попить не худо для веселья.
Товарищъ милый, по рукамъ!
Наука счастья намъ знакома,
Часы летятъ!—Скорѣй зови
Богиню милую любви!
Скорѣе вѣтренаго Мома!
Альковъ уютный приготовь!

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

Наполни чаши золотыя!
 Измѣнятъ скоро дни младые,
 Измѣнитъ скоро намъ любовь!
 Летящій мигъ лови украдкой,—
 И Гея, Вакхъ еще съ тобой!
 Еще полна, другъ милый мой,
 Предъ нами чаша жизни сладкой... (К—ву, 1819).

Повторяемъ, что такие заимствованные мотивы встречаются весьма нерѣдко у Боратынского, но весьма рѣдко выдерживаетъ онъ общее легкое настроеніе и, начавъ говорить о радостяхъ жизни, о Купидонахъ и Лилетахъ, повторяя общія мѣста—

Счастливъ, кто легко рукою
 Весной умѣль срывать весенніе цвѣты,
 неожиданно обрываетъ стихотвореніе грустнымъ видѣніемъ:

И где же домъ утѣхъ? где чаша веселый стукъ?
 Забыть друзьями другъ заочной,
 Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
 Какъ блескъ зарницы полunoчной.
 И я, пѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
 Пою въ тоскѣ уединенной,
 И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
 И брегъ невидимъ отдаленный.

И такие неожиданные переходы отъ условнаго и трафаретнаго къ личному и субъективно-лирическому окрашиваются въ особый тонъ стихотворенія Боратынского, придающій неизъяснимую прелесть и оригинальность и граціозныи бездѣлушкамъ поэта.

Приблизительно то же самое можно сказать и о мадrigальной поэзіи Боратынского, о его стихотвореніяхъ на случай, популярность которыхъ зафиксирована известнымъ мѣстомъ изъ „Евгения Онѣгина“:

Но вы, разрозненные томы
 Изъ библіотеки чертей!
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ риѳмачей!
 Вы, украшенные проворно
 Толстова кистью чудотворной,
 Иль Боратынского перомъ,—
 Пускай сожжетъ васъ божій громъ!

Какъ эротическая стихотворенія Боратынского, такъ и альбомныя, мадригальныя непосредственно связаны съ французской поэзіей (а также и съ современной Боратынскому русской) и, подобно первымъ, имѣютъ наклонность къ переходу въ элегическое настроеніе, въ элегію.

Элегіи составляютъ послѣдній и самый значительный отдыль въ произведеніяхъ Боратынского; по элегіямъ можно судить объ его отношеніи къ предыдущей эпохѣ и къ современной жизни и литературѣ, и значительность этого отдыла заключается не только въ томъ, что онъ самый многочисленный, но и въ томъ, что онъ является наиболѣе характернымъ для Боратынского 1819—1827 гг. Для всей читающей публики и критики Боратынскій являлся прежде всего элегикомъ, и самъ поэтъ склоненъ былъ считать себя призваннымъ къ элегіи. Насколько высоко ставились въ свое время элегіи Боратынского, насколько элегіи Боратынского были событиями въ литературной жизни 20-хъ годовъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма Пушкина къ А. А. Бестужеву (отъ 12 января 1824): „Баратынскій—прелесть и чудо; Признаніе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣ“. Боратынскій обратилъ на себя вниманіе своими элегіями въ то время, когда элегія была однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и распространенныхъ видовъ лирической поэзіи, когда элегія Жуковскаго увлекла за собою цѣлую толпу подражателей. И элегикъ-Боратынскій въ своемъ посланіи „Богдановичу“ (1824) такъ говорить о модной элегіи модныхъ писателей:

Въ печаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
И какъ-то въ мірѣ семь все очень не по нихъ...
И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
Прости ему Господь!—Но что же? всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивые врачи,
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и сердце отдавѣло.

Элегія Боратынскаго не могла потеряться среди массы „злыхъ подражателей“ Жуковскаго, такъ какъ въ противоположность послѣднимъ, элегія Боратынскаго отличалась не общими трафаретными мѣстами обѣ увяданіи души и сердца, такъ какъ поэтъ пѣлъ не „нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы“ и не „поблеклый жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“ въ туманныхъ стихахъ, а въ своихъ элегическихъ произведеніяхъ касался глубокихъ вопросовъ бытія, и каждая его элегія являлась какъ бы маленькой поэмой, раскрывавшей передъ читателемъ внутренній міръ скорбной души поэта. Этимъ качествомъ, а также глубокой искренностью и задушевностью, рядомъ съ художественной значительностью и печатью оригинальности, Боратынскій несомнѣнно выдѣлялся среди всѣхъ (и крупнымъ—въ томъ числѣ) элегиковъ 20-хъ годовъ и заслуживалъ тѣ лестные отзывы, какіе расточались въ его похвалу. Въ своей элегіи, въ элегическомъ тонѣ Боратынскій былъ вполнѣ самостоятельнымъ и „не тащился по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія“, но справедливость требуетъ указать на то, что руководителями поэта и въ этомъ направленіи были тѣ же французскіе поэты (въ особенности, Дафаръ и Мильвуа) и Жуковскій, и что, прежде чѣмъ выйти на самостоятельную собственную дорогу, Боратынскій въ своихъ элегіяхъ удовлетворялся общими мѣстами и въ 19 лѣтъ говорилъ:

Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья?—
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ-ли друга ты?—Болѣзни и печали
Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ... („Къ Креницыну“.
1819)!

Или:

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей.
Любви и радости подруги,
Простите! вяну въ утро дней! („Прощанье“, 1819).

Но еще болѣе, чѣмъ элегическая условность свидѣтельствуетъ о связи Боратынскаго съ господствовавшими направленіями и настроеніями его времени, свидѣтельствуетъ о томъ, какое вліяніе имѣло на Боратынскаго французская поэзія конца XVIII вѣка, то удивительное усвоеніе формы и духа фран-

цузской элегии, въ силу котораго въ нѣкоторыхъ слуяяхъ невозможно отличить переводныхъ элегий Боратынского отъ оригинальныхъ. Понятно, что по мѣрѣ все болѣе широкаго развитія творческой думы Боратынского, онъ все болѣе и болѣе отходилъ отъ своихъ образцовъ, но отправными пунктами его творчества были литературные образцы и вѣянія времени, вслѣдствіе чего необходимо считаться съ нѣкоторою условностью произведеній поэта, принадлежавшаго своими симпатіями и образованіемъ къ классической поэзіи, и потому нельзя за Лилетами, Темирами, Алименами и воспѣваніями легкихъ радостей и оплакиваніями легкихъ печалей видѣть не только факты біографического характера, но порой и показателей внутренняго душевнаго міра.

Замѣтимъ также, что аналитическій складъ ума Боратынского питался сентенціями французской поэзіи, что и отразилось довольно значительно въ первомъ періодѣ его лирики, когда онъ убѣждаетъ „сократить желаній пылкихъ нетерпѣніе“, потому что

Мы ими счастію вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

Значительный отпечатокъ положилъ классицизмъ XVII вѣка не только на строеніе строфы у Боратынского и на широкое пользованіе миѳологическими именами, но также и на самій языкъ его произведеній, въ которыхъ мы находимъ очень большое количество галлицизмовъ, какъ напр.:

Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ, счастія, но счастье нужно мнѣ. („Родина“, 1821)

Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадной,
И сердцу и уму я пишу находилъ. („Н. И. Гнѣдичу“, 1822)

И я люблю, тебя внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей. („Лутковскому“, 1823) и т. д.

Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена. („Родина“, 1819).

Большая часть стихотвореній первого періода написана поэтомъ въ Финляндіи, угрюмо-живописная природа которой наложила особый отпечатокъ на все творчество Боратынского и выразилась очень ярко въ его поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ. Природа, картины природы и мысли, внушенныя ими, является на первомъ планѣ въ очень многихъ произведеніяхъ Боратынского, такъ описывающаго свое общеніе съ природой:

Какъ все вокругъ меня пгѣняетъ грозно взоръ!
Пустынныи неба сводъ, угрюмый видъ природы,
О каменистый брегъ дробицяя воды
И дремлющій надъ ними боръ!
Скалы далекія подернулись туманомъ,
Въ зеркалѣ зыбкихъ водъ глядится черный лѣсъ;
Все тихо! все молчитъ! и блѣдный сводъ небесъ
Слился съ безбрежнымъ океаномъ.
Здѣсь все бесѣдуетъ съ уныніемъ моимъ:
И сосенъ шумъ глухой, и волнъ неясныи лепеть
Какъ будто бы знакомъ, какъ будто виятень имъ
Младого сердца томный трепетъ.
Здѣсь окруженній тишиной
Природы, дремлющей подъ кровомъ ночи звѣздной.
Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной,
Молчать и въ даль летѣть душой... („Финляндія“. 1820).

Поэтъ любилъ природу и даль много мастерскихъ по рисунку и краскамъ. по живописи образовъ картинъ, но рѣдко встрѣчаются въ его произведеніяхъ картины „прекрасной весны“, когда „звукать и блещутъ небеса“, когда просыпается въ сумракѣ вѣтвей наяда и „стрясаетъ иши съ кудрей“: въ эти минуты восторги природы пробуждаются его духъ, но такие моменты крайне рѣдки и мимолетны, и торжествующій мажорный тонъ переходитъ въ элегическое раздумье („Весна“. 1822).

Любимый пейзажъ Боратынского въ первомъ періодѣ—немочныи шумъ водопадовъ, борьба волнъ, утесистыя грани, черные валы, возстающіе до небесъ.

Лѣса угрюмые, громады мицтыхъ горъ.
Пришельца новаго пугающіе взоръ,
Свинцовыхъ моря водъ безбрежная равнина...
(„Н. И. Гиѣдичу“. 1822).

И камней мицтыхъ громады,
И видъ подей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ немолчный ихъ... („Отъѣздъ“. 1821).

Пасмурное солнце, вѣчный шумъ сосенъ и ревъ моря питаются въ Боратынскомъ „безумье мрачныхъ думъ“, и въ его стихотвореніяхъ настолько гармонично-цѣльно сливаются картины природы съ думами скорбнаго поэта, съ его внутреннимъ

міромъ, что, съ одной стороны, оживляютъ мрачный пейзажъ, съ другой стороны—подчеркиваютъ „безумье мрачныхъ думъ“ на фонѣ „мрачнаго вида нагой природы“. Этимъ пріемомъ—передачей своихъ настроений посредствомъ картины природы—Боратынскій пользовался очень широко, и онъ употребленъ особенно мастерски-замѣчательно въ „Осени“ (1837 года); но и въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности Боратынского проявляется рѣзко эта манера письма, что придаетъ особый, личный характеръ многочисленнымъ отраженіямъ природы въ его поэзіи.

Пушкинъ, болѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, назвалъ Боратынского Гамлетомъ, но это название нельзя не признать весьма удачнымъ, такъ какъ поэтическія раздумья Боратынского по существу Гамлетовскаго характера. Поэтъ вѣчно тоскуетъ о счастьи, которое такъ же недоступно человѣку, какъ влага алчущему Танталу:

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я.
Когда жъ и гдѣ и въ чемъ его найду я,
О суды бытія! („Истина“, 1823).

Желаніе счастья въ человѣка вдохнули боги, но вѣчно-блаженные и жестокіе боги не дѣлятся своимъ блаженствомъ съ земными дѣтьми Прометея и положили намъ тягостный жребій:

положенный срокъ
Томиться болѣзненной жизнью,
Любить и лѣжать недугъ бытія
И смерти отрадной страститъся.
Нужды непреклонной слѣпые рабы.
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно настъ
Случайная жизнь покоряетъ.
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное;
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся пеяснымъ желаньемъ!..
(„Къ Делю“, 1821).

Такъ, уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Боратынского прозвучалъ тотъ мотивъ о детерминизмѣ сильныхъ рабовъ самовластнаго рока, которымъ Провидѣніе дало на выборъ двѣ

доли: „или надежду и волнение, иль безнадежность и покой“. И поэтъ полетѣлъ за призракомъ, манящимъ издали и внушиаемымъ надеждой, но усталъ отъ безцѣльного пустого волненія:

Что-жъ наши подвиги! — восклицаетъ онъ въ Финляндіи—что слава нашихъ дней,

Что наше вѣтряное племя?

О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ;

Для всѣхъ одинъ законъ—законъ уничтоженья.

Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ

Обѣтованнаго забвенья! („Финляндія“, 1820).

Но поэтъ еще любить жизнь для жизни, хотя и предчувствуетъ безцѣльность „пустого дѣйствія“, которому насъ покоряетъ „случайная жизнь“.

Неясное желаніе заставляетъ насъ вѣчно порываться къ родному небу, чувство жизни, любовь къ жизни заставляетъ насъ выбирать надежду и волнение, надѣяться на кажущееся возможнымъ счастье, но острый аналитический умъ осparиваетъ всѣ прелести бытія и разрушаетъ „замыслы блестящіе и сердца пламенные сны“. Мудрость говорить о безнадежности и покоя, и между поэтомъ, колеблющимся въ выборѣ доли, и Истиной, представшой ему, происходитъ слѣдующій разговоръ:

„Свѣтильникъ мой укажеть путь ко счастью“,

Вѣщала—„захочу,

„И страстнаго—отрадному безстрастью

„Тебя я научу.

„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;

„Пускай, узнавъ людей,

„Ты. можетъ быть, испуганный разлюбишь

„И близкихъ и друзей.

„Я бытія всѣ прелести разрушу,

„Но умъ наставлю твой;

Я оболью суровымъ хладомъ душу.

„Но дамъ душѣ покой“.

Я трепеталь, словамъ ея внимая,

И горестно въ отвѣтъ

Промолвилъ ей: о гостья неземная!

Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ;
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
И страшень для живыхъ!

Покинь меня, въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня; кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости!.. иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ...

Явись тогда, раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобы, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Драматическая коллизія въ душѣ поэта чувства и разума разрѣшилась (если это только можно назвать разрѣшеніемъ) мучительнымъ для поэта состояніемъ, колебаніями между истинами разума и непосредственностью чувства, въ душѣ поэта совершилось неполное разувѣренье. самое мучительное потому, что онъ не могъ отдаваться власти чувства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ продолжало жить „слѣпое сожалѣніе о старинѣ“. Повидимому, въ связи съ фактами личной жизни, эта борьба чувства и разума пріобрѣтаетъ наиболѣе острый характеръ въ стихотвореніяхъ 1823 года, посвящихъ на себѣ печать сосредоточенной мрачности. Счастья нѣтъ, или оно недоступно человѣку, жизнь преднарѣтана, предопределена Слѣпымъ рокомъ—Случаемъ, и отсюда вытекаетъ проповѣдь квѣтизма: въ бесплодныхъ поискахъ счастья поэтъ усталъ, и ему кажется, что онъ нашелъ окончаніе пути въ отдыхѣ, „похожемъ на счастіе“, и онъ даетъ совѣты мудрымъ, испытавшимъ щѣтуту утѣхъ и принявшимъ „себѣ на тягостную часть“ знанье бытія:

Гоните прочь ихъ рой прельстительный!
(рой замысловъ и сновъ сердца)

Такъ! доживайте жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

(„Двѣ доли“. 1823),

Истинное безнадежное счастье заключается въ сердечной типинѣ, которую нарушаютъ „ошибочныя страсти“, такъ какъ, вдавшись въ ихъ обманъ, мы просыпаемся „только для страданія, для боли тяжкой прежнихъ ранъ“, и этотъ пессимизмъ является основой многихъ элегій Боратынского, которому становятся чужды „всѣ обольщенія прежнихъ дней“. Но не только голосъ безстрастной Птицы проповѣдуетъ квіатизмъ,—проповѣдь квіатизма вытекаетъ также изъ детерминизма: жизнь наша предначертана самовластнымъ рокомъ, и мы не въ силахъ измѣнить его предначертаній, и „удѣломъ нашимъ рѣшено, какъ наслаждаться намъ прилично“, а потому мы должны покориться велѣніямъ рока и воспитывать свой духъ „случайной долѣ сообразно“:

Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ. („Стансы“, 1824).

И слѣдствіемъ такой предначертанности является слѣдующій идеалъ „мудреца прямого“:

О человѣчествѣ судить желая здраво.
Онъ страсти подавилъ, лишающія насъ
И вѣрности ума и правильности глазъ.
Въ сообщество людей вступившій безусловно,
На ихъ дурачества онъ смотритъ хладнокровно.
Не мысля, чтобъ могли кудрявныя слова
Въ нихъ свойство измѣнить и силу естества.
Изъ насъ, я думаю, не скажеть ни единой
Осипъ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Зачѣмъ же: будь умень—онъ вымолвитъ глупцу?
Покой, одинъ покой любезенъ мудрецу.
Не споря безъ толку съ чужимъ нелѣпымъ толкомъ,
Одинъ по-своему онъ мыслить тихомолкомъ...

(Г[ибди]чу, который совѣтовалъ сочинителю
писать сатиры. 1823).

Таковъ безотрадный выводъ, который дѣлаетъ Боратынскій изъ своихъ исканий истины и счастья, но не перестаетъ искать и волноваться, и мрачный тонъ является господствующимъ, но не исключительнымъ въ творчествѣ поэта 20-хъ годовъ.

И въ той же Финляндіи, въ которой поэтъ говоритъ о законѣ уничтоженія, онъ находитъ утѣшеніе въ жизни, въ

заблужденіяхъ жизни и, въ особенности въ искусствѣ, кото-
рое помогло ему не упасть душой передъ суровымъ рокомъ:

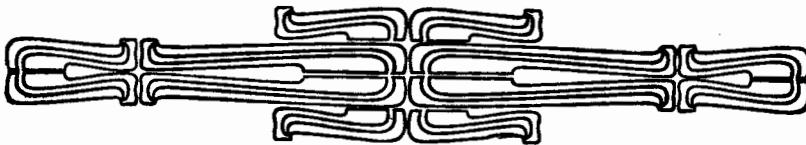
Но я, въ безвѣтности для жизни жизнь любя,
Могу-ль себя томить гадательной тоскою?
Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.
Златые призраки, златыя сновидѣнья,
Желанья пылкія, слетитесь толпой!
Пусть жадно буду пить обманутой душой
Изъ чаши юности волшебства заблужденья.
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Грустной думой отмѣченъ весь первый періодъ лирики Боратынского, наиболѣе же безотрадныя ноты звучать въ стихотвореніяхъ 1823 года; послѣ 1823 года и, быть можетъ, въ связи съ событиями личной жизни поэта (жизнь въ Гельсингфорсѣ, увлеченіе А. Ф. Закревской, надежда на выходъ изъ подневольного состоянія), муза поэта была настроена менѣе сосредоточенно-мрачно.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои отношения къ штабу отдѣльного корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и известному публицисту славянофилю г. Аксакову.

Въ 1871 году, когда я находился въ составѣ слушателей старшаго выпускнаго класса Военно-Юридической академіи, Николаемъ Андріановичемъ Неклюдовымъ¹⁾, состоящимъ преподавателемъ въ младшемъ классѣ этой академіи общаго уголовнаго права, было сдѣлано мнѣ предложеніе проchесть нѣсколько лекцій по общему уголовному праву и уголовному судопроизводству въ штабѣ корпуса жандармовъ офицерамъ, желающимъ перейти на службу въ упомянутый корпусъ. Предложеніе это меня крайне удивило, и я тогда же заявилъ Николаю Андріановичу Неклюдову, у которого считался лучшимъ слушателемъ преподаваемаго имъ предмета, что едва-ли, будучи ученикомъ, я въ состояніи исполнить роль преподавателя. Выслушавъ меня, Н. А. Неклюдовъ замѣтилъ, что офицеры, которымъ я буду преподавать, не имѣютъ, по всей вѣroятности, даже понятія объ уголовномъ правѣ, да и моя задача будетъ состоять главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ нашими дѣйствующими криминальными законами и судопроизводствомъ въ предѣлахъ составленія дознанія, про-

¹⁾ Въ 1870 году Николай Андріановичъ Неклюдовъ былъ почетнымъ мировымъ судьею въ городѣ С.-Петербургѣ и въ то же время читалъ лекціи общаго уголовнаго права въ младшемъ курсѣ Военно-Юридической академіи. Въ 1871 году Н. А. Неклюдовъ былъ старшимъ юристъ-консультомъ Министерства Юстиціи, а затѣмъ, какъ известно, состоять въ Правительствующемъ Сенатѣ, исполняя обязанность оберъ-прокурора Сената. Умеръ Н. А. Неклюдовъ уже въ должностіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

токоловъ и такъ далѣе. Надо, добавилъ Николай Андріановичъ, чтобы будущіе жандармскіе офицеры усвоили себѣ вполнѣ предѣлы своей власти. Если согласны, въ заключеніе сказалъ Н. А. Неклюдовъ, то возьмите мою карточку и отправляйтесь къ юристъ-консульту третьаго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи дѣйствительному статскому совѣтнику Баженову. На другой день, облекшись въ парадную форму, я отправился въ штабъ отдѣльного корпуса, жандармовъ, ибо въ зданіи, гдѣ помѣщался штабъ упомянутаго корпуса, находилось и третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, а также и проживалъ самъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, пользующійся въ то время правомъ министра, если не болѣе. Послѣ свиданія съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Баженовымъ и объясненій съ нимъ по отношенію характера и направленія моихъ лекцій, я по его указанію направился къ начальнику штаба корпуса жандармовъ генералъ-маіору Никифораки.

Генералъ-маіоръ Никифораки принялъ меня любезно, сообщиаъ мнѣ, что въ тридцать лекцій въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ я долженъ буду познакомить слушателей съ нашими дѣйствующими законами, за каждую же лекцію буду получать по пяти рублей, что меня тогда обрадовало, такъ какъ сто пятьдесятъ рублей въ то время было для меня солидною суммою. Въ первой половинѣ мая я началъ преподаваніе и черезъ нѣсколько лекцій успѣхъ познакомиться съ моими слушателями въ количествѣ двадцати восьми офицеровъ пѣхотныхъ и кавалерийскихъ армейскихъ полковъ. Конечно, всѣ эти офицеры не столько заинтересованы были профессіональною обязанностью жандармеріи, сколько денежнѣмъ жалованіемъ, установленнымъ для офицеровъ въ корпусѣ жандармовъ въ размѣрахъ, значительно большихъ, чѣмъ въ дѣйствующихъ войскахъ. Вотъ почему изъ моихъ слушателей большинство мечтало занять мѣста при управлѣніи желѣзныхъ дорогъ, а не въ дополнительномъ штатѣ при начальникахъ губернскихъ жандармскихъ управлений.

Останавливаться на моихъ лекціяхъ я не буду, скажу только одно, что всѣ слушатели являлись аккуратно и, какъ мнѣ тогда казалось, были заинтересованы тѣми свѣдѣніями, которыя имъ сообщались. Практическія занятія также шли успѣшно, такъ что въ концѣ іюня мѣсяца я думалъ уже сообщить генералъ-маіору Никифораки объ окончаніи моихъ занятій. Случилось однако обстоятельство, вынудившее меня измѣнить

мое намѣреніе и именно: отъ начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управлѣнія полковника Полозова я узналъ, что въ штабѣ корпуса жандармовъ имѣются секретныя инструкціи, крайне характерныя, по требующія разъясненія, при чёмъ инструкціи эти имѣютъ важное значеніе для офицеровъ, зачисленныхъ въ корпусъ жандармовъ, почему, пояснилъ мнѣ полковникъ Полозовъ, вамъ слѣдовало бы истребовать эти инструкціи и въ особенности послѣднюю, шефа графа Шувалова, чтобы разъяснить ихъ вашимъ слушателямъ.

Согласившись вполнѣ съ заявлѣніемъ полковника Полозова, я обратился къ генерал-маіору Никифораки съ просьбой о выдачѣ мнѣ секретныхъ инструкцій. Просьбу мою генерал-маіоръ Никифораки хотя и рѣшилъ исполнить, но какъ мнѣ тогда показалось нехотя, предупредивъ при этомъ меня, что выданную мнѣ инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова я обязываюсь никому не передавать и даже возвратить обратно по мілованіи въ ней надобности. Получивъ въ тотъ же день инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова, на какой-то инструкціи сверху было напечатано „весьма секретно“, я отправилъ ее свою квартиру, но на Морской встрѣтился съ г. Аксаковымъ, извѣстнымъ литераторомъ-славянофиломъ. Познакомился я съ Аксаковымъ въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ, состоя уже слушателемъ Военно-Юридической академіи, неоднократно встречался съ нимъ на вечерахъ въ знакомомъ мнѣ семействѣ, гдѣ также бывали: Некрасовъ, Писаревъ, Салтыковъ-Шедринъ. Спасовичъ и многія другія лица, извѣстныя тогда въ Россіи по своей литературной дѣятельности.

„Откуда и куда „грядеши“?“, спросилъ меня Аксаковъ. Когда же я ему сообщилъ, что иду изъ штаба отдѣльного корпуса жандармовъ къ себѣ домой, то Аксаковъ, какъ бы удивленный моимъ отвѣтомъ, сказалъ „какое же отношеніе Вы имѣете къ нашей жандармеріи?“, но послѣ моего подробнаго объясненія той роли, которую мнѣ пришлось выполнить въ штабѣ жандармовъ, Аксаковъ замѣтилъ: „труды Вашіе безполезны, такъ какъ въ средѣ нашей жандармеріи трудно привить основы правовыхъ понятій“. Узнавъ же отъ меня, что я получилъ отъ генерал-маіора Никифораки секретную инструкцію для жандармскихъ офицеровъ, Аксаковъ просилъ меня познакомить его съ этой инструкціею, для чего и предложилъ мнѣ зайти въ кафе-ресторанъ и тамъ позавтракать, на что я охотно согласился. Когда въ кафе-ресторанѣ въ пассажѣ на Невскомъ намъ подали кофе, то Аксаковъ получилъ отъ меня инструкцію

начать ее читать, что отняло времени не более какъ четверть часа, ибо содержаніе инструкціи не отличалось многосложностью и заключало въ себѣ только шесть печатныхъ страницъ. Во время чтеній инструкціи Аксаковъ то улыбался, то хмурился, а передавая мнѣ обратно инструкцію, высказалъ—„эту замѣчательную инструкцію составлялъ, конечно, самъ шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, Баженовъ ее исправлялъ, а генераль-маиръ Никифораки корректуру держалъ“. „Короче говоря“, добавилъ тогда Аксаковъ, „чтобы создать такую инструкцію, надо обладать не шуточною фантазіею и, отрѣшившись отъ міра дѣйствительности, допустить сверхъестественное, то-есть, что всѣ офицеры отдѣльного корпуса жандармовъ имѣютъ болѣе чѣмъ солидное энциклопедическое образованіе въ сферѣ всѣхъ научныхъ знаній, не исключая даже торгового дѣла“. „Ну да“, въ заключеніе пояснилъ Аксаковъ, „можно какую угодно грамотку написать, но кто же ее будетъ выполнять, когда нѣтъ для того пригодныхъ людей: поручить офицерамъ—это будетъ равносильно создавать преступленіе тамъ, где нѣтъ даже намека и на проступокъ“. Прощаюсь со мною, Аксаковъ сказалъ „вчера я встрѣтился съ генераль-адъютантомъ Тимашевымъ¹⁾ и на его вопросъ, гдѣ по моему мнѣнію находятся вожаки революціоннаго броженія, шутя отвѣтилъ: въ третьемъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, а теперь, прочтя инструкцію, думаю, что моя шутка близка къ правдѣ“.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, не теряя времени, прочелъ указанную инструкцію и тогда же вполнѣ согласился съ соображеніями г. Аксакова. Инструкція заключала въ себѣ двадцать пять пунктовъ или постановленій; изъ нихъ десять постановленій имѣли характеръ общій, а пятнадцать — детальный, какъ бы разъясняющій общее положеніе. Инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова сохранилась у меня и по настоящее время. Подробно останавливаться на инструкціи считаю излишнимъ, такъ какъ признаю вполнѣ достаточнымъ въ общемъ обрисовать ея цѣль и направленіе. Весьма секретная инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова разрѣшала офицерамъ отдѣльного корпуса жандармовъ помимо присвоенной имъ формы носить обще-армейскую, а также и переодѣваться въ гражданское платье,

¹⁾ Генераль-адъютантъ Тимашевъ въ то время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, ему, то-есть Тимашеву, въ обществѣ присваивалось тогда название „министръ Морской“, въ виду того, что каждый день его можно было встрѣтить гуляющимъ по Морской улицѣ.

когда это будетъ необходимо для успѣха розыска. Инструкція рекомендовала жандармскимъ офицерамъ лично собирать свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ государственныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій, а также и учрежденій общественныхъ, какъ-то: банковъ, биржъ и такъ далѣе, не игнорируя при этомъ и функционированіемъ учебныхъ заведеній отъ низшихъ до высшихъ. Собирая свѣдѣнія, жандармскій офицеръ долженъ дѣйствовать въ тайнѣ и отнюдь не обнаруживать своихъ стремленій. Главнымъ образомъ жандармскій офицеръ обязанъ разузнавать о зарожденіи въ средѣ общества вредныхъ идей соціально-революціоннаго характера и по всякому подозрѣнію секретно производить дознаніе, не придавая однако ему офиціального характера. Если по наведеннымъ справкамъ обнаружились явные признаки политического или даже общаго преступленія, то объ этомъ жандармскій офицеръ долженъ довести до свѣдѣнія начальника губернскаго жандармскаго управлениія, который, вторично провѣривъ основательность подозрѣнія, обязанъ немедленно сообщить обо всемъ секретно въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Кромѣ того инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова, подобно прежнимъ инструкціямъ графа Бенкендорфа и князя Орлова, требовала, чтобы жандармскіе офицеры не уклонялись отъ принятія всякаго рода жалобъ частныхъ лицъ на неправильныя дѣйствія государственныхъ, административныхъ, судебныхъ и общественныхъ учрежденій, конечно въ предѣлахъ губерніи и области, при чемъ жалобы эти представлялись начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управлений, которые въ свою очередь, по провѣркѣ заявлений опять же путемъ не гласнымъ, обязывались представлять жалобы съ своими разъясненіями въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Такимъ образомъ офицеры отдѣльного корпуса жандармовъ при шефѣ жандармовъ графѣ Шуваловѣ поставлены были въ положеніе лицъ, какъ бы контролирующіхъ функционированіе правительстvenныхъ и общественныхъ органовъ до губернатора включительно, но для этого, конечно, необходимо было имѣть солидное научное энциклопедическое образованіе, какового образованія жандармскіе офицеры, къ сожалѣнію, не имѣли. Послѣ разъясненія инструкціи шефа жандармовъ графа Шувалова моимъ слушателямъ я сообщилъ генералъ-маіору Никифораки объ окончаніи моей работы и что мои слушатели по моему мнѣнію могутъ быть допущены къ экзамену; „весьма секретную“ инструкцію графа Шувалова съ разрѣшенія генералъ-маіора Никифораки я удержалъ у себя.

Нельзя не замѣтить, что общество, по крайней мѣрѣ, въ С.-Петербургѣ въ 1870 и 1871 годахъ относилось къ синимъ жандармскимъ мундирамъ съ экзельбантами съ какою-то подозрительностью, соединяя съ этимъ мундиромъ много активныхъ дѣйствий, препятствующихъ къ свободному развитію общественныхъ воззрѣній, хотя жандармскихъ офицеровъ можно было встрѣтить въ клубахъ, но только въ общей армейской формѣ. Можетъ быть „секретная инструкція“ и приносила пользу по обнаружению неправильныхъ дѣйствій административныхъ и государственныхъ лицъ и учрежденій, такъ какъ еще Императоръ Николай Павловичъ признавалъ, что отдѣльный корпусъ жандармовъ является Его платкомъ, утирающимъ слезы несчастныхъ, но такое положеніе отдѣльного корпуса жандармовъ въ царствование Императора Александра Николаевича Царя Освободителя невольно измѣнилось въ силу послѣдовавшихъ прогрессивныхъ реформъ.

Въ юлѣ того же 1871 года состоялся экзаменъ офицерамъ, моимъ слушателямъ въ количествѣ двадцати восьми лицъ. Въ экзаменаціонной комиссіи предсѣдательствовалъ самъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Шуваловъ и по всей вѣроятности потому, что организація лекцій для подготовленія къ исполненію обязанностей жандармскихъ офицеровъ была первою затѣю графа Шувалова. Въ составъ экзаменаціонной комиссіи, кромѣ меня, вошли: юристъ - консультъ Баженовъ, юристъ - консультъ министерства юстиціи Н. А. Неклюдовъ и генералъ-маіоръ Никифораки. Отвѣты экзаменующихся какъ словесные, такъ и письменные, на предложенія мною темы настолько были вполнѣ удовлетворительны, что всѣмъ двадцати восьми офицерамъ послѣ экзамена было объявлено самимъ шефомъ, что они будутъ переведены на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, а миѣ лично высказалъ графъ Шуваловъ благодарность за мои труды. Не могу умолчать, что во время экзамена произошелъ случай, до нѣкоторой степени встревожившій меня. Послѣ довольно основательныхъ отвѣтовъ поручика гусарскаго цолка Боровитинова въ предѣлахъ уголовнаго судопроизводства, ему былъ предложенъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ вопросъ, какъ онъ, Боровитиновъ, понимаетъ секретную инструкцію въ смыслѣ обнаруженія зарожденія преступныхъ революціонныхъ идей? На вопросъ этотъ поручикъ Боровитиновъ смѣло отвѣчалъ: „только съ вѣшней стороны, Ваше Сиятельство, то-есть когда мною будетъ обнаружено явное сборище революціонеровъ, для совершеннія какого-либо преступнаго дѣла, такъ какъ отѣлить безвредное убѣжде-

ніє оть преступныхъ, при отсутствії виѣшней оболочки, я лишенъ всякой возможности по недостаточности моего соціально-научного образованія". Отвѣтъ поручика Боровитинова какъ бы озадачилъ графа Шувалова, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ меня: „мою секретную инструкцію Вы объясняли?" на что я, конечно, далъ отвѣтъ утвердительный, при чмъ добавилъ, что высказанное поручикомъ Боровитиновымъ есть результатъ, однако, личнаго его убѣжденія.

Въ началѣ августа начался выпускной экзаменъ военно-юридической академіи, по окончаніи этого экзамена, я причисленъ былъ къ первому разряду окончившихъ курсъ военно-юридической академіи, а потому и подлежалъ къ зачислению въ военно-судебное вѣдомство. Изъ двадцати четырехъ штатныхъ слушателей военно-юридической академіи въ 1871 годъ только окончило курсъ по первому разряду семнадцать лицъ, а остальные семь—по второму, почему эти послѣдніе, получивъ только право на ношеніе академического знака, должны были возвратиться снова въ строй.

Въ концѣ августа мною было получено письмо отъ генераль-маюра Никифораки съ предложеніемъ зайти въ штабъ отдѣльного корпуса жандармовъ для личнаго съ нимъ объясненія. На другой день по полученіи письма я отправился къ генераль-маюру Никифораки, который, принявъ меня крайне любезно, заявилъ, что со мною желаетъ лично говорить самъ шефъ жандармовъ. Послѣ чего генераль-маюръ Никифораки, поднявшись по винтовой лѣстницѣ, соединившей непосредственно кабинетъ начальника штаба съ кабинетомъ самого шефа графа Шувалова, оставилъ меня на нѣсколько минутъ одного, но вскорѣ я былъ приглашенъ въ кабинетъ шефа. Шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, поздоровавшись со мною, пригласилъ меня сѣсть и занять мѣсто за письменнымъ столомъ противъ него, а недалеко оть меня расположился также и генераль-маюръ Никифораки; въ кабинетѣ кромѣ насъ троихъ никого не было. „Вы, капитанъ",—обратился ко мнѣ шефъ жандармовъ, — „слышали, конечно, отвѣтъ поручика Боровитинова, по мнѣ кажется, пояснилъ графъ Шуваловъ, что отвѣтъ поручика, замаскированный скромностью, опредѣляетъ его способность и полную развитость, а потому и прошу васъ указать мнѣ, кого вы изъ вашихъ слушателей офицеровъ признаете болѣе способными къ розыскамъ по преступленіямъ политическмъ". На такой оригинальный вопросъ графа Шувалова я могъ, конечно, дать только одинъ отвѣтъ, что совершенно признаю для себя невозможнымъ опредѣлить способность слуша-

телей въ смыслѣ розыска, но кромѣ поручика Боровитинова къ болѣе развитымъ офицерамъ я могу отнести еще десять лицъ, при чемъ и указалъ фамиліи офицеровъ. Затѣмъ графъ Шуваловъ спросилъ меня, какую я желаю награду: крестъ или годовой окладъ жалованья. Поднявшись съ мѣста и поблагодаривъ графа поклономъ, я высказалъ желаніе получить денежную награду. Наконецъ, графъ Шуваловъ предложилъ мнѣ самому перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, обѣщая при этомъ, что не далѣе, какъ черезъ три года, я буду произведенъ въ чинъ подполковника, а далѣе, спустя нѣкоторое время, могу получить начальника губернскаго жандармскаго управления и по всей вѣроятности въ С.-Петербургѣ, до получения же упомянутаго назначенія, я долженъ буду читать по-прежнему лекціи офицерамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе въ работѣ III отдѣленія собственnoй Его Величества канцеляріи. Къ этому графъ Шуваловъ добавилъ, что до назначенія меня начальникомъ губернскаго жандармскаго управления, мнѣ будетъ опредѣленъ годовой окладъ жалованья въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей—содержаніе по времени довольно солидное. Несятря однако на выгодное предложеніе, я рѣшился заявить графу Шувалову мой отказъ и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что намѣренъ служить въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ къ службѣ этой подготовлялся. Мой отрицательный отвѣтъ сверхъ моего ожиданія не взволновалъ графа, и онъ только замѣтилъ: „какъ хотите, но едва-ли вы будете получать въ военно-судебномъ вѣдомствѣ такое денежнное содержаніе, какое я вамъ предлагаю, по если вы отказываетесь отъ моего предложенія, добавилъ графъ Шуваловъ, то не можете ли вы предложить кому-либо изъ вашихъ товарищей офицеровъ по академіи замѣнить васъ съ непремѣннымъ однако переходомъ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ“. Выполнить посѣдѣнное предложеніе генераль-адъютанта графа Шувалова я съ охотою согласился, расчитывая на лицъ, окончившихъ курсъ военно-юридической академіи по второму разряду..

Спустившись снова по лѣстницѣ въ кабинетъ начальника штаба, я намѣревался отправиться къ себѣ на квартиру, но былъ задержанъ генераль-маюромъ Никифораки, который при прощаніи со мной высказалъ слѣдующее: „не служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ васъ вынудила, капитанъ, отказаться отъ предложенія графа, а несправедливое общественное предубѣженіе противъ вообще жандармовъ, но дѣятельность отдѣльного корпуса жандармовъ довольно обширна и даже является

до иѣкоторой степени контролирующей функционированіе другихъ министерствъ кромѣ военнаго, благодаря высокому служебному положенію шефа жандармовъ¹⁾.

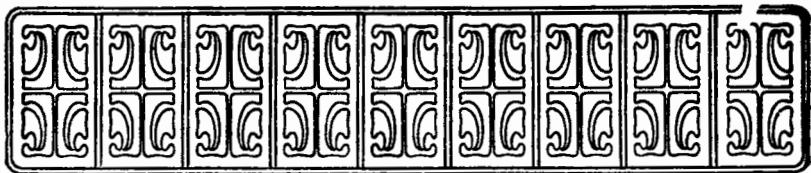
Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, переодѣвшись, немедленно отправится къ капитану Попову, хотя и окончившему курсъ по второму разряду, но человѣку вполнѣ развитому и способному. Предложеніе мое крайне обрадовало Попова, и онъ, соглашаясь перейти на службу въ отдѣльный корпussъ жандармовъ, высказалъ по этому поводу свое удивленіе о моемъ отказѣ. Черезъ иѣсколько дней я вмѣстѣ съ капитаномъ Поповымъ отправились въ штабъ отдѣльного корпуса жандармовъ, при чемъ Поповъ захватилъ съ собою и аттестать, выданный ему объ окончаніи курса образованія въ военно-юридической академіи. Генералъ-маиръ Никифораки, просмотрѣвъ аттестатъ Попова и получивъ отъ посѣднаго согласіе о переходѣ на службу въ отдѣльный корпussъ жандармовъ, предложилъ капитану Попову подать обѣ этомъ прошеніе, и съ этимъ послѣднимъ актомъ мои личныя отношенія къ названному штабу совершенно прекратились. Въ 1876 году, будучи уже подполковникомъ и помощникомъ военнаго прокурора кавказскаго военно-окружнаго суда, мнѣ прошлося побывать въ С.-Петербургѣ и зайти къ Попову, который тоже уже былъ подполковникомъ, но носилъ не жандармскую, а обще-армейскую форму. На мой вопросъ, доволенъ ли Поповъ службою, онъ высказалъ: работа не обременительная, читало офицерамъ лекціи и принимаю участіе въ дѣятельности III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, хотя это участіе мнѣ не особенно нравится, такъ какъ приходится быть свидѣтелемъ иногда грустныхъ сценъ. При послѣднихъ словахъ Попова я невольно вспомнилъ слова г. Аксакова. Въ 1878 году подполковникъ Поповъ дѣйствительно получилъ място начальника губернскаго жандармскаго управленія, гдѣ-то въ провинціи, съ ежегоднымъ содержаніемъ пять тысячъ рублей, о чемъ онъ мнѣ сообщилъ письмомъ, которое мною однако утеряно.

Н. П. Хитрово.

---

¹⁾ Разговоръ мой съ генералъ-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, генералъ-маиромъ Никифораки, а также и съ г. Аксаковымъ замѣтствованъ мною изъ моего дневника и отличается, конечно, полной достовѣрностью, а равно и всѣ данныя въ настоящей статьѣ.

Поездка въ Наблусъ (Сиҳемъ).

Дневникъ профессора В. А. Левисона.

Иерусалимъ 1860 г.

Въ маѣ 1912 г. сенаторъ Г. И. Шамшинъ передалъ мнѣ найденную въ бумагахъ покойнаго отца его рукописную тетрадку, озаглавленную „Поѣздка въ Наблусъ. Дневникъ профессора В. А. Левисона“. Заинтересовавшись содержаниемъ этого дневника, мнѣ до сего времени совершенно неизвѣстнаго, я сталъ собирать кое-какія свѣдѣнія и, по свѣдѣніямъ этимъ, за достовѣрность которыхъ я не отвѣчаю, упомянутое письмо-дневникъ писано профессоромъ Петербургской Духовной Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка Левисономъ и адресовано, какъ надобно думать, епископу Кириллу, настоятелю русской миссіи въ Иерусалимѣ.

Говорили мнѣ, что сдѣланное Левисономъ открытие возбудило, въ свое время, большой интересъ и о немъ было рядъ статей, какъ въ русскихъ духовныхъ журналахъ шестидесятыхъ годовъ, такъ и въ заграничныхъ изданіяхъ.

Что касается нашего пятикинія, то въ подлинности его никакихъ сомнѣній высказано не было, считалось лишь недостаточно доказаннымъ, что осмотрѣнные Левисономъ манускрипты дѣйствительно писаны виукомъ Аарона, но вмѣстѣ съ этимъ установлено, что манускрипты эти несомнѣнно глубокой древности.

Я думалъ и думаю, что если дѣйствительно это письмо-дневникъ достаточно извѣстенъ, то, конечно, нѣтъ никакой налоб-

ности оглашать его вновь, въ противномъ же случаѣ, т. е. если появленіе его въ печати желательно, — то настояще мѣсто ему на страницахъ „Русской Старинѣ“.

И. В. Мѣщаниновъ.

Ваше Преосвященство!

Благословеніе Божіе, которымъ Вы меня напутствовали, не оставляло меня во все время моего пребыванія въ Наблусѣ. Какъ извѣстно Вашему Преосвященству, въ понедѣльникъ, 25 апрѣля, я отправился въ Сихемъ, называемый нынѣ Наблусомъ. Первую ночь я провелъ въ Эльбирѣ, близъ Рамаллы, а на другой день утромъ, очень рано, продолжалъ свой путь и прибылъ въ Бединъ, называемый въ Св. Писаніи Бетъ-авенъ, а потомъ, уже около 8 ч. утра я былъ въ области Сайлупъ, которая въ Св. Писаніи называется Сило, — гдѣ нѣкогда служилъ Первосвященникъ Илій и находилась скінія завѣта, какъ сказано въ книгѣ Царствъ (І гл.). Я отдохнулъ нѣсколько времени въ скалахъ Эйнхараміе и хотя и название этого мѣста, по переводу съ арабскаго, означаетъ источникъ разбойниковъ, но, слава Богу, я не видѣлъ ни одного изъ тѣхъ, въ честь которыхъ названо это мѣсто. Напротивъ, я очень дружелюбно раздѣлилъ свой завтракъ съ пришедшими ко мнѣ арабами, которые съ удивлѣніемъ смотрѣли на мой самоваръ и чай, вѣрно въ первый разъ въ свою жизнь и, можетъ быть, въ послѣдній. Они проводили меня, въ знакъ благодарности, до Турмусая, можетъ быть, „Ая“, упоминаемаго у Іисуса Навина (8, 9). Отсюда я продолжалъ свое путешествіе по весьма крутымъ горамъ до источника Любенъ. Невыносимый жаръ принудилъ меня остановиться на нѣсколько часовъ у этого источника. Невольно бросается въ глаза, что, съ приближеніемъ къ Сихему, растительная природа, мертвая около Йерусалима, постепенно начинаетъ оживляться и какъ будто想要 сказать этимъ каждому путешественнику, что въ Йерусалимѣ распяли Іисуса Христа, а въ Сихемѣ признали Его истиннымъ Мессіею и поэтому, какъ видно, проклятие Божіе около Йерусалима, такъ точно видно благословеніе Божіе около Сихема. Наконецъ по весьма красивой долинѣ я пріѣхалъ въ Араба—мѣсто, о которомъ упоминается въ 5-й книгѣ Моисея, гл. II, стихъ 30-й. Отсюда я увидѣлъ вдали Гаризинъ, при которомъ лежитъ Сихемъ, и при всемъ утомленіи послѣ труднаго пути, я почувствовалъ такую радость, что совершилъ

забыть о трудностяхъ 8-ми часовой верховой Ѣзы. Не скрою, Ваше Преосвященство, что Сихемъ отданъ быть колѣномъ Ефремовыимъ для жительства левитамъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ книгѣ Иисуса Навина (21 гл. ст. 20, 21), и поэтому я, какъ потомокъ Левія, съ особенною радостью приближался къ этому городу, гдѣ нѣкогда жили мои праотцы. Недалеко отъ Наблуса находится гробница Елеазара—первосвященника, который, вмѣстѣ съ Иисусомъ Навиномъ, раздѣлилъ землю обѣтованную между колѣнами Израилевыми (Іс. Н. 121). Сюда выѣхали нѣкоторые члены Самаритянскаго общества, чтобы встрѣтить меня при гробницѣ этого Первосвященника, а другіе изъ нихъ встрѣтили меня при извѣстномъ колодцѣ Іакова. При вѣзѣ въ городъ всѣ старшины общества, съ своимъ священникомъ Амвраамомъ, сдѣлали мнѣ торжественную встречу и послѣдній повелъ меня въ свой домъ, гдѣ я и жилъ во все время своего пребыванія въ Наблусѣ. Я считаю себя въ правѣ назвать первосвященникомъ этого, извѣстнаго Вашему Преосвященству, человѣка, потому что онъ — единственный потомокъ Аарона, имѣющій письмоводное родословіе, кошю котораго съ переводомъ честь имѣю представить при семъ (№ 1) Вашему Преосвященству¹⁾. Правда, въ настоящее время, есть между евреями люди, которые называются священниками, по своему происхожденію отъ Аарона, основанному на устномъ отцовскомъ преданіи, но между ними нѣть ни одного, который бы имѣль настоящую родословную, подобно священнику у Самаритянъ. Вечеромъ того же дня собрались ко мнѣ всѣ члены этого общества — имена и число ихъ всѣхъ прилагаются при семъ подъ № 2.

27-го апрѣля. Утромъ я долженъ быть заняться приведеніемъ въ порядокъ моихъ книгъ, которыя я бралъ съ собою, и устройствомъ для себя письменнаго стола. Священникъ мнѣ показалъ одинъ списокъ Пятокнижія Моисеева 11-го вѣка, очень хорошо сохранившійся и при этомъ далъ мнѣ еще весьма древнюю родословную самаритянскихъ священниковъ. Въ послѣдней замѣчательно то, что родословіе идетъ по линіи отъ Елеазара, а не отъ Неамара, отъ котораго произошелъ Илій первосвященникъ. Въ линіи Елеазара находится Садокъ, который былъ первосвященникомъ при Давидѣ, и о которомъ говорится у пророка Іезекіиля (44 гл. ст. 15). Я выставляю это для того, чтобы показать вѣрность родословія самаритянъ, которые не

¹⁾ Приложеній этихъ при рукописи нѣтъ.

знаютъ книгъ Пророческихъ, а между тѣмъ ихъ счисленіе первосвященниковъ вполнѣ согласно съ счисленіемъ именъ, встрѣчающихся въ Св. Писаніи. Съ особеною радостью я видѣлъ, что всѣ древнія рукописи, разсмотрѣнныя мною въ этотъ день, согласны (исключая разностей орографическихъ) съ моимъ спискомъ Пятокнижія, который я имѣю у себя подъ руками уже два года.

28-го апрѣля. Священникъ водилъ меня въ нѣкоторыя мѣста города и показалъ мнѣ разныя Самаритянскія надписи. Прежде всего онъ привелъ меня въ одинъ большой домъ, который нѣкогда былъ мѣстомъ молитvenныхъ собраній самаритянъ, а теперь силою отнять у нихъ и обращенъ въ мечеть, теперь уже брошенную. Затѣмъ въ башнѣ принадлежащей также магометанамъ, показалъ мнѣ камень, на которомъ изсѣчены 10 заповѣдей по тексту самаритянскому, который, какъ известно Вашему Преосвященству, отличается въ этомъ случаѣ отъ текста еврейскаго. Но этотъ камень такъ вложенъ въ стѣну, что буквы обращены низомъ къ верху, видѣть я много и другихъ камней съ надписями какъ самаритянскими, такъ и греческими, которые весьма трудно прочитать, частью потому, что сохранились, болѣею частью, только въ отрывкахъ, а частью потому, что находятся слишкомъ высоко отъ земли и буквы обращены верхомъ внизъ. Возвратившись домой, священникъ объявилъ мнѣ совершенно неожиданно, что молодые священники, его племянники, и нѣкоторые другіе самаритяне собрались въ молитвенномъ домѣ, чтобы переложить древній свой списокъ Пятокнижія Моисеева изъ старого футляра въ новый. Что касается этого послѣдняго футляра, то вы его видѣли у меня. Бѣдное Самаритянское общество, передъ моимъ отѣзломъ въ Наблусъ, сдѣлало въ Іерусалимѣ серебряный футляръ, въ которомъ бы хранилась ихъ священная книга, вместо старого мѣдного, уже изломанного. Опасаясь грабежа на дорогѣ, священникъ Амвраамъ просилъ меня взять съ собою этотъ футляръ, и привезти его въ Наблусъ. Разумѣется, я уважилъ просьбу Амвраама. Здѣсь я долженъ сказать о различіи списковъ Св. Писанія, назначенныхъ для домашняго употребленія и для общественнаго (церковнаго). Первые суть обыкновенные книги, писанныя, или печатныя, на пергаментѣ или на бумагѣ, съ точками и знаками препинанія, съ толкованіями и переводами, или безъ нихъ. Таковы списки закона Моисея для домашняго употребленія у іудеевъ; но у самаритянъ точки не употребляются, хотя Пятокнижіе, назначенное для домашняго

чтенія, часто бываетъ съ толкованіями и даже съ арабскимъ переводомъ. Списокъ же, назначенный для употребленія при Богослуженіи, какъ у евреевъ, такъ и у самаритянъ, называемый Сеферъ тора, можетъ быть написанъ только на кожѣ, безъ всякихъ знаковъ и точекъ, исключая точекъ послѣ каждого слова, двухъ точекъ послѣ каждого периода и трехъ точекъ послѣ каждой отдельной тирады въ Самаритянскомъ спискѣ. Такихъ списковъ у самаритянъ только три: первый тотъ знаменитый списокъ, о которомъ такъ много говорили, но котораго никто не разсмотрѣлъ, второй, написанный за 800 лѣтъ назадъ, третій около 600 лѣтъ. Всѣ эти списки теперь не употребляются для чтенія при Богослуженіи, потому что боятся, чтобы они, особенно первый, не пришли въ совершенную ветхость отъ частаго употребленія. Теперь священникъ всегда читаетъ наизусть положенія въ тотъ или другой день мѣста изъ Пятикнижія Моисеева, держа впрочемъ свитокъ въ рукахъ.

Хотя и не ожидалъ такъ скоро приглашенія со стороны Амвраама посмотретьъ древнюю святую книгу, но чтобы не упустить такого прекраснаго случая, я долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ молитvenный домъ самаритянъ.

Передъ входомъ, по обычаю самаритянъ, всѣ должны отлагать всю свою обувь и только мнѣ дозволено было войти въ чулкахъ. При мнѣ вынуть былъ изъ своего старого ковчега знаменитый списокъ, для переложенія въ новый серебряный футляръ. Чувства радости и страха наполнили мою душу: я сталъ на колѣна, по примѣру всѣхъ другихъ, и началъ читать, гдѣ было можно; потому что во многихъ мѣстахъ буквы уже изгладились. Прежде всего я остановился на 20-й главѣ второй книги Моисея, гдѣ изложены десять заповѣдей. и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣзко бросается различіе между текстами еврейскимъ и самаритянскимъ. Ваше Преосвященство, если вы читали описание какой-нибудь битвы, въ которой пали тысячи людей, описание, гдѣ рисуются самыми яркими красками всѣ ужасы сраженія, подобное чтеніе не оставляетъ послѣ себя такихъ слѣдовъ ужаса, который бы мы почувствовали въ то время, когда бы насъ поставили на полѣ битвы и мы собственными глазами видѣли бы человѣческую кровь, льющуюся ручьями, собственными ушами слышали бы стоны и вопли изувѣченныхъ и умирающихъ воиновъ. Такъ и я, когда слышалъ, что въ Наблусѣ (древнемъ Сихемѣ) хранится въ продолженіе столькихъ вѣковъ и до настоящаго времени списокъ Пятикнижія Моисеева, написанный за 3300 лѣтъ, то и вѣрилъ этому и не вѣрилъ, ду-

малъ, что эта книга, быть можетъ, дѣйствительно очень древня, но что ея древность преувеличена. Особенно одна мысль заронила въ мою душу сомнѣніе въ ея древности, именно: я не могъ решить себѣ вопроса, какимъ образомъ можетъ быть написано въ ней имя писавшаго ее такъ, чтобы не оставалось повода сомнѣваться, что оно написано позднѣйшею рукою. Еще если писавшій написалъ, положимъ, въ началѣ, серединѣ или концѣ книги свое имя, то это уже будетъ прибавленіе къ закону, что строго запрещается самимъ закономъ и никогда не было въ обычаяхъ ни у евреевъ, ни у самаритянъ. Но эти сомнѣнія, въ настоящую пору, разсѣялись совершенно при видѣ самой книги. Здѣсь ученые мѣра сего не могутъ возразить, что во время Моисея писали на папирусѣ, а не на кожѣ: потому, что у пророковъ законъ Моисея всегда называется свиткомъ; онъ былъ всегда на кожѣ и никогда на папирусѣ. Священные писатели не ожидали, когда будетъ изобрѣтенъ пергаментъ, они никогда не могли писать иначе, какъ на кожѣ годового овна, принесенного въ жертву мирную и теперь, такъ какъ самаритяне приносятъ только пасхальныя жертвы, то и лишены возможности написать свитокъ подобный первому. Здѣсь я былъ на полѣ битвы; я видѣлъ при этомъ законъ 3300 убитыхъ лѣтъ, видѣлъ миллионы евреевъ, умершихъ за этотъ законъ, котораго языкъ сохранился у нихъ, но не въ томъ самомъ первоначальномъ шрифтѣ; видѣлъ самаритянъ, которые измерли всѣ, кроме горсти, назначенной быть хранителями этой святыни; видѣлъ миллионы христіанъ, которые умерли за вѣру въ Иисуса Христа, обѣтованного въ этомъ законѣ, и несравненно яснѣе, не жели въ еврейскомъ текстѣ, потому что здѣсь онъ уже назначенъ на горѣ Синаѣ, видѣлъ, какъ Господь Богъ, который отмѣщаетъ до третьяго и до четвертаго рода ненавидящихъ Его, распространяетъ Свою милость на 1000 поколѣній (хотя теперь, со временем написанія этой книги едва-ли прошло 100 поколѣній), который сохранилъ свой законъ между тѣми двумя горами, Гаризинъ и Гевалъ, гдѣ были произнесены, столько лѣтъ назадъ, благословеніе на хранящихъ законъ и проклятие на нарушителей его. Я стоялъ между этими горами и читалъ этотъ законъ, читанный тогда левитами, отъ которыхъ имѣю счастье происходить. Это былъ для меня третій великий день моей духовной жизни: первымъ я считаю 21 октября 1839 г., когда надо мною совершилось таинство крещенія членъ Св. Синода, Василій Ивановичъ Кутневичъ; второй важный день моей жизни 11-е февраля 1868 г., когда имѣлъ счастье поклониться гробу

Господню въ Іерусалимѣ; третій день—28-е апрѣля нынѣшняго 1860 г., когда я видѣлъ пять книгъ Моисея въ первобытномъ шрифтѣ, написанныя 20 лѣтъ спустя послѣ смерти законодателя, его внукомъ, сыномъ Финеаса, сына Елеазарова, первобытный, единственный оригиналъ, который сохранился до нынѣ... Возвратившись домой, я не могъ ничего другого дѣлать, какъ только плакать отъ радости и благодарить Бога за Его величайшую милость ко мнѣ недостойному.

29-е апрѣля. Это былъ седьмой и вмѣстѣ послѣдній день Пасхи у самаритянъ, которые имѣютъ свой календарь и не празднуютъ Пасхи вмѣстѣ съ евреями. Торжество этого дня увеличилось отъ того еще, что въ этотъ день самаритяне праздновали переложеніе своей книги изъ стараго ковчега въ новый. Я пошелъ въ ихъ молитвенный домъ; мнѣ предложили стулья, но я отказался; у нихъ въ обычай стоять во время чтенія закона, и на колѣнахъ во время молитвы, или оставаться лицомъ, простертымъ лицъ. Сколько я могъ замѣтить, молитва ихъ была весьма усердна; чтеніе закона совершается всѣми въ одинъ разъ и такъ громко, что напоминаетъ то время, когда законъ былъ произнесенъ передъ всѣмъ народомъ, на горѣ Гаризинѣ. Сначала мнѣ было трудно понимать ихъ чтеніе, потому что они произносятъ иначе, нежели евреи; но потомъ, когда узналь мѣсто, которое они читали, разумѣется, понялъ все. Когда было кончено чтеніе и священная книга была положена на свое мѣсто, всѣ приблизились къ покрову, лежащему на законѣ, и цѣловали его. Тѣмъ кончилось ихъ Богослуженіе. Послѣ почти всѣ пришли ко мнѣ съ привѣтствіемъ, на которое я отвѣчалъ имъ своимъ. Вообще должно сказать, что самаритянское Богослуженіе отличается отъ еврейскаго во всѣхъ отношеніяхъ; ихъ молитвы совершенно другого содержанія, псалмы они вовсе не знаютъ. Послѣ обѣда я отплатилъ визиты старѣшинамъ общества, былъ въ 6—7 домахъ и въ каждомъ домѣ видѣлъ древній списокъ Пятоокнижія Моисеева; некоторые изъ этихъ списковъ писаны въ Каирѣ, другіе въ Гасѣ. иные въ Дамаскѣ; но одинъ списокъ меня поразилъ: онъ написанъ на кожѣ за 600 лѣтъ и до сихъ порь еще остается непереплетеннымъ. Когда я спросилъ ихъ о причинѣ, то они отвѣчали, что книга въ такомъ видѣ лучше сохраняется, и шнурки, необходимо употребляемые при переплетѣ, портятъ листы книги. Другой списокъ очень рѣдкій, уже существовалъ во время Эздры; вообще нужно сказать, что какъ Господь сохранилъ эту горсть народа, среди всѣхъ гоненій и бурь, какъ показываетъ ихъ исторія,

такъ точно сохранилъ при нихъ такие древніе списки Своего закона.

30-е апрѣля. Я весь день пробылъ дома, занимаясь сличенiemъ моего списка съ тѣмъ, который существовалъ уже во время Эздры. При этомъ замѣтилъ, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакихъ разностей; только шрифтъ крупнѣе въ первомъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Видѣлъ нѣсколько манускриптовъ, касающихся исторіи самаритянъ. Въ этотъ день посѣтилъ меня игуменъ греческаго монастыря въ Наблусѣ и пригласилъ меня въ свою церковь. Вечеромъ ходилъ осматривать окрестности Сихема, которая, какъ извѣстно, однѣ изъ лучшихъ во всей Палестинѣ.

1-е мая. Утромъ ходилъ въ греческую церковь. Игуменъ зналъ причину моего путешествія въ Наблусъ и потому показалъ мнѣ одно старое греческое евангеліе, напечатанное въ городѣ Монастырѣ (въ славянскихъ земляхъ) въ 1545 году, старымъ греческимъ шрифтомъ. Я читалъ въ немъ дневное евангеліе Іоанна, 4 главу. Едва я кончилъ свое чтеніе, какъ пришелъ священникъ Амвраамъ, онъ прямо хотѣлъ идти въ алтарь, но игуменъ не дозволилъ ему этого. Тогда онъ сказалъ мнѣ: странно, что христіане не уважаютъ нашего ветхозавѣтнаго священства. Я, какъ священникъ, хочу идти въ алтарь. Я ему объяснилъ, что игуменъ не можетъ впустить въ алтарь человѣка не крещенаго, и, такимъ образомъ, примирилъ ихъ. Не могу не замѣтить, что здѣсь я имѣлъ передъ собою представителей Ветхаго и Нового Завѣта: священника Амвраама, имѣющаго родословіе отъ Аарона и списокъ Пятикнижія, писанный за 3300 лѣтъ, и игумена греческаго, имѣющаго евангеліе, напечатанное 315 лѣтъ. Я при этомъ думалъ, что Господь Богъ вѣченъ, вѣчно Его слово; день единъ передъ Нимъ, яко тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, яко единъ день. Онъ всегда единъ и той же въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и во вся вѣки. Вечеромъ этого дня, когда воспоминается бесѣда Спасителя съ самарянкою, я пошелъ къ тому колодцу, гдѣ происходила эта бесѣда. Колодезь довольно глубокъ; священникъ Амвраамъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ измѣрялъ этотъ колодезь и нашелъ его глубину въ 20 аршинъ. Слышино, что греки теперь купили этотъ колодезь, при которомъ была нѣкогда церковь: мраморные столбы и тесанные камни видны и доселѣ. Не больше, какъ въ разстояніи ста шаговъ отсюда, находится гробница патріарха Іосифа; здѣсь я сказалъ священнику, что такъ какъ самаритяне происходятъ отъ Іосифа, то весьма естественно, что Богъ оставилъ ихъ въ этомъ мѣстѣ.

хранить гробъ своего праотца, подобно тому, какъ въ Хевронѣ всегда были хранителями гробовъ Авраама, Исаака и Іакова ихъ потомки, именно: прежде въ Хевронѣ жили евреи—сыны Іакова, потомъ идумеане—сыны Исава и нынѣ арабы—сыны Измаила, сына Авраамова. Эти слова, сказанныя мною случайно, произвели весьма хорошее впечатлѣніе на ефремитовъ и монастырь, такъ называемыхъ самаритянъ.

2-е мая. Съ особеннымъ интересомъ рассматривалъ одинъ экземпляръ Пятокнижія Моисеева, писанный въ 657 году по Р. Х., который предложилъ мнѣ священникъ. Я пересмотрѣлъ всю эту книгу: это конечно экземпляръ старой книги и, значитъ, какъ манускриптъ, безотносительной важности не имѣеть; но важно то, что изъ этого списка видно, какъ скоро приняли самаритяне магометанское лѣтосчислѣніе потому, что въ книгѣ время написанія означено 35 годомъ эдхиръ, по магометанскому лѣтосчислѣнію. Это мнѣ показалось настолько интереснымъ, что я, выписавъ оттуда все это мѣсто, съ совершенною точностью, черезъ прозрачную автографическую бумагу, отпечаталъ и одинъ экземпляръ прилагаю при этой запискѣ (№ 3) ¹⁾.

3-е мая. Мы встали очень рано, еще до восхода солнца (въ 3 часа) и отправились на гору Гаризинъ. Священникъ Амвраамъ былъ нашимъ провожатымъ. Мы прошли черезъ долину, которая очень богата водою, и называется Пардэсъ. Вода, идущая изъ Гаризина, чиста какъ кристаль но чень холодна. Разными ручьями отводится она въ сады. У самаритянъ есть два названія для садовъ: если садъ орошается ручьемъ или каналомъ, то онъ называется Шардэсъ (рай), а если въ саду нѣть воды, то тогда онъ носить имя (кэрэмъ) виноградникъ. Солнце начинало всходить, когда мы, перешедши долину, стали взбираться на гору. Дорога изъ Сихема на Гаризинъ идетъ въ юго-восточномъ направлениі. Самаритяне имѣютъ три станціи для отдыха, когда всходятъ на гору во время 3-хъ Израильскихъ праздниковъ, предписанныхъ въ законѣ Моисеевомъ. Въ эти праздники они читаютъ въ своеемъ молитвенномъ домѣ всѣ четыре книги Моисея и изъ 5-й книги Моисеевой до 12-го стиха 10-й главы: и нынѣ Израилю... Вышедши изъ молитвенного дома, они въ дорогѣ читаютъ съ этого мѣста дальше до 1-й станціи, называемой отдыхъ самаритянъ и находящейся при подошвѣ горы. Здѣсь они отдыхаютъ около полу-часа и потомъ, поднимаясь дальше въ гору, читаютъ отъ 20-й

¹⁾ Приложения при запискѣ нѣть.

до 28-й главы пятой книги Моисеевой. Отдохнувъ ёще разъ на срединѣ горы, они читаютъ отъ 28-й главы до конца книги. Достигнувъ, такимъ образомъ, вершины горы, самаритяне идутъ съ молитвою къ ихъ священному мѣсту. Въ этотъ разъ мы отдохнули съ священникомъ на всѣхъ мѣстахъ положенного самаритянами отдыха и потомъ отправились на то мѣсто, где они закалаютъ пасхальнаго агнца, чего (какъ извѣстно всякому знакомому съ еврейскими обрядами) нигдѣ и никогда не бывало у евреевъ со времени разрушенія Иерусалима. Нынѣшній годъ самаритяне закалали пять агнцевъ. Агнецъ долженъ быть одного году отъ роду, безъ всякаго недостатка. Во время праздника раскидываютъ здѣсь свои палатки и живутъ въ нихъ три дня. Женщины, которымъ по закону не дозволяется быть въ священномъ мѣстѣ религіозныхъ собраній, живутъ въ особенныхъ палаткахъ. Нынѣшній годъ было 14 палатокъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ далъше отъ мѣста закланія агнцевъ, они жарятъ ихъ и ёдятъ, а потомъ сжигаютъ на огнѣ всѣ остатки безъ исключенія.

Съ этого мѣста мы продолжали нашъ путь до самой вершины горы. Здѣсь, отдохнувъ немнogo, мы вооружились зри-тельными трубами и стали разсматривать окрестности. Удиви-тельный видъ открылся моимъ глазамъ, видъ, какого я во всю жизнь не встрѣчалъ. Обратясь къ западу, я могъ видѣть пе-редъ собою всю Израильскую землю. Я могъ видѣть даже про-стыми глазами Яффу на ея зеленомъ, усаженномъ густо апель-синными и лимонными деревьями холмѣ и весь берегъ моря до Кармила.

Въ это самое время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Яффы, мы замѣтили два парохода, изъ которыхъ одинъ шелъ по на-правленію къ сѣверу, вѣроятно въ Бейрутъ, а другой по на-правленію къ югу, вѣрно въ Яффу или Александрію. Взявши трубы, мы увидѣли все довольно ясно. Полюбовавшись этимъ прекраснымъ видомъ, мы отправились далъше по площадкѣ, на вершинѣ горы. Теперь священникъ попросилъ меня снять обувь, по его примѣру, и мы продолжали путь, но признаюсь съ большимъ трудомъ, по мелкимъ, острымъ камешкамъ, иногда перемѣшаннымъ съ колючими растеніями.

Мы подошли къ колодцу, спустившись къ водѣ по камнямъ, спутникъ мой, г. Краузе, нашелъ воду очень чистою и холодаю. Потомъ, обратясь къ сѣверу, мы увидѣли Ермонъ съ его бѣлымъ вѣчно коронованнымъ снѣгомъ человѣкомъ. По ту сторону Гордана тянулись горы Абаримъ съ юга на сѣверъ. Изъ этой

гряды горъ Моавитскихъ одна значительно поднимается выше другихъ: это вѣроятно гора Нобо съ ея высочайшею вершиною фисага, или по произношению самаритянского священника фасага. Увидѣвъ ее, я понялъ нагляднымъ образомъ, что съ этой высокой горы Моисей дѣйствительно могъ видѣть всю землю обѣтованную, съ юга до сѣвера; особенно, если припомнить, что онъ, несмотря на свои сто двадцать лѣтъ, обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ (Втор., 44, 8). Подвигаясь мало-по-малу съ величайшимъ трудомъ и чувствомъ боли въ ногахъ, мы дошли до священного мѣста Святая Святыхъ, но самъ не дерзнулъ ступить на него ногою, и разумѣется, и я. Не вдалекъ отсюда видны 12 неотесанныхъ камней, и священникъ на мой вопросъ, касательно ихъ значенія, сказалъ весьма серьезно, что ими означены и подъ ними находятся тѣ двѣнадцать камней, принесенныхъ израильянами съ Йордана, о которыхъ говорится въ книгѣ Иисуса Навина (Иис. Нав. 4 главы 20 стихъ) (Галгалы, мѣсто упоминаемое здѣсь, находится противъ Гаризина (5 книг. Моис. 11 гл., 29, 30 ст.). Обратясь потомъ къ юго-востоку, мы увидѣли мѣсто Испло, гдѣ нѣкогда стояла скинія завѣта; къ западу видна гора Ноби-Самуэль, въ недальнемъ разстояніи отъ Иерусалима, а еще дальше мы могли замѣтить холмъ, на которомъ расположено селеніе Абу-гошъ, находящееся близъ Иерусалима на Яффской дорогѣ.

На горѣ Гаризинѣ стояла 270 лѣтъ скинія свидѣнія и вообще всѣ святыни, сооруженные Моисеемъ въ пустынѣ до тѣхъ поръ, пока Господь скрылъ все это отъ народа своего, начинавшаго уже склоняться къ идолопоклонству. Это было во время Самсона, при Узіи первосвященникѣ, седьмомъ отъ Аарона. Пропиедши еще нѣсколько, священникъ, къ крайнему моему удовольствію, надѣлъ свою обувь, и я въ ту же минуту послѣдовалъ его примѣру. Внизу передъ нами раскидывалась прекраснѣйшая долина Араба. Въ это время подошли къ намъ оба племянника Амвраама, молодые священники — Іаковъ и Финеасъ, и въ сопровожденіи ихъ мы отправились въ одинъ необитаемый и никому непринадлежащий домъ, на восточномъ склонѣ горы Гаризинѣ. Слава Богу мы были уже обутые.

Здѣсь священникъ угостилъ насъ очень простымъ или, какъ онъ выразился, пастушескимъ завтракомъ, состоявшимъ изъ огурцовъ, яицъ и хлѣба. Но я замѣтилъ ему, что такъ какъ мы находились теперь въ землѣ святыхъ пастырей, то

намъ этотъ завтракъ очень пріятенъ. Странно, — не знаю почему, спутнику моему, г. Краузе, вдругъ пришла мысль, высказанная имъ, что здѣсь, на Гаризинѣ, было Преображеніе Господне. Я ему отвѣтилъ, что я давно былъ убѣжденъ, что Єаворъ не былъ мѣстомъ Преображенія Господня: потому что Іосифъ Флавій, разсказывая исторію іудейской войны, говоритъ, что на Єаворѣ, въ разстояніи 30 римскихъ стадій отъ Тиверіады, былъ большой городъ, окруженный толстыми стѣнами, который вѣрно не могъ быть построенъ въ малый промежутокъ времени, протекшій между двумя событиями. Можно думать, что городъ этотъ существовалъ гораздо раньше (І Парал. 6 г. 77 ст.). На этотъ разъ мы рѣшили разсмотрѣть исторію Преображенія подробнѣе дома изъ сличенія сказаний евангелистовъ. Священникъ захотѣлъ узнать о предметѣ нашего разговора. Я объяснилъ ему, что мы сейчасъ говорили объ одномъ событии изъ жизни Спасителя. Онъ сказалъ, что Іисусъ Христосъ хорошо отзывался о самаритянахъ, но однако же запретилъ ученикамъ своимъ входить въ самаритянскіе города. На это я замѣтилъ священнику, что это, вѣроятно, сказано было о городахъ, населенныхъ самарянами-язычниками, но что самъ онъ былъ въ Сихемѣ и пробылъ здѣсь два дня. Священникъ, повидимому согласился съ этимъ и рассказалъ евангельскую притчу о милосердномъ самарянинѣ, что мнѣ было очень пріятно слышать.

Послѣ завтрака мы осмотрѣли огромныя развалины, имѣющія видъ крѣпости, судя по толщинѣ стѣнъ и круглымъ башнямъ. Вѣроятно, это и есть крѣпость, построенная въ 5-мъ вѣкѣ, тяжелой памяти для самаритянъ, императоромъ Юстиніаномъ. Въ это время пришелъ сюда пастухъ съ своимъ стадомъ козъ на водопой. Между тѣмъ становилось очень жарко, и мы понемногу стали спускаться съ горы и воротились домой съ радостью и благодаря Бога за все, видѣнное въ этотъ день.

Вечеромъ я остался наединѣ съ священникомъ и рѣшился потребовать отъ него исполненія обѣщанія, данного мнѣ въ Йерусалимѣ. Это была главная и единственная цѣль моего путешествія — видѣть и разобрать подробно ту священную книгу, о которой много и много говорили, но которой еще не читалъ никто изъ евреевъ, ни изъ христіанъ. Это тотъ священный экземпляръ манускрипта, писанный Абишуа.

Священникъ отвѣчалъ мнѣ (и я замѣтилъ, что голосъ его дрожалъ): „я съ удовольствиемъ исполню данное слово, но тре-

шеть и ужасъ обнимаетъ меня, когда я подумаю о послѣдствіяхъ".

— Почему это? спросилъ я.

— Вы увидите нашу святыню и убѣдитесь, что это перво-бытный оригиналъ, писанный во время Іисуса Навина и при жизни Элеазара, сына Ааронова. Вы поѣдете въ Герусалимъ и скажите объ этомъ вашему архіерею, онъ, конечно, напишетъ объ этомъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ это дойдетъ до свѣдѣнія Русскаго Императора, а ему стоить сказать только одно слово султану, и онъ пошлетъ силою взять у насъ нашу книгу. Конечно, мы лучше умремъ, нежели выдадимъ нашу святыню, но я одинъ буду виновникомъ своей смерти и смерти маленькой горести нашего племени.

Я всталъ въ испугѣ, услышавъ это и, поднявъ руку, сказалъ: Клянусь вамъ Господомъ Богомъ Израиля, что если бы у меня было хотя малѣйшее опасеніе съ этой стороны,—я вѣрно не прѣхалъ бы сюда. Русскій Императоръ хороший христіанинъ и уважаетъ законъ Моисея, какъ слово Божіе, и, кромѣ того, человѣкъ высокаго благородства, а потому онъ никогда не захочетъ лишить беззащитныхъ самаритянъ ихъ завѣтной святыни. Напротивъ, я увѣряю васъ, что онъ приметъ въ васъ участіе хоть потому только, что нѣкогда здѣсь приняли его и моего Спасителя и впервые признали обѣщаннымъ Мессіею.

Священникъ былъ глубоко тронутъ этими словами. Мы обняли другъ друга, и онъ обѣщалъ мнѣ показать подробно священную книгу на другой день. Потомъ онъ завелъ рѣчь объ евреяхъ, о ихъ произвольныхъ толкованіяхъ закона и не точномъ исполненіи его, и въ заключеніе сказалъ, что завтра утромъ мы все отправимся въ баню.

4-е мая. Мы все пошли въ баню: священникъ, оба его племянника, шестилѣтній сынъ его и я. Священникъ и его семейство мужскаго пола, какъ все вообще восточные народы, носятъ на головѣ тюрбанъ. Когда они начали раздѣваться въ банѣ, я замѣтилъ, что все они носятъ длинные волосы, чего я прежде не замѣтилъ и не предполагалъ. Правда, я прежде видѣлъ у его шестилѣтняго сына длинные заплѣтенные въ косу волосы, но подумалъ, что это не больше, какъ для украшенія. Признаюсь, мнѣ было очень приятно, что священникъ, прямой потомокъ Аарона, напомнилъ мнѣ русскаго священника. Я еще разъ взглянулъ на длинные волосы священника. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ: васъ удивляютъ мои длинные волосы, и вы

не знаете причины? Я скажу вамъ ее: всѣ самаритянскіе священники и ихъ семейства мужскаго пола, со дня рожденія, никогда не стригутъ волосъ, потому что священникъ, по самому рожденію своему, есть уже Назорей.

По выходѣ изъ бани, около десяти часовъ мы собирались всѣ вмѣстѣ, священникъ съ своими племянниками пришелъ ко мнѣ затѣмъ, чтобы пригласить меня въ ихъ молитвенный домъ. Это была для меня торжественная минута. Между тѣмъ я спросилъ случайно молодого священника: сколько ему лѣтъ? Онъ отвѣчалъ, что двадцать.

— Да, сказалъ старый священникъ, его дядя,— онъ еще можетъ дожить до пришествія Мессіи, но намъ съ вами уже по пятидесяти лѣтъ: мы не доживемъ.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ я. Священникъ такъ твердо, съ такою увѣренностью сказалъ свое мнѣніе, что я захотѣлъ узнать основаніе его.

— Я знаю, вѣро, что черезъ сорокъ пять лѣтъ придетъ Мессія и скинія, какъ въ древности, будетъ стоять опять на горѣ Гаризингъ.

— Извините, сказалъ я ему, и позвольте не раздѣлять вашаго мнѣнія: мой Мессія Іисусъ Христосъ, который давно уже пришелъ. Между мною и вами существуетъ такое же различіе, какое было между Моисеемъ и народомъ Израильскимъ. Когда Господь, изъ нылающей купины, сказалъ Моисею, что онъ избавить его народъ изъ рабства, въ глазахъ Моисея, въ его сердечной вѣрѣ, онъ былъ уже избавленъ, но народъ еще не вѣрилъ этому избавленію изъ устъ Моисея и, слѣдовательно, самому Богу. Евреи не хотѣли даже и слышать объ этомъ. Такъ точно мой Моисей пришелъ для меня въ ту минуту, когда я принялъ таинство крещенія, и я, слава Богу, избавленъ. А вы находитесь въ положеніи тѣхъ израильянъ, которые не хотѣли вѣрить Моисею: вы не признаете Іисуса Христа за Мессію и ждете Мессію.

Священникъ никакъ не обидѣлся этими словами, напротивъ, онъ сказалъ: можетъ быть, ваша правда. Съ этими словами мы попали въ ихъ молельню, находящуюся въ этомъ же домѣ, разумѣется, безъ обуви. Священникъ открылъ кивотъ и вынулъ священную книгу, переложенную въ привезенный мною новый футляръ.

Мы начали читать съ 10 главы 3-й книги Моисеевой.—мѣсто, которое читали въ молельнѣ въ прошедшій праздникъ. Такъ какъ мнѣ хорошо известны варианты самаритянской біблії съ

еврейскаго, потому что уже два года занимался сличенiemъ этихъ двухъ текстовъ по списку, имѣющемуся у меня, то я повѣрилъ всѣ мѣста, гдѣ есть различie до 4-й книги. Я мысленно молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ спокойствie духа. Мнѣ нужно было, главнымъ образомъ, разсмотрѣть то знамениtое мѣсто, отъ котораго все зависитъ.

Я дошелъ до этого мѣста. Въ 5-й книгѣ Моис. въ 5-й главѣ съ въ стиха (гдѣ начинаются 10 заповѣдей во второзаконіи) начинается впись имени писавшаго книгу, время и мѣсто ея написанія. Большой столбецъ разлиновывается вдоль двумя параллельными, съ маленьkimъ между ними промежуткомъ, линіями. Писецъ, продолжая писать священный текстъ во всю ширину столбца, ожидаетъ въ немъ буквы, которая ему нужна, такъ чтобы она пришла, безъ видимой натяжки, въ промежутокъ. Дождавшись ее, онъ помѣщаетъ букву въ строку, въ маленькой промежутокъ между двумя линіями, за нею и передъ нею по этой же строкѣ идутъ всѣ тѣ буквы, какія есть въ священномъ текстѣ. Потомъ, продолжая писать книгу, писецъ ожидаетъ второй буквы, какая нужна для его цѣли, третьей и т. д. Иногда нужная буква приходится скоро, но иногда нужно ожидать ее нѣсколько строкъ, даже цѣлый столбецъ, и оттого эта впись имени тянется нѣсколько столбцовъ. Когда онъ нашелъ и вынесъ въ промежутокъ двухъ линій, составляющихъ средину столбца, всѣ буквы, нужные ему, впись кончена и столбцы идутъ по-прежнему подрядъ, безъ двухъ линій съ промежуткомъ.

Такимъ образомъ ни прибавляя, ни убавляя и не переставливая ни юты въ священномъ текстѣ, означается имя писавшаго, мѣсто и время написанія книги, если прочитать сверху внизъ вынесенные въ промежутокъ двухъ линій буквы. Если же будете читать столбецъ во всю ширину его, какъ обыкновенно, одну строку за другою, то вы не замѣтите ничего.

Такимъ образомъ, дошедши до столбца съ промежуткомъ въ срединѣ и читая вынесенные въ него буквы сверху внизъ, я прочелъ слѣдующее (что, повторяю опять, не составляетъ никакой прибавки къ тексту, а составляетъ его буквы):

„*Я Авнша, сынъ Финеса, сына Елеазара, сына Аарона священника (имъ благословеніе Божie и слава Его) писалъ святую книгу при двери скінii свидѣнія, на горѣ Гаризинѣ въ тринадцатый годъ владѣнія сыновъ Израилевыхъ землею Ханаанской и предполовъ ея крестъ и благодарю Господа*“.

Соблюдая все возможное спокой-

ствіе духа, я прочиталъ самымъ внимательнымъ образомъ и по складамъ два раза эту впісь,—но потомъ меня обнялъ страхъ, что Богъ удостоилъ меня видѣть и читать это. Я сорвался опять съ духомъ, представивъ себѣ всю важность настоящихъ минутъ и необходимость воспользоваться ими и потомъ продолжалъ читать до конца книги, обращая вниманіе на всѣ главныя разницы и несогласія между текстами еврейскими и самаритянскими. Прошу васъ, Ваше Преосвященство, представить себѣ, что бы было съ вами, если бы вамъ случилось увидѣть и читать въ оригиналѣ рукопись одного изъ Святыхъ Евангелистовъ? и судите теперь о моихъ чувствахъ при чтеніи древней Самаритянской бібліи. И это первобытный полный оригиналъ Пятикнижія, въ которомъ въ первый разъ говорится о смерти Моисея: онъ писанъ еще при жизни Іисуса Навина и Елеазара.

Что я прочувствовалъ, Боже мой, что я прочувствовалъ въ эти минуты: и радость и страхъ... но пѣть, этого нельзя выразить словами и нужно отказаться отъ передачи этихъ чувствъ: это можетъ быть понято только глубокою полнотою тепло вѣрующаго сердца христіанина и еврея...

Ясно, скжато и вдругъ, какъ озаренная мгновеннымъ свѣтомъ молніи, пронеслась въ моемъ воображеніи вся судьба народа Израильскаго съ своими свѣтыми и темными сторонами отъ времени написанія этой книги до сего времени, и присли мнѣ на умъ слова Пророка Осії (3 гл. 4 и 5 ст.).

„Дни многи сядуть сынове Израилевы, ни сущу царю, ни сущу князю, ни сущей жертвѣ, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явленіямъ. И по семъ обратятся сынове Израилевы и взыщутъ Господа Бога своего, и Давида Царя своего и почудятся о Господѣ и о благостяхъ Его въ послѣдняя дни... На душѣ у меня было такъ хорошо, какъ хорошо бываетъ у человѣка на душѣ послѣ причастія.

Священникъ сказалъ мнѣ, увѣряя своимъ священническимъ словомъ, что этой книги такъ подробно никто и никогда еще не видѣлъ, какъ я. И дѣйствительно, о томъ, что я говорю здѣсь, не писалъ еще никто.

„Весь Израиль, и старцы ихъ, и судіи ихъ, и книгоочия ихъ, подходяху сюду и сюду предъ кивотомъ, и жрецы и левиты воздвигаша кивотъ завѣта Господня. пришелецъ же и туземецъ: иже быша половина ихъ близъ горы Гаризинъ, и половина ихъ близъ горы Геваль, якоже заповѣда Мойсей рабъ Господень благословити людей Израилевыхъ въ первыхъ.

И по сихъ тако прочте Іисусъ вея словеса закона сего, благословенія и клятвы, по всему написанному въ законѣ. Не бяше словесе отъ всѣхъ, яже заповѣда Моисей Іисусу, его же не прочте Іисусъ во уши всего сонма сыновъ Израилевыхъ, мущемъ, и женамъ и дѣтямъ, и пришельцемъ, приходящимъ къ Израилю" (Іис. Нав. 8, 33).

И черезъ три тысячи триста лѣтъ на томъ же самомъ мѣстѣ, почти въ томъ же оригиналѣ, я читалъ тотъ же законъ.

Теперь я считаю нужнымъ сказать здѣсь иѣсколько словъ о виѣшнемъ видѣ этой древнѣйшей, единственной въ мірѣ книги. Кожа, на которой она писана, приготовлена была изъ однолѣтнихъ бараликовъ, принесенныхъ въ жертву мирную, единственная, которая могла оставаться послѣ жертвоприношенія: потому, что при всѣхъ другихъ жертвоприношеніяхъ кожа должна быть сожжена.

Всѣхъ кожъ, употребленныхъ на книгу, писанныхъ только съ одной стороны и пришитыхъ одна къ другой, такъ что онѣ составляютъ длинный свитокъ, всѣхъ кожъ двадцать двѣ. Само собою разумѣется, что въ настоящее время эта кожа очень ветха, во многихъ мѣстахъ истерта, разорвана и подклеена. На каждой кожѣ иногда четыре, иногда пять такихъ столбцовъ, какіе можно видѣть на прилагаемомъ при этомъ, точно сдѣланномъ мною снимкѣ (№ 4) ¹⁾. Многія мѣста трудно разобрать: въ иныхъ мѣстахъ чернила очень побѣлѣли, въ другихъ они прошли глубоко въ кожу; отчего буквы, при мелкости шрифта слились. Поля очень малы,—не шире пальца. Знаковъ препинанія, равно какъ и нумерациі главъ и стиховъ — вовсе не существуетъ. Однако же можно отѣлить одно слово отъ другого, равно какъ и цѣлые стихи другъ отъ друга: потому что послѣ каждого слова одна точка, послѣ каждой отдельной мысли двѣ точки и послѣ каждой большой тирады — двѣ точки съ черточкой, а послѣ каждой изъ пяти книгъ—пробѣлъ въ пять строкъ.

Разматривая болѣе двадцати экземпляровъ Пятокнижія, хранящихся у самаритянъ, изъ которыхъ одинъ временъ Эздры, я сличая ихъ, я нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ по красотѣ, тонкости, мелкости и отчетливости шрифта не только не можетъ сравняться съ древнѣйшимъ святымъ оригиналомъ, но не можетъ даже сколько-нибудь приблизиться къ нему: такого прекраснаго шрифта я никогда не видалъ. Я думалъ, догады-

¹⁾ Приложенія нѣтъ.

вался и не могъ себѣ представить, какимъ перомъ написана эта книга. Тростью такъ хорошо писать невозможно; желѣзомъ, котораго употребленіе запрещено закономъ при построеніи жертвеннника, святой писатель не могъ писать; вороньимъ перомъ, какъ перомъ нечистаго животнаго — тоже; остается предположить, что онъ употреблялъ золотое перо.

Прилагаемый при семъ снимокъ священнаго оригинала (№ 4)¹⁾ сдѣланъ такимъ образомъ. Я слегка попросилъ священника позволить мнѣ выписать изъ этой книги только азбуку. Священникъ былъ такъ братски добръ ко мнѣ, что сдѣлалъ больше, нежели я ожидалъ. Онъ тихо сказалъ мнѣ, что онъ отдастъ въ мое распоряженіе своего племянника, съ которымъ мы, запершись въ молельнѣ, чтобы никто изъ общества не зналъ этого, сдѣлаемъ копію съ цѣлаго столбца, какой мнѣ будетъ угодно выбратьъ. Пересмотрѣвъ еще разъ цѣлую книгу, я выбралъ прилагаемый при этомъ столбецъ, какъ сохранившійся лучше другихъ. Положивъ транспарантную автографическую бумагу, молодой священникъ точно скопировалъ столбецъ литографическими чернилами, а я потомъ отпечаталъ на моемъ литографическомъ станкѣ. Содержаніе этого столбца изъ 5-й книги Моисея съ 8-го ст. 19 главы до 14 ст. 26 гл.

Кромѣ этого, священникъ показалъ мнѣ всѣ свои древности, всѣ свои святыни, но я не буду теперь писать объ этомъ, послѣ описанія самаго главнаго, составляющаго цѣль моей поѣздки. Одно только я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія Вашего Преосвященства, именно то, что священникъ, отъ имени общества, пригласилъ меня въ Наблусъ для жительства и печатанія самаритянской библіи по ихъ древнимъ оригиналамъ.

Я рѣшился на это, но прибавилъ, что не могу еще дать ему слова безъ согласія на это и благословенія Вашего Преосвященства и разрѣшенія вышаго начальства въ Петербургѣ.

Смѣю надѣяться на согласіе и содѣйствіе Вашего Преосвященства въ этомъ святомъ дѣлѣ. 1860 года, 15 мая, Іерусалимъ.

Василій Левисонъ.

¹⁾ Приложенія иѣтъ.

Шейхъ-Мансуръ Анапскій.

(Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа).

Шеихъ — въ искаженіи шихъ, означаетъ по убѣждению мусульманъ, человѣка праведнаго, высокой нравственной жизни, почти угодника. Полученіе званія шейха было сопряжено съ большими затрудненіями и не иначе, какъ при наличности широкой популярности въ народѣ.

Въ первой половинѣ XIX вѣка среди кавказскихъ горцевъ секта шиховъ имѣла большое распространеніе, хотя послѣдователи ея и не могли быть истинными шихами въ полномъ смыслѣ этого слова. Основатель секты, первый имамъ Дагестана, Кази-Мулла, главнымъ условиемъ достиженія этого почетнѣйшаго званія ставилъ отречение отъ всѣхъ мірскихъ благъ, безусловное слѣданіе завѣтамъ Корана и распространеніе завѣтовъ послѣдняго, въ случаѣ надобности, вооруженій рукой. Естественно, что свободолюбивому и независимому горцу трудно было отказаться отъ всего мірского, а тѣмъ болѣе подчинить свою волю — волѣ другого. Поэтому истинныхъ шиховъ было очень немного, но зато явились въ изобиліи много послѣдователей и подражателей.

Одинъ изъ предшественниковъ ученія Кази-Муллы, чеченецъ Ушурма, внося послѣдствіемъ получившій наименованіе шейхъ-Мансура, вызвалъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія возстаніе горцевъ почти по всему черноморскому побережью, направленное противъ русскихъ, продолжавшееся въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ и закончившееся пленениемъ популярнаго шейха.

Будущій вождь и пророкъ родился въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ небольшой чеченской деревушкѣ Алды; какъ

всѣ горцы, онъ по достижениіи юношескихъ лѣтъ пасъ стада и тѣмъ поддерживалъ благосостояніе семьи. Неграмотный, знавшій наизусть только пять повседневныхъ молитвъ, обязательныхъ для каждого правовѣрного, Мансуръ, находясь постоянно подъ обаяніемъ роскошной южной природы, видя вокругъ себя великолѣпную красоту Кавказа, сдѣлался мечтателемъ и невольно выдѣлился изъ среды односельчанъ. Присматриваясь къ окружающему, онъ открылъ, что большинство его соотчичей, какъ простые люди, такъ и люди ученые, даже почитаемое народомъ духовенство, отступили отъ предначертаній Корана и впали въ различные пороки. Сдѣлавъ это открытие, впечатлительный юноша далъ себѣ твердый зарокъ: стараться всю жизнь не слѣдовать худымъ примѣрамъ, жить набожно и честно и никогда не отставать отъ поста и молитвы.

Постоянство, съ какимъ Мансуръ сталъ исполнять свой обѣтъ, скоро обратило на себя вниманіе и привлекло къ нему толпы почитателей. Не только жители его родной деревни, но почти все населеніе обширной Чечни стекалось слушать его поученія.

Вмѣстѣ со славой, унеличивалось и благосостояніе его семьи. Приношенія лились рѣкою: всевозможные подарки, деньги, овцы, быки, лошади и плоды, все въ изобилії неслось любимому шейху.

Его страстная проповѣдь какъ бы гипнотизировала, очаровывала слушателей. Это былъ своего рода мусульманскій Саванаролла: сильно и властно проповѣдывалъ онъ о вредѣ раздоровъ среди правовѣрныхъ, бичевалъ роскошь, которой окружали себя гордые мюриды, и требовалъ, чтобы всѣ относились съ любовью другъ къ другу, не исключая и иновѣрцевъ.

Какъ велико было нравственное вліяніе этого человѣка, можно судить изъ того, что всегда воинственные чеченцы, не примиримые враги русскихъ, измѣнили свои отношенія, и проявленіе дружбы къ русскимъ не было рѣдкимъ исключеніемъ.

Все время, пока туземцы находились подъ вліяніемъ шейха-Мансура, эти дружественные отношенія не нарушались. Ни набѣговъ, ни столь обычного у черкесовъ воровства скота не было. Отдельные попытки на грабежъ, если и бывали, то большей частью онѣ совершились безъ вѣдома Мансура. Одинъ изъ такихъ случаевъ косвенно послужилъ поводомъ къ разрыву съ русскими и рѣзко перемѣнилъ воззрѣнія самого шейха.

Виновникомъ этого былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ

представителей сельской молодежи, чеченецъ Бурсанъ. Подговоривъ нѣсколько кунаковъ, онъ въ одну темную ночь, подкравшись къ селенію русскихъ, увѣль изъ табуна семь лошадей и взялъ въ плѣнъ караульщика. Вернувшись въ Алды, онъ не могъ скрыть результатовъ удачной баранты, и вѣсть о набѣгѣ дошла до шейха. Мансуръ немедленно созвалъ старѣйшинъ изъ мюридовъ, убѣдилъ ихъ, что поступокъ Бурсана можетъ навлечь гнѣвъ русскихъ властей и повести къ нарушению мира. Мюриды постановили отобрать у Бурсана лошадей и вернуть ихъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ. Съ своей стороны Мансуръ изготошилъ къ русскимъ письмо, въ которомъ заявлялъ о желаніи чеченцевъ хранить съ ними дружбу. Но этого добраго намѣренія ему не удалось осуществить. Помѣшила, какъ это часто бываетъ, человѣческая зависть. Уже давно въ аулѣ одному человѣку не нравилось все болѣе и болѣе усилившееся вліяніе и власть Мансура. Чеченецъ Алashi-Батешъ, ослѣпленный злобой, рѣшился на крайнее средство: онъ отправился къ начальнику ближайшаго русскаго отряда и донесъ ему, что шейхъ-Мансуръ возбуждаетъ чеченцевъ къ войнѣ противъ Россіи и что поступокъ Бурсана былъ вызовомъ для разрыва спошней. Доносъ подействовалъ, такъ какъ командингій русскими войсками по Моздокской линіи уже давно относился недовѣрчиво къ популярному пророку. Было сдѣлано распоряженіе о посыпкѣ карательной экспедиціи подъ начальствомъ полковника Шіери. Въ составъ отряда вошелъ Астраханскій пѣхотный полкъ, батальонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ grenадерскія роты Томскаго полка и сотня Терскихъ казаковъ.

4 іюля 1785 года, отрядъ полковника Шіери выступилъ въ походъ и къ 10 часамъ утра 6 іюля достигъ селенія Алды. Въ то самое время, когда Мансуръ сочинялъ свое письмо и готовился вернуть похищенное Бурсаномъ,—его родной аулъ, подожженный съ четырехъ сторонъ, былъ взятъ и разграбленъ русскими солдатами. Не ожидавшіе нападенія жители бѣжали въ горы. Мансуръ лишился всего: его сакля была сравнена съ землей, самъ онъ и его семья едва успѣли спастись. Все дружественное отношеніе къ русскимъ пропало, и шейхъ поклялся отомстить именемъ пророка. Между тѣмъ русскій отрядъ предавалъ все встрѣчающееся ему на пути огню и мечу. Вся Чечня заволновалась, узнавъ о несчастьѣ, постигшемъ шейха. Мансуръ сталъ во главѣ горцевъ и объявилъ священную войну—газаватъ. По ночамъ на неприступныхъ кручахъ горъ зажига-

лись костры—сигналы. Все, что умѣло и могло носить оружіе, стекалось подъ священное знамя пророка.

Тѣмъ временемъ отрядъ полковника Піери, разрушивъ еще нѣсколько селеній, предпринялъ обратный походъ, не подозрѣвая, что воины шейха зорко слѣдѣть за его движенiemъ. Въ почти дѣственныхъ за-Сунженскихъ лѣсахъ, втянувшись въ узкое горное ущелье, отрядъ былъ внезапно окружено чеченцами. Произошла жаркая битва: обѣ стороны боролись отчаянно. Озлобленные горцы, руководимые любимымъ вождемъ, одержали побѣду. Полковникъ Піери и всѣ офицеры были убиты. Оставшіеся въ живыхъ 140 человѣкъ солдатъ и двѣ пушки остались трофеями въ рукахъ непріятеля.

Это тяжкое пораженіе русскихъ сильно повысило авторитетъ Мансура въ глазахъ горцевъ. Священный кличъ газавата распространился на Кубань и Кабарду, и восстаніе охватило значительное пространство. Опьяненные побѣдою, чеченцы потребовали отъ него продолженія военныхъ дѣйствій, но осторожный шейхъ, зная превосходство русскихъ, противился этому требованію и медлилъ. Нѣкоторые изъ горскихъ князей предложили напасть на ингушей, племя, къ которому чеченцы относились съ ненавистью и называли ихъ невѣрными. Мансуръ еще менѣе чѣмъ съ русскими желалъ войны съ единоплеменниками, но ему было почти приказано слѣдовать въ походъ. Случай выручилъ его изъ этого положенія. Одинъ изъ узденей, нѣкій Гатши, убѣдилъ горцевъ не трогать ингушей, а итти на Кизляръ, бывшій, по его словамъ, безъ всякаго гарнизона и поэтому обѣщающей богатую добычу. Самонадѣянные и пылкіе мюриды ухватились за эту мысль и, не войдя даже въ соглашеніе съ разбросанными по всей Кубани черкесскими отрядами, предприняли набѣгъ на Кизляръ, на этотъ разъ окончившійся неудачей. Навстрѣчу чеченцамъ былъ высланъ значительный русскій отрядъ подъ командой полковника Нагеля и горцы были разбиты наголову.

Мансуру съ небольшой кучкой приверженцевъ удалось скрыться въ горахъ. Удрученный пораженіемъ, онъ рѣшилъ не принимать болѣе участія въ военныхъ дѣлахъ и задумалъ совершить путешествіе въ Мекку. Съ четырьмя, постоянно сопровождавшими его мюридами, онъ отправился въ Анапу, чтобы оттуда отплыть въ Константинополь. Въ это время началась наша вторая война съ Турцией. Командантомъ Анапы былъ трехбунчужный Баталъ-паша. Узнавъ о прибытіи Мансура, дѣятельность которого ему была известна, онъ призвалъ

его къ себѣ и объявилъ, что теперь, когда идетъ война съ русскими, не времяѣхать въ Мекку.—Подвигъ за истинную вѣру противъ иновѣрныхъ,—сказалъ паша,—не менѣе угоденъ Аллаху, чѣмъ поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Нуждаясь въ подкѣплѣніяхъ, паша уговорилъ Мансура употребить все свое вліяніе на горцевъ въ пользу войны съ русскими и отправилъ шейха обратно въ горы, чтобы уговорить чеченскихъ князей оказать помощь турецкой арміи. Мансуръ, вернувшись въ аулы, передалъ желаніе Баталь-паші, не подкѣпивъ его, однако, своимъ совѣтомъ. Его уклончивость была замѣчена, и вслѣдствіе этого къ пашѣ былъ отправленъ гонецъ съ извѣщеніемъ объ отказѣ чеченцевъ вступить въ союзъ.

Баталь-паша, получивъ это извѣстіе, сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе. Онъ спокойно выслушалъ посланного съ отказомъ, выразилъ свое сожалѣніе и просилъ передать шейху-Мансуру, что онъ хотѣлъ бы видѣть его при себѣ. Проницательный турокъ зналъ, что присутствіе шейха подниметъ его военный престижъ и воодушевитъ его войска. Вскорѣ пашѣ удалось заключить союзъ съ Кабардинскими князьями и, не дожидаясь приближенія русскихъ, онъ двинулъ свою армію въ Кабарду, но на пути былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ генерала Германа, потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ. Остатки турецкой арміи вернулись въ Анапу подъ предводительствомъ сына Баталь-паші—Мустафы.

Когда вѣсть о разбитіи турецкихъ войскъ достигла Кабардинскихъ селеній, то собранные тамъ и совершенно готовые къ выступленію отряды, были распущены. Бывшій тамъ же Мансуръ, не желая оставаться среди растерявшихся горцевъ, рѣшилъ снова отправиться въ Анапу, чтобы осуществить свою мечту о путешествіи въ Мекку. Послѣ долгаго и опаснаго пути, онъ вмѣстѣ съ пятью спутниками достигъ города, но увидѣлъ его осажденнымъ русскими войсками. Одному ему извѣстнымъ путемъ, Мансуръ пробрался въ городъ и поселился одинъ, не предпринимая никакихъ дѣйствій и проводя время въ молитвѣ.

Между тѣмъ русскія войска подъ начальствомъ графа Гудовича желѣзнымъ кольцомъ стягивали Анапу. Привозъ привезіи съ горъ сталъ невозможенъ, почти непрерывный обстрѣль города и частые штурмы утомили его защитниковъ, и крѣпостной гарнизонъ сталъ роптать. Мустафа-паша обратился къ Мансуру съ призывомъ выступить на защиту ислама и пади-

шаха. Шейху пришлось прекратить бездѣйствие и стать въ ряды борцовъ, но на этотъ разъ и его присутствіе не могло поддержать осажденныхъ. Послѣ долгой и тяжкой осады войска графа Гудовича 22 іюня 1791 года кровопролитнымъ штурмомъ взяли Анапу. 130 знаменъ, 95 пушекъ и около 14.000 человѣкъ плѣнныхъ было наградой побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были: Мустафа-паша и шейхъ-Мансуръ.

Графъ Гудовичъ обласкалъ плѣнниковъ: онъ торжественно обѣщалъ имъ свободу по окончаніи войны, а Мансуру, кромѣ того, пристойное, подобающее его званію, содержаніе въ Петербургѣ, куда онъ долженъ быть посланъ для представленія Императрицѣ. Само собою разумѣется, что эти почетныя условія были приняты. Задача графа Гудовича по умиротворенію кавказскихъ горцевъ была закончена: со взятиемъ Анапы вся Кубань была въ рукахъ русскихъ, а плѣненіе популярнаго пророка и шейха смирило горскія племена, и восстаніе можно было считать подавленнымъ.

Съ чрезвычайными предосторожностями и подъ усиленнымъ конвоемъ шейхъ - Мансуръ былъ доставленъ въ Петербургъ. Вмѣсто обѣщанного ему почетнаго содержанія, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Екатерининское правительство смотрѣло на него, какъ на опаснаго политического агитатора, и подозрѣвало въ немъ турецкаго агента. 28 іюня 1791 года, шейхъ былъ допрошенъ въ тайной экспедиціи самимъ Шешковскимъ. Въ показаніяхъ своихъ Мансуръ упорно отрицалъ обвиненіе его въ недоброжелательствѣ къ русскимъ и утверждалъ, что онъ проповѣдывалъ среди своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ терпимость и любовь не только между собою, но и по отношенію къ русскимъ. На вопросъ, какъ онъ могъ поучать народъ, когда самъ былъ неграмотенъ, Мансуръ отвѣтилъ, что проповѣди его были понятны, коротки и просты и заключались въ слѣдующихъ правилахъ, соблюдать которыхъ долженъ былъ каждый правовѣрный: 1) исповѣдывать Бога единаго; 2) исповѣдывать, что Магометъ посланникъ Божій, 3) вѣрить воскресенію мертвыхъ и страшному суду Божію, на которомъ каждому воздано будетъ по дѣламъ его, и для того исполнять предписанныя закономъ должности, коихъ пять: 1) постъ, 2) молитва, 3) посѣщеніе Мекки и Медины, 4) поданіе милостыни и 5) исповѣданіе вѣра въ единаго Бога.

Среди бумагъ шейха были найдены тексты четырехъ молитвъ, которыхъ онъ распространялъ среди своихъ послѣдователей.

телей¹⁾. Воинственныхъ же возваній или какихъ либо обращеній къ городскимъ племенамъ, найдено не было.

По снятіи допроса, Мансуръ былъ снова заключенъ въ крѣпость. Въ тайной экспедиціи не вѣрили въ его исключительно проповѣдническую дѣятельность по его молодости (по его показанію ему было только 30 лѣтъ отъ рода), и Шешковскій медлилъ съ докладомъ Императрицѣ. Между тѣмъ шейхъ-Мансуръ велъ себя въ крѣпости неспокойно: онъ просилъ и требовалъ исполненія обѣщаній графа Гудовича объ освобожденіи его какъ военно-плѣнного, но просьбы оставлялись безъ вниманія. Его пылкая южная натура не могла мириться съ суровыми требованиями крѣпостного режима, приводившаго его въ ярость, и въ одинъ день, въ припадкѣ гнѣва, Мансуръ ударомъ ножа убилъ караульного солдата.

Немедленно было доведено до свѣдѣнія Государыни и наряжено особое слѣдствіе. По высочайшему новелѣнію шейхъ за

¹⁾ Тексты этой выписки изъ Корана были такого содержанія: 1) Слава Богу Господу обоихъ міровъ, т. е. сего и будущаго, Милосердному, Милостивому, властителю суда страшнаго. Тебя молимъ и Твоей пощады просимъ, направи насть на путь правый, на путь, его же ради благотвориша ходящимъ по немъ, не прогибнись на нихъ и не отпадутъ въ заблужденіе

2) Богъ вашъ есть Богъ единий и нѣтъ Бога кромѣ Его Милостиваго и Милосерднаго; Ему же нѣтъ владыки, ни сообщника, нѣтъ соучастника, во владычествѣ Его. Хвалите Его и благодарите утро и вечеръ, нѣтъ крѣпости и силы не отъ Бога, Величайшаго и Высочайшаго. Уповающій на Бога не постыдится, помогаетъ ему всемогущій Богъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Во истину Господь вашъ есть Богъ, Который сотворилъ небо и землю въ шесть дней, потомъ сѣль на престолъ, покрывая день ночью; сотворилъ Онъ солнце, луну и звѣзды и теченіе ихъ покорилъ своей власти. Благословенъ будь Господь Богъ общихъ мировъ. Богъ, кромѣ Котораго, нѣтъ иного Бога, Онъ есть живой, всегда существующій, Ему же не прикасается дреманіе и сонъ, Его все, что на небесахъ и на землѣ. Кто посмѣть ходатайствовать у Него, не по Его изволенію. Онъ вѣдаеть бывшее и что имѣеть быть, никакая вещь не можетъ объять свѣдѣній Его, кромѣ того, что Онъ открыть захочетъ. Пространство престола Его—небо и земля и не обременяетъ Его тягость храненія ихъ; Онъ высокъ и великъ.

3) Прибѣгаю къ Господу и Царю рода человѣческаго, да сохранитъ меня отъ дьявольского искушенія и козней человѣческихъ; милостивый къ рабамъ своимъ Господь Богъ щедрить и даритъ, кому хочетъ безъ числа.

4) Господь нашъ, не истязай насть, если мы что запомнили и если въ чемъ согрѣшили и не наложи на насъ тягости такой, какой отягощены предпестровавшіе намъ роды. Не возложи на насъ, что понести не можемъ, прости насть Господи и помилуй насть, ты Владыко нашъ и дай намъ помочь Свою на невѣрующихъ въ тебя.

это преступлениe былъ закованъ въ кандалы и осужденъ на вѣчное заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. 15 октября 1791 года ¹⁾ Мансуръ былъ переданъ въ распоряженіе коменданта, и непривѣтливыя стѣны страшной крѣпости скрыли въ себя сводолюбиваго горца.

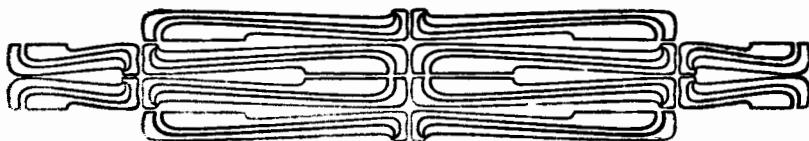
Шейхъ пробылъ въ тяжеломъ заключеніи до весны 1794 года. Гнетъ неволи и тоска по родинѣ развили въ немъ чахотку, и 13 апрѣля того же года Мансура не стало. Тѣло его секретно, ночью, было зарыто на Преображенской горѣ безъ всякаго обряда. Такъ окончилъ свою жизнь популярный вождь и пророкъ чеченскихъ племенъ шейхъ-Мансуръ Анапскій, — предшественникъ Шамиля.

М. Я. Корольковъ,

---

¹⁾ Донесеніе Шлиссельбургскаго коменданта. Гос. Арх. т. VII № 2777.

Виленскія воспоминанія.

Вильна издавна славится красотою своихъ окрестностей. Нынче, съ вырубкою лѣсовъ, прелесть окрестностей уменьшилась; но прежде не надо было употребить много времени, чтобы перейти изъ городского шума въ лѣсную глушь. Любимое мѣсто гуляній—желѣзная хатка находилась въ густомъ лѣсу, а ведущее туда желѣзнодорожное полотно представляло аллею, съ которой были видны красивые пейзажи. Самый городъ, окруженный высотами и расположенный при двухъ рѣкахъ, со множествомъ костеловъ и церквей, также имѣть красивый видъ. Въ концѣ 1865 года, когда я поселился въ Вильнѣ, около Замковой горы былъ земляной валъ со рвомъ. Такой валъ сохранился по настоящее время, на правомъ берегу рѣки Виліи. Сообщеніе между этими фортификаціонными постройками производилось посредствомъ деревянного парома, двигающагося по канату, протянутому черезъ рѣку. Остатки фортификаціонныхъ сооруженій можно найти и нынѣ на Крестовой горѣ. Тамъ, наверху горы, былъ прорытъ небольшой деревянный туннель, открытый съ обоихъ концовъ. Такъ какъ въ позднѣйшее время туннель сталъ служить убѣжищемъ для разнаго сброва, то его засыпали. Вблизи укрѣплений, на Ботанической улицѣ, стояла большая каменная мукомольная мельница, приводимая въ движение водою рѣки Вилейки. Для сей цѣли былъ проложенъ особый каналъ, который отходилъ отъ мельницы къ земляному валу: здѣсь вода текла во рву и уходила въ рѣку Вилейку; такимъ образомъ, крѣпостной ровъ съ водою отдѣлялъ Ботаническій садъ отъ фортификаціонной постройки. Тутъ былъ построенъ подъемный мостъ на цѣпяхъ, котораго я не засталъ; но высокие каменные устои сохранились донынѣ. Долгое время сохранялись также три высокихъ деревянныхъ креста на Кре-

стовой горѣ; когда одинъ обрушился отъ ветхости, то и остальные два были убраны. Городъ имѣлъ уже газовое освѣщеніе, но оставалось много узкихъ и кривыхъ переулковъ, дурно освѣщаемыхъ. На Большой улицѣ, противъ маленькой Пятницкой церкви стояла большая каменный домъ, заслонявшій церковь. Домъ этотъ былъ купленъ казною и снесенъ. Во время моего прибытія въ Вильну были еще остатки суроваго режима: по вечерамъ люди ходили съ фонарями, а въ царскіе дни во всѣхъ уличныхъ окнахъ зажигались свѣчи. Разсказывали, какъ во время уличныхъ демонстрацій выводили изъ казармъ вооруженные войска, которыхъ однако оружіемъ не дѣйствовали. Пользуясь такимъ послабленіемъ, нѣкоторые горячіе патріоты наносили солдатамъ оскорблѣнія, остававшіяся безнаказанными. Одна почтенная старушка разсказывала мнѣ, какъ сильно было тогда увлечено польское общество мыслью о вмѣшательствѣ Западной Европы въ польское восстаніе. Какъ хозяйка дома, гдѣ происходилъ политический разговоръ, ни оспаривала своихъ гостей, какъ ни объясняла имъ несбыточность подобной идеи, ничего не помогало.—Панъ такой-то, говорила она мнѣ,— такъ былъ увѣренъ въ помощи французовъ и англичанъ, какъ будто англійскій флотъ стоялъ уже въ Трокахъ. Извѣстно, что въ Трокскомъ уѣздѣ лежать обширныя озера. Та же старушка сообщила мнѣ про ничтожный случай, ее напугавшій. Къ ней въ домъ былъ поставленъ на жительство казачій офицеръ. Хозяйка отвела ему комнату въ своей собственной квартире. Однажды вечеромъ она пригласила офицера къ себѣ на чай. Въ то время у нея находился какой-то панъ. Во время разговора гость этотъ неожиданно сказалъ хозяйкѣ: „зачѣмъ эти бродяги пришли къ намъ сюда въ Вильну“.—Я,—говорила хозяйка,—сижу ни жива, ни мертвa.—Къ счастью, разговоръ шелъ на польскомъ языке, и офицеръ не понялъ сдѣланного вопроса.

Въ молодости я имѣлъ обширный кругъ знакомства и бывалъ въ польскихъ домахъ. Тамъ существовала такая тактика въ отношеніи русскихъ. Если гость былъ офицеръ, то брали русскихъ чиновниковъ, намекая на ихъ взяточничество, брали учителей, обвиняя ихъ въ грубомъ обращеніи къ учащимся и намекая на другое недостатки. Если русскій гость былъ чиновникъ, то брали педагоговъ и офицеровъ, указывая на необразованность военнаго сословія. Если русскій гость былъ педагогъ, то ограничивались жалобою на чиновниковъ и офицеровъ. Такимъ образомъ, выходило, что нѣть ничего хорошаго у русскихъ.

Извѣстно, что послѣ польского восстанія 1831 года, въ Литвѣ много овдовѣвшихъ полекъ повыходили замужъ за молодыхъ русскихъ офицеровъ. Такого явленія послѣ восстанія 1863 года въ Вильнѣ не было; напротивъ, оставались безъ замужества много польскихъ барышень молодыхъ и красивыхъ. Тогда существовало запрещеніе служащимъ православнымъ вступать въ бракъ съ католичками. Если и возникали свадьбы, то обыкновенно невѣста принимала православную вѣру. Такой запретъ отражался вредно и на русской молодежи: стали являться внѣбрачныя сожитія. Я зналъ такой характерный случай. Молодой человѣкъ состоялъ въ конкубинатѣ съ женской двусмысленного поведенія. Родные этого мужчины были крайне опечалены такою связью. Чтобы порвать эту связь, родные устроили переводъ въ Петербургъ своего родственника! Казалось, все хорошо было сдѣлано. Молодой человѣкъ разстался со своею возлюбленною, далъ ей на прощаніе 300 рублей и уѣхалъ въ столицу. Спустя нѣсколько дней, покинутая особа захотѣла увидѣть своего возлюбленного и съ этою цѣлью вздумала побѣхать въ Петербургъ. Въ то время въ Вильнѣ существовало военное положеніе и для того, чтобы выѣхать въ столицу, надо было имѣть полицейское разрѣшеніе. Виленскій полицеімейстеръ, вѣроятно, предупрежденный о подобномъ наображеніи, отказалъ въ выдачѣ нужнаго свидѣтельства. Огорченная особа телеграфировала своему другу, что она окружена врагами и что ее не выпускаютъ изъ Вильны. Возмущенный такимъ стѣсненіемъ, молодой человѣкъ прїѣхалъ обратно въ Вильну и, чтобы защитить свою подругу, рѣшилъ съ нею обѣничаться. Бракъ былъ совершенъ въ Никольской церкви, и молодые супруги уѣхали въ Петербургъ.

При началѣ польского восстанія многіе изъ русской молодежи сочувствовали полякамъ, которые боролись за свободу и обѣщали добыть свободу и русскимъ. Передъ началомъ восстанія я встрѣтился въ Петербургскомъ университетѣ со студентомъ-полякомъ, окончившимъ уже 4 курса математического факультета и собиравшимся ѿхать въ провинцію. Это былъ бѣдный человѣкъ, весьма серьезный. Зная изъ газетъ, что уже формируются шайки мятежниковъ въ Польшѣ и Литвѣ, я, въ разговорѣ съ этимъ студентомъ, по-дружески спросилъ его, не собирается ли онъ отправиться въ банду. На это студентъ мнѣ отвѣтилъ: „что они за дураки, задумали сдѣлать такую глупость“. Подобный отвѣтъ меня очень удивилъ, потому что я впервые услыхалъ изъ устъ поляка порицаніе начинаящемуся мятежу.

Пріїхавъ въ новую для меня страну и знакомясь съ мѣстностью и съ жителями, я какъ-то обратился къ еврею ремесленнику съ категорическимъ вопросомъ: чью сторону держали евреи во время бывшаго возстанія, русскихъ или поляковъ. На это послѣдовалъ очень умный отвѣтъ.—„Для нась, евреевъ“,—сказалъ спрошенный,—„Россія—это отецъ, Польша—это мать. Когда отецъ съ матерью ссорятся, тогда дѣтямъ нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эту ссору.“

Во времія моего прибытія въ Вильну, видное положеніе въ русскомъ обществѣ занималъ артиллерійскій офицеръ Гогель. Это былъ богатый человѣкъ, занимавшій большую квартиру и державшій собственный экипажъ. Только у генералъ - губернатора были такие отличные рысаки, какіе были у Гогеля. Названный офицеръ былъ членомъ слѣдственной комиссіи, разбирающей политическія дѣла. Комиссія эта помѣщалась въ казенномъ домѣ у Замковой горы, противъ каѳедрального костела. Арестованныхъ водили въ комиссию изъ военной тюрьмы, по аллеѣ, идущей около горы, и эта аллея называлась тогда аллею вздоховъ. Пользуясь материаломъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, Гогель написалъ книгу подъ заглавіемъ „Іосифъ Огрызко“, въ коей изобразилъ польскую интригу въ дѣлѣ возстанія и нарисовалъ типъ поляка на русской службѣ. Извѣстно, что Огрызко служилъ въ Министерствѣ Финансовъ и занималъ должность вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ. При означенномъ сочиненіи былъ приложенъ переводъ польского катехизиса, и Гогель увѣряетъ, что этиотъ политической катехизисъ поляки признавали равносильнымъ религіозному катехизису римско-католическому. Какъ извѣстно, Огрызко былъ судимъ, признанъ виновнымъ и былъ сосланъ въ каторжныя работы. Гогель недолго пользовался своимъ богатствомъ. Онъ заболѣлъ, продолжительное время лѣчился и умеръ. Со смертью его, богатство какъ-то растаяло, и оставшаяся вдова съ дѣтьми оказалась въ бѣдности. Съ изданіемъ названной политической брошюры обѣ Огрызкѣ администрація поступила какъ-то странно. Сперва книга была разрѣшена, потомъ запрещена, затѣмъ опять разрѣшена. Помню, что второе изданіе книги Гогеля лежало долгое время конфискованнымъ въ Губернскомъ Правленіи. Между тѣмъ, вдова издателя крайне нуждалась въ деньгахъ. Удалось ли ей продать второе изданіе, не знаю; но въ скоромъ времени вдова покинула Вильну и, какъ говорили, уѣхала въ Сибирь губернанткою.

Одновременно съ Гогелемъ издалъ свое сочиненіе о мятежѣ

генераль Ратчъ подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо - Западной Россіи“. Свое повѣствованіе авторъ началъ съ XI вѣка, пояснилъ происхожденіе литовскаго племени и дошелъ до 1863 года. Передъ этимъ годомъ про-исходили волненія въ Петербургскомъ университетѣ. Ратчъ обвинялъ поляковъ въ означенномъ волненіи, а Герцена, извѣст-наго литератора и политическаго дѣятеля, причисляеть къ сооб-щникамъ поляковъ. Извѣстно, что престижъ Герцена сильно упалъ у русскихъ, какъ только обнаружилось сочувствіе его къ революціонной дѣятельности поляковъ.

Хотя жители города Вильны знаютъ русскій языкъ, но склонялись въ то время на немъ говорить, а употребляли польскій языкъ. Шляхетство дѣлало это изъ патріотизма; евреи изъ же-ланія расположить къ себѣ помѣщиковъ. Доходило до того, что иногородніе православные священники, пріѣзжавшіе въ Вильну, говорили по-польски съ прислугою въ гостиницахъ. Вообще когда пріѣзжій русскій вступалъ въ разговоръ съ мѣстнымъ жи-телемъ, то всегда получалъ отвѣтъ на польскомъ языкѣ. Только тогда, когда туземецъ убѣжддался, что прибывшій не знаетъ поль-скаго языка, виленецъ начиналъ говорить по-русски. Мой то-варицъ по школѣ, полякъ, приглашая меня къ себѣ на свадьбу шаферомъ, предупредилъ меня, что его невѣста не говоритъ по-русски, тогда какъ оказалось, что невѣста прекрасно знаетъ русскій языкъ. Другое подобное же сообщеніе я слышалъ отъ нѣмки, братъ которой женился въ Прибалтійскомъ краѣ на мо-лодой дѣвушкѣ православнаго исповѣданія. Нѣмка увѣряла меня, что невѣста не говоритъ по-русски. Въ то время издавалась въ Вильнѣ единственная русская газета „Виленскій Вѣстникъ“, ко-торая представляла мало интереса, вслѣдствіе цензурныхъ усло-вій. Долгое время редакторомъ этой газеты былъ отставной ка-питанъ-лейтенантъ Поль. Это былъ заслуженный человѣкъ, твер-дыхъ убѣжденій, защитникъ Севастополя, съ Георгіевскимъ кре-стомъ. Какъ строга была цензура, доказываетъ слѣдующій слу-чай. Одинъ мой знакомый составилъ курсъ ариѳметики, кото-рый, пройдя черезъ цензуру, былъ напечатанъ. Авторъ, раз-сматривая печатные листы, замѣтилъ несколько ошибокъ и рас-порядился ихъ исправить на особомъ листкѣ. Листокъ былъ приложенъ къ книгѣ. Когда цензоръ увидалъ въ книгѣ одну страницу, непрошедшую черезъ цензуру, то арестовалъ все изда-ніе. Арестъ продолжался три дня; послѣ чего книга была до-пущена къ обращенію въ публикѣ. Такъ вотъ, съ такою-то цен-зурою приходилось ладить редактору газеты. Но кромѣ цензора,

надо было угодить попечителю учебного округа, дабы не появлялись статьи, противные духу тогдашнего воспитания. Иногда виленский губернатор выражалъ неудовольствие на содержание газеты. Наконецъ, надо было знать, какъ смотритъ начальникъ края на направление газеты и не зарождается ли у названной особы гибнаго настроения. Поль лавировалъ между опасностями и велъ газету долгое время. Будучи человѣкомъ разностороннимъ, Поль тогда проектировалъ особый приборъ для писанія; но проектъ его осуществленія не получилъ.

Я помню пріѣздъ въ Вильну братьевъ славянъ, щавшихъ въ Москву на этнографическую выставку, въ 1868 году. Они у насъ были приняты съ большими радушіемъ. Особая депутація встрѣтила ихъ на вокзалѣ; для всѣхъ были приготовлены особые помѣщенія; въ дворянскомъ клубѣ состоялся роскошный обѣдъ, за которымъ говорили рѣчи на разныхъ языкахъ. Во главѣ прибывшихъ были известные ученые: Ригеръ и Палацкій. Въ маленькомъ кружкѣ разговаривающихъ гостей и хозяевъ случился курьезъ. Русскій докторъ, выражая пріѣзжимъ свои братственные чувства, сдѣлалъ ошибку въ перечисленіи разныхъ славянскихъ народностей, упомянувъ между ними венгровъ. При этомъ словѣ слушающіе только переглянулись. Гости пробыли здѣсь короткое время, но успѣли кое-что осмотрѣть. Два священника, пріѣхавшіе на Антоколь, вошли въ Петрапавловскій костель. Увидавъ прекрасныя лѣпныя украшенія въ храмѣ, посѣтители сказали: „вотъ іезуитское произведеніе“. Одинъ изъ пріѣзжихъ, галичанинъ Главацкій перешелъ въ русское подданство, поступилъ на коронную службу и поселился въ Вильнѣ.—Въ половинѣ шестидесятыхъ головъ не было въ Вильнѣ кредитныхъ учрежденій, кромѣ отдѣленія государственного банка. Не помню, въ которомъ году былъ основанъ земельный банкъ, организаторомъ котораго былъ чиновникъ Васильевъ, служившій въ отдѣленіи государственного банка. Одновременно съ земельнымъ банкомъ былъ основанъ коммерческий, имѣющій тѣсную связь съ первымъ. На земельный банкъ возлагалось тогда много надеждъ, которая однако не сбылись; ссуды выдавались при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что послужили къ разоренію разныхъ лицъ. Даже сами поляки, въ интересахъ которыхъ было основано это кредитное учрежденіе, жалуются на земельный банкъ.

Не помню, когда было учреждено общество взаимного кредита (первое). Это общество организовалъ пріѣзжій русскій—очень способный человѣкъ, участвовавшій въ разныхъ коммер-

ческихъ предпріятіяхъ. Интересуясь новымъ обществомъ, я записался въ члены, сдѣлалъ условный взносъ, но никакихъ денегъ въ заемъ не бралъ. Былъ я на одномъ общемъ собраніи и удивился, съ какимъ согласiemъ подавали свои голоса евреи. Надо было выбрать кандидата на какую-то должность. На общемъ собраніи, насъ, христіанъ, было человѣкъ 20; евреевъ—вчетверо больше. Мы, христіане, подавали голоса за разныхъ лицъ, чуть не за 10 человѣкъ; евреи же, логоловно, какъ по командѣ, подали свои голоса за одно лицо. Такое соглашеніе меня очень удивило; тогда я еще не зналъ, какъ велика дисциплина у евреевъ. Первое виленское общество взаимнаго кредита потерпѣло крахъ, вслѣдствіе злоупотребленій. Привлечены были къ суду три директора и бухгалтеръ. Одинъ директоръ и бухгалтеръ понесли наказаніе, а 2 директора какимъ-то образомъ спаслись отъ судебной отвѣтственности и скрыли свое имущество. Крахъ былъ для всѣхъ такъ неожиданъ, что одинъ генераль, за нѣсколько дней до катастрофы, внесъ въ общество что-то тысячъ двадцать. Разумѣется, большую часть взноса довѣрчивый человѣкъ потерялъ.

Наше правительство обращало особое вниманіе на состояніе русскаго театра въ Вильнѣ и отпускало на сей предметъ значительную сумму. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ нашъ театръ процвѣталъ: на сценѣ были выдающіеся таланты; зрителей всегда было довольно, хотя польское общество сторонилось русскаго театра. Между артистами занималъ въ то время выдающееся положеніе полякъ Домбровскій. Русская публика всегда привѣтливо встрѣчала выходъ этого артиста. Въ январѣ 1871 г., когда справляли бенифисъ Домбровскаго, вниманіе публики не ограничилось поднесеніемъ обычнаго подарка, но и были написаны по сему случаю стихи, получившіе общую извѣстность въ то время. Вотъ текстъ этихъ стиховъ.

Прими сей скромный даръ не по
цѣнѣ—по чувству,
Съ которымъ онъ тебѣ предложенъ
отъ души;
То чувство: дань любви къ таланту
и искусству.
Ты съ гордостью его на сердцѣ запиши.
Ты многіе года стоишь главою сцены,
Какъ вѣрный жрецъ, храня любимый
храмъ;

Предъ нами каждый годъ мелькаютъ перемѣны.
Но ты неизмѣнимъ—на утѣшенье
памъ.

Не измѣни и впредь привѣтливому кругу.
Какъ былъ ты будешь здѣсь любимцемъ
завсегда.

И публикѣ скажи, какъ искреннему другу
Да.

Изъ числа моихъ знакомыхъ, бывшихъ педагоговъ, особенно симпатичны были два преподавателя: Пермскій и Полозовъ. Оба они сердечно относились къ учащейся молодежи; были любимы ею, много трудились и не ограничивались одною классною дѣятельностью, и временами читали публичныя бесплатныя лекціи. Пермскій жилъ одно время въ казенномъ домѣ и самую большую комнату занялъ своимъ кабинетомъ. въ коемъ производилъ химическія изслѣдованія. Огромный столъ былъ весь заставленъ банками, склянками, ретортами и другими предметами; словомъ, кабинетъ его представлялъ цѣлую лабораторію.

Пермскій занимался также въ музеѣ и составилъ его описание. Впослѣдствіи Пермскій перебралъ въ Петербургъ. О его трудахъ въ столицѣ я ничего не знаю; но я твердо увѣренъ, что и тамъ онъ продолжалъ учебныя занятія и былъ любимъ учениками. Большиіе труды, при слабомъ здоровье, свели его въ могилу. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ красуется изящный бѣлыі памятникъ на могилѣ Пермского, со знаменательною надписью: „Незабвенному учителю отъ друзей, товарищей и учениковъ“. Не много людей, не имѣющихъ богатства и чины, заслужать послѣ смерти такую сердечную память отъ чужихъ лицъ. Что касается Полозова, то бывшіе ученики и почитатели его трудовъ собрали денежный капиталъ, на который учредили стипендію въ Виленскомъ реальномучилищѣ въ память дорогого педагога.

Въ Вильнѣ, какъ въ центрѣ гражданскаго и военного управлѣнія, служитъ много чиновниковъ, большинство коихъ получаетъ скудное содержаніе. Неудивительно, что многіе прибѣгаютъ къ денежнымъ займамъ. Помню, мой пріятель, молодой человѣкъ, нуждаясь въ деньгахъ, обратился къ евреюкѣ дать ему на короткое время 50 руб. Та согласилась и принесла ему на квартиру деньги. Случилось мнѣ быть въ это время у моего пріятеля. Пришедшая женщина держала въ рукахъ 100 руб.—

кредитный билетъ и вексельный бланкъ. Оказалось, что 50 руб. она дать не согласна, а предлагала взять 100 руб., но на этот разъ заемъ не состоялся. Не такъ легко отдѣлался отъ займа другой мой пріятель, педагогъ. Онъ имѣлъ неосторожность занять подъ вексель деньги и не могъ въ срокъ уплатить. Произошло горячее объясненіе, и учитель панесъ оскорбліеніе кредитору, должно быть, его ударили. Пострадавшій жаловался, и судъ приговорилъ учителя къ аресту. Идти подъ арестъ показалось моему знакомому унизительнѣмъ, и онъ помирился съ обиженнымъ, заплативъ деньги за оскорбліеніе. Прошло нѣкоторое время, опять учитель вгорячахъ побилъ еврея и опять былъ приговоренъ къ аресту. На этотъ разъ приняли участіе въ горячемъ человѣкѣ его друзья и уговорили его сѣсть подъ арестъ, но не платить снова деньги за обиду. Было лѣто, классныхъ занятій нигдѣ не было, такъ что отбыть арестъ было легко. Помню, что въ то время, по слухамъ ремонта, войсковой караулъ помѣщался въ пустой казармѣ. Вотъ въ эту-то казарму и сѣлъ мой пріятель. Узнавъ объ этомъ приключеніи, я пришелъ въ казарму навѣстить арестованаго. Когда мы сидѣли и бесѣдовали, неожиданно появился въ комнатѣ еврей-кредиторъ, и лѣстивымъ и униженнымъ голосомъ началъ высказывать свое сожалѣніе о случившемся. Учитель вскипѣлъ негодованіемъ и чуть было снова не поколотилъ вошедшаго. Не получая долга, еврей представилъ векселя ко взысканію. Начался вычетъ изъ жалованія. Жить на уменьшеннѣе жалованье, и при томъ женатому человѣку, не представлялось возможнымъ. Учитель вышелъ въ отставку. Продали его движимое имущество, но долга не покрыли. Тогда мой пріятель взялъ мѣсто въ глушки, въ Пермской губерніи, куда потихоньку и уѣхалъ. Въ Вильнѣ осталась его жена, которая черезъ нѣкоторое время уѣхала къ мужу. Какъ ни скрывали, какъ ни хитрили мои знакомые, однако кредиторъ узналъ мѣсто ихъ пребыванія и направилъ туда свое взысканіе. Чѣмъ дѣло кончилось, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Другой солидный чиновникъ признался мнѣ, что одинъ бойкій еврей, имѣвшій постоянныя дѣла въ ихъ вѣдомствѣ, предложилъ ему сдѣлать въ служебной бумагѣ подлогъ за вознагражденіе въ 800 рублей. Чиновникъ пришелъ въ ужасъ отъ подобного предложения и указалъ еврею, что за подобное преступленіе ссылаютъ въ Сибирь. Еврей возразилъ, что подлогъ можно скрыть и никто не узнаетъ про фальшь. Такъ они и разошлись. Впослѣдствіи этотъ честный служака окончилъ жизнь самоубійствомъ. Такія испытанія

трудно переносить молодымъ неопытнымъ людямъ. Былъ подобный другой случай. Пріѣхалъ въ городъ на службу молодой архитекторъ. Извѣстно, какъ мало казенное содержаніе. Привилегированный подрядчикъ вѣдомства, куда поступилъ молодой человѣкъ, познакомился со вновь пріѣзжимъ и въ разговорѣ сдѣлалъ наглое предложеніе: получать другое жалованье отъ него, подрядчика. Подобная дерзкая выходка, обидѣвшая архитектора, была конечно отвергнута. Должно быть предстоящія занятія не понравились вновь пріѣзжему, и онъ перешелъ на службу въ контрольную палату, куда охотно принимали образованныхъ людей. Тамъ онъ и оставался до конца жизни.

Лица, служащія въ канцеляріи генералъ-губернатора, пользуются особою привилегіею. Въ вѣдѣніи этихъ лицъ находится дворцовое имущество, состоящее изъ домовъ и земель. Вѣроятно, изъ доходовъ этого имущества идутъ наградныя деньги служащимъ. Случилось мнѣ однажды встрѣтиться съ чиновникомъ. Этотъ господинъ разсказывалъ про обнаруженную имъ передачу содержанія секретной бумаги и что онъ подвергнулся аресту причастное къ этому дѣлу постороннее лицо. Тогда были уже введены новые судебные уставы, почему я и спросилъ чиновника: развѣ можно лишать свободы человѣка, безъ суда и слѣдствія. Вопрошаемый мнѣ возразилъ, что не всѣ поступки могутъ быть преслѣдуемы закономъ, что встречаются такія дѣла, которыхъ не поддаются карѣ закона, и что въ такихъ случаяхъ достаточно нравственного убѣжденія въ виновности, дабы посадить подозрѣваемаго въ тюрьму. Тогда я подумалъ, что бы ты заговорилъ, если бы тебя самого посадили въ тюрьму по нравственному убѣжденію.

Не всѣ чиновники ограничиваютъ свою дѣятельность писаниемъ бумагъ, веденіемъ разныхъ книгъ и составленіемъ вѣдомостей. Встрѣчаются лица, коихъ труды имѣютъ ученый характеръ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Г., усердно занимался порученнымъ ему дѣломъ и былъ оцѣненъ своимъ начальствомъ, по представленію котораго онъ получилъ орденъ Св. Станислава въ петлицу. Не гоняясь за наградою, Г. не пошелъ благодарить начальника за это украженіе. Вскорѣ послѣ того, этому труженику пришлось быть съ личнымъ докладомъ у своего начальника. Этотъ послѣдній, не видя ордена на подчиненномъ, сказалъ ему: „вы, кажется, получили какой-то орденъ? Спрошенный вспомнилъ о наградѣ, зналъ, что пожалованный орденъ носилъ какое-то польское имя, отвѣчалъ: да, Ваше Превосход-

дительство, имѣю орденъ Св. Сигизмунда. Подобный отвѣтъ былъ очень непріятенъ начальнику, большому формалисту. Прошло не много времени, какъ Г. оставилъ Вильну и перешелъ на службу въ Петербургъ.

Служба чиновниковъ въ Западномъ краѣ поощрялась на-
гражденіемъ конфискованными имѣніями, которыя чиновники
могли покупать по дешевой цѣнѣ съ разсрочкою уплаты де-
негъ на 20 и болѣе лѣтъ. Подобная привилегія не касалась
лицъ, служащихъ въ воинскомъ вѣдомствѣ. Кромѣ конфискован-
ныхъ имѣній, поступали въ продажу имѣнія польскихъ помѣ-
щиковъ, коихъ правительство обязало продавать земли рус-
кимъ людямъ. Впослѣдствіи означеный суровый законъ былъ
отмѣненъ. Для покупки имѣнія надо было имѣть разрѣшеніе
отъ генераль-губернатора. Выдачею подобныхъ разрѣшеній за-
вѣдавалъ важный чиновникъ. Въ то время можно было ку-
пить землю, не имѣя вовсе денегъ, если въ имѣніи былъ лѣсъ.
Для такой операции надо было войти въ соглашеніе съ евреемъ,
занимавшимся лѣсною торговлею. Заручившись нужнымъ до-
кументомъ, еврей давалъ замообразно деньги для первыхъ
уплатъ. Когда купчая на землю была совершена, тогда новый
помѣщикъ продавалъ лѣсъ на срубъ и такимъ образомъ осво-
бождался отъ долга. Конечно, съ потерю лѣса, имѣніе обез-
щѣнивалось. Что евреи вообще зорко слѣдили за продажею
лѣса, я убѣдился изъ случайного знакомства. Мнѣ пришлось
какъ-тоѣхать въ одномъ вагонѣ съ лѣсопромышленникомъ,
старикомъ лѣтъ семидесяти. Спутникъ увѣрялъ меня, что одно
время онъ имѣлъ на каждой станціи своего агента по продажѣ
лѣса и что онъ зналъ о всякой лѣсной продажѣ въ цѣлой гу-
берніи. Эта промышленникъ имѣлъ при жизни многочислен-
ное потомство и считалъ у себя 12 взрослыхъ внуковъ. Желая
провѣрить слова еврея, я спросилъ его о продажѣ въ одномъ
уѣздѣ извѣстнаго мнѣ земельнаго участка. Оказалось, что мой
собесѣдникъ зналъ объ этой операциѣ.—Поощренія чиновниковъ
продажею имъ земель иногда оказывались очень щедрыми.
Одинъ жандармскій офицеръ купилъ за 5 тысячъ конфиско-
ванное имѣніе съ разсрочкою уплаты лѣтъ на 20. Года черезъ
два, этотъ офицеръ продалъ въ казну часть приобрѣтенной
земли за 30 тысячъ рублей. Служба этого офицера была хо-
рошо вознаграждена! Покупка имѣнія русскими людьми, безъ
пособія правительства, была сопряжена съ большими неудоб-
ствами. Одинъ мой знакомый, проживавшій въ Вильнѣ и
имѣвшій небольшой свободный капиталъ, задумалъ купить

имѣніе, которое могъ бы оставить своимъ дѣтямъ. Скоро былъ найденъ факторъ, выразившій готовность устроить покупку, при соблюденіи строгой тайны. Мой знакомый согласился и скрывалъ отъ всѣхъ затѣянное дѣло. Имѣніе было указано въ Могилевской губерніи, значительно запущенное, но имѣвшее хорошій барскій домъ. Покупщикъ осмотрѣлъ землю, купилъ за условную сумму и переселился туда со своею семьею. Года два спустя, мнѣ случилось быть въ этомъ имѣніи. Хозяйка мнѣ призналась, что дѣло вести очень трудно и что она едва-едва сводитъ концы съ концами. При отѣзданіи моемъ въ Вильну, новый помѣщикъ просилъ меня навести какую-то справку у названного фактора. Когда я отыскалъ въ Вильнѣ этого еврея, то съ первыхъ словъ я услышалъ изъ устъ плутоватаго фактора слова сожалѣнія о едѣланной покупкѣ и о тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказался покупщикъ. Я не подавалъ вида, что знаю виновника втянувшего русскаго человѣка въ невыгодную сделку. Черезъ нѣсколько лѣтъ новый помѣщикъ вынужденъ былъ продать часть земли мѣстнымъ крестьянамъ, чтобы поправить свое хозяйство.

Скажу нѣсколько словъ про врачей. Медицинская наука весьма обширна, и обладатели ея приносятъ огромную пользу человѣчеству: каждый докторъ, врачуя человѣческое тѣло, можетъ сдѣлать добро, неоцѣненное на деньги. И наоборотъ, каждый врачъ можетъ причинить вредъ, который нельзя исправить деньгами. Поэтому нравственныя качества врача имѣютъ особо важное значеніе въ жизни. Есть врачи, не занимающіеся практикой и не стремящіеся нажить себѣ капитала, такіе люди трудятся на общественное благо и приносятъ огромную пользу населенію. У меня былъ большой кругъ знакомства среди докторовъ, и я узналъ быть медицинскаго міра. Въ средѣ практическихъ врачей соперничество развито весьма сильно и порою доходить до вражды. Одинъ докторъ говорилъ мнѣ про своего врага, который, прибывъ къ его пациенту, тотчасъ же отбрасывалъ всѣ имѣющія лѣкарства и прописывалъ особья. Конечно, эти новыя средства, по существу, оставались тѣми же самыми, но имѣли другой видъ. Называли одного врача, который, прописывая лѣкарства, всегда указывалъ аптеку, откуда надо ихъ брать. Однажды, войдя къ своему пациенту, этотъ врачъ замѣтилъ лѣкарства изъ другой аптеки. Не обнаруживая своей примѣты, онъ обратился къ больному и изслѣдовалъ его организмъ. Не признавая нужнаго улучшенія, врачъ выразилъ удивленіе въ бездѣйствіи лѣкарства. Затѣмъ взялъ

сигнатурку и прочитавъ название аптеки, онъ торжественно заявлялъ, что лѣкарство потому худо дѣйствовало, что заготовлено не въ указанной аптекѣ. А часто лѣкарства бываютъ очень дорогія: одинъ докторъ мнѣ называлъ своего пациента, которому онъ прописывалъ пилюли изъ золота вмѣсто пилюль меркуріальныхъ. Различіе въ воззрѣніяхъ врачей на способы лѣченія происходитъ отъ несовершенства медицинской науки, и тутъ врачей винить нельзѧ. Одинъ мой знакомый собирался бѣхать лѣчиться на минеральныя воды. Здѣшніе врачи выступили противъ этой поѣздки и высказали грозную филиппику противъ врачей минеральныхъ водъ. А когда больной пріѣхалъ на воды, тамошніе доктора жестоко брали нашихъ докторовъ, утверждая, что эти послѣдніе не имѣютъ понятія о тамошнихъ средствахъ и обѣ условіяхъ лѣченія на минеральныхъ водахъ.

Для пріобрѣтенія званія врача каждый молодой человѣкъ проходитъ огромный курсъ науки. Хотя съ годами пріобрѣтается опытъ, но за то теряются теоретическая познанія. До какой степени доходитъ эта потеря, могутъ показать сужденія одного кавказскаго врача. Шла рѣчь обѣ условіяхъ сохраненія здоровья солдата во время похода. Возникъ вопросъ: какъ спа- жать солдата чистымъ бѣльемъ, гдѣ сушить выстиранное бѣлье. На этотъ вопросъ названный врачъ отвѣтилъ: мокре бѣлье сол- датъ долженъ сушить на своеѣ тѣлѣ. Такой неожиданный отвѣтъ меня очень удивилъ, тѣмъ болѣе, что врачъ занималъ вы- сокое положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Вѣроятно, подоб- ныя сужденія появлялись только на Кавказѣ, гдѣ доктора на- ходили же возможнымъ прививать сифилисъ здоровымъ солда- тамъ съ научною цѣлію. По моему мнѣнію, подобныя прививки граничатъ съ преступлениемъ.

Вспоминая знакомыхъ врачей, я долженъ назвать Бравчин- скаго и Соколова, какъ прекрасныхъ людей, обладавшихъ вы- сокими нравственными качествами. Эти дѣятели были чужды наживѣ и оказывали медицинскую помощь по чувству гу- манности. Какъ жаль, что оба они покинули земную жизнь раньшѣ времени.

Въ общественной жизни иногда встречаются непримиримыя противорѣчія, особенно часто они бываютъ, когда рѣшаются во- просы медицинскіе или технические. Разскажу про два случая. Помню, какъ городская санитарная комиссія, подъ предсѣдатель- ствомъ доктора Радушкевича, выбирала лучшее мѣсто для ку- панія въ рѣкѣ и указала правый берегъ р. Вілії, у перевоза.

Этотъ берегъ принадлежитъ казнѣ, и здѣсь постоянно устанавливались общественные купальни, коими и пользовались городские жители. Прошли годы. Въ настоящее время мнѣніе той же санитарной комиссіи по сему предмету измѣнилось, и то мнѣніе, которое прежде было ею указано какъ наиболѣшее, теперь признано было вреднымъ и было запрещено устанавливать купальни у казеннаго берега. Такое противорѣчіе въ сужденіи не объяснимо, такъ какъ въ рѣкѣ Виліи никакихъ перемѣнъ не произошло.

Подобная же перемѣна произошла въ сужденіяхъ о прочности бывшаго на рѣкѣ Виліи деревяннаго моста, называемаго Зеленымъ. Надо сказать, что этотъ мостъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе начальства каждый разъ, когда ожидался прїѣздъ Государя въ Вильну. Въ каждый прїѣздъ царь дѣлалъ смотръ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ, а потому Государю приходилось перебѣжать по Зеленому мосту. Въ какой-то годъ, не помню, инженеры и архитекторы осматривали мостъ и признали его совершенно негоднымъ, потому рѣшили къ царскому прїѣзду выстроить другой мостъ, плавучій. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе: построили плавучій мостъ изъ бревенъ, а прїѣздъ экипажей по существующему деревянному мосту закрыли. Къ концу лѣта прибылъ въ Вильну новый инженеръ, который не согласился съ мнѣніемъ комиссіи о чрезвычайной опасности Зеленаго моста и нашелъ возможнымъ ремонтировать это старое сооруженіе. Поставивъ подъ мостъ разныя балки и брусья, сдѣлавъ другую настилку досокъ, новый инженеръ открылъ для движенія экипажей старый мостъ. Вотъ какія бываютъ разногласія во мнѣніяхъ присяжныхъ техниковъ! Съ возобновленіемъ старого моста плавучій мостъ оказался лишнимъ, а какъ наступало зимнее время, то эту плавучую постройку надо было разобрать. Но изъ экономіи нужной разборки не сдѣлали, и новый мостъ разбило и разнесло текущею водою.

Возвращаясь къ Зеленому мосту, надо сказать, что этотъ мостъ, построенный изъ дерева, причинялъ много хлопотъ инженерамъ. Мостъ ветшаетъ и нужно его возобновить: требуется отпустить денегъ. По закону, на каждую строительную работу необходимо предварительно составить смету. Чтобы удовлетворить это требованіе, надо подробно осмотрѣть скрытые части возобновляемаго сооруженія, чего нельзя исполнить безъ разборки моста. А по мосту постоянно идетъ движеніе. Обращались къ губернатору Стеблинъ-Каменскому съ просьбою разрешить начать ремонтировать мостъ безъ предварительной сметы, то получили отказъ, въ виду имѣющагося закона. Тогда архи-

текторъ составилъ смѣту на разборку и постройку вновь одной половины моста. Губернаторъ далъ разрѣшеніе, и мостъ былъ перестроенъ. По окончаніи работы, послѣдовалъ доносъ на злоупотребленія, при чмъ доносители были плотники, участвовавшіе въ перестройкѣ моста. Но обнаружить злоупотребленія было весьма трудно, потому что смѣта была составлена приблизительно и при выполненіи дѣла были сдѣланы значительныя перемѣны, однѣ части моста, предназначенные къ замѣнѣ новыми и оказавшіяся хорошими, остались на своихъ мѣстахъ, другій же части, вовсе не вошедшія въ смѣту и оказавшіяся при разборкѣ гнилыми, были замѣнены новыми. Такимъ образомъ полное и точное описание исполненныхъ работъ могло значиться въ техническомъ отчетѣ. А этотъ отчетъ не былъ еще составленъ. Очевидно, что плотники не могли доказать сдѣланыхъ злоупотребленій. Поэтому назначеннія генералъ-губернаторомъ комиссія для разборки сего дѣла никакихъ злоупотребленій не открыла.

Другая рѣка Вилейка причинила городу гораздо больше хлопотъ, чмъ Вилія: въ низменной части Зарѣчья, въ Сафьянникахъ, Вилейка производила ежегодныя наводненія, такъ что значительное число семействъ было выселено изъ Сафьянникъ. Подобно горнымъ рѣкамъ, Вилейка отличается непостоянствомъ дна, вызываетъ засореніе русла, обрываетъ берега, дѣлаетъ ледяные зажоры. Часть праваго берега этой рѣки у лѣтняго помѣщенія дворянскаго клуба была укрѣплена каменною стѣною, еще въ 1865 году, и эта стѣна стояла лѣтъ десять, а затѣмъ была подмыта водою. Для устраненія периодическихъ наводненій, уширили почти вдвое русло рѣки противъ Пречистенскаго собора въ 1881 году и построили гранитную набережную на лѣвомъ берегу. При обсужденіи проекта этой набережной, православное духовенство высказывало опасеніе за цѣлость собора отъ потрясеній грунта, при забивкѣ свай тяжелыми бабами. Однако подобная опасенія оказались напрасными: на стѣны собора никакого вліянія не оказали тяжелые удары нѣсколькихъ копровъ. Помню я, какъ пробовали укрѣплять правый берегъ Вилейки, противъ Бернардинскаго сада, особыми выступающими въ рѣку иловыми загражденіями, но таковыя держались не долго и были смыты водою, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда.

Инженеры и архитекторы, состоящіе на казенной службѣ, получали вообще малое жалованье, что и побуждало ихъ принимать на себя веденіе частныхъ работъ. При большихъ заня-

тихъ, они не успѣвали имѣть кездѣ должный надзоръ. Былъ такой случай. На Большой улицѣ перестраивался домъ вблизи собора. Работы велъ какой-то нѣмецъ, каменщикъ. При возведеніи новой лѣстницы, мастеровые повели сводъ безъ должной предосторожности: сводъ обрушился и задавилъ человѣка. Стали искать виновнаго. Мастеръ каменщаго дѣла, виновный въ недосмотрѣ, бѣжалъ, какъ говорять, за границу. Другихъ виновныхъ не нашлось, и подобное упущеніе осталось безнаказаннымъ. Другой случай. Въ казенному зданію устраивали домашнюю церковь. Возвели уже потолокъ, очень красивый, какъ замѣтили, что потолочные балки прогибаются и грозятъ обрушениемъ. Составили комиссию, которая обнаружила, что балки были положены тонкія, а не толстыя, какъ значилось въ сметѣ. Пришлось измѣнить проектъ и поставить дополнительные подпоры. Конечно, послѣ сдѣланныхъ добавленій, церковь уже не стала такою красивою, какъ предполагалось первоначально. Помню еще случай обрушения въ казенной обозной мастерской на Антокольѣ большого деревяннаго сарая, только что возведеннаго. Подулъ сильный вѣтеръ, и сарай повалило на землю. Къ счастію, никто изъ людей при этомъ не пострадалъ. Оказалось, что деревянные столбы вовсе не были врыты въ землю. Съ постройкою Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, центральное управление коихъ было помѣщено въ Вильнѣ, въ нашемъ городѣ увеличилось число инженеровъ. А какъ въ техникѣ вообще и въ строительномъ дѣлѣ въ частности появилось много разныхъ нововведеній и изобрѣтеній, то обнаружилась потребность въ обмѣнѣ сужденій по разнымъ предметамъ. Для удовлетворенія этой потребности образовался кружокъ изъ инженеровъ и архитекторовъ. Собрания кружка были разъ въ недѣлю по вечерамъ. Тамъ рассматривались чертежи разныхъ сооруженій, исполненныхъ и проектируемыхъ. Помню интересное сообщеніе о выстроенной въ Минскѣ пекарнѣ и мукомольнѣ, где были установлены паровые котлы новой системы. Такъ какъ въ то время нефть получила обширное примѣненіе на югѣ Россіи къ отопленію пароходовъ и паровозовъ, то въ кружкѣ былъ сдѣланъ докладъ о нефтяномъ и керосиновомъ производствѣ. Этотъ докладъ былъ своевременно напечатанъ въ Виленскомъ Вѣстнике. Возникшій въ городскомъ управлении вопросъ объ употребленіи высушенного торфа при очисткѣ отхожихъ мѣстъ служилъ предметомъ обсужденія въ кружкѣ и вызвалъ продолжительная пренія. Такъ какъ употребленіе нового средства возбуждало сомнѣніе въ его безвредности, то

были приглашены врачи къ участію въ дебатахъ. Одинъ инженеръ написалъ даже письмо въ Берлинъ къ доктору Коху съ вопросомъ по сему предмету. Знаменитый нѣмецкій ученый отвѣтилъ, что торфъ не можетъ служить дезинфицирующимъ средствомъ. Нѣсколько вечеровъ въ кружкѣ было посвящено обсужденію употребленія торфа при очисткѣ, много было высказано мнѣній въ пользу и противъ этого нововведенія, и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Обширный протоколъ по сему предмету былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ газетѣ Военно-Санитарное Дѣло. Организаторомъ означенныхъ бесѣдъ былъ инженеръ Бѣльцовъ, съ выбытіемъ котораго изъ Вильны кружокъ прекратилъ свое существованіе. Бѣльцовъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ людей, высокой честности, обладавшій добрымъ сердцемъ.

Въ половинѣ 60-хъ годовъ было установлено въ Россіи единство кассы и были введены новые правила расходованія казенныхъ денежныхъ суммъ. На первыхъ порахъ произошло столкновеніе генерала - губернатора Кауфмана съ контрольною палатою. По кассовымъ правиламъ, чиновникъ, получившій авансомъ деньги, можетъ получить второй разъ деньги на ту же потребность не ранѣе, какъ по представлѣніи отчета въ израсходованіи первого аванса. Генераль-губернаторъ командировалъ куда-то чиновника; для сей поѣздки чиновнику были отпущены авансомъ деньги. Затѣмъ тотъ же чиновникъ получилъ вторичную командировку, почему и потребовалъ себѣ другія деньги на эту новую поѣздку. Такъ какъ отчетъ въ израсходованіи первого аванса не былъ представленъ, то контрольная палата отказалась въ выдачѣ вторыхъ денегъ. Дошло дѣло до генераль-губернатора. Кауфманъ приказывалъ выдать деньги. Гюббенетъ, управляющій палатою, отказалъ въ выдачѣ, ссылаясь на законъ. Генераль-губернаторъ разсердился, вызвалъ къ себѣ управляющаго и грозилъ ему высылкою изъ края. Какъ окончилось это столкновеніе, не знаю; но Гюббенетъ остался на своемъ мѣстѣ. Впослѣдствіи Гюббенетъ былъ министромъ путей сообщенія.

Алексѣй Гене.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшие по истории и истории литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г.

Афанасьевъ, А. Н. Русскія народныя сказки. Т. IV и V. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ картинами И. М. Орлова и А. Комарова (въ 5-ти томахъ). М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 8° (19 × 27). 288 + II + 276 стр. съ рис. по 1 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 23 л. по 5.000 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи. Вып. II-й. Спб. 1914. Изд. издат. Шиповникъ. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10), 4° (24 × 30). 96 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 7.300 экз.

Біографіческій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волковскаго (1776—1852). Спб. 1914. Тип. А. Ф. Штолъценбурга (Моховая, 37), 8° (17 × 26). 136 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 350 экз.

Бородкинъ, М. Вѣнчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 116 стр. Вѣсъ 10 л. 400 экз.

Бѣлинскій. Письма. Томъ III. (1873—1848). Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914. Изд. Огни (Фонтанка, 38). Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 5 л., 28). 8° (16 × 24). 476 стр. II. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 3.500 экз.

Верещагинъ, В. А. Русская и иностранная книга. XV—XIX вѣка. Спб. 1914. Изд. Кружка Любителей изящныхъ изданій. Тип. Тов. Р. Гонлике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17 × 24). 129 стр. съ рис. II. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 600 экз.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ V-й. Подъ ред. Б. А. Лезина I. Теорія творчества. II. Миротворчество. Харьковъ. 1913 Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 566 + XVI стр. II. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 5.000 экз.

Воронежская старина. Выпускъ 12-й. Воронежъ, 1914. Изд. Воронеж. Церковнаго Историко-Археолог. Комитета. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К° (Б. Двор. д. Сомова). 8° (17 × 26). 532 + 4 нен. стр. II. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 800 экз.

Врангель, Г. В. Бар. Балтійскіе офицеры въ походѣ 1812 года. Ревель. 1913. Изд. Ф. Клуге. Тип. Ревельскій Наблюдатель. 8° (14 × 21). 70 стр. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Глинка (Бібліографія. Харьковъ. 1914). Тип. М. Дрейшпуль и с-вей (Плетневскій пер., 14). 8° (12 × 25). 8 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Годуновъ, В. И. Памятка Енисѣйца (94-го пѣх. Енисѣйскаго полка). Къ 100-лѣтнему юбилею. Ревель. 1913. Тип. Миквицъ. 8° (17 × 24) 48 стр. Съ рис. портр. + 7 лист. портр. Вѣсъ 10 л. 2.800 экз.

Грабарь, Игорь. История русского искусства. Вып. 21 и 22 Спб. 1914. Изд. И. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 313—534 стр. Съ рис. Весь 3 ф. 4 л. по 15.000 экз.

Грабарь, Игорь. Русские художники. Собрание иллюстрированныхъ монографий. Вып. 3. Валентинъ Александровичъ Сюровъ, жизнь и творчество. Спб. 1914. Изд. И. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×32). 299 стр. Съ рис. Весь 5 ф. 16 л. 18.000 экз.

Дульский, П. М. Памятники Казанской старины. Казань. 1914. Изд. С. В. Соломина (Проломная, с. д.) Тип. Центральная (Домбровская). 8° (15×23). 231 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Весь 31 л. 1.040 экз.

Дунаевъ, Б. И. Северно-русское Гражданское и Церковное Зодчество. Городъ Вологда (Отд. от. изъ Трудовъ по сохран. древн. памятниковъ. Т. V). М. 1914. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 3° (26×34). 33 стр. + IX--XVIII лист. рис. Весь 26 л. 500 экз.

Идея католичества въ произведенияхъ Ф. М. Достоевскаго. Религиозно-философская библиотека. Вып. XXXV. М. Сергиевъ посадъ. 1914. Тип. П. Иванова. 16° (12×18). 45 стр. Ц. 20 к. Весь 4 л. 2.400 экз.

Каталогъ библиотеки покойного редактора „Нового Времени“ Ф. И. Булгакова, состоящей изъ събывающихся отдѣловъ: Беллетристика; Исторія; Литература; Общая Исторія; Русская Литература; Искусство и Театръ; Справочныя издания и проч. Спб. 1914. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофскій, 87). 8° (16×23). 72 стр. Весь 9 л. 1.000 экз.

Краинъ фельдъ, Вл. Т. Г. Шевченко пѣвецъ Украины. Критико-биографической очеркъ. Библиотека нашихъ читателей. Спб. 1914. Изд. Книгоизд. Жизнь и знаніе (Фонтанка, 38), 3-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (12×19). 104 + 32 стр. съ рис. Ц. 50 к. Весь 12 л. 6.200 экз.

Охотинъ, И. К. Краткий очеркъ дѣятельности Каргопольскаго уѣзданого земства за время существованія 1867—1913 г. г. Вологда 1914. Тип. Н-въ Гудкова-Белякова. 8° (17×25). 103 стр. Весь 10 л. 1.000 экз.

Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссийскаго генераль-губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808 г. г.). (По архивнымъ даннымъ). Полтава. 1913. Изд. Полтав. Ученой Архивной Комиссіи. Тип. Т-ва Печатнаго Дѣла. 8° (17×25). 8 + 181 стр. Съ рис. Весь 19 л. 1.100 экз.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1914 годъ. Съ приложеніемъ адресъ-календаря губерніи. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Губерн. Статистическ. Комитета. Тип. Губ. Правленія (Соф. пл., зд. Присутств. мѣстъ). 8° (15×23). 96 + XXI + 296 + 295 + 74 + 13 неи. стр. Ц. 1 р. 50 к. Весь 1 ф. 27 л. 2.000 экз.

Петровскій, Д. Врачебная старина и бытъ врачей временъ первого государя изъ дома Романовыхъ царя Михаила Феодоровича. Харьковъ. 1914. Тип. Епархиальная (Каплуновская, 2). 8° (17×25). XXIX + 82 стр. Весь 12 л. 200 экз.

Потебня, А. л. А. ф. I. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія съ дополненіемъ изъ черновыхъ рукописей „О Задонщинѣ“ Харьковъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Мирный Трудъ (Лѣвичья, 14). 8° (17×25). 238 стр. Ц. 2 р. Весь 26 л. 200 экз.

Синопскій, В. В., проф. Общий курсъ русской литературы. Листы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15. Высшіе женскіе курсы. Спб.

1914. Тип. Богданова (Эртельевъ, 7). 4° (19 × 30). 222 стр. Весь 1 ф. 7 л. 200 экз.

150 лѣтъ Никольско-Бахметевского хрустального завода князя А. Д. Оболенского. Описаніе исторіи завода и краткій очеркъ о развитіи стекольного дѣла въ Россіи. Спб. 1914. Изд. Постоянного бюро съѣзовъ стеклозаводчиковъ. Тип. Сирюсъ (Рыночная, 10). 4° (24 × 30). LII+258 стр. Съ рис. Весь 4 ф. 15 л. 1.000 экз.

Твердохлѣбовъ, А. Д. Ахтырскій уѣздъ наканунѣ XIX вѣка. (Материалы для исторіи Ахтырщины). Харьковъ. 1913. Тип. Печатное дѣло (Клецевскій пер., 3). 8° (17 × 25). 35 стр. Весь 4 л. 200 экз.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. проф. О. К. Волкова, М. С. Грушевскаго, М. М. Ковалевскаго, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго и А. А. Шахматова. Томъ I. Спб. 1914. Изд. М. А. Славинскаго (Моховая, 37). Тип. Общ. Польза (Б. Подольская, 39). 8° (19 × 23). 360 стр. съ рис. Весь 2 ф. 27 л. 3.500 экз.

Филипповъ, Гурій. Мордва—христіане. Изъ жизни села „Мордовскіе Карапаты“ и деревни „Менситово“ Тетюшского уѣзда, Казанской губерніи. (Историко-этнографический очеркъ). Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 10 стр. Весь 1 л. 50 экз.

Чуковскій, К. Книга о современныхъ писателяхъ. Исправленное изданіе „Критическихъ разсказовъ“. Спб. 1914. Изд. Издат. Шиповишъ (Николаевская, 31). Тип. бр. В. и И. Линникъ (Гончарная, 7). 8° (16 × 22). 236 стр. Ц. 1 р. 25 к. Весь 26 л. 1.600 экз.

Шалыгинъ, А. Дополнительный курсъ теоріи словесности. Очерки и разборы произведеній всемірной литературы. Спб. 1914. Изд. 2-е. Тип. А. З. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8° (16 × 24). IV + 392 стр. 1 р. 25 к. Весь 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Араменко, И. Исторический очеркъ Золотоношского Красногорскаго Богословскаго женскаго монастыря Полтавской епархіи. Полтава. 1914. Тип. Г. И. Маркевича. 8° (17 × 25). 172 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Весь 20 л. 1.000 экз.

Автономовъ, Н. Страница изъ исторіи библіотеки Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища и института кн. Безбородко. Нѣжинъ. 1913. Тип. Наслѣдн. В. К. Меленевскаго. 8°. (18 × 27). 25 стр. Весь 4 л. 100 экз.

Блиновъ, Н. Н. Земство за полвѣка. 1864—1914 г. Саратуль. 1914 Тип. Н. Я. Ульбина. 8° (15 × 22). 27 стр. Ц. 10 к. Весь 3 л. 6.000 экз.

Бурцевъ, А. Е. Мой журналъ для немногихъ. Вып. 9. А. Ф. Афанасьевъ и его художественное творчество. Спб. 1914. Тип. Р. Вейерманъ и К° (Благовѣщенская из., 3), 4° (23 × 25). 43 стр. съ рис. Весь 1 ф. 10 л. 125 экз.

Временикъ Пушкинского Дома. Спб. 1914. Тип. А. Дресслера (Б. Подольская 8° 22). (18 × 26). XVII + 77 стр. Съ рис. Весь 23 л. 650 экз.

Григоровичъ, А. Исторический очеркъ Финляндскаго драгунскаго полка 1806—1860 гг. Спб. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (27 × 37). VIII + 69 + III. стр. Съ рис. Весь 1 ф. 9 л. 150 экз.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. 23. Вып. 2-й. Подъ ред. В. К. Трутовскаго. М. 1914.

Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (28×36). IV+450 стр съ рис.+1 листъ рис. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 625 экз.

Древняя русская словесность. Лекции. Кіевъ. 1914. Изд. Слуш. Кіевся Высп. Женск. Курс. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (18×28). 176 стр. Вѣсъ 29 л. 300 экз.

Записки классического отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ VIII. Спб. 1914. Изд. Имп. Русск. Археол. Общ. Тип. В. Ф. Киршбаума (Новопсаакіевская, 20). 4° (20×28). VII + II + 363 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 525 экз.

Иллінскій, В. П. Адмиралъ Ф. Ф. Ушаковъ въ Средиземномъ морѣ (1799 г.). Изд. Ком. по завѣдыв. капиталомъ имени гр. С. А. Строганова. Тип. т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (18×26). 63 стр. Съ рис. Вѣсъ 19 л. 3.000 экз.

Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи. Редакція проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1914. Изд. гр. М. Н. Толстой. Тип. А. Р. Дресслера (Б. Подъяческая, 22). 8° (16×21) XIV+133 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 17 л. 1.500 экз.

Кіево-Печерскій Шатерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1914. Тип. Кіево-Печерской Успенской Лавры. 8° (15×22). 154+XV стр. Вѣсъ 14 л. 1.500 экз.

Князевъ, А. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ первый русскій естествоиспытатель. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×23). 110 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 13 л. 1.200 экз.

Котовичъ, А. Къ судьбѣ проекта духовно-судебной реформы въ 70-е годы. Спб. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (17×24). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Кубаловъ, Б. Систематический курсъ русской исторіи. Часть I. Иркутскъ. 1914. Тип. Макушина и Порохина. 8° (16×24). 169 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 18 л. 1.000 экз.

Методологія исторіи. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Высшихъ Жен. Курсовъ. Тип. Трудъ, М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (19×29). 118 стр. Вѣсъ 21 л. 150 экз.

Миндальевъ, П. Моленіе Даніила Заточника и связанные съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературного изслѣдованія. Казань. 1914. Тип. Университета. 8° (17×25). 346+XXX стр. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Общиі курсъ русской литературы. Листы: 16—32. Спб. 1914. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 4° (18×30). 289—510 стр. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 200 экз.

Общиі курсъ русской литературы. Листы: 34—57. Спб. 1914. Тип. Богданова (Эртелевъ пер., 7). 4° (19×30). 527—900 стр. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 200 экз.

Остроуховъ, Н. А. Англо-русскій торговый договоръ 1734 г. Очеркъ по истории русской торговой политики (на основаніи архивныхъ источниковъ). Съ предисловіемъ Н. Б. Струве. Труды студентовъ экономического отдѣленія Спб. Политехническаго Института Императора Петра Великаго. № 13. Спб. 1914. Изд. Спб. Полит. Инст. Имп. Петра Вел. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16×24). X+204 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 21 л. 400 экз.

Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Толстовскій Музей. Т. II. Спб. 1914. Изд. Об-ва Толстовскаго Музея. Тип. В. М. Вольфа (Невскій пр., 126). 8° (17+26). 478 стр. и 2 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по истории древне-русской литературы. Часть I. Древнійшій періодъ (XI—XIII в.в.). По лекціямъ проф. составилъ студ. Ал. Б. Кіевъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (18×27). 326+2 иен. стр. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 250 экз.

Прохоровъ, Ф. Ф. и Николаевъ, А. С. Акты и документы, относящіеся къ истории Спб. Городского Управления и города С.-Петербурга въ эпоху Отечественной войны. Матеріалы изъ архивовъ: Спб. Городского, Спб. Купеческой Управы и Общаго Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, собранные и изданные подъ ред. К. А. Воеинска го. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Городской Думы. Тип. Городская (Садовая, 55). 8° (19×28). LVI+573 стр. Вѣсъ 4 ф. 12 л. 1.140 экз.

Старина и новизна. Исторический сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей исторического просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга 18. Спб. 1914. Тип. Главнаго Управления Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 62+64+2+160—237+II+188—281+100+2 стр. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 1.000 экз.

Бродскій, Н. Л. Мендельсонъ, Н. М. и Сидоровъ, Н. II. Историко-литературная хрестоматія. Ч. I. Устная народная словесность съ историческими и этнографическими комментаріями. М. 1914. Изд. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лесснера и Д. Собко (Кресто-воздвиж. п., с. д.). 8° (17×25). IV+288 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.100 экз.

Георгій, епископъ. Первый прїездъ въ Россію восточного патріарха. Калуга. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (15×22). 12 стр. Вѣсъ 4 л. 65 экз.

Гершensonъ, М. Грибоѣдовская Москва. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко (Пименовская, с. д.). 8° (15×22). IV+120 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 2.050 экз.

Делекторскій, Ф. Христіанскій лейтъ-мотивъ русской литературы эпохи крѣпостного права. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко (Караваевская, 5). 7° (17×25). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Томъ I и II. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8° (16×23). XVI+407+XVIII+507 стр. Ц. 3 р. за оба тома. Вѣсъ 2 ф. 17 л. По 3.000 экз.

Исторія нашего времени (Современная культура и ея проблема). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 20-й. Спб. 1914. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и Ко. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 8° (19×28). 81—160 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.200 экз.

Исторія русской арміи и флота. Т. XV. М. 1913. Изд. Кніг. изд. т-ва „Образованіе“. Тип. Русск. Товар. (Чист. пр., Мыльн. пер.. с. д.). 8° (18×27). 154 стр. Съ 7 рис.+1 карта. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 4.000 экз.

Петорія Феодоровскаго Городскаго монастыря (Нижегородской губ.) и построеніе въ Спб. храма въ память 300-лѣтнаго юбилея царствованія Императорскаго Дома Романовыхъ. Спб. 1914. Тип. Сельского Вѣстника (Мойка, 32). 8° (12×18). 148 стр. Съ рис. Вѣсъ 16 л. 50.000 экз.

Николай Михаловичъ, Великий Князь. Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I. Спб. 1914. Тип. А. Суворина (Ортелефъ, 13). 8° (17×25). 22 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Описаніе русско-турецкой войны 1877—78 г.г. На Балканскомъ полуостровѣ. Томъ IX. Дѣйствіе съ 1-го января 1878 г. до окончанія войны. Дѣйствія въ тыловыхъ районахъ театра войны. Часть II. Подъ ред.

Геруа И. Спб. 1913. Тип. Имп. уч. глухонемыхъ (Мойка, 54). 8° (19×28). XVIII + 346 + 183 стр. Весь 3 ф. 18 л. 2.010 экз.

П. М. Воспоминание о пребывании Афонской чудотворной иконы Богоматери въ Слободскомъ женскомъ монастырѣ въ 1863 г. Слободской 1914. Тип. Милюкова. 8° (13×19). 120 стр. Весь 2 л. 200 экз.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1914 годъ. Вятка, 1913. Изд. Губ. Статистического Комитета. Тип. Губернская. 8° (16×24). VII + 21 + XVIII + 206 + 347 стр. Ц. 1 р. 60 к. Весь 1 ф. 10 л. 900 экз.

Полонская, Н. Д. Историко-культурный атласъ по русской истории съ объяснительнымъ текстомъ. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольского. Вып. III. Киевъ. 1914. Изд. и тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (27×36). 54 + IV стр. + XXXVIII табл. рис. Складъ: у автора (Московская, 30). Ц. 2 р. Весь 1 ф. 30 л. 3.000 экз.

I. 50-лѣтие села Старыхъ Зытцей, Малмыжского уѣзда, Вятской губ. 14-го июля 1913 г. II. 50-лѣтие служенія въ священномъ санѣ протоіерея села Старыхъ Зытцей, Малмыжского уѣзда, Вятской губ. М. И. Шерстенникова. Вятка. Тип. Шкляевой. 8° (15×23). 19 стр. Весь 1 л. 1.000 экз.

Селихановичъ, А. Религіозная проблема у Достоевскаго. Киевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (17×25). 12 стр. Весь 2 л. 55.000 экз.

Слово. Сборникъ второй къ десятилѣтию смерти А. П. Чехова. Неиздан. драм. и беллетр. произведения, отрывки, замѣтки, публицист. статьи А. П. Чехова. Письма къ нему Д. В. Гриворовича, Н. А. Михайловскаго, А. П. Иллєева и др. Подъ ред. М. П. Чеховой. Съ портретомъ А. П. Чехова. М. 1914. Изд. Книгоизд. писателей въ Москвѣ (Никитск. б., 10). Тип. А. Левенсонъ (Трехпруд. п., с. д.). 8° (16×22). 289 стр. Ц. 1 р. 50 к. Весь 30 л. 10.000 экз.

Соболевъ, Алексѣй, свящн. Въ чемъ были погребены наши предки-христіане. (Отд. от. изъ XV кн. „Труды Владим. Учен. Арх. Ком.“. Владимиръ. 1914. Тип. Губ. прав. 8° (17×25). 35 стр. Весь 5 л. 50 экз

Тельбергъ, Георгій, проф. Правительствующій Сенатъ и Самодержавная Власть въ началѣ XIX вѣка (Очеркъ изъ исторіи консервативныхъ политическихъ идей въ Россіи на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ). Изъ записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II. М. 1914. Тип. А. П. Сынгировъ. 8° (18×27). 80 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. Весь 15 л. 300 экз.

Толстовский ежегодникъ 1913 года. Спб. 1914. Изд. Общ. Толстовскаго музея въ Спб. Тип. Сельского Вѣстника (Мойка, 32). 8° (17×26). VIII+152+79+79+104 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Весь 1 ф. 21 л. 4.200 экз.

Толь-фонъ, В. Г. 145-й пѣхотный Новочеркасскій Императора Александра III полкъ 1796 — 1863 — 1912 г. Исторический очеркъ. Спб. 1914. Тип. Сѣверная (В. О., 13 л., 2). 8° (17×25). 101 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Весь 19 л. 2.000 экз.

Шамуринъ, Юрій. Подмосковные. Книга вторая. Культурные сокровища Россіи. Выпускъ девятый. М. 1914. Изд. Т-ва Образованіе. Тип. Русскаго Товар-ства (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 72 + 4 нен. стр. съ рис. Весь 1 ф. 1 л. 4.000.

(Продолжение следуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

продавцемъ Глазуновы мъ, и что „Россійскій Театръ“, гдѣ онъ появился мѣсяца два-три спустя, воспользовался наборомъ приготовленнымъ для глазуновского издания, чѣмъ опровергается утверждение Губерти, будто „наборъ отдельного оттиска трагедіи совершенно различенъ отъ того, которымъ она напечатана въ 39 томѣ „Театра““ (есть кое-какіе варианты, но совершенно ничтожные). Такъ какъ первоисточникъ этого печатного текста неизвѣстенъ и „Вадимъ“ бытъ изданъ по смерти автора, то г. Саводникъ, перепечатывая трагедію, считался также съ одной старинной копіей, дающей немало измѣненій. „Почти все они свидѣтельствуютъ о явномъ и сознательномъ стремлѣніи внести въ текстъ трагедіи различные исправленія, замѣнить неудачныя выраженія и обороты болѣе удачными, придать стиху большую легкость и правильность: такими образомъ, измѣненія эти касаются не столько смысла и содержанія трагедіи, сколько ея видимой формы,—языка и стиля, которые въ „Вадимѣ“ значительно слабѣ, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ того же автора.. Мы рѣшились—говоритъ редакторъ—„внести значительную часть этихъ измѣненій въ самый текстъ трагедіи. Если они и не принадлежать перу самого автора, то все-таки за ними уже столѣтняя давность, сдѣланы умѣлою рукой и представляютъ собой действительныя исправленія текста,—да, наконецъ, и самъ Княжнинъ, конечно, не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, каждая строка которыхъ должна быть для насы священной и заповѣдной“. Это такъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣлать этого не слѣдовало, не только изъ принципіальныхъ соображеній, но еще и потому, что, какъ видно изъ этихъ измѣненій (аккуратно отмѣченныхъ г. Саводникомъ), они принадлежать не времени Княжнина, а первой четверти XIX вѣка и направлены въ сторону модернизациіи языка и стиля. Къ тому же, они не всегда удачны: „затменные“ глаза смущенного героя замѣнены „померкшими“, что совсѣмъ не то же; „явити всѣ ему опасности его“ передѣлано въ „открыть сей заговоръ и всѣ опасности его“, при чемъ размѣръ стиха испорченъ лишней стопою и т. под. Въ предисловіи г. Саводникъ хорошо выясняетъ политическое значеніе трагедіи и зависимость ея отъ французской драмы.

Князь Федоръ Долгорукой. Родословный сборникъ. Выпускъ I. Спб. 1913.—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Спб. 1913.—Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи.

Составленные кн. Ф. Долгорукимъ генеалогические списки отличаются несистематичностью содержанія, случайностью сообщенныхъ въ нихъ свѣдѣній, отражаютъ родословные предразсудки, повторяютъ легенды (напр., представляется сомнительной связь армянскихъ Долгорукихъ-Аргутинскихъ съ русскими Долгорукими) и не внушаютъ довѣрія изъ-за неразборчивости составителя въ матеріалахъ. Нельзя же говорить серьезно о такихъ источникахъ, какъ адресная книга „Весь Петербургъ“ и... „Изъ пещерь и дебрей Индостана“ Блаватской. Изслѣдователь долженъ быть бы оставить баснословныя времена и анекдотическую исторію и дать побольше мотивированныхъ справокъ, которыми безъ опаски могъ бы возпользоваться генеалогъ и историкъ. При нѣкоторыхъ родословныхъ приводятся особые списки „не вошедшихъ въ роспись“; этого тоже надо избѣгать и всѣ упоминаемыя лица должны быть связаны другъ съ другомъ.

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-е, изд—ства „Молодая сила“. Казань. 1914.

Несмотря на то, что первое изданіе книги Прыжова появилось около полвѣка назадъ, она до сихъ поръ не утратила научнаго значенія и, вѣроятно, еще долго сохранить его хотя бы въ качествѣ собрания драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго „народнаго бѣдствія“. Она была выпущена въ свѣтъ, по выражению самого автора, „во всемъ безобразіи черновой рукописи“, мѣстами изложена съ конспективной бѣглостью и все-таки читается легко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. Вольфъ, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карасникова (Моховая, д. Коха). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—П. Историческіе изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдельныхъ событияхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—Ш. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присыпать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЭНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,**

съ предисловіемъ и подъ редакціи Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подьяческая ул., 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLV-й.

ЮНЬ.

1914 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I	II
I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году. II. Путѣжія графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. (Съ примѣч. П. Д. Войкова). Гр. Н. Н. Игнатьева. 443—458 III. Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей. М. В. Станиславскаго. 459—469 IV. Подонки родины. (Былъ). Н. Владиславлевъ . . . . . 470—475 V. Памяти Николая Николаевича Обручева . . . . . 476—500 VI. Лирика Е. А. Боратынскаго. М. Л. Гофмана 501—513 VII. Депутать отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковской. Сообщ. Е. С. М. . . . . 514—524 VIII. Не дошедшее по адресу письмо. (Изъ архивныхъ связокъ). Сообщ. Н. Максимовъ . . . . . 525—527 IX. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова.	(Петербургской губерніи, Лужского уѣзда). Сообщ. А. А. Половцова . . . . . 528—531 X. Князь П. С. Мещерскій. Сообщ. В. Корсакова . . . . . 532—538 XI. Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года. Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой. Сообщ. Е. С. Шумигорскій . . . . . 539—547 XII. „Въ Задніихъ стеляхъ“. М. Кирсанова . . . . . 548—579 XIII. Виленскія воспоминанія. Алексѣя Гене. . . . . 580—610 XIV. По поводу статьи А. Е. К. „М. И. Драгомировъ — генераль-губернаторъ“. А. Леонтьева . . . . . 611—614 XV. Лѣтопись и мысли старого педагога Н. Якубовича . . . . . 615—622 XVI. Книги, вышедшия по истории и истории литературы съ 27-го марта по 1-е мая 1914 г. . . . . 623—627 XVII. Библиографический листокъ (на обложкѣ).

Приложение: Портретъ Николая Николаевича Обручева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ—9 руб., за границу—11 руб.

Прѣемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го июня 1914 года.

Бібліографіческий листокъ.

Великій Князь Николай Михайлівичъ. (Русскій Провинціальный Некрополь. Томъ I. М. 1914).

Всѣдѣ за петербургскимъ и московскимъ „Некрополями“ (о нихъ не разъ упоминалось на страницахъ „Русской Старины“) Августѣйшій историкъ приступилъ къ изданію Некрополя нашей провинціи, которое ведется по слѣдующему плану. „Признано цѣлесообразнымъ сгруппировать материалы по слѣдующимъ четыремъ районамъ. I. Раіонъ Сѣверный—губерніи: Архангельская, Владимірская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Исковская, С.-Петербургская, Тверская и Ярославская съ присоединенiemъ фінляндскихъ монастырей, Валаамского и Коневского. II. Раіонъ Южный—губерніи: Бессарабская, Воронежская, Екатеринославская, Калужская, Кіевская, Курская, Орловская, Полтавская, Рязанская, Смоленская (отнесена къ этому отдѣлу, какъ бывшая въ значительной своей части долгое время подъ владычествомъ Польши, по сходству въ этомъ отношеніи съ губерніями Малороссийскими), Таврическая, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Херсонская и Черниговская и область Войска Донского. III. Раіонъ Восточный—губерніи: Астраханская, Вятская, Казанская, Нижегородская, Оренбургская (съ Уральской областю), Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Ставропольская (съ Кубанской областю), Уфимская, губерніи и области Кавказа, Сибири и Средней Азіи. IV. Раіонъ Западный—всѣ губерніи съ преображеніемъ въ высшихъ классахъ населенія польского, нѣмецкаго и шведскаго элементовъ, именно губерніи западно-русскими, Царства Польскаго, Остзейскаго края и Фінляндіи. Къ этому отдѣлу могутъ быть отнесены и свѣдѣнія о погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ кладбищахъ, кромѣ погребенныхъ на инославныхъ и иновѣрческихъ (армянскихъ и мусульманскихъ) кладбищахъ Восточного района“. Нечего говорить о важности подобныхъ спра-вочныхъ изданій для занимающихся исторіей, — тѣмъ болѣе, что часто только ими сохраняется память о томъ или иномъ лицѣ, потому что у настѣнѣ упокоенія мертвыхъ не пользуются достаточнымъ общественнымъ уваженіемъ и охраненіемъ, не только въ провинції, но даже въ столицахъ. „Въ виду идущаго усиленнымъ темпомъ разгрома провинциальныхъ и прежде всего сельскихъ кладбищъ“—говорится въ предисловіи—„только изданіе „Русскаго Провинціального Некрополя“ можетъ сохранить свѣдѣнія о многочисленныхъ дворянахъ-помѣщикахъ, покоящихся на своихъ родовыхъ кладбищахъ въ могилахъ, по которымъ разгуливаетъ скотина, и съ которыхъ мужики растаскиваютъ по кирпичику монументы, уничтожая нерѣдко важныя для генеалогіи эпітафіи“. Собирался материалъ, главнымъ образомъ, при посредствѣ духовенства, а также изъ литературныхъ пособій, но, конечно, невозможно было внести въ сборникъ всѣ имена. „Изъ списковъ, составленныхъ духовенствомъ, были извлечены, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о мѣстныхъ помѣщикахъ-дворянахъ... Прочія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ донесеній мѣстного духовенства, печатаются какъ материалъ, во всякомъ случаѣ имѣющій извѣстное значеніе для русской генеалогіи. Эти свѣдѣнія при нѣкоторой неполноти и возможной неточности иныхъ хронологическихъ датъ (безъ чѣго, впрочемъ, едва-ли можетъ обойтись какои-либо трудъ по генеалогіи) заключаютъ нерѣдко новыя генеалогическія данныя, которая можно было добыть только на мѣстахъ, а иногда и вносятъ поправки къ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ генеалогической литературѣ. Духовенство вводится въ „Некрополь“ только въ лицѣ наиболѣе извѣстныхъ или заслуженныхъ его представителей; купечество—въ лицѣ членовъ старыхъ купеческихъ родовъ и людей, извѣстныхъ благотворительностью или широкой торГОво-промышленной дѣятельностью. Лица другихъ сословій встречаются въ „Некрополѣ“ только въ силу какихъ-лино обращающихся на нихъ вниманіе обстоятельствъ ихъ жизни и дѣятельности. Всѣ умершіе, независимо отъ ихъ происхожденія, вводятся въ „Некрополь“ и въ томъ случаѣ, если на ихъ памятникахъ имѣются оригиналныя эпітафіи“. Первый томъ удѣленъ Сѣверному раіону; въ немъ больше тысячи страницъ крупнаго формата.

**КЪ СВѢДѢНЮ ГР. ПОДПИСЧИКОВЪ И КНИЖНЫХЪ
МАГАЗИНОВЪ, ПРИНИМАЮЩИХЪ ПОДПИСКУ.**

Редакція журнала «Русская Старина»
доводить до свѣдѣнія, что съ 1-го янва-
ря будущаго 1915 года, подписная цѣ-
на на это изданіе будетъ увеличена
на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри
Россійской Имперіи вмѣсто 9-ти руб-
лей—10 рублей; за границу, вмѣсто
11-ти рублей—12 рублей.

Книгопродающимъ, принимающимъ под-
писку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ под-
писной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Н. Н. ОБРУЧЕВЪ.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году
въ историческомъ журналь

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1914 г. въ сорокъ пятый годъ своего существованія, ред. журн. „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: А. Ф. Кони.—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“ Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царя Алексія Михайловича, Феодора Алексѣевича и Петра Великаго. С. Е. О. — „Письмо Императора Александра I къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ о взятии Парижа“. „Письмо Императрицы Маріи Феодоровны“. П. А. Зотова.—„Война за независимость славянъ 1877—78 г.г.“. Записки Н. В. Исакова.—„Военные дѣйствія на Кавказѣ при кн. Воронцовѣ“. Г. И. Бобрикова.—„Воспоминанія. Е. С. Шумигорскаго. — „Кристинъ въ перепискѣ съ княжной Туркестановой, изъ эпохи Александра I“. „Смоленский монастырь“. „О запискахъ Екатерины II“. А. З. Попельницкаго.—„Специальная цензура книгъ“. П. К. Козлова.—„Аскания-Нова въ прошедшемъ и настоящемъ“. А. М. Колонтай.—„Записки генерала М. А. Домонтовича“ П. Л. Юдина.—„Посольство Марины къ шаху Аббасу“. „Лихолѣтіе на Кавказскомъ рубежѣ“. А. С. Панкратова.—„Старообрядцы и Наполеонъ I“. В. А. Андерсона.—„Дневникъ И. М. Снѣгирева 1825—1828 гг.“ Н. К. Полеваго.—„Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1865—1870 г.г.“ (касаются Императора Александра II-го, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьевы и др.). Сообщ. Е. С. Шумигорскій.—„Донесеніе Датскаго посланника Гастгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года“. „Изъ записокъ гр. Ф. И. Головкина“. „Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I“. Н. А. Вилламова.—„Дневникъ статсь-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. С. Н. Брайловскаго.—„Александръ Федорович фонъ-дерпъ-Бринкенъ на родинѣ“. А. С. Лацинского.—„Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ въ 1814 году“ В. А. Арсеньева.—„Письмо Императора Александра I къ А. С. Кологривову“. Письма И. А. Гончарова къ Никитенко. П. А. Висковатова.—„Письма В. А. Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу“. И. В. Мѣщанинова.—„Два письма Аракчеева“. И. П. Мордвинова.—„Гибель крамольнаго рудомета“. „Демократъ двадцатыхъ годовъ“. „Непризнанный гений“ Ф. П. Уловича.—„Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій“. Н. А. Мурзанова.—„Къ біографії декабристовъ: кн. С. Г. Волконскаго и М. А. Луніна“. В. Дометти.—„Воспоминанія о спектакляхъ въ эрмитажномъ театре“. Н. П. Хитрова.—„Послѣдний штурмъ Карса въ 1877 году“. М. В. Безобразовой.—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. В. А. Степанова.—„Таинственный преступникъ“. А. М. Самбурского.—„Очерки изъ семейной жизни“. Владиславлѣга.—„Подонки родины“. С. В. Танѣева.—„Курьезы старой Москвы“. З. А. Слезкинскай.—„Неудачная опека“. С. С. Чеха.—„Елена Ивановна Шидянская, капитанъ Амазонской роты“. М. В. Станиславскаго.—„Э. Ф. Направникъ“. С. Н. Введенскаго.—„Непригожія рѣчи о патріархѣ Филаретѣ“. „Демонскіе лики въ Рязани“. Т. М. Оленникова.—„Іеромонахъ Юрьевы монастыря Платонъ и его рукописи“. Е. С. М.—„Депутатъ отъ Россіи“. Н. Ф. Мельницкаго.—„Среди казаковъ въ русско-японскую войну“. Д. М. Лаврова.—„Углицкий ссыльный колоколь“. Н. И. Морозова.—„Люди и нравы за полвѣка“. Б. В. Каховскаго.—„Дневникъ М. И. Каховскаго о походѣ 1814 г.“ Е. К. Андрющевской.—„Воспоминанія старого педагога“. Воспоминанія Е. А. Рагозиной, Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Веселовскаго и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будуть помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Также будутъ печататься съ 1 марта 1914 г. Воспоминанія графа Н. П. Игнатьева о поѣздкѣ по Европейск. столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

Подписанная цена на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографический Отчетъ Портъ-
Артурского процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствие въ залѣ засѣданій стенографовъ, официаль но допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Издание будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпіску и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпускъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Нового Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18 и Невскій, 13

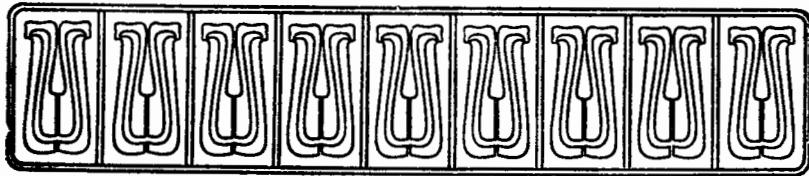
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будуть напечатаны въ отчетѣ. За исправление техническихъ терминовъ, фамилий и названий мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по проверкѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждого выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографический Отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.¹).

(Съ примѣчаніями П. Д. Войкова).

Въ день моего пріѣзда въ Парижъ я встрѣтилъ маркизу Салисбюри, которая сопѣлась въ бытность нашу въ Константинополь съ моей женой и очень сочувствовала моимъ взглядамъ. Она осталась въ Парижѣ на сутки, чтобы провести это время съ нами, и съ первыхъ же словъ стала упрекать насъ, что мы не пріѣхали въ Гатфильдъ, какъ обѣщали, если будемъ во Франціи. Мы обѣдали съ нею въ ресторанѣ вмѣстѣ съ Деказомъ, Шадорди и Гаркуромъ и провели вмѣстѣ весь вечеръ. Мне удалось подробно познакомить маркизу съ положеніемъ дѣла, и я просилъ ее дать ея супругу всѣ нужныя разъясненія. Въ Парижѣ я бесѣдовалъ также нѣсколько разъ съ англійскимъ посланникомъ, которому подробно изложилъ точку зрѣнія моего правительства, и мнѣ видимо удалось убѣдить лорда Лайонса въ томъ, что не слѣдовало необдуманно портить дѣла, начатаго конференціей, и терять единственный возможный случай предотвратить русско-турецкую войну. „Разъясните лорду Биконс菲尔ду и лорду Дерби, говорилъ я, что они одни будутъ отвѣтственны за неудачу нашихъ попытокъ сохранить миръ и за паденіе Турціи, которое можетъ быть близайшимъ послѣдствиемъ этого!“

И лордъ Лайонсъ и маркиза Салисбюри горячо упрекали насъ за то, что мы не хотѣлиѣ вѣхать въ Лондонъ, и увѣряли, что моя поѣздка не могла создать маркизу никакихъ затрудненій.

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

ній, что въ Англіи будуть очень рады меня видѣть и что мое присутствіе даже облегчить принятіе протокола. Маркиза Салисбюри напомнила мнѣ, что она и ея мужъ приглашали нась пріѣхать по окончаніи конференціі въ Гатфильдъ и настаивали на томъ, чтобы ея друзья посѣтили ее въ Англіи передъ отѣзdomъ въ Россію. Положеніе мое было щекотливое; я не хотѣлъ повредить своему коллегѣ въ Англіи, признавъ, что затрудненія были созданы имъ и что онъ даже воспользовался именемъ маркиза Салисбюри, чтобы дать понять, что возникшія препятствія не были его личнымъ дѣломъ¹⁾. Я ограничился поэтому замѣчаніемъ, что, коль скоро явилась мысль, что моя поѣздка въ Лондонъ представляетъ неудобства съ политической точки зрењія, личное достоинство и патріотизмъ не позволяютъ мнѣ ѻхать въ Лондонъ безъ формального приглашенія со стороны министерства, если только маркизъ Салисбюри не подтвердитъ мнѣ приглашеніе посѣтить Гатфильдъ, сдѣланное имъ еще въ Константинополѣ. Иначе, несмотря на удовольствіе, съ какимъ я воспользовался бы любезнымъ приглашеніемъ маркизы, я не видѣлъ возможности измѣнить своего маршрута и расчитывалъ дней черезъ шесть уѣхать въ Вѣну. Маркиза на другой же день уѣхала въ Лондонъ. Хотя путешествіе въ Англію казалось мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ необходимымъ и всѣми одобрялось, но, повинуясь приказанію императора, я рѣшилъ отказаться отъ этой поѣздки, хотя чувствовалъ, что это будетъ фальшивой нотой, которая нарушитъ гармонію возложенной на меня миссіи. Я даже воздерживался передавать канцлеру свѣдѣнія и указанія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, изъ Берлина, изъ Парижа и даже изъ Лондона, которымъ показывали, до какой степени все, что утверждалъ гр. Шуваловъ, мало вязалось съ дѣйствительностью. Я не хотѣлъ даже для вида стать на почву личного соперничества и интригъ, столь не согласныхъ съ патріотической и самоотверженной цѣлью, для которой я работалъ и отъ которой никогда не отступалъ.

Затѣмъ я послалъ гр. Шувалову слѣдующую телеграмму: „Имѣете ли вы что-нибудь сказать мнѣ, я уѣзжаю въ четвергъ“. Это была послѣдняя попытка обратиться къ добросовѣстности

¹⁾ Во время нашего разговора маркиза ясно намекнула на то, что всѣ эти затрудненія выдуманы Шуваловымъ единственно съ цѣлью не допустить меня въ Лондонъ; она самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицала возможность того, что присутствіе бывшаго коллеги ея мужа по Константинопольской конференціі могло бы его стѣснить.

Прим. авт.

нашего посла въ Лондонѣ съ цѣлью дать єму возможность измѣнить его отношеніе ко мнѣ, дать понять ему, что въ противномъ случаѣ я уѣду въ Вѣну и не приму на себя отвѣтственности за послѣдствія.

Вещи мои уже были уложены, и я уже извѣстилъ австрійскаго посланника о томъ, что я уѣзжаю черезъ день, 2 марта, утромъ, какъ вдругъ я получилъ отъ маркиза Салисбюри письмо слѣдующаго содержанія: „Любезный генераль, надѣюсь, что еще до прочтенія этихъ строкъ ¹⁾, вамъ будетъ извѣстно, что дѣла идутъ здѣсь хорошо и что согласіе нарушенено не будетъ. Увѣряю васъ, что я неохотно телеграфировалъ вамъ, совѣтуя по-временить въ Парижѣ ²⁾, такъ какъ я очень желалъ побесѣдать съ вами обо всемъ.“

„Но общественное мнѣніе здѣсь—нашъ владыка; приходится считаться даже съ его слабостями, въ особенности въ такую критическую минуту. Оно имѣетъ иногда слабость воображать, что ему стараются навязать опредѣленную политику, и пріѣздъ человѣка столь извѣстнаго какъ вы со специальной миссіей (*до того какъ здѣсь было принято какое-либо рѣшеніе*) могъ озлобить общество и раздражить его щепетильность на этотъ счетъ. Въ настоящее время кризисъ, надѣюсь, миновалъ. Не знаю, имѣете ли вы еще время ³⁾), но если бы вы могли подарить намъ нѣсколько дней и пріѣхать въ Гатфильдъ съ вашей супругой, если она согласна сопровождать васъ, вы доставили бы намъ этимъ величайшее удовольствіе. Не думайте, что я сколько-нибудь измѣнилъ свое мнѣніе въ отношеніи главнаго вопроса или что я отношусь менѣе горячо къ участіи христіанъ и къ европейскому согласію; въ особенности будьте увѣрены въ моей совершенной преданности. Салисбюри“.

На другой день, 3/15 марта, какъ бы для того, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе съ моей стороны и доказать мнѣ, что англійскій кабинетъ отрѣшился отъ предубѣжденія, которое было внушено ему, и желалъ видѣть меня въ Лондонѣ, маркизъ Салисбюри телеграфировалъ мнѣ слѣдующее:

¹⁾ Эти строки были написаны наканунѣ засѣданія кабинета, на которомъ принципіально рѣшено принять протоколъ.

²⁾ Въ отвѣтъ на настоятельное приглашеніе маркизы, я сказалъ ей, что я окончательно рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Лондонъ потому, что мнѣ телеграфировали, будто Салисбюри самъ измѣнилъ свой взглядъ и предпочиталъ, чтобы я остался въ Парижѣ. *Прим. авт.*

³⁾ Я говорилъ маркизѣ, что я не могу отложить поѣздку въ Вѣну далѣе какъ до четверга 3/15 марта. *Прим. авт.*

„Генералу Игнатьеву, отель du Rhin, Парижъ. Графъ и графиня Дерби просятъ генерала и г-жу Игнатьеву отобѣдатъ у въ Foreign-office (министерствъ иностранныхъ дѣлъ), въ субботу вечеромъ. Уѣхать въ Гатфильдъ, если пожелаете, можно будетъ въ тотъ же день, въ двѣнадцать часовъ ночи“.

И такъ, въ Англіи все было готово къ моему пріѣзду и все-таки я не счелъ себя въ правѣ принять приглашеніе, не сообщивъ о томъ телеграммою въ Петербургъ и не получивъ приказаній Императора. Отвѣтъ не замедлилъ: я получилъ черезъ князя Горчакова разрешеніе Его Величества принять приглашеніе Салисбюри. Очень странно во всемъ этомъ дѣлѣ, то, что графъ Шуваловъ, дружескія отношенія котораго къ графу и графинѣ Дерби не составляли ни для кого тайны, видимо не подозрѣвалъ происшедшей перемѣны и даже отрицалъ самый фактъ полученного мною приглашенія, изображая такимъ образомъ въ своихъ донесеніяхъ канцлеру мою поѣздку въ Англію въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Какъ только я отвѣтилъ Салисбюри, что я принимаю съ удовольствіемъ его приглашеніе и приглашеніе графа и графини Дерби, въ тотъ же день (3/15 марта, вечеромъ) я получилъ отъ лорда Лайонса записку, написанную какъ будто съ цѣлью не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно характера моей поѣздки въ Англію; онъ спрашивалъ меня, когда и какимъ путемъ я предполагаюѣхать въ Лондонъ; оказывается, посланникъ получилъ объ этомъ запросъ по телеграфу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою отвѣтить телеграммой, дабы таможня и желѣзнодорожное общество могли быть предупреждены своевременно.

„Любезный генералъ, будьте добры уведомить меня, по какой желѣзной дорогѣ вы поѣдете изъ Дувра въ Лондонъ. Изъ прилагаемой при семъ телеграммы вы увидите, почему я обѣ этомъ спрашиваю. Они хотятъ знать, съ какой станціи вы пріѣдете, чтобы предупредить таможню. Конечная станція юго-восточной дороги—Charing Cross, а Лондонъ—Чатамской и Дуврской—Victoria station.

Пожелавъ вамъ всего наилучшаго, остаюсь вашъ искренній другъ и старый коллега Лайонсъ“.

Чтобы не откладывать слишкомъ надолго поѣздку въ Вѣну, гдѣ меня уже ожидали, и не задѣть щепетильности императора Франца Йосифа, я поспѣшилъ отвѣтить лорду Лайонсу и выѣхалъ въ Лондонъ на Кале и Дувръ нѣсколько часовъ спустя, послѣ получения мною разреѣщенія отъ Императора и моего отвѣта Салисбюри съ уведомленіемъ о моемъ пріѣздѣ.

Въ Англіи мнѣ былъ оказанъ самый дружественный пріемъ, не оставившій желать ничего лучшаго. Въ Дуврѣ, въ мое распоряженіе былъ предоставленъ специальный вагонъ, и вопреки опасеніямъ, выраженнымъ русскимъ посланникомъ, на станціи какъ въ Дуврѣ, такъ и въ Лондонѣ публика привѣтствовала меня весьма почтительно. Пріѣхавъ въ Лондонъ въ пятницу 4/16 марта, мы съ женой отобѣдали у гр. Шувалова, у кото-раго встрѣтили маркизу Салисбюри, ея дочь и нѣсколько по-сланниковъ. На другой день я былъ вмѣстѣ съ гр. Шувало-вымъ съ визитомъ у гр. Дерби, у лорда Биконс菲尔да и у чи-новъ дипломатического корпуса, былъ на обѣдѣ и на раутѣ у гр. Дерби, гдѣ познакомился съ самыми видными представите-лями правительства и англійского общества. Съ поѣздомъ, от-ходящимъ изъ Лондона въ полночь, мы отправились въ замокъ Салисбюри, Гатфильдъ, гдѣ четыре дня пользовались самымъ широкимъ и дружескимъ его гостепріимствомъ. Хозяева дома сдѣлали все возможное, чтобы пребываніе у нихъ было для меня пріятно и интересно; приглашая по очереди самыхъ разнооб-разныхъ лицъ, они доставили мнѣ случай бесѣдовать съ людьми, которые могли интересовать меня и принадлежали не только къ правительственної партіи, но и къ оппозиціи, каковы Гар-tingтонъ, Форстеръ, Гошенъ.

Уѣхавъ изъ Гатфильда въ слѣдующій четвергъ, я остано-вился на два дня въ Claridge-Hotel, и отобѣдавъ у лорда Би-конс菲尔да и повидавшись съ лордомъ Дерби и съ видными представителями обѣихъ партій, уѣхалъ въ пятницу вечеромъ изъ Лондона съ намѣреніемъ провести сутки въ Парижѣ и от-туда немедленно выѣхать въ Вѣну.

Мои отношенія къ гр. Шувалову во время моего пребыва-нія въ Англіи не предѣщали успѣшного окончанія того дип-ломатическаго дѣла, которое мы должны были провести вмѣ-стѣ, и не могли облегчить моего положенія. Напротивъ, пове-деніе русскаго посла въ Лондонѣ отличалось крайней недобро-желательностью по отношенію ко мнѣ, его бывшему коллегѣ. Такъ, въ самый день моего пріѣзда, задержавъ меня у себя послѣ обѣда часа на два, онъ даже не предупредилъ меня о томъ, что онъ собрался въ ту же ночь послать князю Горчакову курьера (вмѣсто того чтобы задержать его днія на два и предоставить въ мое распоряженіе) съ отчетомъ о своихъ пе-реговорахъ съ Дерби; онъ не потрудился даже познакомить меня съ содержаніемъ своихъ донесеній и писемъ, такъ что я узналъ объ отѣздѣ курьера на другой день случайно отъ се-

кремаря посольства, и мнѣ такъ и не пришлось познакомиться съ содержаніемъ депешъ, касавшихся по большей части меня лично¹⁾.

Боясь вызвать какія-нибудь недоразумѣнія и не зная сущности переговоровъ, которые велись гр. Шуваловымъ съ большой развязностью на моихъ глазахъ, и отъ которыхъ онъ старался устранить меня, такъ какъ я не хотѣлъ содѣйствовать принятію англійскихъ предложеній, я рѣшилъ не навязываться, и рѣшительно ничего не писалъ и не телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона, полагая, что въ Петербургѣ поймутъ причину этого.

Тѣмъ временемъ, князь Горчаковъ сообщилъ мнѣ, черезъ посредство русскаго посланника въ Парижѣ, ниже слѣдующую инструкцію, данную имъ Шувалову. „Сообщите Игнатьеву. Я телеграфирую Шувалову: Принятіе какого-нибудь протокола въ принципѣ не удовлетворитъ насъ. Намъ нужны главныи образомъ гарантіи въ томъ, что будутъ приняты главные пункты, положенные въ основу нашего протокола. Измѣненія, сдѣланыя Дерби, очень существенны. Мы можемъ высказаться не иначе, какъ имѣя передъ глазами текстъ его проекта. Если онъ заупрямится, вы пришлете его намъ, принявъ его ad referendum“.

Въ то время какъ канцлеръ старался еще, по возможности, отстоять текстъ, сообщенный нами берлинскому и прочимъ кабинетамъ, гр. Шуваловъ уже пожертвовалъ имъ и выработалъ съ лордомъ Дерби совсѣмъ иной проектъ, который онъ взялся представить по телеграфу на одобреніе канцлера. Когда Шуваловъ сообщилъ мнѣ этотъ проектъ, я понялъ, что измѣненія въ нашемъ первоначальномъ текстѣ были сдѣланы подъ вліяніемъ проекта, показанного мнѣ герцогомъ Деказомъ, который я находилъ неубѣдительнымъ и безцвѣтнымъ.

Французскій министръ естественно хотѣлъ смягчить предложенный нами протоколь съ той цѣлью, чтобы онъ могъ быть скорѣе принятъ англичанами. Я былъ въ высшей степени удивленъ, увидавъ эту новую редакцію проекта, и до известной

¹⁾ Въ этомъ отношеніи мы находились не въ равныхъ условіяхъ, и канцлеръ не старался уравнять обоихъ пословъ, такъ какъ я не видѣлъ переписки гр. Шувалова, тогда какъ гр. Шувалову посылались копіи всѣхъ телеграммъ и писемъ, посланныхъ мною съ дороги князю Горчакову, и онъ комментировалъ ихъ самыи недоброжелательнымъ образомъ, въ то время какъ я не имѣлъ возможности представить ни своихъ возраженій, ни объясненій.

Прим. авт.

степени обиженъ тѣмъ, что меня такъ безцеремонно устранили отъ переговоровъ, несмотря на инструкціи князя Горчакова, который то и дѣло повторялъ русскому послу въ Лондонѣ, что онъ долженъ быть посовѣтоваться предварительно со своимъ константинопольскимъ коллегой. Къ великому неудовольствію Шувалова, я не только не присоединился къ его мнѣнію, но высказалъ ему откровенно, что новый проектъ значительно разнится отъ того, который былъ редактированъ въ Петербургѣ и сообщенъ Бисмарку, Деказу и Чіальдини. Въ новой редакціи было упущено все то, что связывало протоколъ съ конференціей; державы предлагали теперь Портѣ только свои дружескія услуги для заключенія мира, не желая навязывать ей никакого окончательнаго рѣшенія; перечисленіе въ нашемъ проектѣ обѣщанныхъ турками реформъ, сдѣланное съ той цѣлью, чтобы онъ могли быть торжественно приняты къ свѣдѣнію, было ослаблено и сказано упоминаніемъ о предстоящихъ конституціонныхъ реформахъ. Однимъ словомъ, мнѣ казалось невѣроятно, чтобы проектъ Дерби—Шувалова могъ быть принятъ императорскимъ кабинетомъ. Графъ Дерби не хотѣлъ даже принять официальную къ свѣдѣнію, какъ я настаивалъ, заявленій турецкаго посланника въ Лондонѣ относительно предполагаемыхъ проектовъ реорганизаціи турецкаго управлѣнія, считая ихъ не болѣе какъ „конфиденціальными сообщеніями великаго визиря великобританскому правительству“ и признавая только официальную циркулярную ноту Савфетъ-паши¹⁾, редактированную ad usum delphini адвокатомъ Порты, г. Тариномъ. Такимъ образомъ, какъ я говорилъ въ своемъ письмѣ къ канцлеру изъ Вѣны, отъ 13/25 марта, въ торжественномъ актѣ, коимъ должна была завершиться дипломатическая кампанія европейскихъ державъ, обѣщанія, данныхы Турціей на конференціи и тогда же неодобренные Европой въ лицѣ ея уполномоченныхъ, которые признали ихъ призрачными и недостаточными, были еще болѣе уменьшены. „Подъ впечатлѣніемъ единодушныхъ и настоятельныхъ требованій представителей державъ, турецкіе уполномоченные заявили тогда, что

¹⁾ Савфетъ-паша турецкій политическій дѣятель (1815—1883). Въ декабрѣ 1876 года былъ представителемъ Турціи въ константинопольской конференціи, въ іюль 1877 года вышелъ въ отставку вслѣдствіе разногласій съ великимъ визиремъ Эдхемомъ-пашей по вопросу о мирѣ съ Россіей. Въ началѣ 1878 г. назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, велъ переговоры съ русскими уполномоченными и подписалъ Санъ-Стефанскій договоръ. II. В.

они на все согласны въ принципѣ, за исключениемъ учрежденія контрольной комиссіи и назначенія вали съ согласіемъ державъ". Въ томъ же письмѣ я обращалъ вниманіе канцлера на то, что въ редакціи, выработанной Дерби и Шуваловымъ, было „три совершенно непримлемыхъ параграфа: въ первомъ говорилось о правилахъ для жандармеріи, переданныхъ г. Пакеру (англійскому офицеру, состоящему на турецкой службѣ, весьма враждебно настроенному въ Россіи) для его ознакомленія; во второмъ о раздѣленіи коммунъ на кантоны (что представляетъ безсмыслицу, такъ какъ кантоны больше коммунъ), наконецъ, въ третьемъ идетъ рѣчь о мѣрахъ, изданныхъ съ соизволеніемъ и съ одобреніемъ нашего августейшаго монарха, при чемъ подъ этимъ подразумѣвается султанъ".

Гр. Шуваловъ призналъ эти замѣчанія основательными и согласился, при свиданіи съ гр. Дерби на другой день (въ субботу) въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ потребовать, чтобы изъ измѣненного имъ проекта протокола было исключено все, относящееся до турецкой конституції, а равно и вышеупомянутые три удивительные параграфа предложивъ замѣнить перечисленіе реформъ обѣщанныхъ Турціей, что придавало обязательствамъ Порты болѣе ограничительный смыслъ, одной общей, туманной фразой.

„Я старался такимъ образомъ, какъ я и говорю въ вышеупомянутомъ письмѣ, „спасти“ насколько возможно значеніе „протокола, который постепенно былъ обезцѣненъ и оказался гораздо ниже краткаго заключенія, представленнаго конференціи „представителями державъ, какъ ихъ послѣднее слово. Впрочемъ, мнѣ не было надобности входить съ гр. Дерби въ обсужденіе этого вопроса по существу, ибо, какъ замѣтилъ мой коллега¹⁾, „его рѣшеніе зависѣло всецѣло отъ вашего сіятельства, и намъ надобно было только ожидать вашего отвѣта на сообщенія графа Шувалова, посланныя въ Петербургъ“.

И дѣйствительно, не желая показать, что я не одобряю дѣйствій моего коллеги и что политика Императорскаго кабинета двойственна, я ограничился при свиданіи съ Дерби, на другой день, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, указаніемъ лишь на редакціонные промахи, особенно рѣзко бросавшіеся въ глаза, сдѣлавъ это какъ бы отъ себя лично, и настаивалъ только на безусловной необходимости замѣнить перечисленіе обѣщанныхъ

¹⁾ Какъ только онъ увидѣлъ, что я настаиваю на своихъ взглядахъ и не прихожу въ восторгъ отъ того, что было сдѣлано въ Лондонѣ.

Прим. авт.

турками жалкихъ реформъ общей фразой, въ духѣ постановлений конференціи и доказывалъ, что выраженія, употребленыя турками, могли породить въ будущемъ одни недоразумѣнія. Лордъ Дерби согласился на это, впрочемъ не безъ колебаній. Его манера вести переговоры чрезвычайно не нравилась мнѣ. Англійскій министръ плохо зналъ французскій языкъ, не былъ въ курсѣ Восточныхъ дѣлъ и, будучи слабохарактеренъ, нерѣшителенъ и робокъ, заставлялъ переводить по-англійски всякую фразу, которую ему предлагали, и исправлялъ ее согласно съ замѣченіями, сдѣланными его бюро, которымъ онъ сообщалъ всѣ дѣлаемыя ему предложения, а они возвращали ихъ съ замѣченіями и иной разъ съ приложеніемъ документовъ, взятыхъ изъ дѣлъ. Измѣнняя такимъ образомъ англійскую редакцію до тѣхъ поръ, пока она не соотвѣтствовала предъзятымъ мнѣніямъ бюро министерства иностранныхъ дѣлъ по Восточному вопросу, гр. Дерби говорилъ добродушно, что то или другое мѣсто очень хорошо именно такъ и что остается только перевести его словно на французскій языкъ...

Выведенный изъ терпѣнія этимъ наборомъ неудобоваримыхъ французскихъ фразъ, я не выдержалъ и сказалъ, что это „не по-французски, это какая-то тарабарщина“ и предупредилъ своего коллегу, что я никогда не подпишу актъ „сфабрикованный такимъ образомъ“. „Между тѣмъ настроеніе англійского „министра иностранныхъ дѣлъ было довольно благопріятно „для насъ и, говорилось въ моемъ письмѣ отъ 13/25 марта, „была даже надежда что его удастся убѣдить мало-по-малу „подписать, хотя измѣненный, по болѣе приличный протоколь, „какъ вдругъ наши переговоры наткнулись на подводный камень, коимъ оказалась демобилизація нашей арміи¹⁾. У лорда „Дерби сложился повидимому съ самаго начала переговоровъ съ нашимъ посланникомъ ошибочный взглядъ, будто мы „ставимъ демобилизацію въ зависимость отъ подписанія протокола²⁾, коимъ закончились бы возникшія осложненія“.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ былъ поднятъ необдуманно и долго обсуждался гр. Шуваловымъ и лордомъ Дерби. Русскій посолъ въ Лондонѣ повидимому хотѣлъ, чтобы и я принялъ на себя долю ответственности за это, и расчитывалъ, застигнувъ меня врасплохъ, не встрѣтить съ моей стороны слишкомъ большого противодѣйствія къ тому, чтобы дать таковыя обѣщанія англійскому кабинету; поэтому во время нашего свиданія онъ самъ повелъ разговоръ о разоруженіи.

²⁾ Маркизъ Салисбюри прямо сказалъ это во время нашей бесѣды въ Гатфильдѣ, удивленный повидимому тѣмъ, что я не раздѣлялъ взгляда, который онъ считалъ взглядомъ петербургскаго кабинета. *Прим. авт.*

Между тѣмъ я считалъ весьма важнымъ „избѣжать всякихъ „недоразумѣній по этому поводу и предупредить обвиненія, по „добныя тѣмъ, какія были выставлены противъ насть Англіей „послѣ взятія Хивы“ ¹⁾). Поэтому обсудивъ вопросъ довольно поверхностино въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ присутствіи моего коллеги, я воспользовался въ тотъ же день случаемъ на обѣдѣ и на вечерѣ у Дерби и поѣздкой съ нимъ въ вагонѣ въ Виндзоръ во вторникъ 8 числа, чтобы коснуться откровенно этого вопроса и постараться разсѣять заблужденіе, будто протоколъ обязываетъ насть „покончить съ Восточнымъ вопросомъ“ ²⁾.

„Для насть, сказалъ я, онъ будетъ оконченъ лишь съ дѣйствительнымъ улучшеніемъ участіи христіанъ. Но весьма мало „вѣроятія, чтобы оно существенно измѣнился съ подписaniemъ „протокола, который является для насть не болѣе какъ логи- „ческимъ исходомъ конференціи, коль скоро не хотятъ при- „бѣгнуть къ немедленному коллективному выступленію. Я обрисо- „валъ лорду Дерби истинное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ: „отсутствіе настоящихъ государственныхъ людей, слабость цен- „трального правительства и невозможность расчитывать при подоб- „ныхъ условіяхъ на серьезныя реформы. Кромѣ того, такъ какъ „наша армія представляла могучую охрану христіанъ, то ее „нельзя было отозвать съ границы до тѣхъ поръ, пока орды баши- „бузуковъ будутъ вооружены, угрожая жизни и имуществу „этихъ несчастныхъ народовъ. Одна надежда на нашу демоби- „лизацію, если бы мы согласились на нее въ Лондонѣ, сильно „увеличила бы хвастливость турокъ и повергла бы въ отчаяніе „христіанъ, положеніе которыхъ сдѣлалось бы еще болѣе не- „обеспеченнымъ“ ³⁾). Англія“, говорилъ я лорду Дерби, „имѣть

¹⁾ Англичане утверждаютъ, будто Шуваловъ обѣщалъ въ свое время что наши войска не вступятъ въ Хиву. Между тѣмъ онъ былъ уполномоченъ объявить одно -- что мы не помышляемъ о завоеваніи города Хивы.

²⁾ Подобный взглядъ могъ возникнуть только въ умѣ людей, не имѣющихъ никакого понятія о дѣлахъ Востока вообще и судящихъ очень поверхностино объ историческихъ событияхъ и объ интересахъ отдельныхъ народовъ. Къ несчастью, гр. Шуваловъ также смотрѣлъ на Восточный вопросъ какъ на предметъ роскоши, очень скучный для тѣхъ которые имъ не увлекаются и который могъ бы не тревожить болѣе европейскія державы, если бы такие страстные „поборники славянства“, какъ я, перестали имъ заниматься. Онъ не скрывалъ своего взгляда отъ англичанъ.

Прим. авт.

³⁾ События доказали, что я былъ правъ, такъ какъ Муссурусъ-паша поспѣшилъ сообщить изъ Лондона, что Англія хочетъ добиться отъ

„только два средства произвести на турокъ давление съ цѣлью „дѣбиться, чтобы турки дѣйствительно приступили къ осущест- „вленію реформъ, и обезпечить безопасность христіанъ. Эти „средства суть: англійскій флотъ, къ содѣйствію котораго импе- „раторское правительство, съ полнымъ безкорыстіемъ, предла- „гало прибрѣгнуть еще осенью, во время миссіи гр. Сумарокова- „Эльстона въ Вѣну. И русская армія, сосредоточенная на турец- „кой границѣ. Эта армія представляется значительный капи- „талъ, проценты съ коего Россія имѣеть право требовать. Я „спросилъ, наконецъ, своего собесѣдника, какими гарантіями „онъ расчитывается замѣнить русскія войска, если бы они, „какъ ему хотѣлось, возвратились къ своимъ очагамъ; и заявилъ, „что, не касаясь вопроса о нашемъ достоинствѣ, которымъ мы „не можемъ поступиться, нелогично было бы измѣнить роли „и потребовать гарантій отъ насъ прежде, нежели отъ Турціи. „Кромѣ того, такъ какъ миръ съ Черногоріей еще не подпи- „санъ, то намъ приходится по неволѣ стоять подъ ружьемъ, „соответственно съ деклараціей, сдѣланной на конференціи съ „согласія маркиза Салисбюри. Мы не могли приступить къ „демобилизациі, не имѣя достаточнаго повода для столь важ- „наго шага, который затѣмъ уже не могъ бы быть измѣненъ. „Наконецъ, что касается общественнаго мнѣнія и требованій „парламентарнаго строя, на которыхъ всегда ссылаются въ Англіи, „желая доказать намъ крайнюю необходимость для англійскаго „кабинета одержать дипломатическій успѣхъ, хотя бы на нашъ „счетъ, то и у насъ, въ Россіи, надоно считаться съ обще- „ственнымъ мнѣніемъ, которое въ данный моментъ очень воз- „буждено и хотя высказывается не такъ шумно, но требуетъ, „чтобы съ нимъ считались. Въ Россіи никогда не поймутъ, „чтобы войска могли быть распущены въ силу обязательства, при- „нятаго по отношенію къ иностранной державѣ, и увидятъ въ „этомъ вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Наконецъ, я „высказалъ графу Дерби надежду, что онъ найдетъ удовлетво- „рительными тѣ искреннія и исчерпывающія объясненія, кото- „рыя я ему далъ съ цѣлью установить между нами полное „согласіе, безъ всякихъ недоразумѣній и безъ той подозри-

---

Россіи демобилизациі ея арміи и находить справедливымъ сохранить въ этомъ дѣлѣ полное равенство; это поощрило Эдхемъ-пашу и Порту упорствовать въ своемъ сопротивленіи волѣ державъ и даже отвергнуть протоколъ, что и было подтверждено мнѣ во время переговоровъ въ Санъ-Стефано нѣсколькими турецкими сановниками.

Прим. авт.

„тельности, съ какою къ памъ отнеслись въ среднеазіатскихъ „дѣлахъ. Мои доводы и все мною сказанное видимо произвелъ „впечатлѣніе на лорда Дерби, признавшаго полную откровенность и лояльность моихъ словъ“.

„Онъ готовъ былъ даже признать справедливость большей „части сдѣланныхъ мною замѣчаній, но ссылался на то, что „англійскому министру было бы невозможно оправдать передъ „парламентомъ принятіе протокола, который обязывалъ турокъ „разоружиться, если бы это не имѣло послѣдствіемъ немедленной демобилизациіи русской арміи. Чтобы отвѣтить что-нибудь „на это возраженіе, я предложилъ ему, оговорившись, что это „было мое личное мнѣніе, исключить изъ протокола то мѣсто, „гдѣ говорилось о разоруженіи Турціи; при этомъ я замѣтилъ, „что мы будемъ вынуждены уладить вопросъ о разоруженіи „непосредственно съ самой Портой, съ глаза на глазъ, что, „быть можетъ, покажется не совсѣмъ удобнымъ съ точки зрењія „западныхъ державъ“.

„Къ сожалѣнію, робкій и нерѣшительный лордъ Дерби не могъ дѣйствовать твердо и энергично, какъ подсказывалъ ему его ясный умъ, и онъ подчинялся вліянію министерскихъ бюро, проникнутыхъ русофобскими тенденціями.

„Довольно продолжительная бесѣда, которую я имѣлъ въ „Гатфильдѣ, у маркиза Салисбюри, съ лордомъ Тендертономъ, „вторымъ секретаремъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, имѣвшимъ огромное вліяніе на дѣла, показала мнѣ какъ нельзя „лучше, какія почти непреодолимыя трудности приходилось „побѣдить англійскому министру съ характеромъ лорда Дерби, „чтобы подписать протоколъ въ духѣ нашихъ идей. Надобно „было только удивляться упорству, съ какимъ лордъ Тендер- „тонъ настаивалъ на томъ, что Англія не можетъ подписать „протокола до того, какъ мы обязуемся демобилизовать армію. „Онъ настаивалъ на томъ, что великобританскій кабинетъ „согласился, съ самого начала, обсуждать этотъ актъ лишь при „условії: 1-е, что державы будутъ дѣйствовать согласно, 2-е, если „этотъ дипломатическій актъ не потребуетъ немедленного прин- „ятія понудительныхъ мѣръ противъ турокъ и 3-е, если Россія „согласится разоружиться. Напрасно старался я доказать моему „собесѣднику, что эти вопросы не находятся ни въ какой зави- „симости между собой¹⁾. Признавая всю силу моихъ доводовъ

¹⁾ Это недоразумѣніе показываетъ, что вопросъ *съ самого начала* былъ поставленъ въ Лондонѣ неправильно, и что гр. Шуваловъ, привыкнувъ издавна относиться почтительно къ мнѣнію англичанъ и ино-

„съ русской точки зрењія, лордъ Тендертонъ заявилъ, что въ „основѣ англійской политики отнюдь не лежатъ требования простой „логики, а исключительно интересы Англіи и требование парла-“ментарного строя. Желаніе оказать помощь христіанамъ также „не могло повлиять на рѣшенія англійского кабинета. По его „словамъ, англійская политика столь же мало заботится о „пустомъ вопросѣ объ ея достоинствѣ, какъ и о дипломатиче-“скихъ успѣхахъ подобныхъ подписанію Лондонскаго прото-“кола“¹⁾.

„Почти то же самое, хотя въ нѣсколько болѣе приличной „и любезной формѣ, я услыхалъ изъ устъ лорда Дерби, когда „я пріѣхалъ къ нему съ гр. Шуваловыемъ, чтобы сообщить объ „измѣненіяхъ, сдѣланныхъ вашимъ сіятельствомъ въ предпола-“гающемъ текстѣ протокола, присланномъ изъ Лондона. Заранѣе „предвидя большую часть этихъ поправокъ, я уже и самъ „пытался сдѣлать ихъ, но гр. Дерби уклонился отъ подробнаго „обсужденія редакціи протокола, отговариваясь тѣмъ, что на „засѣданіи совѣта министровъ, состоявшемся въ то утро, было „рѣшено, что соглашеніе о демобилизаціи должно предшество-“вать подписанію протокола“.

Это вызвало довольно оживленную бесѣду, въ которой принялъ горячее участіе гр. Шуваловъ; ему повидимому было очень досадно, что дѣло приняло оборотъ, который онъ старался скрыть какъ отъ императорскаго кабинета, такъ и отъ своего константинопольскаго коллеги, очевидно съ цѣлью облегчить соглашеніе съ англійскимъ министерствомъ. Я рѣшительно отказался отъ обсужденія вопроса о русской демобилизації и заявилъ какъ гр. Дерби, такъ и гр. Шувалову, что я уѣзжаю въ Вѣну, такъ какъ при этихъ условіяхъ мнѣ нечего дѣлать въ Лондонѣ и что я никогда не подпишу протокола, измѣненного

стражцевъ вообще, и совершенно не уважать мнѣній Россіи, не высказавъ опредѣленіо нашей точки зрењія и не поддерживалъ ее, точно также какъ онъ поступалъ во время переговоровъ о Хивѣ и въ періодъ, про текшій между заключеніемъ Санть-Стефанскаго мира и Берлинскимъ конгрессомъ.

Прим. авт.

¹⁾ Я попытался тронуть англійскихъ дипломатовъ тѣмъ, что достоинство державъ и въ особенности Англіи, по причину которой была создана конференція, не позволяетъ примириться съ отказомъ Порты послѣ торжественнаго заявленія, сдѣланаго на послѣднемъ засѣданіи конференціи, и что торійское министерство могло бы гордиться тѣмъ, что оно перенесло центръ тяжести переговоровъ въ Лондонъ и завершило ихъ подписаніемъ протокола.

Прим. авт.

столь страннымъ образомъ. Я вынесъ изъ этой бесѣды впечатлѣніе, что „протоколъ не будетъ подписанъ статьѣ-секретаремъ, „если не будетъ найдена такая редакція, которая удовлетворила „бы до извѣстной степени требованія гр. Дерби относительно „демобилизациі“. Сообщая обѣ этомъ канцлеру изъ Вѣны, я „присовокупилъ: „Вашъ отвѣтъ могъ бы быть переданъ по „телеграфу нашему посланнику въ Лондонѣ, который сообщилъ „бы его министру иностраннѣхъ дѣлъ. Послѣдній, со своей „стороны, могъ бы дать обязательство предъявить это сообщеніе „палатамъ только тогда, когда демобилизациі совершился въ „срока, назначенный нашимъ августѣшнимъ монархомъ, сооб- „разно съ его собственными видами“. Это была мысль гр. Шувалова, которая мнѣ не нравилась, но которую я передалъ самымъ добросовѣтнымъ образомъ канцлеру, исполняя просьбу гр. Шувалова, на которой онъ очень настаивалъ, заѣхавъ въ Claridge Hôtel во второмъ часу ночи проститься со мною передъ моимъ отѣздомъ въ Парижъ; онъ просилъ меня оставаться въ Лондонѣ еще нѣсколько дней, чтобы помочь ему въ переговорахъ съ англійскими министрами.

Я былъ увѣренъ въ томъ, что было бы гораздо лучше познакомить англійское правительство нѣсколько раньше, — какъ это было рѣшено въ Петербургѣ, когда на меня возложили извѣстную миссію — съ нашимъ первоначальнымъ проектомъ, когда онъ еще не былъ искаженъ поправками, которые были сдѣланы въ немъ, чтобы облегчить соглашеніе съ Англіей и категорически устранить съ самаго начала всякия пренія по вопросу о демобилизациі, какъ это было въ Берлинѣ и въ Парижѣ. Сдѣланные нами шаги привели бы въ такомъ случаѣ къ болѣе удовлетворительному результату, и мысль о двухъ противорѣчивыхъ деклaraціяхъ не могла бы возникнуть.

Бесѣдуя съ видными англійскими дѣятелями, съ которыми я встрѣчался въ Гатфильдѣ и въ Лондонѣ, всякий разъ какъ заходила рѣчь о Восточномъ вопросѣ и о протоколѣ, я говорилъ съ ними въ томъ же духѣ, какъ съ лордомъ Дерби и съ маркизомъ Салисбюри. Разумѣется, этотъ тонъ и эти аргументы не могли нравиться людямъ, стоящимъ у власти, которые предпочитали покладистый космополитизмъ Шувалова, тѣмъ болѣе, что онъ отнюдь не скрывалъ своего отвращенія къ Восточнымъ дѣламъ вообще и къ болгарамъ, сербамъ и черногорцамъ въ особенности. Гр. Шуваловъ хотѣлъ, чтобы я былъ одного мнѣнія съ нимъ, и былъ очень разсерженъ, читая мои

письма, коварно посланныя ему князем Горчаковым¹⁾, которые, невольно для ихъ автора, заключали косвенно самую жестокую критику его взглядовъ, его образа мыслей и его руководства нашими дѣлами въ Англіи.

Гр. Шуваловъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы заставить меня быть солидарнымъ съ нимъ въ переговорахъ съ англійскими министрами, дабы исторгнуть у императора уступки, что дало бы ему возможность подписать международный актъ, и объявить себя впослѣдствіи спасителемъ европейскаго мира, который „генераль Игнатьевъ едва не погубилъ своимъ панславянскимъ усердіемъ“ и „отсутствіемъ европейскаго такта“. Для доказательства этого достаточно будетъ привести ниже слѣдующую телеграмму, посланную гр. Шуваловымъ канцлеру 6 марта, въ то время какъ я былъ въ Гатфильдѣ²⁾, въ отвѣтъ на вопросъ канцлера, который колебался и хотѣлъ имѣть характеристику бывшаго русскаго посланника въ Константинополѣ:

„Мой коллега вернется изъ Гатфильда завтра утромъ; передамъ ему телеграмму, на которую онъ отвѣтить лично. Изъ „нашихъ бесѣдъ заключаю, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе. (Шифровано). Вчера мы, втроемъ съ Дерби, вновь обсуждали „протоколъ. Игнатьевъ возражалъ энергично только противъ „перечисленія реформъ, ибо это уничтожило бы въ глазахъ „турокъ обязательный характеръ другихъ обѣщаній, данныхъ ими „на конференціи. Игнатьевъ видимо убѣжденъ, что здѣсь нельзѧ „добиться ничего больше. (Конецъ шифра). Мой курьеръ будетъ „у васъ въ субботу вечеромъ“³⁾.

Въ виду такихъ поступковъ моего коллеги, я рѣшилъ ничего не писать канцлеру изъ Англіи. Впрочемъ, я не имѣлъ даже къ тому и физической возможности; мнѣ приходилось дѣлать и принимать множество визитовъ, а оставшее время я проводилъ въ обществѣ супруговъ Салисбюри. Но, поставленный въ затруднительное положеніе безцеремонностью Шувалова и боясь, что кн. Горчаковъ съ восторгомъ пойметъ телеграмму посла

¹⁾ Начиная съ 1876 г. канцлеръ держался такой тактики: онъ возбуждалъ настѣнъ гр. Шуваловымъ другъ противъ друга, поддерживая между нами соперничество, потому, что онъ считалъ настѣнъ обоихъ кандидатами на свой постъ и старался настѣнъ унизить. Точно также онъ дѣйствовалъ въ отношеніи гр. Киселева, бар. Бруниова и бар. Будберга. Словомъ, онъ хотѣлъ устранить отъ дѣла и парализовать всѣхъ посланниковъ, имѣвшихъ опредѣленную физіономію и отличавшихся независимымъ характеромъ.

²⁾ Гр. Шуваловъ старательно избѣгалъ бывать въ Гатфильдѣ въ то время, какъ я жилъ тамъ, боясь скомпрометировать себя въ глазахъ англичанъ или своихъ соотечественниковъ.

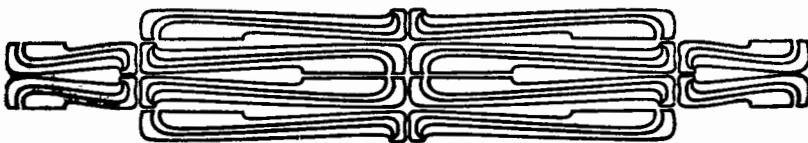
³⁾ Курьеръ, котораго онъ послалъ, такъ сказать, украдкой отъ своего коллеги, не познакомивъ его съ посланными имъ донесеніями. *Прим. автора.*

буквально и не потрудится обсудить дѣло по существу, я послалъ ему слѣдующую телеграмму, какъ только узналъ о депешѣ, отправленной Шуваловыемъ (т. е. черезъ день послѣ посылки): „8/20 марта, Лондонъ. Ознакомившись съ отвѣтомъ моего коллеги на Вашу телеграмму, (шифромъ) я считаю „необходимымъ, въ текстѣ протокола, „послѣ фразы: „реформы „въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи“, прибавить: „которыя „были намѣчены конференціей“, чтобы этимъ хоть *нельзя* „возстановить текстъ протокола и указать на его связь съ „конференціей“. Изъ моихъ бесѣдъ съ людьми разныхъ партій „вытекаетъ, что есть основаніе опасаться, какъ бы Англія „послѣ подписанія протокола не сочла всякое осложненіе „на Востокѣ резултатомъ коварства съ нашей стороны. „Зная, что протоколъ нисколько не измѣнитъ положеніе дѣлъ „въ Турціи, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что нашъ отвѣтъ „требуетъ зрѣлоаго обсужденія. Такъ какъ мы не допускаемъ „мысли о какихъ-либо формальныxъ обязательствахъ относи- „тельно демобилизаціи, въ особенности до тѣхъ поръ, пока не „будетъ обеспеченъ миръ съ Черногоріей и пока не будетъ „гарантирована безопасность христіанъ, пожалуй лучше было бы „совершенно исключить изъ протокола параграфъ, касающійся де- „мобилизації турецкой арміи. (Конецъ шифра). „Дду въ Вѣну, въ „четвергъ расчитываю вернуться (въ Петербургъ) черезъ „недѣлю“.

Этой телеграммой я какъ бы опровергалъ, въ приличной формѣ, солидарность, которую гр. Шуваловъ старался установить въ глазахъ императорскаго кабинета между его взглядами и моими, и давалъ понять канцлеру, что протоколъ потеряетъ всякое значеніе и могъ сдѣлаться для христіанъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ; не затрогивая его честолюбія и обидчивости, я какъ бы совѣтовалъ ему зрѣло обдуматъ вопросъ прежде, нежели согласиться на лондонскія предложенія, тѣмъ болѣе, что время терпѣло и, вернувшись черезъ недѣлю, я могъ бы изложить ему свои впечатлѣнія лично, т. е. набросать картину настроеній, господствующихъ при различныхъ дворахъ, которыя слѣдовало тщательно изучить прежде, нежели сдѣлать рѣшительный шагъ, который могъ настѣнко компрометтировать. Но это ни къ чему не повело. Канцлеръ принялъ предложенія гр. Шувалова до моего возвращенія, не дожидаясь объясненій, которыхъ я могъ ему представить.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Импера- тора Николая I за границей.

I.

Со временъ знаменательныхъ историческихъ поѣздокъ великаго преобразователя Московскаго государства въ европейскія страны, путешествіе державныхъ повелителей Россійской имперіи за предѣлы отечества, съ цѣлью личнаго ознакомленія съ порядками иноземныхъ государствъ и поддержанія дружественныхъ отношеній съ ихъ коронованными правителями, вошло очень скоро въ обычай, ставшій затѣмъ какъ-бы обязательнымъ для вѣнценосныхъ главъ величайшей славянской монархіи. Исключеніе дѣлали только четыре императрицы, царствовавшія въ XVIII-томъ столѣтіи, и императоръ *Павелъ I*, но послѣдній не успѣлъ по восшествіи на престолъ завершить начатое имъ еще наслѣдникомъ путешествіе по Европѣ посѣщеніемъ вновь всѣхъ иностраннныхъ государствъ, но уже въ качествѣ самодержца Россіи.

Ничего удивительнаго или непонятнаго въ этомъ проявлялось въ послѣдствіи пристрастіи русскихъ императоровъ къ заграничнымъ поѣздкамъ не было. Они имѣли не мало вѣскихъ и побудительныхъ причинъ, изъ коихъ географическое положеніе Россіи и ея столицы играли первенствующую роль. Петербургъ, Москва, какъ и вся наша имперія, находились далеко въ сторонѣ отъ обычныхъ и стародавнихъ путей, по которымъ шло съ незапамятныхъ временъ сообщеніе между народами. Громадныя разстоянія, отдѣляющія насъ отъ Европы и большинства культурныхъ ея центровъ, отражались крайне неблагопріятно на многихъ государственныхъ дѣлахъ. Если при-

мѣрно важное политическое извѣстіе, посланное специальнымъ курьеромъ изъ Парижа доходило до Лондона въ 3 дня, до Берлина въ 6 дней и до Вѣны 7 дней,—то для доставленія того же извѣстія въ Петербургъ требовалось болѣе двухъ недѣль, другими словами, въ Лондонъ, Берлинъ, Вѣну, Римъ и Мадридъ всѣ парижскія свѣдѣнія приходили на 10—14 дней раньше, нежели въ Петербургъ.

Чтобы быть—какъ французы говорятъ—болѣе „аи соагант“ относительно важнѣйшихъ политическихъ событій и коньюнктуръ, русскіе самодержцы вынуждены были чаще другихъ государей посѣщать чужія страны, дабы посредствомъ личныхъ наблюденій и сношеній удостовѣриться въ безошибочности донесеній, получаемыхъ ими отъ специальныхъ уполномоченныхъ и пословъ.

Насколько положеніе русскихъ царей, обусловленное главнымъ образомъ дальностью разстояній, разнилось отъ положенія другихъ монарховъ въ смыслѣ необходимости періодического посѣщенія иностраннѣхъ дворовъ, видно изъ сопоставленія многочеловѣческихъ поѣздокъ русскихъ государей за истекшее столѣтіе съ тѣми рѣдчайшими посѣщеніями петербургскаго двора иностраннѣми монархами, которыя отмѣчены въ хроникѣ политическихъ событій.

Императоръ *Александръ I* былъ за все время своего царствованія разъ 7 въ Берлинѣ, раза 4 въ Вѣнѣ, 2 раза въ Парижѣ и 1 разъ въ Лондонѣ. Изъ всѣхъ 4-хъ чужестранныхъ монарховъ, принимавшихъ русскаго императора въ стѣнахъ своей столицы одинъ только прусскій король *Фридрихъ Вильгельмъ III* посѣтилъ *Александра I* въ 1809 году въ Петербургѣ и то только послѣ перенесенныхъ имъ въ Тиль-итѣ и Эрфуртѣ неслыханныхъ униженій.

Особенную страсть къ заграничнымъ путешествіямъ проявилъ императоръ Николай I. Несмотря на неудобства и томительно долгое время, съ которыми связано было въ ту пору странствованіе не только по Россіи, но и по Европѣ, русскій государь любилъ самоличное испытаніе впечатлѣній, происходившихъ отъ перемѣнъ мѣста жительства, климата и прочихъ условій повседневнаго быта. Не въ примѣръ всѣмъ царствовавшимъ одновременно съ нимъ европейскимъ монархамъ, императоръ *Николай I* былъ, судя по отзывамъ весьма компетентныхъ въ своихъ сужденіяхъ иностранцевъ, очень любознательнымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Лица, имѣвшія за

границей случай вѣти въ непосредственное сношениe съ *Николаемъ Павловичемъ* и удостоиться чести бесѣдоватъ съ нимъ, приходили въ неописуемый восторгъ отъ обаятельной личности русскаго императора. Онъ поражалъ всѣхъ быстротой соображеній и мѣткостью своихъ критическихъ сужденій, соблюдая однако чисто рыцарскую вѣжливость и деликатность при разногласіи съ чужимъ мнѣніемъ.

Начиная съ 1814 г. вплоть до начала севастопольской кампаниі, т. е. въ продолженіе 40 лѣтъ гегемонія въ Европѣ принадлежала неоспоримо Россіи. Принимая въ соображеніе абсолютно-самодержавный, ультра-монархической строй русскаго государства и выдающіяся интеллектуальная качества императора *Николая I*, послѣдній могъ съ гораздо большей логической убѣдительностью и юридической послѣдовательностью, нежели Людовикъ XIV, сказать про себя: „*L'état c'est moi*“, между тѣмъ *Николай Павловичъ* никогда и нигдѣ за границей не подчеркивалъ своего исключительно высокаго положенія и грозную мощь русскаго государства. Всюду, гдѣ онъ появлялся неофиціально, или полу-инкогнито, въ его манерахъ сквозило, при всей ихъ простотѣ и непринужденности, изысканное, врожденное благородство, съ оттенкомъ царскаго величія.

Еще въ царствованіе Екатерины II русскимъ посланникамъ вмѣнялось въ обязанность касаться въ своихъ донесеніяхъ не однихъ только политическихъ событий, но и сообщать о всѣхъ новыхъ явленіяхъ въ области литературы, науки и искусства. Императоръ *Николай I*, живо интересовавшійся всѣми произведеніями на художественномъ поприщѣ, напомнилъ при случаѣ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи и сталъ получать periodически извѣщенія о современномъ положеніи наиболѣе интересовавшихъ его отраслей европейскаго искусства.

Благодаря, должно-быть, донесенію русскаго посланника при королевскомъ саксонскомъ дворѣ, императоръ *Николай Павловичъ* возымѣлъ желаніе побывать въ Дрезденѣ, гдѣ находилась одна изъ лучшихъ и богатѣйшихъ картинныхъ галлерей въ Европѣ и гдѣ недавно отстроенъ былъ новый великолѣпный придворный театръ, о художественной красотѣ котораго въ нѣмецкихъ газетахъ отзывались съ восторженной похвалой. Имя архитектора *Готфрида Семпра* стало сразу знаменитымъ во всей средней Европѣ. Пріѣздъ императора *Николая I* состоялся лѣтомъ 1845 года. Въ своемъ предварительномъ извѣщеніи русскій царь просилъ саксонскаго короля, симпатичнѣйшаго изъ всѣхъ когда-

либо царствовавшихъ въ Германії королей, *Фридрихъ Августа II¹⁾* не устраиватъ никакихъ парадныхъ и торжественныхыхъ встрѣчъ. *Императору Николаю* хотѣлось побывать запросто и безъ всякихъ офиціальныхъ стѣсненій въ Дрезденѣ. Условились, что русскій государь пріѣдетъ въ Шильницъ (лѣтнюю резиденцію саксонскаго двора, находящуюся въ разстояніи двухчасовой юзды отъ Дрездена на правомъ берегу Эльбы). Тамъ состоится офиціальный приемъ, и оттуда знатный русскій гость будетъ навѣщать саксонскую столицу, для обозрѣнія музеевъ, картинной галлереи и прочихъ достопримѣчательностей.

II.

О прибытіи русскаго императора въ Шильницъ жители Дрездена не были извѣщены. Газетамъ приказано было хранить до поры до времени молчаніе. Саксонское правительство было сильно озабочено появлениемъ *Николая I* въ Дрезденѣ и его окрестностяхъ.

Въ Германії жило не мало русскихъ эмигрантовъ, родственниковъ декабристовъ. Въ самомъ Дрезденѣ находились кругі польскихъ революціонеровъ, поселившихся тамъ послѣ подавленія кроваваго восстанія 1831 года и мечтавшихъ лишь о скоромъ возмездіи и возрожденіи Польши. Не удивительно, если дрезденская полиція, стараясь незамѣтно принять всевозможныя предосторожности для охраны и личной безопасности русскаго государя, проявляла порою излишнюю нервность и чрезмѣрное усердіе въ преестественніи своей благой цѣли. Тайные агенты стали ходить по пятамъ императора, возбужданіемъ примитивнымъ способомъ охраны сильное неудовольствіе въ немъ. Тогда мѣра эта была тотчасъ же отмѣнена и агентамъ было строго на строго запрещено показываться на глазахъ царя.

Въ 1876 году авторъ этого очерка познакомился съ знаменитымъ художникомъ-скульпторомъ и профессоромъ дрезденской академіи художествъ Генелемъ (Hanel), создавшимъ из-

¹⁾ Трагическая кончина этого любезнѣйшаго и добрѣйшаго монарха опечалила въ 1854 году всю Германію. Страстный любитель природы, въ особенности, ботаники, король Фридрихъ Августъ II цутешествовалъ лѣтомъ 1854 года въ Тиролѣ. Отправаясь изъ Бонцена въ сопровождѣніи адъютанта въ почтовой каретѣ въ окрестности, лошади, испугавшіяся упавшей съ горы каменной глыбы, понесли; король, желая вынырнуть изъ экипажа, упалъ, при чемъ лошадь ударила его копытомъ въ високъ, отъ чего посаѣдовала моментальная смерть.

M. C.

вѣстныя четыре аллегорическія группы, „Утро“, „День“, „Вечеръ“ и „Ночь“, украшающія лѣстницу, ведущую на Брюльскую террасу. Профессоръ Генель, пользовавшійся уже въ 1845 году славой выдающагося скульптора, рассказалъ мнѣ слѣдующее про его случайную встрѣчу и знакомство съ императоромъ Николаемъ I въ Дрезденѣ: „Это было въ первой половинѣ іюня мѣсяца 1845 года“ началъ Генель свой разсказъ.— „Около одиннадцати часовъ утра я выхожу изъ главнаго почтамта, куда зашелъ для отправки писемъ, и становлюсь въ нерѣшительности, куда мнѣ идти, у самаго угла почтамской площади и Вальштрассе. Говоря откровенно, меня тянуло въ винный погребокъ, находившійся въ ста шагахъ отъ меня, куда я изрѣдка захаживалъ, чтобы позавтракать и выпить стаканчикъ хорошаго рейнвейну. Но съ другой стороны мнѣ необходимо было зайти по дѣламъ въ академію художествъ. Наконецъ „лукавый“ побѣдилъ, и я свернулъ въ Вальштрассе по направлению къ винному погребку. Не прошелъ я еще и 20 шаговъ, какъ вижу идущаго мнѣ навстрѣчу необычайно рослого господина съ поразительно характерными чертами лица, большимъ прямымъ носомъ и громадными голубыми глазами, смотрѣвшими какъ-то спокойно величественно на все окружающее. Пораженный появлениемъ столь импозантной, мужественной фигуры, я сталъ разматривать незнакомца; въ которомъ сразу можно было узнать знатнаго чужестранца. Безъ всякаго признака тучности щедшій господинъ былъ тѣмъ не менѣе атлетического сложенія, легкая походка свидѣтельствовала о громадномъ запасѣ жизненныхъ силъ, хотя по лицу можно было незнакомцу дать лѣтъ подъ 50. Одѣтъ былъ господинъ съ изысканной элегантностью, но безъ малѣшаго намека на франтовство. На немъ былъ синій, открытый спереди, короткій сюртукъ, темно-коричневый шелковый жилетъ съ вышитыми на немъ цвѣточками и сѣрыя брюки; на головѣ имѣлъ онъ цилиндръ, что увеличивало и безъ того высокій его ростъ. Въ правой рукѣ держалъ незнакомецъ тоненькую тросточку съ серебряной ручкой, а лѣвой, одѣтая въ перчатку, сжимала снятую съ правой руки. Поровнявшись съ незнакомцемъ, я только тутъ убѣдился, какъ высокъ былъ онъ ростомъ, я человѣкъ въ всякомъ случаѣ не маленькій, доходилъ ему какъ разъ только до ушей. Проходя мимо меня, господинъ этотъ взглянулъ пристально мнѣ въ лицо, точно всматриваясь своими большими выразительными глазами въ мои черты. Остановившись какъ-то невольно, я сталъ смотрѣть удалявшемуся незнакомцу въ слѣдъ, мнѣ казалось, что я это лицо

гдѣ-то уже видѣлъ, но не могъ припомнить, вѣдь тогда еще не было фотографій.

Тутъ я только замѣтилъ, что былъ не единственнымъ лицомъ, наблюдавшимъ съ любопытнымъ недоумѣніемъ за величественной фигурой незнакомца. Ко мнѣ подошло нѣсколько мужчинъ, знаяшихъ меня очевидно по моей специальности съ вопросомъ: „профессоръ, скажите пожалуйста, кто этотъ господинъ?“ Я могъ только отвѣтить пожатіемъ плечъ, при чмъ рѣшился узнать во что бы то ни стало настоящую фамилію и званіе загадочной личности. Меня подзадоривалъ къ этому еще и художественный инстинктъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать набросокъ фигуры и лица незнакомаго господина, ибо такихъ типичныхъ во всѣхъ отношеніяхъ личностей встрѣчаешь очень рѣдко въ своей жизни, нужно пользоваться случаемъ.

Съ этими мыслями я попалъ за удалившимся незнакомцемъ.

Стараясь не попадать ему вновь на глаза, я плелся незамѣтно по другой сторонѣ улицы. Особое удовлетвореніе испытывалъ я, когда видѣлъ, какъ прохожіе останавливались и съ нескрываемымъ удивленіемъ провожали глазами громаднаго господина. Такъ дошли мы до Брюльской террасы. Незнакомецъ вошелъ быстрыми эластичными шагами на лѣстницу и, только добравшись до верхней ступеньки, снялъ шляпу, вытеръ шелковымъ платкомъ лобъ и перевелъ духъ. Погода стояла чудесная, было тепло, но не томительно жарко, какъ бываетъ въ концѣ юля и въ августѣ. Оглянувшись немножко, господинъ направился прямо къ кондитерской и кофейной Торнаменти, существовавшей уже въ ту пору около 100 лѣтъ. Небольшіе столики, разставленные подъ капитановыми деревьями, были совершенно еще пусты, у одного изъ нихъ и усѣлся незнакомецъ. Кондитерская Торнаменти прилегала одной стороной къ выставочному зданію академіи художествъ, я немедленно забѣжалъ туда и пробрался черными ходами въ самый домикъ кондитерской и расположился какъ разъ у окна, изъ котораго мнѣ хорошо были видны столикъ и вся фигура незнакомца. Только-что я вынулъ записную мою книжку и карандашъ, чтобы начать рисовать, какъ изъ-за буфета вышелъ въ сопровожденіи самого хозяина, мнѣ хорошо известный инспекторъ тайной полиціи, криминальный совѣтникъ *Беме*, сѣвшій противъ меня у другого окна и внимательно слѣдившій за господиномъ у столика. Тутъ меня сразу осѣнила мысль, что въ лицѣ незнакомца скрывается кто-нибудь изъ коронованныхъ особъ. Я сталъ быстро перебирать въ своей памяти

всѣхъ монарховъ и остановился наконецъ на императорѣ Николаѣ I. Конечно, говорилъ я самъ себѣ, это никто иной, какъ русскій царь.

Придя къ этому заключенію, я всталъ, подошелъ къ инспектору Беме и спросилъ шепотомъ: это императоръ Николай? — Испуганный начальникъ тайной полиціи приложилъ только съ умоляющимъ выраженіемъ лица палецъ къ губамъ, произнося лишь протяжное междометіе ш....тъ. Тѣмъ временемъ *Николай Павловичъ* заказалъ себѣ у пожилого кельнера холодный завтракъ изъ разныхъ сортовъ жаркого и полъ-бутылки краснаго вина. Въ ожиданіи заказаннаго онъ попросилъ принести ему нѣмецкихъ и французскихъ газетъ и углубился въ ихъ чтеніе. Этимъ моментомъ я воспользовался и набросалъ въ своей книжкѣ портретъ его. Когда старый кельнеръ входилъ въ зданіе кондитерской и получалъ у буфета требуемыя гостемъ яства, инспекторъ *Беме* шепнуль ему, чтобы онъ слѣдилъ какъ можно внимательнѣе за господиномъ. До святости глупый и наивный кельнеръ понялъ предостереженіе хорошо знакомаго ему начальника тайной полиціи по-своему и когда императоръ *Николай Павловичъ* вынулъ русскій полуимперіалъ — весь завтракъ стоитъ около двухъ талеровъ — и бросилъ его на столъ съ намѣреніемъ удалиться, кельнеръ запротестовалъ вдругъ словами: „Nee gute Herr Spielmarken als Bezahlung nehmen wir nicht an“ (Нѣтъ, милѣйшій господинъ, игровые марки мы въ уплату не принимаемъ). Императоръ разсмѣялся и замѣтилъ, что у него другихъ денегъ нѣтъ. На это кельнеръ отвѣтилъ сухо: Na da muss ich den Herrn Polizeiinspektor holen“ (ну, тогда я долженъ позвать господина полицейскаго инспектора) и направился къ зданію кондитерской; войдя въ него, онъ обратился къ совѣтнику *Беме* съ просьбой заставить гостя платить настоящими деньгами, а не игровыми марками, показавъ при этомъ полуимперіалъ. Услыхавъ подобную ахинею, несчастный инспекторъ, схватившись за голову, прошипѣлъ только озадаченному кельнеру: Halten sie ihr ungewaschenes Maul, sie Esel“ (заткните вашу не мытую глотку, оселъ!) и уѣжалъ стремглавъ черезъ задній ходъ изъ кондитерской. При такихъ обстоятельствахъ я счелъ нужнымъ подойти къ императору (хозяинъ кондитерской куда-то ушелъ), такъ какъ онъ все еще чего-то ждалъ, стоя у столика, и объяснить ему, что недоразумѣніе съ полуимперіаломъ уложено. Пристально вглядываясь въ меня, государь спросилъ, кто я такой; когда я назвалъ свою фамилію и званіе, черты лица его

замѣтно прояснились, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „очень радъ познакомиться съ вами, дорогой профессоръ, я давно уже слышалъ про васъ; ну теперь я понимаю, почему вы меня сидя тамъ за окномъ срисовывали“. При послѣднемъ замѣчаніи императора я чувствовалъ, какъ разлилась краска стыда по моему лицу. „Простите, Ваше Величество, про-молвилъ я, профессиональное званіе художника подзадори-вало меня“. — Да не беспокойтесь пожалуйста, я ни малѣйшей претензіи не заявляю, а прошу только дозвolenія взглянуть на свой портретъ. Сконфуженно вынуль я свою книжку и по-казалъ набросокъ императору. Внимательно разсмотрѣвъ его, держа книжку на разныхъ отъ себя разстояніяхъ, онъ отдалъ мнѣ ее со словами: „да, вы крупный талантъ, вы владѣете бе-зупоризнено техникой рисованія“. Взглянувъ на часы, импе-раторъ спросилъ меня, не согласенъ ли я сопровождать его при посѣщеніи картинной галлереи.

На мой поклонъ и замѣчаніе, что я къ услугамъ его вели-чества, онъ какъ-то боязливо окликнулся и сказалъ въ пол-голоса: не называйте меня величествомъ, я здѣсь инкогнито и не желалъ бы, чтобы меня публика узнала. Сегодня утромъ отпросился у милѣйшаго короля Фридриха Августа на пол-дня „со двора“, прибавилъ онъ съ очаровательной улыбкой; къ 6-ти часамъ я долженъ вернуться къ обѣду въ Пильницъ и этимъ временемъ хочу воспользоваться для осмотра картинной галлереи. Въ 4 часа меня ждетъ у Брюльской террасы специаль-ный пароходъ, чтобы черезъ 2 часа доставить въ Пильницъ“. Такъ какъ оказался платный день, то въ картинной галлереѣ было очень мало публики, и императоръ чувствовалъ себя безъ всякихъ стѣсненій. Я былъ удивленъ мѣткими замѣчаніями, сдѣланными русскимъ государемъ по поводу стиля, колорита и самаго сюжета многихъ первоклассныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Между прочимъ онъ относился очень скептически къ исторической живописи, находя ее въ большинствѣ случаевъ декоративной, ходульной, вымышенной или подкрашенной на подобіе продажной женщины. Дойдя подъ конецъ къ знамени-той Сикстинской мадоннѣ Рафаэля, онъ, глядя восторженно на кар-тину, произнесъ послѣ минутнаго молчанія: „Это единственная картина, возбуждающая во мнѣ чувство зависти относительно ее обладанія“. Находившійся, во время посѣщенія галлереи публикой, неотлучно около картины сторожъ, не подозрѣвая, кто передъ нимъ, обратился къ императору Николаю съ словами: „Im Jahre 1813 wollten die Russen die Madonna kaufen, wir haben

sie aber so gut versteckt, dass die Kosaken sie nicht haben finden Können". (Въ 1813 году русские хотѣли Мадону *стибрить*, но мы ее такъ хорошо спрятали, что казаки не могли ее найти). Я готовъ былъ провалиться сквозь землю, услыхавъ эту дикую чепуху, но императоръ, не удостоивъ сторожа отвѣта, обратился ко мнѣ со словами: „скажите пожалуйста этому служителю, чтобы онъ заученную имъ наизусть глупѣйшую выдумку не подносилъ посѣтителямъ въ качествѣ исторической правды; если русскіе хотѣли въ 1813 году взять этотъ безсмертный шедевръ Рафаэля, то они могли сдѣлать это открыто на основаніи права побѣдителей, какъ напримѣръ французы брали произведенія искусства изъ покоренныхъ ими областей, слѣдовательно, никакая хитрость или уловка не могли спасти отъ казаковъ Сикстинскую Мадонну, если бъ Императоръ Александръ I желалъ взять ее, какъ военную добычу". Выходя изъ галлереи, императоръ, видимо разстроенный безактной выходкой глупаго сторожа, промолвилъ: „и кому какая выгода отъ подобныхъ пошлыхъ выдумокъ". Проводивъ государя до парохода, стоявшаго наготовѣ у Брюльской террасы, я откланился его величеству, при чемъ получилъ приглашеніе явиться черезъ два дня во дворецъ для частной аудіенціи".

III.

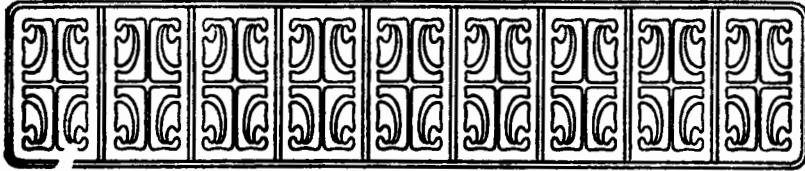
Передавая вышеизложенное со словъ профессора Генеля о его личной встрѣчѣ съ Императоромъ Николаемъ I, я долженъ прибавить кое-что изъ воспоминаній другихъ очевидцевъ пребыванія русскаго государя въ Дрезденѣ въ 1845 году. На другой день послѣ эпизодовъ въ кондитерской у Торнаменти и въ картинной галлереѣ, Императоръ Николай Павловичъ и саксонскій король Фридрихъ Августъ II прибыли на богато разукрашенномъ пароходѣ официально и въ сопровожденіи большой свиты въ Дрезденѣ. Послѣ обѣда во дворцѣ весь дворъ съ августѣйшимъ царскимъ гостемъ отправились въ королевскую оперу слушать „Фенелу“ Обера съ знаменитымъ теноромъ *Люсию Тихачекомъ* въ роли *Массаниелло*. Интересно отметить, что оперой дрижировалъ недавно приглашенный (всего за $1\frac{1}{2}$ года до этого) новый молодой капельмейстеръ, *Рихардъ Ванеръ*, начавший въ ту пору дѣлать свою блестящую карьеру. Императоръ Николай выражалъ, по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, свой восторгъ по поводу всего видѣнаго и слышанаго; онъ откровенно признался королю, что ничего подобного не ожидалъ встрѣтить въ небольшой резиденціи крошечнаго саксонскаго государства. Зданіе театра, фойе, и въ особенности зрительный залъ,

сь великолѣпно разрисованнымъ парижскимъ художникомъ *Деспишеномъ* занавѣсомъ произвели на государя неизгладимое впечатлѣніе. Обращаясь послѣ окончанія спектакля къ королю и выражая ему благодарность за доставленное высоко - эстетическое наслажденіе, императоръ прибавилъ: „много я бы заплатилъ, если бы въ Петербургѣ мнѣ удалось построить такой же театръ и завести столь образцовую оперу“. Въ этой похвалѣ государя не было ничего преувеличенного; дрезденская опера славилась въ ту пору во всей Европѣ. Пѣвицы *Зонта*, *Шредеръ-Девріенъ*, теноръ *Тихачекъ* составляли гордость ея. Что же касалось оркестра придворной оперы, то онъ не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ мірѣ. Профессоръ *Генель*, бывшій, конечно, на этомъ парадномъ спектаклѣ, передаетъ еще маленькую деталь, замѣченную немногими посѣтителями. Въ 3-емъ дѣйствіи „Фенеллы“, когда сцена изображаетъ скромную хижину рыбака *Массаніелло*, король *Фридрихъ Августъ*, послѣ восхитительно спѣтаго *Тихачекомъ bercense a (Schlummerlied)*, нагнулся къ уху императора и сталъ что-то нашептывать ему. Государь, слушая внимательно, что-то переспросилъ, улыбнулся и кивнулъ слегка головой. Скоро профессоръ *Генель* догадался, о чёмъ бесѣдовали оба монарха. Когда *Массаніелло*—*Тихачекъ* въ речитативѣ, обращенномъ къ принцу Альфонсу, произнесъ фразу: und besser als dein Schwert. schützt dich das Gastrecht hier (и лучше твоего меча служить защитой тебѣ гостепріимство), *Николай Павловичъ* присунулъ незамѣтно со смѣху въ платокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что *Тихачекъ*, какъ кровный чехъ, выговаривалъ нѣмецкій текстъ съ сильнымъ акцентомъ; изъ слова *Schwert* (мечъ), имѣющаго только одинъ слогъ, онъ ухитрялся дѣлать ровно пять и пѣль: „E-sche-we-re-te“. Но помимо этого *Тихачекъ* былъ пѣвецъ съ феноменально-красивымъ, могучимъ голосомъ, съ безукоризненной вокальной техникой, однимъ словомъ художникъ—артистъ съ головы до ногъ. Императоръ *Николай Павловичъ* приглашалъ его лично на рядъ гастролей въ петербургскую итальянскую оперу съ условіемъ пѣть по-итальянски. Но знаменитый оперный пѣвецъ, будучи не въ примѣръ другимъ тенорамъ, человѣкомъ далеко не глупымъ, но весьма остроумнымъ, отвѣтилъ уклончиво, ибо не надѣялся переучить наиболѣшія партіи своего репертуара по-итальянски. Отвѣшивъ низкій поклонъ государю и поблагодаривъ его за лестное приглашеніе, *Тихачекъ* сказалъ: „Ваше величество слышали *Тихачека*, поющаго на плохомъ, но все же привычномъ ему нѣмецкому діалектѣ, я боюсь, что, когда вы

услышите поющаго его на невозможнно-скверномъ итальянскомъ языке, то разочаруетесь". Послѣ такой аргументаціи Императоръ *Николай* уже не настаивалъ болѣе на своемъ приглашенії. Прослушавъ спустя нѣсколько дней еще Вагнеровскаго „Ріенци“, который, какъ и слѣдовало ожидать, совсѣмъ не понравился государю, хотя дивное исполненіе заглавной роли *Тихачекомъ* вызвало искреннее удивленіе *Николая Павловича*, царь покинулъ Дрезденъ, о которомъ, какъ увѣрялъ онъ при прощаніи съ королемъ Фридрихомъ Августомъ II, останутся у него павсегда самыя лучшія, пріятныя и неизгладимыя воспоминанія. Остается еще добавить, что въ частной аудіенціи, которой удостоился профессоръ *Генель*, государь вспомнилъ о злонолучномъ глупомъ кельнерѣ у *Торніаменти* и просилъ *Генеля*, въ случаѣ надобности, позаботиться, чтобы бѣдный труженикъ не подвергался бы взысканіямъ со стороны хозяина или властей. Вручивъ профессору *Генелю* орденъ Станислава второй степени, Императоръ милостиво распростился съ осчастливленнымъ художникомъ. *Лосифъ Тихачекъ* получилъ изъ кабинета его величества великолѣпную булавку, укрупненную чуднымъ изумрудомъ и крупными бриллантами. Въ 1881 году мнѣ доводилось неоднократно встрѣчаться и бесѣдоватъ съ *Тихачекомъ*, мирно доживавшимъ на хорошей пенсіи свой вѣкъ въ Дрезденѣ. Престарѣлый артистъ—ему шелъ уже 75-тый годъ—иначе какъ со слезами на глазахъ не вспоминалъ о времени пребыванія Императора *Николая I* въ саксонской столицѣ. Сидя въ кругу хорошихъ друзей и знакомыхъ за стаканомъ вина, въ ресторанѣ гостиницы „*Stadt Gotha*“, *Тихачекъ*, отличавшійся рѣдкимъ добродушіемъ и чисто-славянской сердечностью, показывалъ зачастую подарокъ русскаго самодержца, говоря при этомъ: „много разъ приходилось мнѣ закладывать все мои цѣнныя вещи, но съ этой булавкой я никогда не разставался, такъ какъ боялся потерять ее“. На разспросы о личности Императора Николая I онъ отвѣчалъ обыкновенно фразой: „*могу сказать вамъ, господа, только одно*—это былъ *настоящій Императоръ*, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова или, какъ говоритъ *Шекспиръ*, царь съ юліи до пятокъ, такого мы никогда больше не увидимъ“!

М. В. Станиславскій.

Подонки родины.

(Быль).

I.

Три русскихъ крейсера тихо входили въ Нагасакскую бухту.

Передъ глазами моряковъ впервые послѣ войны зеленѣли куполообразные острова, скалистые обрывистые берега южной стороны залива и сравнительно пологіе сѣверные. Тамъ и сямъ бѣлѣли извилистыми лентами дороги, а по склонамъ прилегающихъ горъ правильными террасами пестрѣли цвѣтущиа поля. Кой-гдѣ въ листвѣ мikanовыхъ деревьевъ мелькали маленькие, точно игрушечные, японскіе домики. Въ глубинѣ бухты виднѣлись строенія города, когда-то желанного.

И теперь, казалось бы, послѣ мрачнаго Сахалина съ унылымъ Александровскимъ Постомъ, послѣ всегда пустыннаго залива де-Кастри, этотъ веселый городъ долженъ былъ бы радовать глазъ моряковъ, но... это былъ японскій портъ.

Причина, казалось бы, неумѣстнаго захода русскихъ военныхъ судовъ въ портъ недавняго врага, лежала въ томъ, что крейсерскій отрядъ былъ неожиданно посланъ изъ Владивостока въ Александровскъ, чтобы доставить туда лицъ администраціи и баталіонъ пѣхоты.

Въ де-Кастри же адмираломъ было получено приказаніе слѣдовать, не заходя во Владивостокъ, въ Европейскую Россію: въ нашей Дальневосточной крѣпости были только-что подавлены беспорядки, грозившіе вспыхнуть вновь, и неувѣренность въ судовыхъ командахъ, среди которыхъ существовало броженіе, заставила высшее начальство принять такое рѣшеніе.

Неожиданно отзванный отрядъ не успѣлъ принять въ един-

ственномъ русскомъ порту полныхъ запасовъ угля и иныхъ материаловъ и дабы онъ не оказался въ затруднительномъ положениі, адмиралу было приказано зайти въ Нагасаки, издавна привыкшій къ посѣщенію русскихъ судовъ и, какъ портъ, наиболѣе отвѣчавшій предъявляемымъ въ данномъ случаѣ требованіямъ.

Но ни яркая зелень, ни лазуревое небо, ни оживленіе на рейдѣ не радовали офицеровъ и большинство команды: на душѣ каждого бойца лежало тяжелое чувство обиды и съ болью думалось, какъ будутъ смотрѣть на нихъ тѣ японцы, которые недавно въ долгіе дни мира такъ униженно, такъ заискивающе относились къ русскимъ морякамъ.

Правда, Владивостокскій отрядъ причинилъ много вреда Японіи, но не чувство личной досады, а чувство оскорблennой любви къ родинѣ невольно топило эти маленькие лучи удачъ въ морѣ горестей арміи и флота.

Однако это чувство, хотя и не прошло совсѣмъ, но почти изгладилось, когда отрядъ простоялъ три дня на рейдѣ: съ каждымъ днемъ всѣ невольно убѣждались, что Нагасаки это не тотъ „японскій“ городъ, какими казались „японскіе“ офицеры, матросы и солдаты, а все тотъ же, какимъ онъ считался въ былое время увлекательныхъ заграничныхъ плаваній—городомъ скорѣе международнымъ.

Дѣйствительно, едва были закончены официалльныя посѣщенія отряда цортовыми врачами и полиціей, едва японскій катеръ, передавъ портовыя правила, пошелъ къ берегу, отъ набережной къ трапамъ русскихъ судовъ помчались фунэжки, длинныя, въ видѣ венеціанскихъ гондолъ, мѣстныя лодки.

На нихъ, улыбаясь и кланяясь, весело покрикивая по-русски, старые знакомцы портные, сапожники, прачки и торговцы. Всѣ они издали махали аттестатами съ традиціонными судовыми печатями. Въ первый день ихъ не пустили, но уже на второй день пребыванія владѣтели этихъ порыжѣвшихъ отъ грязи документовъ сюсюкали и присѣдали на палубахъ крейсеровъ.

Офицеры, отправившіеся по дѣламъ на берегъ, съ удивлениемъ разсказали, что отношеніе со стороны нагасакцевъ они встрѣтили самое радушное, гораздо лучшее, чѣмъ передъ войной, и все это вмѣстѣ и облегчило тяжесть гнета, который лежалъ на сердцѣ, когда отрядъ входилъ въ японскія воды.

А причина такой добродушной встрѣчи заключалась въ томъ, что населеніе Нагасаки представляетъ какъ бы особое племя.

Само японское правительство весьма скептически относилось къ подданнымъ мікадо, живущимъ въ этой области: во время войны, несмотря на то, что изъ-за большихъ потерь на поляхъ сражений, въ армію шли юноши и даже старики, изъ Нагасаки и прилежащихъ мѣстечекъ было взято исключительно мало запасныхъ. Но не въ отсутствіи патріотизма можно было упрекнуть нагасакцевъ: и грандіозными манифестаціями при объявлении войны, и крупными пожертвованіями программѣль этотъ городъ на всю Японію—правительство просто знало, что не могло быть у нагасакцевъ ни той ненависти къ русскимъ, ни той выносливости для боя, какія вырабатывались постепенно въ горныхъ округахъ и мѣстностяхъ близъ портовъ, закрытыхъ для иностранной торговли.

Когда-то XVI вѣкѣ, колыбель христіанства въ Японіи, съ тѣхъ поръ Нагасаки постоянно принималъ участіе въ международномъ товаро-обмѣнѣ; понемногу проникали въ него и корни европейской культуры, но также незамѣтно вѣками подтачивались и нѣкоторые устои строгой японской семьи: воинственность, дисциплина, нетребовательность и самопожертвованіе во имя принципа.

Однако правительство все-же использовало приобрѣтенное нагасакцами умѣніе приспособливаться и знаніе большинствомъ изъ нихъ иностранныхъ языковъ — нагасакцы подъ видомъ мелкихъ ремесленниковъ густой сѣтью добровольныхъ шпионовъ оплели сосѣднія съ Японіей государства.

По заключенію Портсмутского договора, когда въ душѣ девяти-десятихъ японского населенія еще не остыла ненависть къ Россіи, еще не утихла печаль по убитымъ родичамъ и не прошла досада на недостаточно выгодный миръ, коренной житель Нагасаки быстро сдѣлался прежнимъ юркимъ коммерсантомъ, интересы котораго будто постолько удовлетворены, поскольку часто его родной портъ будутъ посѣщать иностранцы, а тароватые русские въ особенности.

II.

Быть часть отдыха. На верхней палубѣ большаго изъ крейсеровъ во всю длину ея расположились торговцы. Семь лѣтъ прошлававшая за границей команда успѣла накопить „деньжонокъ для дома“, но прельщенная шелковыми матеріями, цыбиками чая, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что хотѣлось бы привести, какъ „гостинецъ“, почти и не пользовалась часами отдыха, а бродила отъ одного торговца къ другому, пощупывая добротность

матерій и прицѣниваясь. Въ офицерскихъ каютахъ примѣривалось штатское, а у кають вѣстовые ругались съ прачками изъ-за плохо выстиранного бѣлья.

Только-что вступившій вахтенный лейтенантъ, удостовѣрившись, что извѣнѣ нечего ожидать какихъ-либо случаевъ, нарушающихъ мирную жизнь корабля, также началъ прохаживаться по рядамъ торговцевъ. И ему захотѣлось привезти что-нибудь роднымъ и, колеблясь, купить ли дорогую шелковую ширму или дешевый бумажный зонтикъ, онъ остановился въ самой оживленной части палубы.

— Ваше Высокоблагородіе, дозвольте доложить! — вывелъ его изъ задумчивости басистый голосъ, и онъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ приземистый, бородатый матросъ. Со средоточенное лицо, серіозный, нѣсколько исподлобья, взглянѣ, сразу дали понять лейтенанту, что ему хотятъ сказать что-то важное, и онъ быстро отвѣтилъ: — Говори, что нужно?

Дозвольте, Ваше Высокоблагородіе, въ сторонку — понизивъ голосъ, въ которомъ слышалась нотка настойчивой просьбы, продолжалъ матросъ.

Удивленный лейтенантъ хотѣлъ было сказать: — какіе тамъ секреты! — но потомъ, зная матроса, какъ хорошаго служаку, раздумалъ и пропелъ съ нимъ въ штурманскую рубку.

— Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, наши у японцевъ воруютъ — прерывающимся отъ волненія голосомъ доложилъ матросъ, когда оказался съ офицеромъ глазъ на глазъ.

Краска гнѣва бросилась въ лицо лейтенанта и первымъ движениемъ его было выйти на палубу, чтобы прекратить вопіющее безобразіе, но матросъ торопливо проговорилъ: — „Ваше Высокоблагородіе, дозвольте накрыть ихъ съ поличнымъ, они сейчасъ опять налаживаются“.

Зная по опыту, какъ трудно доказать кражу на кораблѣ,полномъ укромными уголками и механизмами, за которыми обыкновенно прячется на первыхъ порахъ краденое, лейтенантъ рѣшилъ, что жалѣть подобныхъ „типовъ“ нечего и будетъ полезно поймать ихъ на мѣстѣ преступленія.

— Ты одинъ видѣлъ? — спросилъ онъ и получивъ отвѣтъ: — никакъ нѣтъ, двое еще за ними смотрятъ! — сказалъ: — ну съ Богомъ, только безъ особеннаго скандала, да позови ко мнѣ вахтенного!

Явившемуся квартирмайстеру были даны надлежащія инструкціи, и не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ офицеромъ

съ поникнувшими головами стояло два уличенныххъ въ кражѣ матроса.

Лейтенантъ прямо оторопѣлъ отъ смѣшанного съ негодованиемъ удивленія, когда на одномъ изъ воровъ, державшемъ въ рукаѣ альбомъ съ черепаховой крышкой, замѣтилъ унтеръ-офицерскія нашивки.

— Ты укралъ этотъ альбомъ?—влившись въ унтеръ-офицера пытливымъ взглядомъ, почти крикнулъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, это напраслина, я только примѣрялся купить — заискивающимъ тономъ началь оправдываться тотъ, но одинъ изъ стоявшихъ свади свидѣтелей не вытерпѣлъ этой наглости и заявилъ:—Вы спросите его, Ваше Высокоблагородіе, а шкатулочку, что за вентиляторной трубой „схоронена“, онъ тоже купилъ?!

Лейтенантъ потребовалъ фельдфебеля, и черезъ нѣсколько минутъ на столѣ каюты лежало нѣсколько вещественныхъ доказательствъ.

— Тогда я спрошу у японцевъ, покупалъ ли ты эти вещи?—проговорилъ лейтенантъ и направился было къ выходу, но его остановилъ взглядъ другого уличенного.

— Не спрашивайте, Ваше Высокоблагородіе, мы укралъ!

Вещи подъ благовиднымъ предлогомъ были возвращены владельцю, молодому неопытному японцу, новидимому замѣтившему пропажу, такъ какъ онъ проявлялъ уже явные признаки безпокойства, а получивъ альбомъ, началь усиленно благодарить.

Вполнѣ ясно, насколько было бы тяжелѣ, если бы японецъ заявилъ о кражѣ, раньше ея обнаруженія: обыскать девятьсотъ человѣкъ, да заглянуть во всѣ уголки стальной громады было дѣломъ нелегкимъ и въ лучшемъ случаѣ были бы найдены только вещи, а не виновники.

Дознаніе выяснило наличіе третьяго участника, проносившаго вещи въ укромныя мѣста, пока двое дѣлали видъ, что приѣзываются. Судъ примѣнилъ высшее наказаніе, и тюремное заключеніе они должны были отбывать въ Россіи.

Какъ бы ни былъ позоренъ этотъ случай, однако и онъ имѣлъ свою хорошую сторону, которая состояла въ слѣдующемъ.

Послѣ боя первого августа вмѣсто убитыхъ и тяжело раненныхъ, которыхъ было свыше двухсотъ, на крейсерѣ были назначены изъ береговыхъ командъ молодые матросы, въ сильной степени развращенные революціонной пропагандой. Когда же миръ былъ заключенъ, то уволили въ запасъ еще человѣкъ двѣсти изъ старой команды и вмѣсто этихъ, привыкшихъ и

любившихъ крейсеръ людей, назначили матросовъ призыва 1905 года, т. е. людей, взятыхъ на службу въ разгаръ политическихъ и аграрныхъ беспорядковъ.

Къ приходу въ Японію образовались двѣ группы команды, державшихся особнякомъ: одна старослужащихъ, бывшихъ въ бою и смильыхъ походахъ къ непріятельскимъ берегамъ, и другая—молодыхъ матросовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ боевымъ, да и просто морскимъ дѣломъ, но уже воспитанныхъ на утопическихъ идеяхъ подпольныхъ изданий.

Между ними чувствовался иѣкоторый антагонизмъ, но „молочные рѣки и кисельные берега, воля и земля“, рисуемые яркими красками особенно замѣтными краснобаями, имѣли свое дѣйствіе и на старую команду, и она, хотя и говорила про вновь прибывшихъ съ презрѣніемъ: „говорить мастеръ, а выблиночного узла связать не съумѣть“, все же прислушивалась къ рѣчамъ наиболѣе опасныхъ краснобаевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ уличенныхъ.

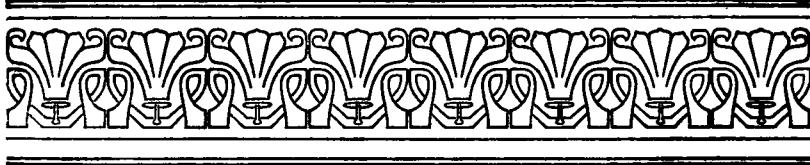
Въ описанномъ случаѣ трое слѣдившихъ были старослужащіе, а трое участниковъ кражи изъ молодой команды, и оскорблѣнны за доброе имя крейсера, стяжавшаго почетную боевую славу, за своихъ товарищѣй, погибшихъ въ бою, они довели своей добровольный сыскъ до конца.

Естественно тотчасъ же подорвалось довѣріе и къ другимъ, говорившимъ, какъ по-писанному о землѣ, волѣ, республикѣ, и несмотря на повышенное по тому времени въ судовыхъ командахъ настроеніе, старослужащіе остались надежнымъ элементомъ, на который можно было смѣло опереться.

Не безынтересна судьба двухъ изъ уличенныхъ; очутившись въ арестныхъ камерахъ въ Кронштадтѣ, они, какъ бывшіе во Владивостокѣ и за границей, явились какъ бы вожаками подобныхъ имъ матросовъ, и силой освобожденные во время беспорядковъ 1906 года въ Кронштадтѣ, участвовали въ нихъ и впослѣдствіи были приговорены за свои дѣянія къ смертной казни. Судьба третьяго, признавшагося доподлинно неизвѣстна.

П. Владиславлевъ.

Памяти Николая Николаевича Обручева.

Со временем Петра Великого не было по организаций военныхъ силъ Россіи человѣка, который бы такъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи для родины, какъ Николай Николаевичъ Обручевъ.

Къ дню десятилѣтія (25 іюня 1914) со дня кончины этого необыкновенного человѣка помѣщаемъ въ память его три прилагаемыя статьи.

Николай Николаевичъ Обручевъ¹⁾.

Есть имена, которые, выдѣляясь изъ общей массы, ярко выступаютъ на первый планъ, оставляютъ по себѣ глубокій слѣдъ, составляютъ эпоху въ жизни цѣлаго учрежденія. Такимъ является для насъ имя Николая Николаевича Обручева въ исторіи русскаго генеральнаго штаба.

Какъ профессоръ онъ создалъ цѣлую школу, подготовилъ много талантливыхъ офицеровъ, которые всѣ гордились тѣмъ, что они ученики Обручева. Какъ администраторъ, онъ работалъ надъ реорганизацией нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ началахъ: развитіе системы резервовъ и государственного ополченія, устройство военно-конской повинности, мобилизациія арміи, проведеніе стратегическихъ путей, возведеніе крѣпостей, сосредоточеніе войскъ, подготовка вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и вообще всѣ вопросы, обнимающіе систему обороны государства, разработаны у насъ Обручевымъ. Какъ

¹⁾ Статья эта уже была воспроизведена въ январьской кн. Военнаго Сборника за 1911 г., но въ виду ея особаго значенія къ памяти почившаго, воспроизводимъ ее для и нашихъ читателей.

Ред.

государственный дѣятель онъ принималъ непосредственное участіе въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ первостепенной важности какъ во внутренней, такъ и во внешней политикѣ государства; имъ, между прочимъ, подготовлены главныя основанія франко-русскаго союза. Наконецъ, какъ боевой генералъ, онъ принялъ видное участіе въ войнѣ 1877—78 гг. въ Азіатской Турціи: по его плану, армія наша одержала блестящую победу подъ Авліаромъ, приведшую къ уничтоженію арміи Мухтара-паши, паденію Карса и къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи. Таковъ, въ общихъ чертахъ, эскизный набросокъ этого большого человѣка. Только теперь, когда его уже неѣть, но память о немъ еще жива среди настѣ, мы можемъ, отойдя на разстояніе, составить себѣ ясное представление объ истинной величинѣ Обручева, какъ выдающагося дѣятеля.

Николай Николаевичъ Обручевъ родился 21-го ноября 1830 г.; отецъ его, Николай Аѳанасьевичъ, былъ въ то время капитаномъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, квартировавшаго въ Варшавѣ; мать его, Марія Лукинишна, рожденная Колотова. Дѣдъ, Аѳанасій Федоровичъ, служилъ въ инженерныхъ войскахъ; прадѣдъ началъ службу въ артиллеріи. Такимъ образомъ всеѣ Обручевы, изъ поколѣнія въ поколѣніе, были на военной службѣ. Въ 1838 году отецъ Николая Николаевича, уже командовавшій тогда въ чинѣ полковника Самогитскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Бронницахъ, недалеко отъ Новгорода, внезапно умеръ, оставивъ вдову съ семью малолѣтними дѣтьми (два сына и пять дочерей) почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Добрые люди приняли участіе въ положеніи вдовы; по ходатайству Пущина и Ростовцева передъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, по Высочайшему повелѣнію ей была назначена пенсія въ 428 руб. (что по тогдашнему времени составляло 1.500 руб. ассигнаціями), и два ея сына, Аѳанасій и Николай, приняты были въ Александровскій сиротскій корпусъ. Это благодѣтельное въ свое время учрежденіе имѣло цѣлью дать воспитаніе малолѣтнимъ сиротамъ неимущихъ офицеровъ арміи и флота, убитыхъ или умершихъ на военной службѣ. Надзоръ за дѣтьми былъ ввѣренъ класснымъ дамамъ, также вдовамъ или дочерямъ военныхъ. Корпусъ помѣщался въ Царскомъ Селѣ, противъ парка, въ домѣ, занятомъ нынѣ л.-гв. 4-мъ стрѣлковымъ Императорской фамиліи полкомъ. Императоръ Николай I и Императрица часто посѣщали Александровскій малолѣтній корпусъ, близко интересуясь участіемъ дѣтей; по достижени определенного возраста, сироты опредѣля-

лись на казенный счетъ въ одинъ изъ сухопутныхъ или морской—кадетскіе корпуса. Марія Лукинишина Обручева сама свезла мальчиковъ въ Царское Село и сдала ихъ въ корпусъ въ августѣ 1838 года; дочери же ея были опредѣлены въ Смольный институтъ. Сама Марія Лукинишина поселилась въ Петербургѣ и вся отдалась воспитанію дѣтей, обучая и обшивая всю свою семью. Черезъ два года, въ 1840 году, по достижениіи десятилѣтняго возраста, Николай Николаевичъ Обручевъ былъ переведенъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Съ этого времени десятилѣтній сирота, безъ средствъ, безъ связей, безъ поддержки, одинъ пробиває себѣ дорогу. Богато одаренныій отъ природы, онъ быстро сталъ расти и крѣпнуть. Соединяя блестящія способности съ неутомимымъ трудомъ, онъ сразу выдвинулся, пошелъ впередъ и такъ продолжалъ, съ неутомимой энергией, съ неослабленными силами, все время идти во главѣ всѣхъ. Дитя арміи, принадлежа ей почти съ колыбели, воспитанный на счетъ правительства, Н. Н. Обручевъ не остался въ долгу и сторицей вернулъ все на него потраченное, отдавъ горячо любимой родинѣ и арміи всю свою жизнь, всѣ лучшія свои силы, весь свой умъ, всю свою душу.

Первымъ окончивъ курсъ, 13-го іюня 1848 года, Н. Н. Обручевъ былъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Измайлловскаго полка, и имя его занесено на мраморную доску 1-го кадетскаго корпуса. Сойдя со школьнной скамьи, онъ тотчасъ принялъ за работу и уже въ 1850 году, будучи еще подпоручикомъ, представилъ первый ученыій трудъ: „Опытъ исторіи военной литературы въ Россії“, который былъ поднесенъ Его Величеству въ день 50-ти-лѣтняго юбилея со времени назначенія Государя Императора Николая I шефомъ л.-гв. Измайлловскаго полка. Въ это же время три сестры Н. Н. Обручева послѣдовательно оканчивали Смольный институтъ, также первыми ученицами съ шифромъ. Такіе блестящіе результаты даннаго дѣтямъ воспитанія обратили вниманіе на Марію Лукинишину Обручеву, и въ 1851 году она была назначена инспекториссой Смольного института, гдѣ двѣ младшія ея дочери тогда еще оканчивали курсъ; съ этого времени дальнѣйшая участъ ея уже была вполнѣ обеспечена.

Проработавъ четыре года въ полку и совершивъ съ полкомъ походъ въ 1849 году въ составѣ гвардіи, двинутой къ западнымъ предѣламъ имперіи, Николай Николаевичъ Обручевъ, въ чинѣ поручика, въ 1852 году поступилъ въ Императорскую военную академію и въ 1854 году первымъ, съ медалью, окон-

чилъ въ ней курсъ, съ производствомъ за отличие въ штабъ капитаны, при чёмъ имя его вторично занесено на мраморную доску. Въ томъ же году появилось первое капитальное сочинение Обручева: „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ“, положившее основаніе дальнѣйшимъ архивнымъ изслѣдованіямъ и изученію отечественной военной исторіи по подлиннымъ документамъ. По выпускѣ изъ академіи штабъ-капитанъ Обручевъ былъ причисленъ къ генеральному штабу, съ назначеніемъ на службу въ штабъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго гвардейскимъ и grenaderскимъ корпусами. Переведенный на слѣдующій годъ въ гвардейский генеральный штабъ, Николай Николаевичъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-ї гвардейской резервной пѣхотной дивизіи. Въ 1857 году, въ чинѣ капитана, назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-ї гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1859 году произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба 2-ї гвардейской пѣхотной дивизіи; должность эту занималъ четыре года, послѣ чего, покинувъ строевую службу при гвардейскихъ войскахъ, онъ въ 1863 году былъ назначенъ дѣлоизводителемъ и членомъ совѣщательнаго комитета Главнаго управлѣнія генеральнаго штаба.

Черезъ два года по выпускѣ изъ академіи, Н. Н. Обручевъ уже занялъ каѳедру Дмитрия Алексеевича Милютина и вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ Николаевской академіи генерального штаба, занимая эту должностъ въ теченіе 20-ти лѣтъ. Весною 1856 года профессоръ военной статистики, Д. А. Милютинъ, покинулъ академію, а осенью того же года на каѳедру этого предмета были назначены генерального штаба капитаны Макшеевъ и Обручевъ. Въ виду значительного расширенія программы военной статистики, оказалось необходимымъ распределить курсъ на два самостоятельныхъ отдѣль: 1) обзоръ Россіи, и 2) обзоръ иностраннѣй государствъ, которымъ предшествовалъ особый, какъ бы вступительный отдѣль. Вотъ этотъ вступительный отдѣль, въ которомъ излагалась литература предмета, значеніе статистики какъ науки и какъ необходимаго пособія для административной практики, а затѣмъ военно-статистической обзоръ европейскихъ государствъ Австріи, Пруссіи, Швеціи, Великобританіи и Турціи, разрабатывался Н. Н. Обручевымъ и талантливо излагался имъ въ блестящихъ лекціяхъ. Имъ же были установлены практическія занятія по военной статистикѣ, заключавшіяся въ составленіи

статистическихъ картъ и таблицъ съ объясненіями и выводами. Кромѣ назначенныхъ по расписанію лекцій, Обручевъ, въ началѣ своей профессуры, установилъ въ академіи вечернія сообщенія по субботамъ для желающихъ, и эти увлекательныя субботнія чтенія посѣщались почти всѣми слушателями обоихъ курсовъ академіи. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманіе блестящимъ разборомъ книги Д. А. Милютина и А. Н. Михайловскаго-Данилевскаго: „Исторія войны между Россіею и Франціею“, появившимся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1852 и 1853 годахъ.

Въ 1858 году Н. Н. Обручевъ основалъ первый ежемѣсячный военный журналъ „Военный Сборникъ“ и состоялъ его редакторомъ. Въ своихъ лекціяхъ и въ издаваемомъ подъ его редакціей журналѣ, Обручевъ проводилъ свои взгляды, вліяль на нашъ генеральныи штабъ и способствовалъ научной разработкѣ многихъ военныхъ вопросовъ. Въ „Военномъ Сборнике“ появился за это время цѣлый рядъ статей, написанныхъ Обручевымъ:

„О вооруженной силѣ и ея устройствѣ“ (1858 г.).

„Изнанка Крымской войны“ (1858 г.).

„Записки о снаряженіи пѣхоты пяти первостепенныхъ европейскихъ армій: русской, французской, англійской, австрійской и прусской“ (1862 г.).

„Изслѣдованіе причинъ смертности населенія и опыты составленія санитарной карты“ (1863 г.).

„С拧ть русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Участіе въ нихъ земства и войскъ“ (1864 г.).

„Обзоръ дѣятельности военного министерства въ послѣднее пятьтилѣтіе, финансовыхъ его средствъ и нуждъ арміи“ (1865 г.).

Въ томъ же году при „Военномъ Сборнике“ была издана генеральная карта Кавказскаго края.

Въ 1860 году, профессоръ военной статистики, полковникъ Обручевъ, былъ командированъ за границу на $1\frac{1}{2}$ года, съ научной цѣлью, примѣняясь къ потребностямъ академического курса. Эта первая поездка за границу имѣла большое вліяніе на всю послѣдующую жизнь Николая Николаевича. Проводя зиму въ Парижѣ для своихъ научныхъ работъ, онъ познакомился тамъ съ прелестной молодой дѣвушкой,—Mlle Marie Millet, въ почтенной семье коей онъ жилъ. Лѣто они обыкновенно проводили въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи, въ замкѣ Жорѣ, на югѣ Франціи, въ Дордонѣ, недалеко отъ Бордо. Николай Николаевичъ, по окончаніи своей командировкѣ, послѣдовалъ за ними, и тамъ, въ Жорѣ, сдѣлалъ свое предло-

женіе. Свадьба же состоялась только на слѣдующій годъ 30-го августа въ Парижѣ, послѣ чего, 26-го сентября 1862 года, Николай Николаевичъ вернулся въ Петербургъ съ своей молодой женой, Маріей Николаевной Обручевой. Съ этого времени и до конца жизни, онъ почти ежегодно, осенью проводилъ одинъ или два мѣсяца въ Жорѣ въ имѣніи жены на югѣ Франціи; здѣсь онъ пользовался полнымъ отдыхомъ, занимаясь садоводствомъ и винодѣліемъ. Во время частыхъ посѣщеній Парижа, Н. Н. Обручевъ познакомился съ лучшими въ то время представителями французской арміи и немало способствовалъ франко-русскому сближенію и установлению дружескихъ отношеній между арміями двухъ союзныхъ государствъ.

Въ 1866 году Н. Н. Обручевъ произведенъ былъ въ генераль-маиоры, а черезъ годъ, въ 1867 году, назначенъ членомъ и управляющимъ дѣлами военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Оставаясь на этомъ мѣстѣ 14 лѣтъ, до 1881 г., онъ все свое время могъ посвятить научнымъ трудамъ, а также разработкѣ многихъ вопросовъ военно-административнаго и политическаго характера. Въ это время, съ 1867 по 68-ой годъ, подъ редакціей Обручева, появились первые три выпуска „Военно-Статистического Сборника“—обширнаго труда, обнявшаго съ большею или меньшею полноютою всѣ государства западной Европы, Турцію, сопредѣльныя съ нами страны Азіи и въ короткомъ очеркѣ—государства Америки¹⁾). Черезъ три года, съ 1871 году, появился послѣдній 4-й выпускъ, посвященный Россіи. Этотъ капитальный трудъ, въ 72 печатныхъ листа съ атласомъ, состоящій изъ 2-хъ отдѣловъ, имѣлъ цѣлью дать возможно цѣльное систематическое представление о нашемъ отечествѣ. Отдѣль I-й заключаетъ слѣдующія статьи: 1) государственное устройство Имперіи; 2) территорія и народонаселеніе; 3) землевладѣніе; 4) сельское хозяйство; 5) горный промыселъ; 6) мануфактурная промышленность; 7) пути сообщенія; 8) торговля; 9) финансы и кредитъ; 10) народное образованіе; 11) нравственность. Отдѣль II—вооруженные силы: 1) комплектование; 2) составъ, численность и организація арміи; 3) уст-

¹⁾ Выпускъ 1-й. Великобританія, Франція, Австрія, Пруссія и пр. государства Германіи 1867 г. Выпускъ 2-й. Италія, Испанія, Португалія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Данія, Швеція, Норвегія, Гренландія, Турція и Восточныя владѣнія (1868 г.). Выпускъ 3-й. Персія, Афганістанъ, Белуджистанъ, Среднеазіатскія влад. Китай, Японія, Сѣв.-Американск. Соед. Штаты, Мексика, Бразилія и республики Средней и Южной Америки (1868 г.).

ройство военныхъ управлений; 4) содержание армии; 5) крѣпости и 6) флотъ¹⁾). Въ предисловіи къ этой книгѣ Н. Н. Обручевъ говоритъ: „статистический трудъ старится болѣе тамъ, гдѣ жизнь государства идетъ быстрѣе, менѣе—тамъ, гдѣ жизнь его вмѣсто развитія представляетъ застой, и поэтому глубоко желаю, чтобы трудъ нашъ о Россіи быстро состарился, чтобы онъ былъ своевременъ только для нѣсколькихъ настоящихъ минутъ...“ Сборникъ этотъ въ свое время служилъ главнымъ источникомъ, изъ котораго черпались всѣ необходимыя о Россіи свѣдѣнія. Всѣ эти ученые труды обратили на себя вниманіе Государя Императора, и въ 1871 году генералъ-маіоръ Обручевъ былъ назначенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Пользуясь особымъ довѣріемъ Военнаго Министра, Д. А. Милютина, и начальника Главнаго Штаба гр. Гейдена, Н. Н. Обручевъ, управляя дѣлами военно-ученаго комитета, въ то же время былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ важнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра II. Обще-обязательная воинская повинность и организація нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ, равно какъ и основныя начала для подготовки вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій были разработаны при ближайшемъ содѣйствіи Н. Н. Обручева.

Въ 1873 г. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Обручевъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и командированъ въ Турцію, Германію и Австрію для собиранія свѣдѣній по составу и организаціи ихъ военныхъ силъ. Съ 1874 года онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководилъ комиссіею изъ офицеровъ генерального штаба, военныхъ инженеровъ и артиллеристовъ, по проектированію укрѣплений Варшавы, Новогеоргіевска и Зegrja и нѣсколько разъ, во главѣ полевой поѣздки,ѣздила для осмотра этихъ пунктовъ на мѣстѣ. Въ 1876 году генералъ-лейтенантъ Обручевъ былъ назначенъ членомъ международного конгресса въ Брюсселѣ и представителемъ русскаго отдѣла на международной выставкѣ. Въ концѣ того же года, незадолго до войны, командированъ съ особымъ секретнымъ порученіемъ за границу, для заключенія конвенціи съ Румыніей и съ Австріей. Но не одними только учеными и кабинетными работами исчерпывается выдающаяся дѣятельность Н. Н. Об-

¹⁾ Въ оставленіи сборника принимали участіе офицеры генерального штаба: Де-Ливронъ, баронъ Вревскій, Мосоловъ Фельдманъ, Лобко, Гельмерсенъ, Быховецъ, Бобриковъ и Боголюбовъ.

ручева; не менѣе блестательно проявилась она и во время войны.

Въ апрѣлѣ 1877 г. послѣдовалъ разрывъ съ Турцией. Военные дѣйствія начались тотчасъ въ Азіатской Турціи и иѣсколько позднѣе на Дунаѣ. Н. Н. Обручевъ не получилъ назначенія въ Дѣйствующую армію, равно какъ и Тотлебенъ, и оставался въ Петербургѣ. Однажды, когда Тотлебенъ встрѣтилъ Обручева въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ ему: „Николай Николаевичъ, а насть забыли, насть оставили здѣсь!“ Такова вначалѣ была участіе двухъ лицъ, которыхъ вскорѣ стали главными дѣятелями войны, одинъ въ Азіатской Турціи, другої на Дунаѣ, подъ Плевной, куда они были вызваны почти одновременно. Блистательно начавшіяся военные дѣйствія стали принимать неблагопріятный для настѣ оборотъ. На Дунаѣ неожиданно вырасла Шлевна; въ Азіатской Турціи послѣ неудачнаго дѣла подъ Зевиннымъ, войска наши отступили, и кампания на этомъ театрѣ войны казалась проигранной. Тогда по распоряженію военнаго министра на Кавказъ отправлены были двѣ дивизіи пѣхоты и по Высочайшему повелѣнію 25-го іюля въ распоряженіе Великаго Князя Михаила Николаевича командированъ генералъ-лейтенантъ Обручевъ съ особыми полномочіями. Прибывъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, Николай Николаевичъ и здѣсь, среди лучшихъ боевыхъ генераловъ доблестной Кавказской арміи, занялъ подобающее мѣсто и принялъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ высшаго команднаго персонала. Дальнѣйшій планъ дѣйствій былъ разработанъ Обручевымъ еще въ Петербургѣ въ кабинетѣ военно-ученаго комитета и приведенъ въ исполненіе на мѣстѣ. Послѣ 3-хъ-дневнаго боя (20—22-го сентября) при Большихъ и Малыхъ Ягнахъ, войска наши атаковали турокъ съ фронта, на Аладжинскихъ высотахъ у Авліара, а дивизія Лазарева въ обходъ праваго крыла съ тыла на Аладжи; въ результатѣ—армія Мухтара-Пажи была разбита и разсѣяна. 3-го октября Великій Князь Михаилъ Николаевичъ телографировалъ:

„Счастливъ, что могу донести Вашему Императорскому Величеству о полномъ пораженіи арміи Мухтара-Пажи“. Войска подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова, при обходномъ движениі генерала Лазарева, окружили турецкую армію, которая сдалась почти безъ пролитія крови. За Аладжей слѣдовало паденіе Карса; планъ его осады также былъ разработанъ Обручевымъ, но при взятіи Карса онъ не присутствовалъ, такъ какъ былъ вызванъ въ Дѣйствующую армію на Балканскомъ полуостровѣ.

Бой на Аладжинскихъ высотахъ, приведшій къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціі, одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ жизни Н. Н. Обручева. 30-го октября онъ прибылъ въ Императорскую главную квартиру въ Порадимѣ, гдѣ Государь самъ возложилъ на него орденъ Св. Георгія 3-й степени. Такимъ образомъ, имя Н. Н. Обручева въ третій разъ было занесено на мраморную доску. Въ главной квартире въ Порадимѣ, Обручевъ оставался до 3-го декабря, принимая участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ по важнѣйшимъ военнымъ и политическимъ вопросамъ того времени. Вскорѣ послѣ паденія Плевны, 28-го ноября, Государь Императоръ, въ сопровожденіи своей свиты и Н. Н. Обручева, вернулся въ Петербургъ, 10-го декабря. Тотчасъ послѣ войны, Н. Н. снова былъ командированъ за границу съ особымъ порученіемъ Государя къ султану и прокламаціями Его Величества къ болгарскому народу.

Въ воздаяніе особыхъ услугъ, оказанныхъ генераль-лейтенантомъ Обручевымъ во время турецкой войны, Государь Императоръ Александръ II, въ день своего рожденія, 17-го апрѣля 1878 года, возвелъ его въ званіе генераль-адъютанта. 8-го юнаря того же года по Высочайшему повелѣнію, Н. Н. Обручевъ былъ назначенъ въ распоряженіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, на должность начальника полевого штаба предполагавшейся къ сформированію юго-западной арміи и вслѣдствіе этого отчисленъ отъ должности профессора, съ назначеніемъ почетнымъ членомъ конференціи Николаевской академіи Генерального Штаба и съ оставленіемъ во всѣхъ остальныхъ должностяхъ и званіяхъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра III, постъ Военнаго Министра занялъ генераль-адъютантъ Ваниновскій, бывшій во время войны начальникомъ штаба Наслѣдника Цесаревича въ Рущукскомъ отрядѣ. Въ томъ же 1881 году, по представленію П. С. Ваниновскаго, Н. Н. Обручевъ былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба и исполнялъ эти обязанности 16 лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени, состоя во главѣ самого обширного и сложнаго отдѣла управлениія Военнаго Министерства, Н. Н. Обручевъ съ неослабной энергией принималъ ближайшее и ревностное участіе въ разработкѣ всѣхъ государственныхъ вопросовъ первостепенной важности, относящихся до развитія нашей вооруженной силы.

Ежедневно, съ ранняго утра и до позняго вечера, онъ работалъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ, окруженный картами, бумагами, секретными дѣлами. Всѣ близко къ нему стоявшіе,

за время управлениі имъ Главнымъ Штабомъ, могутъ засвидѣтельствовать, что онъ не только лучше, но и больше всѣхъ работалъ и при этомъ всегда съ полнымъ вниманiemъ и сердечнымъ участіемъ относился къ своимъ подчиненнымъ. Ежегодно, въ декабрѣ начальники окружныхъ штабовъ вызывались въ Главный Штабъ, гдѣ въ особыхъ совѣщаніяхъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и по указаніямъ Н. Н. Обручева, разрабатывались вопросы мобилизациіи и сосредоточенія нашей арміи на разныхъ театрахъ дѣйствій и при различныхъ военныхъ и политическихъ комбинаціяхъ. Сообразно этому решались вопросы дислокациіи, расквартированія нашей арміи, проведение стратегическихъ путей, укрѣпленіе извѣстныхъ пунктовъ и вообще все относящееся до обороны государства. На основаніи этихъ данныхъ начальники штабовъ, по возвращенію къ себѣ, на мѣстѣ, въ своихъ округахъ, составляли подробные планы военныхъ дѣйствій, которые каждый годъ повѣрялись и исправлялись въ Главномъ Штабѣ. Вся эта обширная работа, которая исполняется и понынѣ, въ свое время была создана Обручевымъ. Послѣ этихъ засѣданій въ Главномъ Штабѣ, пріѣзжие начальники штабовъ, высшіе войсковые начальники въ округахъ и многіе изъ чиновъ Главнаго Штаба часто приглашались на обѣдъ къ Николаю Николаевичу Обручеву, который являлся у себя дома самымъ гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ.

Когда Н. Н. Обручевъ состоялъ во главѣ Главнаго Штаба, всѣ важнѣйшія военные реформы проводились по его инициативѣ и по его указаніямъ. За это время у насъ вновь сформировано было 3 армейскихъ корпуса и сведены въ корпуса Кавказскія и Туркестанскія войска. Введена новая обширная система резервныхъ войскъ, для чего были сформированы пѣхотныя резервныя бригады, которая въ военное время развертывались въ дивизіи первой и второй очереди; при этихъ частяхъ хранились всѣ запасы обмундированія, снаряженія и вооруженія по штатамъ военного времени, что давало возможность, при малыхъ кадрахъ мирного времени, съ объявленіемъ мобилизациіи быстро развертывать пѣхотныя резервныя бригады въ армейскіе корпуса. Соответственно этой организациіи сформированы были резервныя артиллерійскія бригады и резервные саперные баталіоны. Пѣхотныя резервныя бригады введены были также и въ Туркестанѣ и въ трехъ Сибирскихъ округахъ, гдѣ впослѣдствіи они были переформированы въ стрѣлковыя бригады и дивизіи. Кавалерія усиlena сформированіемъ новыхъ

драгунскихъ полковъ, при чмъ всмъ полкамъ армейской кавалеріи дано однообразное обмундироваіе и вооруженіе по драгунскому образцу. Въ полевой артиллериі сформированы стрѣльковые артиллерійские дивизіоны и мортирные полки; въ инженерныхъ войскахъ — желѣзно-дорожные, телеграфные и воздухоплавательные баталіоны и роты, и введены крѣпостныя инженерныя части. Въ Петербургскомъ, Виленскомъ, Варшавскомъ, Одесскомъ, Казанскомъ и Приамурскомъ военныхъ округахъ сформированы крѣпостные полки и баталіоны; введены обозныя войска.

Съ 1881 по 1898 годъ, т. е. за время пребыванія въ должності начальника Главнаго Штаба генералъ-адъютанта Обручева, благодаря его усиленіямъ, армія наша увеличилась:

По мирному составу¹⁾.

По военному составу.

Рядомъ съ увеличенiemъ боевой силы постепенно сокращались всѣ небоевые элементы армii: мѣстные баталіоны совсѣмъ упразднены, а мѣстныя команды съ 595 доведены до 158, т. е. сокращены на 437 командъ.

За указанный выше періодъ, армія наша, по штатамъ мир-
наго времени, увеличилась почти на 6.000 офицеровъ и на
150.000 нижнихъ чиновъ, а по военному времени,—на 10.000
офицеровъ и на 500.000 нижнихъ чиновъ; вся же вооруженная
сила наша возросла въ мирное время до миллиона, а въ воен-
ное—почти до трехъ миллионовъ людей. Но такъ какъ не одной
числительностью и материальною силою, а духомъ крѣпка армія,
то для возстановленія боевыхъ традицій славнаго боевого про-
шлаго нашей арміи и для воспитанія молодыхъ поколѣній въ

1) Въ томъ числѣ сформировано 30 крѣпостныхъ полковъ и 14 второочередныхъ резервныхъ дивизій. 2) Въ томъ числѣ 7 мортирныхъ полковъ въ 24 батареи и 14 горныхъ батарей. 3) Въ томъ числѣ крѣпостная инженерная части,—саперныя, минныя, телеграфныя, рѣчныя роты и воздухоплавательное отдѣленіе.

любви къ своей войсковой части и въ гордомъ сознаніи ея силы, многимъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ полкамъ даны имена доблестныхъ начальниковъ, связавшихъ свое имя съ боевымъ прошлымъ той или другой войсковой части. Такимъ образомъ, по мысли Обручева, и съ Высочайшаго Государя Императора одобренія, названіемъ полковъ, по именамъ славныхъ защитниковъ отечества, возстановлена боевая лѣтопись русской вооруженной силы. Какъ горячій патріотъ, какъ истинно русскій человѣкъ и большой знатокъ русской старины, Николай Николаевичъ Обручевъ настоятель также на замѣнѣ искаженныхъ пѣмецкихъ именъ нѣкоторыхъ городовъ на нашей западной окраинѣ ихъ настоящими изстари русскими именами.

Одновременно съ увеличеніемъ арміи и съ перемѣщеною дислокациѣ, при сосредоточеніи большихъ силъ на западной границѣ, особыми войсковыми комиссіями на мѣстѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Главной Казарменной Комиссіи, образованной при Военномъ Совѣтѣ и созданной также по идеѣ Обручева, построены были казармы съ офицерскими флигелями для 170 войсковыхъ частей и проложены стратегическія шоссе на протяженіи 1.650 верстъ. Наконецъ усилены укрѣпленія и вооруженія Кронштадта, Ковно, Варшавы, Новогеоргіевска, Брестъ-Литовска, Зегржа, Осовца и Владивостока.

При такой обширной и разнообразной дѣятельности, при массѣ текущихъ дѣлъ и разныхъ служебныхъ обязанностей, Н. Н. Обручевъ находилъ еще время для самостоятельной разработки многихъ военно-политическихъ, стратегическихъ и административныхъ вопросовъ, изложенныхъ въ цѣломъ рядѣ секретныхъ записокъ, представленныхъ Военному Министру и Государю Императору. Многія изъ этихъ записокъ и по нынѣ еще не устарѣли и находятся въ разныхъ отдѣлахъ Главнаго и Генеральнаго Штаба, гдѣ ими пользуются какъ руководящими указаніями при разработкѣ нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ.

Вспоминая теперь мощную фигуру Николая Николаевича Обручева и проявленную имъ творческую силу, нельзя не замѣтить много общаго между нимъ и его знаменитымъ современникомъ, начальникомъ Прусскаго Генеральнаго Штаба, гравомъ Мольтке. Молчаливые, суровые на видъ, неутомимые труженики, до фанатизма преданные своему дѣлу,—оба руководили работами высшихъ войсковыхъ штабовъ, создали, каждый въ своей странѣ, цѣлую школу талантливыхъ офицеровъ,

ихъ послѣдователей, и еще долго въ обѣихъ сосѣднихъ арміяхъ будетъ жива память объ этихъ двухъ выдающихся представителяхъ современаго генерального штаба. Даже въ ихъ интимной, виѣ-служебной жизни, находимъ мы общія черты. По свидѣтельству одного изъ нашихъ офицеровъ, состоявшихъ при Прусской главной квартирѣ во время Франко-Пруссской войны 1870—71 гг., Мольтке, съ приближенными ему чинами штаба, каждый вечеръ игралъ въ висть, по очень маленькому кушу и съ очень сложнымъ разсчетомъ. За этой игрой всѣ успокаивались, и мысль, весь день напряженно работавшая все въ одномъ и томъ же направленіи, отыхала. Даже наканунѣ и въ самый день такого крупнаго исторического события, какъ Седанъ, великий молчальникъ сыгралъ свои обычные три рога въ висть. Такжѳ и для Николая Николаевича Обручева единственнымъ и любимымъ развлечениемъ была партія въ винтъ въ средѣ близкихъ ему людей; тутъ онъ дѣйствительно отыхалъ послѣ тяжелыхъ трудовъ, но какъ человѣкъ долгъ, онъ не жертвовалъ для своего удовольствія ни однимъ часомъ работы.

Богато одаренный отъ природы и всесторонне образованный, Николай Николаевичъ Обручевъ всѣмъ интересовался, ничто ему не было чуждо. Онъ не замуравилъ себя въ узкихъ рамкахъ своей специальности, не ходилъ въ шорахъ, а широко смотрѣлъ по сторонамъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣгалось въ области науки и искусства. Особенно любилъ онъ живопись, ваяніе и зодчество и часто поражалъ знатоковъ своей критикой и тонкостью своихъ наблюдений. Онъ не пропускалъ ни одной большой выставки и ежегодно посѣщалъ обычныя выставки академистовъ и передвижниковъ. Изъ современныхъ художниковъ онъ предпочиталъ Шолѣнова и его картины изъ жизни Христа; когда появилась его большая картина „Грѣшница“, которая теперь въ музѣи Императора Александра III, Николай Николаевичъ особенно ею восхищался и часто любилъ о ней говорить.

По мысли Н. Н. Обручева, и подъ непосредственнымъ его руководствомъ, въ зданіи Главнаго Штаба исполненъ цѣлый рядъ художественныхъ работъ. Начались онъ съ обновленія церкви Главнаго Штаба. Церковь эта, во имя св. великомуученика и побѣдоносца Георгія, основана при Императорѣ Александрѣ I, въ началѣ 1820-хъ годовъ, заботами и попеченіями князя Волконскаго, бывшаго тогда начальникомъ Главнаго Штаба Его Величества, а впослѣдствіи фельдмаршаломъ. Со-

стоя во главѣ квартирмейстерской части, имъ созданной, князь Волконскій избралъ для церкви мѣсто въ томъ домѣ, который былъ занятъ квартирмейстерскою частью или генеральнымъ штабомъ. Простоявъ затѣмъ почти 70 лѣтъ, церковь стала требовать значительного ремонта и обновленія. Но прежде чѣмъ приступить къ работамъ, свершилось чудесное событіе 17 октября 1888 г. Тогда чины Главнаго Штаба, съ генераль-адъютантомъ Обручевымъ во главѣ, желая увѣковѣчить въ памяти своихъ преемниковъ чудесное спасеніе Царя и Августѣйшей Семьи, остановились на мысли украсить достойнымъ образомъ свою церковь. Средства для осуществленія этой благой мысли не замедлили явиться. Работы по возобновленію церкви начались въ маѣ 1889 г. и окончились въ февралѣ 1890 года. Проектъ былъ составленъ академикомъ архитектуры М. Л. Ивановымъ, но общее руководство работами исходило отъ Н. Н. Обручева, который входилъ во всѣ мельчайшія подробности художественного убранства церкви. Особенный интересъ въ этомъ храмѣ представляется: большой парадный сводъ надъ кораблемъ церкви, замѣняющій собой куполь, съ изображеніемъ части неба, покрытаго звѣздами изъ граненаго хрусталия различныхъ величинъ, при чемъ на сводѣ астрономически точно изображена та часть неба, которая усматривалась со станціи Борокъ въ 12 часовъ 14 минутъ 17 октября 1888 года, когда, въ моментъ крушенія, остановились часы въ вагонѣ-столовой Императорскаго поѣзда. На южной стѣнѣ храма, противъ входныхъ дверей, большая картина-образъ, съ изображеніемъ „Проповѣдывающаго Христа“, окруженнаго народомъ; всѣ дѣйствующія лица—портреты Царской Семьи. Картина эта принадлежить кисти пѣвѣстнаго по духовной живописи академика И. К. Макарова, вдохновившагося этимъ событіемъ. На противоположной сѣверной стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ двери, укреплены, въ два ряда, доски бѣлаго мрамора, съ черной мраморной же каймой. На этихъ доскахъ начертаны имена офицеровъ генерального штаба и корпуса военныхъ топографовъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ за время съ 1807 года.

Всѣдѣ за обновленіемъ церкви приступлено было къ отдѣлкѣ парадной лѣстницы Главнаго Штаба, строго выдержанной въ стилѣ Имперіи. Внизу, въ круглой прихожей, очищены отъ многолѣтней штукатурки и окраски чудныя колонны изъ итальянскаго розового мрамора. На средней площадкѣ, въ особой нишѣ, поставлена большая бронзовая статуя Петра, работы

известного академика скульптуры Антокольского. Эта лучшая у насъ статуя Петра была заказана Императоромъ Александромъ III-мъ Антокольскому для Петергофа, и, съ разрешенія Его Величества, копія съ нея, исполненная тѣмъ же художникомъ, поставлена на лѣстницѣ Главнаго Штаба. Подъ статуей, на мраморной доскѣ заключительныя слова приказа, отданного Петромъ передъ Полтавскимъ боемъ:

„А о Петри вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жили бы только Россия въ славѣ и благоденствїи“.

На балюстрадѣ лѣстницы поставлены четыре бронзовыхъ бюста противъ статуи Петра,—его фельдмаршалы,—Шереметевъ и Меншиковъ; надъ ними, Екатерининскіе фельдмаршалы: Румянцевъ и Потемкинъ. На верхней площадкѣ, по обѣимъ сторонамъ входной двери, въ особыхъ нишахъ, двѣ бронзовыя статуи: Суворова и Кутузова—подъ статуей Суворова надпись—*„Измайлъ у ногъ Вашего Величества“*; подъ статуей Кутузова: *„Теперь ни шагу далъ“*. Статуи и бюсты эти художественно исполнены академикомъ скульптуры И. Н. Шредеромъ по особому заказу Обручева для Главнаго Штаба, при чемъ Николай Николаевичъ частоѣзди въ мастерскую Шредера, въ академію художествъ, и лично руководилъ его работами.

Наконецъ, ротонда средняго этажа Главнаго Штаба, передъ входомъ въ церковь, обращена въ Георгіевскій залъ; на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, вѣзванныхъ въ стѣны, начертаны имена офицеровъ-колонновожатыхъ, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части и Генеральшаго Штаба, награжденныхъ орденомъ св. Георгія. Устройствомъ этихъ досокъ, въ церкви и въ Георгіевскомъ залѣ Главнаго Штаба, осуществилось давнишнее желаніе офицеровъ Генеральшаго Штаба и получилась какъ бы боевая лѣтопись этого корпуса офицеровъ.

Въ 1887 году Н. Н. Обручевъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфanterіи. Въ 1888 году назначенъ почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ.

Въ 1893-мъ году послѣдовало назначеніе генералъ-адъютанта Обручева членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ должности начальника Главнаго Штаба. Въ 1896 г. онъ былъ удостоенъ награжденія орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Эта высокая награда сопровождалась Высочайшимъ реескриптомъ, въ которомъ Государемъ Императоромъ были начертаны слѣдующія знамелательныя выраженія.

„... Во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, когда Мне приходилось имѣть личныя къ вамъ отношенія,

какъ при научныхъ занятіяхъ въ годы моей юности, такъ и при обсужденіи дѣлъ государственныхъ, Я неизмѣнно выносилъ убѣжденіе въ вашемъ умѣ, отличномъ знаніи тѣла, прямомъ и откровенномъ характерѣ и неизмѣнной преданности Государю и Отечеству. Выражая вамъ сегодня искреннюю Мою признательность за ваши многолѣтніе неутомимые труды, Я, въ изъявленіе особаго Моего благоволенія, жалую васъ кавалеромъ ордена Святого Андрея Первозванного, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный и благодарный".

„НИКОЛАЙ“.

Въ 1897 году бывшій Военный Министръ, генераль-адъютантъ Банновскій покинулъ свой постъ; одновременно съ нимъ удалился отъ дѣлъ и Н. Н. Обручевъ. Высочайшимъ приказомъ 31 декабря 1897 года генераль-адъютантъ Обручевъ былъ уволенъ, согласно прощепію, отъ должности начальника Главнаго Штаба, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ званіи генераль-адъютанта и въ генеральномъ штабѣ; при этомъ въ Высочайшемъ рескрипѣ, данномъ па имя Николая Николаевича Обручева, въ заключеніи было сказано:

„... Оставляя васъ въ званіи и при обязанностяхъ члена Государственнаго Совѣта, Я вполнѣ увѣренъ, что ваше широкое образованіе, патріотическая ваши убѣжденія и испытанныя способности къ дѣламъ Государственнаго Управлениія принесутъ несомнѣнную пользу при обсужденіи вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію сего вышаго государственного установленія“.

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Глубокоуважающій васъ и сердечно вамъ благодарный“

„НИКОЛАЙ“.

1897-мъ годомъ кончается самостоятельная служебная дѣятельность Н. Н. Обручева, посвятившаго всю жизнь, всѣ помыслы ревностному, безкорыстному, неуклонному и чистому служенію на благо горячо любимой имъ родины.

Оставленіе Обручевымъ должности начальника Главнаго Штаба почти совпало съ полуувѣковой его службой. 13-го іюня 1898 года исполнилось 50 лѣтъ службы его въ офицерскихъ чинахъ. Въ ознаменованіе этого, среди почитателей военной, административной и учепой дѣятельности Н. Н. Обручева на пользу Русской арміи, возникло предположеніе собрать пѣко-

торую сумму, дабы связать его имя съ благотворительною цѣлью. Но представлениі обѣ этомъ Военнаго Министра, 21-го октября 1897 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть добровольную подписку среди чиновъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, въ Николаевской академіи генерального штаба, въ военно-топографическомъ училищѣ и въ фельдъегерскомъ корпусѣ, а также состоящихъ или состоявшихъ въ генеральномъ штабѣ и въ корпусѣ военныхъ топографовъ. 18-го іюня 1898 года юбилиару была поднесена сумма свыше 12.000 рублей, часть которой предназначалась для выдачи пособій наиболѣе нуждающимся чинамъ Главнаго Штаба, другая часть въ видѣ научной преміи имени Николая Николаевича Обручева въ Академіи Генерального Штаба. Въ это же время послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе помѣстить портретъ Н. Н. Обручева въ одной изъ залъ Главнаго Штаба. Портретъ этотъ, прекрасно исполненный извѣстнымъ художникомъ Ярошенко, изображаетъ Николая Николаевича въ его служебномъ кабинетѣ Главнаго Штаба такъ, какъ мы привыкли ежедневно видѣть его за работой. Поразительный по сходству портретъ и мастерски написанная картина эта—одно изъ лучшихъ произведеній нашего талантливаго художника. Наконецъ въ тотъ же день, 18-го іюня 1898 года, въ приказѣ по военному вѣдомству за № 149 было объявлено, что Государь Императоръ во вниманіе къ обширной и плодотворной дѣятельности бывшаго начальника Главнаго Штаба по организаціи обороны Государства вообще и обороны морскихъ подступовъ къ столицѣ Имперіи въ особенности, приказалъ одинъ изъ фортовъ крѣпости Кронштадта паменовать фортомъ „Генералъ-Адъютанта Обручева“.

Покинувъ Главный Штабъ, Н. Н. Обручевъ не порвалъ съ нимъ связь; бывшіе подчиненные и сослуживцы часто его наѣздали, и онъ продолжалъ по-прежнему близко принимать къ сердцу и живо интересоваться всѣмъ, что дѣлалось въ военномъ мірѣ. Еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ дѣятельно занимался дѣлами Государственного Совѣта и, при обсужденіи наиболѣе важныхъ вопросовъ, съ прежней силой и талантомъ высказывалъ свое мнѣніе. Но усиленныя работы подточили его крѣпкую натуру, онъ замѣтилъ сталъ хилѣть и въ послѣдніе годы часто похварывалъ. Особенно удручающе подействовали на него наши первыя неудачи въ войнѣ съ Японіей, которую онъ не пережилъ.

25-го іюня 1904 года телеграфъ принесъ извѣстіе, что на югѣ Франціи, въ своемъ имѣніи Жоръ, скончался членъ Госу-

дарственного Совѣта, почетный членъ Николаевской Академіи Генерального Штаба и Императорской Академіи Наукъ, числящійся по генеральному штабу генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфanterіи Николай Николаевичъ Обручевъ¹⁾.

Тѣло его было перевезено въ Петербургъ 9-го іюля 1904 г. и было предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ чинамъ Главнаго и Генерального Штаба на могилѣ его воздвигнутъ памятникъ-часовня, а однимъ изъ близкихъ его друзей и товарищѣй покертованъ капиталь на неугасимую лампаду въ часовнѣ. При входѣ же въ церковь Главнаго и Генерального Штаба помѣщена икона Св. Николая Чудотворца, соруженная сослуживцами Николая Николаевича Обручева и окруженнная вѣнками, возложенными на его могилу. Подъ иконой на особой доскѣ надпись:

*„Обновителю Св. Храма
Генералъ-Адъютанту Николаю Николаевичу Обручеву.
Вѣчная память.
Ревность дому Твоего снide меня“.*

Современники три раза занесли имя Николая Николаевича Обручева на мраморныя доски въ числѣ наиболѣе отличившихся. Грядущее поколѣніе, вѣроятно, еще болѣе оцѣнитъ это имя и занесетъ его на страницы отечественной исторіи на-ряду съ наиболѣе выдающимися русскими дѣятелями нашего времени.

А. Бильдерлингъ.

Адресъ, поднесенный г.-ад. Обручеву въ день 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.

Копія.

Ваше Высокопревосходительство

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ!

Его Высокопревосходительству
Н. Н. Обручеву.

Гордость Русской арміи, Вы почти съ колыбели принадлежите ей. Сиротой по смерти отца Васъ опредѣлили въ бывшій

¹⁾ Наши союзники и наши противники учитывали военные таланты Н. Н. Обручева такимъ образомъ: когда онъ пріѣзжалъ во Францію, то его тамъ встрѣчали самыемъ сердечнымъ образомъ и во французскомъ генеральномъ штабѣ не было для него никакихъ тайнъ, а когда въ Берлинѣ и Вѣнѣ было получено извѣстіе о смерти Н. Н., то тамъ, въ извѣстныхъ сферахъ, происходило ликованіе.

Ред.

Александровскій малолѣтній корпусъ, въ Царскомъ Селѣ; оттуда перевели въ 1-й кадетскій корпусъ, гдѣ, по окончаніи курса, 50 лѣтъ тому назадъ, 13-го іюня 1848 года, Вы были произведены въ прапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Пройдя затѣмъ послѣдовательно всю служебную лѣстницу до самыхъ высокихъ ея ступеней, Вы заняли почетное мѣсто въ высшемъ правительственномъ учрежденіи — членомъ Государственнаго Совѣта. За это время имя Ваше стало извѣстно во всей Россіи и пользуется достойною извѣстностью и за границей.

Воспитанный на счетъ правительства, Вы не остались въ долгу и сторицей вернули все на Васъ потраченое, отдавъ горячо любимой родинѣ всю Вашу жизнь, вѣсѣ лучшія Ваши силы, весь Вашъ умъ, всю Вашу душу. И только теперь, на разстояніи 50 лѣтъ, мы можемъ составить себѣ ясное представление объ истинной величинѣ Вашей, какъ выдающагося дѣятеля.

Богато одаренные отъ природы, Вы быстро стали рости и крѣпнуть, пустили глубокіе корни, широко раскинули свою дѣятельность. Соединяя блестящія способности съ неутомимымъ трудомъ, Вы сразу выдвинулись, пошли впередъ и такъ продолжали, съ неутомимой энергией, съ неослабными силами, все время идти во главѣ всѣхъ. Кориусъ Вы окончили первымъ, и въ 1848 году имя Ваше занесено было на мраморную доску 1-го кадетскаго корпуса. Сойдя со школьнай скамьи, Вы тотчасъ принялись за работу и уже въ 1850 году, будучи еще подпоручикомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, представили первый ученый трудъ Вашъ: „Опытъ исторіи военной литературы въ Россіи“, который былъ поднесенъ Его Императорскому Величеству въ день 50-ти лѣтнаго юбилея со времени назначенія Государя Императора Николая I-го Шефомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Шесть лѣтъ спустя, Вы первымъ, съ большой серебряной медалью, окончили Академію, и въ 1854 году имя Ваше вторично занесено на мраморную доску — Императорской Военной Академіи. Въ томъ же году появилось первое капитальное сочиненіе Ваше: „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военного искусства въ Россіи по 1725 годъ“, положившее основаніе дальнѣйшимъ архивнымъ изслѣдованіямъ и изученію отечественной военной исторіи по подлиннымъ документамъ. Черезъ два года, въ 1856 году, Вы заняли кафедру Дмитрія Алексѣевича Милютина и вскорѣ стали однимъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ Николаевской Академіи Генерального Штаба.

Какъ управляющей дѣлами Военно-ученаго Комитета и какъ

профессоръ Академіи, Вы въ теченіе 20 лѣтъ создали цѣлую школу, подготовили много талантливыхъ офицеровъ, которые всеъ гордились тѣмъ, что они „ученики Обручева“. За это время Вы основали первый ежемѣсячный военный журналъ — „Военный Сборникъ“; издали первый полный общій и военный статистический обзоръ Россіи, имѣвшій въ свое время громадный успѣхъ и обширное примѣненіе. Подъ Вашей редакціей изданъ также цѣлый рядъ статистическихъ изслѣдованій иностраннныхъ государствъ. Въ то же время Вы были однимъ изъ главныхъ участниковъ всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ реформъ царствованія Императора Александра II. Обще-обязательная воинская повинность и организація нашихъ вооруженныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ, равно какъ и основныя начала для подготовки вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій были разработаны при Вашемъ ближайшемъ содѣйствіи подъ высшимъ руководствомъ Генералъ-Адъютанта Графа Миллютина.

Но не однѣми только учеными и кабинетными работами исчерпывается выдающаяся дѣятельность Ваша. Пользуясь особымъ довѣріемъ Государя Императора Александра II-го, Вы въ концѣ 1876 года, незадолго до войны, были командированы съ особымъ секретнымъ порученіемъ за границу, для заключенія конвенціи съ Румыніей и съ Австріей. Въ минувшую войну Вы по Высочайшему повелѣнію были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. И здѣсь, среди лучшихъ боевыхъ генераловъ доблестной Кавказской арміи, Вы также заняли подобающее мѣсто. При непосредственномъ участіи Вашемъ, армія одержала блестящую, и столь богатую по своимъ послѣдствіямъ, победу подъ Авліаромъ, приведшую къ уничтоженію арміи Мухтара-Паши, паденію Карса и къ славному завершенію кампаніи въ Азіатской Турціи. Изъ подъ Карса Вы по Высочайшему повелѣнію отправились въ дѣйствующую армію на Дунаѣ и, состоя при Императорской Главной Квартирѣ въ Порадимѣ, принимали участіе во всѣхъ совѣнціяхъ по важнѣйшимъ военнымъ и политическимъ вопросамъ того времени. Тотчасъ послѣ войны Вы снова были командированы за границу съ особымъ порученіемъ Государя къ Султану и прокламаціями Его Величества къ Болгарскому народу.

За бой на Аладжинскихъ высотахъ Вы были награждены орденомъ Св. Георгія, и имя Ваше въ третій разъ занесено на мраморную доску — Георгіевскихъ кавалеровъ. Въ воздаяніе же особыхъ услугъ, оказанныхъ Вами русской арміи въ эпоху

минувшей войны. Государь Императоръ Александръ II-й, въ день Своего рожденія 17-го апрѣля 1878 года, возвелъ Васъ въ званіе Генералъ-Адъютанта.

Въ 1881 году Вы были назначены Начальникомъ Главнаго Штаба и, исполняя эти обязанности 16-ть лѣтъ, стояли во главѣ всего корпуса офицеровъ Генерального Штаба, составляя его гордость, его силу и его славу.

Въ теченіе этого времени Вы были ближайшимъ и ревностнымъ сотрудникомъ Военного Министра Генералъ-Адъютанта Ванновскаго въ разработкѣ государственныхъ вопросовъ первостепенной важности, относящихся къ развитію системы резервовъ и государственного ополченія, къ устройству военно-конской повинности, къ мобилизаціи арміи, проведенію стратегическихъ путей, введенію крѣпостей, сосредоточенію войскъ на случай войны и вообще во всѣхъ вопросахъ, обнимающихъ систему обороны государства.

Управляя одной изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ отраслей Военного Министерства, Вы во всѣхъ дѣлахъ являлись первымъ мастеромъ, первымъ работникомъ, служа всѣмъ примеромъ самого честного и добросовѣстного исполненія долга. Всѣ близко къ Вамъ стоявшіе, за все время Вашего управления, могутъ засвидѣтельствовать, что Вы не только лучше, но и больше всѣхъ работали и при этомъ всегда съ полнымъ вниманіемъ и съ сердечнымъ участіемъ относились къ Вашимъ подчиненнымъ. Извѣстно, что для правителей нужны два условія: первое—умѣніе выбирать людей и второе,—не менѣе важное условіе, — умѣніе съ ними обращаться. Этому-то второму условію въ особенности удовлетворяли Вы какъ начальникъ и потому всегда пользовались не только заслуженнымъ уваженіемъ, но и общею любовью всѣхъ Вашихъ подчиненныхъ.

Современники три раза занесли имя Николая Николаевича Обручева на мраморныя доски въ числѣ наиболѣе отличившихся. Грядущее поколѣніе вѣроятно еще болѣе оцѣнитъ это имя и занесетъ его на страницы отечественной исторіи на-ряду съ наиболѣе выдающимися русскими дѣятелями нашего времени.

Въ ознаменованіе 50-ти-лѣтней службы Вашей въ офицерскихъ чинахъ, среди почитателей Вашей воинной, административной и ученой дѣятельности на пользу Русской арміи, возникло предположеніе собрать пѣкоторую сумму, дабы связать имя Ваше съ благотворительной цѣлью по ближайшему Вашему усмотрѣнію.

По представленію бывшаго Военного Министра, Генераль-

Адъютанта Ваниновскаго, въ 21-й день октября 1897 года послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе открыть добровольную подпиську среди чиновъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ Военно-Топографическомъ училищѣ и въ Фельдъегерскомъ Корпусѣ, а также состоящихъ или состоявшихъ въ Корпусахъ Генеральнаго Штаба и Военныхъ Топографовъ.

Нынѣ названные чины, собравъ свыше 12.000 рублей, просятъ Васъ принять ихъ на учрежденіе благотворительного капитала Вашего имени, съ горячими пожеланіями и задушевными поздравленіями по поводу исполнившагося 13-го сего іюня 50-ти-лѣтія службы Вашей въ офицерскихъ чинахъ.

*Генераль-Лейтенантъ Куропаткинъ.
 Генераль-отъ-Инфanterіи Павловъ.
 Генераль-отъ-Инфanterіи Даневиль.
 Генераль-отъ-Инфanterіи Анненковъ.
 Генераль-Адъютантъ Графъ Пратасовъ-Бахметевъ.
 Генераль-отъ-Инфanterіи Величко.
 Генераль-отъ-Инфanterіи Лееръ.
 Генераль-Лейтенантъ Сахаровъ.
 Генераль-Лейтенантъ Зайцовъ.
 Генераль-Лейтенантъ Лобко.
 Генераль-Лейтенантъ Дубровинъ.
 Генераль-Лейтенантъ Зыковъ.
 Генераль-Лейтенантъ Штубендорфъ.
 Генераль-Лейтенантъ Фельдманъ.
 Генераль-Лейтенантъ Ореусъ.
 Генераль-Лейтенантъ Стрѣльбицкій.
 Генераль-Лейтенантъ Жилинскій.
 Генераль-Лейтенантъ Глуховской.
 Генераль-Лейтенантъ А. Проценко.
 Генераль-Лейтенантъ Бильдерлингъ.
 Генераль-Лейтенантъ Лобко 2-й.
 Генераль-Лейтенантъ А. Боголюбовъ.
 Генераль-Лейтенантъ Беневскій.
 Генераль-Лейтенантъ Лачиновъ.
 Генераль-Лейтенантъ Головинъ.
 Генераль-Лейтенантъ Артамоновъ.
 Генераль-Лейтенантъ Цинеरъ.
 Генераль-Лейтенантъ Шарніорстъ.
 Генераль-Лейтенантъ Щербовъ-Нефедовичъ.*

*Генералъ-Лейтенантъ Соллогубъ
 Генералъ-Майоръ Петровъ.
 Генералъ-Майоръ Кублицкий.
 Генералъ-Майоръ Уссаковский.
 Генералъ-Майоръ Редищевъ.
 Генералъ-Майоръ Фроловъ.
 Генералъ-Майоръ Афанасьевъ.
 Генералъ-Майоръ Фонъ-Виттъ.
 Генералъ-Майоръ Путята.
 Протоиерей Григорий Словцовъ.
 Полковникъ Михневичъ.
 Полковникъ Макшеевъ.
 Полковникъ Золотаревъ.
 Статский Советникъ Перетерскій.*

13 Июня 1898 года.
 С.-Петербургъ.

Письмо графа Д. А. Милютина Н. Н. Обручеву.

Сименсъ. 20 июня 1881 года.

Съ истиннымъ удовольствиемъ увидѣлъ я въ газетахъ назначение Ваше на должность Начальника Главнаго Штаба, достойнейшій и глубокоуважаемый Николай Николаевичъ.

Меня радуетъ, что это важное мѣсто ¹⁾ будетъ занято человѣкомъ вполнѣ достойнымъ и способнымъ, который доказалъ на дѣлѣ, что ставить интересы службы выше всякихъ личныхъ интересовъ.

Радъ сердечно, что Вамъ отдали должную справедливость, вопреки очевидной противъ Васъ подпольной работы. Отъ всей души желаю Вамъ и впередъ успѣховъ какъ въ служебной дѣятельности, такъ и въ жизни.

Если могутъ Васъ интересовать свѣдѣнія о моемъ житьѣ-бытьѣ,—то могу Вамъ сказать, что я вполнѣ наслаждаюсь своимъ настоящимъ положенiemъ.

Послѣ довольно утомительного путешествія съ большой семьей, съ груднымъ ребенкомъ ²⁾ и нѣсколькими собаками,

¹⁾ Тогда еще не было раздѣленія Генерального Штаба и Главнаго Штаба, и начальникъ Главнаго Штаба вѣдалъ обоими Штабами.

Ped.

²⁾ Д. А. Милютинъ былъ дѣдушкой.

Ped.

мы добрались 15-го числа до своего тихаго пріюта и теперь благоденствуемъ въ полной мѣрѣ. Погода пока не важная, временамъ перепадаютъ дожди, а потому растительность роскошная, невольно вспоминаю съ состраданіемъ о тѣхъ близкихъ сердцу людяхъ, которые лишены возможности пользоваться такой прелестной погодой и такимъ душевнымъ спокойствиемъ. Пока мы все еще заняты первоначальными работами по водворенію, что продлится еще долго, въ ожиданіи прибытія отправленного изъ Петербурга разными путями имущества. Съ прибытіемъ транспортовъ начнется новая усиленная работа по домашнему устройству. Такимъ образомъ о какихъ-нибудь умственныхъ занятіяхъ не можетъ быть и рѣчи; даже на чтеніе остается мало времени. При многочисленномъ и разнородномъ составѣ семьи и не рѣдкихъ посѣтителяхъ — день проходитъ незамѣтно. Мы часто вспоминаемъ о радушныхъ проводахъ нашихъ петербургскихъ друзей и сердечно благодарны имъ за высказанное ими сочувствіе. Жена моя и дочери, узнавъ, что я пишу Вамъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, поручаютъ мнѣ передать Вамъ ихъ искренній, дружескій привѣтъ. При встрѣчѣ другихъ нашихъ воскресныхъ посѣтителей, пожалуйста, передайте также имъ нашу общую, сердечную благодарность за всѣ ихъ любезности и вниманіе.

Очень обязали бы насъ, еслибъ когда-нибудь улучили свободную минуту, чтобы сообщить намъ извѣстіе о себѣ и другихъ общихъ нашихъ пріятеляхъ, хотя знаю вполнѣ, какъ трудно Вамъ найти такую свободную минуту. Новое назначеніе Ваше не будетъ ли препятствіемъ къ необходимому для Васъ отдохновенію за границей?

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы препроводить къ Вамъ на усмотрѣніе и распоряженіе полученное мною здѣсь письмо полковника Генеральнаго Штаба Маціевскаго. Генераль Махотинъ ¹⁾ доложить Вамъ подробности его дѣла. Сколько мнѣ помнится, мы съ графомъ Федоромъ Логгиновичемъ ²⁾ дѣйствительно считали возможнымъ возстановить пошатнувшуюся репутацію этого офицера, предоставленіемъ ему снова должности

¹⁾ Главный Начальникъ Военно-учебныхъ заведеній.

Ред.

²⁾ Гр. Фед. Лог. Гейденъ былъ Начальникомъ Главнаго Штаба.

Ред.

полковаго командаира¹⁾). Рѣшеніе этого вопроса будетъ зависѣть отъ Вашего взгляда на обстоятельства его дѣла.

Будьте здоровы и счастливы, дорогой Николай Николаевичъ, сохраните навсегда ваше дружеское расположеніе и вѣрьте неизмѣннымъ чувствамъ душевно Вамъ преданнаго

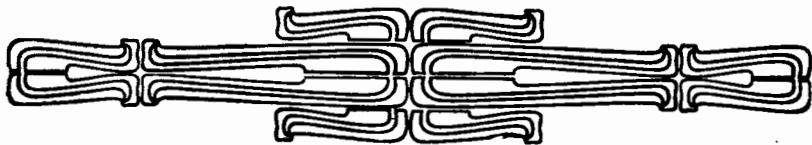
Д. Милютина.

---

¹⁾ Полковникъ Маціевскій, будучи въ штабѣ 9-го корпуса и исправляя по временамъ должность начальника штаба корпуса, сильно неладилъ съ командромъ корпуса Генераломъ барономъ Криденеромъ. Впослѣдствіи полковникъ Маціевскій былъ назначенъ командромъ Самогитскаго полка и закончилъ свою службу помощникомъ команд. войска туркестан. воен. окр.

Ped.

Лирика Е. А. Боратынского¹⁾.

Второй периодъ дѣятельности Боратынского-лирика тѣсно связанъ съ первымъ не только общностью нѣкоторыхъ основныхъ мотивовъ и преемственностью, но и тѣмъ, что второй циклъ творчества охватываетъ собою и первый, подвергая его переработкѣ въ отношеніи какъ формы, такъ и содержанія. Сравнительно небольшое количество стихотвореній, относящихся къ периоду 1827—1835 гг., далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ размѣрамъ поэтической работы Боратынского, очень продуктивной въ это время: поэтъ замыкался въ себя и творилъ для немногочисленного кружка людей. „какъ онъ уединенныхъ въ свѣтѣ“, и многое изъ написанного имъ въ этотъ периодъ осталось для насъ неизвѣстнымъ и, повидимому, безслѣдно пропало; еще большая часть поэтической работы уходила на исправленіе старыхъ стихотвореній, и это исправленіе указываетъ на характерныя особенности Боратынского во второмъ periodѣ его литературной дѣятельности. Указаныя особенности второго периода значительно осложняютъ задачу изслѣдователя, создавая трудности въ опредѣленіи объема поэтической мысли и ея выраженій въ 1827—1835 гг., но облегчаютъ работу въ выясненіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ лирикѣ Боратынского за данный периодъ.

Въ 30-хъ годахъ Боратынскому казалось, что „время индивидуальной поэзіи прошло, другой еще не созрѣло“, но въ дѣйствительности индивидуальная поэзія только-только вступала въ настоящую фазу своего развитія, и однимъ изъ наиболѣе яркихъ поетовъ-индивидуалистовъ является именно въ это время (а также и въ третій периодъ—въ 1835—1842 гг.) самъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1914 г.

Боратынскій. Поэтъ особенно часто задумывается о поэзіи, ея назначеніи и средствахъ выраженія, и приходитъ къ выводу, что „на свѣтѣ нѣть ничего дѣлнѣе поэзіи“; въ разрѣзѣ съ этимъ положеніемъ шло слагавшееся въ немъ убѣжденіе объ индивидуальной поэзіи, время которой прошло, и онъ порой готовъ былъ отказаться отъ своей поэзіи и говорилъ:

Все проходитъ. Остываю
Я и къ гармонии стиховъ:
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Но не переставалъ поэтъ искать созвучныхъ словъ и новыхъ формъ, и въ это время, въ началѣ 30-хъ годовъ, его муга окончательно принимаетъ черты „необщаго выраженія“, отказываясь и освобождаясь отъ всѣхъ условностей, подъ влияниемъ которыхъ образовался поэтическій обликъ Боратынского въ 20-хъ годахъ.

Поэтическія условности способствовали развитию техники и учили поэтическимъ формамъ Боратынского, но въ то же время сковывали поэта застывшими рамками и стѣсняли выраженіе и развитіе индивидуальной, своей особенной лирической мысли. Въ 30-хъ годахъ работа Боратынского падъ старыми стихотвореніями идетъ въ новомъ направленіи: въ отрѣшеніи отъ условностей, въ исключеніи цѣлыхъ отдѣловъ съ слишкомъ „общимъ выраженьемъ“.

Въ связи съ новыми пріемами и требованіями, предъявлявшимися имъ къ стихотвореніямъ, Боратынскій стилизуетъ также и форму, доводя ее въ лаконизмъ до послѣдней степени сжатости, порою даже въ ущербъ ясности.

Разъ, въ частномъ разговорѣ, на вопросъ: что такое поэзія,— Боратынскій, любившій выражаться афоризмами (какъ о томъ свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій), отвѣчалъ: поэзія есть полное ощущеніе данной минуты.

Такое опредѣленіе поэзіи какъ нельзя болѣе подходитъ къ стихотвореніямъ Боратынского второго периода, сильнымъ лиризмомъ и какою-то особенной сосредоточенностью и выщукостью изображенія. Трудно классифицировать лирическія произведения 1827—1835 гг., представляющія выраженія лирической мысли въ свободной формѣ; можно, пожалуй, выдѣлить особый видъ небольшихъ стихотвореній, известныхъ подъ названіемъ антологическихъ (такъ называлъ ихъ самъ поэтъ), какъ особенно часто встрѣчающейся въ это время и наиболѣе

любимый поэтомъ. Къ такимъ антологическимъ стихотвореніямъ относятся, напримѣръ, „Муза“, „Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ“, „Не подражай: своеобразенъ гений“, „Чудный градъ порой сольется“, „Небо Италии, небо Торквата“ и т. д. Выписываемъ одно изъ такихъ стихотвореній, какъ образецъ выраженія въ сжатой формѣ глубокой и своеобразной мысли:

Старателю мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старателю людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть упovаемъ:
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что, паконецъ, подсмотрять очи зорки?
Что, паконецъ, пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ?
Что?—точный смыслъ народной поговорки.

Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Боратынскаго афористической стиль достигаетъ своего высшаго развитія и яркой выразительности: въ десяткѣ—другомъ стихотвореній заключено столько мыслей, выраженныхъ художественными афоризмами, что ими приобрѣтаетъ Боратынскій право на имя поэта-мыслителя, поэта мысли.

Постоянныя заботы о возможной сжатости, художественно-афористический стиль являются одними изъ наиболѣе яркихъ особенностей „необщаго выраженій музы поэта, выработавшаго свой особый, поразительно мѣткій языкъ, въ которомъ порой экономія словъ затемняетъ ясность смысла и заставляетъ разгадывать загадку, заданную поэтомъ сжатою фразой съ неестественнай разстановкой словъ“¹⁾.

На-ряду съ небольшими по размѣрамъ стихотвореніями—передачи полнаго ощущенія извѣстной минуты — мы находимъ во второмъ періодѣ и большія стихотворенія, въ которыхъ поэтъ развиваетъ свободно и широко свою мысль въ художественно значительныхъ и законченныхъ картинахъ. Изъ такихъ стихотвореній обращаютъ на себя особенное вниманіе „Послѣдняя Смерть“, торжественный гимнъ своей родинѣ—„Мара“, ода къ

¹⁾ Валерій Брюсовъ справедливо, какъ намъ кажется, указалъ на причудливое расположение словъ, какъ на излюбленную Боратынскимъ особенность его стиля, и приводить примѣръ такого стиля: „Преразсудокъ—онъ обломокъ древней правды, храмъ упалъ, но руинъ его потомъ языка не разгадалъ“. Такихъ примѣровъ съ запутанной разстановкой словъ изъ стихотвореній Боратынскаго можно привести какое угодно количество.

„Смерти“, ода „На смерть Гёте“ и элегія „Запустѣніе“ (такія стихотворенія, какъ „Смерть Багговута“, стоять настолько особнякомъ въ творчествѣ поэта, что возбуждаютъ сомнѣнія въ авторствѣ Боратынского). Всѣ указанныя стихотворенія отличаются, помимо глубины и значительности мысли, поразительной точностью и отчетливостью рисунка, богатствомъ красокъ, смѣлостью образовъ и необыкновенной энергіей стиха. Такова, напримѣръ, торжественно-мрачная картина въ „Послѣдней Смерти“:

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Явилася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ?... Сокрылися въ гробахъ.
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города;
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье,—
Миѳ слышалось ихъ гладное блеанье.
И тишина глубокая вослѣдъ
Задумчиво повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачила:
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дnia взошло;
Но на землѣ ничто сго восходу
Произнести привѣта не могло...
Одинъ туманъ надъ ней, синѣя, вился
И жертвою чистительной дымился.

(„Послѣдняя Смерть“, 1827).

Особенно художественно - символической значительности достигаетъ картиность Боратынского въ его одѣ „На смерть Гёте“ (1832). Отличительной особенностью, лично Боратынскому принадлежащей, является въ такихъ стихотвореніяхъ его, какъ напримѣръ, „На смерть Гёте“ или „Смерть“ (1828), художественная ясность, конкретность и яркость образовъ, которыми поэтъ передаетъ порой самыя отвлеченные понятія. Этотъ

смѣлый символизмъ образовъ, посредствомъ конкретнаго передающей отвлеченнное, приступаетъ вполнѣ ясно въ самомъ началѣ второго періода, и въ 1828 году мы находимъ такой ясный, смѣлый образъ смерти:

Непонимаемая свѣтомъ,
Рисуешься въ его глазахъ
Ты отвратительныи скелетомъ
Съ косой уродливой въ рукахъ.

Ты дочь верховнаго Энира,
Ты свѣтозарная краса:
Въ рукѣ твоей оливы мира,
А не губящая коса...

И ты летаешь надъ созданьемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И прохладжающимъ дыханьемъ
Смирия буйство бытія...

Ты предстаешь, святая дѣва!
И съ остывающихъ ланитъ
Бѣгутъ мгновенно пятна гиѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

И краски жизни беспокойной,
Съ ихъ невоздержной пестротой,
Вдругъ замѣняются пристойной,
Однообразной бѣлизной.

Дружится кроткою тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье,
Условье смутныхъ нашихъ дней:
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Такою же пластичностью и конкретностью отличается и „непонятное“ божество—Камена Языкова, у которой:

Во взорахъ пламень вдохновенія,
Огонь восторга на щекахъ,
Былъ жаръ хмѣльной въ ея глазахъ

ЛИРИКА Е. А. БОРАТЫНСКАГО.

Или румянецъ вожделѣнья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобаетъ:
Лишь для любовника она
Нарядъ Мэнады надѣваетъ...

(„Языкову“, 1831).

Въ числѣ особенностей техники Боратынского, характерныхъ для всего творчества, но, быть можетъ, наиболѣе ярко выразившихся во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности, отмѣтимъ частое смежное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ или словъ съ одинаковыми корнями, — приемъ, которымъ поэтъ усиливаетъ, подчеркиваетъ какой-нибудь штрихъ въ образѣ и тѣмъ достигаетъ большей выразительности и особенной гармониіи, напримѣръ:

И кто не довѣрится
Сияю ихъ чистому,
Эѳирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?..
Одѣлася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго! („Лазурныя очи“, 1830).
Звучить лирическая младость
Въ твоихъ лирическихъ грѣхахъ. („М. М. Языкову“
1831).

На все отзывался онъ *сердцемъ* своимъ,
Что просить у *сердца* отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ *безпредѣльномъ* нашелъ ей *предѣлъ*...
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все *должное долу* отдавшій... („На смерть Гете“,
1832).

Что жъ? пусть *минувшее минуло* сномъ летучимъ!
(„Запустѣніе“, 1833—1834).

Въ первомъ періодѣ Боратынский рѣдко пользуется разнообразными размѣрами, предпочитая столь распространенный четырехстопный ямбъ, изрѣдка соединяя его съ двухстопнымъ или трехстопнымъ; рѣдко вводить Боратынский другіе размѣры (хорей и амфибрахій — больше какъ исключенія) и только для

посланий пользуется „извилистымъ, проворнымъ, длиннымъ, склизкимъ“ александрийскимъ стихомъ, который, кстати сказать, звучитъ у поэта далеко непроворнымъ и отличается некоторою тяжеловѣсностью.

Въ 1830 году Пушкину надоѣлъ четырехстопный ямбъ, и онъ находилъ, что его пора оставить „мальчикамъ въ забаву“; приблизительно въ это же время начинаетъ и Боратынский разнообразить свою ритмическую рѣчь новыми размѣрами и новою сложною строфичностью, и даже александрийскій стихъ, пріобрѣтя живость, становится неузнаваемымъ. Слѣдуетъ отмѣтить довольно частое употребленіе пятистопнаго ямба, а также граціозное движеніе и живость короткихъ стиховъ, въ которыхъ Боратынский какъ бы играетъ пѣонами.

Таковы, напримѣръ, ямбические пѣоны въ стихотвореніи „Гдѣ сладкій шопотъ“, въ которомъ они способствуютъ передачѣ шопота лѣсовъ:

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы,
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы...

Вспомнимъ также двухстопные амфибрахіи въ „Лазурныхъ очахъ“ съ наклонностью къ пѣонамъ, чтѣ придаетъ особенную плавность стилю и оттѣняетъ мысль поэта:

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными:
О, въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣтится!
И если прекрасная
Съ любовью томною
На миломъ поконить ихъ.
Онъ мирно блаженствуетъ;
Вовѣкъ не смутить его
Сомнѣнья мятежное.
И кто не довѣрится
Сиянию ихъ чистому,
Эѳирной ихъ прелести,

Небесной души ея
Небесному знаменью?..

Силу, значительность ритма, какъ могучаго орудія поэта, Боратынскій прекрасно сознавалъ и въ этомъ отношеніи не переставалъ работать, совершаю музикальную форму своихъ произведеній и доводя ритмическую выразительность до такой степени силы, какую она имѣеть въ его „Послѣднемъ Поэтѣ“— въ чередованіи строфъ пятистопныхъ ямбовъ со строфами четырехстопныхъ хореевъ:

Вѣкъ существуетъ путемъ своимъ жѣлѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыдицѣ залята.
Печезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи младенческие сны,
И не о пей хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Одлада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
Въ ней опять цвѣтуть науки,
Дышить роскошь, блещетъ вкусъ;
Но не слышины лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ музъ!

Языкъ и тонъ стихотвореній Боратынского значительно отличается отъ поэтическаго языка Пушкина и современной ему эпохи какъ употребленіемъ церковно-славянизмовъ, къ которымъ Боратынскій прибѣгаетъ довольно часто, такъ и нѣкоторой экзотичностью словъ и выраженій, экзотичностью, особенно привившейся поэту.

И въ языкѣ Боратынского мало слѣдовалъ „за свой вѣкъ увлекающимъ геніемъ“ и, какъ бы въ противовѣсь ему, создалъ свой собственный, оригинальный своей изысканностью, но часто непонятный въ морфологическихъ и синтаксическихъ образованияхъ. Особенно любилъ поэтъ малоупотребительныя слова въ риѳмахъ, что придавало какъ будто особенный оттенокъ его риѳмѣ неожиданнымъ поворотомъ:

Имъ бессмертье я привѣчу...
И душѣ моей навстрѣчу („Своенправное прозванье“, 1833—1834).

Не въ дни веселыя живительного мая,
Когда, зелеными вѣтвями помавая... („Запустѣніе“,
1833—1834) и т. д.

На измѣнчивой землѣ...
Однакія крилѣ.

На - ряду съ церковно-славянизмами, Боратынскій такъ же широко пользуется и архаизмами, или же неологизмами, болѣе похожими на архаизмы по своему образованію. И этотъ изысканный, своеобразный языкъ, имѣющій дѣйствительно „необщее выраженіе“, поэтъ вырабатывалъ сознательно и дорожилъ имъ, какъ своею собственностью: такъ сильна была у Боратынского ненависть къ подражанію и къ подражателямъ, что и въ этомъ отношеніи онъ сознательно шелъ своимъ независимымъ путемъ.

Идейное содержаніе стихотвореній Боратынского во второмъ періодѣ значительно расширяется, исходя изъ того круга, въ которомъ оно вращалось въ 20-хъ годахъ. Условное, заимствованное отпадаетъ, но остаются въ полной силѣ основныя мысли, и, быть можетъ, ни въ одномъ изъ произведеній Боратынского не высказалась такъ ярко и сосредоточено пессимистическая проповѣдь детерминизма, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи 1834 года:

Къ чemu невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ, гдѣ возросла,
Невластная сойти; небесныя свѣтила
Назначенными путемъ невѣдомая сила
Влечеть; бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
Мятежныя мечты смиrimъ иль позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребиемъ своимъ,—
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
Безумецъ! не она-ль, не вышня-ли воля
Даруетъ страсти намъ?..
О, тягостна для насъ...
Жизнь, въ сердцѣ бывающая могучею волною
И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

И эта исповѣдь детерминизма принимаетъ въ второмъ періодѣ еще болѣе мрачный характеръ трагического разлада разума,

внушающаго „разумнымъ рабамъ“ покорно согласить „свои желанія со жребіемъ своимъ“, и чувства, не могущаго примириться съ узкими гранями, въ которыя судьба втѣснила могучія волны жизни. Въ связи съ такой мрачной теоріей о подчиненности человѣка міру явленій и слѣпому несправедливому року, Боратынскій привѣтствуетъ „разрѣщеніе всѣхъ загадокъ и цѣпей“—освободительницу смерть, замѣняющую невоздержную нестроту красокъ безпокойной жизни „однообразной бѣлизной“, и называетъ смерть „дочерью верховнаго Эѳира“ и „свѣтозарной красой“.

Снова поэтъ устремляется за истиной и счастьемъ — и снова не находитъ счастья, а голосъ истины кажется ему тѣмъ могильнымъ голосомъ, который произнесъ бы черепъ, если бы стократно-благой законъ не запечатлѣлъ ему уста молчаньемъ. Въ 30-хъ годахъ Боратынскому иногда казалось, что онъ нашелъ истинное въ прекрасномъ („прекрасное—истинно“—говорилъ поэтъ) и, подобно тому, какъ въ первомъ періодѣ онъ находилъ успокoisніе въ области свободного творчества,—развивая эти мысли въ второмъ періодѣ, онъ думаетъ найти и истинное счастье въ области творчества, какъ въ единственной свободной области, не подверженной законамъ слѣпого рока. И поэтъ уходитъ въ этотъ свѣтлый, прекрасный, истинный и свободный міръ и говоритъ:

Боящій духъ врачуєтъ пѣснопѣніе,
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая
И миръ отдасть причастницѣ своей. (1833—1834).

И въ стихотвореніи, обращенномъ къ „А. А. Ф...офф“, поэтъ рисуетъ свободный міръ творчества:

Сей міръ свободного мечтанья,
Въ который входитъ лишь поэтъ,
Гдѣ исполненія находятъ всѣ желанья,
Гдѣ сладки самыя страданья,
И идти обмановъ сердцу ныть. (1833—1834).

Освобожденный отъ порывовъ страстей, поэтъ узрѣлъ огромный очеркъ поэтическаго міра

И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ. („Въ дни безграницыхъ
увлеченій“, 1831).

Вследствіе того, что поэтъ нашелъ міръ, въ которомъ „обмановъ сердцу нѣтъ“, мрачные и скорбные напѣвы его музы являются не исключительными въ это время. Въ мірѣ явленій царить „свобода глупости и зла“, но онъ спасается отъ этого міра на чудесномъ коврикѣ-самолетѣ

И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы,
Въ чертоги дивной Царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнья грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель. („Бѣсенокъ“, 1828).

Но слишкомъ всевластна „посторонняя суета“, и, врывааясь въ поэтический міръ, суета разрушаетъ его:

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты. (1829).

И снова грусть охватываетъ поэта, вызывая сомнѣнія въ мгновенныхъ созданіяхъ поэтической мечты, и прекрасное, казавшееся ему истиннымъ, свободное творчество въ искусствѣ представляется ему всего на всѣго „игрой златой“, и поэтъ почти отказывается отъ творчества, говоря:

Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармониѣ стиховъ—
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ. („Бывало,
отрокъ звонкимъ кликомъ“, 1831).

Этотъ мотивъ о значеніи искусства въ жизни, о язначеніи искусства и свободного міра „свободнаго мечтанья“ поэта про-

ходить черезъ все творчество Боратынского, начинаясь въ первыхъ его лирическихъ произведеніяхъ и пріобрѣтая наибольшую яркость и остроту въ послѣднемъ періодѣ творчества.

Отмѣтимъ во второмъ періодѣ творчества Боратынского также нѣкоторые мотивы, только намѣчающіеся, но не получившіе настоящаго, полнаго выраженія.

Къ такимъ мотивамъ относится „омраченіе болѣзненнѣй души“ поэта, тщетно порывающагося къ разрѣшенію отъ опутавшихъ его сѣтей:

Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ его мертвящій,
Отыдеть, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?...
Вотще! Я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкій даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла. („Когда исчезнетъ
омраченіе“, 1833—1834).

Быть можетъ, въ связи съ этой „роковой думой“ находится обращеніе поэта къ дѣтскимъ годамъ („Есть милая страна, есть уголъ на землѣ“, элегія Запустѣніе), къ тому времени, когда онъ не былъ „омраченъ виномъ“ и не приходилось убѣгать отъ „противнаго лица незаконнаго наперсника“. Видимо, какая-то „роковая дума“ тревожитъ поэта, и въ неясной, но живо ощущаемой тревогѣ духа заключается, быть можетъ, причина его обращенія къ религіи. Въ „омраченной душѣ“ нѣть покоя, и чадный демонъ своимъ мертвящимъ сномъ разрушаетъ царство истиннаго и прекраснаго:

Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пени?
Увижу-ль снова ваши сѣни,
Сады поэзіи святой?
Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
Вотще!.. („Когда исчезнетъ омраченіе“, 1833—
1834).

И поэту начинаетъ брежжитъ новый путь—путь смиренія передъ оправданнымъ Промысломъ, и въ начатой поэмѣ „Вѣра и Невѣrie“ (1830) онъ говоритъ, что „въ смиреніи сердца надо вѣрить и терпѣливо ждать конца“, и что

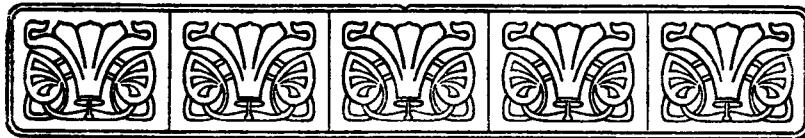
Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
 Сияетъ день незаходимый,
 И оправдается незримый
 Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Эта тревога въ „изслѣдованіи премудрости вышняго Творца“, эта мѣра и опѣнка земной жизни только намѣчается во второмъ періодѣ: „роковымъ думамъ“ поэта суждено было выразиться наиболѣе законченно въ третьемъ періодѣ, въ періодѣ „Сумерекъ“.

М. Гофманъ.

(*Окончаніе смыдаются*).

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава VIII ^{1).}

Трудно, говорить Стэдъ, отде́лить воспоминанія Ольги Алексѣевны Новиковой отъ моихъ собственныхъ, такъ какъ мы единодушно стремились удалить всѣ недоразумѣнія, мѣшавшія дружескому соглашенію между русскими и англичанами. Это особенно ярко замѣчается въ 1888 году, когда по приглашенію г-жи Новиковой, я пріѣхалъ въ Россію, быль лично представленъ Государю и государственнымъ дѣятелямъ, политики которыхъ я много лѣть былъ адвокатомъ motto proprigia въ англійской прессѣ. Стэдъ говоритъ: обѣ этомъ посѣщеніи Россіи у меня съ нею было не мало разговоровъ.

„Со времени подписанія Берлинского трактата, я сталъ издавать Шэлъ Мелъ Газетъ, говорить Стэдъ и въ особенности послѣ 1885 г., необходимость знакомства съ вершителями русской политики стала мнѣ очевидна. Никто мнѣ не давалъ никакихъ свѣдѣній о Россіи, кромѣ г-жи Новиковой.

„Въ 1885 г. Императорскій домъ сталъ подписываться на Шэлъ Мелъ Газету, но до 1888 г. я не имѣлъ счастья говорить, съ глазу на глазъ, съ моимъ Царственнымъ подписанчикомъ. И подписанской и представлениемъ Его Величеству обязанъ былъ я опять таки г-же Новиковой. Можно себѣ представить ея негодованіе, когда, по пріѣздѣ въ Берлинъ, она увидѣла въ рекомендованной ею газетѣ, что я, съ 6 июля, печатаю серію статей, названныхъ мною

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

„Дань Новому Бавилону“, которая подъ именемъ „*Les Scandales de Londres*“ произвѣли большую сенсацію въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Г-жа Новикова ничего не знала объ этихъ публикаціяхъ и пришла въ ужасъ при мысли о впечатлѣніи, которое произведутъ, въ Царскомъ Селѣ, первые номера Шэль Мель Газеты. Къ счастью, Русская Императорская фамилія согласилась съ королевой Викторіей въ признаніи необходимости изобличать порокъ, и вмѣсто вреда мнѣ эти статьи послужили на пользу.

„Но серіозные переговоры о посѣщеніи Россіи начались только въ 1887 г., говорить Стэдъ. Въ это время трудно было сказать, гдѣ будетъ находиться Государь. Существовало, вдобавокъ, общее недоумѣніе, можетъ ли согласиться Монархъ принять журналиста“? Г-жа Новикова сначала не встрѣчала ободряющихъ отвѣтовъ, именно со стороны англійского посла.

„Въ 1888 г. положеніе Европы стало болѣе угрожающимъ. Появился генералъ Буланже, и распространілось мнѣніе, что годъ не кончится безъ общей войны; неопредѣленнымъ дѣятелемъ была личность русскаго Императора. Трудно повѣрить теперь, но дѣйствительно общее мнѣніе тогда было, что Александръ III представляетъ величайшую опасность для европейскаго мира. Наша печать изливалась въ клеветѣ, продолжаетъ Стэдъ.

„Я писалъ г-жѣ Новикову, что теперь именно я долженъ бы видѣть Государя, составить мнѣніе о его характерѣ и политикѣ. Но сдѣлать это было не легко. Дѣйствительно: Императоръ никогда не принималъ журналистовъ, и время въ Россіи было не спокойное.

10-го іюня 1887 г. г-жа Новикова мнѣ писала:

„Невѣроятно трудно, особенно теперь, устроить какое бы то ни было свиданіе для васъ съ Государемъ. Планы путешествій Императора составляютъ государственную тайну; предполагаются нѣсколько поѣздокъ, но если вы спросите Гирса когда и куда они направятся, онъ корчитъ самую уморительную фигуру; когда я говорю о васъ, указывая на вашу всегдашнюю поддержку Россіи, мнѣ отвѣчаютъ: „Ah oui, c'est très vrai, il a été très courageux et très impartial“¹⁾.

Однако г-жа Новикова взялась за невозможное и съ помощью своего брата, генерала Кирѣева, адъютанта В. К. Константина Николаевича, Побѣдоносцева и Рихтера, она добилась разрѣшенія Государя, къ удивленію англійского посла, который

¹⁾) „Ахъ, да, это правда. Онъ былъ очень смѣль и безпристрастенъ“.

вообразилъ, что всякое представлениe непремѣнно должно идти дипломатическимъ путемъ.

„Къ чему его вмѣшательство? спрашивалъ удивленный Стѣдъ, вовсе не знакомый съ придворнымъ этикетомъ; я помоши у него не просилъ. Почему не дать г-жѣ Новиковой сдѣлать это для меня? Я не знаю, что происходило между Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ и Петербургскимъ посольствомъ, но дня черезъ два я получилъ пріятное извѣстіе, что препятствія устранены и что Государь меня милостиво приметъ. Прежде чѣмъ уѣхать изъ Лондона, я видѣлъ Гладстона и большую часть нашихъ вліятельныхъ государственныхъ людей. Въ Парижѣ интервьюировалъ Буланже, Клемансо, Флоке, Гобле. Въ Бельгіи провелъ день съ Лавелей, въ Берлинѣ Бисмаркъ отказался меня принять, извиняясь передъ своимъ пріятелемъ, давшимъ мнѣ рекомендательное письмо, тѣмъ предлогомъ, что я очень опасный человѣкъ. Я видѣлъ доктора сэра Морель Макензи въ комнатѣ смежной съ той, въ которой умиралъ Императоръ Фридрихъ, и въ Берлинскомъ Русскомъ посольствѣ видѣлъ посланника Муравьевъ, котораго я встрѣтилъ, черезъ десять лѣтъ, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Я приѣхалъ въ Петербургъ наканунѣ Пасхи и присутствовалъ на ночномъ богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ.

„По приѣздѣ въ Европейскую гостиницу, я узналъ о вмѣшательствѣ посла въ мои хлопоты о представлениі Государю. Я никогда не видѣлъ сэра Роберта Моріе до этого, но онъ зналъ Пэль Мелъ Газету и даже писалъ Ольгѣ Алексѣевѣ въ 1886 г. слѣд.:

„Очень благодаренъ за Пэль Мелъ, я самъ ее получаю какъ необходимый ежедневный показатель температуры сумасшедшаго дома, въ какой обращено мое отечество“.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ человѣкъ сильного, пылкаго характера, онъ ненавидѣлъ home rule больше даже, чѣмъ ненавидѣлъ Бисмарка.

„Извѣстіе, что издатель органа „Home rule“ будетъ принятъ Императоромъ, было для сэра Роберта Моріе настоящимъ ударомъ.

„Это представлениe нѣ состоится“, воскликнулъ самъ Стѣдъ. Согласно этикету посолъ не имѣть права представить иностранному монарху кого бы то ни было, кто не былъ представленъ своему Государю. Я никогда не былъ при дворѣ и не имѣлъ намѣренія пользоваться услугами сэра Роберта Моріе. Чувствуя, что онъ намѣренъ испортить свиданіе, которому я

придавалъ такое огромное значеніе, я не поѣхалъ къ нему, а только послалъ ему брошюру, которую Лавелей просилъ ему передать. Къ великому моему удивленію, сэръ Робертъ Моріе пригласилъ меня обѣдать у него, и послѣ свиданія всегда я пользовался дружескимъ отношеніемъ ко мнѣ одного изъ спо-сѣбѣйшихъ, если не величайшаго дипломата Англіи".

„Генералъ Кирѣевъ представилъ меня Гирсу, тогдашнему министру Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Г-жа Новикова представила Побѣдоносцеву, генералу Игнатьеву и многимъ другимъ. Было извѣстно, что я буду представленъ Государю, но о днѣ и о часѣ никто ничего сказать не могъ. Моріе, сначала враждебно относившійся къ представленію, сталъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждать, чтобы оно состоялось. О приемѣ или не приемѣ меня разсуждали такъ живо, какъ будто онъ имѣлъ дипломатическую важность. „Нѣтъ ни одного посла въ Петербургѣ, который не писалъ бы своему Министерству, на этой недѣлѣ, о возможности или невозможности приема“, говорилъ Моріе.

„Но я былъ принятъ Императоромъ, и онъ разсуждалъ со мной обѣ иностранной политикѣ Россіи, отъ Японіи до Берлина. Я очень былъ гордъ, слыша завистливая восклицанія:

„Виданое ли это дѣло? Это все г-жа Новикова. О, эти дамы, чего только онѣ не могутъ сдѣлать?“ говорили разные дипломаты.

„Свиданіе было въ Гатчинскомъ дворцѣ.

„Генералъ Рихтеръ, представивъ меня, удалился, я остался лицомъ къ лицу съ Императоромъ.

„Началь я говорить съ полной искренностью, что вмѣсто того, чтобы сидѣть въ присутствіи Его Величества, мнѣ слѣдовало бы пасть къ его ногамъ и униженно выразить свой стыдъ и огорченіе, по поводу несчастій, причиненныхъ Англіей Россіи, въ правленіе Биконсфильда. Мнѣ кажется, что пылкая искренность моихъ словъ тронула Александра III. Онъ сталъ говорить, нѣсколько медленно, но такъ чтобы дать мнѣ возможность отвѣтить, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться. Онъ изорилъ о г-же Новиковой, хвалилъ ея прекрасныя статьи въ Съверномъ Эхо и позднѣе въ Цѣль Мелъ Газетѣ и отнесся съ большими благоволеніемъ къ моему участію въ ея дѣятельности. Я отвѣтилъ, что былъ счастливъ загладить, насколько было это въ силахъ одного человѣка, зло, сдѣланное Биконсфильдомъ Россіи. Я сказалъ, что благодаря моей горячей защитѣ Россіи, на меня стали смотрѣть, какъ на неофиціального ея представителя

Я имъ не былъ, но такое общественное мнѣніе можетъ мнѣ сдѣлать большой вредъ въ будущемъ. „Какъ?“—спросилъ Государь. „Такимъ образомъ“, отвѣтилъ я. Предположимъ, что возникъ споръ, грозящій добрымъ отношеніямъ двухъ имперій, я думаю, что Англія должна бы сдѣлать нѣкоторыя уступки, которыя удовлетворили бы Россію.

„Императоръ улыбнулся и спросилъ: „Что бы Вы желали знать?“

„Я бы желалъ знать, ежели Ваше Величество позволить мнѣ высказаться, какая политика намѣчена Вами, во всякомъ вопросѣ, касающемся возможнаго столкновенія между Россіей и Англіей?

„Безъ всякаго колебанія“ Императоръ отвѣтилъ:

„Спрашивайте, что именно вамъ нужно знать, и я отвѣчу“.

„Я началъ съ Дальніаго Востока. Каковы отношенія Россіи съ Японіей и Китаемъ?—Государь отвѣтилъ просто, безъ фразъ и категорически.

„Затѣмъ я коснулся Средней Азії, Афганиста, Персіи и по томъ Близкнаго Востока, во всѣхъ его видахъ. Я спрашивалъ особенно о будущности Константинополя и о политическихъ видахъ Болгаріи. На все мои вопросы я получилъ ясные отвѣты, безъ колебанія. Онъ какъ будто затруднился при моемъ вопросѣ, согласилась ли бы Россія, въ случаѣ если возникли бы извѣстныя обстоятельства, на занятіе Галіполи Англичанами?“ Зачѣмъ разсуждать о такой далекой случайности, сказалъ онъ.

„Потому“, отвѣтилъ я, что случайность можетъ явиться, когда я не буду въ состояніи спросить у Васъ, чего Вы желаете, а теперь, по крайней мѣрѣ, Вы можете мнѣ сказать, что по Вашему возможно, и что очевидно невозможно. Императоръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Потомъ говорили о Кобургахъ, о принцѣ Фердинандѣ и о положеніи на Балканахъ.

„Окончивъ вопросы, я смущился, вспомнивъ о часѣ Царскаго завтрака. Я посмотрѣлъ на часы.

„Разговоръ продолжался около трехъ четвертей часа. Я поблагодарилъ Императора за его милостивое вниманіе и сказалъ что не смѣю дольше отнимать у него время. Улыбка и нѣкоторое удивленіе на лицѣ Государя, въ то время, какъ онъ поднялся съ своего мѣста, дали мнѣ почувствовать, какой я оселъ. Не мнѣ было прекращать аудіенцію, а самому Монарху. Продолжай я говорить, я бы могъ воспользоваться еще полчасомъ; теперь было поздно. Государь подошелъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, чтобы я просилъ Гирса давать мнѣ свѣдѣнія въ

будущемъ. Глядя на мужественные добрыя черты Александра III, я не удержался ему сказать:

„Когда я вспоминаю всѣ навѣты и дерзости нашей печати, я не могу не чувствовать, что было бы естественно, если бы Ваше Величество потеряли терпѣніе. А если бы Ваше Величество его потеряли, полмилліона людей было бы въ кровавой могилѣ.

„Не бойтесь, отвѣчалъ онъ серьезно, я не потеряю терпѣнія. Войны не будетъ. Я ручаюсь за миръ. Если Англія, Россія и Германія будутъ единодушны, миръ всего свѣта обеспеченъ“.

„Я никогда больше не видѣлъ Александра III, но каждое его слово, сказанное мнѣ, при этомъ памятномъ случаѣ, оправдалось на дѣлѣ во все времена царствованія.

„Послѣ моего одинокаго завтрака, генералъ Рихтеръ привезъ меня обратно въ Петербургъ; это былъ самый вѣжливый и любезный компаніонъ; онъ удивлялся небывалой продолжительности пріема, но когда я ему сказалъ случайно, что я разсуждалъ съ Государемъ о Константинополѣ и проливахъ, удивленію его не было конца.

„Тотчасъ по пріѣздѣ къ себѣ въ гостиницу я побѣхалъ къ г-жѣ Новиковой, которая была, конечно, довольна такимъ успѣхомъ. Отъ нея я поспѣшилъ въ Англійское посольство, где я засталъ сэръ Роберта Моріе, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ сообщенія всѣхъ подробностей разговора.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ вполнѣ государственный человѣкъ, а не лишь чиновникомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Когда я кончилъ свой разсказъ, онъ сказалъ:

„Вы касались всего мира, за исключеніемъ Египта.

„Я не хотѣлъ касаться этого вопроса, наше положеніе въ Египтѣ должно, я думаю, считаться совершившимся фактомъ.

„Спустя нѣсколько дней сэръ Робертъ Моріе прислалъ за мною. Онъ сказалъ мнѣ, что послалъ въ Министерство полный отчетъ о свиданіи, но желалъ прочитать частное письмо свое королевѣ Викторіи; она любила, чтобы ей сообщали подробно всѣ выдающіяся событія. Онъ прочиталъ мнѣ блестящее описание свиданія и точный перечень всего сказанного Государемъ. Въ началѣ письма онъ говорить, что съ памятного свиданія Императора Николая I съ сэромъ Хамильтономъ Сеймуръ, ни одинъ русскій Императоръ не говорилъ такъ откровенно съ англичаниномъ.

„По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, говорить Стэдъ, я

написалъ книгу, подъ заглавиемъ „Правда о Россіи“, она имѣла несчастье возбудить неудовольствие г-жи Новиковой.

Три четверти книги ей нравилось, но часть, въ которой по-рицалась система религіознаго преслѣдованія Побѣдоносцева, навлекла на меня ея бурное негодованіе. Слѣдующее письмо генерала Александра Кирѣева ясно доказываетъ невозможность согласованія взглядовъ англійскаго ионкоинформиста, какъ я, съ православнымъ русскимъ. Генералъ Кирѣевъ писалъ своей сестрѣ:

„Скажи Стэду, что хотя бы онъ предалъ анаѳемъ Россію за ея недостатокъ вѣротерпимости, все же я требую, чтобы онъ сказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нашими чувствами руководять два соображенія: 1-ое, наше отечество органически связано со своею церковью, отсюда название „Святая Русь“, все, что противъ церкви, противится самой сути народной; и 2-ое, вполнѣ убѣжденные въ обладаніи истины, мы не можемъ терпѣть какое бы то ни было на нее посягательство“.

Г-жа Новикова прибавляла.

Только равнодушіе могло бы допустить антиправославную пропаганду. Если бы двѣнадцать апостоловъ явились, мы бы приняли ихъ съ распостертymi объятіями потому, что они не пошатнули бы нашу вѣру, а только утвердили бы нась въ ней. Г-жа Новикова глубоко негодовала, она писала:

„Десять лѣтъ вы старались удалять враждебность между Россіей и Англіей. Теперь вы точно желаете заключить въ тюрьму каждого русскаго, чувствовавшаго симпатію къ вамъ или къ вашей работѣ. Когда вы клевещете на нась, было бы лучше выразить при этомъ нѣкоторое колебаніе, нѣкоторую неувѣренность и заявить хотя бы небольшое желаніе узнать истину. Въ предисловіи ваша обязанность, просто какъ честнаго человѣка, была сказать: г-жа Новикова просила меня выбросить три четверти этой книги, такъ какъ въ нихъ заключается одна клевета на Россію.

Три четверти книги, надѣюсь, преувеличеніе. Лесаръ читалъ эту книгу и находилъ, что приблизительно восемьдесятъ страницъ, въ которыхъ говорится о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, не будутъ прощены цензурой.

Какъ и слѣдовало ожидать, вся книга была запрещена въ Россіи. Тогда случилась странная вещь, Императоръ Александръ III, какъ мнѣ сказали, приказалъ отмѣнить запрещеніе и „Правда о Россіи“ стала свободно распространяться по всей Российской имперіи. Я помню удивленіе Лесара, когда я ска-

залъ ему, что запрещеніе снято. „Это невозможно“, воскликнулъ онъ. но это было такъ.

Стэдъ упомянулъ въ Шэль Мелъ о пріемномъ днѣ г-жи Новиковой. Она пишетъ ему:

„На Васъ и на Ваши ошибки трудно долго сердиться. Право, Вы невмѣняемый человѣкъ. Зачѣмъ, напримѣръ, Вы несноснѣйшій изъ смертныхъ объявляете въ Вашей газетѣ о моихъ пріемахъ? У меня и безъ того больше гостей, чѣмъ я могу ихъ размѣстить. Но теперь Вы сами должны ко мнѣ пріѣхать, хотите или нѣтъ: у меня до Васъ спѣшное дѣло.

Негодующая О. К.

„Я не бывалъ на пріемахъ г-жи Новиковой, говорить Стэдъ, но той же причинѣ, на которую Гладстонъ намекаетъ въ одномъ изъ его писемъ къ ней:

„Надѣюсь заѣхать къ Вамъ, съ женой или одинъ, завтра въ 6 ч. или немного позднѣе; но не встрѣчу ли я опять у Васъ громадное общество, которое помѣшаетъ съ Вами переговорить толкомъ?“

Часто такъ бывало. Она писала Стэду обѣ одномъ ея пріемномъ днѣ:

„У меня перебывало около двадцати восьми человѣкъ, если не больше. Гладстонъ пріѣхалъ рано, въ три,—потомъ Фрудъ, потомъ Леки съ женой, князь и княгиня Гика (румынскій посланникъ съ женой), затѣмъ жена бразильскаго посланника, потомъ португальскаго и сэръ Генри Камибеллъ Беннерманъ съ женой.

Гладстону иногда удавалось не быть въ толпѣ. Г-жа Новикова такъ описываетъ одинъ его пріѣздъ.

„Гладстонъ былъ и былъ особенно интересенъ. Онъ опять повторилъ, что Вы были очень полезны во время восточнаго кризиса и были настоящимъ другомъ мнѣ, на что я отвѣтила, что никогда не забываю оказанныхъ мнѣ одолженій.

„Гладстонъ скоро уѣзжаетъ въ Неаполь. У него очень здоровый видъ и какъ онъ замѣчательно добръ. Онъ писалъ Гирсу поздравленіе съ юбилеемъ и конечно получилъ благодарный отвѣтъ.

Иногда у г-жи Новиковой проявляются довольно ѡдкіе сарказмы, которые она старательно скрываетъ. Такъ, напримѣръ, она пишетъ:

„Иностранцевъ очень забавляетъ, что англійскія дамы, съ

лэди Салсбери во главѣ, подносятъ женѣ американского посла великолѣпный брилліантовый браслетъ. Это, несомнѣнно, знакъ большого смиренія въ виду американской анти-britанской демонстраціи.

„Не поднесутъ ли онѣ хлыстъ съ брилліантовой ручкой и Герберту Бисмарку за его урокъ Англіи?

Г-жа Новикова мало писала объ общественныхъ увеселеніяхъ. Одно изъ рѣдкихъ исключений было слѣдующее описание живыхъ картинъ въ Михайловскомъ дворцѣ. Сама г-жа Новикова принимала участіе въ такихъ картинахъ, то появляясь какъ Евангелистъ Иоаннъ, то какъ голландская женщина въ картинѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Она писала Стѣду 5-го апрѣля 1888 года.

„Семь картинъ были даны въ театральномъ залѣ дворца. Въ первой картинѣ Великая Княгиня Елизавета была прелестна какъ Пери. Принцесса Елена Мекленбургская изображала первую часть седьмой картины „Слава Россіи“. Она какъ пельзя лучше изобразила царскій блескъ и достоинство... Принцесса Елена—прекрасная пѣвица, совершенная артистка. Она управляла женскимъ хоромъ во время тѣхъ картинъ, въ которыхъ она не принимала участія, и пѣла первое меццо-сопрано. Послѣдняя картина, Парнасъ, была необыкновенно остроумна и хорошо поставлена: на одной изъ галлерей надъ лѣстницей противъ входа. Во время этой картины была исполнена часть девятой симфоніи Бетховена.

Музикальная программа была исполнена въ такомъ совершенствѣ, что Рубинштейнъ выразилъ свое искреннее одобреніе, хотя обыкновенно онъ рѣдко бываетъ доволенъ музыкальными исполненіями дилеттантовъ.

Наши добрые Государь и Государыня казались довольны и были очаровательно милостивы ко всѣмъ. Правда, они достойны быть такъ любимы, какъ ихъ любить Россія.

Отношенія между Россіей и Англіей стали нормальными, такъ, что г-жѣ Новиковой не приходилось такъ пылко предаваться прежней дѣятельности, поэтому Стѣдъ опускается 1889, 1890 и 1891 годы, отмѣчая только отрывки изъ ея писемъ и писемъ ея друзей.

Вотъ велиокняжеское свѣдѣніе:

16-е марта 1889.

„Завтра будетъ блестящее исполненіе Реквіема Моцарта въ Мраморномъ дворцѣ. Молодой Великий Князь Константинъ —

прекрасный поэтъ и музыкантъ. Все, что должно быть исполнено на роялѣ, будетъ исполнено имъ, онъ все играетъ наизусть". Все же события въ Славянскомъ мірѣ всегда находили откликъ въ ея сердцѣ, а иногда ее сильно озабочивали.

Когда Миланъ Сербскій отказался отъ престола (мартъ 1889 г.) и развелся съ королевой Наталіей, она нашла, что митрополитъ Михаилъ ему неудобенъ, и послѣдній предполѣлъ оставить свой постъ, чѣмъ содѣйствовать разводу, и король обратился къ митрополиту Феодосію, г-жа Новикова написала статью въ защиту митрополита Михаила въ англійскихъ газетахъ. Впослѣдствіи она его встрѣтила въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 мая 1889 года она говорить:

"У меня былъ сегодня утромъ митрополитъ Михаилъ, прѣѣхавшій сюда на короткое время. Я удивилась, увидя его; я ожидала высокаго, сильнаго, воинственнаго вида человѣка, въ дѣйствительности онъ небольшой, худой, спокойный и очень симпатичный человѣкъ. Взглядъ его полонъ жизни и ума, а улыбка полна доброты. Мы говорили о братѣ моемъ Николаѣ, о цвѣтахъ, посланныхъ мною на памятникъ добровольцамъ; должна признаться — это былъ очень трогательный разговоръ.

Королева Наталія, навѣрное, соединится съ сыномъ; откладывается это изъ предосторожности, но Вы увидите, если Миланъ возвратится съ тѣмъ, чтобы Австрія заняла Сербію, это очень будетъ грозить европейскому миру. Я спросила у митрополита, находится ли онъ дѣятельность г-жи Эрби (Miss Roseline Erbe) въ Сараево очень благородной и полезной? Онъ отвѣчалъ: „Да благословить ее Богъ за ея самопожертвованіе. Австрійская пропаганда очень сильна въ Босніи и Герцоговинѣ, и я увѣренъ, что лишь благодаря австрійскому вліянію все молодое поколѣніе въ Сербіи бросило кириллицу. Вы понимаете, что это значитъ?"

Въ 1890 году г-жа Новикова получила отъ Гирса слѣдующую записку, относящуюся къ ея поддержкѣ русской политики въ англійской печати;

9/21 апрѣля 1890.

„Je Vous suis bien reconnaissant pour l'envoi de Votre intérissant article, servant de réponse à la presse anglaise qui délecte

tant de calomnies sur notre compte. Il faut espérer qu'il produira l'effet désiré en Angleterre¹⁾.

Краткое, но заслуженное признание русского министра иностранныхъ дѣлъ неутомимыхъ услугъ, оказываемыхъ г-жей Новиковой, какъ даръ любви ея къ Россіи.

По такому же поводу Ольга Алексеевна получала письма отъ князя Лобанова.

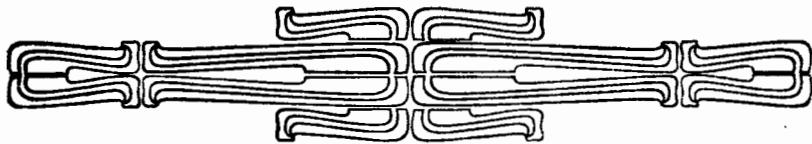
Сообщ. Е. С. М.

(Продолжение с. предыдущего).

---

1) Я очень благодаренъ Вамъ за присланную интересную статью Вашу, въ отвѣтъ англійской печати, которая такъ наслаждается клеветой на нашъ счетъ. Надо надѣяться, что Ваше разъясненіе произведетъ желанное дѣйствіе въ Англіи.

Не дошедшее по адресу письмо.

(Изъ архивныхъ связокъ).

Кимператрица Екатерина Великая пожаловала въ 1796 г. персидскому владѣльцу, Муртазѣ Калихану, брилліантовые перо и перстень.

Перо, какъ видно изъ произведенной описи, заключало въ себѣ 659 брилліантовъ и розъ, разной величины, отъ камня въ 6 каратовъ до самыхъ мелкихъ, всего вѣсомъ 120 каратовъ, стоимостью въ 8.125 рублей.

Перстень былъ оцѣненъ въ 6.000 р. и заключалъ въ себѣ одинъ брилліантъ *первой воды*, вѣсомъ, примѣрно, 17 каратовъ, стоимостью въ 352 р. $94\frac{1}{8}$ к. каратъ.

Перо Муртаза Калиханъ заложилъ 1 февраля 1800 г. въ астраханскомъ коммерческомъ банкѣ, подъ вексель, за 6.000 р., срокомъ на годъ, а перстень въ сентябрѣ того же года, срокомъ на 4 мѣсяца 20 дней, за 3.000 р.

Вскорѣ послѣ того Муртаза Калиханъ умеръ и векселя его были банкомъ протестованы.

Въ 1801 г., на основаніи Высочайшихъ указовъ, послѣдовавшихъ на имя дѣйствительного тайного совѣтника, сенатора, государственного казначея, главнаго медицинской коллегіи директора и кавалера, барона Алексея Ивановича Васильева¹⁾, означенные перо и перстень были выкуплены за счетъ государственныхъ доходовъ и отправлены въ кабинетъ.

Муртазѣ Калихану наследовали братъ его, Мустафа Ханъ, и сынъ, Меграли Ханъ, съ семействами. Повѣренный послѣдняго, Керимъ-бекъ, въ 1805 г. обратился къ главноуправляю-

¹⁾ Впослѣдствіи министръ финансовъ и графъ.

щему Грузіей и въ то же время Астраханскому и Кавказскому военному губернатору, князю Циціанову, съ ходатайствомъ о содѣйствіі къ выкупу пера и перстня, для доставленія ихъ Мустафѣ Хану съ семействомъ *въ знакъ достопамятства всевысочайшаго благоволенія.*

Князь Циціановъ, не освѣдомленный своевременно о судьбѣ означенныхъ вещей, непосредственаго отвѣта Керимъ-беку не далъ, а переслалъ его Астраханскому гражданскому губернатору, князю Тенишеву, съ предложеніемъ ни подъ какимъ видомъ не позволять выкупа изъ коммерческаго банка просимыхъ пера и перстня по причинамъ, изложеннымъ въ отвѣтѣ на имя Керимъ-бека, что же касается до заложенныхъ вещей, то ихъ онъ предполагалъ выкупить для казны, или снести по этому поводу съ кабинетомъ.

Присланное на имя Керимъ-бека письмо, написанное по-русски, съ персидскимъ переводомъ, слѣдующаго содержанія:

„Почтенный Керимъ-бекъ!

„Получивъ письмо ваше, коимъ просите, чтобы я позволилъ вамъ выкупить изъ коммерческаго банку брилліантовое перо и перстень, Всемилостивѣйше пожалованные покойному Муртазѣ Кулихану, имъ заложенные въ банкъ и которые сынъ его, а вашъ господинъ, Меграли Ханъ, желаетъ имѣть въ домѣ своемъ потомственнымъ знакомъ Высокомонаршаго благоволенія къ Муртазѣ Кулихану,—имѣю сказать вамъ, что ни для персидскаго хана, ни для армянина и ни для кого россійской законъ не можетъ быть перемѣненъ, и когда уже время закладу просрочено, то по законамъ Россійскимъ выкупить его не можно и онъ долженъ оставаться въ банкѣ. Сверхъ того высокостепенный господинъ вашъ, будучи племянникъ Бабахану Сардарю, непріятелю Россіи, при немъ находится и съ нимъ вмѣстѣ ведеть войну противу высокославныхъ россійскихъ войскъ; то совсѣмъ не свойственно, чтобы непріятелю Россіи отдать тѣ знаки, кои за дознанную въ Муртазѣ Кулиханѣ преданность къ всероссійскому престолу были ему Высочайше пожалованы въ знакъ Высокомонаршаго благоволенія. А потому и отказываю вамъ въ семъ совершенно. Высокостепенный же Меграли Ханъ долженъ удивляться и тому, сколько правосудно и милостиво россійское правленіе, что, не взирая на непріятельскіе его поступки, оно не отказалось ему въ выдачѣ и протчаго имѣнія, принадлежащаго отцу его Муртазѣ Кулихану. Въ ипрочемъ, сесть доброжелательный.

Его Императорского Величества всемилостивѣйшаго Государя моего генералъ-отъ-инфanterіи, кавказской инспекції по инфanterіи инспекторъ, главноуправляющій Грузіею, Астраханскій и Кавказскій военный губернаторъ, управляющій гражданскою частью и пограничными сего края дѣлами, командующій военною Каспійскою флотиліею, и орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго Князя Владимира большого Креста первой степени и Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-го класса кавалеръ *К. Цициановъ*“.

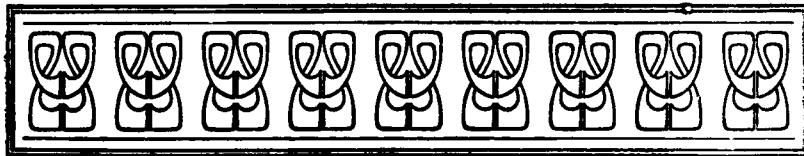
Елисаветполь
июня 17 д. 1805 года.

Увѣдомляя князя Цицианова о послѣдовавшихъ еще въ 1801 г. выкупѣ вещей и отсылкѣ ихъ въ кабинетъ, князь Тенишевъ сообщилъ, что обѣ этомъ былъ извѣщенъ обращавшійся и къ нему съ просьбой о разрѣшеніи выкупа пера и перстнія Керимъ-бекъ; послѣ того послѣдній выѣхалъ изъ Астрахани къ князю Цицианову, почему присланный на имя Керимъ-бека пакетъ остался неотданнѣмъ, при дѣлахъ губернатора.

При этихъ дѣлахъ пакетъ находится и теперь, уже второе столѣтіе.

Сообщ. Н. Максимовъ.

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

(Петербургской губернії, Лужскаго уѣзда).

30-го іюня. Съ утра пріѣхалъ Ал. Ив. Миллеръ и объяснилъ дѣло въ Уторгощахъ, откуда, по настоянію г. Пантелеева, три крестьянина чрезъ исправника отправляемы въ исправительное заведеніе въ СПБ., что натурально огорчило Ал. Ив., какъ мѣстнаго посредника. Успокоивъ его, какъ могъ, я предварилъ, что прочту на мировомъ съѣздѣ свое заключеніе, на основаніи котораго, вѣроятно, потребуютъ отъ него мнѣнія, и тогда мы эти дѣла еще разъ пересмотримъ вмѣстѣ, съ тѣмъ мы разстались.

Шестой мировой съѣздѣ былъ условленъ въ 5-ть часовъ, но начался едва въ 6^{1/2} часовъ. Всѣ журналы прошедшаго засѣданія были прочитаны. На мое предложеніе о смѣнѣ опекунши въ имѣніи г.г. Рени, Пантелеевъ и Лазаревъ старались возражать, но большинство было на моей сторонѣ. По окончаніи чтенія г. Марковичъ предложилъ составить списокъ праздниковъ. Наконецъ я прочиталъ бумагу слѣдующаго содержанія:

„На журналѣ Губернскаго присутствія подъ № 26 написано: обратить особенное вниманіе на № 3, въ которомъ подъ заглавиемъ „Общее распоряженіе“ изложенъ циркуляръ г. Управляющаго Министерства Внутреннихъ дѣлъ отъ 24-го мая, № 31, гдѣ сказано: Управляющій Мин. Внутр. Дѣлъ просить г. Начальника губерніи обратить особое вниманіе на то, чтобы законныя требованія и постановленія мировыхъ посредни-

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

ковъ и съѣздовъ были исполнены *неукоснительно*, какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и чтобы земская полиція и вообще мѣстныя власти оказывали *ревностное* мировымъ учрежденіямъ содѣйствіе. Для избѣжанія дальнѣйшихъ уклоненій отъ закона, попытокъ неповиновенія и прискорбной необходимости возстановлять порядокъ путемъ болѣе или менѣе строгихъ наказаній, необходимо, чтобы убѣжденіе въ окончательной неизбѣжности решеній мировыхъ инстанцій и приказаній земско-полицейскихъ начальствъ твердо закоренѣлось въ народѣ, и т. д. ".

Всльдѣтъ затѣмъ въ журналѣ Губ. присутствія № 27 является слѣдующая статья № 1.

Слушали: Рапортъ Лужскаго земскаго исправника отъ 4-го юля № 4617, коимъ доносится, что временно обязаны крестьяне, водворенные въ имѣніи ст. сов. Пантелеева, дер. Б. Уторгощи, несмотря на убѣжденія Мир. Поср. З участка, полковника Миллера, и внушенія мѣстнаго станового пристава, отказались отъ исполненія смѣшанной повинности. А какъ по секретному дознанію пристава обнаружено, что изъ сказаннаго общества крестьянъ болѣе всѣхъ волнуютъ Степанъ Кондратьевъ, Егоръ Павловъ Масеинъ и Степанъ Поповъ, то въ предупрежденіе могущаго произойти большого беспорядка, какъ въ имѣніи Пантелеева, такъ и прочихъ владѣльцевъ, исправникъ, заарестовавъ сихъ 3-хъ человѣкъ, просить разрѣшенія на отправленіе ихъ въ исправительное заведеніе.

Положили: Усматривая изъ рапорта Луж. зем. испр., что не взирая на внушенія г. Мир. Посредника и законныя требованія мѣстнаго станового пристава, крестьяне дер. Б. Уторгощи, помѣщика Пантелеева, отказались отъ исполненія смѣшанной повинности по вліянію на нихъ одновотчинныхъ съ ними крестьянъ: Кондратьева, Масеина и Попова, зааресованыхъ исправникомъ, то въ предупрежденіе дальнѣйшаго распространенія беспорядка Губ. Пр. полагаетъ: просить г. предсѣдателя сдѣлать распоряженіе объ отправленіи означенныхъ крестьянъ въ исправительное заведеніе въ томъ уваженіи, что по свидѣтельству исправника этой мѣры будетъ достаточно для возстановленія порядка.

„Встрѣчая въ сихъ двухъ направленіяхъ иѣкоторое различіе, нельзя не припомнить, что записка статскаго совѣтника Пантелеева о неустроиствахъ въ с. Уторгощи была читана въ засѣданіи 2 часа и мировой съѣздъ единогласно положилъ: на основаніи 110-й и 120-й ст. Положенія передать на заключеніе мѣстнаго мирового посредника.

„Обращаясь къ дѣйствію г. исправника, должно замѣтить, что по духу и разуму закона въ дѣлахъ, касающихся мировыхъ учрежденій, онъ не могъ дѣлать представлений иначе, какъ настоящемъ случаѣ онъ дозволилъ себѣ судить о пользѣ виупеній г. посредника, не имѣя на то никакихъ основаній и представилъ о томъ въ Губ. присутствіе мимо мирового съѣзда, то едва-ли онъ можетъ остаться безъ законной отвѣтственности“.

„По званію мирового посредника, не считая долгомъ сообщить о томъ Мировому Съѣзду, полагалъ бы: предоставить мировому посреднику 6-го участка, на основаніи ст. 24-й и 2-й и ст. 91-й, сообразивъ это дѣло, войти съ своимъ заключеніемъ, которое, по обсужденіи въ Мировомъ Съѣзду, представить въ Губ. присутствіе для доведенія до свѣдѣнія г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дабы на будущее время циркуляры Министерства, какъ акты высшаго правительства, были исполняемы въ точности всѣми мѣстами и лицами и настоящее отступленіе при началѣ столь важнаго преобразованія въ ущербъ Мировыхъ Учрежденій, возбуждающихъ противодѣйствіе полиції, въ примѣръ другимъ, не осталось безъ послѣдствій“.

Чтеніе этой бумаги было для нѣкоторыхъ г.г. посредниковъ не ново, но для предводителя было весьма непріятно. Что дѣлать, таково наше званіе,—въ частномъ видѣ оно источникъ постоянныхъ неудовольствій, за то въ общемъ высоко благотворно, если посредникъ, постигнувъ цѣль своего призванія, будетъ стараться дѣйствовать на массу миролюбиво, внѣдряя законъ повсемѣстно.

При сбираніи голосовъ оказалось 8 на моей сторонѣ, а Пантелеевъ и Лазаревъ-Станицевъ остались при особыхъ мнѣніяхъ.—Увидимъ, что будетъ далѣе.

Здѣсь же посредствомъ особаго совѣщенія 5-и посредниковъ рѣшено дѣло Г. Тарана по 2-мъ вопросамъ:

- 1) о повинностяхъ, которыя признаны необременительными и
- 2) обѣ управителѣ, котораго предположено смѣнить, давъ знать о томъ чрезъ предсѣдателя Г. Д. С. С. Тарану.—Съѣздъ кончился въ 11 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Іюня 3-го. Явился сельскій староста изъ Торжковской волости съ рапортомъ старшины, при которомъ препровождается крестьянинъ Осипъ, осужденный волостнымъ судомъ къ работѣ и не пожелавшій исполнить рѣшенія. Убѣдясь изъ разговоровъ, что молодой парень ослушался по глупости, я приказалъ ему

три раза поклониться въ ноги старостѣ, прося прощенія, и когда тотъ его простилъ, и виноватый съ полнымъ раскаяніемъ взялся исполнить приговоръ, я спросилъ у старосты, „что труднѣе: сдѣлать изъ преступника—человѣка или изъ человѣка—преступника“? Онъ отвѣчалъ: „первое—труднѣе, а второе легче“.

— „А, вѣдь, ты рѣшился его привести для того, чтобы я приказалъ ему набить желѣза на ноги да отправить въ тюрьму?“

Онъ молчитъ, а виноватый, стоя на колѣняхъ, умоляетъ.

— „Видишь ли ты, что изъ него можетъ быть человѣкъ? что онъ не послушенъ отъ глупости, а обдумается и самъ не радъ?“

— „Вижу“.

— „Ну, такъ убирайтесь оба домой, Осинъ пусть отработаетъ, какъ рѣшено, а ты за то, что не сумѣлъ сладить, самъ заплати 1 р., а старшина—2 р. штрафу въ мірскую кассу, впередъ будете умиѳе.

Изъ представленныхъ свѣдѣній о штрафахъ есть примѣчательныя. Напр. въ с. Лужа баба Авдотья явилась на сельскую сходку и начала кричать и браниться, за что оштрафована 45 коп.

Въ с. Валокъ мальчикъ, Семенъ, укралъ гармонику цѣною въ 50 коп. Мать вносила истцу 70 коп., но онъ не взяль, а предпочелъ позвать воришку къ суду, который рѣшилъ: заплатить родителямъ 50 коп. тому мальчику, у которого украдена вещь, а 1 р. 50 коп. штрафу въ мірскую сумму. Въ Туровскомъ обществѣ мужикъ, Павель, похвалялся чужою женой, и хотя потомъ сознался во лжи и просилъ прощенія, но сельскій староста оштрафовалъ его рублемъ.

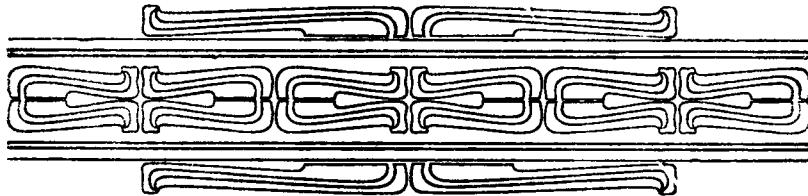
На бывшей 2-го числа ярмаркѣ въ с. Вычелобахъ повѣренный отъ откупа жаловался, что никогда такъ мало не было выпито вина; при томъ ни пьяныхъ, ни буйныхъ не было. Удивительная перемѣна, о которой старики не знаютъ, что и по думать: къ хорошему или къ худому.

У настѣ кѣ саду ни одной ягоды не пропадаетъ, ни одной лошади въ протравѣ, чего въ 12 лѣтъ не бывало.

Сообщ. А. А. Половцова.

(Продолженіе смыдуетъ).

Князь П. С. Мещерский¹⁾.

26.

Сиятельный князь милостивый государь.

Подноситель сего письма уездной татаринъ Ибраимъ: который по представительству моему за оказанныя имъ знаки и опыты вѣрности въ бывшее замешательство удостоился получить высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе въ ознаменованіе его заслугъ и позволено ему имѣть торговой промыслъ о чемъ ваше Сиятельство изъ указу усмотрѣть соизволите, а я какъ свѣдомой человѣкъ сего дѣла препоручаю его въ милость и покровительство вашего Сиятельства, а равнымъ образомъ препоручая въ милость вашу и Казанской слободы татарина Исаю получившаго въ знакъ благоволенія Монархии за полученные имъ раны золотую медаль: я веема удостовѣренъ, что ваше Сиятельство по свойству справедливои души вашей истинну и заслуги отличить всегда соблаговолите.

Впрочемъ прошу продолжить ко мнѣ дражайшую дружбу и благосклонность вашу и вѣрить, что я отъ всего сердца имѣю честь быть

вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
покорнымъ слугою
Павелъ Потемкинъ.

21 июня. Коломенское.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1913 г.

Графъ Петръ Александровичъ¹⁾ будетъ въ началѣ будущаго мѣсяца. Встреча ему будетъ чрезвычайная и по мѣрѣ его великихъ дѣлъ. Праздники расписаны: но какъ еще не открыто въ публику, то и я не могу васъ уведомить но въ будущей разъ отпишу что и когда назначено.

27.

Москва. Іюля 23-го 1775-го г.

Изъ доходящихъ публичныхъ увѣдомленій безъ сомнѣнія извѣстенъ уже ты, любезный мои другъ о моемъ сюда прибытіи, и о томъ милосердомъ образѣ пріятія которого удостоился я отъ Ея Императорскаго величества²⁾; почему и не утруждай тебя съ моей стороны о томъ описаніемъ, а скажу только о себѣ, что здоровье мое самое не лучшее, такъ что я едва могу собраться съ послѣдними силами при всѣхъ почестяхъ мнѣ оказываемыхъ.

Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ³⁾ зная своественное тебѣ правосудіе и особинное ко мнѣ дружелюбіе желалъ чтобъ я посредствовалъ у тебя за него въ дѣлахъ его до управлѣнія твоего простирающихся, которая по самымъ неправеднымъ-какъ онъ объявляетъ обстоятельствамъ приводятъ его къ крайнему раззоренію. Я не могъ ему отказать въ семъ исканіи,

¹⁾ Румянцевъ-Задунайскій. Его ожидали въ это время въ Москву, где императрица Екатерина II намѣревалась устроить въ его честь рядъ торжествъ при празднованіи 10 юля 1775 г. Кучукъ-Канарджійскаго мира.

²⁾ Считаемъ нелишнимъ привести списокъ важнѣйшихъ наградъ, полученныхъ гр. Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ: 1) наименование Задунайскую для прославленія чрезъ то опаснаго перехода его черезъ Дунай; 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) за разумное полководство: алмазами украшенный фельдмаршалскій жезлъ; 4) за храбрыя предпріятія: шпагу, алмазами обложенную; 5) за побѣды: лавровый вѣнокъ; 6) за заключеніе мира: масличную вѣтвь (украшенную брилліантами, равно какъ и лавровый вѣнокъ); 7) въ знакъ Монаршаго благоволенія крестъ и звѣзду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, освященные алмазами; 8) въ честь его и для поощренія примѣромъ его по-гометства: медаль съ его изображеніемъ; 9) для увеселенія его: деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи; 10) на построеніе дома: сто тысячъ рублей изъ Кабинета; 11) для стола: серебряный сервизъ и 12) на убранство дома: картины (*Вейдемейеръ*). Дворъ и замѣчат. люди въ Россіи во второй полов. XVIII ст. Спб. 1846 г., ч. 1-я стр. 180--181.

³⁾ Гр. Иванъ Иларіоновичъ Воронцовъ р. 1719 † 1786 г., генералъ-поручикъ. У него были имѣнія въ Казанскомъ намѣстничествѣ: за нихъ значилось 253 души.

нося съ однай стороны на себѣ обязательства въ разсужденіи особы Его, а съ другой бывъ увѣренъ въ склонности твоей къ добротворенію вездѣ гдѣ оное только совмѣстно съ пользою государствія и не обращается въ предосужденіе обществу и потому прошу тебя мои любезныи другъ приложно подать ему всевозможное пособіе въ новое мнѣ одолженіе.

Проѣзжая чрезъ Глуховъ и Малороссію имѣль я удовольствіе видѣть и слышать всемѣстно тебѣ похвалы, благодарность и сожалѣніе о твоемъ отъ нихъ отдаленії. Я желаю чтобъ настоящее служеніе твое приобрѣло и въ тѣхъ мѣстахъ толикую общую преданность и доброхотство, и свидѣтельствую мое искреннее почтеніе тебѣ и дражайшемъ твоему супругу милостиюи гоударынѣ мои княгинѣ Надеждѣ Александровнѣ. Есмь непременно

вашего Сіятельства
покорѣніи слуга
Румянцевъ¹⁾.

28.

Нашему Казанскому Губернатору Князю Мещерскому.

Хотя изъ многихъ предъ симъ присылаемыхъ къ Нашему генералу прокурору отъ васъ экстрактовъ, о виадихъ въ по-грѣщеніи людяхъ по бывшему замѣщательству Мы видѣли, что съ тѣми людьми по вашей губерніи поступаемо было не согласно съ двумя нашими всемилостивѣшими манифестами. Первымъ 1773-го ноября 29-го, а вторымъ сего года марта 17-го чиселъ, а именно въ томъ, что безъ рѣшенія должностнаго о нихъ многіе содержаны были подъ караулами, а другіе по силѣ по-слѣдняго уже манифеста привлекаемы были къ слѣдствіямъ; но Мы чтобъ не потерять въ перепискахъ времени, а желая всѣмъ тѣмъ людямъ въ сходственность Императорскаго Нашего обѣщанія доставить въ винахъ ихъ всемилостивѣшее прощеніе и совершиенную свободу, при всѣхъ подъемлемыхъ Нами въ пользу отечества Нашего трудахъ, не оставляли безъ рѣшенія и о сихъ можно назвать злочастныхъ людяхъ, давали держась упомянутыхъ Нашихъ манифестовъ чрезъ Нашего генерала прокурора Наши повелѣніи, будучи въ той надеждѣ не сумнѣнио, что уже вы получая таковыя Наши повелѣнія, не оставите и о подобныхъ тѣмъ людяхъ рѣшитесь на основаніи предписанныхъ манифестовъ Нашихъ, и прописанныхъ во упомя-

¹⁾ Румянцевъ-Задунайскій, графъ Петръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, р. 1725 † 8 дек. 1796 г.

нутыхъ отъ генерала прокурора Нашихъ повелѣней правилъ, ко удовольствію Нашему прощеніемъ и свободою изъ подъ карауловъ во всей вашей губерніи. Но сверхъ Нашего чаянія минувшаго ноября 29-го числа присланы отъ васъ къ Нашему генералу прокурору таковые жъ какъ и выше сказано экстракты о священникахъ и другихъ людяхъ поимяному пятидесяти девяти человѣкъ, коихъ такъ же судьбы до сего времія еще не рѣшены, и изъ нихъ двое Аннинскаго завода служители, которыхъ хотя погрѣшеніе и было, но онѣ какъ добровольно по первому Нашему 1773-го года манифесту явились и достойны были свободы, до нынѣ содержатся въ оковахъ, такъ какъ и каптенармусъ Истоминъ подъ карауломъ, не бывъ ни на малое время прилепленнымъ къ злодѣямъ; касательно жъ до священниковъ города Пензы, кои уже Нашимъ генераломъ графомъ Панинымъ и прощены, но и онѣ донынѣ однако жъ не воспользовались въ послѣднемъ манифестѣ Нашемъ прощеніемъ, коимъ точно повелѣно все прошедшее предать вѣчному забвенію и никакихъ притязаній не дѣлать. И сего ради симъ вамъ повелѣваемъ, какъ о сихъ людяхъ, о коихъ вы прислали нынѣ къ Нашему генералу прокурору экстракты рѣшится по силѣ упомянутыхъ Нашихъ манифестовъ, такъ и о другихъ подобныхъ имъ, буде гдѣ въ задержаніи находятся, какъ они ни къ какому до всемилостивѣйшаго манифеста наказанію приговорены не были, всемъ объявить Наше Монаршее и матернѣе въ погрѣшеніяхъ ихъ помилованіе и прощеніе, и учинить изъ подъ карауловъ свободными, ибо Наше желаніе стремится къ тому чтобъ все и каждый изъ Нашихъ подданныхъ былъ благонадеженъ во всякомъ случаѣ на Наше Императорское слово, а тѣмъ самымъ утвердить вообще святость Нашихъ или данихъ отъ правительства повелѣней, чего ради присланнія отъ васъ экстракты повелѣли отослать къ вамъ обратно

Екатерина.

Декабря 5 дня 1775 года

Москва.

29.

Князь Платонъ Степановичы! Я не признаю надобицмъ городъ Казань по его внутри государства положенію ограждать укрѣпленіями по проекту отъ васъ представленному; но въ разсужденіи отдѣленія города отъ предмѣстій указываю вамъ на планъ дѣланный въ особой комиссіи о строеніи оного и мною конфирированный, котораго точности вы имѣете послѣдо-

вать. Стѣну крѣпости тамошней по ея ветхости въ возможную привести починку сходно мнѣнію вашему, такъ какъ и домъ оберкомандантскій естьли пынѣший къ житию вовсе неудобенъ, вновь исподволь строить Я позволяю. А о провіантскомъ, ружейномъ и аммуниционѣ магазинахъ надлежитъ вамъ прежде имѣть отъ военной коллегіи свѣдѣніе, полагаетъ ли она тамъ имѣть быть и до какова количества. Что до строенія гостиинаго двора, то мѣсто для него назначено быть должно по соображенію лучшей выгоды и удобности къ покупкѣ и продажѣ въ ономъ всего потребнаго. Пребываю впрочемъ какъ и всегда вамъ доброжелателъная.

Екатерина.

Генваря 18-го 1776 года
въ Санктпетербургѣ.

30.

С. П. Бургъ Марта 22-го дня 1777-го года.

Князь Платонъ Степановичъ!

Губерніи вамъ ввѣренной, пригорода Тагая¹⁾, мещанинъ Степанъ Егоровъ, явся здѣся просилъ меня, якобы онъ и некоторыя съ нимъ того же пригорода мещанѣ, самымъ несправедливымъ образомъ присвоены стали иѣкоторой княгинѣ Мещерской. Я не хочу оставить проосьбу ево вотщѣ, прошу васъ сіе дело разсмотрѣть, и согласно съ справедливостію, званію и имени вашему свойственною, оное решить и меня увѣдомить; пребываю въ прочемъ къ вамъ благосклонный.

Павель.

31.

Изъ С-тъ Петербурга, февраля 23-го дня 1778.

Князь Платонъ Степановичъ.

Я получилъ письмо ваше отъ 2-го Генваря, и благодарю васъ весьма за изѣявленныя въ ономъ поздравленія съ рожденіемъ моего сына²⁾ верте что знаки вашего усердія ко мнѣ всегда мнѣ пріятны, и что я пребываю вамъ благосклонный.

Павель.

¹⁾ Пригородъ Tagai въ настоящее время Симбирской губ.; въ 1777 г. Симбирская губернія входила въ составъ Казанской губерніи.

²⁾ Вел. кн. Александръ Павловичъ р. 12 декабря 1777 г. Императоръ Всероссийскій съ 12 марта 1801 г. † 19 ноября 1825 г.

32.

Господинъ Казанскій Губернаторъ Князь Мещерскій. Графу Петру Апраксину¹⁾ въ Нижегородскія его деревни отлучиться и тамъ пребываніе имѣть я дозволяю равнымъ образомъ естьлибы генералъ-фельдмаршалъ графъ Разумовскій находясь въ деревняхъ своихъ пожелалъ имѣть тамъ при себѣ помянутаго графа Апраксина, то и въ томъ препятствовать недолжно. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная.

Екатерина.

въ Санктпетербургѣ.
Генваря 17 дня 1779 года.

33.

Князь Платонъ Степановичъ. Двукратныи получили мы прошенія на почтѣ присланныя отъ татаръ Казанской губерніи съ жалобами на управляющаго ими по департаменту адмиралтейскому генерала-маіора Бешенцева, въ разныхъ якобы обидахъ, несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, которыхъ какъ они показываютъ не дознали они во все время управлениія надъ ними бригадира Свѣчина; и хотя по симъ жалобамъ тѣмъ меныше возможно учинить точное рѣшеніе, коль въ нихъ ни каковы подробности и событія не объяснены, да и люди прямо обиженные наименованы; Мы, однакожъ разсудили за благо востребовать отъ васъ откровеннаго увѣдомленія о состояніи тѣхъ татаръ и обѣ образѣ которымъ они начальникомъ нынѣ надъ ними поставленыи управляются, да и доходили ли къ вамъ какие жалобы, или основательныи извѣстія о причиненыхъ имъ угнетеніяхъ. Весьма угодно намъ будетъ естьли вы присовокупите тутъ объясненія о всѣхъ обстоятельствахъ до сихъ людей касающихся, кои могли бы Намъ послужить къ лучшему устроенію жребія ихъ въ собственное ихъ облегченіе и на пользу государства, чего ожидая пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонна.

Екатерина.

въ Царскомъ Селѣ
Июля 30 дня 1779 года.

34.

Князь Платонъ Степановичъ! Я съ удовольствіемъ получила донесеніе ваше чрезъ директора экономіи Чирикова обѣ откры-

¹⁾ Гр. Апраксинъ, Петръ Федоровичъ, ген.-лейтен. † 1813 г.; женатъ: 1, на гр. Аннѣ Павловнѣ Ягужинской (во инокиняхъ Августа), р. 12 июля 1732 † 3 янв. 1801 г.; 2, на гр. Елизаветѣ Кирилловнѣ Разумовской.

тіи Симбирскова намѣстничества, воздавъ справедливость тру-
дамъ вашимъ въ семъ случае подъятымъ. Я поручаю вамъ
объявить благоволеніе мое благородному обществу и всемъ тутъ
участвовавшимъ, и пожелать отъ меня чтобы они на дѣле са-
момъ скорѣе ощутили ползу новыхъ установлений, въ чемъ
нѣть сомнѣнія когда только прилежность и точность изѣбран-
ныхъ и опредѣленныхъ къ управлению особъ будуть способ-
ствовать моимъ намѣреніямъ. Пребываю впротчемъ вамъ бла-
госклонная

Екатерина.

въ Санктъ Петербурге
Генваря 9-го 1781 года.

35.

Господинъ Генералъ-Поручикъ князь Мещерскій. Возвра-
щая съ симъ директора экономіи Овцына присланного отъ
васъ съ донесеніемъ объ открытии Казанского намѣстничества
я препоручаю вамъ объявить дворянству и всему обществу той
губерніи что усердіе ими при семъ случаѣ оказанное и при-
знаніе къ моимъ стараніямъ о благодеятствіи, я приемлю съ осо-
бливымъ благоволеніемъ. Впрочемъ вѣдая ревностъ вашу къ
службѣ,увѣрена я совершенно въ точномъ исполненіи учреж-
деній отъ меня изданныхъ, что каждый вамъ послѣдователь буд-
етъ въ достохвальномъ наблюденіи должности на него возло-
женной. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная

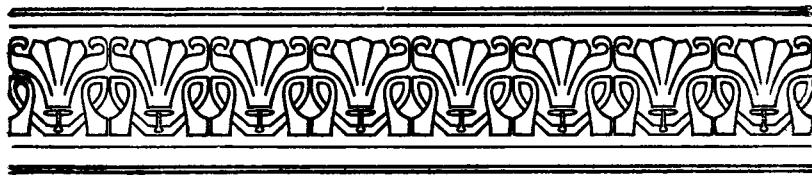
Екатерина.

въ С. п. бургѣ
Генваря 25-го 1782 г.

Сообщ. В. Корсакова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года.

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Въ ряду историческихъ матеріаловъ о царствованіи императора Петра III и о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, доселѣ еще неизвѣтныхъ историкамъ, особенно выдаются по своему значенію донесенія своему двору датскаго посланника Гакстгаузена. Графъ Гакстгаузенъ, Георгъ-Христіанъ (р. 1732, † 1802 г.), явился къ русскому двору въ самомъ концѣ царствованія императрицы Елизаветы, когда русскія войска завоевали уже значительную часть владѣній прусскаго короля Фридриха II, и Россія готовилась нанести послѣдній ударъ „скоропостижному и захватчивому“ своему противнику взятіемъ Кольберга въ съверной Помераніи. Отношенія Даніи къ Россії были вполнѣ дружескія, но притязанія на Шлезвигъ наслѣдника русскаго престола, великаго князя Петра Феодоровича, по его сану голштинскаго герцога, внушали Даніи живѣйшія опасенія за будущее. Въ это время здоровье императрицы Елизаветы ухудшилось, и можно было ожидать, что Петръ Феодоровичъ, вступивъ на престолъ, поддержитъ свои права на Шлезвигъ всюю силою военныхъ средствъ русской имперіи и заключить для этой цѣли союзъ съ Фридрихомъ II, къ которому великій князь питалъ чувства болѣзненной преданности. Понятно поэтому, съ какой тщательной заботливостью Гакстгаузенъ долженъ былъ слѣдить за событиями, совершившимися при русскомъ дворѣ, чтобы датскій дворъ былъ постоянно въ курсѣ положенія дѣлъ. Оттого донесенія этого дипломата отличаются чрезвычайной подробностью. Освѣдомленность его

была велика, даръ наблюденія, какъ видно изъ его донесеній, развить быть въ немъ въ высокой степени. Жизнь русского двора, личности Петра III и Екатерины II, а также важнѣйшихъ ихъ сподвижниковъ, очерчены крупными и ясными чертами. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что въ своихъ мнѣніяхъ и отзывахъ Гакстгаузенъ, прежде всего, руководился пользами своего отечества, Даніи.

Е. Ш.

I.

Питербургъ, 27 ноября — 8 декабря. 1761 г.

Его Превосходительству г. барону де-Бернедорфу.

(Шифромъ) Въ данное время я имѣю сообщить Вашему Превосходительству о болѣзни императрицы, которая вотъ уже восемь дней, какъ чувствуетъ себя очень плохо не только вслѣдствіе того, что ноги ея покрыты чиріями, такъ сильно распространившимися, что она совершенно не въ состояніи стоять на ногахъ, но также вслѣдствіе припадковъ эпилепсіи, завершающихся обмороками и внушающихъ иногда серьезныя опасенія.

Я не теряю надежды, но, имѣя въ виду, что императрица широко пользовалась жизнью и что она отличается мощнымъ и дороднымъ тѣлосложеніемъ, я сомнѣваюсь въ преуспѣваніи ея здоровья и опасаюсь, что мы можемъ лишиться ея тогда, когда меньше всего будемъ къ этому готовы.

Особенно непріятна для насъ эта болѣзнь тѣмъ, что страхъ потерять императрицу значительно увеличилъ авторитетъ великаго князя и привелъ въ умыніе тѣхъ, кто могъ бы стоять за наше дѣло: возможность имѣть его вскорѣ своимъ господиномъ заставляетъ всѣхъ искать его расположенія и потворствовать его страстямъ.

Такъ какъ гг. де-Мерси¹⁾ и де-Бретейль²⁾ не получали еще никакихъ распоряженій относительно нашего дѣла, то вы позовите мнѣ, Ваше Превосходительство, передать вамъ раз-

¹⁾ Гг. де-Мерси, Цесарскій посолъ. Его приемная аудіенція была 23 августа 1761 г.; отпускная 8 дек. 1763 г.

²⁾ Бар. Бретейль, французскій посланникъ. Его приемная аудіенція была 29 июня 1760 г.; отпускная — 27 апр. 1763 г.

говорь, который у меня былъ недавно съ г. Олсуфьевымъ¹⁾ во время бала.

Министръ заговорилъ со мной на датскомъ языке, который онъ очень хорошо знаетъ, съ чѣмъ я его и поздравилъ, прибавивъ, что я льщу себя надеждой, что онъ не только хорошо говоритъ па нашемъ языке, но что у него и сердце датское и что поэтому его не можетъ не огорчать то критическое положеніе, въ которое ставитъ насъ отказъ его высочества великаго князя заключить съ нами миръ.

Онъ отвѣчалъувѣреніями въ искренности своихъ чувствъ и говорилъ, что императрица всегда желала соглашенія съ нами, что всякий разумный русскій человѣкъ думаетъ также, но что мнѣніе императрицы ставится ни во что; онъ особенно порицалъ г. Брокдорфа, считая его виновникомъ упрямства великаго князя. На этомъ разговорѣ нашъ закончился; оставя то, что г. Олсуфьевъ другъ всѣмъ и каждому и говорить то, что отъ него желаютъ услышать, я вообще не считалъ нужнымъ въ разговорѣ съ нимъ выходить изъ рамокъ общихъ положеній.

Также осторожно держалъ я себя съ M-lle Воронцовой²⁾, фавориткой великаго князя, которая, бесѣдуя со мной въ тотъ же вечеръ, распространялась о любви е. в. великаго князя къ своему Килю.

Она говорила, что великій князь такъ же желалъ бы увидѣть свою страну, какъ его подданные своего возлюбленнаго господина, и что не проходило дня, чтобы онъ не говорилъ обѣ этомъ.

Это новое доказательство расположения великаго князя къ своему Килю мало утѣшительно и подрываетъ послѣднюю слабую надежду на то, что великій князь подчинится доводамъ разума и послѣдуетъ своимъ истиннымъ интересамъ. Поэтому не эту надежду я имѣлъ въ виду, почтительнѣйше донося Вашему Превосходительству мой разговоръ съ г. Олсуфьевымъ, но желая убѣдить васъ въ томъ—съ какой точностью я выполняю всѣ пункты данныхъ миѣ инструкцій, относительно лицъ, въ нихъ указанныхъ. Какъ Ваше Превосходительство могло замѣтить—единственное лицо, съ кѣмъ я не говорилъ о нашемъ

¹⁾ Адамъ Васильевъ. Олсуфьевъ, кабинетъ-секретары Имп. Елизаветы Петр. р. 1721 † 1784. Былъ посвященъ въ тайную переписку Имп. Елизаветы съ Людовикомъ XV (Vandal, 33d). Былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго С. В. Салтыкова.

²⁾ Графиня Елизавета Романовна, впослѣдствіи вышедшая замужъ за камергера Полянского.

дѣлъ, за неимѣніемъ удобнаго случая, это канцлеръ Шуваловъ. Но моемъ пріѣздѣ сюда я старался и по отношенію къ нему исполнить даннага мнѣ указанія, но такъ какъ фаворитъ постоянно находится въ компатахъ императрицы, то мнѣ и не удалось его видѣть, хотя я и являлся къ нему нѣсколько разъ съ визитомъ. Но такъ какъ обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, благодаря высокомѣрному и непродуманному отвѣту великаго князя и полному разрыву соглашенія, то я находилъ самыи лучшимъ оставить этотъ вопросъ открытымъ и спокойно ожидать дальнѣйшихъ повелѣній короля, чтобы не умалять значенія того шага, который мы сдѣлали, объявивъ соглашеніе прерваннымъ.

Привыкнувъ передавать Вашему Превосходительству всѣ самыи мелкія событія, я льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство останется довольнымъ моимъ донесеніемъ, и что король соблаговолитъ одобрить мое поведеніе и дастъ мнѣ указанія въ томъ случаѣ, если бы онъ пожелалъ, чтобы я иначе дѣйствовалъ по отношенію къ фавориту. (Шифръ).

Въ прошлую субботу, при дворѣ, былъ торжественно отпразднованъ день Св. Екатерины, именемъ которой наречена великая княгиня. Въ полдень ея высочество принимала въ своихъ покояхъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ и другихъ избранныхъ лицъ.

Вечеромъ состоялся при дворѣ балъ и ужинъ; городъ былъ, по обыкновенію, иллюминированъ. Ея величество и великий князь не выходили: послѣдній вслѣдствіе простуды, первая изъ-за небольшого флюса. То же обстоятельство помѣщало отпраздновать день восшествія на престолъ императрицы, и поэтому гвардейцы были лишены чести отобѣдать съ императрицей.

Здоровье графа Петра Шувалова по-прежнему очень плохо. Его супруга такъ близко къ сердцу принялъ болѣзнь мужа, что за нѣсколько мѣсяцевъ до срока разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ и заплатила за это жизнью.

Это была княжна Одоевская, 19-ти лѣтъ, вышедшая замужъ въ февралѣ этого года. Вчера были ея торжественные похороны.

Такъ какъ г. Сальдеринъ съ нѣкоторыхъ поръ вслѣдствіе болѣзни не показывался въ обществѣ, то распространился слухъ, что онъ уѣхалъ, какъ я уже впрочемъ сообщалъ Вашему Превосходительству въ моей послѣдней почтительнѣйшей депешѣ.

Гакстгаузенъ.

II.

Питербургъ 30 ноября
11 декабря 1761 г.

(Шифромъ) Страхъ и смятеніе, вызванные послѣдней болѣзнью императрицы, благодаря Бога, стихаютъ, такъ какъ императрица чувствуетъ себя лучше. Ея истерические припадки не такъ часты и менѣе жестоки. Она ходить по комнатамъ, опираясь на палку. Но мнѣ не нравится то, что чиріи на ногахъ начали у нея закрываться; если только докторамъ не удастся этому воспрепятствовать, то это можетъ повести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Между тѣмъ императрица испытываетъ отвращеніе ко всякаго рода лѣкарствамъ. Окруженнная днемъ и ночью докторами, она имѣеть обыкновеніе выслушивать ихъ совѣты, но не выполнять. Такимъ образомъ она борется съ болѣзнью только благодаря своему здоровому организму.

Великій князь излѣчился отъ своей болѣзни, вызванной кутежомъ, принялъ рвотнаго и чувствуетъ себя прекрасно.

Дѣло наше совершенно замяли и о немъ нѣть и рѣчи.

Къ г. Бретейлю прибылъ на-дняхъ курьеръ. По словамъ г. Бретейля, послѣдний прибылъ изъ Вѣны и ничего не привезъ изъ Версаля и ничего, что касается нашего дѣла. Если бы я могъ надѣяться, что новая наша попытка увѣнчается успѣхомъ, то такая медлительность способна была бы вывести меня изъ терпѣнія, но къ несчастію все разубѣждаетъ меня въ тщетности такой надежды. Что касается отзованія г. Бретейля, котораго требуетъ и на которомъ настаиваетъ русскій дворъ, то—останется ли онъ здѣсь или же Франція изъ угодливости исполнить желаніе Россіи—это не внесетъ существенной перемѣны въ наше дѣло. Если онъ останется здѣсь противъ желанія, то онъ будетъ болѣе бесполезенъ, если же обстоятельства заставятъ его уѣхать, то онъ будетъ болѣе озабоченъ своими дѣлами, чѣмъ нашими. Къ тому же ненавидимый императрицей еще до своего прїезда, онъ постараєтся сохранить расположение великаго князя, который, несмотря на свое нерасположеніе къ французамъ, къ г. Бретейлю относится лучше, чѣмъ къ его предшественнику, а также позаботится о томъ, чтобы сдѣлать и своего замѣстителя ненавистнымъ въ глазахъ императрицы. Но не подлежитъ сомнѣнію, что мы какъ бы то ни было потеряемъ время, такъ какъ его замѣститель прїдетъ не раньше лѣта и не сразу сможетъ ознакомиться съ нашимъ дѣломъ и пріобрѣтъ связи и знакомства, полезныя для нашей цѣли. Горячность и рѣзкость, съ которыми г. Бретейль позволилъ себѣ говорить

по поводу недоразумѣнія, возникшаго изъ-за цѣлованія руки, были предлогомъ для Россіи, чтобы требовать его отзванія, я говорю—предлогомъ, потому что памѣреніе было уже давно; даже уже было дано понять, что г. Лопиталь въ качествѣ его замѣстителя принять не будетъ и что онъ долго въ Россіи не останется. Вашему Превосходительству извѣстно изъ донесеній г. Остена, что императрица выразила желаніе, чтобы г. Лопиталь продолжалъ свое дѣло.

Насколько я могъ проникнуть въ намѣренія обоихъ министровъ союзныхъ съ нами дворовъ, то опредѣленного плана содѣйствовать нашему соглашенію у нихъ нѣть. Планъ, который они сами выработали, и который, вѣроятно, будетъ одобренъ ихъ правительствами, заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать возобновленію нашего трактата съ Россіей. Еще только вчера г. Бретейль старался убѣдить меня, что заключеніе трактата поведеть къ благопріятнымъ для насъ результатамъ, но предоставляю вашей просвѣщенной проницательности судить—насколько это вѣрно. Не сомнѣваюсь, что Россія будетъ очень довольна связать намъ снова руки, но я не знаю, какъ мы должны относиться къ ея обѣщаніямъ послѣ того, какъ она такъ плохо выполнила обѣщанія, данные ею въ трактатахъ 1746 и 1758 г.г.

Г. де-Сальдерінъ¹⁾, котораго я старался охарактеризовать Вашему Превосходительству въ моихъ предыдущихъ донесеніяхъ, хвастается всѣмъ и каждому письмомъ, которое написалъ ему, будучи въ Голштиніи, г. Десмерсьеръ, предлагая ему занять почетное мѣсто въ нашей странѣ. Онъ показывалъ это письмо многимъ лицамъ иувѣрилъ великаго князя, что съ его стороны большая заслуга не принять этого предложения.

Нѣсколько недѣль тому назадъ настоятель богатой Троицко-Сергіевской лавры, расположенной близъ Москвы, пользовавшійся 30 тысячами годового дохода, произнося проповѣдь въ присутствіи императрицы, между другими смѣлыми истинами, сказалъ, что хотя у императрицы и сострадательное сердце, но что тѣмъ не менѣе народъ ея стонетъ подъ игомъ нищеты, что съ крестьянъ берутъ столько, что они едва могутъ прокормить свои несчастныя семьи; что многіе изъ нихъ принуждены были бросить свои дома, женъ и дѣтей и отправиться грабить на

¹⁾ Голштинецъ, пользовавшійся расположениемъ Петра III, при Екатеринѣ русскій посланникъ въ Варшавѣ, прославившійся своими интригами противъ Екатерины.

большія дороги и что знатные люди и тѣ, на обязанности которыхъ лежить забота о народномъ благѣ, только тучи ѿютъ на счетъ его разоренія.

Во время проповѣди императрица проливала слезы, по затѣмъ краснорѣчивый проповѣдникъ получиль назначеніе епископомъ въ Сибирь, гдѣ онъ будетъ получать только 6 т. рублей въ годъ.

Такъ какъ скоро вернется г. Беришольдъ и потребуетъ отъ меня денегъ, то осмѣливаюсь просить Ваше Превосходительство освѣдомить меня—долженъ ли я продолжать ему платить и въ размѣрѣ какой суммы.

Прибывшая сегодня эстафета привезла новость, что одинъ изъ прусскихъ батальоновъ въ Помераніи былъ изрубленъ въ куски; событіе это еще не обнародовано.

Сегодня въ день праздника Андреевскаго ордена, по окончаніи богослуженія была стрѣльба изъ пушекъ, но никакого торжества не было, и императрица не обѣдала, по принятому обычаю, съ кавалерами этого ордена.

Здѣсь уже нѣсколько мѣсяцевъ находится нѣкто полковникъ Энгель, покинувшій года два тому назадъ нашу службу; онъ ищетъ здѣсь мѣста.

Гакстгаузенъ.

III.

Питербургъ, 4 декабря
15 декабря 1761 года.

(Шифромъ). Съ императрицей, подававшей послѣдніе дни большія надежды на выздоровленіе, третьяго дня сдѣлался новый приступъ болѣзни и она снова слегла.

Повидимому, здоровье ея окончательно пошатнулось и хотя она и чувствуетъ себя временами лучше, но промежутки улучшенія кратковременны, и надо опасаться, что она долго не протянеть, и быть готовыми къ тому, что мы можемъ лишиться ея во всякое время.

По повелѣнію двора генералъ Бутурлинъ¹⁾ покинулъ армію, но позднѣйшимъ раскриптомъ ему приказано было туда снова вернуться, чѣмъ заставляетъ предполагать, что теперь онъ сохранитъ командованіе арміей, вопреки слухамъ объ его отзваніи. Кромѣ того, что затрудняются найти ему замѣстителя,

¹⁾ Фельдмаршалъ А. Б. Бутурлинъ, командовавшій русскими войсками противъ пруссаковъ.

генералъ пользуется сильной поддержкой, находясь въ родствѣ съ семьей Воронцовыхъ.

По словамъ заслуживающаго довѣрія лица, великому князю еще не удалось получить согласія императрицы на выдачу пенсіи голштинскому принцу Георгу, о чёмъ старается г. Сальдернъ. Думаютъ, что императрица, уступивъ настояніямъ, дастъ свое согласіе.

Съ г. Лефортомъ, церемоніймейстеромъ двора, произошла недавно непріятная исторія, которая могла бы очень плохо для него кончиться, если бы ему не удалось счастливо изъ нея выпутаться. Г. Лефортъ завѣдуетъ казенной лотереей, и одинъ изъ его близайшихъ помощниковъ обвинилъ его въ злоупотребленіяхъ, утверждая, что онъ присвоилъ и растратилъ взятые имъ изъ лотерейнаго фонда 100 тыс. руб. Дѣло это произвело много шума, и такъ какъ у самого г. Лефорта ничего неѣтъ, но живеть онъ широко, то въ обществѣ стали относиться къ нему съ подозрѣніемъ и вѣрить обвиненію, тѣмъ болѣе, что г. Лефортъ, узнавъ, въ чёмъ его обвиняютъ, сильно смущился и началъ запинаться. Какъ бы то ни было, но онъ сумѣлъ себя оправдать и, если ему не удалось подняться въ общественномъ мнѣніи, то, по крайней мѣрѣ, онъ избѣжалъ грозившей ему опасности. По мнѣнию всѣхъ его спасло имя (онъ приходится внучатымъ племянникомъ знаменитому Лефорту) и поддержка канцлера Шувалова. Чтобы добиться оправданія, онъ прибѣгнулъ, по совѣту своего друга, къ весьма своеобразному способу. Онъ явился въ Сенатъ съ документами, которыми онъ надѣялся объяснить, куда имъ были израсходованы недостающія въ кассѣ деньги, и потребовалъ или немедленнаго своего оправданія или же обвиненія. Сенаторы объяснили ему, что онъ можетъ передать свои документы, что мѣстожительство его известно и его вызовутъ, когда это будетъ необходимо. Но онъ остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ и заявилъ, что онъ не уйдетъ изъ Сената до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено его дѣло. Его убѣждали, что этого нельзя сдѣлать въ тотъ же день, и просили идти къ себѣ домой. Но съ рѣзкостью, съ его стороны нѣсколько удивительной, онъ заявилъ, что сдѣлаетъ по-своему и, приказавъ своимъ слугамъ подать себѣ ужинъ, расположился въ Сенатѣ почевать. Сенаторъ Трубецкой, возмущенный его поведеніемъ, далъ ему понять, что Сенатъ учрежденіе настолько высокое, что нельзя обращать его ни въ тюрьму, ни въ гостиницу. Но, несмотря на это, г. Лефортъ и на слѣдующій день продолжалъ свое жи-

тельство въ Сенатѣ, пока наконецъ императрица не приказала г. Олсуфьеву въ тотъ же вечеръ собрать экстренное засѣданіе Сената и разобрать дѣло. Сенатъ исполнилъ приказаніе императрицы; г. Лефортъ былъ признанъ невиновнымъ съ правомъ отрѣшить отъ должности своего доносчика и принять на его мѣсто кого онъ пожелаетъ; выборъ его будетъ утвержденъ Сенатомъ. Такъ закончилось это дѣло, привлекшее къ себѣ всеобщее вниманіе и поколебавшее довѣріе къ государственной лотерейѣ.

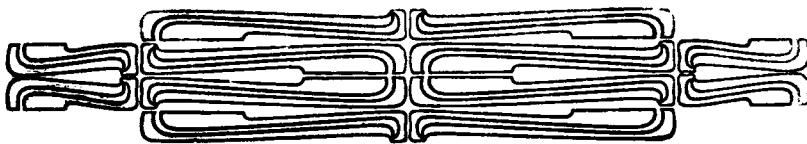
Здоровье графа Петра Шувалова по-прежнему въ опасности. Вельможа этотъ написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ указывалъ на г. Глѣбова, какъ на достойнаго своего замѣстителя, во время своей болѣзни, а также на случай его смерти, на посту начальника артиллеріи. Императрица приняла во вниманіе его указанія, и на г. Глѣбова возложено временно выполненіе обязанностей начальника артиллеріи. Графъ Шуваловъ отправилъ двухъ курьеровъ, одного въ Вѣну къ знаменитому врачу Ванъ-Свитецу, другого — къ не менѣе знаменитому Штоціусу въ Лейденъ, спрашивая ихъ совѣта относительно своего здоровья.

Гакстаузенъ.

Сообщилъ Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Въ Задонскихъ степяхъ“.

Ахъ ты, степь, моя степь. степь широкая!

Кольцовъ.

I.

оропи и привольны наши Задонскія степи!

Почти отъ лѣваго берега Дона начинается ихъ вольная, широкая громада и идетъ до предѣловъ Ставропольской губерніи. Я говорю „почти“, ибо отъ лѣваго берега приходится еще проѣзжать по юртамъ станицъ—Богаевской и Маныцкой—до балки Хомутецъ, границѣ земель станичныхъ и войсковыхъ-коннозаводческихъ.

Эта громадная территорія—величиною съ Францію (900.000 десятинъ), разбита на такъ называемые „участки“ (2.400 десятинъ), которые отданы въ пользованіе частнымъ лицамъ для разведенія Донского частнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, пользованіе здѣсь степью, или участками, безъ лошадей—немыслимо. На каждый участокъ приходится 200 головъ лошадей, считая съ приплодомъ, маленькими жеребятами, и каждый коннозаводчикъ долженъ зорко слѣдить, чтобы установленная норма, *по количеству*, всегда соотвѣтствовала участку, ибо всѣ они находятся подъ непосредственнымъ контролемъ правительства, обращающаго также серьезное вниманіе и *на качество* лошадей; эти два условія, количества и качества, были положены непремѣннымъ условіемъ жизни въ степяхъ каждого коннозаводчика и несоблюденіе поддержки того и другого вело къ немедленному отобранію отъ него участка и передачѣ его другому лицу.

Такъ жили и пользовались коннозаводчики всѣми благами своего положенія, создавая конскіе заводы,—одни богатѣя, другие умирая нищими, третьяи вели заводъ кое-какъ, напрягая

всѣ силы, чтобы удержать за собой участки, и не лишиться на вѣки такой благодати.

У каждого коннозаводчика все составляло его собственность, кромѣ земли, за которую платили войску со всѣми сборами,—окружными, мировыми,—что-то около $10^{1/2}$ копѣекъ за десятину,—цѣну, какъ видите, можно сказать, ничтожную.

Вся земля нарѣздалась коннозаводчику на 24 года, и за этотъ срокъ какое поле представлялось честному человѣку приобрѣсти себѣ богатство!

Такъ какъ земли было много, а лошадей на участокъ приходилось не Богъ знать какое количество (200 головъ), то въ помощь коннозаводчику давалось право заниматься на участкѣ земледѣлемъ, скотоводствомъ и овцеводствомъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. Все это, вмѣстѣ съ коннозаводствомъ, могло давать громадные барыши хозяину. Оттого-то задонскія степи назывались на Дону старицами „золотымъ дномъ“.

Усадьба каждого коннозаводчика, т. е. домъ, со всѣми надворными постройками и со всѣмъ живымъ хозяйствомъ, назывались „зимовникомъ“, или „зимникомъ“, какъ говорили простые люди и калмыки.

Иногда эти „зимовники“ находились близко другъ отъ друга (10—15 верстъ), а иногда верстахъ въ 50 и болѣе. Это зависѣло отъ расположения участковъ и общей situaciї громадной степной территории. Всѣхъ зимовниковъ въ Задонскихъ степяхъ было до 200.

Нашъ зимовникъ занималъ первое мѣсто, начиная отъ балки Хомутецъ, и состоялъ, благодаря заботливымъ хлопотамъ отца, изъ 5 участковъ, т.-е. изъ 12.000 десятинъ земли.

Сначала шла узкая полоса земли, версты въ двѣ шириной. а затѣмъ далѣе къ югу, разворачивалась широкимъ квадратомъ, 7 верстъ въ ширину.

Фигура нашихъ участковъ по плану представляла собою очертаніе топора. Что такъ называемая знаменитая Бурукчунская степь¹⁾, гдѣ сѣяли хлѣбъ и производили главные запасы сѣна.

Разстояніе отъ крайней точки Бурукчуна до зимовника и рѣки Маныча равнялось 31 верстѣ.

Земля въ Задонскихъ степяхъ—глубокій черноземъ: жир-

¹⁾ Бурукчунъ—калмыцкое название.

ная и плодородная, настоящее золото, и не знала никакихъ удобрений.

Вся площадь земли, начиная отъ конца рукоятки топора къ головѣ, представляла собою ровную, куда глазъ хватить, степь, необъятную и широкую, покрытую ковылемъ и разными степными травами.

Вотъ въ этой-то степи я провелъ свое дѣтство и юношество.

II.

Воспоминанія моего ранняго дѣтства не простираются очень далеко. Меня 9-лѣтнимъ мальчикомъ привезли въ бричкѣ на зимовникъ и сказали: „любуйся!“ Зимовникъ былъ новый, въ отличіе отъ стараго въ полуверстѣ разстоянія, гдѣ былъ только одинъ разрытый большой курганъ, бывшій конюшней коннозаводчика Янова. Такъ это старое урочище и осталось, имѣя только разрытый курганъ и нѣсколько старыхъ ямъ, поросшихъ лопухомъ и бурьяномъ, слѣды бывшихъ надворныхъ построекъ.

Удивительно жили прежде люди! раскопать большой курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню.

Но голь на выдумки хитра! Здѣсь нѣть лѣсовъ, значитъ, нѣть подъ руками необходимаго строительного материала, и вотъ, чтобы устроить хорошую теплую конюшню, нужно воспользоваться материаломъ самой природы, — разрыть курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню!

Новый зимникъ представлялъ изъ себя усадьбу, съ небольшимъ деревяннымъ домомъ, въ пять комнатъ, съ штукатуренными стѣнами, съ простою деревянною мебелью, съ некрашенными полами и окнами, съ деревяннымъ крыльцомъ, выходившимъ въ садикъ, и дверью внутрь комнатъ, и парадный и черный ходъ. Задняя сторона этого дома-флигеля была обращена къ степи, откуда отецъ изъ залы, въ окна, любилъ смотрѣть въ степь и наблюдать за рабочими въ подзорную трубу, чѣмъ производилъ эффектъ, ибо рабочие, не зная о существованіи этой трубы, были поражены, какъ „панъ“ изъ окна дома могъ видѣть все, происходившее въ степи, на довольно большомъ разстояніи, верстъ на пять, и приписывали это, дѣйствительно, необыкновенному зрѣнію отца, подъ старость развившаго въ себѣ дальновидность. Этому окошку впослѣдствіи пришлось сыграть видную роль въ жизни отца. Когда, уже много лѣтъ спустя послѣ возвращенія нашего на новомъ зимовникѣ, къ намъ

въ степи приѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Старшій смотрѣть табунъ, у отца на зимовникѣ, какъ первомъ по порядку и по положенію, былъ назначенъ сборный пунктъ окрестнымъ табунамъ, которымъ смотрѣть производился около двора. Послѣ завтрака пошелъ дождь и на травѣ было росисто. Великій Князь, замѣтивъ, что изъ окна можно было смотрѣть лошадей, сказалъ, обращаясь къ отцу: „и вотъ прекрасно, вели, полковникъ, подгонять лошадей къ окну, мы отсюда увидимъ все“.

Отецъ распорядился, но замѣтилъ: „Когда Ваше Высочество пріѣдетѣ въ Петербургъ, будете всѣмъ рассказывать, что видѣли донское коннозаводство, только скроете, что дѣлали это изъ окна“.

Великій Князь тутъ же схватилъ свою фуражку и побѣжалъ въ степь по ростѣ, а за нимъ и вся свита.

Кромѣ окна въ степь, другія окна флигеля выходили въ садъ и во дворъ. Садъ былъ посаженъ отцомъ молодой, со множествомъ вишневыхъ и яблочныхъ деревьевъ, и простирался далеко по балкѣ Хомутецъ.

Затѣмъ слѣдовали надворныя постройки: такъ называемая „бѣлая хата“, гдѣ была кухня для господскаго стола, напротивъ, еще маленькая кухня, за нею погребъ и ледникъ, да еще четыре хлѣбныхъ амбара, а подъ угломъ къ нимъ, подъ одной крышей, каретный сарай, конюшня, сарай для разныхъ землемѣльческихъ орудій, и еще подъ угломъ плотничный сарай и еще людская.

Такимъ образомъ, надворныя постройки, вмѣстѣ съ флигелемъ составляли квадратъ, имѣвшій два прогала для воротъ: одинъ—между людской избой и „бѣлой хатой“, а другой—между амбарами.

Расположенную при зимовникѣ, со стороны сада, балку Хомутецъ отецъ использовалъ для пруда; весною, при таяніи снѣговъ, шумящая вода въ балкѣ задерживалась искусственной плотиной, длиною до ста саженей, и, такимъ образомъ, образовался прудъ, или ставъ, довольно большой въ длину, верстъ до двухъ, и глубиною до двухъ аршинъ.

Вода въ ставу, какъ снѣговая, была мутна и не годилась для питья, но прудъ въ этой безводной мѣстности былъ необходимъ для питья скотинѣ и поливки сада и огорода, и кромѣ того въ жаркіе дни, служилъ немалымъ украшеніемъ для заброшенной среди степи усадьбы зимовника.

Среди двора былъ колодезь съ такой странной на вкусъ

водой, что, миѣ кажется, если бы подвергнуть ее надлежащему изслѣдованию, то она оказалась бы минеральной: ее можно было еще пить холодную, только-что вытащенную бадьюю или цеберкой, но стоило ей только немножко постоять и согрѣться,—она уже давала какой-то осадокъ на краяхъ стакана и была положительно противна.

Рабочіе и люди, а также и рогатый скотъ пили ее въ жару съ наслажденіемъ.

Намъ для стола и самовара возили воду въ бочкѣ издалека, съ балки Терновки, о которой будетъ сказано впослѣдствіи.

Нашъ садъ оканчивался огородомъ, съ маленькою хаткою, гдѣ некрасивы черные хлѣбы для рабочихъ, а даѣше внизъ къ Хомутцу, раскинулся большой лугъ, заросшій лопухами и рѣпньями, хмелемъ, бурьяномъ и какою-то непомѣрно высокую травою, мѣсто моихъ неизвестныхъ скитаний въ дѣтствѣ.

Лугъ прилегалъ еще къ одному старому саду, высокія вербы по краямъ которого явственно виднѣлись въ жаркіе дни и машили подъ свою широкую тѣнь и человѣка, и все живое, задыхающееся отъ палящаго зноя. Это былъ садъ старый, насаженный еще давно, какимъ-нибудь прежнимъ владѣльцемъ.

Изъ плодовыхъ деревьевъ уцѣлѣли только яблони, дававшія великолѣпныя яблоки. Помню одинъ сортъ некруглыхъ, а цилиндрическихъ яблокъ, цвѣта желтаго воска, съ легкимъ румянцемъ на поверхности, замѣчательно пріятнаго вкуса, напоминавшаго лимонадъ; да еще яблоки съ яблонь „баринъ“ и „панъ“, отличающіяся необыкновенными размѣрами и тоже дивнымъ вкусомъ. Весь садъ этотъ обнесенъ былъ глубокой канавой и тихо дремалъ, доживая свои дни.

Спустя много лѣтъ, когда мы продавали зимовникъ, онъ изображалъ изъ себя настоящую руину, заглохшую и зацвѣвшую, или вѣрнѣе, отцвѣвшую.

За садомъ Хомутецъ представлялъ собою опять прудъ, но уже не напѣ, а расположеннаго по ту сторону сначала хохлацкаго, а потомъ казачьяго поселка, сплошь заросшій камышемъ и служившій любимымъ мѣстомъ пребыванія дикихъ утокъ, на которыхъ я устраивалъ нерѣдко охоту. Оттуда прудъ въ полуверстѣ заканчивался тоже искусственной плотиной.

III.

Мой отецъ, служившій ранѣе до покуки зимовника, въ гвардіи и арміи, былъ замѣчательнымъ кониозаводчикомъ. Выйдя

въ отставку съ чиномъ подполковника, онъ всесѣло занялся хозяйствомъ и пріобрѣлъ 5 участковъ земли, гдѣ развелъ обширный табунъ лошадей, количествомъ 1.000 головъ, рогатаго скота 600 головъ и овецъ до 5.000 штуки. Вся эта живая громада и составляла наше богатство на зимовникѣ.

Но, замѣчательно, что, имѣя такой роскошный по количеству и качеству заводъ лошадей, отецъ не имѣлъ ни порядочнаго выѣзда, ни хорошей лошади въ г. Новочеркасскѣ, гдѣ унасъ былъ свой домъ, и никогда даже не помышлялъ о томъ, что коннозаводчику нужно поддержать свое достоинство, напр., имѣть хорошихъ лошадей для выѣзда, смѣнить старую, изорванную сбрую и пріобрѣсти вполнѣ приличный и удобный экипажъ для своихъ постоянныхъ поѣздокъ.

Нѣтъ, онъ съ видомъ любителя и знатока, ревниво любовался только издали на своихъ лошадей и находилъ въ этомъ любованіи и восторгѣ истинное наслажденіе.

Глядя на какую-нибудь пару великолѣпныхъ кобылъ, пробѣгающихъ мимо его глазъ, онъ съ наслажденіемъ пощекивалъ языккомъ, повторяя про себя: „вотъ красота-то, вотъ въ пару, въ дышло“!

И кобылы бѣжали, какъ будто нарочно рядомъ, точно демонстрируя идеальный бѣгъ въ дышло передъ глазами восхищенаго хозяина.

Или, смотря на какого-нибудь красавца-жеребца, онъ тоже говорилъ: „а этого подъ сѣдо, да кому-нибудь ловкому кавалергарду на Царскій смотръ, чтобы это было!“ и онъ точно задумывался, чтобы это было, еслибъ дать волю своей фантазіи и обратить ее въ дѣйствительность.

Наши смотры табуна и поѣздки въ табунъ были очень часты. Особенно доставалось мнѣ, младшему сыну, изъ всей семьи. Отецъ несомнѣнно любилъ меня и возлагалъ на меня все свои надежды, разсчитывая, что онъ такими поѣздками меня пріучить къ безмолвному любованію своимъ заводомъ, что я полюблю это дѣло и буду съ честью продолжать его. Но надежды эти не оправдались. Сколько я ниѣздила и ни любовался и степью и заводомъ, судьба рѣшила иначе: по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университѣтѣ и продажѣ зимовника, я пошелъ по Вѣдомству Министерства Юстиціи въ одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ, прослуживъ 23 года, дослужился до паралича...

Теперь я пишу свои воспоминанія, далекія отъ свѣта и

жизни, но вижу всѣ описанныя картины передъ глазами, точно не прошло съ тѣхъ поръ почти сорокъ лѣтъ!

Насъ было въ семье семь дѣтей. Самый старшій братъ мой неудачно началъ и кончилъ свою жизнь, проживая все время въ городѣ и умеръ сравнительно не старымъ человѣкомъ, а изъ пяти сестеръ только младшая, Маня, вмѣстѣ съ матерью раздѣляли мою жизнь на зимовникѣ.

По окончаніи университета я и подумывалъ было не вступать на службу, оставаться на зимовникѣ, продавъ изъ пяти—три участка и оставилъ себѣ два, но разныя обстоятельства помѣшили этому. Къ тому же трудно предположить, чтобы 24 лѣтній молодой человѣкъ, едва окунувшійся въ жизнь, обладалъ бы такимъ знаніемъ этой жизни, такимъ опытомъ, чтобы могъ взять на свои плечи всю тяжесть подобнаго хозяйства.

Въ своихъ безчисленныхъ поѣздкахъ по степямъ и въ табунъ, на тройкѣ старыхъ маштаковъ, въ оборванномъ и дредежащемъ тарантасѣ, отецъ неизмѣнно толковалъ мнѣ о хозяйствѣ и показывалъ границы нашихъ участковъ.

Мы выѣзжали изъ дома рано, часовъ въ 6 утра, и сѣдавъ въ оборотѣ верстъ 30, по отличнымъ степнымъ дорогамъ, возвращались домой къ обѣду.

Замѣчательно интересны и, по-своему, поучительны эти поѣздки!

Солнце уже высоко поднялось на небѣ, давно ночная прохлада смѣнилась тепломъ, когда къ подъѣзду нашего флигеля подавалась тройка разномастныхъ маштаковъ, заложенныхъ въ старый тарантасъ. На козлахъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ — калмыкъ, Максимка, или просто дворовый человѣкъ, бывшій садовникъ, а потомъ сѣдѣланный конюхомъ, котораго отецъ за невѣдомыя заслуги прозвалъ „морякомъ“; мы наскоро нали чай и садились въ тарантасъ, при чемъ я съ лѣвой стороны, а отецъ съ правой. Выбравшись предварительно Максимку или „моряка“ за какую-нибудь видимую или невидимую неисправность въ упряжкѣ, или ужъ за слишкомъ видимую неаккуратность въ чисткѣ упряженыхъ лошадей, отецъ окончательно садился на свое мѣсто и говорилъ „пошелъ“, и тарантасъ выѣзжалъ мимо „блѣлой хаты“ со двора въ степь. Пославъ еще иѣсколько ругательствъ кучеру, отецъ облакачивался на налку и на время умолкалъ.

Дорога была гладкая и ровная, какъ паркетъ, но меня порядкомъ встряхивало отъ толчковъ и общей старческой дряхлости тарантаса, или, можетъ быть, со сна; послѣ теплой по-

стели, непривыкшій къ такимъ путешествіямъ, я сидѣлъ въ углу тарантаса согнувшись и предавался своимъ мальчишескимъ думамъ. Миѣ было видно только лѣвая пристяжная, громадный бѣлый конь, доставшійся намъ отъ барышника Подконаева; я видѣлъ заднія, длинныя ноги коня, ритмически отбивающія рысь, или порою, съ перемѣнной аллюра, скачь; онъ высоко забиралъ передними ногами и неудержимой скачкой стремился впередъ, точно несъ на хребтѣ своею безстраницаго всадника.

Коренникъ, обыкновенно изъ доморощенныхъ, сначала „Захарка“, а потомъ „Васька“, калмыцкой породы, приземистый и лѣнивый, бѣжалъ прижавши уши и мало обращая вниманія на хлесткіе удары со стороны недовольнаго чѣмъ-нибудь „моряка“. Третій лошади я не помню.

За то отличался своей вѣрной, неизмѣнной службой нашъ коренникъ, пріобрѣтенный уже впослѣдствіи,—такъ называемый „Буланчикъ“, прозванный такъ за свою буланую масть и бѣлую, почти желтую гриву; калмыцкой породы, плотный и коренастый, онъ былъ истиннымъ иноходцемъ. Съ его иноходью подчасъ табунныя, верховыя лошади мѣрялись только рысью, или короткимъ галопомъ. Ни одна пристяжная, сколько ихъ ни имѣлось, не могла выносить его, по истинѣ, замѣчательной иноходи! Была только одна лошадь во всемъ заводѣ съ замѣчательной иноходью, но о ней я скажу позже.

Тарантасъ тихо катился, встряхиваясь по ровной дорогѣ. Отецъ, въ тепломъ пальто и форменной казачьей фуражкѣ, былъ погруженъ въ свои думы, по временамъ взглядываясь вдалъ, а я отъ нечего дѣлать смотрѣлъ по сторонамъ.

Въ четверти версты отъ дома пролегала большая солевозная дорога, трактъ, или шляхъ, ведшая отъ насъ на югъ, черезъ степь, въ станицу Великокняжескую, или Кара-Чепчики, а на западъ, черезъ мостикъ на Хомутцѣ — въ Ростовъ Д.

Съ ранней весны по ней тянулись непрестанныя валки (обозы) чумаковъ съ соленої рыбой (таранью), хлѣбомъ и солью, везшіе всѣ эти товары съ береговъ Волги въ Ростовъ. Ихъ тяжелые, таврическіе волы требовали корма и водопоя, а гдѣ его взять, если и по близости воды нигдѣ нѣть? — Они знали, что у насъ есть прудъ, да и кормъ, не то, что на отведенной при дорогѣ полянѣ, совершенно выбитой проходящимъ скотомъ и выжженной солнцемъ.

„Стой“, раздалось изъ тарантаса; кучерь остановился; отецъ замѣтилъ отдыхавшую валку.

„А сколько головъ?“ — „Да безъ одного сотня валівъ“, раздались въ отвѣтъ; „ну, давайте 99 копѣекъ“, сказалъ отецъ.

Чумаки и рады такой цѣнѣ: они за рубль отлично здѣсь наноятъ усталыхъ воловъ и двинутся далѣе въ дорогу.

„А попасти же можно“, — раздается далѣе.

„Пасите, тогда заплатите по двѣ копѣйки за голову“.

Хохолъ лѣзетъ въ кошель и отдаетъ деньги.

„Понадѣлъ“, кричитъ вновь отецъ, и мы катимся далѣе.

Отецъ въ своихъ поѣздкахъ всегда Ѵздила съ колоколами.

За солевозной дорогой начинается уже степь.

По бокамъ видныются старыя пашни и поля ржи и пшеницы; далѣе овесъ, ячмень и гречиха.

Направо виднѣется хуторъ Харченко, съ вѣтряной мельницей на косогорѣ.

Мы еще долго Ѵдемъ по узкому мѣсту нашего участка, по топорищу, и только черезъ 12 верстъ, перѣѣхавши двѣ балки (овраги) Куцую и Сухую, приближаемся къ широкому мѣсту участка — балкѣ Терновой, — гдѣ расположены калмыцкія кибитки, гдѣ водопой для лошадей, четыре колодезя въ самой глубинѣ балки, откуда возять намъ воду, и широкій прудъ для скота и овецъ. Этотъ прудъ устроенъ также искусственно, изъ снѣговой воды, но онъ имѣеть также свои ключи, отчего вода въ немъ всегда свѣжая и холодная.

Отецъ приказываетъ остановиться, и мы выходимъ изъ трантаса.

Ужъ близко полдень; цалить невыносимый зной.

Лошадей кусаютъ мухи, и онѣ отбиваются отъ нихъ головою, ногами и хвостомъ; корсникъ трясется головой, отчего колокола на дугѣ слегка позваниваютъ.

Мы идемъ навстрѣчу табуну, приближающемуся къ водопою. Теперь лошади уже подошли къ Терновкѣ и пускаются къ колодезямъ отдѣльными партіями, штукъ по 50, а остальная терпѣливо дожидается своей очереди, сдерживаемая однимъ коннымъ табунищикомъ.

Весело смотрѣть, какъ лошади, большія и жеребята, привычнымъ шагомъ идутъ пить хорошую и холодную воду.

Жеребята ишалятъ, брыкаются и, напившись у корыта, поднимаются на крутой, противоположный берегъ балки.

Къ концу обязательно подѣлжаетъ старшій табунищикъ, Манци, и, сѣвъши съ лошади, безъ фуражки, докладываетъ отцу о всѣхъ новостяхъ въ табунѣ, о благополучіи, цѣлости лошадей,

о больныхъ и т. п., о всемъ касающемся табуна. Отецъ все выслушиваетъ, видимо довольный, и продолжаетъ смотрѣть все новыя и новыя партіи, идущія къ корыту.

Такъ мы стоимъ часа два Манца уже уѣхалъ по своимъ дѣламъ и обязанностямъ, а мы все смотримъ, пока не напьется послѣдняя лошадь; тогда мы вновь переходимъ къ табуну напоенныхъ лошадей и вновь смотримъ, пока Манцѣ не будетъ сказано все нужное и ненужное, и осмотрѣ, наконецъ, оканчивается. Передъ отѣзломъ отецъ достаетъ изъ тарантаса два черныхъ хлѣба и передаетъ Манцѣ для младшихъ табунщиковъ, или „ребятъ“, какъ называлъ ихъ отецъ. Это для нихъ своего рода лакомство, ибо они资料а хлѣба не некутъ и пытаются разными болтушками и прочимъ варевомъ, изготовленными имъ ихъ калмыками на таганѣ, въ кибиткѣ. Для этого каждый табунщикъ получаетъ изъ двора такъ называемое „мѣсячное“—пудъ ржаной муки, пудъ пшена, немногого соли и два черныхъ хлѣба.

Конечно, этого запаса не хватаетъ на мѣсяцъ для пропитанія взрослого человѣка, его жены и семьи, и имъ предоставляется самимъ изобрѣтать для себя пищу.

Калмыки народъ грязный и невзыскательный на пищу, онъ есть все, не исключая даже павшей скотины, овцы и лошадей.

Младшихъ „ребятъ“ у насъ было 5 человѣкъ. Это очень ограниченное число сторожей для такого обширнаго табуна, какъ 1.000 головъ, объясняется тѣмъ, что лѣтомъ волковъ въ степи нѣтъ, похитителей тоже нѣтъ, а слѣдовательно, охрана табуна не представляетъ какихъ-либо затрудненій, а зимою табуны склоняются ближе къ дому, въ густые камыши рѣки Маныча, или загоняются отъ бурановъ и мятелей въ особое помѣщеніе съ крышей по краямъ, называемое „базами“.

Удивительный народъ эти калмыки. Не слѣзать цѣлый годъ съ лошади, питаться кое-чѣмъ, напоить 1.000 головъ изъ колодезей, доставая оттуда своими руками цѣбрами, подчасъ въ невыносимый зной полуденного солнца, градусовъ въ 50 по Р. и при этомъ знать, что вся эта цѣнная громада лежитъ на его отвѣтственности, получая за все 60 рублей въ годъ,—это уже свыше силь человѣка!

Найдите-ка для такой каторжной работы любого русскаго, или солдата, или казака, всегда все выносящихъ, да онъ пропадетъ въ первый мѣсяцъ!

Да калмыкъ неприхотливъ и въ своей частной жизни. Разумѣется, если взять простого, обыкновеннаго, бѣднаго кал-

мыка, какими были наши табуищики. Его кибитка—все и есть его имущество.

Вы входите въ кибитку, сдѣланную изъ полстей и войлока, и васъ прежде всего поражаетъ непріятный запахъ, ибо воздухъ здѣсь пропитанъ дымомъ; посреди кибитки стоять всегда таганъ съ огнемъ, мѣсто, у котораго калмыки всегда варятъ себѣ пищу. Вверху полсть немнога пріоткрыта, и получается отверстіе для дыма. Топливомъ служать „кизеки“—вырѣзанные лопатой квадраты изъ земли, мелкой соломы и лошадинаго или коровьяго помета, мѣста зимнихъ стоянокъ калмыка. Дымъ отъ кизековъ противный и ёсть глаза. По стѣнамъ кибитки стоять кровати и сундуки, напиханные зимней и лѣтней одеждой калмыка и его семьи.

Въ кибиткѣ васъ встрѣчаетъ калмычка, молодая и толстая баба, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ,—синемъ сарафанѣ, съ красными тесемочками кругомъ и съ толстыми косами, заплетенными въ двѣ пряди и покоющимися на груди, въ черныхъ бархатныхъ чехлахъ и въ шапкѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ мужской.

Калмыки очень гостепріимны. Гость непремѣнно садится около тлѣющаго костра, на корточкахъ.

Около кибитки, еще до входа въ нее, вы видите двухъ или болѣе ребятишекъ, прыгающими кругомъ голыми; нѣсколько поодаль стоитъ спутанная лошадь или корова, у кибитки стоять привязанный теленокъ.

Спустя немнога, калмычка нацѣживаетъ въ деревянную миску изъ высокой кадушки „арьян“ и подаетъ вамъ въ той же мискѣ. „Арьянъ“—это питье изъ кобыльяго или коровьяго молока, очень остраго вкуса; въ лѣтніе дни отецъ и я всегда спрашивали этого аряну, онъ пріятенъ на вкусъ и хорошо утоляетъ жажду.

Въ свои праздники калмыки приготовляютъ еще другой напитокъ „араку“—очень крѣпкій, хмельный и непріятный на вкусъ, напоминающій смѣсь нашей водки съ теплою водою.

Калмыки же очень любятъ его и напиваются имъ до одуренія, но все же больше уважаютъ русскую водку и пьютъ ее стаканами, не разбирай что.

Религія калмыковъ—буддизмъ, съ примѣсью шаманства. „Гелюнъ“—калмыцкій попъ—личность, встрѣчаемая нерѣдко и въ нашихъ Задонскихъ степяхъ,—неприкосновенная. Онъ пріѣзжаетъ сюда изъ „хорула“,—мѣстопребыванія высшихъ ду-

ховныхъ лицъ и архиерея—по духовнымъ своимъ требамъ; ходить всегда въ ярко-аломъ халатѣ и маленькой шапочкѣ, и отличается необыкновенною алчностью до денегъ: когда гелюнъ пріѣзжаетъ, напр., къ больному и послѣдній умретъ при немъ, то, по обычаю половина его имущества, въ чёмъ бы таковое ни заключалось, переходитъ обязательно къ гелюну.

Калмыки вообще народъ лѣнивый и легковѣрный, трусоватый и вороватый до невозможности. Въ мое время рѣдко кто не попадалъ въ тюрьму за кражу. Да и какъ было устоять, когда все имущество сдано на личную его отвѣтственность и добровѣтность.

Мы опять въ тарантасѣ, и отецъ приказываетъ кучеру завернуть къ расположенному недалеко, въ этой же балкѣ Терновкѣ, пруду, гдѣ совершался водопой другого громаднаго стада рогатаго скота, 600 головъ.

Водопой уже кончился, осмотръ уже короткій, и, Шевалдыкъ, старшій гуртовщикъ, также спѣшившись съ коня и снявъ свой картузъ, какъ и Манца, докладывалъ про скотину и пр.

Отецъ также остался доволенъ и далъ ему также хлѣбъ.

Коровы и быки всѣ темно-красные, какъ божи коровки, широко расползлись по зеленой травѣ.

Солнце было уже въ полдень и сильно припекало. Я чувствовалъ уже голодъ и подумывалъ обѣсть, а домой возвращаться нужно было 12 верстъ.

Отецъ приказалъ повернуть тарантасъ нальво, и мы проѣхали версты три, какъ раздалось „стой“.

Отецъ всталъ въ срединѣ тарантаса и, всматриваясь зоркимъ взглядомъ въ окрестность, наконецъ произнесъ: „а, вотъ, гдѣ они!“—„Поѣзжай прямо безъ дороги“,—и тройка повернула шагомъ прямо по ровной степи, покрытой невысокой травой, которую пристяжныя, нагибая головы, хватали зубами и тутъ же на ходу жевали, отбиваясь отъ мухъ.

Тарантасъ медленно покачивало при неровностяхъ почвы, гдѣ-то вверху заливался жаворонокъ; въ сажени отъ тарантаса откуда-то вылетѣла стрепетка и, хлюпая крыльями, черезъ небольшое разстояніе, опять упала въ траву. Мы приблизились къ отарѣ овецъ.

Издали они казались бѣлою кучкою на зеленомъ фонѣ травы!

Нѣлизи они стояли, сбившись въ общую кучу, опустивъ головы и спасаясь отъ жары.

Старый Прохоръ, главный овчаръ, или чабанъ, подошелъ, къ намъ и снялъ фуражку, держа въ рукахъ длинную палку

или герлыгу, съ деревянной петлей на концѣ (приспособление для ловли овецъ за заднюю ногу) и дѣлалъ отцу свой докладъ.

Внѣшность Прохора была типична: средняго роста, но необыкновенно широкій мужчина, онъ неизмѣнио всегда былъ въ одномъ костюмѣ: широкіе штаны, заправленные въ сапоги, цвѣтная жилетка, на шеѣ обязательно какой-нибудь цвѣтной ситцевый платокъ, грязный отъ пота; у пояса на серебряной пряжкѣ висить рогъ съ дугтемъ и синимъ камнемъ, непремѣнными принадлежностями чабана, и безчисленнымъ количествомъ деревянныхъ палочекъ и лопаточекъ для выковыривания червей.

Тутъ же стояла чабанская арба (возъ), запряженная парою воловъ съ воткнутыми по угламъ палками съ пучкомъ ковыля, бѣлаго цвѣта, и привязаннымъ сзади корытомъ для корма собакъ.

Арба—это домъ для чабана; онъ складываетъ туда провизію, муку, пшено для каши и хлѣбы, тамъ же помѣщается его незатѣйливая одежда, разныя вещи и пр.

Для чего, именно, она украшается такими странными принадлежностями, какъ палки съ ковылемъ,— я не могъ добиться объясненія. Чабаны говорили, что это отъ волковъ, по врядъли, ибо волковъ въ степи лѣтомъ не видно, да они и не побоялись бы такого украшенія, а просто это—эмблема чабанской жизни, признанная необходимостью каждой чабанской арбы.

Когда мы проѣзжали мимо арбы, на насъ бросилась съ лаемъ большая, бѣлая собака, едва отогнанная чабаномъ отъ лошадей.

Чабаны водятъ собакъ и едва-ли не щеголяютъ этимъ.

Мы повернули къ зимовнику и черезъ два часа были уже дома.

IV.

Мы принадлежали къ приходу хутора Веселаго, находящагося въ 12 верстахъ, по лѣвую сторону Хомутца, по дорогѣ въ городъ.

Хуторъ, какъ и всѣ казачьи хутора, былъ небольшой. Съ краю стояла небольшая деревянная церковь и около нея дома двухъ священниковъ прихода о. Петра и о. Еремѣя.

О. Петръ былъ небольшого роста и страшно жиренъ, съ ухватками и голосомъ протодіакона, такъ какъ ранѣе, до посвященія, онъ занималъ должность протодіакона Новочеркасскаго каѳедральнаго собора. Это былъ въ сущности добрый и ласковый

въ обращеніи священикъ, но, живя постоянно среди казаковъ и хохловъ, составляющихъ главную массу его прихода, опустился и запилъ, поглощая ежедневно чуть не ведро водки, и часто, въ особенности зимой, служилъ обѣдню въ явно нетрезвомъ видѣ.

Прихожане сначала возмущались этимъ, но потомъ, привыкнувъ къ его постоянному пьянству, не обращали ужъ на это никакого вниманія.

Другой о. Еремѣй, былъ трезвый человѣкъ, потреблялъ водку вѣремя и умѣренно, за что и пользовался симпатіями трезвыхъ прихожанъ.

Помимо, какъ-то они оба—и о. Петръ и о. Еремѣй были приглашены къ намъ въ домъ отслужить молебенъ, и про нихъ мои сестры сложили стихи:

Ахъ, ахъ, Петръ Романычъ
Прикатиль ты къ намъ на Манычъ,
Чтобы покутить!
А отецъ Еремѣй,
Тотъ-то съ цѣлью поумнѣй
Чтобы погостить!

Мы рѣдко ъездили въ церковь, и когда собирались, то закладывалась четверкою большая дорожная бричка и мы вчетверомъ—мама, нянѣка Анастасія, сестра Маня и я торжественно выѣзжали въ ней въ церковь, для чего нужно было встать часовъ въ 6 утра.

Изъ сосѣдей коннозаводчиковъ къ намъ рѣдко кто прїѣзжалъ въ гости.

Бывало изрѣдка заѣзжали къ намъ, да и то по дорогѣ въ городъ,—мои двоюродные братья, Саша и Вася Золотаревы. Ихъ желтая, соломенная найтачанка, зашряженная парою лошадей, производила во мнѣ эффектъ, точно я видѣлъ людей изъ другого міра. Въ найтачанкѣ, сбоку, всегда лежало—предметъ моихъ вожделѣній—центральное ружье,—съ которымъ Саша показывалъ мнѣ „фокусы“, стрѣлялъ коршуновъ и даже дикихъ утокъ.

Особенно памятенъ мнѣ милѣйший сосѣдъ нашъ, Павелъ Никитичъ Сидоровъ. Высокій, съ огромною черною бородой и усами, онъ всегда прїѣзжалъ къ намъ верхомъ, съ длинною вуалью на соломенной шляпѣ. Онъ былъ какъ-то медлителенъ въ движеніяхъ, говорилъ низкимъ басомъ, прищуривая небольшіе, карие глаза, точно мечталъ о чемъ-то; былъ односло-

женъ въ разговорѣ, курилъ изъ камышеваго мундштука крученыя, самодѣльныя папиросы и любилъ острить, въ особенности, когда разговаривалъ съ барышнями,—моими сестрами.

Когда, напр., старшій табунщикъ, Таза, говорилъ о примѣтахъ какой-нибудь пропавшей лошади, то первымъ дѣломъ нужно было назвать масть этой лошади. Таза, не зная хорошо русскаго языка, скороговоркой твердилъ: „звѣздочка, бѣлогубчикъ, подъ нимъ два нога“, и продолжалъ далѣе говорить, не упоминая о цвѣтѣ масти.— „А масти какой“, безстрастнымъ, груднымъ голосомъ спрашивалъ Павелъ Никитичъ, глубоко затягиваясь папиросой.— Такими, и подобными фразами Павелъ Никитичъ составилъ себѣ авторитетъ, а фраза „масти какой“ пріобрѣла себѣ права гражданства.

Другимъ сосѣдомъ и благожелателемъ нашимъ былъ симпатичный старикъ, Семенъ Ильичъ Грузиновъ, толстый, на коротенькихъ ножкахъ; ходилъ онъ всегда въ широкомъ сюртукѣ изъ сѣрой парусины, курилъ также изъ камышины и имѣлъ небольшія баки.

Онъ очень любилъ меня и по моей просьбѣ подарилъ мнѣ съ своего зимовника небольшую лодку для плаванія по ставу.

У насъ не было лодки, а у меня ужъ давно возникъ планъ въ головѣ, какъ-нибудь да устроить себѣ „мореплаваніе“ на ставу; сдѣлать лодку было некому, а покупать готовую негдѣ и дорого, для этого нужно было посыпать въ Ростовъ пару воловъ и человѣка, чтò не всегда было удобно.

Я собираялъ ненужныя доски и строилъ себѣ плотъ, изображая Робинзона Крузо, или просто таскалъ для этого отъ старого недостроеннаго дома въ саду ставни отъ оконъ. Мнѣ въ одну душу хотѣлось устроить такой плотъ, чтобы онъ дымилъ, на подобіе парохода.

Я набралъ съ мальчишками во дворѣ кирпичей; устроилъ на плоту подобіе печи, и когда вся механика была готова, и изъ трубы повалилъ дымъ, я виѣ себѣ отъ радости, стоя на плоту, отнихнулъ его отъ берега длиннымъ шестомъ, и въ то же время плотъ, отъ тяжести нагруженныхъ на него кирпичей, сталъ медленно погружаться на дно, такъ что я вымокъ до пояса.

Или добывалъ себѣ большое бѣльевое корыто и съ успѣхомъ разѣзжалъ въ немъ по всему ставу, при чемъ весломъ служила обыкновенная лопата, которой сажали хлѣбы въ печь. Я даже каталъ какъ-то въ немъ по ставу гостившую у насъ

старую свою тетку, Александру Акимовну, съ опасностью для жизни насть обоихъ.

Тетка часто потомъ вспоминала это катанье и много смѣялась надъ нимъ.

И много анекдотовъ ходило тогда о моемъ мореплаваніи.

И вотъ я какъ-то упросилъ сначала Ильича дать, а потомъ отца послать за лодкой; торжественно была заложена пара воловъ въ арбу, а старому дѣду Герасиму дано порученіе съѣздить къ Грузинову и привезти оттуда лодку. Что-то, кажется, на другой день къ обѣду вернулась пара воловъ и лодка была спущена на воду. Грузиновъ прислалъ лодку при слѣдующемъ письмѣ:

— „Что ты, Миша, плачешь?—

— „Лодочку хочу!

„Пошли, папа, къ Ильичу“ и т. д.

Лодка оказалась дырявою и страшно текла.

Я долженъ былъ при плаваніи на ней братъ съ собой ковшъ, чтобы отливать воду, но тѣмъ не менѣе флоту тогда дано было основаніе.

Счастливое воспоминаніе счастливаго дѣтства!

Напротивъ зимовника, въ полуверстѣ разстоянія, черезъ балку Хомутецъ и прудъ, былъ расположень кабакъ хохла Павла Муштатова, котораго всѣ хохлы и рабочіе прозвали за что-то „Шнуркомъ“, и это прозвище навсегда осталось за нимъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы, по воскресеньямъ, у него всегда бывала ярмарка нанимающагося люда рабочихъ и косарей, русскихъ и хохловъ; собиралось до 3.000 народа.

Съ утра до насть достигалъ шумъ и говоръ этой толпы, которая бранилась, рядилась и тутъ же запивала магарычи, нанявшиися къ какому-нибудь коннозаводчику. Весь лугъ покрывали палатки, запряженныя лошади, телѣги и люди, ожидающіе найма.

Къ вечеру этотъ гамъ немного стихалъ, и люди отправлялись къ мѣсту назначенія. Водки выпивалось неимовѣрное количество къ удовольствію самого Шнурка, непремѣнно являвшагося къ намъ по окончаніи дня.

Откуда онъ былъ родомъ—неизвѣстно.

Его маленькая, юркая физіономія, вѣчный хохлацкій говоръ и быстрыя движения указывали, что это архи-плутъ

и связываться съ нимъ было небезопасно. Недаромъ хохлы говорили про него, что онъ водку мѣшаетъ съ водой и продаетъ за чистую.

Не знаю, гдѣ и чѣмъ онъ теперь! Но въ то время все богатѣль и шелъ шибко въ гору...

У насъ на зимовникѣ было много рабочихъ и во дворѣ и въ полѣ.

Полевые рабочіе были и поденные, и работали отъ десятины; косили траву „отъ круга“, при чемъ хохлы изумляли своимъ счетомъ и знаніемъ геометріи простой, практической; народа въ полѣ было во время сѣнокоса человѣкъ 200—300.

Дворовые рабочіе панимались обыкновенно въ два срока: отъ Троицы до Покрова и отъ Покрова до Троицы.

На Троицу пригоняли партию человѣкъ въ 40 и распредѣляли ихъ кого плотникомъ, кого конюхомъ, кого простымъ рабочимъ. Цѣны были—40, 50 рублей на срокъ. Дѣвки и бабы шли въ половину.

Среди рабочихъ былъ нечто въ родѣ приказчика, или старшины, Иванъ Михайловичъ Павлоцкій, мужчина высокій, среднихъ лѣтъ, блондинъ. Онъ жилъ у насъ лѣтъ 10, получая жалованья болѣе 100 рублей.

Главнымъ приказчикомъ былъ Иванъ Семеновичъ Мазница, хитрый хохоль, средняго роста, съ большой окладистой бородой, ъздиній постоянно верхомъ и перепортнишій не одну лошадь. Онъ получалъ жалованья 200 рублей въ годъ.

Не могу не помянуть еще обѣ одномъ замѣчательномъ типѣ, еще встающемъ въ моей памяти.

У насъ въ городѣ былъ домъ, съ широкимъ дворомъ и прелестнымъ абрикосовымъ садомъ.

Такъ какъ послѣдній былъ посаженъ и выхоженъ моимъ старшимъ братомъ, то охрана плодовъ въ лѣтніе мѣсяцы лежала единственно на немъ. Братья былъ больной человѣкъ и постоянно жилъ въ городѣ.

Какъ-то лѣтомъ, въ особенно урожайное и воровлиное на абрикосы время, брату удалось заполучить непосредственнаго сосѣда нашего, Ивана Александровича Данилова, мальчика лѣтъ 18, и онъ пригласилъ его караулить садъ.

Мальчикъ оказался смышленый, и отецъ, пріѣзжая въ городъ, обратилъ на него вниманіе, называя сначала его Лекокомъ, ибо у Данилова была способность быстро отыскивать пропавшую вещь,—а потомъ и Поль-де-Кокомъ. Отецъ не зналъ

французского языка, и у него всѣ французскія фамиліи шли подъ одно.

Спустя нѣкоторое время Данилова отецъ взялъ на зимовника, сначала канторщикомъ, затѣмъ приказчикомъ и, наконецъ, Даниловъ, все повышаясь, послѣ смерти отца, сдѣлался управляющимъ Кирсановскаго завода.

Великие люди всегда начинаютъ свою карьеру съ маленькаго!

Но нужно отдать Данилову полную справедливость, онъ честно и преданно служилъ намъ и, хотя ушелъ отъ насъ по продажѣ зимовника, богатымъ человѣкомъ, съ большими деньгами, рогатой скотиной и земледѣльческими орудіями,—это только благодаря своимъ трудамъ и подаркамъ, щедро отсыпаемымъ ему мною и братомъ.

Иванъ Александровичъ былъ человѣкъ средняго роста, съ усами и безъ бороды; бороду онъ тщательно брилъ; говорилъ тихимъ голосомъ; лицо—чисто казачье, типичное, съ небольшими карими глазами.

Меня и брата онъ неизмѣнно называлъ „владѣлецъ“.

Помню страшную катастрофу, разразившуюся 15 мая 1876 г. Я только-что поступилъ въ гимназію и по слабости здоровья былъ оставленъ на второй годъ въ томъ же, 2-мъ классѣ. Экзаменовъ я не держалъ, а потому отецъ меня взялъ сейчасъ же послѣ Пасхи на зимовникъ.

Послѣ обѣда отецъ легъ отдохнуть, а мать была въ палисадникѣ, гдѣ развѣшивали бѣлье.

День былъ не жаркий, пасмурный, но въ воздухѣ чувствовалась какая-то тяжесть.

Я одѣлъ свое старенькое пальто и пошелъ по доскѣ черезъ палисадникъ, мимо матери, въ конюшню, гдѣ пробывалъ минутъ 10, а оттуда въ рабочій сарай, гдѣ я постоянно бывалъ и гдѣ у меня были пріятели-плотники. Едва я вошелъ въ сарай, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и крышу сарая снесло въ одинъ моментъ. На моихъ глазахъ вся конюшня вдругъ упала въ сторону, противоположную отъ двора, и мы, т.-е. я и плотники, принуждены были укрыться въ близъ лежащей избѣ черезъ открытое окно.

Сначала пошелъ сильный дождь, потомъ градъ, да такой крупный, что, мнѣ казалось, градины были величиною съ куриное яйцо, я по крайней мѣрѣ потомъ ужъ не видѣлъ ничего подобнаго.

Шумъ и грохотъ отъ града, отъ бушующаго вѣтра былъ

невообразимый. Нашъ дворъ превратился во что-то ужасное; потоки воды и кучи града превратили его во что-то бѣлое, бесконечное; я видѣлъ изъ окна избы, что уровень бушующей воды достигалъ аршина въ высоту.

Ужасный градъ и дождь продолжались не менѣе получаса, а затѣмъ градъ сталъ мельче, дождь тоже рѣже, — высокая масса воды сбѣжалась со двора, и намъ представилась возможность выйти изъ своего убѣжища.

Шлепая по грязи въ штиблетахъ, я едва достигъ дома.

Мать была уже въ бѣлой кухнѣ, въ полуобморочномъ состояніи. Оказалось, что она, видя въ первый моментъ, какъ завалилась конюшня, и не замѣтивъ за минуту до того моего перехода изъ конюшни въ сарай, рѣшила, что меня придавило упавшую конюшней, и какъ была, бросилась туда, бредя по поясъ въ водѣ. Ее бабы, увидя бредущую, уволокли въ бѣлую кухню.

Отецъ проснулся отъ грохота града и сидѣлъ на постели видимо не зная всего происшедшаго.

Много хлопотъ и убытка дала намъ эта буря... Тяжелыя, воловыи арбы, что стояли около недостроенного дома, силою вѣтра вынесло далеко впередъ, и тѣ, которыхъ успѣли проскочить между амбаромъ и каретнымъ сараемъ, были далеко, иѣ-которые даже на гумнѣ, въ полуверстѣ разстоянія; пастуху, мальчику, бывшему съ коровами за гумномъ, пробило голову; нѣсколько овецъ было убито въ полѣ. Къ счастію, никто изъ людей не убитъ; бывшіе въ конюшнѣ кучеръ и конюхъ спаслись тѣмъ, что сидѣли въ конюшнѣ около самыхъ открытыхъ дверей, и стѣна, надая, пакрыла ихъ пустымъ пространствомъ. Лошади какимъ-то чудомъ уцѣлѣли въ конюшнѣ.

Но кому больше всего пришлось,—это дикой птицѣ на широкихъ лиманахъ рѣки Маныча.

Тутъ, очевидно, разразился центръ всего свѣтопреставленія. Довольно высокій и густой камышъ весь помолоченъ былъ какъ на посадѣ. Утки, гуси, гагары, кулики и большие пеликаны буквально устилали собой неглубокую воду. Не говоря ужъ объ убитой, но и покалѣченной, — съ пробитою головою, съ переломанными крыльями и ногами птицы — оказалась масса. Я потомъ встрѣчалъ цѣлые обозы, арбъ въ 5—6 ходловъ съ поселка и на вопросъ, куда ёдете, мнѣ отвѣчали: „на Манычъ за птицей“!

Да, много бѣдъ сотворило и много памяти оставило это ледовое побоище 15 мая 1876 года!..

V.

Ранѣе я помянулъ, что за лодкой къ Грузинову былъ посланъ Герасимъ.

Этотъ Герасимъ былъ старикъ неопределенныхъ лѣтъ, маленький, жиdenький, съ остатками бороды, брюнетъ съ довольно сильной просьдью, съ маленькими черными глазами и съ плутоватымъ выражениемъ лица.

Онъ былъ и плотникомъ, и птичникомъ, и садовникомъ, и, наконецъ, былъ водворенъ на лѣто въ старый садъ караульщикомъ.

Дружба съ Герасимомъ была у меня большая. Сидить онъ, бывало, себѣ подъ деревомъ и ничего не дѣлаетъ. Старая привычка къ топору у него все же осталась, и онъ по временамъ бралъ топоръ и мастерилъ разныя нужные и ненужные вещи: крышки для горшковъ съ молокомъ, какіе-то ящики и пр. У него были всевозможные плотничіи инструменты.

Герасимъ все это умудрялся хранить въ маленькомъ деревянномъ ящицѣ, съ пробоемъ и замкомъ, гдѣ вмѣстѣ съ инструментами лежали также его двѣ или три рубашки и столько же шароваръ.

На деревѣ же неизмѣнно висѣло его ружье, длинная одностолка, съ перевязаннымъ веревкой ложемъ. Старикъ былъ большой охотникъ пострѣлять. Стрѣлялъ онъ рѣшительно все: начиная съ дикой утки, до которой ему ничего не стоило дойти два шага до пруда, и кукушки въ саду, да чужой собаки.

Убѣть онъ, положимъ, кукушку, и если это въ посты, Петровки или Спасовку, то не сѣѣсть ее сейчасъ, завернетъ въ тряпочку и положить на дерево. До разговѣнья остается еще недѣли три, а кукушка лежитъ на деревѣ, о чемъ онъ таинственно мнѣ докладывалъ.

Мнѣнія о себѣ, или вѣриѣ, о своихъ понятіяхъ и способностяхъ, онъ былъ высокаго.

Все сдѣланное не имъ, или безъ его указаній и руководства,—не годилось никуда.

Помню я, какъ-то къ одному богатому хохлу въ поселокъ черезъ прудъ привезли молотильную машину. Машину пустили въ ходъ, и къ намъ въ садъ доносился шумъ и гулъ отъ работы. „А онъ неправильно работаетъ“, сказалъ дѣдъ Герасимъ.

— „Почему неправильно, и кто онъ“?

— „Машинистъ неправильно машину поставилъ“ отвѣчалъ дѣдъ Герасимъ, дѣлая неопределенный жестъ рукой по направлению машины, „я по гулу слышу“.

Что я могъ ему возразить, самъ не видѣвшій никогда машины?!

Я оставилъ старика въ его мнѣніи и заблужденіи.

Ко миѣ часто пріѣзжалъ мой соєдь, Костя Карасевъ, мой однолѣтникъ и одноклассникъ. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда, когда отецъ ложился отдыхать,—верхомъ, на великолѣпномъ ворономъ аргамакѣ и съ ружьемъ,—главная моя приманка; ружье было его отца, съ украшеніями, дорогое, съ блестящими курками и такимъ же замкомъ, шомполная двухстволка.

Мы тотчасъ же отправлялись къ дѣду Герасиму стрѣлять по очереди коршуновъ и другую птицу.

Карасеву давали ружье, и вообще онъ охотился официаль но, я же считался малымъ и мнѣ было пока запрещено это удовольствіе.

Пострѣявши немного, мы шли къ дому.

Вдругъ надъ нами раздался какой-то шумъ, я посмотрѣлъ вверхъ: три великолѣпныхъ журавля, широко распластавъ крылья, какимъ-то образомъ очутившись здѣсь, летѣли по направлению къ пруду.

Я свѣта не взвидѣлъ, и какъ очередь стрѣлять была моя, схватилъ ружье и, ничего не помня, прицѣлился въ средняго, журавль упалъ. Я схватилъ громадную птицу за ноги и съ восторгомъ бросился бѣжать далѣе, къ дому.

Отецъ уже проснулся и сидѣлъ на крыльцѣ; я подбѣжалъ къ крыльцу и торжественно, показывая птицу, сказалъ: „это я убилъ“!

Отецъ, видя мое восторженное лицо, добродушно ухмыльнулся и прибавилъ „молодецъ“ и тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что такому знаменитому охотнику нельзя оставаться подъ запретомъ и нужно ему купить ружье.

Вѣсть о моемъ знаменитомъ подвигѣ быстро облетѣла весь дворъ, и всѣ приходили смотрѣть журавля, убитаго „панычемъ“, уныло вытянувшаго ноги и взглядывавшаго на всѣхъ своимъ прострѣленнымъ глазомъ.

Изъ него вышли отличные щи, а мнѣ черезъ двѣ недѣли, когда отецъ поѣхалъ въ городъ, была куплена замѣчательная двухстволка, бельгійской работы, которая и сейчасъ у меня.

Такъ журавль рѣшилъ мою охотничью судьбу!

Съ этимъ ружьемъ я уже не разставался никогда. И до смерти отца и послѣ, я, уже взрослымъ человѣкомъ, охотился съ нимъ неизмѣнно.

У насъ въ степяхъ, при обиліи всевозможной дичи, не требовалось устраивать такъ называемой „охоты“, съ компаніей, выпивкой и закусками; просто, часовъ въ 11 дня приказываваешь заложить дрожки и Ѳдеинъ въ степь на работы; ружье берешь съ собой.

Уже въ верстѣ отъ дома вспархиваетъ куропатка, или стрепетъ, дальше—больше, и двѣ пары есть, и довольно на обѣдъ или ужинъ.

Я никогда больше и не бивалъ, хорошо сознавая, что это лишнее.

И такъ каждый день, все хоть что-нибудь привезешь домой.

Особенно мнѣ нравилось пройти немнога по старымъ пашнямъ.

12 часовъ дня.—Жара невыносимая.

Вы осторожно пробираетесь по заросшимъ жнивьямъ старой пашни; изъ куста въ двухъ шагахъ отъ охотника, тяжело поднимается вдругъ дрофа, она уже ваша.

Или стрепетъ поднимается, звеня крыльями, когда только не наступишь на него ногою.

Въ жару птица никогда не поднимается высоко, и саженей черезъ 15 — 20 опять упадетъ въ траву. Вотъ походишь пол-часа по такой жарѣ, и пара уже готова.

Помню, я былъ какъ-то на пашнѣ. Полуденный воздухъ весь струился вдали, и неподвижные предметы принимали издали какія-то неясныя, фантастическая очертанія. — Вотъ виднѣется озеро (это въ нашей-то безводной степи), окруженнное вербами, вѣтви которыхъ низко склонились къ водѣ, а за озеромъ разстилается селеніе или городъ; вотъ нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ стоятъ по берегамъ озера, и картина представляется—невиданная!...

А подойдешь ближе, оказывается, что это четыре или пять стоговъ сѣна, одиноко стоящіе въ степи...

Вся картина пропала... зато вдали опять четыре стога сѣна рисуютъ тѣ же очертанія. Это миражъ—столь распространенное явленіе въ Задонскихъ степяхъ.

„А подывитца, панычу, гдѣсь занялось“, — говорилъ мнѣ хохоль — работникъ и указалъ вдали столбъ чернаго дыма.

Столбъ разростался и видимо приближался къ намъ. Черезъ

часть, два, огромные клубы дыма, закрывая солнце, распроstrанились въ воздухѣ и казались свѣтло-оранжевыми.

Степные пожары у насть не рѣдкость; начнется гдѣ - нибудь и пройдетъ громадное разстояніе, истребляя траву и скопвшее сѣно въ стогахъ. Иногда степной пожаръ проходитъ 80 верстъ въ длину, достигая 2—4 верстъ въ ширину.

Единственная преграда ему - это дорога, которая или задерживаетъ его, или даетъ ему другое направлениe, или недостатокъ материала -- сухой и пыльной травы, — когда попадается такъ называемая „толока“.

Иногда пожаръ продолжается дни четыре и болѣе, затягивая всю степь дымомъ; и безъ того жара, а тутъ все же горячай воздухъ еще болѣе накалился, такъ что трудно бываетъ дышать.

Средства борьбы съ степными пожарами у насть въ степяхъ довольно примитивны и ограничены; обыкновенно проводятъ плугомъ бороздъ 5—6 по границѣ участка, но это помогаетъ мало, особенно когда сильный вѣтеръ; жарь отъ огромнаго пространства горящей степи бываетъ такъ силенъ, что трава по другой сторону запашки загорается уже не отъ пламени, а отъ жара; или опахиваются плугомъ стога сѣна, въ разстояніи саженей 4—5 отъ стога проводятъ плугомъ тѣ же 5—6 бороздъ.

Это болѣе надежное средство, потому что здѣсь ограждается каждый стогъ въ отдѣльности, и сила огня по скопшеннѣй травѣ, гдѣ стоятъ стога, уже не такъ велика; къ этому средству прибѣгаютъ къ сожалѣнію рѣдко, ибо, у кого много сѣна, стоговъ 100—200, извольте-ка опахать каждый стогъ въ отдѣльности вышеуказаннымъ образомъ, да еще въ юльскую жару отрывать отъ работы паръ въ воловъ, къ нимъ человѣкъ 10 народу, которые тутъ же варятъ себѣ обѣдъ или ужинъ; бывали случаи, сами же рабочіе пускаютъ пожаръ.

Отецъ по этимъ соображеніямъ никогда не опахивалъ стоговъ, и Богъ хранилъ насть отъ пожара.

Я самъ, уже будучи чуть не 20 лѣтнимъ, пустилъ было пожаръ.

Какъ-то послѣ обѣда, въ жаркое время, приказчикъ нашъ, Павлоцкій, отправился на гумно „готовить токъ“, т. е. мѣсто для молотьбы катками и для поставки новыхъ скирдъ съ хлѣбомъ.

Я тогда не преминулъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ.

На старомъ гумнѣ трава была большая и густая, уже достаточно подсохшая для огня.

Нужно было вынолоть пространство саженей въ 20 по по-перечнику. Павлоцкій зажегъ траву, но она почему-то горѣла вяло и скоро потухла. Я набралъ старой соломы и бросилъ ее въ горящую траву. Какъ на грѣхъ, тутъ попалась ложбинка и огонь быстро пошелъ по ней. Дулъ небольшой вѣтеръ съ запада, по направлению къ усадьбѣ сосѣда Карасева.

Я не успѣлъ оглянуться, прошло, вѣроятно, секундъ 5, не болѣе, какъ пламя поднялось уже высоко и распространилось широко, захватывая все новые и новые кусты.

Я взглянулъ на Павлоцкаго — его лицо было серьезно и выражало скрытый страхъ.

Я тотчасъ же бросился къ старому току, гдѣ у насъ росли высокія, аршина въ 2 слишкомъ, конопли, и набравши пучекъ такихъ коноплей, сталъ ими забивать пламя.

Павлоцкій также сдѣлалъ себѣ пучекъ, и люди, бывшіе на работѣ, на старомъ гумнѣ, тоже замѣтили неестественный дымъ, прибѣжали на помощь, и общими усилиями пожаръ удалось погасить. Выгорѣла, должно быть, цѣлая десятина, или около того.

VI.

Выше я упомянулъ о рѣкѣ Манычѣ, границѣ нашего участка съ сѣвера и сѣверо-востока. Отъ зимовника до рѣки Маныча версты 4, не болѣе. Съ юго-востока на сѣверо-западъ тянется балка Ямута, впадающая выше въ балку Терновку.

Ямута не велика, верстъ 6, 7.

Не знаю почему, но это мѣсто нашего участка привлекало мои наибольшія симпатіи. Потому ли это, что въ этомъ мѣстѣ была сосредоточена вся масса болотной и степной дичи (курапатки), или общая сравнительная красота мѣстности, близость дома, откуда можно было постоянно заглянуть туда,—только Маныцкая обстановка дѣйствовала на меня успокаивающимъ образомъ.

Балка Ямута была отъ зимовника верстахъ въ двухъ.

Куда ни взглянешь — степь кругомъ, ширь и просторъ необъятные!

Вдали чуть виднѣются крыши строеній нашего зимовника и хохлацкаго поселка, въ другую сторону, въ туманной дали, обрисовываются крыши Карасевскаго зимовника; передъ глазами — ничего, только Ямута шумитъ своими камышами по самой балкѣ; коршунъ, хорошо распластавъ крылья, парить высоко и точно высматриваетъ себѣ добычу; бѣлокрылая чайка

и мартышки, залетѣвъ сюда отъ рѣки Манычи, рѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ.

11 часовъ дня; солнце высоко стоитъ на небѣ и посыпаетъ оттуда горячіе, нестерпимые лучи; высоко взвился жаворонокъ и поетъ свою неумолкаемую пѣсню!

Ямута шумитъ своими камышами!

Вотъ небольшой терновый кустикъ, и куропатка, спугнутая неосторожными шагами человѣка, испуганно вылетаетъ изъ куста и, остановленная раздавшимся въ тишинѣ выстрѣломъ, стремительно падаетъ въ траву.

Вотъ недалеко то мѣсто, гдѣ стоять отбитыя отъ табуна ремонтныя лошади, рослые, донскіе маштаки, ужъ привыкшіе къ одиночеству, сбившись отъ жары въ кучу и положивъ другъ на друга головы.

Вотъ вдали виднѣется какое-то бѣлое пятно на зеленомъ фонѣ высокой травы—это бараны, отбитыя на лѣто отъ матокъ и обреченные тянуть одиночество до 1 ноября; они отъ зноя сбились въ кучу, вытянувъ морды въ одномъ направленіи и показывая подошедшему свои широкіе, жирные зады.

Еще дальне виднѣются коричневымъ пятномъ доильня коровы—матери, штука 40, напоенная, лѣниво разбросавшись на зеленой травѣ, и пѣкоторыя, очевидно, думающія о томъ, гдѣ теперь ихъ телята.

Тамъ кучка бракованныхъ мереньевъ и кобыль съ жеребятами уныло бродятъ, недоумѣвая, почему они очутились здѣсь, на Ямутѣ, когда весь табунъ теперь въ широкихъ степяхъ Терновки.

Какъ видите, степь не одинока, не пустынна и заселена множествомъ четвероногихъ тварей, и вездѣ люди, пасущіе и охраняющіе этихъ тварей!

Но ёдемъ дальше. Черезъ двѣ версты густой и сочной травы показываются берега рѣки Маныча.

Собственно, подѣзжая, вы не видите ни самой рѣки, ни воды.

Манычъ рѣка очень кипризная.

Притокъ рѣки Дона, она здѣсь только носить название рѣки.

Виѣ нашего участка, выше и ниже, она имѣеть формы настоящей рѣки, узкой, съ берегами, покрытыми мѣстами вербой и тальникомъ, мѣстами даже красивой.

Въ нашемъ же участкѣ — это цѣль громаднѣйшихъ лимановъ, до двухъ верстъ шириною, которыхъ перейти врядъ-ли

кому удавалось, частію заросшихъ совершенно камышами частію совершенно чистыхъ, представляющихъ собою огромное зеркало.

Эти лиманы являютъ изъ себя лѣтомъ средоточіе всевозможной болотной дичи, осенью и зимой—голодныхъ волковъ.

Общая линія береговъ на нашемъ участкѣ высока и обрызиста отъ весеннихъ разливовъ воды, такъ что приходится спускаться до первыхъ камышей, а дальше уже нужно идти пѣшкомъ въ высокихъ, непромокаемыхъ болотныхъ сапогахъ, ибо ступни ноги вся уходитъ въ почву.

Вода въ лиманахъ рѣки Маныча горькосоленаго вкуса.

Глубина воды четверть аршина и настолько же вязкаго ила. Помню я свои похожденія по Манычу.

Днемъ, въ жару, хоть не ходи по камышамъ или чистой водѣ. Птица вся какъ-будто замерла и гдѣ-то прячется.

Зато самое раздолѣе охотнику на заряхъ, утренней и вечерней; птица тучами носится надъ камышемъ, и, бывало, бѣешь ее вовсю; дикия утки всевозможныхъ породъ, гагары, болотные кулики и пр., а то попадаются и большие пеликаны, сѣжнобѣлого цвѣта, съ длиннымъ, на подобіе ножа, носомъ.

Птица очень осторожна, и къ ней нужно умѣть подойти. При этомъ страшные, нес совсѣмъ комары, отъ которыхъ только спасаешь глаза папиросой.

Но курить непрестанно немыслимо, поэтому я натиралъ лицо гвоздичнымъ масломъ.

У насъ на лиманахъ никому постороннему стрѣлять было нельзя, развѣ попадется какой-нибудь мужиченка изъ хохловъ, съ связаннымъ бичевкой ружьемъ, и на того махнешь рукой.

Одного такого охотника я чуть было не застрѣлилъ случайно: дойдя до конца камыша, у чистой воды, я подкарауливалъ двухъ утокъ, которые у противоположной стороны, тоже у камыша, выплывали мнѣ на мушку.

Разстояніе было саженей 20; едва дождался удобнаго момента и грязнуль выстрѣль, какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были утки, сзади нихъ, изъ-за камыша, подымается маленькая человѣческая фігурка, и слышанъ голосъ: „а я оздечки, мене трошки не вбили“.

Оказалось. онъ тоже караулилъ утокъ и не видѣлъ меня, какъ и я его.

Однажды, гуляя съ ружьемъ по камышамъ, я дошелъ до чистаго мѣста и задумалъ перейти вбродъ разстилавшуюся равнину воды; разстояніе казалось небольшое, не болѣе полуверсты. Я пошелъ, но попытка оказалась безполезною: я прошелъ по

жарѣ и зною уже четверть версты, усталъ и намокъ, а противоположный камышъ не приблизился никакъ и казался все на томъ же разстояніи, какъ и до ходьбы.

Жара и солнце обманули меня миражемъ.

Мнѣ говорили потомъ, что здѣсь болѣе трехъ верстъ ширины.

VII.

Хлѣба отецъ сѣялъ, несмотря на обиліе земли, немногого. Даже самаго выгоднаго и доходнаго—озимой пшеницы,—идущей преимущественно на продажу, заѣвалъ десятинъ 60.

Овса, ржи (жита), пшеницы гарновки, ячменя и льна сѣялось въ количествѣ, едва достаточномъ для года, для содержанія двора и многочисленныхъ рабочихъ. Не любилъ отецъ удѣлять много вниманія этой отрасли степного хозяйства.

За то все, что сѣялось, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Павлодскаго и Мозинцы, бережно сохранялось и убиралось; каждое зерно было сохранено съ момента его посѣва до ссыпки въ амбаръ.

Все и сѣялось, и снималось, и продавалось своими средствами, безъ найма подводъ и воловъ.

Если выдавался урожайный годъ, то единственный продуктъ для продажи, озимая пшеница, находила себѣ сбытъ въ Ростовѣ и Нахичевани, гдѣ имѣлись богатѣйшія, хлѣбныя конторы. Туда, въ этотъ русскій Манчестеръ, свозилось все съ далекихъ береговъ Маныча и оттуда же привозилось все, необходимое для хозяйства.

Засѣвалось разнымъ хлѣбомъ десятинъ 110—120, и конечно съ 60 десятинъ озимой пшеницы нельзя было разсчитывать на громадные барыши, даже и въ очень урожайный годъ!

Мнѣ казалось прямо безбожнымъ сѣять такъ мало, и вотъ я послѣ смерти отца, ставши хозяиномъ, засѣялъ десятинъ 300 озимки и думалъ, что возьму неисчислимые съ того барыши. И годъ выдался хорошій, и хлѣбъ былъ недуренъ, а взялъ немного болѣе того, что отецъ бралъ съ 60 десятинъ!

Оказывается очень просто: отецъ дѣлалъ все, не дѣля впередъ долга, и везъ въ контору свои пудовъ 600—800 озимки, такъ сказать, чистыми; а мы, молодые хозяева, умудрились тутъ много задолжать, хоть-бы тѣмъ же хлѣбнымъ конторамъ въ Нахичевани, гостепріимно раскрывающимъ свои кассы передъ необдуманными должниками во всякое время года!.. Хоть пришлось почесать въ затылкѣ, но уже было поздно!

Болѣе обезпечивающими были такъ называемые случайные доходы, не требующіе со стороны хозяина никакого труда, напр. „кермекъ“.

Кермекъ—корень, растущій въ степи, длиною до одного аршина, толщиною въ руку. Листья—широкіе. Я прежде принималъ его за обыкновенную траву, въ изобиліи расбросанную въ нашихъ Задонскихъ степяхъ.

Но вотъ, къ вамъ является какой-то бойкій, необыкновенно развязный господинъ, непремѣнно изъ мѣщанъ, и предлагаетъ вамъ сдать ему эту травку, цѣною до 15 рублей за тысячу.

Деньги вы получаете впередъ, рублей 300, а черезъ недѣлю мѣщанинъ является съ рабочими, и они начинаютъ свою работу, вооруженные маленькими лопатками, согнутыми внутрь, на подобіе чайной ложки; они роютъ кермекъ и, незамѣтно, какъ горы, образуются въ степи кучи кермека, издали принимаemыя за стога.

Кермекъ оказывается нужнымъ при дубленіи и выдѣлкѣ кожъ.

Первымъ пунктомъ условія съ мѣщаниномъ стоитъ тщательное забиваніе ямокъ.

Кермекъ сохнетъ все лѣто на жарѣ и осенью отвозится въ Ростовъ.

Меня всегда поражалъ трудъ такого кермешника: онъ отправляется въ степь съ восходомъ солнца, захвативъ съ собой только кусокъ чернаго хлѣба, а возвращается на ставку только вечеромъ, послѣ захода солнца, гдѣ и єсть горячую пищу.

Кермешниковъ бывало въ лѣто человѣкъ 20, это преимущественно хохлы изъ Таврической губерніи, народъ мирный и неприхотливый.

Ремонтными зовутся лошади мужскаго пола—меренъя по третьему году, и къ этому времени отдѣляются отъ общаго табуна и пасутся отдѣльно, у пасть на Ямутѣ.

Уже осенью имъ приходится становиться въ ряды русской, или иной какой-либо кавалеріи и нести труды, сопряженные съ военной службой.

До того времени, не зная ничего кромѣ родной степи, не имѣя на себѣ никакой узды, лошадь растетъ на волѣ и молодецки, весело играетъ, выбрыкивая задними ногами и стараясь схватить другъ друга за челку крѣпкими, бѣлыми зубами.

Мнѣ всегда было какъ-то грустно смотрѣть на этихъ ремонтныхъ, напоминавшихъ мнѣ учениковъ выпускного класса...

Ремонтъ—главная статья дохода и подъ часъ краса завода, и отецъ обращалъ всегда особое вниманіе на нихъ; ремонтныя лошади были его любимымъ дѣтищемъ.

Ремонтъ состоялъ изъ 60—80 головъ.

Вотъ изъ такой партіи ремонтныхъ лошадей былъ выбранъ мої парадиръ—мої знаменитый „Лысый“.

Эта была замѣчательная лошадь.

Высокій и стройный, болѣе 2 вершковъ, что рѣдко бываетъ въ нашихъ заводахъ, гнѣдой масти, онъ казался неутомимымъ и обладалъ поистинѣ замѣчательною иноходью подъ сѣдломъ: бывало, другія лошади скачутъ, или идутъ полной рысью, а Лысый, знай себѣ, жаритъ иноходью, слегка разваливаясь на ходу; покойность и увѣренность въ каждомъ его шагѣ была изумительная; сидя на немъ, можно было спокойно спать, или дремать, такъ что я, смигаясь, прозвалъ его вагономъ перваго класса; его рысь, а въ особенности скачь, не могла обогнать ни одна лошадь.

Когда нужно было попасть куда-нибудь, и въ особенности вернуться къ сроку, у меня брали Лысаго, и Лысый, точно чувствуя необходимость такой срочной поѣздки, шелъ увѣреннымъ и важнымъ шагомъ и всегда попадалъ къ сроку.

Разъ какъ-то представилась необходимость сѣѣтъ въ Ростовъ за деньгами рабочимъ; было это вечеромъ, а къ утру деньги необходимы были для расчета.

Не долго думая, нашъ Иванъ Александровичъ рѣшилъ самъѣхать и въ 5 часовъ вечера осѣдалъ Лысаго, ибо другой лошади, способной на такое путешествіе, у насъ не было.

Я конечно далъ согласіе, и Лысый спокойно отправился съ своимъ всадникомъ по дѣламъ.

Къ 8 часамъ утра Иванъ Александровичъ былъ дома съ деньгами. А вѣдь разстояніе туда и обратно было 200 съ лишкомъ verstъ!

Бѣдный Лысый, досталось же ему въ эту поѣздку! Я помню, когда онъ вернулся, мыло кусками падало съ него!

У него отъ природы была еще одна отдушина: на носу, выше ноздрей, была небольшая дырочка, которою онъ дышалъ.

Когда продавали зимовникъ, я его также продалъ одному родственнiku-офицеру за 150 рублей.

Миръ его праху! Теперь онъ несомнѣнно давно уже паль...

Сбыть ремонтныхъ лошадей производился обыкновенно или ремонтѣрамъ отъ кавалеріи, или простымъ барышникамъ. Но съ первыми отецъ рѣдко имѣлъ дѣло, ибо они предлагали

невозможныя условія: пріѣдетъ, посмотритъ ремонтъ, штука 70—80, и предлагаетъ взять на выборъ лошадей 18, при чемъ даетъ хорошую цѣну—100 рублей за голову.

А съ остальными куда дѣваться?...

Держать у себя и кормить, или разогнать по ярмаркамъ, въ надеждѣ, что продашь еще головъ 5, или болѣе, а тамъ опять дожидаться второй ярмарки?! и т. д.

Нѣтъ, съ барышниками лучше: они прямо взглянутъ на ремонтъ и берутъ все, иногда десятый бракъ; но и цѣна значительно ниже—75 рублей, 80 за голову, и тутъ же берутъ лошадей, рѣдко оставляя ихъ на зимовку.

Иногда случается, что барышники, уже производя разсчетъ, обращаютъ вниманіе хозяина и на оставшихся, бракованныхъ третьяковъ, и забираютъ и ихъ, цѣною по 20—25 рублей.

Все дѣлается аккуратно и скоро.

Также производилась продажа коровъ, быковъ и овецъ.

Не могу пройти молчаніемъ также обязанности каждого коннозаводчика непремѣнно держать почту и отвозить каждого проѣзжающаго человѣка на своемъ экипажѣ и лошадяхъ до слѣдующей станціи.

Эта повинность была очень отягчительна.

Мы возили до зимовника Янова, или Савостьянова, иногда дальше. Возили непремѣнно пять недѣль, по числу участковъ.

Это было бы еще ничего, если бы у насъ было достаточное количество упряженыхъ лошадей и людей, а то собираешься куда-нибудь, въ поле, или на охоту, вдругъ подвертывается какой-нибудь чиновникъ, котораго не ждешь, и приходится отдавать ему лошадей и экипажъ.

Вотъ что нехорошо!

VIII.

Миѣ остается сказать еще два слова о путяхъ, которые ведутъ на нашъ зимовникъ изъ Новочеркасска.

Ихъ два: одинъ весенній, болѣе длинный, кругомъ черезъ станицу Аксайскую и переѣздъ черезъ рѣку Донъ на плашкотномъ мосту, верстъ 100; другой — лѣтній и осенний, болѣе излюбленный: короче, прямо черезъ станицу Дагаевскую и поймы Дона,— верстъ 70—75, при чемъ Донъ приходится переѣзжать на паромѣ.

Путь черезъ станицу Аксайскую болѣе интересенъ, потому что приходитсяѣхать цѣлый день, иногда даже съ ноченкой въ станицѣ.

Онъ былъ болѣе интересенъ для меня, тогда еще мальчика, выхваченного только-что изъ удобствъ городской жизни и сразу окунувшагося въ жизнь иную, сельскую, съ необходимой ночевкой на постояломъ дворѣ, съ кормежкой и отдыхомъ лошадей среди степи и прочими удовольствіями, которыя меня, какъ мальчика, занимали прежде всего и давали большой матеріалъ для наблюденій.

Часовъ въ 5, послѣ обѣда, къ черному крыльцу нашего дома подкатывали дорожную бричку, въ которую запрягалась четверка лошадей,—или простой тарантасъ, и начиналась укладка вещей.

Часовъ въ 6 лошади уже были готовы, и экипажъ медленно выѣзжалъ со двора.

Въ этой бричкѣ, или тарантасѣ, сидѣлъ я одинъ; рѣдко со мнойѣхала горничная или какая-нибудь прислуга, большею же частію моя нянѣчка, Настя; мы проѣзжали весь городъ, направляясь въ станицу Аксайскую, гдѣ должны были ночевать и поджидать отца съ матерью, которые должны были прїѣхать вечеромъ—поѣздомъ.

Дорога отъ г. Новочеркасска до Аксая—вся въ горахъ: приходится то опускаться въ глубокую балку, для чего кучерь каждый разъ слѣзаетъ съ козель и тормозитъ колеса, то подниматься въ высокую гору, и т. д. до конца.

Черезъ два часа показывается станица Аксайская.

Аксай расположень на берегу Дона; довольно грязная и захудалая станица; торгуетъ рыбой, лѣсомъ, который сплавляется по Дону; имѣетъ двѣ хорошия церкви, пароходную пристань и тутъ же станцію желѣзной дороги.

Мы останавливаемся на постояломъ дворѣ нѣкоего Могилы; нянюшка хлопочетъ подать мнѣ самоваръ и устроить постели на почь.

Часовъ въ 10 прїѣжаютъ отецъ съ матерью. Я немедленно засыпаю и, утромъ, чуть только солнышко покажется, меня будятъ, и, мы, напившись чаю, садимся въ уже готовую, запряженную бричку иѣдемъ дальше.

Мостъ черезъ рѣку Донъ плашкотный и уровень его возвышается высоко надъ водою; ширина, я думаю, не менѣе $1\frac{1}{4}$ версты

За мостомъ начинается „дамбы“,—высокое, искусственное сооруженіе, проходящее чрезъ всѣ луга и поймы рѣки Дона до станицы Ольгинской,—длиною 10 verstъ, и только кончивъ дамбу, мы спускаемся въ степь.

Хорошо и привольно вздохнуть свѣжимъ, утреннимъ, степнымъ воздухомъ!...

Лошади бѣгутъ шибко и ровно.

Колеса экипажа уже разстались съ камнями мостовой и ямами дамбы и катятся спокойно; передъ глазами лежитъ широкая и ровная, какъ паркетъ, дорога!

Солнце уже высоко, но обычная жара умѣряется нѣсколько близостью Дона и ароматною свѣжестью придонскихъ луговъ.

До хутора Подпольного мы проѣхали незамѣтно пять верстъ, и опять степь безъ конца!

Вотъ вдали показался какой-то высокій курганъ; около него строеніе,—не то хижина, не то питейное заведеніе—это Усмань,—мѣсто нашей остановки и кормежки лошадей.

Мы останавливаемся, и лошади брыкаются отъ мухъ, оводовъ, кучами осѣдающихъ на потныя мѣста.

Достается изъ экипажа завтракъ, состоящій изъ жареныхъ цыплять, домашнихъ пирожковъ и яицъ, сваренныхъ вкрутую.

И какъ все это кажется вкуснымъ на свѣжемъ, степномъ воздухѣ!

Часа черезъ три кучеръ напоитъ лошадей изъ колодца, и мы катимъ дальше.

До зимовника еще верстъ 30, но лошади словно почуяли родную конюшню, бѣгутъ теперь веселѣ.

Вотъ и хуторъ Веселый, съ его вѣчно пьянымъ о. Петромъ!

Вотъ и родной Хомутецъ!

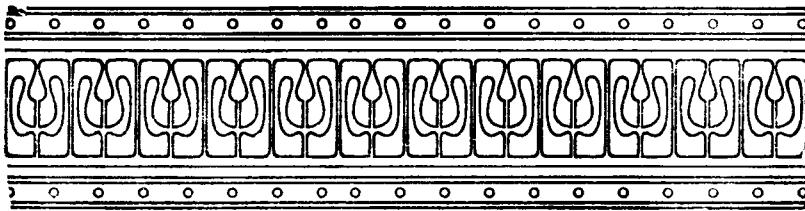
Конецъ далекому и утомительному пути!...

Путь черезъ Дагаевъ гораздо проще и легче: также подается къ крыльцу экипажъ для укладки вещей; мы садимся и, спустившись сейчасъ же съ горы и проплывая подъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ, ёдемъ все время лугами-поймами рѣки Дона. Этотъ послѣдній переѣзжаемъ въ станицу Дагаевской на паромѣ; иногда заѣзжаемъ въ станицу, гдѣ жила моя тетка—сестра матери; иногда ёдемъ дальше, безъ заѣзда, нуднаго и томительнаго, ибо вся семья у нея какая-то чудная и она сама жалкая старуха, постоянно плачущая и жалующаяся на жизнь.

Минуя Дагаевъ, ёдемъ на хуторъ Елкинъ, Домабинку, хуторъ Веселый и Хомутецъ.

Я заканчиваю свои воспоминанія, и все описанное возстаетъ передъ моими глазами, какъ живое: далекій, но милый сердцу зимовникъ, съ его поднимающимися радостями, съ его не глубокими горестями, съ его табунами и широкою степью, съ его лиманами и миражами,—возстаетъ все, умершее давнимъ давно, и кажется, какъ живое....

М. Кирсановъ.

Виленскія воспоминанія¹⁾.

Kауфманъ недолго оставался въ Вильнѣ и былъ смѣщенъ совершенно неожиданно, по проискамъ польской партіи. Въ то время польскую аристократію очень баловали при петербургскомъ дворѣ. Военный министръ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Кауфманомъ, видя грозившую опасность, телеграфировалъ ему, что надѣ нимъ собираются тучи. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ по телеграфу: „пріѣду и тучи разсѣю“. Прибывъ въ столицу, Кауфманъ отправился въ Зимній дворецъ, но уже не получивъ сразу доступа къ государю, а принужденъ былъ ожидать приема въ общемъ залѣ. Чрезъ нѣкоторое время государь вышелъ изъ кабинета и, проходя мимо виленского генералъ-губернатора, сказалъ ему: „Кауфманъ, я нашелъ тебѣ преемника“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Впослѣдствіи генералъ Кауфманъ былъ назначенъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Съ братомъ виленского генералъ-губернатора М. П. Кауфманомъ былъ замѣчательный случай въ его молодости. Однажды онъ съ товарищами намѣревался играть въ карты, но какъ не доставало одного партнера, то Кауфманъ пошелъ его познать. Разстояніе было небольшое. Кауфманъ не одѣлся сабли. Случилась неудача. Едва онъ вышелъ на Невскій проспектъ, какъ наткнулся на великаго князя Михаила Павловича, который, увидавъ офицера безъ оружія, разсердился и наложилъ на него взысканіе. Кауфманъ былъ отчисленъ отъ Академіи и переведенъ на службу на Кавказъ. Тамъ, въ турецкую войну онъ имѣлъ случай отличиться и быстро двинулся впередъ по службѣ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, Май 1914 г.

Преемникомъ К. Кауфмана въ Вильнѣ былъ генералъ Барановъ. Съ назначеніемъ новаго начальника края, всегда возникаль у населенія вопросъ: какой политики будетъ держаться новое лицо. Тутъ высказывалась примѣта, что если администраторъ носить нѣмецкую фамилію, то мѣры будутъ мягкія, если же фамилія русская, то надо ожидать суровыхъ распоряженій. Относительно Баранова возникло разногласіе въ определеніи его національности, такъ какъ многіе говорили, что фамилія Барановыхъ не русская, а передѣланная нѣмецкая. Новый генералъ-губернаторъ, привыкнувшій къ придворной жизни, тяготился этимъ назначеніемъ, скучалъ въ Вильнѣ и часто юздила въ Петербургъ. Большой парадный входъ во дворецъ былъ постоянно запертъ, всѣ посѣтители входили чрезъ боковой малый подъѣздъ. Подаваемыя чиновниками бумаги генералъ подписывалъ, не читая. При этомъ мнѣ напоминается разсказъ изъ быта военныхъ поселеній. Открылась вакансія начальника этихъ поселеній, и было предложено одному генералу занять вакантное мѣсто. Военные поселенія занимали большой районъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ и управлялись весьма сложнымъ административнымъ механизмомъ. Генерала предупреждали о важности назначаемаго ему поста, о важности предстоящаго дѣла, о трудности управления и о необходимости внимательнаго и бдительнаго надзора; словомъ, ему указывали на ежедневный, продолжительный тяжелый трудъ. Всѣ подобныя предостереженія генералъ выслушалъ, но не смущился и принялъ новое назначеніе. Вотъ пришелъ новый начальникъ первый разъ въ свое присутствіе въ 10 часовъ утра. Поставивъ саблю въ уголъ, онъ сѣлъ въ кресло и потребовалъ бумаги для подписи. Является одинъ чиновникъ съ кипою бумагъ; генералъ ихъ подписываетъ. Приходитъ второй чиновникъ съ грудою бумагъ — присутствующій слушаетъ докладъ и всѣ бумаги подписываетъ. Затѣмъ приходятъ слѣдующіе докладчики, и генералъ кладетъ подписи на всѣ подаваемыя ему бумаги. Наконецъ, подача бумагъ была окончена. Узнавъ отъ секретаря, что на сегодняшній день нѣть бумагъ, генералъ всталъ, посмотрѣлъ на часы и видитъ 12 часовъ. „Вотъ“, сказалъ новый начальникъ, — „меня пугали, что здѣсь много дѣла, съ которымъ трудно управляться; а вотъ какъ я скоро управлялся: въ 2 часа времени“. Надо прибавить, что генералъ ни одной бумаги не прочиталъ.

Про трехъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ сложилась тогда такая поговорка: Муравьевъ мало говорилъ, много дѣлалъ;

Кауфманъ много говорилъ, мало дѣлалъ; Барановъ ничего не говорилъ, ничего не дѣлалъ.— Послѣ Баранова пріѣхалъ въ Вильну въ 1868 году генералъ-губернаторъ Потаповъ, который тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о запрещеніи употребленія польскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ, въ клубахъ и общественныхъ собраніяхъ. Новый генералъ-губернаторъ продолжалъ политику Муравьевъ, но прежней строгости не было. Польскія ходатайства получали удовлетвореніе, особый успѣхъ имѣли женскія просьбы. Одновременно съ Потаповымъ прибылъ въ Вильну новый виленскій губернаторъ контроль-адмиралъ Шестаковъ. Это былъ человѣкъ большого ума и разносторонне образованный. Въ молодости онъ жилъ въ Америкѣ, про которую напечаталъ интересные разсказы. Въ одномъ изъ разсказовъ онъ говорилъ про свое знакомство съ испанскимъ генераль-губернаторомъ на островѣ Кубѣ. Дочери этого чиновника не хотѣли вѣрить русскому моряку, что въ Петербургѣ рѣка Нева зимою замерзаетъ и что по образовавшемуся льду можно ходить и ёздить. Имѣя твердыя убѣжденія, Шестаковъ не ужился съ Потаповымъ, и вскорѣ былъ смѣщенъ съ занимаемой должности. Наканунѣ получения въ Вильнѣ Высочайшаго о семъ указа Потаповъ угостилъ Шестакова обѣдомъ; надъ этойю любезностью много смѣялись въ городѣ. Означенное перемѣщеніе усугубило свое значеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ указѣ не было упомянуто обѣ оставленіи Шестакова въ свитѣ Его Величества. Подробное распоряженіе обидѣло адмирала, и онъ вышелъ въ отставку. Русское купечество на прощаніи сдѣлало какое-то подношеніе, при чемъ значилась надпись: „хлѣбъ соль ёшь, а правду рѣжь“. Впослѣдствіи Шестаковъ былъ морскимъ министромъ. О немъ помѣщены разсказъ въ „Русской Старинѣ“ 1909 года. Съ прибытіемъ въ Вильну Потапова, религіознаго человѣка, начальствующія лица стали чаще посѣщать дворцовую церковь и усерднѣе въ ней молиться. Это усердіе не доходило до такой степени, какая была у князя Горчакова, извѣстнаго своею дѣятельностью на Берлинскомъ конгрессѣ. Этотъ дипломатъ, присутствуя на богослуженіи въ церкви, исполнялъ всѣ требования наружнаго порядка. Однажды, при провозглашеніи діакона преклонить колѣна, князь сталъ на колѣни, подобно всѣмъ молящимся. Но тутъ Горчаковъ вспомнилъ про какое-то служебное дѣло и рѣшилъ без-отлагательно сдѣлать нужное распоряженіе. Съ этою цѣлью онъ обернулся и поманилъ къ себѣ рукою одного изъ своихъ чиновниковъ. Этотъ послѣдній, увидавъ призывъ начальника,

не вставая съ колѣнъ, поползъ къ Горчакову. Такъ они оба, князь и чиновникъ, совѣщались о служебномъ дѣлѣ, стоя на колѣнъхъ. Назидательная картина! ¹⁾

Хотя Потаповъ былъ религіозный человѣкъ, но православное духовенство его не любило. Ему иногда случалось получать безъименныхя ругательныя письма, какъ говорять, отъ недовольного духовенства. Кажется, при Потаповѣ, было учреждено „Общество ревнителей православія“. Иниціатива учрежденія этого общества принадлежала чиновнику Спичагову. Новое общество не могло найти себѣ свободнаго поля дѣйствій, потому что съ тою же цѣлью существовало въ Вильнѣ Православное Свято-Духовское Братство. Поэтому общество ревнителей православія, послѣ непродолжительнаго дѣйствія, было закрыто. Въ то время, о которомъ ведется разсказъ, появилось въ свѣтѣ оригинальное изданіе: небольшая брошюра, содержавшай въ себѣ разсказы на русскомъ, французскомъ, пѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ языкахъ. Кажется, даже былъ разсказъ и на латинскомъ языкѣ. Книжка была написана небольшимъ кружкомъ русскихъ женщинъ и носила название „Между нами“. Издана она была съ благотворительною цѣлью.

Мнѣ случилось познакомиться въ то время съ подполковникомъ Б., пріѣхавшимъ изъ Петербурга на службу въ интендантство. Этотъ хорошо воспитанный человѣкъ въ молодые годы охотился въ Петербургѣ на нигилистовъ и революционеровъ, отыскивая этихъ подозрительныхъ лицъ въ разныхъ мѣстахъ столицы. Потаповъ, занимавшій тогда какую-то полицейскую должность, неоднократно обращался къ нему съ прошбою помочь полиціи въ ея поискахъ. Теперь, когда Б. пріѣхалъ въ Вильну и явился къ Потапову, какъ къ командующему войсками округа, поименованный генераль совершенно его не узналъ и ни слова не упомянулъ о бывшемъ знакомствѣ. Такая забывчивость была обидна для интендантского офицера. Б. былъ откровенный человѣкъ и рассказывалъ мнѣ, какъ онъ ъздилъ куда-то въ командировку открывать цѣны на какое-то интендантское довольствіе. На той станціи, где онъ вышелъ съ поѣзда, его ожидалъ уже повѣренный подрядчика съ готовымъ экипажемъ. Комната въ гостинице была уже занята. Прибывъ въ гостиницу, Б. нашелъ ожидающій его кипящій самоваръ. Тутъ повѣренный подрядчика вручилъ пріѣхавшему цѣны, полученные изъ город-

¹⁾ Этогъ разсказъ приписывается, известному своею разсѣянностью кн. Горчакову, командовавшему войсками въ Крымскую кампанію. Ред.

ской управы, губернского управлениі и изъ статистического комитета. Осталось немнога сдѣлать командированному офицеру для исполненія даннаго порученія. Б. жилъ недолго и вскорѣ умеръ скоропостижно, отъ удара.

Потаповъ, соединяя въ своемъ лицѣ двѣ должности—генералъ-губернатора и командующаго войсками округа, обратилъ вниманіе на обѣды, устраиваемые въ дни полковыхъ праздниковъ, и на обременительность денежныхъ расходовъ, несомыхъ офицерами на эти обѣды; поэтому онъ сдѣлалъ распоряженіе объ ограниченніи подобныхъ обѣдовъ съ соблюдениемъ нужной простоты. Кажется, это распоряженіе не получило должнаго осуществленія.

У Потапова не было дѣтей; поэтому жена его занималась общественною благотворительницею въ большихъ размѣрахъ. Она учредила общество „Доброхотной Колѣйки“, существующее и нынѣ. Въ пользованіе новаго общества было передано большое зданіе упраздненнаго миссионерскаго монастыря. Это зданіе потому оказалось свободнымъ, что военное вѣдомство отказалось принять его въ свое вѣдѣніе, по его ветхости и по неудобству внутренняго расположенія. Жена Потапова умерла лѣтомъ въ 1870 году на дачѣ, въ Звѣринцѣ. Въ скоромъ времени въ этомъ домѣ была устроена церковь. Въ память своей жены, называвшейся Екатериною, Потаповъ заказалъ написать три образа Святой Великомученицы Екатерины, на которыхъ лица святой представляли портретъ умершой генеральши. Эти большие образы были пожертвованы въ три церкви. Новые иконы, кажется, сохранились на своихъ мѣстахъ безъ измѣненія.

Смерть Потаповой напоминала мнѣ неожиданную кончину гусарскаго офицера, случившуюся около того же времени. Въ Вильнѣ проживало тогда княжеское семейство, въ коемъ было четыре прелестныя дочери. Эти барышни составляли лучшее украшеніе русского общества. Было холерное время. У князя собирались вечеромъ гости. Гостямъ подавали свѣжую землянику. Одинъ изъ гостей, гусарь, отказался кушать плоды, по причинѣ холерного времени. Княжны обратили вниманіе на отказъ офицера и стали надѣяться подтрунивать. Молодой человѣкъ принялъ къ сердцу насмѣшки и, въ доказательство отсутствія трусости, взялъ тарелку и поѣлъ земляники. Послѣдствія такого угощенія не замедлили проявиться: на другой день гусарь заболѣлъ, дня черезъ три умеръ. Вотъ какъ опасно насиливать человѣческую натуру. На похоронахъ присутствовало княжеское семейство, и всѣ княжны шли за гробомъ.

Со времени Муравьева, замѣнившаго цольскихъ чиновниковъ русскими, польское общество жаловалось на русскихъ чиновниковъ, находя ихъ грубыми, мало воспитанными. Генераль Потаповъ, съ цѣлью оживить русское общество и устраниТЬ нареканія на чиновниковъ, выписалъ изъ Петербурга на службу въ Вильну молодыхъ правовѣдовъ. Это были прекрасные молодые люди съ хорошими манерами, искусные танцоры. Съ прибытіемъ этой молодежи, дворянскій клубъ оживился. До того времени, на вечерахъ клуба, постоянно ощущался недостатокъ въ танцующихъ кавалерахъ, потому что офицеры мѣстнаго гарнизона имѣли свой собственный клубъ и въ дворянскомъ мало бывали. Съ прибытіемъ петербургской молодежи, танцы въ клубѣ пошли бойко. Я всегда удивлялся дѣятельности вновь прибывшихъ молодыхъ людей. Бывало, на танцевальномъ вечерѣ, слышишь изъ устъ ловкаго кавалера, что у него завтра предстоитъ къ докладу 12 дѣлъ. Эти дѣла не мѣшали докладчику наканунѣ танцевать до 3 час. утра. Такое легкомысленное отношеніе къ исполненію служебной обязанности, состоящей въ удовлетвореніи требованія правосудія, должно было причинить ущербъ въ дѣятельности суда. Не потому ли нынѣ Китяковскій говоритъ¹⁾, что нашъ гражданскій судъ стоитъ далеко не на высотѣ своихъ задачъ. Во времена Потапова русское общество въ Вильнѣ не могло объединиться, такъ какъ всякая частная инициатива строго преслѣдовалась. Появляющіеся идейные чиновники, заявлявшіе о патріотизмѣ и о своей самостоятельности, изгонялись; а мѣстному органу русской печати даже запрещалось касаться польского, еврейскаго и другихъ вопросовъ. Находясь подъ правительственной опекой и занятые исполненіемъ многочисленныхъ циркуляровъ и предписаній, русские люди и не замѣтили, какъ въ позднѣйшее время объединились и снеготились отдельныя народности. Даже небольшія, какъ литовскія и мусульманскія группы, заявили о своей самостоятельности въ ущербъ русскимъ интересамъ.

Въ Николаевскомъ соборѣ долгое время служилъ почтенный протоіерей Борзаковскій, который въ молодости жилъ внутри Россіи и видѣлъ походъ русской гвардіи въ Турцію, въ 1828 г. Тутъ, разсказывалъ онъ, гвардія шла въ большомъ числѣ, съ

¹⁾ „Вѣсы“, сборникъ статей о русской интеллигентії. Москва 1909 г., изд. 2, стр. 152.

огромнимъ обозомъ, со множествомъ собакъ; назадъ же гвардія прошла какъ-то незамѣтно, тихо, въ маломъ числѣ, собакъ не было вовсе. Почтенный протоіерей, конечно, не зналъ о той громадной убыли людей, которую понесла русская армія въ этомъ походѣ: люди умирали не только отъ непріятеля, но и отъ чумы, свирѣпствовавшей тогда на Балканскомъ полуостровѣ. Надо замѣтить, что существовавшая тогда въ Россії польская армія не принимала участія въ этомъ злополучномъ походѣ, вопреки желанію Императора Николая I. Цесаревичъ Константипъ Павловичъ отстоялъ свою любимую армію и сберегъ ее дома.

По поводу кампаніі 1828 г. мнѣ припоминается удивленіе какого-то литератора, обратившаго внимание на отставнаго солдата, участника означеннаго похода. Когда солдатъ спорилъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ пріятелей, то обыкновенно дѣлалъ такое выраженіе: скажи, ты былъ въ Туреччинѣ; ну, если не былъ, такъ и молчи, не спорь. Литераторъ никакъ не могъ понять, почему солдатъ придавалъ такое большое значеніе Турецкому походу. А для насъ оно понятно: война сопровождалась страшною смертностью. Извѣстно, что черезъ Дунай перешла 150-тысячная русская армія, а назадъ вернулось только 10 тысячъ; слѣдовательно, изъ каждыхъ 15 человѣкъ уцѣлѣлъ только одинъ. Что должна была перенести кучка уцѣлѣвшихъ отъ чумы людей. Сколько каждому пришлось перенести скорби и горя, при видѣ тысячъ страдающихъ и умирающихъ своихъ товарищѣй. Сколько пришлось перенести тревоги, преодолѣть опасностей, прежде чѣмъ русскіе солдаты достигли родной земли. Тяжелая впечатлѣнія принесли они домой, и отставной солдатъ былъ правъ, ссылаясь на пережитое тяжелое время. Молодой русскій Императоръ, ведшій эту войну, былъ грозенъ не только Турціи, но и всей Европѣ; онъ держалъ въ Царствѣ Польскомъ большую армію, всегда готовую двинуться въ походѣ.

Государь любилъ крѣпости; часто ихъ посѣщалъ и внимательно разматривалъ составляемые проекты фортификаціонныхъ сооруженій. Въ крѣпостяхъ тогда работали арестанты: они возводили земляныя насыпи, выдѣлывали кирпичи на казенныхъ заводахъ и занимались различными мастерствами. При посѣщеніи одной крѣпости, покойному Императору понравился выдѣлываемый тамъ кирпичъ. Взявъ въ руки красивый кирпичъ, полюбовавшись арестантскимъ издѣліемъ, Импе-

раторъ Николай I приказалъ этотъ кирпичъ отвезти прусскому королю. Тотчасъ былъ потребованъ фельдъегерь, принявшій царскую посылку и посакавшій въ Пруссію. Въ молодости миѣ случилось однажды встрѣтить подобнаго фельдъегера, бывшаго уже въ отставкѣ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ широкими плечами, богатырскаго тѣлосложенія. Онъ ъзжалъ не только по Россії, но бывалъ и за границей. Однажды, рассказывалъ онъ, пріѣхалъ я на почтовую станцію, а тамъ былъ начальникъ дивизіи, ведшій разговоръ со смотрителемъ станціи. Я сказалъ: ваше превосходительство, вы меня не задерживайте, а не то, я возьму васъ, посажу и увезу.

Возвращаясь къ крѣпостямъ, надо сказать, что постройка сухопутныхъ крѣпостей вообще обходилась не дорого, потому что въ обширномъ размѣрѣ примѣнялся арестантскій трудъ. Были устраиваемы особья мастерскія, гдѣ работали люди съ кандалами на ногахъ. Надзоръ за работою лежалъ на инженерныхъ офицерахъ. Конечно, на лѣтніхъ людей иногда налагались наказанія. Но былъ одинъ инженеръ, который виновныхъ не наказывалъ, а читалъ имъ потаціи и дѣлалъ упреки провинившимся. Подобныя увѣщеванія разозлили одного каторжника, который и задумалъ убить мягкосердечнаго инженера. Съ этой цѣлью арестантъ приготовилъ большой ножъ, которымъ рѣшилъ ударить инженера, когда тотъ подойдетъ къ его станку для осмотра работы. Обыкновенно осмотръ работъ дѣлялся въ 12 часу, передъ арестантскимъ обѣдомъ. По случаю, инженеръ опоздалъ на этотъ разъ къ обычному осмотру, будучи занятъ какимъ-то дѣломъ въ канцеляріи. Пробило полдень; раздался звонокъ для прекращенія занятій и для сбора на обѣдь. Каторжникъ, приготовившійся къ убийству, пришелъ въ злое настроеніе отъ неудачи и, въ припадкѣ гнѣва, ударилъ ножомъ своего товарища, находящагося по сосѣдству. Всѣ удивлялись такому поступку. Злодѣй объяснилъ, что онъ никакой злобы не имѣлъ къ пострадавшему, но ударилъ его единствено по досадѣ на неудавшіяся замыселъ.

Изъ числа существовавшихъ крѣпостей наибольшее извѣстностьюользовалась въ аристократическомъ кругу крѣпость Динабургъ. Во время царствованія Императора Николая не было въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и путешествія совершались на лошадяхъ. Заграничные поѣздки, предпринимаемыя весною изъ Петербурга, направлялись обыкновенно на Динабургъ, гдѣ была переправа чрезъ р. Двину. Постоянного моста тамъ не

было и переправа была сопряжена съ затрудненіями, вслѣдствіе весеннаго ледохода. Высокимъ особамъ, бѣдущимъ за границу, приходилось, волей-неволей, прожить въ крѣпости 2—3 дня. Прибытіе въ крѣпость особъ царской фамиліи причиняло коменданту много хлопотъ. Надо было отвести удобныя квартиры для всей свиты, снабдить ихъ недостающею мебелью, назначить особыя комнаты для статсь-дамъ и фрейлинъ; указать помѣщенія для лакеевъ и горничныхъ, отыскать для пріѣзжихъ экипажи, назначить прислугу и проч.

Бывалые люди говорили, что за 2 недѣли до пріѣзда высокихъ особъ комендантское управлѣніе прекращало отправлять служебныя функции и комендантъ съ адъютантами были заняты отведеніемъ квартиръ, установкою въ нихъ мебели и пр. Наконецъ, иногда надо было чѣмъ-нибудь и развлечь высокихъ путешественниковъ. Существуетъ разсказъ, свидѣтельствующій о степени занимательности крѣпостныхъ развлеченій. Великая княгиня Марья Николаевна съ дѣтьмиѣздila за границу и, по обыкновенію, пробыла нѣсколько дней въ крѣпости Динабургѣ. Посѣтивъ Германію, Италію, княгиня вернулась въ Штетербургъ. Императоръ Николай, бесѣдуя съ дочерью, по ея возвращеніи, спросилъ у своего внука, гдѣ ему понравилось всего больше. Мальчикъ, не называя ни одного заграничного города, забывъ прекрасную Италію, прямо отвѣчалъ: „веселѣе всего было въ Динабургѣ“. Конечно, случайная близость къ царскому семейству помогала коменданту крѣпости проходить успѣшно служебное поприще.

Послѣ смерти Императора Николая, въ нашемъ государствѣ были произведены великія реформы, обновившія страну. Въ военномъ вѣдомствѣ одна изъ реформъ состояла въ раздѣленіи Россіи на военные округа, что способствовало уменьшенію централизаціи хозяйственныхъ дѣлъ и облегчало исполненіе разныхъ коммерческихъ операций. Для сей цѣли въ Вильнѣ былъ учрежденъ въ 1864 году военно-окружной совѣтъ. Но все дѣло спачала велось съ затрудненіемъ, потому что большинству членовъ совѣта были чужды хозяйственныя операции. Разные многочисленные вопросы решались въ совѣтѣ, согласно доклада дѣлопроизводителя. Однимъ изъ первыхъ дѣлопроизводителей былъ ловкій, умный чиновникъ, который забралъ дѣла въ свои руки и дѣлалъ что хотѣлъ. Конечно, при заключеніи разныхъ подрядовъ, чиновникъ соблюдалъ болѣе свои интересы, чѣмъ казенные. Военный министръ, узнавъ о злоупотребленіяхъ дѣлопроизводителя, отстранилъ его отъ должности.

производителя совѣта, предложилъ ему подать въ отставку. Чиновникъ былъ удивленъ неожиданнымъ распоряженіемъ и обратился къ членамъ совѣта съ просьбой о заступничествѣ. Тѣ приняли участіе въ этомъ человѣкѣ. Для большаго успѣха въ ходатайствѣ, дѣлопроизводитель написалъ свидѣтельство о своей безкорыстной службѣ въ яркихъ краскахъ и просилъ членовъ совѣта подписать это свидѣтельство. Большинство членовъ совѣта исполнило эту просьбу безъ колебаній, но двое, интенданть и начальникъ инженеровъ, отказались приложить свои подписи. При дальнѣйшемъ обсужденіи просьбы дѣлопроизводителя оба они пришли къ заключенію, что отсутствіе ихъ подписи можетъ натолкнуть на мысль, что оба эти генерала имѣютъ доходныя мѣста, а потому отказались свидѣтельствовать честную службу способнаго чиновника. Въ отклоненіе такого мнѣнія, интенданть и начальникъ инженеровъ также приложили свои имена къ заготовленному свидѣтельству. Когда этотъ документъ былъложенъ министру, то Милютинъ спрашивалъ упрекнуль членовъ виленскаго совѣта въ томъ, что они не только не видятъ, что у нихъ дѣлается подъ носомъ, но даже противодѣйствуютъ ему въ искорененіи злоупотребленій. Несмотря на краснорѣчивое свидѣтельство, дѣлопроизводитель былъ уволенъ въ отставку. Одинъ разъ замѣна подряднаго способа была сдѣлана начальникомъ дивизіи въ болѣе позднѣйшее время. Генераль, будучи недоволенъ мясомъ, поставляемымъ для солдатъ торговцами, задумалъ самъ покупать живой скотъ. Такъ какъ полки были расположены широко, мѣста для выгона скота было достаточно, то и былъ привезенъ скотъ съ юга Россіи. Въ дивизіи нашлись люди, зпающіе убоя скота. Получать мясо за плату начальникъ дивизіи дозволилъ и офицерамъ. Въ силу такого распоряженія, какъ только заколютъ животное, такъ тотчасъ вырѣзывали пудъ мяса для начальника дивизіи и полпуда для начальника дивизіоннаго штаба. Полковые командиры, а также офицеры не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Разумѣется, для начальника куски изъ туши выдѣлялись наиболѣе и для солдатъ оставалось мясо болѣе худшее. Приготовляемая для солдатъ пищи выходили жидкія, безъ хорошаго повара. Полковые врачи были поставлены въ затрудненіе браковать приготовляемую пищу. Такой способъ продовольствія солдатъ живымъ скотомъ продолжается недолго.

Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости произошла перемѣна и въ военномъ быту. Я былъ знакомъ съ

чтавшымъ кавалерійскимъ офицеромъ, помѣщикомъ южныхъ губерній. Онъ пріѣхалъ въ Вильну съ намѣреніемъ поступить въ гражданскую службу, въ распоряженіе генералъ-губернатора. Въ то время такихъ чиновниковъ было около сотни, изъ коихъ большинство служило безъ жалованья, ради полученія чиновъ и орденовъ. Однако желаемаго мѣста мой знакомый не получилъ. Какъ-то нашъ разговоръ коснулся его прежней службы. „Я служилъ“, сказалъ онъ,—,въ знаменитомъ полку“. Не помню какъ онъ называлъ полкъ.—„Чѣмъ же этотъ полкъ знаменитъ?“—спросилъ я.—„Своими кутежами“,—отвѣчалъ онъ миѣ. Признаюсь, такой отвѣтъ меня очень удивилъ. Разумѣется, подобныя явленія могли быть только при существованіи крѣпостнаго права.

Припоминаю разсказъ бывшаго губернского воинскаго начальника въ городѣ Архангельскѣ. Пріѣхалъ въ городъ для инспекторскаго смотра корпусный генералъ. Прибывшаго генерала сопровождалъ денщикъ. Тотчасъ же послѣ пріѣзда денщикъ пришелъ въ квартиру воинскаго начальника съ просьбою дать для генерала чаю и сахару. Жена полковника удовлетворила просьбу солдата. На другой день приходитъ тотъ же солдатъ и просить для генерала варенья двухъ сортовъ. И эта просьба была исполнена. Затѣмъ нѣсколько разъ приходилъ денщикъ съ просьбами о стѣстномъ для генерала. Такія частыя посѣщенія денщика показали, что солдатъ выപрашиваетъ припасы не для своего господина, который не могъ съѣсть такое большое количество пищи, и что тутъ есть злоупотребление. Тогда полковникъ рѣшился наказать денщика. Днемъ, когда генералъ осматривалъ одну роту, находящуюся въ особомъ домѣ, полковникъ приказалъ фельдфебелю позвать прибывшаго денщика и отвести его въ другое помѣщеніе. Тамъ полковникъ высѣкъ денщика розгами и затѣмъ отпустилъ. Никакой жалобы солдатъ не принесъ; инспекторскій смотрѣтель своимъ чередомъ и никакихъ разговоровъ съ генераломъ по сему предмету не было. Конечно, экзекуція надъ денщикомъ сдѣлалась известною въ городѣ. Пребываніе генерала въ Архангельскѣ продолжалось довольно долго; необходимо было чѣмъ-нибудь развлечь высокую особу. Съ этой цѣлью губернскій воинскій начальникъ сдѣлалъ званный вечеръ, на который были приглашены мѣстныя чиновныя лица. Была составлена партія въ карты. Вдѣтъ, во время этой игры, одинъ изъ штатскихъ гостей въ разговорѣ сказалъ: „видно, что лишь полковникъ храбрый человѣкъ, недаромъ имѣеть Георгіевскій

крестъ; не побоялся высѣчь денщика своего начальника". Генераль молча выслушалъ это сообщеніе, но потомъ спросилъ губернскаго начальника, какъ произошелъ этотъ эпизодъ. Полковникъ рассказалъ, какъ было дѣло. Генераль отчислилъ отъ своей особы плутоватаго человѣка и взялъ къ себѣ въ услуженіе другого рядового. Тѣмъ дѣло и окончилось.

Послѣ франко-пруссской войны, когда нѣмцы одержали большія побѣды надъ французами, стали вводить въ русской арміи порядки на прусскій образецъ. Началось съ формы одежды. Наши красивые двухъ-бортные мундиры были замѣнены одно-бортными, некрасивыми. Такъ какъ геніальный Мольтке довѣрь мобилизациѣ прусской арміи до совершенства, то и у насъ стали заботиться о быстромъ приведеніи арміи на военное положеніе. Предстояло решить вопросъ о времени, потребномъ для мобилизациї. По военному округу былъ разосланъ циркуляръ, требовавшій представить подробныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ недостающихъ вещахъ, кои потребуются добавить въ каждую войсковую часть, при приведеніи ея на военное положеніе. Для исполненія его распоряженія, въ виду важнаго его значенія, былъ назначенъ короткій срокъ. При передачѣ означеннаго циркуляра по инстанціямъ, изъ верхней въ нижнюю, срокъ составленія вѣдомости сокращался, такъ что мой знакомый, батарейный командиръ, получивъ циркуляръ, имѣлъ срока немнога дней.—„Да мнѣ,—говорилъ онъ,— чтобы разобраться со всѣмъ имуществомъ, отличить годное отъ негоднаго, поименовать недостающія вещи, надо не менѣе мѣсяца времени”.—Пришлося приказать писарю проставить въ вѣдомости числа наугадъ и отправить по начальству. Въ окружномъ штабѣ скопилось громадное количество вѣдомостей по сему предмету. Сведеніе всѣхъ данныхъ въ одну общую вѣдомость по всему округу составило большой канцелярскій трудъ. Когда онъ былъ оконченъ, тогда былъ составленъ особый докладъ о мобилизациѣ войскъ округа и былъ представленъ на Высочайшее возврѣніе. Надо полагать, что въ Петербургѣ были довольны этимъ дѣломъ, потому что начальникъ штаба округа получилъ именную Высочайшую благодарность.

Одно время въ военномъ вѣдомствѣ господствовалъ авторитетъ Драгомирова. Этотъ генераль имѣлъ смѣость сказать, что число дѣлаемыхъ смотровъ обратно пропорціональному успѣху обученія войскъ. Слѣдуя указаніямъ генерала, стали заботиться о возможно большемъ обученіи солдатъ въ теченіе лагернаго времени. Лѣтнія занятія были подробно расписаны на каждый

день. Но если ожидался въ Вильнѣ пріѣздъ Государя и, слѣдовательно, смотръ войскамъ, то начальникъ дивизіи уже не слѣдовалъ установленному расписанію, а выводилъ пѣхоту ежедневно на церемоніальный маршъ, придерживаясь, вѣроятно, пословицы: „своя рубаха ближе къ тѣлу“.

Такъ какъ при приведеніи войскъ на военный составъ проходило значительное увеличеніе числа людей, то интересно было увидать, во что обращаются тогда рота, батальонъ, полкъ. Одинъ командующій войсками захотѣлъ воочію видѣть пѣхотный баталіонъ военнаго состава. А какъ формирование такого баталіона отвлекло бы людей отъ установленныхъ учений, то смотръ баталіону былъ назначенъ въ праздникъ Вознесенія. Конечно, командующему войсками не много надо употребить времени, чтобы сѣсть въ коляску и прѣѣхать на рысакахъ на лагерное поле, осмотрѣть баталіонъ и уѣхать обратно; но не столько времени надо было употребить солдату, чтобы предстать передъ начальствомъ. Видно было, что высокопоставленныя лица не знали цѣни солдатскаго отдыха.

Извѣстно, что въ казенныхъ мѣстахъ служебная переписка составляетъ главную обязанность чиновниковъ и занимаетъ много времени. Одинъ бывшій губернскій воинскій начальникъ, служившій на окраинѣ, получилъ важный служебный запросъ, съ которымъ не зналъ, какъ управиться и что отвѣтить. Вывелъ его изъ затрудненія близкій знакомый, указавшій на стараго писаря, который считался мастеромъ по подобнымъ дѣламъ. Полковникъ обратился къ этому писарю и заплатилъ ему впередъ 2 рубля за составленіе нужнаго отвѣта. Надо замѣтить, что въ то время контрольныхъ палатъ еще не было. Писарь засѣлъ за работу, сидѣлъ недѣли двѣ и составилъ отвѣтъ на нѣсколькихъ листахъ. Весь отвѣтъ былъ наполненъ ссылками на Сводъ Военныхъ Постановленій, указаніями на разныя статьи Гражданскихъ Законовъ, на циркуляры инспекторскаго департамента, на распоряженія корпуснаго командира, были приведены статьи изъ Уложенія о наказаніяхъ и Устава о предупрежденіи и пресеченіи преступленій. Словомъ, статей было очень много, но связи между ними не было. Когда полковникъ началъ читать изготовленный отвѣтъ, то не могъ добиться въ немъ смысла, и чтобы не задерживать исполненіе распоряженія начальства, подписалъ изготовленную бумагу. Съ отосланиемъ отвѣта переписка по возбужденному вопросу прекратилась. Прошло нѣсколько дней. Встрѣчается полковникъ чиновника, причастнаго къ сдѣланному вопросу. Тотъ поинтересовался узнать: кто въ

управлениі губернскаго воинскаго начальника сумѣль составить такой обстоятельный отвѣтъ, и при этомъ выразилъ удивленіе къ изумительной освѣдомленности и начитанности стараго писаря.

Я помню открытие военно-окружнаго суда въ Вильнѣ. Это было событие большой важности: новый порядокъ судопроизводства замѣнялъ старый, бумажный, отжившій судъ. На открытии новаго суда прибылъ виленскій архіепископъ Макарій, бывшій впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ. Паstryръ, знаменитый своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, сказалъ при открытии замѣчательную рѣчъ; даже иновѣрцы хвалили высказанную мысль. Передъ стоящими судьями, прокурорами и прочими чинами Макарій сказалъ: „вотъ вы готовитесь судить преступниковъ, будете наказывать виновныхъ и оправдывать невинныхъ: чѣмъ же вы будете руководствоваться въ приговорахъ. Законами. Но законы человѣческіе ограничены, а проявленіе людскихъ страстей безгранично; какъ же вы будете применять законы, чему будете слѣдовать. Вы будете слѣдовать указаніямъ собственной совѣсти. Ну, а чѣмъ же вы сохраните совѣсть въ чистотѣ. Молитвою. Ну, такъ помолимся же Господу Богу и будемъ просить Его о сохраненіи всегда у насъ чистой совѣсти“. Послѣ этихъ словъ, архіепископъ началъ установленный молебенъ. Слова епископа произвели сильное впечатлѣніе на слушателей.

Въ семидесятыхъ годахъ мнѣ довелось познакомиться съ бывшимъ профессоромъ Виленскаго университета Павломъ Кукольникомъ. Это былъ почтенный старикъ, словоохотливый, весьма набожный и религіозный. Онъ былъ родной братъ известнаго писателя Нестора Кукольника. Оба брата, по происхожденію, были словаки. Павель Кукольникъ былъ старшимъ братомъ и прожилъ въ Вильнѣ около 60-ти лѣтъ, почему можетъ быть названъ виленскимъ. Онъ началъ учиться русскому языку съ 10-ти лѣтняго возраста, а 15-ти лѣтъ уже поступилъ на государственную службу, выдержавъ государственный экзаменъ изъ 13-ти предметовъ. Въ 1815 году Павелъ Кукольникъ написалъ диссертацию на латинскомъ языкѣ, которую защищалъ въ Полоцкомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Служебныя занятія не помѣшили Кукольнику заниматься литературой, чему способствовало общественное движение, бывшее послѣ 1812 года. Послѣ удаленія профессора Лелевеля, Кукольникъ занялъ его мѣсто въ Виленскомъ университѣтѣ; а когда университетъ былъ закрытъ, въ 1832 году, Кукольникъ занимался въ двухъ академ-

міяхъ: Медико-Хирургической и Римско - Католической Духовной. Обѣ эти академіи существовали не долго; и по закрытіи ихъ нашъ профессоръ преподавалъ отечественную исторію въ католической семинаріи и продолжалъ ученія занятія въ качествѣ чиновника при генералъ-губернаторѣ. Кроме того Кукольникъ былъ продолжительное время цензоромъ. Литературная дѣятельность его состояла изъ произведеній поэтическихъ и научныхъ. Дружба его съ виленскимъ поэтомъ Кондратовичемъ (Сырокомлею) способствовала поэтическому творчеству, и въ 1861 году былъ изданъ сборникъ его стихотвореній. Въ позднѣйшіе годы вышли въ свѣтъ стихотворенія: „Дѣдушкино видѣніе“ и „Послѣдніе звуки обветшалой лиры“. Въ молодыхъ годахъ онъ перевелъ на русскій языкъ всеобщую исторію Сегюра. Но главная заслуга Кукольника заключалась въ статьяхъ научно-исторического характера о сѣверо-западномъ краѣ Россіи, которая составляютъ первые въ русской литературѣ труды по разработкѣ историческихъ вопросовъ нашего края. Его труды, въ видѣ монографій, помѣщены въ разныхъ изданіяхъ; по нѣкоторые вышли отдельно, какъ, напримѣръ: „Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа“. Въ своихъ статьяхъ Кукольникъ поднималъ голосъ за угнетенную массу простого народа и указывалъ на насилия, какія терпѣла православная церковь въ Литвѣ. Будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, онъ былъ возмущенъ сочиненіемъ Ренана о Христѣ и написалъ возраженіе на эту книгу. Церковныя богослуженія Кукольникъ посещалъ часто, становился на видномъ мѣстѣ, а иногда читалъ въ церкви, вместо псаломщика. Подъ конецъ жизни, онъ былъ ушибленъ извозчикомъ и долго болѣлъ, но отказался указать полиціи виновника этой катастрофы. Будучи полуослѣпшимъ, онъ давалъ бесплатные уроки въ женской школѣ при Маріинскомъ монастырѣ.

Во время нашего короткаго знакомства, Кукольникъ старался парализовать во мнѣ либеральныя сужденія, которые вообще присущи молодымъ людямъ. Почтенный старецъ умеръ въ сентябрѣ 1884 года, на 90 году отъ роду.

Дѣятелемъ другого рода въ Вильнѣ, въ позднѣйшее время, былъ чиновникъ Владимировъ, приѣхавшій сюда изъ Москвы, при генералъ-губернаторѣ Кауфманѣ. Онъ былъ кѣмъ-то推薦ованъ генералъ-губернатору, а потому былъ приглашенъ послѣднимъ къ обѣденному столу. Служилые люди, увидѣвъ почетный пріемъ, оказанный пріѣзжему, посыпались къ нему съ визитами. Жена Владимирова, англичанка, удивилась мн-

жеству новыхъ знакомыхъ и спрашивала у мужа: „что у тебя общаго съ этими людьми“—изъ которыхъ многіе носили военный мундиръ. Владиміровъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и сдѣлался англоманомъ. Я былъ съ нимъ знакомъ: это былъ человѣкъ недюжинного ума, патріотъ и критически относящійся къ общественнымъ явленіямъ. Происходя изъ духовнаго званія, онъ однако относился сурово къ дѣятельности православнаго духовенства и многаго не одобрялъ въ нашей религії. Также не сочувствовалъ бывшой тогда системѣ воспитанія. Владиміровъ поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и занимался въ какой-то комиссіи. Кроме того онъ преподавалъ русскій языкъ въ юнкерскомъ училищѣ. Имъ было написано и издано много разныхъ брошюръ по современному вопросамъ. Такъ въ брошюре „Классические языки въ современномъ образованіи“ онъ говоритъ, что истинный классикъ является какимъ-то педозрѣлымъ субъектомъ, индифферентно относящимся къ окружающей дѣйствительности и остающимся какою-то муміею, набальзамированной греко-латинскими спеціями. Имѣя дѣтей и интересуясь системою воспитанія, Владиміровъ знакомился съ разными учебными руководствами и не одобрялъ издаваемыхъ тогда хрестоматій. Въ одной изъ нихъ онъ нашелъ слѣдующіе стихи:

Пить и воздухъ, и поля,
Пить и горная земля,
Море, солнце—всѣ вы пьете,
Всѣхъ поитъ одна струя.

Въ этихъ словахъ, по его мнѣнію, прямой призывъ къ пьянству. Равнымъ образомъ порицалъ Владиміровъ извѣстныя стихотворенія: „Бѣсы“ и „Птичка Божія не знаетъ“. По мнѣнію критика, первое стихотвореніе вкореняетъ дѣтямъ вѣру въ бѣсовъ и располагаетъ ихъ къ суевѣрю; второе развиваетъ въ нихъ стремление къ лѣни, тунеядству, бродяжничеству и возбуждаетъ недовольство своей судьбой.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ на коронной службѣ, Владиміровъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. По тогдашнему времени, чиновники, покидавшіе службу, уѣзжали изъ Литвы; но Владиміровъ не послѣдовалъ такому примѣру и остался жить въ Вильнѣ. Здѣсь онъ слѣдилъ за общественною жизнью, ратовалъ за русское дѣло, печаталъ свои труды и составлялъ разныя брошюры по возникающимъ вопросамъ. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ возникъ слухъ объ учрежденіи въ Вильнѣ ду-

ховної академії, мой знакомий возсталъ противъ такого проекта. Надо замѣтить, что кто-то изъ православнаго духовенства выразилъ мысль объ опасности учрежденія въ Вильнѣ университета. Тогда Владиміровъ напечаталъ разсужденіе подъ заглавіемъ: „Въ Вильнѣ университетъ, или духовная академія“, въ которомъ доказывалъ необходимость университета. Владиміровъ былъ вегетаріанцемъ и пропагандировалъ воздержаніе въ употребленіи пищи. Онъ напечаталъ нѣсколько разсужденій на эту тему. Въ брошюре „За птицъ“ онъ совѣтуетъ прекратить ловлю и убійство всякой птицы, а въ брошюре „Мясной вопросъ“ объясняетъ удобство употребленія растительной и рыбной пищи сравнительно съ мясною, рекомендуетъ запретить ловлю рыбы съ икрою и вообще продажу икры. Онъ выражаетъ сожалѣніе о замѣнѣ меда сахаромъ и отдаетъ предпочтеніе первому передъ вторымъ. Въ защиту своихъ убѣжденій по употребленію пищи, онъ приводить мнѣніе Адама Смита, Лихиха, Молешота и другихъ ученыхъ. Въ настоящее время доznано, что употребленіе мясной пищи способствуетъ образованію склероза. Въ одномъ изъ своихъ изданій мой знакомый поясняетъ, какъ воздержанные люди могутъ ограничивать свои ежедневныя потребности въ пищѣ, и называетъ одного англійскаго миллионера, который, будучи въ дорогѣ, остановился гдѣ-то нозвавтракать. Этотъ богачъ удивилъ свою сопутницу невзыскательностью потребованной имъ пищи: путешественникъ удовольствовался завтракомъ, состоящимъ изъ простой овсянки.

Одна брошюра Владимірова носить интересное название: „Кухня, какъ путь эманципаціи женщины“. Зная тутъ тяжелыя обязанности хозяйки дома, по наблюдению за готовящимся на плитѣ обѣдомъ, а иногда и саморучно готовящей кушанія въ кухонномъ чаду и дымѣ, авторъ указываетъ на путь эманципаціи женщины упрощенiemъ сбѣденного стола, при замѣнѣ мясной пищи растительною. Не ограничиваясь протестомъ противъ употребленія мясной пищи, Владиміровъ возставалъ противъ употребленія чая и въ особой брошюре доказывалъ вредъ чая для здоровья и кромѣ того указывалъ на вредъ умственнаго и экономическаго, приносимый этимъ напиткомъ. Экономическая послѣдствія онъ находить въ огромныхъ денежныхъ суммахъ, уплачиваемыхъ Китаю Русскимъ государствомъ.

Однъ разъ мнѣ случилось имѣть столкновеніе съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ, по поводу воспитанія дѣтей. Видя двухъ его сыновей испосѣщающими школы, я чувствовалъ къ нимъ сожалѣніе. Встрѣтясь однажды съ мальчиками, я спро-

силь ихъ, желають ли они поступить въ гимназію. Тѣ отвѣчали мнѣ утвердительво. „Въ такомъ случаѣ“ — сказалъ я, — „просите папу помѣстить васъ въ гимназію“. — Такой совѣтъ на-влекъ на меня гнѣвъ отца. Въ особомъ письмѣ, онъ предлагаетъ мнѣ не вмѣшиваться въ его систему воспитанія, при этомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ дурно отзывался о тогдашней гимназіи и прибавилъ, что не отдастъ туда учиться своихъ дѣтей. Подобный упрекъ въ то время часто раздавался въ обществѣ. При сравненіи кадетскихъ корпусовъ съ гражданскими гимназіями отдавали преимущество первымъ, въ коихъ существовала система воспитанія, болѣе лучшая, чѣмъ во вторыхъ. Указывали, что въ корпусахъ существуетъ безпристрастіе, справедливость, а въ гимназіяхъ нашего края нужной справедливости не было. Всѣмъ извѣстно, какъ много усилий приложило министерство народного просвѣщенія къ переустройству нашей средней школы. Размѣры этихъ заботъ можно оцѣнить, сравнивая билеты прежняго времени, выдававшіеся гимназистамъ, съ билетами нынѣшняго времени. Передо мною лежатъ два билета: одинъ старый, выданный 5-ю Петербургскою гимназіею на 1851—52 учебный годъ; другой современный, выданный Виленскою гимназіею въ 1908 году. Первый состоитъ изъ осьмушки бумаги, на коей написаны пять пунктовъ правилъ въ одиннадцати строкахъ. Второй состоитъ изъ карманной книжки, въ коей напечатано 46 параграфовъ. Разница большая!

Другой замѣчательный человѣкъ, причастный къ литературѣ, былъ Небольсинъ, занимавшійся изслѣдованіемъ бытowychъ условій народа. Пріѣхавъ въ 1863 году въ Гродно на службу, онъ заинтересовался еврейскою народностью. Будучи одинокимъ человѣкомъ, не имѣя семьи, онъ прожилъ 6 лѣтъ въ домѣ одного еврея, семья которого жила тутъ же и съ образомъ жизни которого онъ хорошо ознакомился. Пріобрѣтя многочисленное знакомство въ еврейской средѣ, Небольсинъ вникалъ въ оригиналную жизнь этого древнѣйшаго въ Европѣ народа. Строгость выполненія разныхъ обрядовъ, твердое слѣдованіе своему закону, особый взглядъ на женщину — всѣ эти качества поразили нашего чиновника. Между прочимъ, онъ заинтересовался причиною быстраго размноженія еврейскаго племени. Изъ устныхъ разспросовъ онъ догадался, что есть что-то особенное въ еврейскомъ быту, неизвѣстное христіанамъ. Когда Небольсинъ занялъ въ Вильнѣ мѣсто цензора, тогда онъ вошелъ въ болѣе близкое знакомство съ еврейскою интеллигенціею. Подъ начальствомъ Небольсина служили цен-

зора-евреи. Узнавъ, что въ уставѣ о Миквѣ содержатся важные указанія для соохраненія женскаго здоровья, Небольсинъ поручилъ одному образованному еврею перевести этотъ уставъ на русскій языкъ. Надо сказать, что уставъ содержитъ развитіе правилъ, значащихся въ Библіи, въ книгѣ Левитъ въ главѣ XV. Миква—это резервуаръ съ проточнou водою; погруженiemъ въ этотъ резервуаръ люди не только обмываются тѣло, но и подвергаются какъ бы духовному очищенію. Сдѣланный русскій переводъ о Миквѣ вмѣстѣ со своими наблюденіями надъ еврейскою жизнью, Небольсинъ напечаталъ въ Запискахъ Географическаго Общества въ 1873 году. Получивъ отдѣльные оттиски своей статьи, Небольсинъ раздалъ ихъ своимъ знакомымъ. и такимъ образомъ русское общество ознакомилось съ интересною стороныю еврейской жизни. Замѣтимъ, что текстъ устава весьма циниченъ и его нельзя читать при дамахъ. Распространеніе свѣдѣній о секретныхъ еврейскихъ обрядахъ произвело волненіе въ еврейскихъ обществахъ, такъ какъ были обнаружены ихъ тайны.

Другую статью о евреяхъ Небольсинъ напечаталъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это установленіе о халицѣ или актѣ разуванія, въ которомъ излагается обязанность вдовы выйти замужъ за брата умершаго мужа, или получить *хамицу*, т.-е. свободу выйти замужъ за другого человѣка. Небольсинъ даже указалъ мѣсто, гдѣ совершаются обрядъ халицы, въ Вильнѣ: это—комната при синагогѣ погребального общества.

Вообще еврейскій народъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей выдающейся жизнеспособности. Будучи самыми старыми въ Европѣ, онъ выработалъ себѣ крѣпкую, сплоченную организацію, позволившую ему вынести многочисленныя гоненія. Евреи не привлекаютъ къ себѣ иновѣрцевъ, не стремятся обратить ихъ въ свою религію, подобно христіанамъ и магометанамъ; напротивъ, они не смѣшиваются съ другими расами, потому что считаютъ себя народомъ Божіимъ, призванными на высокое назначеніе. Молятся они Богу очень усердно. У христіанъ болѣе набожны женщины; у евреевъ—наоборотъ, болѣе набожными мужчины. Евреи считаютъ женщину полуживотнымъ и не требуютъ отъ нея большихъ молитвъ. Всѣ мужчины ежедневно посѣщаются свою школу, т.-е. синагогу, которая бываетъ постоянно открыта для молящихся, даже ночью. Мне неоднократно случалось замѣтить, какъ евреи мастеровые отказывались приходить рано утромъ на работу, потому что они

сперва должны побывать въ школѣ. Благотворительность у нихъ развита въ высокой степени, безъ всякихъ письменныхъ уставовъ, единственно по установленвшемуся обычаю. Существуетъ много братствъ съ различными цѣлями. Такъ, погребальное братство хоронитъ всѣхъ покойниковъ: бѣдныхъ и богатыхъ, при чемъ бѣдняковъ хоронить даромъ. Можно сказать, что каждый умершій становится собственностью братства: почему родные умершаго совершенно свободны отъ хлопотъ, связанныхъ съ погребениемъ. Старинное еврейское общество, искупающее погибшихъ, теперь оказываетъ помощь находящимся подъ стражею. Страннопріемное братство доставляетъ прибывающимъ евреямъ столъ и квартиру на нѣсколько дней. Существуютъ еще особья братства, оказывающія помощь больнымъ, доставляющія бѣднымъ одежду и обувь, помогающія бѣднымъ невѣстамъ выходить замужъ, дающія въ долгъ деньги безъ процентовъ. Братства такъ распространены, что каждый еврей состоить членомъ какого-нибудь благотворительного учрежденія. Къ хорошимъ качествамъ евреевъ надо отнести стремление ихъ къ просвѣщенію и къ охранѣ нравственности женщинъ. Небольшинъ свидѣтельствуетъ, что всѣ евреи поголовно грамотны. Распространенію грамотности способствуетъ большое количество народныхъ школъ, коихъ въ Вильнѣ доходитъ до сотни. За поведеніемъ женщинъ внимательно смотрятъ еврейское общество. Былъ такой случай. Молодой офицеръ зашелъ вечеромъ въ галантерейный магазинъ на Большой улицѣ. Тамъ были только женщины - торговки; мужчинъ не было. Стояла лѣтняя погода; двери были открыты настежь и магазинъ освѣщался лампами. Никого изъ покупателей не было. Офицеръ сталъ разматривать вещи, прицѣнивался къ нимъ и выбиралъ себѣ нужное, при чемъ рѣль разговоръ съ продавщицами. Служащія дѣвушки, не имѣя дѣла, собирались около офицера и слушали разговоръ. Совершенно неожиданно вошелъ въ магазинъ бѣдно одѣтый еврей, сталъ посрединѣ комнаты и молча слушалъ разговоръ. Вопрекій никакого товара себѣ не спрашивалъ; ни одна изъ торговокъ не обратилась къ нему съ вопросомъ. Постоявъ 2—3 минуты, еврей молча вышелъ изъ магазина. Офицеръ вынесъ убѣжденіе, что этотъ мужчина приходилъ съ единственою цѣлью наблюдать за поведеніемъ торговокъ. Вообще евреи относятся очень строго къ поведенію своихъ женщинъ. Если молодая женщина овдовѣеть, то общество требуетъ отъ нея вторичнаго выхода замужъ, въ против-

номъ случаѣ, ее считаютъ порочною. Развратныхъ женщинъ евреи даже не хоронятъ на общемъ кладбищѣ. Дисциплина у евреевъ строгая: ей повинуются всѣ. Однажды мнѣ довелось видѣть примѣръ безпрекословнаго исполненія существующаго порядка, чего у христіанъ не встрѣтить. Были похороны богатаго еврея, который при жизни не слѣдовалъ еврейскому закону. Умершій былъ холостъ, состоялъ членомъ дворянскаго клуба, пилъ вино, игралъ въ карты и имѣлъ обширный кругъ знакомства въ христіанскомъ обществѣ. Не удивительно, что провожать покойного собралось много народа. Былъ и я въ числѣ провожатыхъ. Въ квартирѣ усопшаго трупъ покойника лежалъ на полу. Мнѣ объяснили, что такое положеніе придаютъ трупу съ цѣлью показать, что всѣ люди равны. На кладбище везутъ покойниковъ въ особомъ гробу, служащемъ для перевозки и другихъ умершихъ. По прибытии на мѣсто, трупъ вынимаютъ изъ гроба, совершаютъ какой-то религіозный обрядъ и затѣмъ переносятъ къ могилѣ. При совершенніи обряда, на умершаго одѣваютъ одежду. При похоронахъ какого-нибудь извѣстнаго раввина, участвовать въ облаченіи одѣжды считается за честь, а за право участвовать въ облаченіи платить особыя деньги. Въ то время, про которое я говорю, еврейское кладбище не было такъ хорошо устроено, какъ нынѣ. Былъ большой деревянный сарай, куда и привезли покойника. Я стоялъ въ концѣ сарая; а въ противоположномъ углу вынули трупъ и приступили къ совершеннію обряда. Родная сестра покойника, увидѣвъ трупъ брата, наклонилась и хотѣла его поцѣловать. Въ то самое время, стоявшій вблизи меня какой-то грязный еврей издалъ пронзительный, рѣзкій крикъ. При этомъ звукѣ, наклонившаяся дама мгновенно выпрямилась и быстро отступила отъ трупа, какъ будто услыхала громъ съ неба. Такое повиновеніе крику, изъ устъ грязнаго еврея, меня очень удивило.

Переходя къ выясненію причинъ быстраго размноженія еврейскаго народа, можно указать на слѣдующіе аргументы:

1) Каждый еврей долженъ быть женатъ и обязанъ имѣть дѣтей; иначе онъ отступникъ отъ закона. Если у еврея нѣтъ дѣтей, то онъ можетъ развестись съ женою и вступить въ новый бракъ.

2) Отвращеніе евреевъ отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и отсутствіе въ еврейскомъ народѣ пьянства.

3) Еврейскій законъ регулируетъ супружескія отношенія.

4) Каждая женщина обязана соблюдать существующія ира-

вила чистоты и обязана посещать микув въ установленные дни. Для надзора за исполнениемъ этихъ правилъ назначаются особныя женщины.

Вышеизложенные причины стали известны русскому обществу изъ трудовъ Небольсина. Къ нимъ можно прибавить отвращеніе евреевъ отъ военного ремесла, уклоненіе ихъ отъ военной службы и воздержаніе въ употреблениі мясной пищи. Извѣстно, что евреи не употребляютъ въ пищу свинины; а мясо прочихъ животныхъ ёдятъ только тогда, когда при убоѣ присутствовалъ свѣдущій человѣкъ и призналъ скотину неимѣющею сомнительныхъ вредныхъ признаковъ. По этой причинѣ еврейское мясо продается всегда дороже христіанскаго.

Что касается пребыванія молодыхъ людей въ войскахъ, то весьма понятно, что эта служба приноситъ ущербъ семейной жизни.

Въ 1876 году, мнѣ пришлось прожить иѣкоторое время въ Бѣлградѣ, вскорѣ послѣ окончанія Сербско-Турецкой войны. Генералъ Черняевъ выбылъ уже изъ Сербіи, но вездѣ въ городѣ упоминали его имя. Куда ни придешь, вездѣ слышишь „Михаило Григорьевичъ“. Въ городѣ было много русскихъ добровольцевъ. Слышины были разговоры о военныхъ неудачахъ, о непослушаніи Черняеву отдѣльныхъ начальниковъ. У меня нашелся въ Бѣлградѣ товарищъ по школѣ, сербъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ и возвратившійся въ Сербію. Какъ-то я у него обѣдалъ. Кушанья были по обыкновенію съ наприкою. Употребленіе этой приправы возбуждаетъ жажду. А пить воду запрещено: можно было получить лихорадку; поэтому требовалось пить вино. Я однако отъ вина отказался, и лихорадка меня не коснулась. Посѣтилъ я митрополита Михаила, про котораго въ русской прессѣ печатали очень хорошіе отзывы. Поименованный настырь,—воспитаникъ Кіевской духовной академіи, мнѣ не понравиіся.—„Россія давно не воевала; пора новоевать“,—вотъ его слова. Въ здѣшнемъ соборѣ, за обѣдней пѣли русскіе пѣвчіе, присланые изъ Москвы. Ихъ было немного, но пѣли они очень хорошо. Передъ возвращеніемъ въ Россію, всеѣ пѣвчіе были награждены орденомъ „Такова“. Въ Бѣлградскихъ церквяхъ соблюдаются хороший порядокъ въ размѣщеніи молящихся: женскій полъ отдѣленъ отъ мужскаго; впереди стояли мужчины, позади женщины. Подобный порядокъ раздѣленія половъ существовалъ въ Петербургѣ, въ Почтамтской церкви, гдѣ мужчины становились на правой сторонѣ, а

женщины на лѣвой. За соблюденіемъ этого порядка строго наблюдалось. Въ городѣ жилъ австрійскій консулъ, прекрасно говорившій по-русски. Сербы про него говорили: „это нашъ врагъ, хуже турка“. Передъ началомъ войны съ турками, сербы пытались поднять восстаніе у болгаръ: разсыпали воззванія, привозили тайкомъ оружіе; все напрасно—болгары решительно отказывались возставать противъ турокъ. Тогда обнаружилась непріязнь между этими двумя славянскими народностями, перешедшая впослѣдствіи, послѣ русско-турецкой кампаніи, въ открытую войну. Болгары, какъ евреи, питали отвращеніе къ оружію и только, когда русская армія перешла Дунай и вступила въ Болгарію, тогда болгары начали борьбу съ турками.

Во время моей бытности въ Бѣлградѣ, тамъ ходили по рукамъ добровольцевъ стихи о бывшихъ неудачахъ. Одна пѣсня начиналась такъ:

Было дѣло подъ Дьюнишемъ.
Плохо дѣло, чортъ возьми.
Мы дрались тогда съ Керимомъ.
И изъ шанцевъ утекли.

Десять пушекъ побросали
И Мораву вбродъ прошли,
А понтоны еле сняли,
Въ Делиградъ ихъ увезли...

Надо сказать, что сербскія войска не были организованы и мало дисциплинированы; поэтому неудивительно, что турки, превосходившіе численностью сербовъ, взяли надъ ними перевѣсь.

Мнѣ довелось познакомиться съ замѣчательнымъ русскимъ добровольцемъ-Кузьминскимъ. Этотъ кавалерійскій офицеръ имѣлъ георгіевскій крестъ за военные отличія въ Туркестанѣ. Будучи человѣкомъ богатымъ, онъ собралъ подъ свою команду полъ-сотни удальцевъ, между коими былъ одинъ баронъ, убившій на родинѣ человѣка и бѣжавшій въ Сербію. Про Кузьминского говорили, что онъ сдѣлалъ въ Варшавѣ какой-то проступокъ противъ дисциплины и потому бѣжалъ въ Сербію. Онъ былъ человѣкомъ разносторонне образованнымъ. Ему пришлось прожить въ Парижѣ во время осады этого города нѣмцами. Извѣстно, что одно время Парижъ былъ совершенно изолированъ отъ окружающего міра. У Кузьминского вышли тогда всѣ наличные деньги; достать другихъ было негдѣ. Тогда онъ рѣшился

продать свои дорогіе карманные часы, только-что купленные передъ франко-германской войной. Пошель онъ въ тотъ магазинъ, гдѣ купилъ часы, и просилъ взять ихъ обратно за полцѣны. Купецъ отказался. Кузьминскій еще сбавилъ цѣны—все-таки не получилъ удовлетворенія въ своемъ предложеніи. Разсерженный жадностью мастера, русскій офицеръ ушелъ изъ магазина и продалъ новые часы въ другомъ мѣстѣ.—Этому Кузьминскому пришлось выдержать замѣчательный курсъ лѣченія и едва-ли гдѣ-либо встрѣчаемый. На моихъ глазахъ, онъ на скаку упалъ съ лошади, при чемъ расшибъ себѣ ногу и ушибъ голову о дерево. Тотчасъ былъ приглашенъ докторъ изъ русского санитарного отряда. Докторъ далъ медицинскія пособія и между прочимъ приложилъ ледъ къ ногѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Добровольцы, его сподвижники, захотѣли помочь своему начальнику и отыскали въ городѣ какуюто знахарку. Эта женщина также начала лѣчить больного, но только другимъ способомъ: она стала прикладывать къ болѣй ногѣ горячія припарки. Лѣченіе шло такимъ образомъ: утромъ, къ приходу доктора, ставился ледъ; вечеромъ клалась горячая припарка. Несмотря на такія діаметрально противоположныя средства, болѣй выздоровѣлъ. Однако молодому человѣку не пришлось больше воевать съ турками: со вступленіемъ русской арміи въ Турію, онъ, какъ сообщали газеты, окончилъ жизнь самоубійствомъ. Очень жаль этого отважнаго воина.

Передъ Рождествомъ прїѣхалъ въ Бѣлградъ изъ Петербурга генералъ Никитинъ со штабомъ изъ 5-ти человѣкъ. Появленіе на улицѣ русскихъ офицеровъ въ формѣ произвело большое впечатлѣніе въ городѣ. Всѣ спрашивали причину этого прїѣзда, строили разныя предположенія, но ничего узнать не могли. Однако Никитинъ не прожилъ долго: вскорѣ онъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Очевидно, миссія его не удалась. По сообщенію достовѣрныхъ людей, дѣло было такъ: извѣстно, что въ сербской арміи проявлялась неурядица; военный министръ Николичъ велѣ бумажную войну съ Черняевымъ. Это непріязненное отношеніе перешло къ сербскимъ офицерамъ. Позднѣе прїѣхалъ генералъ Новоселовъ, принявшій командованіе надъ особою арміею и относившійся также непріязненно къ Черняеву. Неудивительно, что турки, при ихъ многочисленности, одерживали побѣды надъ сербами. Вотъ генералу Никитину было поручено водворить порядокъ, организовать сербскую армію и оказать Сербіи денежную помощь. Говорятъ, что въ распоряженіи Никитина были большія суммы. Когда началась выдача

денегъ, сербы обнаружили жадность къ русскому золоту. Сербы мнѣ говорили, что съ начала сербско-турецкой войны было сбавлено жалованье вѣсмъ высокостоящимъ лицамъ. Называли даже таихити мѣсячного жалованья, которое получали министры. Сколько помнится—это было 120 или 100 рублей въ мѣсяцъ. Разумѣется, подобное ограниченіе показывало на патріотизмъ сербовъ. Когда же русскій генераль началъ отпускать деньги, то требованія сербовъ возрасли до чрезвычайности. Я знаю одинъ случай. Нужно было командировать сербскаго офицера въ Венгрію по какому-то дѣлу. Зашелъ вопросъ: сколько дать суточныхъ денегъ этому лицу. Сербское правительство отвѣтило: по 5 рублей золотомъ въ сутки. Такое неимовѣрное требованіе удивило Никитина. Надо замѣтить, что офицеры императорской арміи, прибывающіе съ Никитинымъ, получали только по 3 рубля въ сутки. Такія безмѣрныя требованія показали Никитину, что сербы хотятъ эксплоатировать русскую казну. Не желая быть жертвой такого вымогательства, Никитинъ отказался отъ даннаго ему порученія и уѣхалъ въ Петербургъ. Такъ не состоялась русская миссія. А очень жаль. Если бы не случилось подобнаго разногласія, то, съ объявленіемъ войны, русская армія переправилась бы на правый берегъ Дуная въ Сербіи, т. е. на дружественный берегъ и не было бы тѣхъ потерь, кои мы понесли подъ Систовомъ. Сформированныя сербскія войска, добровольцы и русская дивизія съ казаками образовали бы большую армію, которая привлекла бы къ себѣ турецкія силы и не позволила бы Осману-пашѣ уйти въ Плевно; следовательно, несчастныхъ атакъ Плевны не было бы и вся кампанія прошла бы иначе.

Проживая въ Бѣлградѣ, я съѣздилъ на другой берегъ Дуная въ маленькой венгерской городокъ Панчіо. Тамошніе сербы, узнавъ во мнѣ русскаго, приняли меня очень радушно. Одинъ адвокатъ мнѣ говорилъ: до австрійскаго дуализма, надъ нами господствовали нѣмцы, которые хотя и тѣсили насъ, но признавали сербскую народность. Съ введеніемъ дуализма, стали надъ нами господствовать венгры, которые сильнѣе притѣсняютъ насъ.—„Какіе вы сербы, вы венгры“,—говорять они и ввели венгерскій языкъ въ администрацію, въ судъ и въ школу. Для сербовъ учиться нѣмецкому языку было полезно, такъ какъ можно было ознакомиться съ наукой и литературой образованнаго народа. Ничего подобнаго не давалъ венгерскій языкъ. Въ Панчіо мнѣ пришлось познакомиться съ княземъ Карагеоргіевичемъ, прекрасно образованнымъ молодымъ человѣкомъ,

окончившимъ Московскій университетъ. Онъ, конечно, хотѣлъ бы принять участіе въ войнѣ, вставть въ ряды сербовъ, но фамилії Карагеоргіевичей быль запрещенъ въездъ въ Сербію.

Припоминаю эпизодъ изъ посѣщенія генераломъ Черняевымъ города Праги въ Чехіи, послѣ сербско-турецкой войны. Сербская молодежь, узнавъ о пріѣздѣ героя послѣдней войны, дѣлала большія овациія русскому генералу. Подобныя овациія были непріятны нѣмцамъ, и австрійская поліція разгоняла толпы сербовъ, собиравшихся на площади передъ гостиницей, где остановился Черняевъ. Когда поліція оказалась бессильною, тогда вступило на площадь войско. Затѣмъ, администрація предложила Черняеву покинуть городъ, что и было имъ исполнено. Эпизодъ вмѣшательства войска въ разгонѣ толпы описанъ русскимъ поэтомъ Минаевымъ, подъ заглавіемъ: „Славный бой при гостиницѣ Санъ-СтефANO“.

Посѣщая рестораны въ Бѣлградѣ, я замѣтилъ демократические порядки, существовавшіе тамъ. Прислуга, подававшая кушанія во время обѣдовъ, была расторопна и почтительна; когда же обѣденный часъ кончался, въ томъ же помѣщеніи открывали новый обѣденный столъ, исключительно для лакеевъ, которые и обѣдали тутъ съ должностнымъ достоинствомъ.

Послѣ Потапова генераль - губернаторомъ быль назначенъ генераль Альбединскій. Съ пріѣздомъ нового начальника края, доступъ во дворецъ широко раскрылся; начались еженедѣльные приемы, устраивались танцевальные вечера, давались балы. Атмосфера во дворцѣ перемѣнилась: чувствовался радушный приемъ гостей. Альбединскій любилъ военное дѣло вообще, а кавалерійское дѣло — въ особенности. Слѣдующій случай пояснить сказанное. Однажды въ приемной комнатѣ дворца собрались должностныя лица въ ожиданіи приема генераль-губернаторомъ. Въ числѣ ихъ были начальникъ отдѣленія генераль-губернаторской канцеляріи и помощникъ начальника окружного штаба. Такъ какъ первый пришелъ во дворецъ раньше второго, то ему слѣдовало идти къ генераль-губернатору раньше ожидавшаго генерала. Поэтому сей послѣдній обратился къ чиновнику съ просьбою уступить ему свою очередь входа въ кабинетъ, такъ какъ у него незначительный докладъ по кавалеріи. Начальникъ отдѣленія согласился. Противъ ожиданіи помощникъ начальника штаба пробылъ въ кабинетѣ битый часъ и тѣмъ сильно огорчилъ ожидавшаго чиновника, имѣвшаго весьма серьезное и важное дѣло. Когда, наконецъ, генераль-губернаторъ принялъ ожидавшаго чиновника, то и слушать не сталъ устныхъ объ-

ясеній важного дѣла, а прямо подпісалъ поданную ему бумагу. Такъ отличалъ начальникъ края штатское дѣло отъ военнаго.

Передъ русско - турецкой войной обращено было въ арміи большое вниманіе на рѣшенія офицерами тактическихъ задачъ. Заставляли рѣшать задачи не только оберъ - офицеровъ, но и штабъ-офицеровъ. Альбединскій принималъ большое участіе въ этихъ упражненіяхъ, исполняемыхъ на бумагѣ по лежащимъ планамъ и картамъ. Часто подобныя упражненія дѣлались въ военномъ клубѣ, по вечерамъ, гдѣ присутствовалъ командующиій войсками округа. Говорятъ, что передъ русско-турецкой войной было уволено до 40 капитановъ за неумѣніе рѣшать тактическія задачи. Когда въ Петербургѣ узнали о такой ревностной дѣятельности генераль - губернатора, тогда Альбединскаго зачислили въ генеральный штабъ. Это назначеніе очень постыло награжденнаго, и онъ съ охотою смѣнилъ красивый гусарскій мундиръ на сюртукъ генерального штаба. Тогда же онъ сдѣлалъ обѣдъ для офицеровъ генерального штаба и снялся съ ними въ фотографіи, въ общей группѣ. Супруга генераль - губернатора обладала большими тактомъ: она принимала всѣхъ служащихъ очень привѣтливо, со всѣми обходилась ровно и не позволяла цѣловать своей руки. Рассказываютъ, что какой-то чиновникъ, получивъ пригласительный билетъ на балъ къ генераль - губернатору, пріѣхалъ туда, не представившись предварительно хозяину дома. Альбединская, узнавъ объ этомъ, взяла этого чиновника подъ руку, повела къ своему мужу и представила гостя хозяину дома. Нѣкоторые мѣстные учителя были приглашены въ генераль - губернатору давать уроки его дѣтямъ за денежную плату. Одинъ преподаватель очень успѣшно обучалъ дѣтей. Альбединская, желая отблагодарить учителя, побѣхала съ визитомъ къ его женѣ, которая до того времени никогда не бывала въ генераль - губернаторскомъ дворцѣ. Когда Альбединскій получилъ назначеніе въ Варшаву, тогда воинскіе чины поднесли ему альбомъ, богато отдѣланный. Помню, что на переплетѣ были сдѣланы художественной работы сцены изъ военной жизни округа, гдѣ нарисованы были дѣйствующія лица съ поразительнымъ сходствомъ. Въ расходахъ на заготовленіе альбома участвовали только генералы и начальники отдѣльныхъ частей. Командиры полковъ внесли, если не ошибаюсь, по 50 руб. съ лица.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я былъ постояннымъ членомъ дворянскаго клуба. Въ молодые годы, я ежедневно приходилъ по вечерамъ въ клубъ для чтенія журналовъ и газетъ. Семейныхъ

вечеровъ клубъ дѣлалъ мало, потому что дамы любили очень наряжаться, черезъ что многие воздерживались отъ частыхъ посѣщеній вечеровъ. Кромѣ того трудно было имѣть достаточное число танцоровъ. Только гораздо позднѣе клубные вечера стали болѣе оживленными. Одно время въ клубѣ дѣлались общіе обѣды каждыя двѣ недѣли. Въ этихъ обѣдахъ было пріятно участвовать. Обѣдъ состоялъ изъ 6 блюдъ и стоилъ 1 р. 50 коп. безъ вина. Въ клубномъ хозяйствѣ было обращено особое вниманіе на заготовку вина, котораго поваръ не касался. Однако злоупотребленіе виномъ было большое, несмотря на особо нанятаго человѣка, который обязалъ быть вести ежедневную запись вина. При одной ревизії вспомнили про небольшую компанію—человѣкъ 7—8, которая провожала въ извѣстный день своего товарища, уѣзжавшаго изъ Вильны. Сидя за обѣдомъ, компанія молодыхъ людей поручила своему товарищу требовать вина на всѣхъ восьмерыхъ. Вина было выпито что-то рублей на 40. Ревизіонная комиссія захотѣла убѣдиться, на сколько рублей по имѣющимся записямъ этотъ членъ выпилъ вина въ извѣстный день. Оказалось на 3 руб. 50 к. Когда завѣдующему виномъ было указано, что запись слишкомъ мала, тотъ упорно отрицалъ фальшь. На счастье, участвовавшій въ обѣдѣ сохранилъ подлинный счетъ поданнымъ винамъ, и ревизіонная комиссія могла убѣдиться, что вина было вытребовано не на $3\frac{1}{2}$ рубля, а на 38 рублей. Такъ было сильно развито плутовство. Въ дворянскомъ клубѣ давались прекрасные музыкальные вечера, устраиваемые сформировавшимся тогда музыкальнымъ обществомъ. Музыкальныхъ силъ было много; музыка была серьезная и можно было съ удовольствіемъ проводить вечеръ. Одинъ изъ участниковъ этого общества, именно Столыпинъ, началъ читать лекціи по исторіи музыки. Лекціи этого молодого человѣка были интересны, но вскорѣ прекратились. Закрылось и музыкальное общество. По какимъ причинамъ прекратилась эта музыкальная дѣятельность—не знаю; кажется, вслѣдствіе какихъ-то денежныхъ растратъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей журнальной комнаты, былъ почтенный еврей, докторъ, служившій въ царствованіе Николая I. Онъ рассказалъ намъ интересный эпизодъ изъ своей службы. Прибылъ въ Вильну министръ финансовъ Вронченко. Однажды вечеромъ, этотъ министръ пригласилъ къ себѣ означенного доктора для частной бесѣды. Разговаривая съ гостемъ, Вронченко спросилъ его: можетъ ли онъ получить откровенный правдивый отвѣтъ по важному вопросу, при чемъ министръ

успокоилъ его, увѣривъ, что никакой отвѣтственности за высказанный рѣчъ онъ не подвергнется. Докторъ выразилъ готовность отвѣтчать правдиво. Тогда министръ сказалъ:— „объясните мнѣ пожалуйста, что мѣшаетъ евреямъ принять русскую вѣру“. Неожиданнымъ вопросомъ докторъ былъ изумленъ и очутился въ затруднительномъ положеніи. Однако какое-то объясненіе министръ получилъ. Намъ приходится удивляться наивности вопроса, сдѣланаго министромъ. Этотъ Вронченко былъ извѣстенъ какъ большой любитель женщинъ. Тѣхъ онъ на почтовыхъ и остановился на Динабургской станціи для перемѣны лошадей. Тамъ онъ увидалъ очень красивую служанку, прошедшую, какъ говорится, огонь и воду. Министръ объявилъ себя заболѣвшимъ и остался почевать на станціи. На другой день онъ продолжалъ путешествіе, но красавица служанка не осталась служить въ Динабургѣ, а переѣхала на жительство въ Петербургъ. Передъ русско-турецкой войной жилъ въ Вильнѣ отецъ молодого Столыпина, шталмейстеръ Столыпинъ. Это былъ человѣкъ разносторонне образованный, обширнаго ума, доступный въ обращеніи. Онъ разсказывалъ, какъ, прѣхавъ въ Петербургъ изъ Крыма, онъ докладывалъ Государю Николаю ходъ военныхъ дѣйствій, при чемъ, за неимѣніемъ чертежей, рисовалъ мѣстность мѣломъ на ломберномъ столѣ. Несмотря на свое высокое положеніе, Столыпинъ не чуждался общественной дѣятельности: онъ былъ гласнымъ въ городской думѣ, членомъ дворянскаго клуба и принималъ порученія по дѣламъ города и клуба. Незадолго до объявленія войны, въ дворянскомъ клубѣ была назначена ревизія хозяйства и въ ревизіонную комиссию были выбраны три члена, въ томъ числѣ шталмейстеръ Столыпинъ. Этотъ аристократъ не отказался отъ нового дѣла. Онъ вмѣстѣ съ комиссией подробно осматривалъ клубное имущество, повѣрялъ хозяйство, ведущіяся книги и даже спустился въ винный погребъ. Одинъ изъ членовъ клуба, полякъ, имѣвшій придворное званіе, узнавъ, что Столыпинъ находится въ погребѣ, спустился также туда и выразилъ удивленіе, что русскій сановникъ принимаетъ участіе въ счетѣ бутылокъ. Ревизіонная комиссія выполнила свое порученіе весьма хорошо, новѣрила все имущество, разсмотрѣла болѣе 20-ти книгъ и составила по сему предмету подробный докладъ, который былъ прочитанъ общему собранию членовъ. Можетъ быть, этотъ докладъ сохранился въ дворянскомъ клубѣ.

Столыпинъ жилъ въ собственномъ домѣ съ большими садами на Стефановской улицѣ. Эта улица не отличалась чи-

стотою, и Столыпинъ пожаловался однажды полицеймейстеру на существующую грязь. Тотъ отвѣчалъ: „я скажу въ городской управѣ, что Васъ собирается навѣстить генераль-губернаторъ; тогда городское управлениѣ очистить улицу“. Живя въ Вильнѣ и занимаясь музыкой, оба Столыпина, отецъ и сынъ, написали театральную пьесу патріотического содержанія, отвѣчавшую на злобу дня: ополченіе русскихъ. Эта пьеса плавнѣсколько разъ въ Виленскомъ театрѣ имѣла успѣхъ. Особенно нравилось публикѣ пѣніе послѣднихъ словъ:

И Бѣлоруссія, Литва
Не будутъ Польшей никогда.

Съ объявленіемъ войны, Столыпинъ былъ переименованъ въ военный чинъ и уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Туда же отправился и его сынъ, поступившій рядовымъ въ полевую артиллерию.

Проживъ много лѣтъ на свѣтѣ, я замѣчаю перемѣну, прошедшую въ нашемъ обществѣ. Того, что было прежде, теперь не увидишь. Въ юности мнѣ пришлось встрѣчаться съ лейтенантомъ Черноморскаго флота С., участникомъ Синопскаго боя. Онъ много рассказывалъ про тамошній морской бытъ. Одинъ разъ сократился у меня въ памяти. У нашего боцмана (фельдфебеля), повѣствовалъ С., была красавая жена. Вотъ я и прихожу къ боцману въ гости вечеркомъ. Боцманъ мнѣ говоритъ: „ваше благородіе, при себѣ не позволяю“. Я вынимаю полтинникъ, даю ему и говорю: „убирайся въ кабакъ“. Мужъ уходитъ изъ дома, и я остаюсь наединѣ съ женой.

Въ шестидесятыхъ годахъ, одинъ помѣщикъ Могилевской или Витебской губерніи, не помню, мнѣ разсказывалъ про то доброе старое время, когда легко нанимались въ помѣстяхъ деревенскіе рабочіе. Въ зимнее время, не стоило большого труда привлечь мужиковъ на работу въ барскій дворъ. Достаточно было ихъ накормить, дать по чаркѣ водки и больше ничего: люди уходили довольные; о денежной платѣ не было и помину. Полагаю, что такихъ рабочихъ въ настоящее время не найти. Помѣщикамъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ жилось вообще очень хорошо. Владѣя большими пространствами земли и разными угодьями, они представляютъ собою полскій край, вкоренившійся на Западѣ Россіи. Стремленіе сохранить здѣсь Польшу осталось и понынѣ прежнее. Гдѣ-нибудь въ уѣздахъ Виленской или Ковенской губерніи случайно кто-нибудь заговорить по-русски: тотчасъ раздается гнѣвный голосъ хозяйки:

„не смѣть говорить по - русски; здѣсь Польша, а не Россія“. По наружному виду, конечно, произошла перемѣна: прежняя панская гордость стихла.

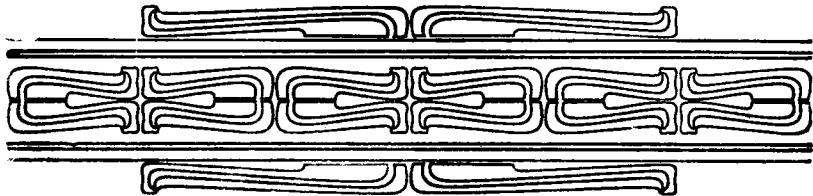
Въ семидесятыхъ годахъ у меня былъ знакомый полковникъ, богатый помѣщикъ здѣшнихъ губерній. Это былъ гордый человѣкъ. Вышедши въ отставку въ генеральскомъ чинѣ, онъ поселился въ своеемъ имѣніи. Кто-то изъ полицейскихъ властей, исправникъ или становой, пріѣхалъ къ нему съ визитомъ. „Я не хочу знакомиться съ полиціею“, — говорилъ онъ мнѣ, „пріѣхавшаго я не принялъ и полицейскій чинъ не переступилъ порога моего дома“. Прошло лѣтъ тридцать. Въ той же мѣстности, другой богатый помѣщикъ, неимѣвшій большого чина, уже не чуждается полиціи, а напротивъ, самъ старается завести съ нею знакомство. Подобное знакомство всегда можетъ принести пользу, ну хотя бы по части безпрепятственнаго полученія заграничныхъ паспортовъ. Нынѣшній землевладѣлецъ первый ёдетъ къ мѣстному становому съ визитомъ, при чемъ поясняетъ, что никакихъ у него дѣлъ нѣтъ, а что онъ пріѣхалъ къ приставу единственно съ желаніемъ завести знакомство съ почтеннымъ человѣкомъ.

Въ позднѣйшее время идетъ агитація въ польскомъ обществѣ для созданія дружеской, сердечной связи между мужикомъ и помѣщикомъ. Эту миссію возлагаются на польскихъ женщинъ. Съ этою цѣлью въ Вильнѣ издано руководство для собесѣданія съ крестьянкою, въ коемъ подробно указываютъ польскимъ дамамъ, какъ надо дѣйствовать, чтобы привлечь къ себѣ довѣріе деревенскихъ бабъ. Подобное оближеніе съ городскою прислугою уже достигнуто въ Вильнѣ. Теперь желаютъ создать такое же оближеніе въ деревнѣ, дабы было полное единеніе между господами и мужиками. Мысль очень хорошая, если въ ней нѣтъ намѣренія обратить бѣлоруссовъ въ поляковъ.

Происшедшее обновленіе нашего государственного строя не удовлетворило ни поляковъ, ни евреевъ; зато литовцы пробудились и проявили свое существованіе.

Алексѣй Гене.

По поводу статьи А. Е. К.

„М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ“.

Въ Мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1913 годъ, начата печатаньемъ статья автора, скрывающагося подъ инициалами А. Е. К. „М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ“, въ которой факты освѣщены до такой степени односторонне и неправильно, что я, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ М. И. Драгомирова, не могу не выразить самаго горячаго протеста.

Не настало еще время начертать во весь ростъ портретъ незабвеннаго Михаила Ивановича, какъ гражданина и какъ гражданскаго администратора.

Эти стороны проявленія личности Драгомирова, любопытныя и замѣчательныя сами по себѣ, должны интересовать русское общество еще и потому, что онѣ до сихъ поръ не нашли достойнаго выраженія и вообще извѣстны публикѣ очень мало.

Тѣмъ отвѣтственнѣе положеніе каждого автора, который намѣревается познакомить читателей съ административной дѣятельностью и взглядами на нее Драгомирова.

Такая отвѣтственность требуетъ отъ автора осторожности въ освѣщеніи фактовъ, тщательной провѣрки субъективныхъ впечатлѣній и вдумчивости. Всего этого, къ сожалѣнію, лишена статья А. Е. К., написанная, что называется, съ плеча и совершенно искажающая образъ Драгомирова¹⁾.

Я здѣсь не собираюсь ни писать подробнаго опроверженія указанной статьи, ни излагать собственный взглядъ на дѣятельность Драгомирова, какъ генералъ-губернатора. Надѣюсь сдѣлать это впослѣдствіи со всей тщательностью, на которую въ правѣ претендовать этотъ выдающійся человѣкъ.

¹⁾ Редакція не раздѣляетъ этихъ взглядовъ автора.

Ред.

Но я не могу не оставить безъ отвѣта неточности статьи, касающейся моей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что эти неточности искажаютъ и образъ Драгомирова.

Въ статьѣ говорится, что будто М. И. Драгомировъ пригласилъ меня въ качествѣ управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора, не зная лично меня, но полагаясь на то, что я сычъ читимаго имъ лучшаго друга, говорится, что я прослужилъ всего около полутора лѣтъ и что будто-бы М. И. Драгомирову пришлось сожалѣть объ этомъ моемъ сотрудничествѣ, такъ какъ, по словамъ какого-то певѣдомаго мнѣ собесѣдника Драгомирова, „какъ будто обманулъ“ его своимъ уходомъ.

Я прослужилъ при Драгомировѣ не полтора, а три года и сотрудничалъ покойному генералъ-губернатору большую часть времени его пребыванія въ этой должности.

Не мнѣ, конечно, дѣлать оцѣнку этого сотрудничества, но знаю, что М. И. Драгомировъ этимъ сотрудничествомъ всегда оставался доволенъ.

Пригласилъ меня М. И. Драгомировъ, зная меня лично, а не только какъ сына моего отца, бывшаго начальникомъ Академіи Генерального Штаба, память котораго, правда, М. И. Драгомировъ очень чтиль.

Кто же можетъ повѣрить автору, чтобы такой осторожный человѣкъ, какимъ былъ покойный кіевскій генералъ-губернаторъ, пригласилъ бы на столь для него важное мѣсто управляющаго своей канцеляріей человѣка лично ему не знакомаго? Разстался я съ Драгомировымъ также, вопреки словамъ автора, безъ всяаго неудовольствія его на меня. Разстался тогда, когда Михаилъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ о своемъ неуклонномъ намѣреніи оставить постъ генералъ-губернатора.

Правда, я тяготился своей должностю и если находилъ какое-либо утѣшніе въ ней, то только въ постоянномъ общенніи съ такимъ выдающимся по талантливости, всестороннеобразованнымъ и необыкновенно чуткимъ человѣкомъ, какимъ былъ Михаилъ Ивановичъ.

Тяготился же я тѣмъ, что при той централизаціи управлінія, которая гостподствовала у насъ во времена Сипягина и Плеве, на долю генералъ-губернаторскаго управлінія оставалось очень мало самостоятельности.

М. И. Драгомировъ считалъ направленіе внутренней политики при Сипягинѣ и Плеве неправильнымъ и вреднымъ для истиныхъ интересовъ Россіи, протестовалъ противъ нея вездѣ,

гдѣ могъ, дѣлалъ попытки самостоятельного разрѣшенія хотя бы мѣстныхъ вопросовъ, но всегда встрѣчалъ противодѣйствіе въ центрѣ, гдѣ всѣ мѣстные вопросы оказывались непремѣнно связанными съ общими „охранительными“ задачами и вызывали требованія разрѣшенія ихъ, по указаніямъ изъ Петербурга. Я принялъ должность управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора въ надеждѣ на то, что взгляды М. И. Драгомирова на задачи управления мнѣ известны и мною раздѣляемы, будутъ проводиться въ жизнь.

Скоро самъ М. И. Драгомировъ убѣдился въ невозможности проводить самостоятельно свои взгляды и если онъ не ушелъ раньше, то только потому, что какъ военный человѣкъ по преимуществу онъ ставилъ свои обязанности по военному управлению Киевскимъ округомъ на первый планъ и полагалъ, что раздвоеніе власти, по мѣстнымъ условіямъ, затруднить его дѣятельность по военному управлению. При такихъ условіяхъ я, при первомъ упоминаніи Драгомирова о своемъ намѣреніи уйти изъ Киева, заявилъ, что я при возможномъ пріемникѣ его оставаться не намѣренъ. М. И. Драгомировъ, конечно, меня понялъ и не могъ мнѣ не сочувствовать.

Поэтому, если онъ, можетъ быть, и считалъ, что съ точки зрењія обычныхъ представлений о „карьерѣ“ я поступаю „неблагоразумно“, то онъ, глубоко презирающій эти „обычныя воззрѣнія“ и никогда съ нимъ не считавшійся, не могъ не уважать моихъ побужденій.

Послѣ оставленія мною должности управляющаго канцеляріей я неоднократно видѣлся съ М. И. Драгомировымъ, неоднократно и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и пользовался его полнымъ расположениемъ и уваженіемъ, которыми всегда очень дорожилъ.

Говорить при этихъ условіяхъ, что М. И. Драгомировъ могъ считать меня „неблагодарнымъ“ совершенно не приходится.

Я не сомнѣваюсь, что тѣ лица,—а ихъ было довольно много—которымъ я стоялъ поперекъ дороги въ ихъ желаніи эксплоатировать свои связи въ самыхъ многоразличныхъ направленіяхъ и которыхъ въ бытность мою управляющимъ канцеляріей всѣми силами старались поселить у М. И. Драгомирова недовѣріе ко мнѣ, не успѣвъ въ этомъ и не посвященные въ истинныя причины моего ухода, постарались и уходить мой выставлять въ иномъ свѣтѣ. Они могли пытаться поиграть на самолюбіи Дра-

гомирова и выставлять мой уходъ въ неблаговидномъ свѣтѣ „неблагодарности“, но, конечно, имъ это не удалось, и Михаилъ Ивановичъ, не любившій долгихъ объясненій съ такими господами, неспособными понимать чистыхъ побужденій, ограничивался только фразой, приводимой самимъ А. Е. К.: — „иѣтъ, онъ хорошій человѣкъ“.

Для меня эта фраза дороже всѣхъ другихъ характеристикъ, приводимыхъ авторомъ, очевидно, не разобравшимся въ сложныхъ условіяхъ, окружавшихъ дѣятельность М. И. Драгомирова, какъ генералъ-губернатора.

А. Леонтьевъ.

Лѣтопись и мысли стараго пѣдагога ¹⁾.

Возвращаюсь къ первому году открытия интерната. Главная задача при открытии интерната въ новомъ учебномъ заведеніи естественно была создать такую атмосферу въ духовной жизни питомцевъ, которая, переходя въ традиціи и обычай, могла бы служить помощью воспитателямъ и учителямъ въ ихъ работѣ съ послѣдующими поколѣніями. Эта нравственная атмосфера или духъ заведенія служить самимъ могущественнымъ средствомъ для воспитанія индивидуального, подчиняя себѣ быстро и прочно отдѣльныхъ личностей.

Привычка и любовь къ труду, довѣрчивое отношеніе между воспитывающими и питомцами, правильное пониманіе чести и товарищескихъ отношеній, твердость характера, хорошее направлѣніе привычекъ и воли, искреннее отношеніе къ религії и завѣтамъ родной страны, способность поступаться своими интересами на пользу общую,—вотъ главнѣйшія качества, которые считали мы, да безъ сомнѣнія и всѣ безъ исключенія педагоги во всѣ времена, наиболѣе важными и особенно необходимыми въ начальной работѣ. Я хорошо помнилъ слова Пирогова, лично мнѣ сказанныя: „чтобы овладѣть душою ребенка, надо отдать ему, свою душу; чтобы получить его довѣріе, надо вѣрить ему, и помните, что педагогъ—это художникъ, который творить въ душѣ ребенка идеалъ свѣтлой личности“. Слова величественные, но отъ словъ до дѣла еще очень далеко.

Вопросъ сводится къ тому, какъ установить на практикѣ правильное внѣшнее проявленіе и внутреннее отношеніе къ людямъ и миру.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

Конечно, рецептовъ на это нѣтъ, а если и встрѣчаются, то носятъ характеръ общихъ мѣстъ и пожеланій.

Въ моихъ замѣткахъ давно прошедшаго времени я нашелъ упоминаніе о нѣкоторыхъ нашихъ пріемахъ и отдѣльныхъ случаевъ, удачныхъ и неудачныхъ.

Надо замѣтить, что первый годъ пребыванія дѣтей въ закрытомъ учебномъ заведеніи требуетъ особеннаго вниманія со стороны воспитывающихъ. Дѣти, съѣхавшіяся съ разныхъ концовъ Россіи, совершенно другъ другу незнакомыя, представляютъ интересный и удобный матеріалъ для наблюденій, для опредѣленія ихъ характеровъ. Смѣлые и задорныя, сдержанныя, слабыя и трусливыя, великодушныя, мстительныя и злопамятныя, настойчивыя и уступчивыя, трудолюбивыя и лѣнивыя и проч., все эти качества на первыхъ порахъ обнаруживаются легко. Дѣти обыкновенно очень довѣрчивы и привязчивы, если видятъ какое-либо вниманіе и заботу о нихъ новаго человѣка, близко къ нимъ поставленнаго. Воспитателю очень не трудно въ это время сдѣлать почти вѣрную характеристику каждого, съ которою и сообразоваться въ дальнѣйшей своей дѣятельности съ отдѣльными личностями.

Въ младшихъ классахъ мы очень часто читали имъ рассказы, въ коихъ иллюстрировались случаи мужества, отваги, великодушія и честности. Рассказы эти производили сильное впечатлѣніе на дѣтей, и они съ увлеченіемъ искали случаевъ для подражанія и подвиговъ.

Однажды зимой я замѣтилъ на дворѣ кучу нашихъ малышей, возбужденно о чемъ-то толковавшихъ. Я вышелъ къ нимъ и увидѣлъ, что они окружили какого-то оборваннаго мальчика, дрожавшаго отъ холода. Они терли ему руки и лицо, чтобы согрѣть. Воспитанники бросились ко мнѣ и стали рассказывать, что они встрѣтили этого мальчика на улицѣ, онъ очень плакалъ, что у него больная мать и имъ нечего ёсть. Дѣти просили меня, чтобы я позволилъ ему приходить къ нимъ въ столовую, когда они обѣдаютъ. Я позволилъ, и они усиленно стали его откармливать, удѣляя отъ своихъ порцій и снабжая въ изобилии пищею для него и для матери и даже дарили ему игрушки. Нѣкоторымъ я позволилъ пойти посмотретьъ, какъ живутъ эти бѣдные люди.

Случалось намъ указывать на нѣкоторыя семьи служителей, которыхъ бѣствовали. Всегда съ увлеченіемъ воспитанники шли на помощь.

На Рождество иногда устраивали елку для дѣтей прислуги

Но въ то же время питомцы, случалось, были безпощадно жестоки по отношению къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищѣй. Тогда приходилось подробно разспрашивать ихъ о причинахъ и входить въ самыя мельчайшія подробности каждого отдельнаго случая. Очень часто причины преслѣдованія—были несимпатичныя стороны характера преслѣдуемаго. Если его обижали несправедливо, то я отдавалъ его подъ покровительство нѣсколькихъ его товарищѣй и просилъ ихъ заступаться, если онъ былъ не виноватъ. Бесѣды съ воспитанниками были часто продолжительныя, и споры вообще о справедливости и великодушіи горячіе. Дурное отношение къ прислугѣ каждый разъ встрѣчало съ нашей стороны самое строгое порицаніе, а иногда и наказаніе, если виновный по упрямству не хотѣлъ извиниться передъ обиженнымъ. Порицаніе распространялось и на товарищѣй виновнаго за то, что они не умѣли удержать въ границахъ ихъ заносчиваго товарища. Въ большинствѣ случаевъ товарищи оправдывались тѣмъ, что служитель самъ былъ дерзокъ и нельзя было стерпѣть. Возстановить строгую справедливость и правильную оценку обѣихъ сторонъ было очень трудно. Прислуга тоже была не безъ грѣха. Оставался одинъ аргументъ: что невоспитанному человѣку можно больше простить, чѣмъ воспитанному. Для примѣра прочимъ приходилось наказывать и дядьку, и воспитанника.

Онтошенія малыши къ воспитателямъ и преподавателямъ были въ общемъ просты, патріархальны, здѣсь сразу устанавливалось довѣріе и авторитетъ. Единичные случаи не имѣли вліянія на массу.

Религіозное настроеніе дѣтей, благодаря всѣми уважаемому священнику Успенскому, было хорошее. Каждый имѣлъ свой образокъ на кровати и молился утромъ и вечеромъ независимо отъ общей молитвы.

Частые разговоры наши съ дѣтьми объ ихъ семьяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ братьямъ и сестрамъ, подробные рассказы ихъ о мелкихъ событияхъ ихъ дошкольной жизни очень смягчали и прекрасно настраивали ихъ душевное состояніе.

Бывали случаи, что кто-либо изъ воспитанниковъ соблазнялся на чужое добро и похитить у товарища лакомства, ручки, перья, тетради и проч. Всегда этимъ возмущалась вся масса и соблазнившемуся не легко сходило отъ товарищѣй. Намъ оставалось только слѣдить, чтобы не было эксцессовъ. Очень не любили товарищи жалобщиковъ, и мы тоже не поощряли этого. Лучше было, когда взаимныя неудовольствія улаживались самостотельно.

Недобросовѣстное отношеніе къ учебнымъ работамъ не встрѣчало большого порицанія среди товарищѣй. Указанія на безнравственность и отвратительность лжи и обмана, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не имѣли вполнѣ желаемыхъ результатовъ и хотя наши питомцы были правдивы, но въ учебныхъ дѣлахъ контрабанда оставалась.

Такимъ образомъ съ дѣтьми младшаго возраста только-что поступившими въ заведеніе, дѣло пошло какъ будто успѣшно. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю то счастливое время, то простое и ласковое отношеніе къ намъ дѣтей. Отрадно было мнѣ видѣть, какъ дружно тѣснились они около меня и каждый добивался, чтобы я положилъ ему руку на плечо. Перебивая другъ друга, рассказывали свои впечатлѣнія, свои радости и неудачи. Иногда я приходилъ къ нимъ съ кѣмъ-либо изъ ихъ родителей, которые умилялись при видѣ этой картины. Не забуду, какъ одна мать при этомъ заплакала и сказала мнѣ: „Боже мой, Боже мой, какъ они Васъ любятъ и какъ Вы этимъ счастливы“. Дѣти съ удовольствіемъ слушали наши раз cntы. Иногда мы отправлялись съ ними въ дальнія прогулки, разводили костры, пекли картофель, и случалось, возвращались подъ проливнымъ дождемъ, все промокшіе, но оживленные и бодрые духомъ. Счастливое, чудное время!.. Крупныхъ проступковъ совсѣмъ не было, а одно полугодіе было такое, что не встрѣтилось ни одной записи въ журналѣ и мы устроили дѣтямъ въ награду ужинъ. Всѣ воспитатели, учителя и питомцы сидѣли съ ними за однимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Послѣ ужина устроили игры, принявъ въ нихъ участіе.

Учебныя занятія для нѣкоторыхъ были трудны, но воспитатели младшихъ классовъ добросовѣстно шли къ нимъ на помощь, и потому на другой годъ въ тѣхъ же классахъ осталось очень мало.

Наказанія мы въ принципѣ не отвергали, но прибѣгать къ нимъ почти не приходилось.

По мѣрѣ того, какъ малыши выростали и переходили въ старшіе классы, работа значительно усложнялась и начиная уже съ 4 класса формировать хорошия обычай становилось труднѣе. Обнаруживались порочные мальчики, частью поступившіе прямо въ старшіе классы, болѣе или менѣе уже искушенные жизнью. Они вредно вліяли на слабохарактерныхъ и болѣе юныхъ товарищѣй. Являлась скрытность и тайное, а иногда и явное нарушеніе принятыхъ и установившихся порядковъ, неустойчивость въ духовной сторонѣ жизни. Идеалы любви, добра и

правды у нѣкоторыхъ меркли подъ вліяніемъ собственныхъ пробуждавшихъ инстинктовъ и страстей и подъ вліяніемъ факторовъ виѣ заведенія.

Пробуждавшіеся половые инстинкты въ значительной степени отражались на душевномъ настроеніи юношей, складъ ихъ характера и на отношеніи ихъ къ окружающимъ.

Продолжая наше дѣло въ томъ же направленіи, какъ и въ младшихъ классахъ, приходилось чаще практиковать общія чтенія литературныхъ произведеній и бесѣдовать на отвлеченныя темы, съ цѣлью привить въ молодежи стремленіе къ идеаламъ, подражать коимъ они желали, сообразно своимъ природнымъ наклонностямъ, со свойственною этому возрасту пылкостью, но малой устойчивостью.

Чувство солидарности въ товарищескихъ отношеніяхъ росло, но иногда принимало невѣрное направление чаще всего подъ вліяніемъ одного или нѣсколькихъ субъектовъ, обладавшихъ нѣкоторыми данными для вліянія на массу. Обыкновенно я старался сблизиться съ такими юношами, бралъ ихъ къ себѣ по праздникамъ, вводилъ въ свою семью и мало-по-малу перерабатывалъ настолько, что они не только не вредили дѣлу, но подчасъ были полезны какъ проводники хорошихъ мыслей. Эти вожаки были большую частью энергичные, обладавшіе настойчивостью и смѣлостью, съ твердымъ характеромъ и, приобрѣтая благородный образъ мыслей, дѣлались впослѣдствіи весьма хорошими людьми.

Встрѣчались однако же и такие коноводы, которые насы обманывали своею виѣшностью и вносили заразу въ жизнь интерната. Такихъ испорченныхъ и не поддававшихъ было немного, и благоразумнѣе всего было удалить ихъ, ибо появленіе инфекціонныхъ болѣзней какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ требуетъ изоляціи. Для изолированія первыхъ существуютъ особы комнаты при лазаретѣ, для изоляціи вторыхъ помѣщенія не имѣлось. Карцеры для этого не годятся, и нравственная зараза часто распространяется быстрѣе, нежели физическая, ибо нравственные средства для исправленія обыкновенно такъ медленно дѣйствуютъ, что за это время можетъ перепортиться много дѣтей, особенно когда хорошія традиціи въ заведеніи еще не установились.

Иногда неукротимаго, но видимо безвольнаго юношу я поручалъ его товарищамъ, чтобы они за нимъ смотрѣли и заставляли бы его учиться и исполнять порядки заведенія. Говорилъ имъ при этомъ, что только они могутъ спасти его, ибо ему

грозитъ исключеніе. Случалось, что и сами товарищи приходили ко мнѣ просить за пред назначенаго къ исключенію, обязываясь удерживать его отъ проступковъ. Иногда это удавалось, а бывало и такъ, что придутъ товарищи и говорять мнѣ: „Ничего съ нимъ не подѣлаешь, надо его наказать“. „Какъ же вы думаете слѣдуетъ его наказать“, спрашиваю ихъ. Въ числѣ предлагаемыхъ ими мѣръ къ моему удивленію въ среднихъ классахъ были совѣты „посѣчь“.

Въ старшихъ классахъ чувство собственнаго достоинства принимало иногда уродливыя формы. Развивалась болѣзньенная обидчивость. Въ этомъ отношеніи намъ, педагогамъ, надо было имѣть большой тактъ и осторожность. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ насъ далеко не обладали этимъ качествомъ и мало въ душѣ любили дѣтей. Происходили одиночныя стычки, вызывавшія раздраженіе обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ возбуждали общее нерасположеніе своими пріемами. Такъ одинъ все содержаніе своей дѣятельности полагалъ въ изловленіи нарушителей порядка, для чего на циничкахъ подкрадывался къ классу и какъ охотникъ радовался удачѣ. Другой былъ настолько мелоченъ въ своихъ требованіяхъ, что не могъ отличить невинной шалости отъ умышленного и явнаго неповиновенія. Нѣкоторые не могли отречься отъ мысли безпрекословнаго повиновенія и когда воспитанникъ хотѣлъ объясниться въ замѣченной неисправности или проступкѣ, то педагогъ кричалъ: „Молчать, какъ смѣешь разговаривать“. Масса анекдотовъ ходила среди кадетъ по этому поводу. Въ теченіе моего 25 лѣтняго управлениія заведеніемъ, я долженъ былъ отказать 14 воспитателямъ и 6 преподавателямъ, какъ совершенно не подходящимъ къ педагогической дѣятельности. Одиночные случаи конечно легко было улаживать, и они не имѣли вліянія на общій духъ заведенія. Но когда недружелюбныя чувства накаплялись среди воспитанниковъ, то выражался протестъ одновременно многими и появлялись признаки стадности. Неудовольствіе обыкновенно выражалось шиканьемъ по адресу педагога. Въ первые годы существованія заведенія этого не наблюдалось, но въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія повторялось нерѣдко. Разборка этихъ случаевъ была довольно трудна, ибо были и зачинщики безпорядка и было большинство шиковавшихъ безсознательно по стадности въ русскомъ духѣ. Трудно было даже самимъ воспитанникамъ опредѣлить—зачинщикъ онъ или послѣдователь, ибо беспорядокъ происходилъ обыкновенно внезапно безъ уговора. Желая опредѣлить зачинщиковъ, мы стыдили всѣхъ, указывая,

какъ неблагородно и малодушно прятаться за другихъ, особенно для будущихъ воиновъ, которые должны привыкнуть встрѣтить опасность и ответственность лицомъ къ лицу. Въ большинствѣ случаевъ находилось несолько юношей, которые принимали вину на себя иногда, чтобы снять съ товарищѣй упреки въ трусости. Помню, не одинъ разъ вину принимали на себя порядочные мальчики, чтобы спасти действительного виновныхъ плохихъ по своему поведенію, которымъ угрожало строгое наказаніе или удаленіе на попеченіе родителей. Такой случай напр. былъ съ кадетами, переведенными въ нашъ корпусъ изъ 3-го Московскаго корпуса, послѣ происшедшіхъ тамъ крупныхъ беспорядковъ. Пробовали мы оказывать широкое довѣріе старшимъ кадетамъ, поручали имъ надзоръ надъ младшими, отпускали съ ними кадетъ въ театръ и на прогулки. Сколько помню—не было ни одного случая, чтобы довѣріе это не оправдалось и благоприятность соблюдалась въ общественныхъ мѣстахъ. Долженъ сознаться, что мы и родители дѣлали промахи въ способахъ противодѣйствія нежелательнымъ наклонностямъ юношѣй. Думаю, что при той массѣ дѣтей, какая находилась на нашемъ попеченіи, мы можетъ быть не имѣли времени хорошо вдумываться въ каждый отдельный случай и, подъ вліяніемъ общаго теченія, были слишкомъ озабочены внешними дефектами школьнай жизни. Да и не такъ легко на дѣлѣ измѣнить прирожденныя наклонности, свойства характера и результаты дошкольного воспитанія дѣтей.

Были нерѣдко случаи, что работа наша на отдельныхъ личностяхъ не давала благопріятныхъ результатовъ, и мы оказывались безсильными. Тогда оставалось только удалять порочныхъ и не поддающихся исправленію воспитанниковъ. Опасно, а иногда и совершенно невозможно было оставлять ихъ въ заведеніи въ виду грозящаго опасностью вліянія ихъ на своихъ сверстниковъ, съ шаткимъ и безвольнымъ характеромъ. Случай эти, правда, были рѣдки.

Въ теченіе 25 лѣтъ моего пребыванія въ Симбирскомъ корпусѣ возвращено на попеченіе родителей за рядъ проступковъ 19 мальчиковъ. Я долженъ замѣтить, что масса воспитанниковъ молчаливо, но явно признавала справедливость такой мѣры и никакого сочувствія къ исключаемому не обнаруживала. Порочные, а въ особенности безнравственные мальчики не пользовались расположениемъ и уваженіемъ товарищѣй.

Вообще къ наказаніямъ приходилось прибегать довольно часто въ зависимости отъ личныхъ качествъ педагогического

персонала. Не были мы подготовлены къ искусству вынѣшнихъ педагоговъ—обходиться безъ наказаній и дѣйствовать только словомъ и убѣжденіемъ. Наказанія практиковались конечно различныя, сообразно съ возрастомъ. Въ старшихъ классахъ, кромѣ словесныхъ внушеній и воздействиій на совѣсть, нравственную порядочность и самолюбіе, примѣнялось: нарядъ па лишеніе дежурство, карцеръ, лишеніе отпуска на праздники и за крупный проступокъ—лишеніе плечевыхъ погонъ, послѣднее примѣнялось очень рѣдко. Нельзя сказать, чтобы карцеръ и лишеніе отпуска давали всегда благопріятные результаты, бывали и отрицательные. Надо было внимательно въ это всматриваться. Въ среднихъ и младшихъ классахъ карцеръ никогда не примѣнялся. Здѣсь преимущественно господствовала постановка на штрафъ, запрещеніе играть въ свободное время,—а сидѣть на одномъ мѣстѣ, лишеніе отпуска и ограниченіе въ пищѣ, т. е. лишеніе 3-го блюда за обѣдомъ и замѣна бѣлаго хлѣба чернымъ. Обѣщаніе написать родителямъ имѣло всегда хорошее дѣйствіе во всѣхъ классахъ. Тѣлесныя наказанія въ половинѣ 80-хъ годовъ совершенно вышли изъ употребленія.

Случалось, что переводили къ намъ мальчиковъ, исключенныхъ изъ другихъ заведеній въ надеждѣ, что они при другой обстановкѣ исправятся. Это были трудные субъекты, хотя не всегда безнадежные, но въ большинствѣ случаевъ приносившіе много вреда молодому заведенію.

Н. Якубовичъ.

(Продолженіе следуетъ).

Книги, вышедшие по истории и истории литературы съ 27-го марта по 1-е мая 1914 г.

Антикварный книжный магазинъ. С. Н. Котова. № 15. Каталогъ книгъ по истории, археологии, нумизматикѣ, искусству, истории литературы и критики, языкоизнанию и военные. Спб. 1914. Тип. Г. Бернштейна (3 Рождественская, 7-а). 8° (16 × 23). 32 стр. Весь 3 л. 1.500 экз.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Война (дневникъ очевидца). Часть первая. Полное собраніе сочиненій. Томъ. X. Спб. 1914. Изд. Освобожденіе (Невскій, 92), 4-е. Тип. Ствѣрь (Невскій, 140—2). 8° (16 × 22). 237 стр. Ц. 1 р. 25 к. Весь 26 л. 1.200 экз.

Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Тип. Т-ва И. Н. Кущнеревъ и Ко (Пименовская, с. д.). 8° (16 × 22). 299 стр. Ц. 2 р. Весь 1 ф. 2 л. 2.000 экз.

Грековъ, Б. Д. Отчетъ объ осмотрѣ архива Тихвинского большого монастыря. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8 (17 × 26). 24 стр. Весь 5 л. 100 экз.

Замѣтки по истории и географии. Новгородъ. 1914. Тип. Губернская. 16° (11 × 18). 31 стр. Весь 2 л. 60 экз.

Замѣчанія на статьи графа И. И. Толстого о монетахъ Великаго Княжества Московскаго. Отискъ изъ III т. „Нумизматического Сборника“. М. 1911. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 14 стр. Весь 5 л. 100 экз.

Затворницкій, Н. М. Наполеоновская эпоха. Библиографический указатель. Выпускъ I. Спб. 1914. Тип. Тренке и Фюсно (Максимилиановский, 13). 8° (16 × 24). XV + 328 стр. съ рис. Ц. 3 р. Весь 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Орлово, А. С. Иисусова молитва на Руси въ XVI вѣкѣ. Памятники древней письменности и искусства CLXXXV. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18 × 28). 32 стр. Весь 7 л. 475 экз.

Памятная книжка Вологодской губерніи на 1914 годъ. Вологда. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (16 × 23). XV + 163 стр. Весь 11 л. 400 экз.

Пушкиністъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. проф. С. А. Венгерова. I. Спб. 1914. Тип. А. Ф. Дресслера (Б. Подъяческая, 22). 8° (16 × 24). XXIV + 239 стр. Ц. 1 р. 25 к. Весь 30 л. 1.000 экз.

Русский биографический словарь, Гаагъ-Гербелъ. Подъ ред. Н. Н. Чулкова. М. 1914. Изд. Имп. Русск. Историч. Об-ва Тип. Г. Лисснера и д. Собко (Вознесенка, Крестово-воздвиженскій пер., 9). 8° (19 × 27). 494 стр. Весь 2 ф. 12 л. 1.250 экз.

Аннинскій, Д. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, какъ моралистъ. Лекціи, читанные въ Москвѣ и Рязани. Рязань. 1914. Тип. Братства св. Василія. 8° (17 × 25). 150 стр. Складъ: у автора (Г. Спасскъ, Рязанск. губ.). Ц. 65 к. Весь 13 л. 2.000 экз.

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. Письма къ В. А. Гольцеву Г. И. Успенскаго, В. Г. Короменко, Н. К. Михайловскаго, М. Е. Салтыкова, П. Ф. Якубовича, Н. Ф. Анненскаго, В. В. Лесевича, Н. В. Шельгунова, А. Савичевскаго, Д. Н. Мамина-Сибиряка. М. 1914. Изд. К-ва писателей (Никитский бульв., 10). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (15×22). 315 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 2.100 экз.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 1-я. Томъ VIII, вып. 1-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-русовъ съ протестантами и латино-уніатами въ Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. Кіевъ. 1914. Изд. Коммісіи для разбора древнихъ актовъ. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×27). II+12+798 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 3 ф. 10 л. 600 экз.

Баіовъ, А. и Марковъ, С. Конспектъ по истории военного искусства въ Россіи. Спб. 1914. Тип. Имп. Ник. воен. акад. (Суворовскій пр., 32-б). 8° (17×25). 82 стр. Вѣсъ 10 л. 250 экз.

Бобрина ской, А. А., гр. Народная русская деревянная издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. XII-й, дополнительный. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.), фототипіи Н. П. Чавлова. 4° (29×40). 8 стр.+37 табл. рис. Складъ: (М. Никитская, 12). Ц. 5 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 600 экз.

Городцовъ, В. А. Руководство для археологическихъ раскопокъ. М. 1914. Изд. Московск. Археол. Института. Тип. А. П. Снегиревой. 8° (15×22). 63 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Ефимовъ, Н. И. Исторические устои Верховной Власти Дома Романовыхъ. Рѣчъ, произнесенная на торж. актѣ Симбирской I мужской гимназіи 21 февраля 1913 г. Симбирскъ 1914. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 43 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Заозерскій, Н. А. Чтенія по русской литературѣ. М. 1914. Изд. Реальн. уч., учрежд. Н. Г. Барановымъ. Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (16×25). VIII+123 стр. Съ портр. Ц. 65 к. Вѣсъ 17 л. 200 экз.

Исторія Россіи въ картинахъ. Текстъ подъ ред. С. П. Моравскаго къ альбому изъ 33 картинъ. М. 1912. Изд. и тип. Тов. И. Д. Сытина (Якиманка д. Кириллова). 8° (15×22). 99 стр.+альбомъ въ 33 листа. Ц. 5 р. Вѣсъ 4 ф. 18 л. 5.000 экз.

Клименко, Ф. В. Западно-русские цехи XVI—XVIII вв. (Оттискъ изъ „Университ. Извѣстій“ за 1912 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25) IV+166 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 18 л. 200 экз.

Коробкинъ, С. Саввинъ Сторожевскій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. М. 1914. Изд. З-е. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, с. д.). 8° (15×22). 32 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 4.000 экз.

Ладыженскій, Вл. Н. Исторія русской литературы для школы и народа. Спб. 1914. Изд. М. Семенова (Поварской, 10) З-е испр. и доп. Тип. Печатный Трудъ (Прачечный, 4). 8° (14×21). 193 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 21 л. 4.200 экз.

Лашкаревъ, О. Н. М. Ю. Лермонтовъ (1814—1841). Общиі обзоръ творчества. Содержаніе: 1. Субъективность творчества Лермонтова и ея причины. 2. Характерныя черты лирики. 3. Сатиры Лермонтова. 4. Краткий обзоръ эпическихъ произведений. 5. Байронизмъ Лермонтова. 6. Значеніе Лермонтова въ исторіи русской литературы. Черкассы. 1914. Изд.

автора Тип. И. Слуцкаго (Александровская ул.). 16° (11×17). 30 стр. Ц. 25 к. Весь 3 л. 100 экз.

Львовъ, Г. Е.. кн. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. М. 1914. Изд. 5-е, издат. Задруга (Нижн. Кисловка, 1). Тип. И. И. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (15×23). 60+4 иен. стр. Ц. 12 к. Весь 5 л. 30.000 экз.

Москва въ ея достопримѣчательностяхъ. Исторический музей Н. и В. Щербаковыхъ. Библиотека экскурсионного вѣстника, подъ ред. С. И. Гинтова и И. Н. Бородина, № 2. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., 9). 16° (12×17). 37 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Весь 3 л. 3.000 экз.

Московскій художественный театръ. Исторический очеркъ его жизни и дѣятельности. Т. I. (1891—1905 г.г.). М. 1914. Изд. журн. „Рампа и Жизнь“, 2-е. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 4° (24×31). 110+1 иен. стр. Съ портр. Ц. 2 р. Весь 29 л. 1.000 экз.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранившихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга восемнадцатая. М. 1913. Тип. Синодальная. 8° (19×27). 500+110 стр. Ц. 3 р. 50 к. Весь 2 ф. 4 л. 350 экз.

Протоколъ особой комиссіи, образованной изъ членовъ Сиб. Ученой Архивной Комміссіи по пересмотру описей, подлежащихъ уничтоженію дѣламъ правительственныхъ учрежденій Ямбургскаго уѣзда. Спб. 1914. Тип. Губернскага (ул. Глинки, 8). 8° (17×24). 18 стр. Весь 4 л. 200 экз.

Прыжовъ, П. Г. Исторія казаковъ въ Россії въ связи съ исторіей русскаго народа. Историческая библиотека. Казань. 1914. Изд. издат. Молодыя силы, 2-е. Тип. В. В. Вараксина. 8° (16×24). 282 стр. Ц. 2 р. Весь 30 л. 2.000 экз.

Справочная книжка и адресъ-календарь Симбирской губерніи на 1914 годъ. Симбирскъ. 1914. Изд. Губ. статист. комитета. Тип. Губ. правлінія. 8° (17×24). 264 стр. Ц. 1 р. Весь 25 л. 600 экз.

Толстой, Илья. Мои воспоминанія. М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×22). 274 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Весь 1 ф. 5.000 экз.

Чадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Т. II. Подъ ред. М. Н. Гершензона. М. 1914. Изд. К-ва Путь. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 8° (16×25). VIII + 342 стр. Весь 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 3 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Т. П. М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (18×27). 417—558+75+15+55 стр. Ц. 5 р. (за два тома). Весь 1 ф. 21 л. и табл. 18 л. 400 экз.

Шереметевъ, Павелъ, гр. Владиміръ Петровичъ Шереметевъ. 1668—1737. Съ 18 фототипіями, 3 цинкографіями и двумя родословными таблицами. Т. I. М. 1913. Тип. Синодальная. 8° (18×27). X+416 стр. Ц. 5 р. (за два тома). Весь 2 ф. 22 л. 400 экз.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ герой Севастопольской войны. М. 1914. Изд. Е. Коноваловой и К° (Лубянско-Ильинскія торг.

помѣща., 6—8). Тип. Н. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14) 18° (11×17). 108 стр. Вѣсь 3 л. 12.000 экз.

Боратынскій, Е. А. Полное собрание сочиненій. Подъ ред. и съ примѣч. М. Я. Гофмана. Томъ 1. Академическая библиотека русскихъ писателей. Спб. 1914. Разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ Тип. Имп. Акад. Наукъ и Государственная. 8° (16×23). ХС+ 336 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 1 ф. 28 л. 7.010 экз.

Васильевъ, А. В. Николай Ивановичъ Лобачевскій (1793—1856). Спб. 1914. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (13×20). 127 стр. Вѣсь 10 л. 150 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. проф. К. И. Величко, В. О. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина, Г. К. фонъ-Шульца. Вып. XXIX (Линтулакъ - Маневренная крѣпость). Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (М. Цятницкая, соб. д.) 8° (19×28). 160 стр. Съ портр., рис., план., карт. и чертеж.+20 лист. рис., портр., чертеж., план. и карт. Вѣсь 1 ф. 7 л. 4.000 экз.

Георгіевскій, В. Т. Фрески Панселина въ Протатѣ на Аѳонѣ. Альбомъ съ 32 таблицами фототипій и 3 цветными снимками по способу Люмьера. Спб. 1914. Изд. Импер. Русск. Археолог. Общ. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×34). 7 стр.+35 табл. рис. Вѣсь 2 ф. 15 л. 600 экз.

Дмитріевъ, С. И. Первая морская побѣда Русского Флота. Къ 200-лѣтнему юбилею Гангутскаго сраженія. 1714—1914 г. Очеркъ для школьн., войскъ и народа. Спб. 1914. Тип. К. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17×25). 48 стр. Съ рис. Вѣсь 7 л. 10.000 экз.

Ізвѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1913 г. Томъ XVIII. Книжка 4-я. Спб. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас., Остр., 9 лин., 12). 8° (16×25). 384+VII стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 15 л. 813 экз.

Памятная книжка Императорской Академіи Наукъ на 1914 годъ. Спб. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 16° (10×15). IV+245 стр. Вѣсь 14 л. 416 экз.

Памятники первыхъ лѣтъ Русскаго старообрядчества. Ш. В. Г. Друшининъ. Чустозерскій сборникъ. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×26). 25 стр. Вѣсь 4 л. 100 экз.

Пановъ, К. Популярная исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. № 1, 2 и 3. Томъ 1. Спб. 1914. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. К. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17×23). 157 стр. Съ рис. Вѣсь 13 л. по 2.000 экз.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Пироговскаго Т-ва. (Кievъ). Тип. Т-ва Колѣйка (Лиговская, 34). 8° (17×26). 1010 столбц. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 2 л. 5.000 экз.

Рошфоръ, де, Марія, граф. Анна Ярославна. Французская королева. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Изд. жур. Наша Старина (Каменоостровскій, 26) Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (16×25) 17 стр. Съ 3 рис. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 3.000 экз.

Рыльскій, К. Краткое описание Русско-Шведской войны 1808—1809 г. г. Чтеніе для войскъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 2-ое испр. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (16×24). 61 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 9 л. 2.000 экз.

Системы народного образования въ ихъ историческомъ развитии. Курсъ Н. Сперанского. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Ни-меновская, с. д.). 8° (16×22). 11 стр. Весь 2 л. 150 экз.

Сухаревъ, Т. А. Развитіе національного самосознанія въ древней Руси. Краткій научно - популярной очеркъ. Раненбургъ. 1914. Тип. Бр. Колпаковыхъ. 8° (15×23). 150 стр. Весь 11 л. 1.000 экз.

Сѣрова, В. С. Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанія. Спб. 1914. Изд. издат. Шиповникъ. Тип. Двигатель (Казначайская, 6), 8° (20×26). 375 стр. съ 10 рис. Ц. 2 р. 25 к. Весь 2 ф. 12 л. 3.700 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ VI (XV). Храмоздатели и ревнители церковного Благодѣлія. М. 1911. Тип. Л. В. Пожидаевой (Б. Дмитровка, 23). 8° (18×27). 64 стр. Весь 19 л. 500 экз.

Библіографическая летопись. Императорское общество любителей древней письменности. I. Спб. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43), 8° (14×28). VII+147 стр. Весь 1 ф. 6 л. 600 экз.

Верещагинъ, А. В. Памяти прошлого. Статьи и замѣтки. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ. 4° (20×28) 211 стр. Съ рис. Ц. 5 р. Весь 3 ф. 12 л. 1. 550 экз.

Врангель, Н. Н., бар. Памяти Петра Петровича Семенова-Тянъ-Шанскаго. Спб. 1914. Изд. Общ. защиты и сохр. въ Россіи памят. искусствства и старины. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (19×28). 30 стр. Съ рис. Весь 26 л. 700 экз.

Голубевъ, С., проф. Очерки по истории царствованія Михаила Федоровича. Часть 1-я. Спб. 1914. Тип. Синодальная. 8° (17×25). 9 стр. Весь 2 л. 100 экз.

Лазаревскій, И. в. Среди коллекціонеровъ. Спб. 1914. Изд. А. Н. Грамматикова. Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17×23). 163 стр. съ рис. Весь 1 ф. 10 л. 1.500 экз.

Либровичъ, С. Ф. Оперникъ царя Михаила Федоровича Романова. Исторический очеркъ. Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 8° (15×20), съ рис. Ц. 25 к. Весь 5 л. 3.000 экз.

Лукомскій, В. К. Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Спб. 1914. Изд. С. Н. Митусова. Тип. Сенатская. 8° (18×26). 138 стр. съ портр. Ц. 3 р. Весь 1 ф. 10 л. 500 экз.

Русский биографический словарь. Нааке-Накенскій—Николай Николаевич Старший. Спб. 1914. Изд. Имп. Русск. Истор. Об-ва. Тип. Главнаго Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×28). 368 стр. Ц. 3 р. Весь 1 ф. 25 л. 1.250 экз.

Рыльскій, К. Краткое описание Русско-Шведской войны 1808—1809 г. г. Чтеніе для войскъ. Спб. 1914. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 2-е испр. Тип. В. Безобразова (В. О., Большой пр., 61). 8° (17×24). 61 стр. Съ рис. и карт. Ц. 30 к. Весь 9 л. 2.000 экз.

Этюды изъ жизни Артиллерійскаго Кружка въ періодъ 1863—1876-хъ годовъ. Перепечатка изъ книги Леокадіи Дитерихсъ. Юбилей Давыда Егоровича Дитерихса 1890 г. Варшава. 1914. Тип. Окружнаго Штаба (Саксонская пл., 7). 8° (14×23). 33 стр. Весь 7 л. 250 экз.

(Продолжение следуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ
АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Записки графа Г. И. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. В. Тимошукъ	35—47
II. Изъ семейной хроники. Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 г. г. А. П. С.	85—119
III. Воспоминаніе о Бухариныхъ. В. Лѣсницкой	128—138
IV. Изъ воспоминаній старого казанского студента. И. в. Мѣщанинова	139—145
V. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ М. В. Станиславскаго	149—158
IV. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова	171—172, 528—531
II. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго	178—203
VIII. Поездка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1874—1878 гг. (Съ примѣч. П. Д. Воейкова). Графа Н. П. Игнатьева	4—19, 238—246, 443—458
IX. Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко. Сооб. Н. Макшеева	305—308
X. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева. Кн. М. В. Волконской	312—332
XI. Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана	333—355

XII. Виленскія воспоминанія. Алексѣя Гене.	418—434,	580—610
XIII. Воспоминанія иностранцевъ о пребываніи Императора Николая I за границей. М. В. Станиславскаго		459—469
XIV. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и пере- писка О. А. Новиковой		514—524
XV. Въ Задонскихъ степяхъ. М. Кирсанова .	548—579	
XVI. Лѣтопись и мысли старого педагога Н. Яку- бовича		615—622

**Изслѣдованія. — Исторические и биографические
очерки.—Переписка.—Разсказы.—Материалы и за-
мѣтки.**

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 г.		
II. Страницка семейной хроники. Вячеслава Шахматова		20—34
III. Письма И. А. Гончарова къ А. В. Ники- тенку, подъ ред. и съ прим. В. Яковлева.	48—59	
IV. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ. В. Случевскаго	60—67	
V. Лирика Е. А. Боратынского. М. Л. Гоф- мана	68—77, 372—382,	501—513
VI. Оклеветанный сатирикъ А. Е. Кауфмана.	78—84	
VII. Освобожденіе Скальда. Скандинавская по- вѣсть. Н. Лернера	120—127	
VIII. Петръ Великій лѣкарь. Сооб. д-ръ Л. Про- зоровъ	146—148	
IX. Инженеръ - генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ. А. Е. К.	159—169	
X. Изъ далекаго прошлаго. Сооб. В. П. Федо- ровъ	170	
XI. Письмо А. І. Іевреинова о сооруженіи па- мятника побѣдамъ Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ. Александра Іевреинова.	204—205	
XII. Буйство иноземца въ г. Вологдѣ. Сооб. Ив. Суворовъ	206	
XIII. Сто пятьдесятъ четыре человѣка потомства священника. Сообщ. З. И. Тюменъ	207—208	

XIV. Выписка изъ „Синодика или заповѣди святого и великаго Никейскаго собора“ Сооб.	
С. Фарфоровскій	209—210
XV. Книги вышедшия по исторіи и исторіи литературы съ 12 февр. по 6 марта 1914 г.	211—216
XVI. Сообщеніе въ память Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 года Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. А. Н. Куломзина	219—237
XVII. Къ исторіи Императора Павла. Сооб. Е. С. Шумигорскій	247
XVIII. Устройство быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ Калишкою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—1870 г. Н. Полевого.	248—304
XIX. Матеріалы по изслѣдованию войны 1812 г. Отзывъ генералъ-лейтенанта Тормасова князю Багратіону съ приложеніемъ письма (неизвѣстнаго) изъ Бреславля. Сооб. Б. Колюбакинъ	309—311
XX. Асканія—Нова въ ея прошломъ и настоящемъ. Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи. П. Козлова	356—371
XXI. Мои отношенія къ штабу отдѣльного корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилю г. Аксакову. Н. П. Хитрово	383—391
XXII. Поездка въ Наблусъ (Сихемъ) Дневникъ профессора В. А. Левисона. Василия Левисона	392—409
XXIII. Шейхъ-Мансуръ Анапскій. (Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа). М. Я. Королькова	410—417
XXIV. Книги, вышедшия по исторіи и исторіи литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г.	435—440
XXV. Подонки родицы. П. Владиславлева . .	470—475
XXVI. Памяти Н. Н. Обручева. А. Бильдерлинга	476—493
XXVII. Адресъ, поднесенный ген.-адъют. Обручеву въ день 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ.	493—498
XXVIII. Письмо графа Д. А. Милютина Н. Н. Обручеву	498—500

XXIX. Не дошедшее по адресу письмо. Сообщ. Н. Максимовъ	525—527
XXX. Князь П. С. Мещерский. Сообщ. В. Корсакова.	532—538
XXXI. Донесенія датскаго посланника графа Гакстгаузена. Сообщ. Г. С. Шумигорскій	539—547
XXXII. По поводу статьи А. Е. К. „М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ“. А. Леонтьева	611—614
XXXIII. Книги, вышедшия по истории и истории литературы съ 27 марта по 1-е мая 1914 г.	623—627

Приложение.

- I. Портретъ М. Е. Салтыкова (при 4-й книгѣ).
- II. Портретъ П. И. Шахматовой (тамъ же).
- III. Портретъ М. И. Безобразовой (тамъ же).
- IV. Портретъ Велик. Кн. Владимира Александровича (при 5-й книгѣ).
- V. Три рисунка къ ст. „Асканія-Нова“ (тамъ же).
- VI. Портретъ Н. Н. Обручева (при 6-й книгѣ)

Библіографический листокъ.

1. Н. Модестовъ. Бывшій префектъ гродненской гимназіи, іеромонахъ Доминиканского ордена, Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Историч. очеркъ. Оренбургъ, 1913 г. (на обложкѣ апрѣльской книги).
2. М. О. Ковалевскій. Древній Востокъ и первобытная Греція. 2-ое и исправл. изд. Казань. 1914 г. (тамъ же).
3. П. Дульскій. Памятники казанской древности. Изд. С. В. Соломина. Казань. 1914 г. (тамъ же).
4. Кн. Г. Е. Львовъ и Т. И. Полнеръ. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. Книгоиздательство „Задруга“ М. 1914 г. (тамъ же).
5. „Къ 50-лѣтию земскихъ учрежденій“. Къ истории организации и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губ. Изд. Саратовъ губернс. учен. архивной комиссіи. Саратовъ. 1914 г. (тамъ же).

6. И. Андріановъ. Походъ Румянцева къ Дунаю въ 1770 г. Ларго-Кагульская операція (тамъ же).
  7. Біографический очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго. С.-Петербургъ. 1914 г. (на обложкѣ майской книги).
  8. Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Въ двухъ томахъ. Книгоиздѣво „Путь“. М. 1913, 1914 г.г. (тамъ же).
  9. „Вадимъ Невгородскій“. Трагедія Я. Княжнина. Съ предисловіемъ В. Саводника. М. 1914 г. (тамъ же).
  10. Князь Федоръ Долгорукой. Родословный сборникъ. Выпускъ I. Спб. 1913 г.—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Спб. 1913 г.—Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи (тамъ же).
  11. И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-ое, издѣства „Молодая сила“. Казань. 1914 г. (тамъ же).
  12. Великий князь Николай Михайловичъ (Русскій Принципіальный Некрополь. Томъ I. М. 1914 г.) (на обложкѣ юньской книги).
  13. Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. (Сборникъ. Томъ XVI, выпуски I и II. Нижний Новгородъ, 1913) (тамъ же).
  14. П. И. Бартеневъ. (Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Цѣна 1 р. 50 к.) (тамъ же).
  15. Книга для чтенія по древней исторіи. (Ч. II. Римъ—республика. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Задруга“. м. 1913) (тамъ же).
-

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. (Сборникъ. Томъ XVI, выпуски I и II. Нижній-Новгородъ. 1913).

Кромѣ обычной хроники дѣятельности комиссіи и ея историческихъ материаловъ и документовъ по краевой исторіи, въ новые выпуски „Сборника“ вошли, между прочимъ, интересное изслѣдованіе М. И. Смирнова „Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столѣтія“, статьи Н. И. Драницына „Материалы къ исторіи Нижегородской ярмарки“, Д. П. Даѣпровскаго „Духовныя школы въ Нижнемъ-Новгородѣ предъ открытиемъ семинарии (1721 — 1738 гг.)“, А. И. Садова „Изъ воспоминаній о сельской жизни и школьномъ бытѣ 60 — 50 лѣтъ назадъ“. Н. И. Драницынъ продолжаетъ описание старыхъ дѣлъ Сенатскаго архива, относящихся до сѣвернаго Поволжья. Въ нихъ встречаются любопытныя бытовыя черты, особенно изъ жизни духовенства; такъ, въ 1820 г. „пономарь Филипповъ 27 марта на Пасху у обѣдни, читая на амвонѣ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ слова: „пьяни суть есть бо часъ третій дне“, присовокупилъ къ тому: „а теперь седьмой часъ! и чо и мнѣ не быть пьяну?“, уголовная палата опредѣлила наказать пономаря плетьми“.

П. И. Бартеневъ. (Пушкинъ въ Южной Россіи. М. 1914. Щѣна 1 р. 59 к.).

Изслѣдованіе покойнаго Бартенева, впервые напечатанное въ „Русской Рѣчи“ 1861 г., а потомъ перепечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., появляется теперь въ отдельномъ изданіи. Кругу лицъ, занимающихся Пушкинымъ, оно очень полезно, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ устарѣло. Къ сожалѣнію, оно не подверглось въ наши дни должному редакторскому пересмотру, въ которомъ несомнѣнно нуждается; не исправлены давно раскрытыя ошибки, не объяснены различные инициалы.

Книга для чтенія по древней исторіи. (Ч. II. Римъ—республика. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Задруга“. М. 1913).

Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ развивать въ учащихся любовь къ знанію — воздействіе на воображеніе. Полудѣти и подростки (книга предназначена для учениковъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній) съ трудомъ усваиваютъ общія положенія и сложныя схемы. Имъ нужны картины, богатыя красками, конкретные образы. Прежде чѣмъ показывать имъ, чему учить та или иная жизнь, надо показать воочію эту самую жизнь. Ближайшій путь къ юному, еще неопытному разуму — черезъ художественное восприятіе. Современная школа сознаетъ это, и число соответствующихъ пособій по разнымъ отраслямъ знанія растетъ. По исторіи древняго міра самымъ лучшимъ является эта книга, вторая часть которой (первая, вышедшая въ прошломъ году, отведена первобытной культурѣ, Востоку и Греціи) посвящена республиканскому Риму. Составители умѣло выбрали материалъ, осѣщающій бытъ, учрежденія, события, хорошо подобрали иллюстраціи; правда, въ масштабѣ не соблюдена должная равномерность частей, но этому причиной — скучность существующаго на русскомъ языке материала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подпіска принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подпіска принимается для городскихъ подпісчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. Вольфъ, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: И. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ истории русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Исторические разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подпісавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подпісчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присыпать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
его жизнъ и дѣятельность“,**

съ предисловіемъ и подъ редакціи Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., 7.

